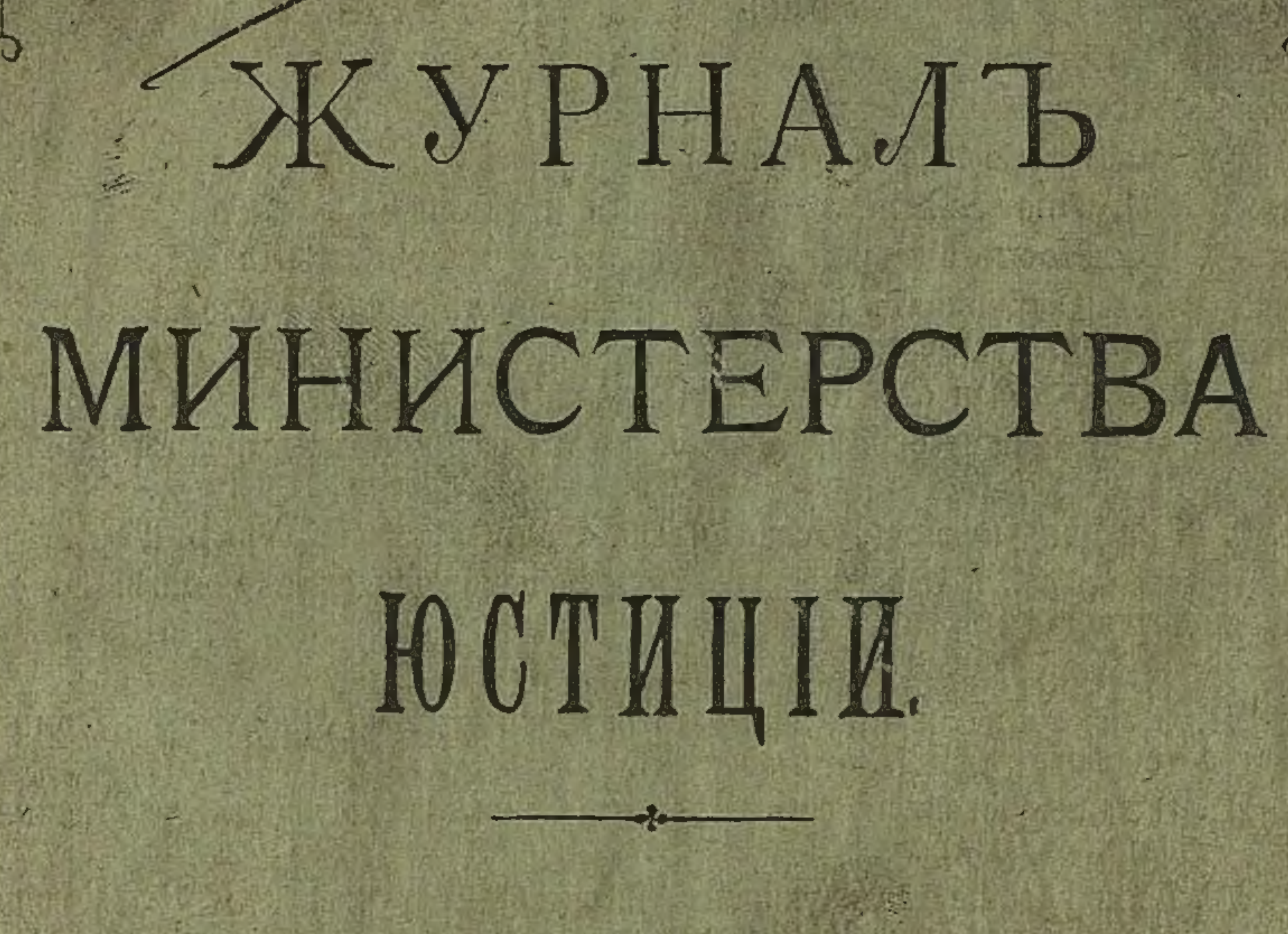
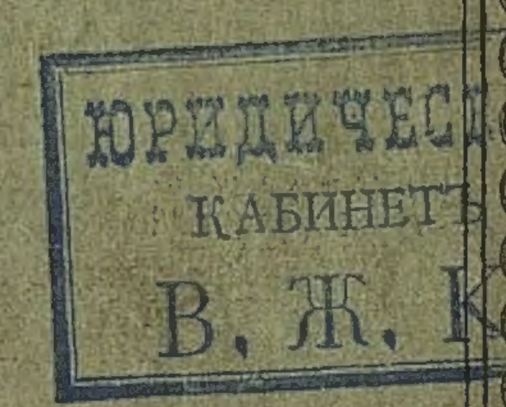

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

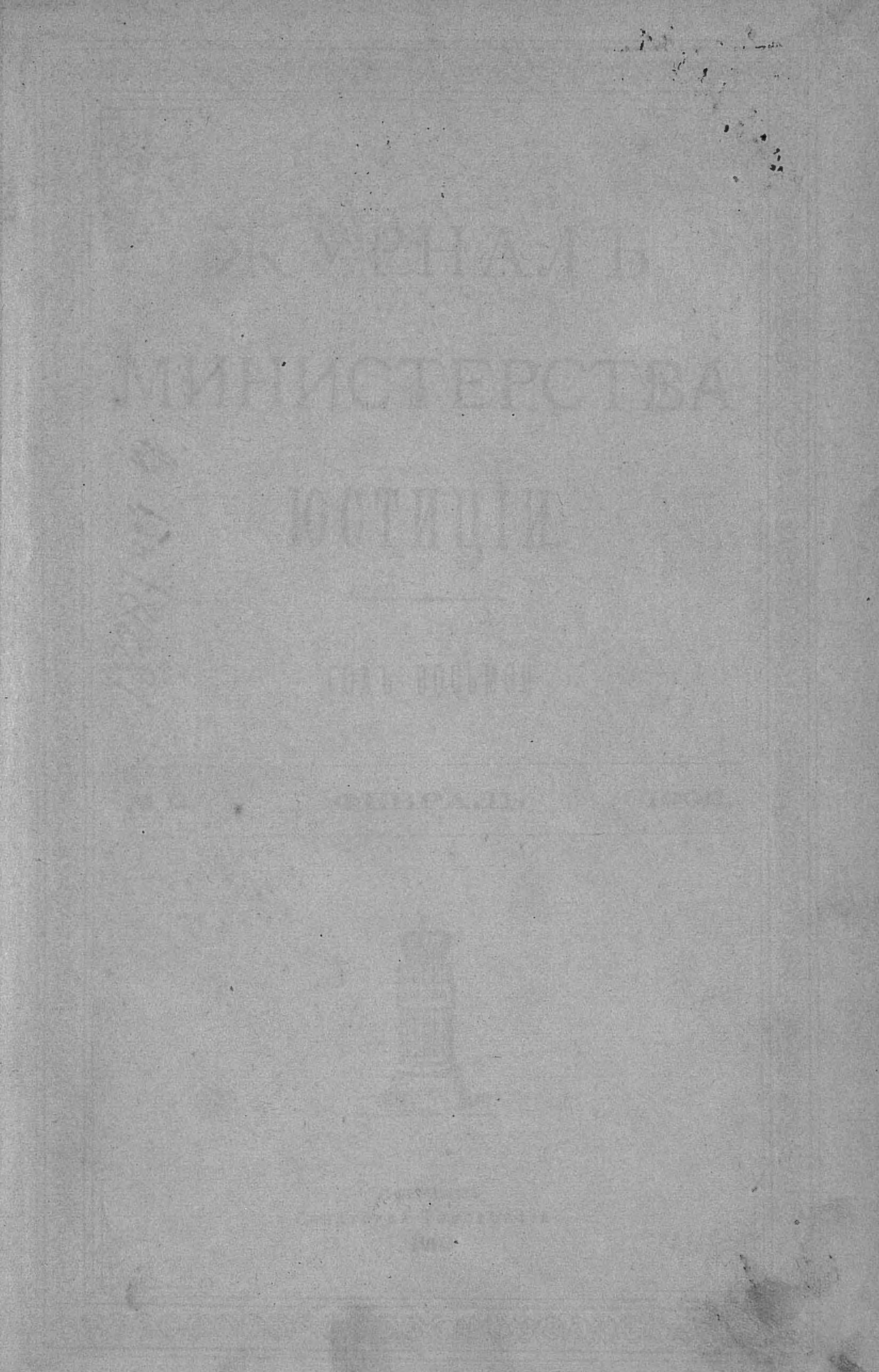
ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 2. ФЕВРАЛЬ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦІИ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ФЕВРАЛЬ

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 2. ФЕВРАЛЬ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1902 г.

Отд. I. № 1, I, 1; № 2, I, 3; № 3, I, 4; № 4, I, 8; № 5, I, 10; № 6, I, 11; № 7, I, 15; № 8, I, 18; № 9, I, 22.

Отд. II. № 1, I, 14.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. II. Пол. Зем. Учр.

Отд. I. № 7, ст. 36. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ уменьшеніи для Евпаторійскаго уѣзда Таврической губерніи земельнаго ценза. № 8, ст. 60. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ увеличеніи числа гласныхъ отъ дворянъ по Юрьевецкому уѣзду.

Т. IV. Уст. Зем. Пов.

Отд. I. № 8, ст. 58. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). О размѣрѣ отпуска освѣщенія въ лазаретныя помѣщенія военнаго вѣдомства. № 8, ст. 61. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ отнесеніи устройства и ремонта приспособленій въ штабныхъ цейхгаузахъ на обязанность учрежденій и лицъ, получающихъ квартирные оклады.

Т. V. Уст. Акц. Сбор.

Отд. I. № 1, ст. 2. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). О причисленіи Балаханскаго полицеймейстерства, Бакинскаго уѣзда, къ первому

разряду мѣстностей Закавказья, по взиманію патентнаго сбора съ заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ.

Т. VI. Уст. Тамож.

Отд. I. № 1, ст. 3. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). Объ измѣненіяхъ въ устройствѣ таможенной части въ средней Азіи.

Т. VIII, ч. 1. Уст. Лѣсн.

Отд. I. № 1, ст. 1. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). О предоставленіи Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ разрѣшать безденежные и льготные отпуски казеннаго лѣса нуждающимся сельскимъ обществамъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ бѣдствій.

Т. VIII, ч. 2. Уст. Счетн.

Отд. I. № 9, ст. 84. Пол. Опек. Сов. (20 ноябр. 1901 г.). О дополненіи Высочайше утвержденныхъ смѣтныхъ правилъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Т. XI, ч. 2. Уст. Пром.

Отд. I. № 6, ст. 35. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). О распространеніи правилъ о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ на Тифлисскую губернію.

Т. XII, ч. 2. Уст. Сел. Хоз.

Отд. I. № 9, ст. 82. Пол. Воен. Сов. (9 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи положенія о станичномъ подворномъ коневодствѣ въ Кубанскомъ и Терскомъ казачьихъ войскахъ.

Т. XIII. Уст. Врач.

Отд. I. № 7, ст. 51. Выс. Пов. (8 ноябр. 1901 г.). О предоставленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ права разрѣшать примѣненіе статьи 4 Высочайше утвержденныхъ, 3 іюня 1897 года, правилъ въ тѣхъ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ, въ коихъ принимаются особыя предупредительныя противъ заноса чумы мѣры.

Т. XVI, ч. 1. Прав. Суд. Част. Земск. Начальн.

Отд. I. № 1, ст. 5. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Уфимскомъ уѣздѣ второй должности уѣзднаго члена окружнаго суда (I). № 7, ст. 37. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). Объ

учрежденіи въ Херсонскомъ уѣздѣ третьей должности уѣзднаго члена окружнаго суда (I).

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Отд. I. № 1, ст. 6. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи числа судебныхъ слѣдователей Варшавскаго, Петроковскаго и Люблинскаго окружныхъ судовъ. № 1, ст. 7. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи въ составѣ Одесской судебной палаты одной должности секретаря и объ упраздненіи при той же палатѣ одной должности помощника секретаря. № 1, ст. 8. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ усиленіи штата Владивостокскаго окружнаго суда и увеличенія числа мировыхъ судей Приморской области. № 1, ст. 9. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ Московскаго нотаріальнаго архива. № 2. ст. 11. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій въ Закавказьѣ. № 2, ст. 12. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ усиленіи штатовъ окружныхъ судовъ округа Одесской судебной палаты. № 2, ст. 13. Мн. Гос. Сов. (25 дек. 1901 г.). Объ усиленіи штата Тифлисской судебной палаты. № 5, ст. 29. Мн. Гос. Сов. (29 дек. 1901 г.). О продолженіи на два года отпуска средствъ на содержаніе редакціонной коммисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. № 7, ст. 38. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Маріуполѣ, Екатеринославской губерніи, третьей должности городскаго судьи. № 7, ст. 39. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). О сохраненіи въ составѣ Кіевской, Виленской и Харьковской судебныхъ палатъ временныхъ гражданскихъ департаментовъ. № 7, ст. 40. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г). Объ усиленіи штата Московской судебной палаты. № 7, ст. 41. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи окладовъ содержанія участковымъ мировымъ судьямъ города Кіева. № 8, ст. 62. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ округа Иркутской судебной палаты. № 8, ст. 63. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ увеличеніи канцелярскихъ средствъ города Лодзи и объ усиленіи штата мироваго съѣзда III округа Петроковской губерніи.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 3, ст. 14. (24 ноябр. 1901 г.). Выс. пов. О вступленіи Военнаго Министра въ исполненіе обязанностей по высшему завѣдыванію частями войскъ, пополняемыми преимущественно финляндскими уроженцами. № 7, ст. 42. Пол. Воен. Сов. (14 сент. 1901 г.) О распространеніи на военныхъ врачей, причисленныхъ къ 1 и 2 классамъ раненыхъ, права на прогоны при увольненіи отъ службы, наравнѣ съ офицерскими чинами. № 7, ст. 43. Пол. Воен. Сов. (29 сент. 1901 г.) О дополненіи правилъ для учебныхъ сборовъ нижнихъ чиновъ запаса. № 9, ст. 83. Пол. Воен. Сов. (18 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи штата Главнаго Военно-Суднаго управленія.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Отд. I. № 8, ст. 69. Выс. пов. (1 дек. 1901 г.). Объ открытіи должностей помощника управляющаго Мургабскимъ Государевымъ имѣніемъ и начальника Мургабскаго удѣльнаго хлопко-очистительнаго завода и объ упраздненіи должности переводчика при названномъ имѣніи. № 8, ст. 70. Выс. пов. (1 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи должности врача при штатѣ Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 4, ст. 19. Пол. Ком. Мин. (9 ноябр. 1901 г.). О включеніи въ черту гор. Нарвы, С.-Петербургской губерніи, участка имѣнія Нетебергъ. № 4, ст. 20. Пол. Ком. Мин. (9 ноябр. 1901 г.). О включеніи въ черту гор. Котельнича, Вятской губерніи, Ердяковской Пустоши, Шуршонка тожъ. № 5, ст. 27. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи содержанія двумъ должностямъ помощниковъ управляющаго Земскимъ отдѣломъ. № 5, ст. 30. Пол. Ком. Мин. (21 дек. 1901 г.). О сохраненіи въ силѣ на 1902 годъ дѣйствующей нормальной оцѣнки гуртоваго скота, а также временно установленнаго размѣра процентнаго сбора съ гуртоваго скота, передвигающагося въ предѣлахъ Закавказья и Азіатской Россіи. № 8, ст. 52. Имен. ук. (11 ноябр. 1901 г.). Объ отчужденіи для надобностей канализаціи города Москвы двухъ земельныхъ участковъ. № 8, ст. 53. Имен. ук. (19 ноябр. 1901 г.). Объ отчужденіи земельнаго участка для расширенія Весельной улицы города С.-Петербурга. № 8, ст. 54. Имен. ук. (19 ноябр. 1901 г.). Объ отчужденіи въ собственность города Горокъ, Могилевской губерніи, двухъ земельныхъ участковъ, для расширенія

мѣстнаго кладбища. № 8, ст. 55. Имен. ук. (19 ноябр. 1901 г.). Объ отчужденіи земельныхъ участковъ въ собственность города Риги для расширенія Маріинско-Мельничной улицы. № 8, ст. 56. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). О вознагражденіи за земли, занятыя подъ устройство канализаціи въ городѣ Москвѣ, и о дополнительномъ отчужденіи земельныхъ участковъ для той же надобности.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 8, ст. 57. Мн. Гос. Сов. (19 ноябр. 1901 г.). О порядкѣ мѣстнаго завѣдыванія государственными имуществами въ Туркестанскомъ краѣ.

По вѣдомству Министерства Морскаго.

Отд. I. № 4, ст. 24 (24 сент. 1901 г.). Выс. пов. Объ измѣненіи клейма, установленнаго въ морскомъ вѣдомствѣ. № 8, ст. 76. Выс. пов. (19 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 33 кн. III Свода Морск. Пост., изд. 1898 года.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Отд. I. № 8, ст. 73, Выс. пов. (27 окт. 1901 г.). Объ учрежденіи при женскомъ училищѣ Принцессы Терезіи Ольденбургской въ С.-Петербургѣ двухъ стипендій Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны и Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургскаго. № 8, ст. 74. Выс. пов. (10 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи второй должности вице-директора Департамента Народнаго Просвѣщенія. № 8, ст. 75. Выс. пов. (1 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи при Орловскомъ городскомъ училищѣ стипендіи въ память рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Анастасіи Николаевны.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія.

Отд. I. № 9, ст. 81. Пол. Ком. Мин. (9 ноябр. 1901 г.). О временномъ штатѣ инспекціи за постройкою частныхъ желѣзныхъ дорогъ обществами: Московско-Виндаво-Рыбинской, Московско-Кіево-Воронежской, Токмакской и Плоцкой дорогъ и Троецкаго подъѣзднаго пути.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 1, ст. 4. Мн. Гос. Сов. (10 дек. 1901 г.). О размѣрѣ налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ 1902 году. № 4,

ст. 23. Выс. пов. (29 сент. 1901 г). Объ утвержденіи описанія и рисунковъ дополнительной форменной одежды для преподавательскаго персонала мореходныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Финансовъ. № 5, ст. 28. Мн. Гос. Сов. (17 дек. 1901 г.). О кредитѣ на увеличеніе личнаго состава Одесской и Вержболовской таможенъ. № 7, ст. 49. Выс. пов. (23 нояб. 1901 г.). Объ образованіи особаго совѣщанія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о торговомъ мореплаваніи. № 7, ст. 50. Выс. Пов. (14 дек. 1901 г.). О порядкѣ избранія Московскимъ дворянствомъ кандидатовъ въ члены совѣта Государственнаго Банка отъ дворянства на трехлѣтіе 1902—1904 г.г. № 8, ст. 59. Мн. Гос. Сов. (26 ноябр. 1901 г.). Объ увеличеніи суммы, отпускаемой въ распоряженіе Министра Финансовъ на канцелярскіе расходы податныхъ инспекторовъ. № 8, ст. 72. Выс. пов. (16 ноябр. 1901 г.). О капиталѣ на стипендіи имени Михаила Михайловича Лохтина.

По Государственной Канцеляріи.

Отд. I. № 4, ст. 16. Мн. Гос. Сов. (19 нояб. 1901 г.). Объ утвержденіи штата церкви Императорскаго Маріинскаго дворца. № 4, ст. 22. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). О новомъ, 1901 г., изданіи Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ.

По вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи.

Отд. I. № 1, ст. 10. Пол. Опек. Сов. (8 нояб. 1901 г.). Объ измѣненіи устава и штата института Императрицы Маріи. № 7, ст. 44. Пол. Опек. Сов. (8 нояб. 1901 г.). Объ увеличеніи оклада бухгалтера Канцеляріи Начальника С.-Петербургскихъ и Царскосельской женскихъ гимназій. № 7, ст. 45. Пол. Опек. Сов. (8 нояб. 1901 г.). Объ увеличеніи оклада, присвоеннаго должностямъ экономовъ въ губернскихъ институтахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 7, ст. 46. Пол. Опек. Сов. (8 нояб. 1901 г.). Объ учрежденіи при Московской Маріинской больницѣ должности врача-консультанта по кожнымъ болѣзнямъ. № 7, ст. 48. Выс. пов. (8 нояб. 1901 г.). О принятіи Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Ольгою Александровною Псковскаго дѣтскаго пріюта Св. Ольги, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, подъ Свое покровительство. № 8, ст. 64. Пол. Опек. Сов. (24 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 8, ст. 65. Выс. пов. (15 сент. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи второй и

третьей стипендіи Министерства Путей Сообщенія. № 8, ст. 66. Выс. пов. (27 окт. 1901 г.). О принятіи Лисичанскаго крестьянскаго дѣтскаго пріюта, съ богадѣльнею, въ слободѣ Лисичинѣ, Курской губерніи, въ число дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и объ открытіи Лисичанскаго попечительства пріюта. № 8, ст. 67. Выс. пов. (17 ноябр. 1901 г.). Объ открытіи сельскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и попечительства пріюта въ селѣ Заборьѣ, Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи. № 8, ст. 68. Выс. пов. (17 ноябр. 1901 г.). Объ открытіи Донскаго, Донецкаго и Усть-Медвѣдицкаго окружныхъ попечительствъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Отд. I. № 4, ст. 17. Пол. Ком. Мин. (30 окт. 1901 г.). Объ установленіи въ городѣ Костромѣ, въ день явленія чудотворной Ѳеодоровской иконы Божьей Матери, неприсутственнаго дня. № 7, ст. 47. Выс. пов. (17 окт. 1901 г.). О предоставленіи Владивостокскому епархіальному училищному совѣту права производить испытанія лицамъ, ищущимъ званія учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 4, ст. 18. Пол. Ком. Мин. (30 окт. 1901 г.). Объ измѣненіи положенія объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью и имуществомъ отставнаго губернскаго секретаря Василія Львовича Нарышкина. № 6, ст. 33. Имен. ук. (25 дек. 1901 г.). Объ обращеніи принадлежащаго дѣйствительному статскому совѣтнику Виктору Голубеву, въ Кіевской губерніи, недвижимаго имѣнія въ заповѣдное. № 6, ст. 34. Имен. ук. (29 дек. 1901 г.). Объ обращеніи принадлежащаго отставному артиллеріи поручику Ѳедору Шишкину, въ Екатеринославской губерніи, недвижимаго имѣнія въ заповѣдное. № 8, ст. 71. Выс. пов. (8 дек. 1901 г.). О сохраненіи опекунскаго управленія надъ имуществомъ умершей вдовы полковника Наталіи Иловайской. № 9, ст. 85. Пол. Опек. Сов. (20 ноябр. 1901 г.). О присвоеніи должности предсѣдателя совѣта Елисаветинскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ и Московской губерніи правъ государственной службы.

Отд. II. № 1, ст. 1. Пол. Ком. Мин. (9 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава общества Каспійской мануфактуры. №. 1, ст. 2. Пол. Ком. Мин. (9 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава товарищества

Дубовязскаго свеклосахарнаго завода. № 1, ст. 3. Пол. Ком. Мин. (16 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи швейцарскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: русско-швейцарское анонимное общество „Эрликонъ". № 1, ст. 4. Пол. Ком. Мин. (16 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава Бобаковскаго горнопромышленнаго общества. № 1, ст. 5. Пол. Ком. Мин. (16 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества паровой фабрики черепицы и керамическихъ издѣлій „Воломинъ". № 1, ст. 6. Пол. Ком. Мин. (16 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества К. Зигель. № 1, ст. 7. Пол. Ком. Мин. (23 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Московскаго электролитическаго завода И. К. Николаева. № 1, ст. 8. Пол. Ком. Мин. (23 ноябр. 1901 г.). Объ увеличеніи основнаго капитала Одесскаго товарищества фабричнаго производства красокъ и лаковъ, бывшаго Карла Берга. № 1, ст. 9. Пол. Ком. Мин. (23 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Московской Вознесенской мануфактуры. № 1, ст. 10. Пол. Ком. Мин. (8 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи устава товарищества судоходства и пароходства Э. К. Тегельстенъ.

III. Опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отд. I. № 8, ст. 77 (7/27 ноябр. 1901 г.). Объ учрежденіи женской общины при селѣ Кабаньемъ, Акмолинской области.

IV. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 5, ст. 31 (6 нояб. 1901 г.). Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени вдовы коммерціи совѣтника Александры Ксенофонтовны Медвѣдниковой въ Маріинскомъ училищѣ дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ [1]). № 8, ст. 78. О спискѣ должностей по военному вѣдомству, коимъ предоставляются особыя преимущества службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ [2]). № 8, ст. 79.

---

[1]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

[2]) Относится къ вѣдомству Министерства Военнаго.

Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени Леонида Князева и его супруги Маріи Николаевны при второмъ отдѣленіи Тобольской Маріинской женской гимназіи [1]).

Военнымъ Министромъ.

Отд. I. № 9, ст. 105. Объ измѣненіи штатнаго состава Томской, Новониколаевской и Курской конвойныхъ командъ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 5, ст. 32. Объ утвержденіи тарифа страховыхъ премій по взаимному страхованію строеній отъ огня въ губерніяхъ Царства Польскаго. № 9, ст. 89. О замѣнѣ въ городѣ Казани сбора съ извозопромышленниковъ сборомъ съ извознаго промысла. № 9, ст. 90. Объ учрежденіи должности урядника при имѣніи Наварынецъ, Бѣлецкаго уѣзда, Бессарабской губерніи. № 9, ст. 91. Объ учрежденіи въ городѣ Екатеринославѣ должности полицейскаго надзирателя для исполненія порученій врачебно-полицейскаго комитета. № 9, ст. 92. Объ учрежденіи должности городоваго въ селѣ Александровскомъ, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. № 9, ст. 93. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника при Грушевскомъ свеклосахарномъ заводѣ въ Чигиринскомъ уѣдѣ Кіевской губерніи. № 9, ст. 94. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника въ мѣстности, именуемой „Өермопилы", въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. № 9, ст. 95. Объ утвержденіи инструкціи о порядкѣ производства выбора уполномоченныхъ отъ еврейскихъ молитвенныхъ обществъ для избранія раввиновъ и ихъ помощниковъ и о производствѣ выбора какъ самихъ раввиновъ, такъ и ихъ помощниковъ. № 9, ст. 96. Объ учрежденіи должности полицейскаго пристава при заводѣ русскаго общества машиностроительнаго завода Гартмана въ городѣ Луганскѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 4, ст. 25. Объ утвержденіи инструкціи для опредѣленія подробныхъ условій надзора за исполненіемъ ремонта, пристроекъ и перестроекъ горно-заводскихъ зданій въ пограничной полосѣ.

Министромъ Путей Сообщенія.

Отд. I. № 4, ст. 26. О правилахъ выгрузки и выдачи хлѣбныхъ грузовъ, адресованныхъ въ амбары (магазины) и въ элеваторъ Вла-

[1]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

дикавказской желѣзной дороги при станціи Новороссійскъ, а равно и къ пристанямъ. № 9, ст. 97. О дополненіи списка станцій на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ удаленіе пассажира изъ поѣзда не допускается. № 9, ст. 98. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 9, ст. 99. О дополненіи и измѣненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 9, ст. 100. Объ обращеніи полустанціи Кустаревки, Московско-Казанской желѣзной дороги, въ обязательную тарифную станцію по пассажирскому и грузовому движенію. № 9, ст. 101. О дополненіи правилъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ навалку. № 9, ст. 102. О дополненіи правилъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ въ навалку. № 9, ст. 103. О срокахъ доставки грузовъ по Лифляндскимъ подъѣзднымъ путямъ. № 9, ст. 104. Объ открытіи разъѣзда Холки Елецъ-Валуйской линіи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ для обязательныхъ операцій по грузовому движенію.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 3, ст. 15. О цѣнахъ процентныхъ бумагъ, назначенныхъ на первое полугодіе 1902 года для пріема въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза и таможенныхъ сборовъ. № 8, ст. 80. Объ утвержденіи вѣдомостей автоматическимъ вѣсамъ „Хроносъ" системы Рейтера и Рейзерта и отдѣльнымъ частямъ ихъ. № 9, ст. 86. О продленіи періода винокуренія изъ виноградныхъ выжимокъ и остатковъ винодѣлія на огневыхъ виноградоводочныхъ заводахъ Дагестанской области. № 9, ст. 87. Объ учрежденіи должностей лаборантовъ въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ Императора Александра II. № 9, ст. 88. О разрѣшеніи С.-Петербургской ссудной казнѣ оплачивать гербовымъ сборомъ выдаваемые ею ломбардные билеты въ принятіи закладовъ по ссудамъ посредствомъ наличныхъ денегъ.

Отд. II. № 1, ст. 11. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за паи товарищества Русскаго бензоло-анилиноваго завода. № 1, ст. 12. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Сибирскаго общества промышленности и торговли. № 1, ст. 13. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за паи Туркестанскаго сельскохозяйственнаго и промышленнаго товарищества. № 1, ст. 14. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Сосновицкихъ трубопрокатныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. № 1, ст. 15. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи общества Ребровскаго стекольнаго завода. № 1, ст. 16. О продленіи срока для взноса денегъ

за паи лѣснаго торговопромышленнаго товарищества братьевъ Чернобыльскихъ. № 1, ст. 17. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Балтійскаго пароваго пиво-медовареннаго завода въ городѣ Нарвѣ. № 1, ст. 18. Объ измѣненіи устава Русскаго общества для обработки торфа на коксъ и другіе продукты. № 1, ст. 19. О продленіи срока для взноса денегъ за паи товарищества Черниговскаго лѣсопильнаго завода. № 1, ст. 20. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго торговопромышленнаго общества рисоочистительныхъ и мукомольныхъ мельницъ „братья Т. и Г. Глазъ и Ш. Кретингенъ". № 1, ст. 21. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества „І. І. Липковскій" и объ измѣненіи устава названнаго общества. № 1, ст. 22. Объ измѣненіи устава товарищества для производства огнеупорнаго кирпича, гончарныхъ, терракотовыхъ и другихъ издѣлій барона Э. Э. Бергенгейма.

Государственнымъ Контролеромъ.

Отд. I. № 9, ст. 106. Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ особой контрольной части подъ наименованіемъ: „Контроль по постройкѣ линіи С.-Петербургъ-Вологда".

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 3, января 5 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Харьковскій Губернаторъ, Гофмейстеръ Высочайшаго Двора, Тайный Совѣтникъ **Тобизенъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 2 января, съ оставленіемъ его Гофмейстеромъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Причисленные къ Министерству: Надворные Совѣтники **Казанкинъ** и **Вознесенскій** и Титулярный Совѣтникъ **Киселевскій** и **Вейсманъ** и Секретарь при Прокурорѣ Харьковской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Золотаревъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Симбирскаго, второй—Вятскаго, третій—Минскаго, четвертый—Троицкаго и послѣдній—Полтавскаго; Секретарь С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Крашенинниковъ**—Городскимъ Судьею посада Колпино.

Перемѣщаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Троицкаго, Коллежскій Совѣтникъ **Никольскій** и Полтавскаго, Титулярный Совѣтникъ **Волчанецкій**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Самарскаго, а второй—Харьковскаго.

По межевому управленію.

Назначаются: Помощники Губернскихъ Землемѣровъ: Костромскаго: Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Николаевъ** и Могилевскаго, Ме-

жевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Поповъ**—Межевыми Ревизорами при Коммисіи для отграниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска, оба—съ 1 января.

По тюремному управленію.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Инженеръ-Архитекторъ, Надворный Совѣтникъ **Лешевичъ**—Инженеръ-Архитекторомъ острова Сахалина.

№ 5, января 14 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Инспекторъ V класса Главнаго Тюремнаго Управленія, Статскій Совѣтникъ **Витте**—Предсѣдателемъ Томскаго Окружнаго Суда; Предсѣдатель Томскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Деппъ** и Товарищъ Прокурора Иркутской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Фуссъ**—Членами Тифлисской Судебной Палаты, изъ нихъ Деппъ согласно прошенію; Товарищъ Предсѣдателя Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Книповичъ**—Товарищемъ Прокурора Иркутской Судебной Палаты, согласно прошенію; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Павловскаго уѣзда, округа Острогожскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Склобовскій**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Павловскому уѣзду; Причисленные къ Министерству: Титулярный Совѣтникъ **Моломинъ** и Коллежскій Секретарь **Варваринъ**—Городскими Судьями: первый—г. Котельнича, а второй—г. Новгородъ-Сѣверска; Помощникъ Мироваго Судьи Казахскаго отдѣла, завѣдывающій Дашъ-Салахзинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Олешкевичъ**—Мировымъ Судьею Петровскаго отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда; Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Заіончковскій** и Титулярный Совѣтникъ **Боруховскій** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской Судебной Палатѣ, Коллежскій Секретарь **Плаксинъ**—Мировыми Судьями: Заіончковскій—5-го участка Бійскаго уѣзда, Боруховскій—22-го участка округа Читинскаго Окружнаго Суда и Плаксинъ - 15-го участка округа того же Окружнаго Суда; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Красноярскомъ Окружномъ Судѣ, Губернскій Секретарь **Дюковъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Читинскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются: Членъ Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Коробка**—Членомъ Кіевскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Городской Судья г. Котельнича, Титулярный Совѣтникъ **Булычевъ**—Городскимъ Судьею 1-го участка г. Вятки; Мировой Судья 7-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Кокоревъ**—Мировымъ Судьею округа Портъ-Артурскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Членъ Петроковскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Саросѣкъ**, по случаю назна-

ченія его Нотаріусомъ при Ипотечной Канцеляріи Мироваго Судьи г. Лодзи; Добавочный Мировой Судья округа Читинскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Патушинскій**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію*, Добавочный Мировой Судья округа Архангельскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Слѣпородскій**.

согласно прошеніямъ, по болѣзни: Добавочный Мировой Судья Владиміръ-Волынскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Кутыринъ** и Городской Судья г. Новгородъ-Сѣверска, Статскій Совѣтникъ **Благовѣщенскій**, оба съ мундирами; занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Члены Окружныхъ Судовъ: Полтавскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Аглаимовъ** и Стародубскаго, Статскій Совѣтникъ **Хоментовскій**; Мировой Судья 8-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Райко**.

№ 6, января 19 дня 1902 года,

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Старшій Нотаріусъ Стародубскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Мацюкевичъ** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Квасненкій**—Членами Окружныхъ Судовъ: Мацюкевичъ—Стародубскаго, а Квасненкій—Луцкаго, изъ нихъ первый согласно прошенію; Причисленный къ Министерству, Губернскій Секретарь **Вырабянцъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Ольгопольскаго округа, на текущее, съ 1 Апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ Министерству; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Рейхеръ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Корвинъ-Короткевичъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Екатеринославскаго, а второй—Красноярскаго; Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Рѣжицкаго округа, Надворный Совѣтникъ **Яковлевъ**—Городскимъ Судьею г. Себежа; Исправляющій должность Помощника Секретаря Смоленскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Пѣтуховъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Архангельской губерніи.

Перемѣщаются: Товарищъ Предсѣдателя Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ фонъ-**Магнусъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Виленскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Городской Судья г. Себежа, Статскій Совѣтникъ **Наумовъ**—Городскимъ Судьею 2-го участка г. Полоцка.

Увольняются *согласно прошеніямъ:* Почетный Мировой Судья округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, Старшій Совѣтникъ Елисаветпольскаго Губернскаго Правленія, Статскій Совѣтникъ **Кокчаевъ**—отъ первой изъ означенныхъ должностей; Мировой Судья 1-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Корсакъ**—отъ занимаемой имъ должности, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію,* Товарищъ Прокурора Кутаисскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Эссенъ**.

согласно прошенію, по болѣзни, Городской Судья 2-го участка г. Костромы, Статскій Совѣтникъ **Гуссаковскій.**

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Членъ Тифлисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Парчевскій;** Почетные Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Вѣрненскаго: Коллежскій Совѣтникъ **Борнеманъ** и купецъ **Быковъ** и Кутаисскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Асатіани.**

№ 8, января 28 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чебышевъ**—Предсѣдателемъ Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда; Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Тифлисскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Бутенко** и Елисаветпольскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Добровлянскій** и Членъ Витебскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гегидзе**—Членами Тифлисской Судебной Палаты, всѣ три согласно прошеніямъ; Прокуроръ Кишиневскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Кононовичъ,** Уѣздный Членъ Московскаго Окружнаго Суда, по Московскому уѣзду, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Рукавишниковъ** и Членъ Новочеркасскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Раздольскій**—Товарищами Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: первый—Кишиневскаго, второй—Херсонскаго и третій—Лубенскаго, изъ нихъ два послѣднихъ согласно прошеніямъ; Членъ Уфимскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Сперанскій**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Уфимскому уѣзду, согласно прошенію; Предсѣдатели Съѣздовъ Мировыхъ Судей и Участковые Мировые Судьи округовъ: Владикавказскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Левецкій,** Проскуровскаго, Надворный Совѣтникъ **Кудринъ** и Ольгопольскаго, Коллежскій Ассесоръ **Дмитревскій,** состоящій за штатомъ Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Двинскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Потѣхинъ,** Судебный Слѣдователь 12-го участка г. С.-Петербурга, округа С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Кучинскій,** Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Екатеринодарскаго, Статскій Совѣтникъ **Орловъ,** Каменецъ-Подольскаго, Коллежскіе Совѣтники: **Милеантъ** и **Троцкій,** Ставропольскаго, Надворный Совѣтникъ **Хмѣликовскій,** Тифлисскаго, Надворный Совѣтникъ **Москалевъ** и Елисаветградскаго, Надворный Совѣтникъ **Буковскій,** Причисленные къ Министерству: Статскій Совѣтникъ **Собичевскій,** Коллежскій Совѣтникъ **Алышевскій,** Надворный Совѣтникъ **Гуревичъ** и Коллежскіе Ассесоры: **Раевскій** и **Шостакъ,** Мировые Судьи: Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, Статскій Совѣтникъ **Кузьменко,** 1-го отдѣла г. Тифлиса, Коллежскій Ассесоръ князь **Чавчавадзе** и 2-го участка Уральскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Бошинятовъ,** Городскіе Судьи: 1-го участка г. Двинска, Надворный Совѣтникъ **Гавриловъ** и г. Волчанска, Коллежскій Ассесоръ **Скаржинскій** и Секретарь Тифлисской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Мангольдтъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Левецкій, Алышевскій, Шостакъ и Кузьменко—Кутаисскаго, Кудринъ, Дмитревскій и Гавриловъ—Херсонскаго, Потѣхинъ, Орловъ, Хмѣликовскій и Гуревичъ—Бакинскаго, Бошинятовъ—Стародубскаго,

Кучинскій—С.-Петербургскаго, Милеантъ, Троцкій и Раевскій—Каменецъ-Подольскаго, Москалевъ и князь Чавчавадзе—Тифлисскаго, Буковскій—Кишиневскаго, Собичевскій и Скаржинскій—Елисаветградскаго и Мангольдтъ—Елисаветпольскаго, изъ нихъ Кучинскій согласно прошенію.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ:* Товарищъ Предсѣдателя Луцкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Ширяевъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда; Уѣздный Членъ Рязанскаго Окружнаго Суда, по Рязанскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Громовъ**—Уѣзднымъ Членомъ Московскаго Окружнаго Суда, по Московскому уѣзду; Члены Окружныхъ Судовъ: Симферопольскаго, Статскій Совѣтникъ **Дужанъ**, Новгородскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Ивановъ**, Ново-Маргеланскаго, Коллежскій Ассесоръ **Липко** и Кишиневскаго, Коллежскій Ассесоръ **Мерзляковъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Дужанъ и Мерзляковъ—Одесскаго, Ивановъ—С.-Петербургскаго и Липко—Кутаисскаго.

По тюремному управленію.

Назначаются: Старшіе Дѣлопроизводители Главнаго Тюремнаго Управленія: Статскій Совѣтникъ **Кашкинъ** и Надворный Совѣтникъ **Гомолицкій**—въ то же Управленіе: первый—Исправляющимъ должность Инспектора V класса, а второй—Инспекторомъ VI класса.

182287 чен. 4

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 44, отъ 20-го декабря 1901 года.

Причисляются *къ Министерству:* уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 ноября 1901 года за № 82 отъ должности, согласно прошенію, бывшій товарищъ прокурора Владивостокскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лапицкій**;

секретарь С.-Петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Бородинъ**, исправляющій должность секретаря при прокурорѣ Виленскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Рымашевскій** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: С.-Петербургскомъ, коллежскій ассесоръ **Федотовъ** и Луцкомъ, титулярный совѣтникъ **Никифоровъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Бородинъ—2 участка Лужскаго уѣзда, округа С.-Петербургскаго окружнаго суда, Рымашевскій—1 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, Федотовъ—2 участка Гдовскаго уѣзда, округа С.-Петербургскаго окружнаго суда, и Никифоровъ—2 участка Дубенскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу*: отставной коллежскій секретарь **Варваринъ**, съ причисленіемъ къ сему Министерству, согласно прошенію.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 1 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Сатинскій** и 3 участка Шадринскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Хлопинъ**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: первый—5 участка Ковенскаго уѣзда, округа Ковенскаго окружнаго суда, а послѣдній—2 участка Верхотурскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Великолуцкаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Боричевскій**—по случаю назначенія старшимъ штатнымъ контролеромъ 3 округа Витебскаго акцизнаго управленія, съ 1 декабря 1901 года.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 2 участка Тираспольскаго уѣзда, округа Одесскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Богаткинъ** и 1 участка Пошехонскаго уѣзда, округа Ярославскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Меценатовъ.**

По Правительствующему Сенату: назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ **Больцевичъ**—исправляющимъ должность помощника оберъ-секретаря перваго департамента Правительствующаго Сената, съ 1 декабря 1901 года.

По Губернскимъ учрежденіямъ: назначается: мировой судья 5 участка Овручскаго округа, титулярный совѣтникъ **Ржевуцкій**—въ составъ Овручскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія, съ 24 ноября 1901 года.

№ 45, отъ 31-го декабря 1901 года.

Причисляются *къ Министерству:* помощникъ мироваго судьи Ахалкалакскаго отдѣла, округа Тифлисскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Ляховичъ** и исправляющій должность секретаря Новочеркасскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Ѳедоровъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Ляховичъ—округа Бакинскаго окружнаго суда и Ѳедоровъ—3 участка перваго Донскаго округа Новочеркасскаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу:* сынъ діакона Александръ **Скоропостижный**—канцелярскимъ служителемъ второго разряда второго департамента Министерства Юстиціи, съ 7 декабря 1901 года, согласно прошенію.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: по важнѣйшимъ дѣламъ округа Ярославскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Тверицкій** и округа Новочеркасскаго окружнаго суда: 1 участка Донецкаго округа, надворный совѣтникъ **Апостоловъ**, Сальскаго округа, коллежскій ассесоръ **Гловацкій** и 3 участка перваго Донскаго округа, коллежскій ассесоръ **Арцишевскій**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Тверицкій—8 участка гор. Москвы, округа Московскаго окружнаго суда, и округа Новочеркасскаго окружнаго суда: Апостоловъ—5 участка Черкасскаго округа, Гловацкій—1 участка Донецкаго округа и Арцишевскій—Сальскаго округа.

Увольняется *отъ службы:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2 участка Бирскаго уѣзда, округа Уфимскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Мауерсбергеръ**, согласно прошенію.

По губернскимъ учрежденіямъ назначаются: канцелярскій чиновникъ Варшавской судебной палаты, неимѣющій чина **Скальскій**—архиваріусомъ Варшавскаго коммерческаго суда;

гминнымъ судьею: Іосифъ **Кржанъ**—1 округа Влощовскаго уѣзда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* архиваріусъ Варшавскаго коммерческаго суда, коллежскій ассесоръ **Бѣлявскій**.

По Высочайше учрежденному Николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ: назначается: артистъ перваго разряда, машинистъ механикъ Императорскаго Маріинскаго театра Николай **Бергеръ**—сотрудникомъ Высочайше учрежденнаго Николаевскаго комитета для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

№ 46, отъ 31-го декабря 1901 года.

Назначаются: помощники дѣлопроизводителя перваго департамента Министерства Юстиціи: IX класса, колежскій ассесоръ **Раевскій** и X класса, коллежскій ассесоръ **Невельской** и причисленный къ сему департаменту, съ откомандированіемъ для занятій въ гражданское отдѣленіе титулярный совѣтникъ **Красовскій**: первый — младшимъ дѣлопроизводителемъ, второй—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса и послѣдній—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса перваго департамента Министерства Юстиціи, всѣ трое—съ 1 января 1902 года.

Причисляются *къ Министерству:* уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 15 декабря 1901 года за № 93 отъ должностей, согласно прошеніямъ: бывшій добавочный мировой судья Поневѣжскаго округа, коллежскій ассесоръ **Гасселькусъ**, исправлявшіе должность судебнаго слѣдователя округовъ окружныхъ судовъ: Курскаго, Дмитріевскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Абрамовичъ** и Новгородскаго, 4 участка Старорусскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ **Карабиновичъ** и бывшій городской судья 2 участка г. Брянска, коллежскій ассесоръ **Таптыковскій**; исправляющій должность помощника секретаря С.-Петербургской судебной палаты, коллежскій секретарь **Протасовъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Московскомъ, коллежскій секретарь **Шмаровъ** и Уфимскомъ, коллежскій секретарь **Барановскій** — съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Ковенскаго окружнаго суда — Гасселькусъ и судебнаго слѣдователя: Абрамовичъ — по важнѣйшимъ дѣламъ округа Курскаго окружнаго суда, Карабиновичъ — 1 участка Старорусскаго уѣзда, округа Новгородскаго окружнаго суда, Тап

тыковскій—1 участка Брянскаго уѣзда, округа Орловскаго окружнаго суда, всѣ четверо — съ 15 декабря 1901 года, Протасовъ — 4 участка Старорусскаго уѣзда, округа Новгородскаго окружнаго суда, Шмаровъ — 2 участка Гжатскаго уѣзда, округа Смоленскаго окружнаго суда, и Барановскій — 2 участка Бирскаго уѣзда, округа Уфимскаго окружнаго суда;

старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московскомъ окружномъ судѣ, губернскій секретарь Исаченко—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, согласно прошенію.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 5 участка г. Москвы, коллежскій ассесоръ Астровъ — къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 9 участка г. Москвы, съ 15 декабря 1901 года,

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный совѣтникъ фонъ-Ромеръ, съ 5 декабря 1901 года:

По Главному Тюремному Управленію: переводится: чайный контролеръ Харьковской складочной таможни, канцелярскій служитель Михайловъ—канцелярскимъ служителемъ II разряда Главнаго Тюремнаго Управленія, съ 8 ноября 1901 года.

№ 1, отъ 11-го января 1902 года.

Причисляются *къ Министерству:* состоящій за штатомъ участковый мировой судья Игуменскаго округа, титулярный совѣтникъ Катаевъ; уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 22 декабря 1901 года за № 94 отъ должностей, согласно прошеніямъ: бывшіе мировые судьи: 5 участка Уральскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ Евсѣевъ и 22 участка округа Читинскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Ненцинскій и добавочный мировой судья округа Благовѣщенскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Захарьинъ; секретарь Вологодскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Шумилинъ, исправляющій должность секретаря Ярославскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Добротинъ и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Казанской судебной палатѣ, коллежскій ассесоръ Шемаевъ и при Кишиневскомъ окружномъ судѣ, титулярный совѣтникъ Керсновскій—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Симбирскаго окружнаго суда—Катаевъ и судебнаго слѣдователя: Евсѣевъ — 2 участка Дмитровскаго уѣзда, округа Московскаго окружнаго суда, Ненцинскій—2 участка округа Благовѣщенскаго окружнаго суда, Захарьинъ — 1 участка округа того же окружнаго суда, всѣ трое съ 22 декабря 1901 года, Шумилинъ—1 участка Кадниковскаго уѣзда, округа Вологодскаго окружнаго суда, Добротинъ — 1 участка Пошехонскаго уѣзда, округа Ярославскаго окружнаго суда, Шемаевъ —

2 участка Глазовскаго уѣзда, округа Вятскаго окружнаго суда, и Керсновскій—2 участка Измаильскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу:* окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, кандидатъ богословія Николай **Шестовъ** — въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ Главное Тюремное Управленіе, съ 5 декабря 1901 года;

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 2 участка Вологодскаго уѣзда, округа Вологодскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Мякишевъ**, 1 участка Кадниковскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій секретарь **Шмигельскій** и 2 участка Измаильскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Киселевъ** — къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Мякишевъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Вологодскаго окружнаго суда, Шмигельскій—2 участка Вологодскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, и Киселевъ—1 участка Сорокскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда.

Умершій *исключается изъ списковъ:* причисленный къ Министерству Юстиціи, надворный совѣтникъ **Кузнецовъ**.

По Императорскому училищу правовѣдѣнія: назначается: временно допущенный къ исполненію обязанностей младшаго дѣлопроизводителя тюремнаго управленія, губернскій секретарь **Гумбертъ** — воспитателемъ училища, съ 1 декабря 1901 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: гминными судьями: по Плоцкой губерніи: Игнатій **Клобуковскій** — V округа Рыпинскаго уѣзда, Владиміръ **Косинскій** — III округа Млавскаго уѣзда, Доминикъ **Сташевскій**—IV округа Праснышскаго уѣзда, и по Радомской губерніи Валеріанъ **Гартіеръ**—IV округа Сандомирскаго уѣзда;

Утверждаются, *по выборамъ, гминными судьями:* по Плоцкой губерніи: Ѳаддѣй **Свѣнцицкій** — II округа Липновскаго уѣзда, Антонъ **Карнковскій**—III округа того же уѣзда, Станиславъ **Кремпскій**—IV округа Млавскаго уѣзда и Ипполитъ **Нижинскій** — IV округа Цѣхановскаго уѣзда, и по Радомской губерніи: Августъ **Вислоцкій**—I округа Радомскаго уѣзда, Алексѣй **Гробицкій**—II округа того же уѣзда, Владиславъ **Богускій** — II округа Козеницкаго уѣзда, Станиславъ **Богуславскій**—VI округа Опоченскаго уѣзда, Чеславъ **Тарновскій**—V округа Опатовскаго уѣзда, Янъ **Щепановскій** — VI округа того же уѣзда, Карлъ **Гантнеръ**—I округа Илжецкаго уѣзда и Феликсъ **Млодзяновскій**—IV округа того же уѣзда,

По Высочайше учрежденному Николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ: увольняется *отъ службы въ комитетъ, согласно прошенію:* врачъ-спеціалистъ въ лѣчебницѣ для приходящихъ при Высочайше учрежденномъ Николаевскомъ Комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ, лѣкарь, надворный совѣтникъ **Кинастъ** — съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ, занимаемыхъ имъ должностяхъ.

№ 2, отъ 22-го января 1902 года.

Назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій во Временную канцелярію по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ, коллежскій секретарь **Залеманъ**—помощникомъ дѣлопроизводителя X класса означенной канцеляріи, съ 1 января 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: секретарь Рижскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Краснянскій** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Великолуцкомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Канъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: первый—Эзельскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, а послѣдній—2 участка Новоржевскаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда;

состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, коллежскій секретарь **фонъ-Штральборнъ**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію второго департамента Правительствующаго Сената.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи: титулярный совѣтникъ **Колбасьевъ**—для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2 участка Новоржевскаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Вейль**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Великолуцкаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда.

Опредѣляются *въ службу, въ вѣдомство Министерства Юстиціи*: окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ: со степенью кандидата, Иванъ **Кухаржевскій** и съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Борисъ **Чеховичъ**—съ причисленіемъ: Кухаржевскій—къ Министерству Юстиціи и съ откомандированіемъ для занятій въ Прокураторію Царства Польскаго и Чеховичъ—къ первому департаменту сего Министерства и съ откомандированіемъ для занятій въ первое уголовное отдѣленіе, изъ нихъ послѣдній—съ 4 января 1902 года.

По Правительствующему Сенату: увольняется *отъ службы*: канцелярскій чиновникъ сенатской типографіи, коллежскій регистраторъ **Усановъ**—по случаю зачисленія, по жребію, на военную службу, съ 23 ноября 1901 года.

По Губернскимъ учрежденіямъ: увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: гминные судьи: I округа, Радиминскаго уѣзда, губернскій секретарь **Гржеболинскій** и IV округа Велюнскаго уѣзда, губернскій секретарь **Яновскій**, оба—съ 31 декабря 1901 года.

№ 3, отъ 26-го января 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 14 января 1902 года за № 5 отъ должности, согласно прошенію, бывшій добавочный мировой судья округа

Читинскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Патушинскій; исправляющій должность помощника секретаря С.-Петербургской судебной палаты, коллежскій секретарь Шабловскій и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Варшавскомъ, титулярный совѣтникъ Косовскій и Вятскомъ, коллежскій секретарь Бобровъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Патушинскій—4 участка округа Иркутскаго окружнаго суда, съ 14 января 1902 года, Шабловскій—1 участка Фридрихштадтскаго уѣзда, округа Митавскаго окружнаго суда, Косовскій—2 участка Мѣховскаго уѣзда, округа Кѣлецкаго окружнаго суда, и Бобровъ—2 участка Слободскаго уѣзда, округа Вятскаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу:* мѣщанинъ Николай Уппитъ—канцелярскимъ служителемъ III разряда второго департамента Министерства Юстиціи, согласно прошенію и Высочайшему соизволенію, объявленному въ приказѣ по гражданскому вѣдомству отъ 1 января 1902 года за № 1, съ 1 января 1902 года.

Командируется: Причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Фридрихштадтскаго уѣзда, округа Митавскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Карякинъ—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Митаво-Баускаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* причисленный къ Министерству Юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Исаковъ.

По Губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: мировой судья 1 участка Могилевскаго округа, надворный совѣтникъ Соловьевъ—въ составъ Могилевскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія, съ 12 декабря 1901 года;

гминными судьями по Ломжинской губерніи: Юліанъ Грабовскій—II округа Мазовецкаго уѣзда, Казиміръ Порадовскій—III округа Щучинскаго уѣзда и Болеславъ Мазуровскій—I округа Остроленкскаго уѣзда.

Утверждаются, *по выборамъ, гминными судьями по Ломжинской губерніи:* Никодимъ Корытковскій—III округа Ломжинскаго уѣзда, Владиславъ Маевскій—II округа Кольненскаго уѣзда и Леонъ Якацкій—I округа Островскаго уѣзда.

По межевой части.

№ 10, отъ 19-го декабря 1901 года.

Назначаются, *на основаніи Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1901 г. Штата Коммисіи для отграниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска Землемѣрами Чертежной означенной Коммисіи: Старшими:* Уѣздные Землемѣры губерній: Вятской—Надворный Совѣтникъ Цвѣтковъ, Могилевской—Надворный Совѣтникъ Осиповъ и Коллежскій Секретарь Оныкіенко, Псковской—Надворный Совѣтникъ Абросимовъ, Пермской—Коллежскій Ассесоръ Божко и Нижегородской—Титулярный Совѣтникъ Пивар-

скій, исполняющій обязанности Уѣзднаго Землемѣра Кіевской губерніи, Младшій Землемѣръ 2 разряда Межевой Канцеляріи, Коллежскій Ассесоръ **Янковскій**; Окружные Землемѣры областей: Приморской—Титулярный Совѣтникъ **Болговъ** и Забайкальской—Губернскій Секретарь **Гробисъ** и сверхштатный Младшій Землемѣръ при Тифлисской Судебной Палатѣ, Коллежскій Ассесоръ **Бенкевичъ**; *Младшими*: Окружные Землемѣры областей: Амурской—Надворный Совѣтникъ **Саляевъ** и Якутской—Коллежскій Регистраторъ **Бодѣевъ**, исполняющій обязанности Уѣзднаго Землемѣра Полтавской губерніи, Старшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Коллежскій Секретарь **Кондра**, исполняющій обязанности Уѣзднаго Землемѣра Екатеринославской губерніи, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Губернскій Секретарь **Пржиборовскій**, Младшіе Землемѣрные Помощники Межевой Канцеляріи: Губернскіе Секретари: **Донской, Рутышевъ, Прозоровскій** и командированные для занятій въ Губернскія Чертежныя: Владимірскую—Губернскій Секретарь **Павловскій**, Псковскую—Губернскій Секретарь **Пановъ** и неимѣющій чина **Григорьевъ** и Нижегородскую—Коллежскій Регистраторъ **Вѣтринскій** и неимѣющій чина **Кувайцевъ**; всѣ двадцать два съ 1 января 1902 года.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ
МИНИСТРА ЮСТИЦІИ
за 1901 годъ.

XIV. Декабря 20 дня 1901 г. № 33138.

Старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ.

Согласно §§ 1 и 2 Инструкціи о казенной продажѣ гербовой бумаги и гербовыхъ марокъ разными мѣстами и установленіями, кромѣ казначействъ и таможенъ (Собр. узак. 1900 г. № 138 ст. 2899), казенная продажа гербовыхъ знаковъ можетъ быть открываема, помимо казначействъ, ихъ отдѣленій, особыхъ для сего назначенныхъ казенныхъ кассъ и таможенъ, въ другихъ установленіяхъ по соглашенію Министра Финансовъ съ Главными Начальниками подлежащихъ вѣдомствъ и Государственнымъ Контролеромъ,—при чемъ означенными соглашеніями опредѣляется, между прочимъ, какимъ именно видамъ учрежденій и должностныхъ лицъ каждаго вѣдомства можетъ быть поручаема продажа гербовыхъ знаковъ.

Руководствуясь изложенными правилами, Министерство Финансовъ вошло въ сношеніе по означенному предмету съ Министерствомъ Юстиціи.

Признавая существенно важнымъ предоставить населенію возможныя удобства по пріобрѣтенію знаковъ оплаты гербоваго сбора, я, съ своей стороны, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, нахожу соотвѣтственнымъ установить слѣдующій порядокъ продажи означенныхъ знаковъ подвѣдомственными Министерству Юстиціи учрежденіями.

1. Продажа гербовыхъ знаковъ производится въ канцеляріяхъ судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ, съѣздовъ мировыхъ судей, уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, городскихъ судей, мировыхъ судей и у нотаріусовъ.

2. Означенныя мѣста и лица, кромѣ нотаріусовъ, пріобрѣтаютъ для продажи,—не иначе, какъ на наличныя деньги, и притомъ по мѣрѣ имѣющихся въ ихъ распоряженіи свободныхъ канцелярскихъ средствъ,—гербовыя марки и бумагу лишь тѣхъ видовъ, какіе необходимы по роду производящихся у нихъ дѣлъ.

3. Нотаріусамъ и замѣняющимъ ихъ мировымъ судьямъ предоставляется пріобрѣтать гербовые знаки въ кредитъ, подъ условіемъ продажи всѣхъ, вообще, видовъ гербовой бумаги и марокъ, какіе имъ назначены будутъ по § 18 помянутой Инструкціи, а также веденія установленной § 31 Инструкціи отчетности.

О вышеизложенномъ поставляю Ваше Превосходительство въ извѣстность для зависящихъ распоряженій по округу ввѣренной Вамъ судебной палаты.

XV. Декабря 1 дня 1901 года № 42347.

Старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ.

По приказанію Министра Юстиціи, Первый Департаментъ препровождаетъ при семъ, для свѣдѣнія и руководства, копію опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 16 января 1901 года по дѣлу дворянина Епифана Шмарева, осужденнаго за преступленія, предусмотрѣнныя ст. 1656 улож. наказ. и 169 и 170 уст. наказ.

Копія.

1901 года января 16-го дня. Въ судебномъ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената присутствовали Г.г. Сенаторы:

Первоприсутствующій Н. С. Таганцевъ.

Г. К. Рѣпинскій	А. Н. Марковичъ
С. Ѳ. Платоновъ	Н. И. Похвисневъ
В. А. Желеховскій	Баронъ А. Ѳ. Корфъ
Ѳ. Ѳ. Ивановъ	В. Ѳ. Фененко
Н. Б. Якоби	М. Ѳ. Люце
А. А. Арцимовичъ	В. В. Смиттенъ
Е. Ѳ. Турау	В. Н. Варваринъ
И. Я. Фойницкій	М. Г. Акимовъ

Докладывалъ дѣло Сенаторъ В. Ѳ. Фененко.

Заключеніе по дѣлу давалъ г. Оберъ-Прокуроръ В. К. Случевскій.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: протестъ товарища прокурора Усть-

Медвѣдицкаго окружнаго суда на приговоръ того же суда по обвиненію дворянина Епифана *Шмарева* по 1656 ст. улож. и 169 и 170 ст. уст. о нак.

Приговоромъ Усть-Медвѣдицкаго окружнаго суда урядникъ изъ дворянъ Области войска Донскаго Епифанъ Шмаревъ присужденъ, на основаніи ст. 1656 улож. о нак., ст. 169 и 170 уст. о нак., къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца съ послѣдствіями, указанными въ 3 п. III отд. закона 10 іюня 1900 г. Въ принесенномъ на этотъ приговоръ протестѣ товарищъ прокурора того же суда ходатайствуетъ объ отмѣнѣ его за непримѣненіемъ къ Шмареву 4 п. III отд. упомянутаго закона относительно отдачи осужденнаго, по освобожденіи отъ заключенія въ тюрьмѣ, подъ надзоръ полиціи на два года.

Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: въ ст. 3 и 4 отд. III закона 10 іюня 1900 г. опредѣлены послѣдствія, наступающія для осужденныхъ по освобожденіи ихъ отъ заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ тюрьмѣ или крѣпости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ст. улож. о нак. 44, 47—49, 51 и примѣч. отмѣнены (отд. IV того же закона); при этомъ изъ журнала Гос. Сов. 24, 26 апр., 1 и 7 мая 1900 г. видно, что при начертаніи закона 10 іюня 1900 г. и временныхъ при немъ правилъ, признавая возможнымъ, безъ переизданія въ законодательномъ порядкѣ подлежащихъ статей улож. о нак. и другихъ частей Свода законовъ, ограничиться изложеніемъ особыхъ правилъ о замѣнѣ ссылки другими наказаніями, Государственный Совѣтъ исходилъ изъ того, главнымъ образомъ, соображенія, что предположенныя измѣненія въ дѣйствующихъ карательныхъ постановленіяхъ будутъ примѣняться лишь до изданія новаго уголовнаго уложенія и будутъ потому носить временный характеръ, и что при начертаніи этого закона и врем. прав. Государственный Совѣтъ не имѣлъ въ виду дѣлать какія-либо существенныя измѣненія въ тѣхъ статьяхъ улож. о нак., которыя касались не самыхъ наказаній, а лишь послѣдствій оныхъ. Въ виду сего, предварительно разрѣшенія возбужденнаго по настоящему дѣлу вопроса, надлежитъ остановиться на значеніи содержавшихся въ отмѣненныхъ нынѣ 44, 47—49 и 51 статьяхъ постановленій, на основаніи которыхъ опредѣлялись послѣдствія для осужденныхъ къ тому или иному виду заключенія, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ или только нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ, правъ и преимуществъ. Изъ текста ст. 44 и 47 улож. о нак.

видно, что сила ихъ распространялась исключительно на тѣхъ осужденныхъ по ст. 31 и 33 улож. о нак., которые по правамъ состоянія были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и что сосланные на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, по освобожденіи изъ временнаго заключенія, состояли подъ надзоромъ полиціи и должны были избрать себѣ родъ жизни, по правиламъ, указаннымъ въ ст. 47 улож. о нак. По статьямъ же 48 и 49 улож. назначались послѣдствія для лицъ, отъ тѣлесныхъ наказаній не изъятыхъ, и дѣйствію 48-й ст. по освобожденіи отъ заключенія подлежали присужденные къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на основаніи ст. 30, 1 и ст. 31 улож. о нак., а по ст. 49 опредѣлялись послѣдствія осужденнымъ къ заключенію въ тюрьмѣ на основаніи ст. 30, II и ст. 33. Что же касается ст. 51 улож. о нак., то указанныя въ ней послѣдствія распространялись на лицъ всѣхъ состояній, присужденныхъ къ заключенію въ крѣпости или тюрьмѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 30, IV и ст. 34), какъ это явствуетъ изъ буквальнаго смысла сей статьи и сопоставленія ея со статьею 50 улож. о нак. Вышеизложенное даетъ основаніе заключать, что назначеніе въ судебныхъ приговорахъ послѣдствій по той или другой изъ перечисленныхъ статей уложенія, будучи обусловлено принадлежностью осужденныхъ къ тому или другому состоянію или званію, находилось въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ свойства учиненнаго осужденнымъ преступнаго дѣянія и отъ того вида исправительнаго наказанія, которое было назначено за это дѣяніе по закону, и что дѣйствіе постановленій, въ тѣхъ статьяхъ содержащихся, распространялось только на осужденныхъ, точно въ нихъ указанныхъ. Останавливаясь въ частности на вопросѣ о томъ, на всѣхъ ли осужденныхъ къ тюремному заключенію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, распространялось дѣйствіе ст. 49 улож., надлежитъ замѣтить, что сдѣланная въ сей статьѣ ссылка на ст. 30, II улож. о нак., не даетъ основаній для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Изъ историческаго же обзора узаконеній, относящихся къ исправительнымъ наказаніямъ и къ послѣдствіямъ оныхъ, опредѣлявшихся по ст. 49 и 51 улож. о нак., видно, что эти наказанія, перечисленныя по дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ въ ст. 30, и въ уложеніи о наказаніяхъ изд. 1866 г., были перечислены въ той же статьѣ. По сему послѣднему къ исправительнымъ наказаніямъ, кромѣ отдачи въ арестантскія роты и рабочіе дома, сопровождавшейся потерею всѣхъ особенныхъ правъ и

преимуществъ, принадлежали: временное заключеніе въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ, соединенныя съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же безъ лишенія оныхъ, смотря по роду преступленія и мѣрѣ вины (ст. 30, III и IV улож. о нак., изд. 1866 г.), и временное заключеніе въ тюрьмѣ (тамъ же ст. 30, V). Послѣдствія же для осужденныхъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ (ст. 30, II) опредѣлялись и по улож. о нак. 1866 г. по ст. 49 и состояли въ отдачѣ освобожденныхъ отъ онаго подъ надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ на два года, съ воспрещеніемъ перемѣны мѣста жительства безъ особаго на то дозволенія, а для осужденныхъ къ заключенію въ крѣпости или смирительномъ домѣ, соединенному съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, послѣдствія назначались на основаніи ст. 51 того уложенія, съ сокращеніемъ времени надзора до одного года. Высочайше утвержд. 24 апрѣля 1884 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (Собр. узак. 1884 г. № 72 ст. 515) заключеніе въ рабочемъ и смирительныхъ домахъ отмѣнено и замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ на сроки, опредѣленные соотвѣтствующими статьями улож. о нак., съ сохраненіемъ притомъ потери осужденными особыхъ правъ и преимуществъ, а равно отдачи освождаемыхъ изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домахъ сопряжено было съ этими послѣдствіями (улож. о нак., изд. 1866 г. ст. 30, II, 36, 49 и 51). При послѣдующемъ изданіи уложенія о наказаніяхъ въ 1885 году, текстъ ст. 30 изложенъ въ редакціи, которую она имѣетъ нынѣ, и которая согласована съ воспослѣдовавшею въ законодательномъ порядкѣ замѣною заключенія въ рабочемъ и смирительномъ домахъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. При этомъ изданіи, примѣчаніе, помѣщенное въ улож. о нак. 1866 г. подъ ст. 30 II, по силѣ коего въ перечисленныхъ въ немъ случаяхъ дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане подвергаются заключенію въ тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, въ уложеніи о наказаніяхъ 1885 г., перенесено подъ отд. V той же ст. 30. Изъ объяснительной записки къ Высочайше утв. 27 декабря 1865 г. мн. Госуд. Сов. о согласованіи уложенія съ уставомъ о наказаніяхъ, нал. мир. суд., видно, что заключеніе въ тюрьмѣ, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, введено впервые въ улож. о нак. въ цѣляхъ точнаго согласованія соотвѣтствующихъ статьѣ 181 уст. о нак. статей уложенія 1857 г., объемлющихъ совершенно тѣ же преступныя дѣянія. Въ сихъ видахъ было постановлено дополнить ст. 35 уложенія 1857 г. особымъ примѣчаніемъ о томъ, что въ опре-

дѣленныхъ статьями 2238, 2253 и 2272 случаяхъ дворяне, священнослужители, монашествующіе и почетные граждане подвергаются упомянутому лишенію правъ и заключенію въ тюрьмѣ не свыше одного года. При изданіи уложенія о нак. 1866 г. это примѣчаніе съ соотвѣтствующимъ новому изданію измѣненіемъ номераціи статей (1656, 1667 и 1682) было помѣщено подъ отд. II ст. 30, а въ уложеніи изд. 1885 г. это примѣчаніе перенесено подъ отд. V ст. 30, при чемъ, кромѣ указанія на ст. 1656, 1667 и 1682, въ немъ указаны еще и другія статьи, на основаніи коихъ по закону 1884 г.,—для исчисленныхъ въ примѣчаніи лицъ тюрьма соединяется съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ. Такимъ образомъ, происшедшее въ законодательствѣ измѣненіе въ отношеніи наказуемости лицъ, перечисленныхъ въ примѣчаніи къ отд. V ст. 30 улож. о нак., ничего новаго въ дѣйствовавшія постановленія относительно послѣдствій, назначаемыхъ на основаніи ст. 49, не внесло; за отмѣною же въ 1884 г. заключенія въ рабочемъ и смирительномъ домахъ и замѣною этихъ наказаній заключеніемъ въ тюрьмѣ (ст. 30, II и IV) ст. 49 и 51 въ улож. о нак., изд. 1885 г., измѣнены только въ редакціонномъ отношеніи, и опредѣляемыя этими статьями послѣдствія тѣ же самыя, какія были назначены и по уложенію о нак., изд. 1866 г. Вышеизложенное приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что изъ присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ надзору полиціи или обществъ подлежали лишь тѣ изъ освобожденныхъ отъ этого заключенія, которымъ такое наказаніе было назначено по отд. II и IV ст. 30, т. е. на основаніи ст. 33 и 36 улож. о нак., и что присуждаемые къ временному заключенію въ тюрьмѣ на основаніи ст. 30, V и прим., сопровождавшемуся лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, отдачѣ подъ такой надзоръ не подлежали. Что наступленіе для осужденныхъ тѣхъ или иныхъ послѣдствій обусловливалось по уложенію о наказаніяхъ, главнымъ образомъ, свойствомъ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяній и опредѣленныхъ за нихъ по закону наказаній, подтверждается и содержащимся въ ст. 139[1] улож. о нак. постановленіемъ, по силѣ коего опредѣленнымъ въ ст. 49 послѣдствіямъ подвергались и несовершеннолѣтніе, присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ на основаніи ст. 139 улож. о нак. Такое постановленіе закона находитъ для себя исключительное объясненіе въ свойствахъ и значеніи тѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыя такіе несовершеннолѣтніе подлежали наказаніямъ, въ ст. 139 указаннымъ, ибо, напротивъ того, на несовершеннолѣтнихъ, совершившихъ менѣе важныя преступленія и присужденныхъ на основаніи ст. 140, вмѣсто наказанія по ст. 30, II, къ заключенію въ

тюрьмѣ, указанныя въ ст. 48, 49 и 51 улож. о нак. послѣдствія не распространялись. Переходя, засимъ, къ разсмотрѣнію содержащихся въ отдѣлѣ III закона 10 Іюня 1900 г. постановленій, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что изложенное въ ст. 3 этого отдѣла постановленіе, по силѣ коего освобожденныя отъ заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ или въ тюрьмѣ (улож. о нак. ст. 30, II и V), лица, изъятыя по правамъ состоянія отъ наказаній тѣлесныхъ, обязаны избрать себѣ родъ жизни, записываясь въ мѣщанское или сельское состояніе, но безъ права участвовать въ выборахъ, замѣнило собою узаконеніе, содержавшееся въ ст. 47 ул. о нак. и согласно съ нимъ опредѣляетъ то состояніе, которому слѣдуютъ поименованныя въ немъ лица по отбытіи ими наказанія; 2) что содержащееся въ п. А ст. 4 того же отдѣла постановленіе объ отдачѣ изъ числа осужденныхъ подъ надзоръ мѣстной полиціи на 4 года освобожденныхъ отъ работъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ замѣнило ст. 44 и 48 улож. о нак. При этомъ буквальный текстъ этого постановленія указываетъ, что за замѣной ссылки на поселеніе и на житье въ Сибирь отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 2—4 врем. прав.), послѣдствія, опредѣляемыя на основаніи указаннаго пункта ст. 4, должны быть назначаемы въ судебныхъ приговорахъ всѣмъ, присуждаемымъ нынѣ къ этому наказанію; 3) что за замѣною ссылки на житье въ другія, кромѣ Сибири, отдаленныя губерніи для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, заключеніемъ въ тюрьмѣ (ст. 5 врем. прав.), содержащееся въ п. Б ст. 4 постановленіе, какъ замѣнившее собою ст. 44 и 49 улож. о нак., должно быть примѣняемо исключительно къ тѣмъ осужденнымъ, которые подлежали надзору на основаніи приведенныхъ статей уложенія о наказаніяхъ (ст. 30, II и ст. 33); 4) что правило, приведенное въ п. В той же статьи, замѣнило собою ст. 51 улож. о нак. и потому должно быть примѣняемо на тѣхъ же основаніяхъ, по какимъ примѣнялась ст. 51 (улож. о нак. ст. 30, IV, 34 и 36). Но независимо сего, послѣдствіямъ, означеннымъ въ этомъ пунктѣ, нынѣ подлежатъ и тѣ изъ осужденныхъ, которымъ заключеніе въ крѣпости, указанное въ ст. 30, IV и ст. 34 улож. о нак., будетъ назначено въ случаяхъ, перечисленныхъ въ п. Д отд. II зак. 10 Іюня 1900 г. при переходѣ отъ ссылки на поселеніе къ заключенію въ крѣпости, а равно и при замѣнѣ этимъ наказаніемъ ссылки на житье въ Сибирь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 4 врем. прав., и 5) что для присуждаемыхъ къ временному заключенію въ тюрьмѣ на основаніи ст. 30, V и примѣч., никакихъ другихъ послѣд-

ствій, кромѣ обязанности, возлагаемой на нихъ 3 ст. III отд., избрать себѣ родъ жизни, въ законѣ 10 Іюня 1900 г. не установлено. Признавая въ виду изложеннаго, что осужденные къ временному заключенію въ тюрьмѣ на основаніи ст. 30, V и прим., по освобожденіи отъ заключенія, отдачѣ подъ надзоръ полиціи и по закону 10 Іюня 1900 г. не подлежатъ, какъ не подлежавшіе таковой и до изданія этого закона, и что посему окружный судъ правильно не примѣнилъ къ Шмареву ст. 4 отд. III закона 10 Іюня 1900 г., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: протестъ товарища прокурора Усть-Медвѣдицкаго окружнаго суда, за силою 912 ст. у. у. с., оставить безъ послѣдствій, о чемъ означенному суду, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

Подлинное за подписаніемъ Г.г. Сенаторовъ и скрѣпою И. о. Оберъ-Секретаря.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДѢТЬМИ.

А. И. Загоровскаго.

(Окончаніе) [1].

Наше право, какъ мы указывали уже, давало родителямъ въ древнее время широкія полномочія въ дѣлѣ примѣненія по отношенію къ дѣтямъ домашнихъ исправительныхъ мѣръ. Издавна также родителямъ предоставлено было обращаться къ содѣйствію власти для обузданія непослушныхъ дѣтей, которая предписывала (по уложенію) „бить такихъ дѣтей кнутомъ нещадно". И впослѣдствіи (со времени Петра Великаго) за родителями сохранились права примѣнять оба вида исправительныхъ мѣръ: домашнихъ и при участіи публичныхъ властей,— посредствомъ отдачи въ смирительные дома и посредствомъ принесенія на дѣтей жалобы судебной власти совѣстнымъ, а потомъ и общимъ судамъ (Неволинъ, III, 316, 317, 323 и сл.).

Въ соотвѣтствіи съ историческимъ прошлымъ и дѣйствующій законъ дозволяетъ родителямъ для исправленія дѣтей строптивыхъ и неповинующихся, во-первыхъ, употреблять домашнія исправительныя мѣры. Каковы могутъ быть эти мѣры,—законъ не указываетъ; выборъ ихъ зависитъ отъ

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г., Январь, стр. 45.

усмотрѣнія родителей, и въ это дѣло законъ не вмѣшивается, между прочимъ, постановляя, что въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ отъ дѣтей на родителей не пріемлется никакого иска (зак. гражд. ст. 168).

Само собою разумѣется, что эта домашняя юстиція не должна заходить въ область преступленія (ст. 168). А если бы возникла на судѣ рѣчь о преступности примѣненныхъ родителями мѣръ, то въ такомъ случаѣ пришлось бы принять во вниманіе какъ общественное положеніе родителей и ихъ умственное и нравственное развитіе, такъ и степень порочности дѣтей: однѣ мѣры возможны и умѣстны въ простой средѣ, другія—среди классовъ культурныхъ.

Во-вторыхъ, родители имѣютъ право примѣнять публичныя исправительныя мѣры или а) по собственному требованію или б) по постановленію судебной власти.

Въ первомъ отношеніи—за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки дѣти, по требованію родителей, безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, родителямъ предоставляется право уменьшить, по своему усмотрѣнію, время заключенія или и совершенно простить виновныхъ (зак. гражд. ст. 165, улож. о наказ. ст. 1592). Кромѣ того родители могутъ приносить на дѣтей жалобы въ судебныя установленія (ст. 165).

Право родителей подвергать дѣтей своихъ заключенію напоминаетъ право, предоставленное родителямъ французскимъ кодексомъ, но оно ограничено у французовъ 15-лѣтнимъ возрастомъ дѣтей, а у насъ не имѣетъ такого ограниченія; но, какъ и во Франціи, не распространяется на дѣтей, состоящихъ на государственной службѣ—по понятной причинѣ: родительская власть ограничивается поступленіемъ дѣтей на государственную службу (зак. гражд. ст. 179 п. 2), да и интересы государственной службы страдали бы, если бы родители пользовались этимъ правомъ.

Постановленіе закона, надѣляющее родителей правомъ требовать заключенія своихъ непослушныхъ дѣтей, „безъ осо-

баго судебнаго разсмотрѣнія“, противорѣчитъ постановленію другаго закона, по которому требованіе о взятіи кого-либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уголовнаго судопроизводства (уст. угол. суд. ст. 9) а по правиламъ этого устава властью, имѣющею право отдавать подъ стражу обвиняемаго съ цѣлью пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія, является или судъ, или судебный слѣдователь, состоящій подъ контролемъ суда и прокуратуры (ст. 416 и сл., 491 и сл.), а властью, подвергающею заключенію обвиненнаго,—судъ, постановившій приговоръ, вошедшій въ законную силу (ст. 14).

Судебная практика, въ лицѣ Правительствующаго Сената, устраняетъ это противорѣчіе одного закона другому тѣмъ, что оставляетъ безъ вниманія (игнорируетъ) постановленіе одного изъ нихъ, а именно того, который говоритъ, что „дѣти подвергаются заключенію безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія“ (улож. наказ. ст. 1592), выставляя положеніе, что родители могутъ осуществлять свое право, означенное въ 1 п. ст. 165 зак. гражд., *только* путемъ обращенія къ судебной власти (рѣш. Общ. Собр. 1888 г. № 4). Такимъ образомъ, благодаря такому толкованію, для родителей закрытъ путь осуществить свою власть при посредствѣ суда. Сколько извѣстно, и администрація не рѣшается примѣнять указанную статью; по крайней мѣрѣ были случаи, что губернаторы, когда къ нимъ обращались родители съ просьбой подвергнуть заключенію непокорныхъ дѣтей, затруднялись исполнить такую просьбу.

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ, право наказанія, предоставленное родителямъ, не встрѣчаетъ поддержки у властей и оказывается неосуществимымъ.

Весьма вѣроятно, что это несочувствіе властей разсматриваемому праву родителей объясняется тѣмъ, что право это, благодаря обстоятельству, которое не было въ виду законодателя при надѣленіи имъ родителей, стало строже, чѣмъ было прежде. Дѣло въ томъ, что съ упраздненіемъ смирительныхъ домовъ (или, вѣрнѣе, съ исключеніемъ ихъ изъ

лѣстницы наказаній) закономъ 29 іюня 1884 г. вмѣсто заключенія непослушныхъ дѣтей въ смирительный домъ постановлено было заключать ихъ въ тюрьму. Конечно, это соображеніе не должно имѣть вліяніе на примѣненіе закона. Dura lex, sed lex est.

Что законодатель нашъ рѣшительно желалъ сохранить за родителями право заключать своихъ дѣтей подъ стражу, видно изъ слѣдующей исторической справки. Въ уставѣ о содержащихся подъ стражею было постановлено: I. Въ смирительныхъ домахъ содержатся: 1) осужденные на временное въ сихъ домахъ заключеніе за преступленія и проступки на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ; 2) дѣти, поступающія въ оныя по требованію родителей за упорное неповиновеніе родительской власти, за развратную жизнь и другіе явные пороки и 3) помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, отдаваемые помѣщиками по предоставленной симъ послѣднимъ власти (ст. 265). II. Люди, отдаваемые въ смирительные и рабочіе дома для исправленія помѣщиками, обществами и родителями, не смѣшиваются съ тѣми, кои приговорены къ сему заключенію по суду... Посылаемые въ смирительные дома по прошеніямъ помѣщиковъ или родителей снабжаются содержаніемъ отъ нихъ же. Безъ сего смирительный домъ ихъ не принимаетъ или и принятыхъ освождаетъ (прим. къ ст. 267).

Достойно вниманія, что здѣсь полновластіе родительское ставится въ параллель съ помѣщичьимъ. Самое заключеніе въ смирительный домъ производилось по простому требованію родителей, изложенному на имя конторы заведенія съ обозначеніемъ, на сколько времени отдается непокорный сынъ или дочь и кому онъ или она должны быть сданы. Словомъ, это простая препроводительная бумага.

Такимъ образомъ исторія закона не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что родители имѣютъ право безъ судебнаго приговора подвергать своихъ дѣтей заключенію. Конечно, сказанное выше объ устарѣлости подобныхъ мѣръ вполнѣ сюда приложимо.

По нашимъ мѣстнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ Цар-

ствѣ Польскомъ, родители, имѣющіе поводы быть недовольными поступками своихъ дѣтей, могутъ наказывать ихъ безъ вреда ихъ здоровью и успѣхамъ въ наукахъ (гражд. улож. ст. 339); а по законамъ остзейскимъ—по жалобамъ родителей на явное нарушеніе дѣтьми ихъ долга, судъ принимаетъ нужныя мѣры, не обращая дѣла къ формальному производству (ст. 212).

Сюда же должны быть отнесены и слѣдующія постановленія нашего Свода законовъ. Неотдѣленныхъ дѣтей (бывшихъ государственныхъ крестьянъ), непослушныхъ родителямъ, а тѣмъ болѣе оскорбившихъ ихъ словами, наказывать по волѣ родителей соразмѣрно сдѣланному оскорбленію (т. XII сводъ уст. о благоустр. въ казенн. селен. ст. 489). Отдѣленныя дѣти, оскорбившія родителей словами, наказываются, по просьбѣ сихъ послѣднихъ, строгимъ заключеніемъ подъ стражу или *розгами*, по мѣрѣ вины (ст. 490).

Изложенное показываетъ, что право во всѣ времена и у всѣхъ народовъ создаетъ мѣры для поддержанія родительскаго авторитета. Но наблюденіе надъ явленіями общественной жизни свидѣтельствуетъ, что этихъ заботъ права мало: недостаточно только охранять родительскій авторитетъ, недостаточно также постановить, что родители на ряду съ правами несутъ и обязанности. Опытъ жизни показываетъ, что на ряду съ родителями, проникнутыми самыми нѣжными чувствами къ своимъ дѣтямъ, жертвующими для нихъ своими силами, здоровьемъ, болѣющими вмѣстѣ съ ними ихъ недугами физическими и моральными, есть не мало и такихъ отцовъ и матерей, которые лишены всякихъ добрыхъ родительскихъ чувствъ, которые не только не заботятся о пропитаніи и воспитаніи своихъ дѣтей, но напротивъ развращаютъ ихъ, эксплоатируютъ ихъ трудъ и имущество въ свою пользу и въ концѣ концовъ готовятъ изъ нихъ не полезныхъ гражданъ, а людей развращенныхъ, морально испорченныхъ, наполняющихъ собою арестные дома, тюрьмы и остающихся на всю жизнь тяжелымъ бременемъ для государства. Такъ, между прочимъ, на международныхъ тюремныхъ конгрессахъ неоднократно было обращаемо вниманіе на возрастающую пре-

ступность среди молодежи и на весьма раннее проявленіе склонности къ преступленіямъ у дѣтей, которыя, рождаясь въ семьяхъ, испытывающихъ нужду и стоящихъ на низкомъ уровнѣ моральномъ, сами постепенно привыкаютъ къ нищенству, бродяжничеству и т. п.; при чемъ очень часто преступность дѣтей является или плодомъ систематическаго развращенія ихъ родителями, или же результатомъ преступнаго злоупотребленія принадлежащей имъ властью.

Уже право древнихъ народовъ, расширявшее родительское полновластіе до крайнихъ предѣловъ, ставило ему нѣкоторыя ограниченія. Такъ, у евреевъ родители не имѣли права на жизнь дѣтей: если у кого-либо былъ сынъ непокорный и буйный или мотъ и пьяница, то родители приводили его къ старѣйшинамъ, къ городскимъ воротамъ, гдѣ творился судъ, и здѣсь жители города побивали его камнями (Второз. XXI, 18—21). Въ Аѳинахъ Солонъ отмѣнилъ право родителей на жизнь дѣтей. Отецъ имѣлъ право только прогнать непокорнаго сына.

У римлянъ весьма рѣзко очерченная отцовская власть обнаруживала по мѣрѣ хода исторіи наклонность все къ большему и большему ослабленію и ограниченію. Это замѣтно было уже подъ конецъ республиканскаго періода, но въ особенности смягчили отцовскую власть императоры. Адріанъ установилъ наказаніе ссылкой за убійство сына, хотя бы и преступнаго. Право жизни и смерти надъ дѣтьми было совершенно отнято у отца конституціей императора Константина, и ко времени Юстиніана за отцомъ осталось только право подвергать дѣтей сравнительно легкимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Право продажи дѣтей было воспрещено императоромъ Діоклетіаномъ (Mayer, Rechte Israeliten, Athener und Römer, II, стр. 410 и 461; Боголѣповъ, Учебникъ исторіи римскаго права, стр. 508, 568, 616). Постепенно выработался принципъ: patria potestas in pietate debet non in atrocitate consistere.

На этомъ принципѣ въ существѣ дѣла построены постановленія дѣйствующихъ законодательствъ по разсматриваемому вопросу. Такъ, древнѣйшій изъ современныхъ европей-

скихъ кодексовъ—прусское земское уложеніе—постановляетъ: родительская власть въ дѣлѣ воспитанія дѣтей ограничивается, если они нерадиво относятся къ выполненію этой обязанности, жестоко обращаются съ дѣтьми или учатъ ихъ дурному, или отказываютъ имъ въ необходимомъ содержаніи. Въ этомъ случаѣ дѣти могутъ быть отняты у родителей, и воспитаніе ихъ ввѣрено постороннему лицу за счетъ родителей (II, 2, §§ 90, 91, 266).

По австрійскому гражданскому уложенію, отцы, пренебрегающіе обязанностью содержанія и воспитанія своихъ дѣтей, лишаются родительской власти навсегда, при чемъ возбудить ходатайство по этому поводу предъ кѣмъ слѣдуетъ предоставляется не только родственникамъ дѣтей, но и всякому знающему объ этомъ (§§ 177, 178). По одному изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ кодексовъ—саксонскому уложенію—если родители въ значительной степени пренебрегаютъ воспитаніемъ дитяти и подвергаютъ опасности его тѣлесное или духовное благо, то опекунскій судъ имѣетъ право принять соотвѣтственныя мѣры и учредить опеку надъ малолѣтнимъ (§ 1803).

По общегерманскому уложенію, отецъ лишается родительской власти, если онъ приговоренъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ (Zuchthaus) или въ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ за преступленіе или умышленно совершенный проступокъ, по отношенію къ своему дитяти (§ 1680). Опекунскій судъ обязанъ принимать необходимыя для предотвращенія опасности мѣры, когда духовное или тѣлесное благосостояніе дитяти страдаетъ вслѣдствіе того, что отецъ злоупотребляетъ правомъ попеченія о личности дитяти, не заботится о немъ или оказывается виновнымъ въ безпечномъ и безнравственномъ поведеніи. Въ особенности опекунскій судъ можетъ постановить, чтобы дитя было помѣщено для воспитанія въ подходящую семью или въ воспитательное или исправительное заведеніе. Если же отецъ нарушаетъ права дитяти на полученіе отъ него содержанія и если на будущее время возникаютъ значительныя опасенія относительно доставленія содержанія, то онъ можетъ быть лишенъ права на управленіе и пользованіе дѣтскимъ имуществомъ (§ 1666).

По итальянскому уложенію, если родитель злоупотребляетъ своею властью, нарушая свои обязанности, или пренебрегая ими, или дурно распоряжаясь дѣтскимъ имуществомъ, то судъ, по требованію кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ или прокурорскаго надзора, можетъ назначить опекуна къ лицу и имуществу малолѣтняго или принять въ интересахъ его другія мѣры (ст. 233).

Но самый важный въ этомъ отношеніи законъ изданъ во Франціи 14 іюля 1889 г. Онъ называется закономъ о покровительствѣ дѣтямъ морально заброшеннымъ и трактуетъ о лишеніи родительской власти. Французскій законодатель въ этомъ отношеніи различаетъ два рода случаевъ: совершеніе родителями такихъ преступныхъ дѣйствій, которыя касаются личности дитяти и моральнаго его положенія, и совершеніе такихъ дѣйствій, которыя, не касаясь прямо личности дитяти, заключаютъ въ себѣ опасныя стремленія родителей. Въ первыхъ случаяхъ лишеніе родительской власти обязательно; во вторыхъ—вопросъ этотъ рѣшаетъ судъ.

Лишеніе родительской власти обязательно: 1) въ случаѣ признанія судомъ родителей виновными въ томъ, что они склоняли своихъ дѣтей или дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченію, къ веденію распутной жизни, благопріятствовали ей или облегчали ее (за что полагается тюремное заключеніе отъ 2 до 5 лѣтъ); 2) въ случаѣ осужденія родителя, какъ виновника или соучастника въ *преступленіи*, совершенномъ по отношенію къ своему дитяти; 3) въ случаѣ двукратнаго осужденія, какъ виновника или соучастника въ проступкѣ по отношенію къ своему дитяти; 4) въ случаѣ двукратнаго осужденія за возбужденіе къ распутству малолѣтнихъ.

Въ слѣдующихъ случаяхъ лишеніе родительской власти можетъ быть постановлено судомъ: 1) при присужденіи родителей къ каторжнымъ работамъ навсегда или на-время, или къ заключенію, какъ виновниковъ или соучастниковъ въ совершеніи опредѣленныхъ, перечисленныхъ въ законѣ, преступленій; 2) при двукратномъ осужденіи родителей за оставленіе или похищеніе дѣтей или за бродяжничество; 3) при осужденіи родителей за публичное пьянство или за

нарушеніе закона, воспрещающаго употребленіе дѣтей для опасныхъ представленій или для нищенства; 4) при осужденіи родителей въ первый разъ за возбужденіе малолѣтнихъ къ дебошу; 5) при помѣщеніи дитяти въ исправительное заведеніе, послѣ того какъ оно было взято оттуда родителями и подпало опять ихъ дурному вліянію; 6) при наличности фактовъ, хотя бы и не констатированныхъ судомъ, но угрожающихъ здоровью, безопасности или нравственности дѣтей, вслѣдствіе постояннаго пьянства родителей, завѣдомо неприличнаго поведенія или дурнаго обращенія.

Въ силу вышеуказанныхъ причинъ родители лишаются власти во всемъ ея объемѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ: права надзора, воспитанія, исправленія, права давать согласіе на бракъ и права пользоваться дѣтскимъ имуществомъ. Но родители однакоже не освобождаются отъ элементарной обязанности по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а дѣти—отъ обязанности почтительно относиться къ своимъ родителямъ.

Англійскій законъ 17 августа 1894 г. идетъ еще дальше въ заботѣ о малолѣтнихъ. Онъ устанавливаетъ отвѣтственность для всякаго (не только для родителя), кто, имѣя попеченіе, присмотръ или уходъ за малолѣтними моложе 16 лѣтъ, будетъ самъ умышленно чинить ему насиліе, дурно или нерадиво обращаться съ нимъ, а также будетъ позволять малолѣтнему просить милостыню или же находиться въ помѣщеніяхъ, гдѣ производится торговля крѣпкими напитками, а равно въ циркѣ или иномъ увеселительномъ заведеніи съ цѣлью пѣть, играть, участвовать въ представленіи за плату. Законъ этотъ предоставляетъ суду право постановить опредѣленіе объ изъятіи малолѣтняго изъ попеченія лица, осужденнаго за жестокое обращеніе, съ правомъ отдачи на попеченіе родственнику или постороннему лицу, или въ профессіональную школу до достиженія 16-лѣтняго возраста.

Наше законодательство въ этомъ вопросѣ отстало отъ потребностей времени. Оно пока не пошло дальше охраненія родительскаго авторитета, оставляя безъ вниманія права дѣтей. Въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) наши мѣстные законы ближе къ западно-европейскому праву,

нежели 1 ч. X т. Такъ, по гражданскому уложенію Царства Польскаго родители, имѣющіе поводъ быть недовольными поступками своихъ дѣтей, могутъ наказывать ихъ безъ вреда ихъ здоровью и успѣхамъ въ наукахъ. Тѣмъ не менѣе родителямъ, превышающимъ свою власть употребленіемъ мѣръ, вредныхъ здоровью ихъ дѣтей, должно быть сдѣлано гражданскимъ судомъ первой степени, при закрытыхъ дверяхъ, внушеніе и дано наставленіе о болѣе кроткомъ обращеніи. За повтореніе сего проступка или даже, смотря по усиливающимъ вину обстоятельствамъ и грозящей опасности, за совершеніе онаго въ первый разъ, родители могутъ быть лишены судебнымъ рѣшеніемъ родительской власти, а опека надъ дитятею или дѣтьми ввѣряется кому-либо другому на счетъ виновнаго отца или матери (ст. 339).

По законамъ остзейскимъ, родители въ видѣ наказанія лишаются своей власти: а) за подкинутіе и оставленіе своихъ дѣтей; б) за сводничество дочери и в) за кровосмѣшеніе при вступленіи отца или матери во второй бракъ (ст. 227). Если родители какъ-нибудь иначе будутъ употреблять во зло родительскую власть, особливо же дурно обращаться со своими дѣтьми, то, какъ сіи послѣднія сами, такъ и ближайшіе родственники ихъ, или даже и постороннія лица, по дошедшему о томъ до нихъ свѣдѣнію, могутъ обращаться къ защитѣ суда, который въ правѣ, смотря по обстоятельствамъ, опредѣлить прекращеніе дѣйствія родительской власти (ст. 228).

Общее наше законодательство не даетъ подобныхъ мѣръ охраны на случай злоупотребленія родителями своею властью. Самые безнравственные родители, поведеніе которыхъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на дѣтей, страдающихъ морально и физически, сохраняютъ всю полноту своей власти, какъ и родители безукоризненной нравственности и вполнѣ чадолюбивые.

Нельзя однакоже сказать, чтобы законодательство наше оставляло безъ вниманія злоупотребленіе родителями своею властью и преступленія послѣднихъ по отношенію къ дѣтямъ. Напротивъ, уголовный законъ преслѣдуетъ такія преступленія и даже усиливаетъ за нихъ наказанія. Такъ, мы находимъ

въ немъ слѣдующія постановленія. Родители, вовлекшіе умышленно несовершеннолѣтнихъ дѣтей своихъ въ какое-либо преступленіе, чрезъ употребленіе во зло своей власти или посредствомъ преступныхъ внушеній, хотя бы они сами въ томъ преступленіи непосредственнаго участія не принимали, подвергаются за это высшей мѣрѣ наказаній, за тѣ преступленія въ законѣ опредѣленныхъ (улож. наказ. ст. 1587). За причиненіе дѣтямъ родителями увѣчья, какъ поврежденія въ здоровьѣ или умственныхъ способностяхъ, наказанія, положенныя за эти преступленія, возвышаются на двѣ степени (ст. 1492). Родители, которые чрезъ явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе властью, побудятъ дитя свое къ самоубійству, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и четырехъ мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 1476).

По закону 2 іюня 1897 г. родители, которымъ по рѣшенію суда отданы подъ отвѣтственный надзоръ дѣти отъ 10 до 17-лѣтняго возраста, за оставленіе ихъ безъ надлежащаго надзора, если дѣтьми будетъ совершено какое-либо преступленіе, подвергаются аресту не свыше 1 мѣсяца или денежному взысканію не свыше 100 руб.

Родители, изобличенные въ принужденіи дѣтей своихъ къ браку или къ постриженію въ монашество, подлежатъ за это заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4-хъ мѣсяцевъ до 1 года и 4-хъ мѣсяцевъ (ст. 1586).

За умышленное развращеніе нравственности дѣтей, сводничество, равно какъ за потворство, также съ намѣреніемъ, ихъ разврату, родители подвергаются наказанію по правиламъ, постановленнымъ о преступленіяхъ противъ общественной нравственности (отъ заключенія въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ до лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и ссылки на житье въ Сибирь,—ст. 1588, 993, 998).

Но всѣ эти уголовныя кары все-таки не обезпечиваютъ дѣтей отъ дурнаго вліянія родителей: и наказанный родитель, признанный судомъ жестокосерднымъ отцомъ, разрушающимъ здоровье своихъ дѣтей и влекущимъ ихъ къ мораль-

ной гибели, все-же сохраняетъ въ силѣ свою власть и можетъ опять злоупотреблять ею. Здѣсь очевидная недостаточность закона, разсчитаннаго лишь на безупречныхъ и чадолюбивыхъ родителей.

Только въ одномъ случаѣ законъ нашъ нашелъ возможнымъ изъять дѣтей изъ подъ дѣйствія родительской власти: если родители, будучи по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ, будутъ воспитывать ихъ по обрядамъ другаго христіанскаго исповѣданія, дѣти ихъ отдаются на воспитаніе родственникамъ православной вѣры или опекунамъ (улож. наказ. ст. 190).

Эта недостаточность сознана уже и самимъ законодателемъ, такъ какъ въ новѣйшихъ проектахъ законодательныхъ работъ предположено внести въ этотъ отдѣлъ нашего законодательства значительныя поправки и дополненія.

Такъ, послѣдній проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ предусматриваетъ случаи ограниченія родительской власти, какъ въ отношеніи личности дитяти, такъ и въ отношеніи его имущества. При явномъ небреженіи о воспитаніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей,—сказано въ немъ,—или жестокомъ съ ними обращеніи отца, а равно въ случаѣ порочнаго его поведенія, могущаго имѣть пагубное вліяніе на нравственность или здоровье дѣтей, опекунскій начальникъ съ разрѣшенія съѣзда можетъ сдѣлать родителю, при закрытыхъ дверяхъ, внушеніе, помѣстить дѣтей на счетъ отца въ какое-либо семейство, въ учебное заведеніе или въ пріютъ, передать опеку матери и даже назначить къ дѣтямъ опекуна (ст. 48). Равнымъ образомъ, если имуществу несовершеннолѣтняго дитяти угрожаетъ опасность отъ злоупотребленія или нерадѣнія отца, то опекунскій начальникъ въ правѣ потребовать отъ отца достаточнаго обезпеченія имущества его дѣтей (ст. 49).

Кромѣ того, согласно этому же проекту, опека родителей прекращается присужденіемъ ихъ къ наказанію, влекущему за собой лишеніе родительской власти, или признаніемъ ихъ по судебному приговору виновными въ сводничествѣ своихъ дѣтей или въ злоупотребленіи родительской властью, а также

ссыльнаго родителя, если дѣти за нимъ не послѣдовали (ст. 55, п. 3).

Еще внимательнѣе относится къ этому предмету проектъ уголовнаго уложенія, согласно которому допускается ограниченіе родительской власти и въ нѣкоторыхъ случаяхъ присужденія къ исправительному дому, если преступное дѣяніе было направлено на личность дѣтей и судъ найдетъ достаточно основаній для примѣненія такого ограниченія. Кромѣ того, родители могутъ быть лишены власти надъ малолѣтними дѣтьми, если они будутъ признаны виновными въ жестокомъ съ ними обращеніи, въ отдачѣ ихъ для нищенства, бродяжничества или безнравственнаго занятія, а также въ потворствѣ непотребству или иному разврату (ст. 27, 361).

„Лица, имѣющія родительскую власть надъ дѣтьми",—говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту уложенія,—„располагаютъ чрезвычайными средствами вліянія на нихъ; лежащія на нихъ обязанности, притомъ, уполномачиваютъ государство ставить на ихъ счетъ не только прямое воздѣйствіе на дѣтей, но и невоспрепятствованіе послѣднимъ обращаться на порочный путь, отъ котораго дѣти могли бы быть удержаны при своевременной ихъ остановкѣ на первыхъ шагахъ. Опытъ показываетъ, что злонамѣренному потворству со стороны родителей обязаны многочисленные случаи дѣтской преступности" (стр. 219).

II.

Имущественныя отношенія.

1) Историческій обзоръ.

По поводу имущественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми существуетъ разногласіе между нашими изслѣдователями. Одни (Неволинъ, Сергѣевичъ) находятъ издревле полную раздѣльность между родительскимъ и дѣтскимъ достояніемъ. Другіе (Владимірскій-Будановъ) отрицаютъ ее, полагая, что родители и дѣти владѣли имуществомъ совмѣстно. Думаемъ, что это второе мнѣніе болѣе согласно съ

общимъ имущественнымъ строемъ того времени и съ источниками.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи собственность принадлежала семьѣ и управлялась съ общаго согласія членовъ ея. Это явленіе въ извѣстной степени обще-историческое. Въ древнее время личное начало въ правѣ обнаруживается слабо, и въ такомъ естественномъ союзѣ, какъ семья, гдѣ общими средствами наживается достояніе, естественно и признать его общимъ. Большинство нашихъ изслѣдователей, въ соотвѣтствіи съ этимъ, и въ древнемъ завѣщаніи (рядъ) видитъ только основанное на обычаѣ распредѣленіе домохояиномъ имущества между членами семьи, которые еще при жизни были участниками обще-семейной собственности. Эти воззрѣнія пережили вѣка и до сихъ поръ живутъ среди нашего простаго народа.

При такихъ условіяхъ дѣти, и въ особенности сыновья, не были только безправными приращателями родительскаго достоянія.

Въ пользу такого взгляда говорятъ и источники. Сохранился цѣлый рядъ актовъ, въ которыхъ говорится, что пріобрѣтатель имущества пріобрѣлъ его себѣ и своимъ дѣтямъ; равно, что отчуждающій имущество отчудилъ его такому-то и его дѣтямъ. Затѣмъ встрѣчаются и такіе акты, въ которыхъ говорится, что пріобрѣтатели пріобрѣли такое-то имущество отъ такого-то лица и дѣтей его, или такіе, въ которыхъ уступающій имущество говоритъ, что онъ уступилъ его вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Это включеніе дѣтей въ юридическія сдѣлки показываетъ, что они разсматривались, какъ соконтрагенты. Нельзя помѣщеніе въ актахъ указаній на соучастіе дѣтей въ сдѣлкѣ объяснять только желаніемъ участниковъ показать, что пріобрѣтеніе совершается „въ вѣчное и потомственное владѣніе“, потому что о соучастіи дѣтей говорится не только отъ лица пріобрѣтателя, но и отъ лица отчудителя продавца и т. д. Для обозначенія пріобрѣтенія въ собственность у насъ употреблялись другія выраженія (пріобрѣсть въ прокъ).

Ссылка на то, что дѣти не имѣли права выкупать отчужденное ихъ отцомъ имущество, какъ на доказательство исключительныхъ правъ отца на это имущество, говоритъ скорѣе въ пользу противоположнаго мнѣнія: дѣти устранены были отъ выкупа потому, что отчужденіе предполагалось сдѣланнымъ съ ихъ согласія.

Съ прекращеніемъ самостоятельныхъ правъ личности, и не въ семейной только средѣ, обособляются и имущественныя права членовъ семьи. Такъ, вскорѣ послѣ изданія Соборнаго уложенія въ указѣ 11 іюня 1683 г. (1020) было постановлено, что вотчины, купленныя отцомъ совокупно съ дѣтьми, составляютъ собственность отца и тѣхъ только дѣтей, которыхъ имена опредѣлительно означены въ купчихъ. Слѣдовательно, пріобрѣтеніе, хотя бы совмѣстно и съ дѣтьми, но безъ поименнаго перечисленія послѣднихъ въ актѣ пріобрѣтенія, не дѣлало ихъ собственниками. Впослѣдствіи это положеніе было высказано еще опредѣленнѣе (указъ 1686 г. января 22) (1157).

Обще-семейная собственность не исключала возможности выдѣла члену семьи опредѣленнаго имущества, и тогда онъ былъ самостоятельнымъ собственникомъ выдѣленнаго. Правда, что вначалѣ эта собственность была не крѣпка, такъ какъ отецъ могъ выдѣленное взять обратно, и только къ концу XVII столѣтія это право было отнято у него (Неволинъ, стр. 347, 349).

И помимо выдѣла могла быть собственность у дѣтей. Таково, согласно Русской Правдѣ, имущество, доставшееся имъ отъ матери (будутъ ли дѣти первой жены, то то возьмутъ дѣти матери своей).

Неволинъ полагаетъ, что отецъ въ древній періодъ имѣлъ право пользоваться дѣтскимъ имуществомъ въ томъ случаѣ, когда это имущество находилось въ его рукахъ. Это мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что если даже опекунъ имѣлъ по Русской Правдѣ право обращать въ свою пользу выгоды и плоды отъ имущества малолѣтнихъ, кромѣ приплода отъ рабовъ и животныхъ, то тѣмъ болѣе это право должно было принадлежать отцу (347).

Конечно, не было основанія отказать отцу въ томъ, что̀ представлялось опекуну. Родительскій авторитетъ, который тогда стоялъ очень высоко, говорилъ за это право отца.

Въ новый періодъ нашей исторіи и по мѣрѣ приближенія къ нему замѣчается все большее и большее обособленіе въ имущественномъ отношеніи родителей и дѣтей и все большее наростаніе самостоятельности послѣднихъ. Это было естественное историческое движеніе по пути отчужденія личности отъ семьи и не объясняется только перемѣной духовной юрисдикціи на свѣтскую, какъ полагаетъ Неволинъ (стр. 357). Выдѣленное родителями дѣтямъ имущество остается разъ навсегда выдѣленнымъ и повороту къ родителямъ по ихъ волѣ не подлежитъ. Принадлежащимъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ имуществомъ родители управляютъ на правѣ опекунскомъ и не имѣютъ больше правъ на него, чѣмъ опекуны, лишившись, такимъ образомъ, права пользованія плодами его (какъ лишились, впрочемъ, и опекуны этого права).

Повидимому, законодательство и практика лишь постепенно дошли до признанія имущественной самостоятельности дѣтей. Такъ, закономъ 14 іюля 1761 г. повелѣно считать недѣйствительными заемныя и другія обязательства, выданныя неотдѣленными дѣтьми, не имѣющими собственнаго имѣнія. Впрочемъ, законъ этотъ, имѣвшій „въ виду охранить только имѣніе родителей, безъ вѣдома которыхъ неотдѣленныя дѣти ихъ сдѣлались должниками“, впослѣдствіи (въ 1824 г.) былъ отмѣненъ для обузданія расточителей, являвшихся нарушителями доброй вѣры, т. е. дѣтей, задолжавшихъ и отказывавшихся потомъ, пріобрѣвъ имущество, платить свои долги. Тогда неотдѣленныя дѣти по отношенію къ праву вступать въ обязательства были вполнѣ сравнены съ отдѣленными дѣтьми (Неволинъ, 355—357).

2) Дѣйствующее законодательство.

Дѣйствующее законодательство объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми есть не всегда точно подведенный итогъ предшествовавшихъ узаконеній.

Постепенно развивавшаяся имущественная обособленность родителей и дѣтей вылилась въ твердое правило, по которому родители не имѣютъ права на отдѣленное или частное имущество своихъ дѣтей (ст. 193), и въ томъ случаѣ, когда во время несовершеннолѣтія дѣтей родители управляютъ дѣтскимъ имуществомъ, это управленіе принадлежитъ имъ на правѣ опекунскомъ и въ его границахъ (т. X ч. 1 ст. 180), слѣдовательно, сообразно съ предписанными для опекуновъ правилами, между прочимъ, и относительно отчетности. Однако, какъ трудно бываетъ иногда въ дѣйствительности устоять на этомъ началѣ полнаго приравненія родителя къ опекуну, видно изъ того, что Сенатъ, далеко не склонный въ своихъ рѣшеніяхъ отступать отъ буквы закона, высказалъ такое положеніе: изъ правила, что распоряженія родителей по имуществу дѣтей могутъ быть признаны законными и для дѣтей обязательными въ томъ лишь случаѣ, если родители получили утвержденіе въ опекунскомъ званіи отъ опекунскихъ учрежденій, можетъ быть сдѣлано исключеніе въ томъ случаѣ, когда несомнѣнная польза малолѣтнихъ требовала обязательныхъ, не терпящихъ отлагательства дѣйствій со стороны родителей (1880 г. № 60, 1887 г. № 37).

По старой традиціи, и дѣйствующій законъ различаетъ *неотдѣленныхъ* и *отдѣленныхъ* дѣтей, относя къ первымъ тѣхъ, которымъ изъ родительскаго имѣнія не выдѣлено никакой части (ст. 182), а ко вторымъ—тѣхъ, которымъ выдѣлена законная доля или какая-либо другая часть изъ родительскаго имущества (ст. 190). Въ существѣ однако это подраздѣленіе нисколько не отражается на объемѣ правъ тѣхъ и другихъ: и неотдѣленныя дѣти такъ же самостоятельны въ имущественномъ отношеніи, какъ и отдѣленныя. Возрастъ, а не отдѣленность или неотдѣленность, имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія мѣры дѣеспособности дѣтей, такъ что отдѣленность имѣетъ только экономическое, а не юридическое значеніе. Такъ говоритъ и самъ законъ: тѣ изъ неотдѣленныхъ дѣтей, кои получатъ или пріобрѣтутъ сами имущество въ частную свою собственность, пользуются относительно управленія и распоряженія онымъ одинаковыми правами съ дѣтьми отдѣ-

ленными, на основаніи общихъ узаконеній (ст. 192), и только, какъ отголосокъ старины нѣкогда существовавшей семейной общности имуществъ, надо понимать теперь совершенно излишнія постановленія о томъ, что неотдѣленныя дѣти не могутъ ни продавать, ни закладывать родительскаго или другаго ожидаемаго ими въ наслѣдство имѣнія (ст. 183), и о томъ, что по заемнымъ обязательствамъ, и вообще всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей родители не отвѣчаютъ, если эти письма и акты даны безъ ихъ согласія и уполномочія (184). Равно излишни и послѣдующія статьи (185—188), говорящія, собственно, о поручительствѣ родителей за долги дѣтей и о томъ, что безъ такого поручительства родители не отвѣчаютъ по такимъ долгамъ,—ограниченіе, имѣющее такую же силу по отношенію къ постороннимъ, какъ и по отношенію къ дѣтямъ. Что касается статьи (183), говорящей о недѣйствительности продажи ожидаемаго послѣ родителей наслѣдства, то она излишня еще и въ виду общихъ постановленій, дающихъ право на открывшееся наслѣдство только со дня кончины наслѣдодателя (ст. 1254) и признающихъ недѣйствительною продажу имуществъ, „могущихъ впредь принадлежать продавцу по наслѣдству“ (ст. 1389).

Неотдѣленность оказываетъ вліяніе на правоспособность въ правѣ торговомъ: „дѣвицы, отъ родителей неотдѣленныя, хотя и совершеннолѣтнія, не могутъ давать на себя векселей и передавать ихъ съ возвратомъ на себя безъ позволенія родителей (уст. о векс. ст. 6), т. е. не могутъ обязываться простыми векселями, ибо (согласно 1 ст. уст. о векс.) вексель, выданный на себя, именуется простымъ векселемъ, а вексель, выданный на другихъ, называется переводнымъ.

Не вѣрна мысль, будто только выходомъ дочерей въ замужество прекращается право родителей давать или не давать своимъ дочерямъ разрѣшеніе обязаться по векселю, не вѣрна потому, что дочь можетъ быть выдѣлена не въ виду только замужества (arg. ст. 1001), но и независимо отъ него.

Значеніе выдѣленности или невыдѣленности сказывается не столько при жизни родителей, сколько послѣ ихъ смерти. При жизни родителей совершеніе выдѣла—дѣло доброй воли

родителей: дѣти и по достиженіи совершеннолѣтія не имѣютъ права требовать выдѣла (ст. 994).

Мѣра выдѣла изъ благопріобрѣтеннаго имущества не ограничена: родители могутъ назначить выдѣляемому такую часть, какую заблагоразсудятъ (ст. 996); получатъ ли послѣ другіе наслѣдники большія или меньшія части,—это безразлично: вѣдь это въ существѣ даръ, и кому сколько дать—дѣло доброй воли дарителя; за то этой частью исчерпываются и наслѣдственныя права выдѣленнаго въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ (998 и 997 p. arg. a contr.). Но онъ не лишается этихъ правъ, если онъ окажется единственнымъ наслѣдникомъ: онъ отказывался, имѣя въ виду сонаслѣдниковъ, но, разъ ихъ нѣтъ, его отказъ теряетъ силу. Напротивъ, мѣра выдѣла изъ родоваго имущества ограничена предѣлами наслѣдственныхъ правъ выдѣляемаго, опредѣляемыхъ по моменту выдѣла: послѣдующія измѣненія состава лицъ (родились еще дѣти у выдѣлившаго, или нѣкоторыя изъ жившихъ во время выдѣла умерли) или имущества (оно увеличилось или уменьшилось) не имѣютъ значенія для силы происшедшаго выдѣла—иначе (если бы производился впослѣдствіи сообразно съ этими измѣненіями поворотъ полученнаго) выдѣлъ потерялъ бы смыслъ. Не получившіе сполна своей части изъ родоваго имущества имѣютъ право на дополненіе при раздѣлѣ имущества по смерти родителей (ст. 997 и 996), развѣ бы они, при выдѣлѣ изъ благопріобрѣтеннаго имущества, почли себя удовлетворенными въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ и отъ участія въ наслѣдованіи въ родовомъ отказались (ст. 998).

Приданое есть выдѣлъ дочери по случаю замужества (1001). Поэтому постановленія о выдѣлѣ примѣняются и къ приданому. Назначеніе приданаго, какъ и совершеніе выдѣла, есть актъ доброй воли надѣляющаго приданымъ (1001). И здѣсь наблюдается соотвѣтствіе между даваемымъ и будущими наслѣдственными правами получающаго, а равно и его волей. И въ видѣ приданаго изъ родоваго имущества не можетъ быть дано болѣе того, сколько причиталось бы получающей приданое по наслѣдству въ моментъ дачи приданаго, слѣдовательно, при наличности братьевъ, не болѣе $^1/_{14}$ изъ недвижимаго

имущества и $^1/_8$ изъ движимаго (1130). Мѣра приданаго изъ благопріобрѣтеннаго имущества не ограничена, но, повидимому, въ отличіе отъ выдѣла, мѣра эта не окончательная, если при назначеніи приданаго не было отказа отъ наслѣдства. Законъ говоритъ категорически: „изъ замужнихъ дочерей тѣ только почитаются отдѣленными, которыя въ подписанныхъ ими рядныхъ записяхъ добровольно отреклись отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ“; въ противномъ случаѣ, при раздѣлѣ оставшагося послѣ родителей имущества имъ слѣдуетъ выдавать указную часть съ зачетомъ приданаго, какъ денегъ, такъ и *всякаго другаго имущества*.

Затѣмъ, какъ и при выдѣлѣ, возможно полученіе приданаго или изъ одного родоваго, или изъ одного благопріобрѣтеннаго, если надѣляемая приданымъ, получивъ часть изъ благопріобрѣтеннаго, откажется отъ наслѣдованія въ родовомъ, или наоборотъ, получивъ изъ родоваго, откажется отъ наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ (1003, 1004).

Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ имѣютъ силу постановленія о приданомъ, позаимствованныя изъ Литовскаго статута. Отецъ можетъ назначить по своей волѣ дочери въ приданое, сколько хочетъ, какъ изъ родоваго, такъ и благопріобрѣтеннаго имѣнія, и доля ея впослѣдствіи учету не подлежитъ.

Если отецъ умретъ, оставивъ послѣ себя незамужнихъ дочерей, то всѣ онѣ при братьяхъ получаютъ $^1/_4$ часть изъ всего оставшагося послѣ отца имущества въ качествѣ приданаго. Если братьевъ и ихъ нисходящихъ нѣтъ, то дочери наслѣдуютъ послѣ отца (1133 п. 4). Но если при жизни отца одна или нѣсколько дочерей получили отъ него приданое, то выходящія замужъ послѣ смерти отца получаютъ приданое изъ $^1/_4$ части по общему разсчету долей съ замужними. Братья могутъ выдѣлить сестрамъ, въ качествѣ приданаго, и менѣе, чѣмъ сколько имъ причитается изъ $^1/_4$ части, если отецъ далъ первой дочери, вышедшей при его жизни замужъ, менѣе, чѣмъ ей бы слѣдовало изъ $^1/_4$ части. Въ этомъ случаѣ братья обязаны дать не болѣе того, сколько далъ отецъ.

Когда сестра, получившая приданое отъ братьевъ изъ $^1/_4$

части отцовскаго имѣнія, умреть бездѣтною и безъ завѣщанія, то приданое ея переходитъ къ незамужней сестрѣ ея.

Приданое обезпечивается на имѣніи мужа посредствомъ вѣновой записи или переводится на ея имя (1005).

Актъ о назначеніи приданаго называется рядною записью и, если оно состоитъ изъ недвижимости, долженъ быть совершенъ крѣпостнымъ порядкомъ до брака или не позже шести мѣсяцевъ послѣ его заключенія (1006, 1007).

Существующія въ дѣйствующихъ *западно-европейскихъ законодательствахъ* имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми развились подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ римскаго права.

Въ немногихъ словахъ, эти отношенія слагались въ римскомъ государствѣ слѣдующимъ образомъ. Сначала, полагать надо, у *римлянъ*, какъ и у прочихъ народовъ первоначальной культуры, индивидуальной собственности (по крайней мѣрѣ на главнѣйшіе предметы обладанія—землю и важнѣйшую движимость) не было, а была собственность семейная. Затѣмъ, въ связи съ мѣрой и крѣпостью личной зависимости дѣтей отъ отца, видоизмѣняются и имущественныя отношенія послѣдняго къ первымъ. Въ началѣ римской исторической жизни эта зависимость выливается въ форму самаго широкаго, юридически безграничнаго господства отца надъ подвластными ему дѣтьми; въ это время онъ былъ единственнымъ и абсолютнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ семейнаго имущества. Все, что̀ пріобрѣталъ сынъ съ вѣдома или безъ вѣдома отца, принадлежало главѣ семьи. Однако уже съ первыхъ временъ Рима въ практику вошелъ институтъ, который вносилъ извѣстное ограниченіе въ это юридическое единство и нераздѣльность семейнаго имущества. Это—такъ называемый пекулій (peculium). Пекулій заключался въ имуществѣ, предоставленномъ отцомъ сыну въ самостоятельное управленіе последняго. Такъ какъ цѣлью выдѣленія такихъ пекуліевъ было пріучить сыновей къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности, то управленіемъ пекуліемъ исчерпывались всѣ права

получившаго пекулій: распоряжаться имъ онъ не могъ, и самое управленіе могло быть отнято у него во всякое время.

Нѣкоторое ослабленіе личной зависимости подвластныхъ отъ домовладыки, а также и потребности оборота, влекутъ за собою признаніе извѣстной доли правоспособности за подвластными: имъ удѣляется нѣкоторая имущественная самостоятельность, и открывается возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ обязывать своими дѣйствіями домовладыку, завѣдывая довѣреннымъ послѣднимъ имуществомъ или торговымъ, или промышленнымъ заведеніемъ, или управляя судномъ его.

Отправленіе подвластными сыновьями обязанностей служебныхъ въ государствѣ естественно должно было способствовать уменьшенію и смягченію власти надъ ними домовладыкъ, а рядомъ съ нимъ и имущественной независимости; отсюда—появленіе „лагерныхъ имуществъ (peculium castrense), т. е. имуществъ, пріобрѣтенныхъ на военной службѣ или по поводу военной службы. Этимъ имуществомъ подвластный сынъ могъ распоряжаться такъ же свободно (во время жизни и завѣщательно), какъ и домовладыка. Позже (со временъ Константина) къ лагерному имуществу было приравнено и имущество, пріобрѣтенное на службѣ гражданской или духовной. Около этого же времени происходитъ новое видоизмѣненіе въ имущественномъ положеніи дѣтей. Въ составѣ дѣтскаго имущества стали различать имущество, не принадлежавшее къ разряду сейчасъ вышеуказанныхъ, а доставшееся подвластному отъ кого-либо (только не отъ отца)—bona adventitia. Сначала это имущество, какъ и другія пріобрѣтенія подвластнаго, было достояніемъ домовладыки. Но со времени Константина было постановлено, что имущество, унаслѣдованное отъ матери, принадлежитъ подвластному дитяти, отецъ же только имѣетъ на это имущество право управленія и пользовладѣнія. Послѣдующіе императоры къ материнскому имѣнію приравняли и унаслѣдованное подвластнымъ отъ материнскихъ восходящихъ, наконецъ Юстиніанъ обобщилъ всѣ эти случаи, постановивъ: все, что подвластное дитя пріобрѣтало отъ другихъ, а не отъ своего отца, составляетъ собственное имущество дитяти, а отцу предоставляется на него только право

пользовладѣнія (узуфруктъ) и управленія. (Баронъ, Система римскаго гражданскаго права § 354).

На основаніи исконнаго *германскаго* воззрѣнія отцу въ силу его власти (mundium) принадлежало право пользовладѣнія на всякое дѣтское имущество или, точнѣе, право употреблять на содержаніе общаго домашняго хозяйства доходы съ этого имущества. То обстоятельство, что въ „Зерцалахъ“ отецъ называется опекуномъ (Pfleger), послужило поводомъ еще издавна переносить роль опекуна на положеніе отца. Благодаря такому смѣшенію понятій, считали, что отцу принадлежатъ опекунскія права по отношенію къ имуществу, доставшемуся дѣтямъ по смерти ихъ матери; между тѣмъ право пользоваться доходами этого имущества и расходовать ихъ на общія хозяйственныя нужды принадлежало отцу въ силу его власти. Совершенно въ такое же положеніе ставитъ „Саксонское Зерцало“ и мать по отношенію къ управленію и пользованію имуществомъ дѣтей по смерти отца ихъ. Это право пережившаго супруга пользоваться дѣтскимъ имуществомъ на нужды общаго хозяйства съ XIV в. было понимаемо, какъ право родительскаго пользовладѣнія, при чемъ положенія римскаго права о родительскомъ узуфруктѣ перенесены были на всѣ виды особаго дѣтскаго имущества (adventitia).

Такъ какъ родительская власть на основаніи „Зерцалъ“ прекращалась съ выдѣломъ дѣтей (такой выдѣлъ наступалъ для дочери при выходѣ ея замужъ), то въ „Зерцалахъ“ различаются отдѣленныя и неотдѣленныя дѣти: такъ, „Саксонское Зерцало“ говоритъ о пользовладѣніи отца материнскимъ имуществомъ неотдѣленныхъ дѣтей. Но „Шведское Зерцало“ носитъ на себѣ слѣды вліянія римскихъ положеній, согласно которымъ всѣ пріобрѣтенія подвластнаго сына поступаютъ въ пользу отца. Съ XV в. выступаетъ въ институтахъ семейнаго права вліяніе права римскаго. Примѣненіе старонѣмецкихъ положеній на ряду съ римскими является только въ исключительныхъ случаяхъ (Z ö p f l—Deutsche Rechtsgeschi-

chte 4-e Aufl. III. B. §§ 85, 92, 94, Viollet—Précis de l'histoire du droit français. p. 414 ss.).

Однакоже, невзирая на извѣстное общее сходство въ воззрѣніяхъ права римскаго и германскаго въ разсматриваемомъ вопросѣ, положенія перваго не вполнѣ соотвѣтствовали нѣмецкимъ условіямъ; нѣмецкому праву осталось чуждымъ такъ называемое peculium profectium и „пекуліевскій искъ". Но поступавшее въ управленіе отца дѣтское имущество можетъ быть отождествлено съ bona adventitia. Хотя общее нѣмецкое право и приняло позднѣйшее римское дѣленіе дѣтскаго имущества (peculium castrense, quasi-castrense, bona adventitia irregularia), но въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ законодательствахъ усвоено болѣе раціональное подраздѣленіе дѣтскаго имущества на несвободное и свободное (freies Vermögen), смотря по тому, имѣетъ ли на него отецъ право пользовладѣнія, или нѣтъ. Нѣмецкія уложенія къ свободному имуществу причисляютъ все то, что̀ пріобрѣтено дитятей собственнымъ трудомъ или отъ разрѣшеннаго ему предпріятія, а равно предоставленное даромъ или по завѣщанію, если то или другое назначено ему съ исключеніемъ родительскаго пользовладѣнія. Сюда же относятся вещи, предназначенныя для личнаго употребленія дѣтей, въ особенности одежда, украшенія и орудія труда (общегерм. улож. §§ 1650, 1651 прусское II, 2 §§ 147—155; уже постановленіе сакс. улож. § 1811). Подраздѣленіе дѣтскаго имущества на свободное и несвободное извѣстно и романскимъ законодательствамъ, и, въ общемъ, въ томъ же видѣ, что̀ и въ первыхъ (франц. 387. итал. 229). Родители имѣютъ право пользовладѣнія въ несвободномъ дѣтскомъ имуществѣ не только по германскимъ законодательствамъ (общегерм. улож. 1649; прусское II, 2, § 168; сакс. § 1811; по австр.—только управленіе § 149), но и по романскимъ (франц. 384, итал. 228). Оно продолжается до совершеннолѣтія дѣтей или до выхода замужъ (герм. §§ 1649 и 1661, ср. сакс. § 1832, итал. 228), по французскому праву—до достиженія 18 лѣтъ или до освобожденія изъ подъ родительской власти—эмансипаціи (384).

Отъ права пользованія отецъ можетъ отказаться (обще-

герм. улож. § 1662), но онъ не можетъ передать его другимъ (§ 1658).

По содержанію своему право это напоминаетъ право пользованія женинымъ имуществомъ. Отецъ можетъ потреблять и отчуждать потребляемыя вещи съ обязанностью возвратить стоимость ихъ по прекращеніи пользованія; но деньги онъ можетъ расходовать только съ согласія опекунскаго суда (общегерм. улож. §§ 1652, 1653; прусское право не допускаетъ распоряженія— капиталами, предназначенными для обезпеченія, или такими, въ правѣ распоряжаться которыми отецъ ограниченъ закономъ или предсмертной волей, II, 2 § 169). Но недвижимостями онъ не можетъ распоряжаться самостоятельно, т. е. безъ разрѣшенія опекунскаго суда,—отчуждать, закладывать и обременять вещными повинностями (ib. §§ 171, 172). Пользуясь имуществомъ, отецъ вмѣстѣ съ тѣмъ несетъ повинности, лежащія на немъ, кромѣ издержекъ, необходимыхъ на извлеченіе доходовъ (общегерм. улож. §§ 1654, 1384—1386). Онъ отвѣчаетъ въ мѣру той заботливости, которую онъ прилагаетъ къ своимъ личнымъ дѣламъ (ib. § 1664).

Во французскомъ законѣ возлагаются слѣдующія обязанности на пользовладѣтеля - родителя: 1) общія обязанности всякаго пользовладѣтеля; 2) платежъ процентовъ и недоимокъ по долгамъ, наросшимъ до дня установленія узуфрукта; 3) расходы на погребеніе и болѣзнь лица, послѣ котораго дитя унаслѣдовало имущество, состоящее предметомъ узуфрукта; 4) прокормленіе, содержаніе и воспитаніе дитяти (ст. 385).

III.

Пріостановленіе родительской власти.

Родительская власть, не прекращаясь, можетъ по извѣстнымъ юридическимъ или фактическимъ причинамъ временно не дѣйствовать,—покоится (ruht).

Родительская власть пріостанавливается на все то время, пока родитель не располагаетъ вполнѣ дѣеспособностью, или если надъ его личностью и имуществомъ, вслѣдствіе физиче-

ской или психической болѣзни, назначенъ попечитель, или же если будетъ установлено опекунскимъ судомъ, что отецъ на продолжительное время фактически лишенъ возможности осуществлять свою власть (общегерм. улож. ст. 1676, 1677, 1910).

Прусское право, кромѣ душевной болѣзни отца, пріостанавливаетъ дѣйствіе его власти, если онъ присужденъ къ тюремному заключенію болѣе, чѣмъ на два года, но менѣе, чѣмъ на десять (II, 2, 260, 261). Австрійское уложеніе сходствуетъ въ этомъ случаѣ съ прусскимъ, но указываетъ еще болѣе причинъ: кромѣ психической болѣзни, присужденія къ заключенію въ тюрьму болѣе, чѣмъ на годъ, и объявленія расточителемъ, оно указываетъ еще на самовольное оставленіе отечества и на безвѣстное отсутствіе болѣе одного года (§ 176). Саксонское уложеніе указываетъ только на одну общую причину—назначеніе надъ отцомъ опеки (§ 1834). Французскій законъ говоритъ только о безвѣстномъ отсутствіи (ст. 141—143), а итальянскій, сверхъ этого, еще и объ уголовномъ осужденіи отца (ст. 46, 47, 241).

По *нашему закону* личная родительская власть не прекращается, но ограничивается:

1) Поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, начальство коего заступаетъ тогда, по ихъ воспитанію, мѣсто родителей. Слѣдовательно, здѣсь какъ бы происходитъ временная уступка родительской власти (пока дитя находится въ училищѣ, при чемъ продолжительность этого нахожденія вполнѣ зависитъ отъ родителей, и воспитатели обязаны отпустить дитя по первому требованію родителей); впрочемъ, только въ вопросахъ воспитанія воспитатели замѣняютъ родителей, по остальнымъ вопросамъ родительская власть во всей силѣ остается за родителями. Да и въ дѣлѣ воспитанія ближайшія опредѣленія предѣловъ власти начальства заведенія находятся въ соотвѣтственныхъ уставахъ.

2) Опредѣленіемъ дѣтей на службу. Такъ, между прочимъ, родители не могутъ непослушныхъ дѣтей своихъ, состоящихъ на государственной службѣ, заключать въ тюрьму (ст. 165).

3) Вступленіемъ дочерей въ замужество, потому что одно

лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, и дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу, не можетъ быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія, находящіяся при нихъ дѣти (ст. 189).

Слѣдовательно, этотъ случай предполагаетъ только смягченіе или умаленіе родительской власти наличностью другой власти—мужней. Однакоже просторъ родительской власти и по отношенію къ замужнимъ дочерямъ широкъ: онѣ могутъ быть подвергаемы и тюремному заключенію (ст. 165). Но нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, гдѣ требованіе родителей являлось бы прямымъ нарушеніемъ правъ мужа, напримѣръ, чтобы дочь перешла, хотя бы и временно, на жительство къ родителямъ, тамъ родители должны поступиться своею властью надъ дочерью.

По нашимъ мѣстнымъ остзейскимъ законамъ, ограниченіе родительской власти наступаетъ по этимъ же причинамъ, но сверхъ того указаны еще: вступленіе дѣтей въ совершенный возрастъ, съ чѣмъ связано право требовать выдачи отдѣльнаго ихъ имущества, и вступленіе оставшагося въ живыхъ родителя въ новый бракъ (ст. 236—239).

IV.

Прекращеніе родительской власти.

Въ новыхъ законодательствахъ, въ противоположность римскому праву, родительская власть не считается пожизненною, а прекращается съ наступленіемъ совершеннолѣтія дѣтей. Кромѣ того на прекращеніе этой власти имѣетъ вліяніе установленіе хозяйственной самостоятельности дѣтей.

Въ отдѣльности по законодательствамъ вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. По общегерманскому уложенію родительская власть прекращается: наступленіемъ совершеннолѣтія дитяти, смертью его, отдачею его въ усыновленіе, объявленіемъ отца умершимъ вслѣдствіе безвѣстнаго отсутствія. Кромѣ

того отецъ утрачиваетъ права родительской власти, если онъ приговоренъ къ отбытію наказанія въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ за преступленіе или умышленный проступокъ, совершенный противъ своего дитяти (§§ 1626, 1683, 1679, 1765, 1680). Что касается дочери, вышедшей замужъ, то родительская власть отца по отношенію къ такой дочери уменьшается: попеченіе о ея личности ограничивается представительствомъ по дѣламъ, касающимся правъ ея личности (§ 1633).

По прусскому праву прекращеніе родительской власти нормальнымъ порядкомъ наступаетъ: вслѣдствіе совершеннолѣтія сына, основанія имъ собственнаго хозяйства, вслѣдствіе объявленія сына совершеннолѣтнимъ съ согласія отца, вслѣдствіе выхода дочери замужъ (II, 2 §§ 210, 216, 228).

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ родительская власть прекращается: если отецъ присужденъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ или на десять лѣтъ въ тюрьму (какъ лишенный довѣрія), если онъ объявленъ расточителемъ, если онъ самовольно оставилъ отечество, если онъ намѣренно оставилъ дитя безпомощнымъ и безъ призора, если онъ отдалъ его въ усыновленіе (§§ 255—258).

По саксонскому уложенію прекращеніе родительской отцовской власти наступаетъ: 1) со смертью отца или дитяти; 2) вслѣдствіе усыновленія послѣдняго; 3) вслѣдствіе заявленнаго въ судѣ отказа отъ власти; 4) когда дитя заведетъ свое отдѣльное хозяйство, когда дочь выйдетъ замужъ (§§ 1829—1833).

По австрійскому уложенію отцовская власть прекращается вслѣдствіе наступленія совершеннолѣтія дитяти, однакоже она можетъ быть продолжена и послѣ наступленія совершеннолѣтія, если дитя, вслѣдствіе тѣлесныхъ или умственныхъ недостатковъ, не можетъ заботиться о себѣ или вести свои дѣла, если оно сильно задолжало или оказалось виновнымъ въ совершеніи такихъ проступковъ, что требуетъ еще надзора отца.

Отецъ можетъ освободить отъ власти несовершеннолѣтняго сына съ согласія суда; онъ можетъ это сдѣлать, дозво-

лившп сыну, достигшему 21 года, завести собственное хозяйство.

Несовершеннолѣтняя дочь, выйдя замужъ, лично освобождается изъ подъ власти отца, но имущество до совершеннолѣтія находится подъ его попечительствомъ (§§ 172—175).

По французскому праву родительская власть прекращается вслѣдствіе наступленія совершеннолѣтія дитяти или вслѣдствіе эмансипаціи его (ст. 372). Эмансипація наступаетъ въ силу закона при вступленіи въ бракъ; по волѣ родителей сынъ можетъ быть эмансипированъ по достиженіи имъ 15 лѣтъ (ст. 476, 477).

По итальянскому уложенію родительская власть прекращается безусловно вслѣдствіе смерти родителей и смерти или совершеннолѣтія дитяти; относительно—(т. е. можетъ быть опять возстановлена)—вслѣдствіе эмансипаціи, вслѣдствіе уголовнаго осужденія, вслѣдствіе объявленнаго безвѣстнаго отсутствія (ст. 220. E. Gianturco—Istituzioni di diritto civile italiano, 4 ed. p. 63).

По нашему законодательству родительская власть пожизненна, почтеніе къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ ихъ (ст. 177; конечно, этому послѣднему закону трудно дать санкцію).

Родительская власть, по Своду, прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, когда дѣти не послѣдуютъ въ ссылку за родителями (178). Такимъ образомъ, ни совершенный возрастъ, ни вступленіе въ бракъ, ни хозяйственная или служебная независимость дитяти, ни тяжкое преступленіе родителей (если оно не влечетъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія), ни очевидная опасность отъ родительской власти для дѣтей—не поражаютъ этой власти. Здѣсь сказывается патріархальный взглядъ на значеніе родительскаго авторитета, но не удовлетворяющій запросовъ жизни. Умалять значеніе родительской власти, конечно, не слѣдуетъ, но и укрѣплять его безъ нужды и даже во вредъ тоже не слѣдуетъ.

По нашимъ остзейскимъ законамъ родительская власть прекращается, кромѣ смерти родителей и лишенія ихъ всѣхъ

правъ состоянія (ст. 225, 226), еще въ видѣ наказанія родителямъ: за подкинутіе и оставленіе своихъ дѣтей, за сводничество дочери и за кровосмѣшеніе при вступленіи отца или матери во второй бракъ (ст. 227). При злоупотребленіи родительской властью судъ можетъ лишать ея (ст. 228). Съ согласія дѣтей и разрѣшенія суда родители могутъ отречься отъ своей власти (ст. 229). По примѣру отчасти германскаго права, сынъ, по достиженіи совершеннолѣтія, можетъ выйти изъ подъ отеческой власти, обзаведясь своимъ хозяйствомъ (ст. 231). Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской родителямъ предоставляется отречься отъ дѣтей въ слѣдующихъ доказанныхъ предъ судомъ случаяхъ: 1) если дѣти, забывъ страхъ Божій, дерзнули поднять на родителей руку или толкнули ихъ въ гнѣвѣ; 2) когда они по злобѣ, а не для государственной пользы, свидѣтельствовали противъ родителей въ дѣлахъ уголовныхъ; 3) если они отказались въ уголовномъ дѣлѣ взять родителей на поручительство; 4) когда дочь предалась распутной жизни; 5) если она покусилась у родителей отнять принадлежащее симъ послѣднимъ имущество; 6) когда они отказали престарѣлымъ родителямъ въ необходимомъ содержаніи; 7) если они, пользуясь родительскимъ имуществомъ, не дали имъ помощи въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (ст. 167).

Постановленія эти позаимствованы изъ Литовскаго статута.

НОВЫЕ ЗАКОНЫ ОБЪ УСЛОВНОМЪ ОСУЖДЕНІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

А. А. Піонтковскаго.

Проникновеніе условнаго осужденія въ современныя карательныя системы—одна изъ характерныхъ особенностей уголовно-правовой эволюціи конца истекшаго столѣтія.

Появившись впервые на европейской почвѣ въ 1887 году, условное осужденіе успѣло уже, какъ извѣстно, завоевать себѣ прочное положеніе въ современныхъ законодательствахъ. Особеннымъ вниманіемъ пользуется оно въ Швейцаріи, гдѣ ему не только отведено подобающее мѣсто въ проектѣ общешвейцарскаго уголовнаго уложенія, но и издано нѣсколько спеціальныхъ законовъ, касающихся его регуляціи въ отдѣльныхъ кантонахъ.

Въ послѣднее время эти законы обогатились двумя новыми: 23 мая 1899 года появился законъ, вводящій условное осужденіе въ Валисѣ, а 14 ноября 1900 года—декретъ, допускающій примѣненіе его въ Тессинѣ [1]).

Эти законодательные акты—крупное явленіе въ развитіи европейскаго уголовнаго законодательства. Появленіе ихъ не

[1]) До 1899 года условное осужденіе было принято въ Невшателѣ (въ 1891 году), въ Женевѣ (въ 1892 году) и въ Во (въ 1897 году). На обрисовкѣ регуляціи условнаго осужденія въ этихъ кантонахъ мы имѣли случай останавливаться въ нашихъ прежнихъ работахъ.

может быть обойдено молчаніемъ. Представляя изъ себя новый шагъ впередъ по пути проникновенія условнаго осужденія въ современныя карательныя системы, они еще разъ наглядно подтверждаютъ, что условное осужденіе—не какая-то „загадка будущаго“, какъ это кажется нѣкоторымъ изъ немногочисленныхъ его противниковъ у насъ, на Руси, а одна изъ жгучихъ потребностей дѣйствительности. Заключая въ себѣ новый матеріалъ, касающійся регуляціи условнаго осужденія, они заслуживаютъ особеннаго вниманія нашей уголовной политики, одною изъ кардинальныхъ задачъ которой въ настоящее время является выработка соотвѣтствующей формы для регуляціи условнаго осужденія примѣнительно къ условіямъ нашей жизни и особенностямъ нашего законодательства.

Остановиться на обрисовкѣ этихъ законодательныхъ актовъ и посильной оцѣнкѣ содержащагося въ нихъ матеріала представляется поэтому вполнѣ своевременнымъ.

Регулируя примѣненіе условнаго осужденія, эти законодательные акты [1]) заключаютъ въ себѣ спеціальныя постановленія, касающіяся основныхъ моментовъ этой регуляціи—условій и процесса примѣненія условнаго осужденія, организаціи испытательнаго періода и послѣдствій, связанныхъ съ отпущеніемъ на испытаніе.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ моментовъ въ отдѣльности.

1. *Условія примѣненія условнаго осужденія.*—И валисскій законъ, и тессинскій декретъ сводятъ условія примѣненія условнаго осужденія къ характеру антецедентовъ обвиняемаго, къ роду и размѣру опредѣляемаго судомъ за учиненное дѣяніе наказанія въ его матеріальной формѣ и къ наличности въ данномъ конкретномъ случаѣ обстоятельствъ, дающихъ возможность признать примѣненіе условнаго осужденія соотвѣтствующей мѣрою.

И въ Валисѣ, и въ Тессинѣ примѣненіе условнаго осу-

---

[1]) См. тексты этихъ актовъ въ Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht, XIII, 1900, стр. 481, 483.

жденія допускается только къ тѣмъ преступнымъ агентамъ, прошлое которыхъ не заключаетъ въ себѣ указаній на присущую имъ интенсивность преступныхъ наклонностей.

Въ Валисѣ категорически устраняется это примѣненіе къ лицамъ, подвергавшимся прежде въ Швейцаріи или за границею присужденію къ лишенію свободы за дѣяніе, квалифицируемое валисскимъ закономъ преступленіемъ или проступкомъ (art. 1), при чемъ представляется безразличнымъ, относится ли это дѣяніе къ категоріи общихъ или спеціальныхъ посягательствъ, является ли оно умышленнымъ или неосторожнымъ [1]), а равно и не придается никакого значенія тому обстоятельству, какой промежутокъ времени отдѣляетъ прежнее осужденіе отъ новаго; точно такъ же не допускается здѣсь примѣненіе условнаго осужденія къ тѣмъ лицамъ, къ которымъ это осужденіе въ силу валисскаго закона уже разъ было примѣнено (art. 4), и при этомъ никакого значенія результатамъ этого примѣненія не придается.

Только одно предшествующее осужденіе за дѣяніе, квалифицируемое нарушеніемъ, хотя бы это осужденіе заключалось въ присужденіи къ лишенію свободы, не признается законнымъ препятствіемъ къ примѣненію условнаго осужденія.

Нѣсколько отступаетъ отъ этихъ постановленій тессинскій декретъ. Принимая постановленія валисскаго закона, онъ ихъ отчасти суживаетъ, отчасти расширяетъ: суживаетъ въ томъ смыслѣ, что не признаетъ предшествующее осужденіе за спеціальныя преступныя посягательства (политическія, военныя и проч.) законнымъ препятствіемъ для примѣненія условнаго осужденія, а равно и не устраняетъ возможности вторичнаго примѣненія этого осужденія;—расширяетъ въ томъ смыслѣ, что не дѣлаетъ никакого различія между тѣмъ, представляется ли дѣяніе, за которое послѣдовало осужденіе, преступленіемъ, проступкомъ или простымъ нарушеніемъ, и признаетъ всякое предшествующее присужденіе къ лишенію свободы per reato comune обстоятельствомъ, устраняющимъ возможность примѣненія условнаго осужденія (art. 1).

[1]) Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal, IX, 2, 1901, стр. 239, 240.

Другимъ условіемъ для примѣненія условнаго осужденія представляется родъ и размѣръ назначаемаго осужденному наказанія въ его матеріальной формѣ. Въ Валисѣ о примѣненіи условнаго осужденія можетъ быть рѣчь только при присужденіи къ тюрьмѣ или исправительному дому на срокъ не свыше одного года (art. 1), а въ Тессинѣ—при присужденіи къ штрафу (multa) не свыше 250 фр. или тюрьмѣ (detenzione) не свыше 6 мѣсяцевъ; къ лицамъ, учинившимъ нарушенія (въ Валисѣ и Тессинѣ принято трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній), примѣненіе условнаго осужденія въ томъ и другомъ кантонѣ не допускается [1]).

Устраняя возможность примѣненія условнаго осужденія при самыхъ легкихъ закононарушеніяхъ, валисскій законъ и тессинскій декретъ устраняютъ эту возможность и при учиненіи тяжкихъ закононарушеній и сохраняютъ ее только при учиненіи, такъ сказать, закононарушеній среднихъ по своей тяжести, при чемъ область этихъ закононарушеній не опредѣляется ими одинаково: въ Тессинѣ эта область расширяется на счетъ сравнительно легкихъ закононарушеній и суживается на счетъ тяжкихъ и спеціальныхъ, такъ какъ здѣсь допускается примѣненіе условнаго осужденія при присужденіи къ штрафу и устраняется при присужденіи къ исправительному дому, заточенію (prigionia) и вообще лишенію свободы свыше 6 мѣсяцевъ, въ Валисѣ же она расширяется на счетъ закононарушеній, сравнительно, тяжкихъ и суживается на счетъ легкихъ, такъ какъ создается возможность примѣненія условнаго осужденія при присужденіи къ исправительному дому и устраняется при присужденіи къ штрафу.

Этими двумя точно указанными условіями для примѣненія условнаго осужденія валисскій законъ и тессинскій декретъ не ограничиваются и подчеркиваютъ зависимость этого примѣненія отъ обстоятельствъ даннаго конкретнаго случая. Отъ

---

[1]) Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ назначается арестъ или, хотя и штрафъ, но этотъ штрафъ въ Тессинѣ, гдѣ при присужденіи къ штрафамъ возможно примѣненіе условнаго осужденія, носитъ техническое названіе ammenda, между тѣмъ какъ условное осужденіе допускается здѣсь только при присужденіи къ тому штрафу, который называется multa.

перечисленія этихъ обстоятельствъ они совершенно отказываются и предоставляютъ установленіе ихъ и оцѣнку всецѣло усмотрѣнію суда, требуя лишь, чтобы условное осужденіе примѣнялось только къ тѣмъ лицамъ, которыя, по обстоятельствамъ даннаго конкретнаго случая, представлялись бы подходящими для этого объектами.

Таковы условія, въ зависимость отъ которыхъ ставится возможность примѣненія условнаго осужденія разсматриваемыми новыми законодательными актами.

Въ основныхъ своихъ чертахъ эти условія не представляютъ изъ себя чего-либо оригинальнаго сравнительно съ условіями, принятыми въ другихъ странахъ Европы, знающихъ условное осужденіе. Характерной особенностью этихъ условій можетъ быть признано лишь устраненіе ими возможности примѣненія условнаго осужденія на случай совершенія нарушеній. Эту особенность нельзя назвать удачной. Съ точки зрѣнія соображеній принципіальнаго свойства одобрить ее невозможно, такъ какъ, въ общемъ, борьба съ учинителями нарушеній, въ виду особенностей ихъ психики, возможна, если не съ большимъ, то во всякомъ случаѣ, съ такимъ же успѣхомъ путемъ условнаго осужденія, какъ и путемъ ареста или штрафа. Существованіе этой особенности можетъ быть объяснено только наличностью какихъ-либо мѣстныхъ условій, главнымъ образомъ, процессуальнаго свойства.

Сравнивая условія, устанавливаемыя валисскимъ закономъ, съ условіями, принимаемыми тессинскимъ декретомъ, нельзя не отмѣтить одного существеннаго преимущества этихъ послѣднихъ предъ первыми—допущенія возможности примѣненія условнаго осужденія при присужденіи къ штрафамъ. Категорически устранять эту возможность, какъ это дѣлается валисскимъ закономъ, никакихъ основаній не представляется (въ Валисѣ это устраненіе является прямымъ слѣдствіемъ недопущенія условнаго осужденія при нарушеніяхъ, такъ какъ назначеніе штрафовъ здѣсь связывается только съ учиненіемъ этихъ дѣяній), не только потому, что фактически штрафы, въ виду несостоятельности осужденныхъ, нерѣдко замѣняются лишеніемъ свободы, но и потому, что психика лицъ, при-

суждаемыхъ къ штрафу и совершающихъ обыкновенно маловажныя и этически безразличныя дѣянія, въ большинствѣ случаевъ, представляется подходящей почвой для успѣшнаго воздѣйствія путемъ условнаго осужденія, да и угроза взысканіемъ штрафа можетъ имѣть не менѣе сдерживающее значеніе, чѣмъ и угроза лишеніемъ свободы.

Слѣдуя примѣру предшествующихъ во времени законовъ, касающихся регуляціи условнаго осужденія, валисскій законъ и тессинскій декретъ, къ сожалѣнію, воспринимаютъ многія изъ присущихъ этимъ законамъ положеній, не подвергая ихъ надлежащей критической оцѣнкѣ, и не обращаютъ вниманія на нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, которыя представляютъ изъ себя значительный шагъ впередъ въ регуляціи условнаго осужденія. Придавая подобно большинству законовъ, касающихся условнаго осужденія, препятствующее значеніе для примѣненія этого осужденія предшествующей судимости, они упускаютъ изъ вида, что прежняя преступная дѣятельность можетъ имѣть извѣстное значеніе для характеристики даннаго преступнаго агента въ томъ лишь случаѣ, если она не отдѣляется отъ настоящаго значительнымъ промежуткомъ времени, и, вопреки, напр., невшательскому законодательству, не ограничиваютъ значенія предшествующей судимости во времени; они, повидимому, забываютъ, что умышленная и неумышленная преступныя дѣятельности не равноцѣнны въ качествѣ показателей присущихъ данному агенту свойствъ и особенностей, и придаютъ одинаковое препятствующее примѣненію условнаго осужденія значеніе той и другой, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи въ невыгодную для нихъ сторону отъ женевскаго закона 1892 года и закона 1897 года, регулирующаго условное осужденіе въ кантонѣ Во; они не принимаютъ въ достаточной степени во вниманіе значенія тяжести прежде учиненнаго злодѣянія и не опредѣляютъ, какъ это слѣдовало бы, того minimum'а лишенія свободы, присужденіе къ которому за это прежде учиненное дѣяніе могло бы служить законнымъ препятствіемъ къ примѣненію условнаго осужденія.

Если бы валисскому и тессинскому законамъ удалось из-

бѣгнуть всѣхъ этихъ недостатковъ, то отъ этого только выиграло бы дѣло примѣненія условнаго осужденія.

2. *Процессъ примѣненія условнаго осужденія.*—И въ Валисѣ, и въ Тессинѣ примѣненіе условнаго осужденія, при наличности указанныхъ закономъ условій, ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, постановляющаго обвинительный приговоръ. Валисскій законъ и тессинскій декретъ, очевидно, слѣдуютъ въ этомъ отношеніи укоренившемуся въ законодательствахъ началу и поступаютъ вполнѣ правильно. Отступленіе отъ этого начала и допущеніе примѣненія условнаго осужденія путемъ актовъ помилованія, какъ это практикуется въ Германіи, не можетъ найти себѣ оправданіе и по соображеніямъ теоретическаго, и по соображеніямъ практическаго свойства: условное осужденіе, по своей природѣ,—не что иное, какъ одинъ изъ видовъ наказанія [1]); примѣненіе же

---

[1]) Въ нашей уголовно-правовой литературѣ въ послѣдніе годы стали раздаваться голоса, отрицающіе карательное значеніе за условнымъ осужденіемъ, но въ пользу этого отрицанія убѣдительныхъ соображеній привести никому не удалось Одинъ изъ нашихъ цивилистовъ, проф. Петражицкій, напр., высказался (см. Международный союзъ криминалистовъ, № 4, 1899 г. стр. 65) противъ признанія условнаго осужденія наказаніемъ (условное осужденіе, по его мнѣнію,—безнаказанность) на томъ основаніи, что это признаніе противорѣчитъ будто принципу non bis in idem, такъ какъ, на случай неудачи испытанія, на ряду съ условнымъ осужденіемъ примѣняется и пріостановленное исполненіемъ наказаніе. Такая аргументація ничего доказать не въ состояніи. Пользуясь ею, можно лишь прійти къ очевидному абсурду; можно, напр., утверждать (съ такимъ же правомъ, какъ это дѣлается г. Петражицкимъ по поводу условнаго осужденія), что совмѣстное назначеніе лишенія свободы и штрафа (что нерѣдко допускается современными законодательствами) не наказаніе, а безнаказанность, потому что оно противорѣчитъ принципу non bis in idem!

Не болѣе удачны и соображенія, приводимыя г. Боровитиновымъ противъ признанія условнаго осужденія наказаніемъ. Соображенія эти заключаются въ отрицаніи элемента страданія при примѣненіи условнаго осужденія и покоятся на логически-невозможномъ пользованіи аналогіями, на неправильномъ и извращенномъ пониманіи природы условнаго осужденія и замѣнѣ отсутствующихъ доказательствъ голословными утвержденіями.

Въ необходимости воздержанія отъ дальнѣйшей преступной дѣятельности, по словамъ г. Боровитинова (см. Международный союзъ криминалистовъ, № 4, 1899 г., стр. 58), и заключается все страданіе условно-осужденнаго. Это не такъ. Страданіе, связанное съ примѣненіемъ условнаго осужденія, обусловливается произнесеніемъ обвинительнаго приговора, созданіемъ для отпускаемаго

наказанія—дѣло судебныхъ органовъ; примѣненіе условнаго осужденія путемъ актовъ помилованія можетъ привести только къ вредной для дѣла борьбы съ преступностью проволочкѣ и медленности.

Предоставляя суду право примѣненія условнаго осужденія, валисскій законъ (art. 1 и 5) и тессинскій декретъ (art. 1 и 7) требуютъ отъ суда, на случай этого примѣненія, постановленія особаго мотивированнаго опредѣленія и вмѣняютъ ему въ обязанность предупреждать отпускаемаго на испытаніе о послѣдствіяхъ его новаго осужденія.

на испытаніе особаго положенія (поручительство, спеціальный надзоръ), подчиненіемъ его воздѣйствію спеціально къ нему обращенной угрозы, сосуществующей съ общей, безличной угрозою уголовнаго закона, а не необходимостью воздержанія отъ дальнѣйшей преступной дѣятельности.

Не останавливаясь (какъ это слѣдовало бы) на критическомъ изученіи всѣхъ соображеній, приводимыхъ въ пользу признанія условнаго осужденія наказаніемъ, г. Боровитиновъ прибѣгаетъ къ помощи аналогіи и заявляетъ, что эти соображенія подобны тѣмъ, которыми сто лѣтъ тому назадъ пытались обосновать институтъ уголовной давности французскіе криминалисты, признававшіе давность эквивалентомъ наказанія, и которыя еще Ортоланъ назвалъ дѣтскими, пустыми, риторическими фразами (ibidem, стр. 58). Такой пріемъ логически невозможенъ. Между эквивалентной теоріей давности и теоріей, усматривающей въ условномъ осужденіи всѣ черты, присущія наказанію,—глубокая пропасть. Эти теоріи рѣзко отличаются другъ отъ друга и по своей конструкціи, и по своему характеру: первая изъ этихъ теорій (эквивалентная теорія давности) покоится на идеѣ возмездія въ наказаніи, вторая—ничего общаго съ этой идеей не имѣетъ; первая ссылается для признанія давности эквивалентомъ наказанія исключительно на испытываемыя будто преступникомъ въ теченіе давностнаго срока страданія; вторая устанавливаетъ общія черты, присущія условному осужденію и наказанію, и въ ряду этихъ чертъ отмѣчаетъ наличность страданія; первая обусловливаетъ страданіе скрывшагося преступника предположеніемъ наличности угрызенія совѣсти за учиненное и боязни быть задержаннымъ и преданнымъ суду—предположеніемъ, вообще не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, а являющимся продуктомъ оптимистически настроеннаго воображенія; вторая обусловливаетъ страданіе условно-осужденнаго наличностью такихъ фактовъ, какъ произнесеніе обвинительнаго приговора и характеръ испытательнаго режима, создающій для условно-освобожденнаго невыгодное, сравнительно съ людьми, суду не подвергавшимися, положеніе. Никакого сходства между этими теоріями не существуетъ. Такимъ образомъ, путемъ произвольныхъ аналогій и не менѣе произвольной замѣны существующихъ положеній воображаемыми, г. Боровитиновъ стремится свести связанное съ примѣненіемъ условнаго осужденія страданіе къ нулю и, вовсе не останавливаясь на другихъ соображеніяхъ, приводимыхъ въ пользу признанія условнаго осужденія наказаніемъ, считаетъ свое дѣло поконченнымъ. Такая аргументація не можетъ претендовать на какое-либо серьезное значеніе.

Съ примѣненіемъ условнаго осужденія и въ Валисѣ, и въ Тессинѣ пріостанавливается исполненіе назначеннаго за учиненное дѣяніе наказанія въ его матеріальной формѣ (лишеніе свободы или штрафъ), и осужденный, если онъ былъ подвергнутъ предварительному задержанію, изъ заключенія освобождается (объ этомъ спеціально упоминается въ тессинскомъ декретѣ). Что же касается правопораженій, то по валисскому закону (art. 2) исполненіе ихъ тоже пріостанавливается, по тессинскому же декрету эта пріостановка не допускается (art. 3), и правопораженія прекращаются лишь тогда, когда протекаетъ удачно испытательный періодъ.

Изъ этихъ двухъ послѣднихъ, діаметрально противоположныхъ, постановленій постановленіе валисскаго закона заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ въ высшей степени важно не создавать для отпущеннаго на испытаніе искусственныхъ препятствій на пути приспособленія его къ честному и трудовому образу жизни; тѣмъ не менѣе абсолютный характеръ постановленій валисскаго закона врядъ ли можетъ быть одобренъ: преступное дѣяніе иногда представляется свидѣтельствомъ безусловной неспособности дѣятеля пользоваться опредѣленнымъ правомъ (напр., правомъ заниматься врачебной практикой), и лишеніе такого права, ради интересовъ всего общежитія, должно слѣдовать независимо отъ характера примѣняемой карательной мѣры. Казалось бы поэтому желательнымъ, пріостанавливая при примѣненіи условнаго осужденія правопораженія вообще, предоставить судейскому усмотрѣнію разрѣшеніе вопроса о примѣненіи отдѣльныхъ видовъ правопораженій.

Замѣняя собою лишеніе свободы или штрафъ, условное осужденіе не парализуетъ, и вполнѣ основательно, взысканія судебныхъ издержекъ и возмѣщенія причиненнаго преступной дѣятельностью вреда; въ этомъ отношеніи и въ Валисѣ (art. 2), и въ Тессинѣ (art. 3) приняты одни и тѣ же положенія.

3. *Организація испытательнаго періода.*—Испытательный періодъ въ Валисѣ и Тессинѣ организуется единообразно: отпущенный на испытаніе никакому надзору и руководству

не подчиняется, а предоставляется (совершеннолѣтній онъ или несовершеннолѣтній,—безразлично) исключительно собственнымъ силамъ; надъ его головой въ теченіе испытательнаго періода виситъ спеціальная угроза примѣненія къ нему назначеннаго судомъ наказанія въ его матеріальной формѣ; этотъ періодъ во всѣхъ случаяхъ безъ различія продолжается пять лѣтъ.

Эта организація страдаетъ двумя существенными недостатками: единообразіемъ продолжительности испытательнаго періода и единообразіемъ испытательнаго режима.

Испытательный режимъ долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ психо-физіологическими особенностями отпущеннаго на испытаніе, и съ этой точки зрѣнія онъ не можетъ быть одинаковъ примѣнительно къ юнымъ и примѣнительно къ взрослымъ преступникамъ (оставлять юныхъ преступниковъ безъ всякаго надзора и руководства не цѣлесообразно).

Точно также устанавливать одинаковую продолжительность для испытательнаго періода, совершенно не сообразуясь съ конкретными особенностями даннаго случая, врядъ ли основательно; при присужденіи за учиненіе сравнительно легкихъ закононарушеній пятилѣтній испытательный періодъ можетъ оказаться излишнимъ и тягостнымъ; казалось бы поэтому лучше, сохраняя пятилѣтній періодъ для болѣе тяжкихъ закононарушеній, установить для менѣе тяжкихъ болѣе краткій періодъ, напр., въ два года.

4. *Послѣдствія отпущенія на испытаніе.*—Отпущеніе на испытаніе приводитъ къ различнаго рода послѣдствіямъ. Наступленіе тѣхъ или иныхъ послѣдствій зависитъ отъ наступленія въ испытательный періодъ тѣхъ или иныхъ, закономъ указанныхъ, обстоятельствъ. Обстоятельствомъ, влекущимъ за собою неудачу испытанія, и въ Валисѣ, и въ Тессинѣ признается лишь новое осужденіе, при чемъ въ Валисѣ (art. 3.) такое значеніе придается только присужденію къ лишенію свободы за преступленіе или проступокъ, а въ Тессинѣ—всякому осужденію за преступное дѣяніе общаго права (art. 5.).

Съ неудачею испытанія въ томъ и другомъ кантонѣ

связывается исполненіе пріостановленнаго наказанія, независимо отъ наказанія за вновь учиненное дѣяніе, и примѣненіе при назначеніи наказанія за вновь учиненное общихъ постановленій о рецидивѣ. Слѣдить за исполненіемъ пріостановленнаго наказанія въ Тессинѣ (art. 9.) возлагается на прокурорскій надзоръ, которому предоставляется право издавать для этого спеціальныя предписанія и вмѣняется въ обязанность вести особый регистръ условно-осужденныхъ.

Если въ испытательный періодъ не наступаютъ обстоятельства, влекущія за собою неудачу испытанія, то, по истеченіи этого періода, осужденіе признается ipso jure не существовавшимъ (non avenue, come non avvenuta).

Эти постановленія нельзя назвать вполнѣ удачными.

Валисскій и тессинскій законы придаютъ одинаковое значеніе осужденію за умышленное и неумышленное преступное дѣяніе, а это неправильно: осужденіе за неумышленное преступное дѣяніе, не обрисовывающее въ столь невыгодномъ свѣтѣ внутренній міръ отпущеннаго на испытаніе, какъ осужденіе за умышленное, не можетъ безусловно влечь за собою неудачу испытанія. Гораздо цѣлесообразнѣе, на случай такого осужденія, разрѣшеніе вопроса объ удачѣ или неудачѣ испытанія предоставить, какъ это дѣлается въ Норвегіи, судейскому усмотрѣнію. Точно такъ же врядъ ли можно одобрить постановленіе валисскаго закона, связывающаго неудачу испытанія только съ присужденіемъ къ лишенію свободы за преступленіе и проступокъ и не придающаго никакого значенія осужденіямъ иного рода за прочія преступныя дѣянія; поступать такъ не цѣлесообразно въ интересахъ усиленія испытательнаго режима; на болѣе правильномъ пути стоитъ поэтому тессинскій декретъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что валисскій законъ и тессинскій декретъ, подобно большинству другихъ законодательствъ, съ удачею испытанія связываютъ признаніе осужденія несуществовавшимъ. Къ чему эта излишняя и не нужная фикція? Не проще ли въ данномъ случаѣ ограничиться признаніемъ наказанія отбытымъ?

Такова регуляція условнаго осужденія по новымъ швейцарскимъ законамъ.

Эти новые законы, свидѣтельствуя о жизнеспособности условнаго осужденія, показываютъ, что идея условнаго осужденія все настойчивѣе проникаетъ въ современныя карательныя системы, все рельефнѣе выступаетъ въ качествѣ основнаго принципа современной европейской уголовной политики.

Въ послѣднее десятилѣтіе условное осужденіе чуть ли не ежегодно дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія въ уголовныхъ кодексахъ (въ 1891 году оно принято во Франціи и Невшателѣ, въ 1892 году—въ Люксембургѣ и Женевѣ, въ 1893 году—въ Португаліи, въ 1894 году—въ Норвегіи, въ 1895 году—въ Во, въ 1899 году—въ Валисѣ и въ 1900 году—въ Тессинѣ); число его противниковъ все уменьшается, и ихъ возраженія все болѣе теряютъ свой кредитъ.

Правда, въ послѣднее время среди нашихъ русскихъ криминалистовъ пущено въ обращеніе нѣсколько соображеній противъ условнаго осужденія; но каковы эти соображенія?! Соображенія теоретическаго свойства сводятся къ повторенію того, чтò высказывалось противниками условнаго осужденія въ западно-европейской литературѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ и чтò успѣло въ свое время найти себѣ соотвѣтствующую оцѣнку. Говорятъ, что условное осужденіе можетъ быть понято, какъ отпущеніе преступнику вины, и что въ виду этого, съ принятіемъ его, сдерживающая преступныя намѣренія сила судебной кары ослабѣетъ; словомъ, возстаютъ противъ условнаго осужденія во имя интересовъ общей превенціи. Нечего говорить, что эти соображенія не могутъ быть признаны убѣдительными; они покоятся на неправильномъ пониманіи природы условнаго осужденія, на произвольномъ отрицаніи присущаго ему карательнаго значенія; они упускаютъ изъ виду, что при оцѣнкѣ той или иной мѣры борьбы съ преступнымъ людомъ рѣшающее значеніе имѣютъ интересы не общей, а спеціальной превенціи, и что то карательное средство, которое съ успѣхомъ служитъ интересамъ этой послѣдней, не можетъ вредить интересамъ первой, тѣмъ болѣе, что интересы общей превенціи, главнымъ образомъ, могутъ получить надлежащее удовлетвореніе не отъ введенія того или иного, хотя бы и суроваго, карательнаго

средства, а только отъ сотвѣтствующаго примѣненія спеціальныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью посильное устраненіе условій, содѣйствующихъ развитію преступности. Если даже и согласиться, что карательныя мѣры, въ извѣстной степени, содѣйствуютъ усиленію сдерживающихъ отъ преступной дѣятельности импульсовъ, набрасывая на эту дѣятельность, какъ утверждаютъ противники условнаго осужденія, „компрометирующую тѣнь", сообщая ей „по ассоціаціи идей и чувствъ способность возбуждать инстинктивный страхъ и отвращеніе", придавая ей „отталкивающій характеръ", то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать возможности такого эффекта отъ примѣненія условнаго осужденія, такъ какъ съ примѣненіемъ условнаго осужденія связывается постановленіе обвинительнаго приговора, а слѣдовательно и выраженіе порицанія по поводу учиненнаго; неужели же обвинительный приговоръ самъ по себѣ не набрасываетъ въ достаточной степени „компрометирующей тѣни" на учиненное? Какія основанія существуютъ въ пользу того, что эта „компрометирующая тѣнь" набрасывается только тогда, когда примѣняется карательное средство въ грубо-матеріальной формѣ? „Сознательная мысль", „психологическая дедукція", которыя призываются на помощь противниками условнаго осужденія [1]) въ борьбѣ ихъ съ указаніями опыта и жизни, могутъ отвѣтить на поставленный вопросъ только отрицательно.

Не менѣе слабы и соображенія практическаго свойства, приводимыя противъ условнаго осужденія.

Примѣненіе условнаго осужденія,—говорятъ,—будетъ предоставлено въ значительной степени единоличнымъ органамъ; эти же органы, въ особенности созданные закономъ 12 іюля 1889 года, не представляютъ достаточныхъ гарантій всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла, вслѣдствіе чего примѣненіе ими условнаго осужденія можетъ привести къ вредному и опасному произволу. Не послѣдовательно сомнѣваться въ представленіи достаточныхъ гарантій единоличными органами въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается

[1]) См. Международный союзъ криминалистовъ, № 4, 1899, стр. 65.

примѣненія условнаго осужденія, и не сомнѣваться въ тѣхъ, когда дѣло касается примѣненія ими такихъ карательныхъ мѣръ, какъ, напр., тюремное заключеніе, которыя, несомнѣнно, гораздо ощутительнѣе отражаются на индивидуальныхъ и коллективныхъ интересахъ и съ примѣненіемъ которыхъ въ гораздо большей степени возможно проявленіе вреднаго и опаснаго произвола. Но если игнорировать эту непослѣдовательность и согласиться, что гарантіи безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла, представляемыя единоличными судьями, недостаточны, то развѣ отсюда можно и должно заключить вообще о невозможности введенія условнаго осужденія? Казалось бы, можно только заключить о нежелательности предоставленія права примѣненія условнаго осужденія единоличнымъ судебнымъ органамъ, безъ установленія спеціальныхъ гарантій, могущихъ парализовать проявленіе вреднаго съ ихъ стороны произвола. Созданіе такихъ гарантій особыхъ затрудненій не представляетъ; можно, напр., вмѣнить прокурорскому надзору въ обязанность имѣть особое наблюденіе за приговорами единоличныхъ судовъ, касающимися условнаго осужденія; можно установить возможность особаго пересмотра этихъ приговоровъ высшимъ судебнымъ органомъ—органомъ коллегіальнымъ (съѣздомъ земскихъ начальниковъ, мировымъ съѣздомъ, окружнымъ судомъ) и предоставить съ этой цѣлью прокурорскому надзору право протеста по всѣмъ приговорамъ, по которымъ допущено примѣненіе условнаго осужденія; словомъ, такъ или иначе, всегда возможно, путемъ соотвѣтствующей регуляціи, парализовать проявленіе вреднаго произвола со стороны единоличныхъ органовъ при примѣненіи ими условнаго осужденія.

Указываютъ, далѣе, на медленность и безуспѣшность нашего розыска и на затрудненія при опредѣленіи прежней судимости, какъ на обстоятельства, препятствующія примѣненію условнаго осужденія.

Эти указанія, въ свою очередь, подобно предыдущимъ, не могутъ имѣть то значеніе, какое стремятся имъ придать.

Медленность и безуспѣшность нашего розыска—дѣло вредное для отправленія всего уголовнаго правосудія, но оно ни-

чего не говоритъ ни за, ни противъ условнаго осужденія; правда, утверждаютъ, что, благодаря такому положенію нашего розыска, большинство производствъ прекращается за необнаруженіемъ виновныхъ и что въ виду этого невозможно освобождать отъ наказанія и тѣхъ немногихъ виновныхъ, которые обнаружены, а слѣдовательно невозможно и примѣнять условное осужденіе [1]); но, говоря это, очевидно, смѣшиваютъ условное осужденіе съ освобожденіемъ отъ наказанія и, повидимому, забываютъ, что примѣненіе условнаго осужденія, какъ карательнаго средства, а равно и освобожденіе отъ наказанія не могутъ находиться въ какой-либо зависимости отъ того обстоятельства, какое количество преступниковъ остается необнаруженнымъ; хотя бы количество необнаруженныхъ преступниковъ было слишкомъ велико, тѣмъ не менѣе къ обнаруженнымъ преступникамъ можно и должно примѣнять только то карательное средство, которое вызывается особенностями даннаго конкретнаго случая, можно и должно ихъ освобождать отъ наказанія, если это освобожденіе вызывается обстоятельствами даннаго дѣла (необходимая оборона, состояніе крайней необходимости и проч.).

Что же касается затрудненій при опредѣленіи прежней судимости, то, даже не отрицая ихъ существованія, никоимъ образомъ нельзя признать ихъ обстоятельствами, устраняющими возможность примѣненія условнаго осужденія. Опредѣленіе прежней судимости, несомнѣнно, играетъ болѣе существенную роль при констатированіи наличности рецидива, чѣмъ при примѣненіи условнаго осужденія (въ этомъ послѣднемъ случаѣ легальное значеніе установленія прежней судимости можетъ быть, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ Норвегіи, сведено къ нулю); между тѣмъ никто не рѣшится требовать устраненія изъ уголовнаго кодекса постановленій о рецидивѣ въ виду того, что констатированіе этой прежней судимости представляетъ затрудненія; какое же основаніе предъявлять такія требованія въ томъ случаѣ, когда дѣло касается условнаго осужденія?

[1]) См. Международный союзъ криминалистовъ, № 4, 1899 г., стр. 73.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что соображенія, приводимыя противъ включенія въ нашу карательную систему условнаго осужденія, на какія-либо серьезныя, непреодолимыя затрудненія, препятствующія этому включенію, не указываютъ.

Путь къ проникновенію условнаго осужденія въ наше законодательство открытъ. Нѣтъ основаній создавать искусственныя препятствія на этомъ пути. Нѣтъ основаній задерживать тотъ эволюціонный процессъ въ современномъ карательномъ механизмѣ, который свершается на нашихъ глазахъ, да и задержать его невозможно....

Проникая въ карательныя системы, условное осужденіе реорганизуетъ ихъ, освобождаетъ отъ губительнаго формализма, кладетъ начало новому ихъ построенію, болѣе соотвѣтствующему потребностямъ дѣла борьбы съ преступностью. Оно выступаетъ на арену борьбы съ преступностью въ качествѣ добраго вѣстника той любви и милосердія, безъ которыхъ успѣхъ этой борьбы въ переживаемую нами эпоху немыслимъ. Чѣмъ скорѣе оно войдетъ въ нашу карательную систему, тѣмъ лучше для несчастнаго изъ несчастныхъ—преступника—и для цѣлаго общества.

О ГРАНИЦАХЪ КАССАЦІОННАГО РАЗСМОТРѢНІЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

(5 ст. учр. суд. уст.)

А. К. фонъ-Резона.

(*Окончаніе*) [1].

II. По вопросамъ процессуальнымъ.

Я говорилъ до сихъ поръ о границахъ кассаціоннаго разсмотрѣнія по вопросамъ, касающимся признанія вины или невинности обвиняемаго. Къ этимъ именно вопросамъ и относится 5 ст. учр. суд. уст., запрещающая кассаціонному суду рѣшать дѣло по существу, ибо существомъ дѣла является совокупность его фактическихъ обстоятельствъ, которая и служитъ единственнымъ основаніемъ для окончательнаго вывода суда о виновности. Изъ этого слѣдуетъ, что 5 ст., говоря о существѣ дѣла, не заключаетъ въ себѣ прямыхъ указаній, какъ далеко простирается компетенція кассаціоннаго суда по вопросамъ процессуальнымъ, и является ли эта компетенція въ примѣненіи къ фактическимъ обстоятельствамъ по вопросамъ послѣдняго рода столь же ограниченной, какъ по вопросамъ о виновности.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г. Январь, стр. 107.

Приступая и здѣсь прежде всего къ изложенію кассаціонной практики, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее. Намъ уже извѣстно, что вопросы о винѣ или невинности обвиняемаго рѣшаются исключительно на основаніи данныхъ, провѣренныхъ и добытыхъ на судебномъ слѣдствіи; факты же, хотя имѣющіеся въ дѣлѣ, но собранные раньше, напр., во время дознанія или предварительнаго слѣдствія, и не провѣренные въ судебномъ засѣданіи, не могутъ быть приняты въ соображеніе судомъ при постановленіи приговора и слѣдовательно не могутъ быть предметомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія [1]). По вопросамъ же процессуальнымъ власть кассаціоннаго суда значительно шире, а именно онъ разсматриваетъ не только процессуальныя дѣйствія суда, рѣшающаго дѣло по существу, безразлично, совершены ли они въ судебномъ или распорядительномъ засѣданіи, но въ извѣстныхъ случаяхъ и такія, которыя имѣли мѣсто до поступленія дѣла въ означенный судъ въ другихъ судебныхъ установленіяхъ, т. е. во время предварительнаго слѣдствія или производства дѣла въ обвинительной камерѣ. Поэтому для большей наглядности необходимо раздѣлить подлежащія нашему разсмотрѣнію кассаціонныя рѣшенія на два отдѣла, смотря по тому, касаются ли они дѣйствій, совершенныхъ въ судѣ, рѣшавшемъ дѣло по существу, или нѣтъ.

А. Процессуальныя дѣйствія, совершенныя до поступленія дѣла въ судъ, рѣшающій дѣло по существу, другими судебными установленіями.

Поступленію дѣла въ судъ можетъ предшествовать предварительное слѣдствіе и преданіе обвиняемаго суду. Правительствующій Сенатъ призналъ, что упущенія предварительнаго слѣдствія могутъ быть предметомъ кассаціонной про-

---

[1]) Только кажущееся исключеніе составляетъ вопросъ о невѣрномъ принятіи судомъ подобныхъ фактовъ въ видѣ доказательствъ, ибо намъ уже извѣстно, что и въ этихъ случаяхъ вопросъ идетъ только о принятіи или непринятіи, а не о содержаніи и закономѣрности ихъ.

вѣрки, но что они могутъ быть поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли быть или въ дѣйствительности не были исправлены во время судебнаго слѣдствія, или же должны были имѣть вліяніе на рѣшеніе судебнаго мѣста (рѣш. 1871 г. № 159, 1881 г. № 12), причемъ существенными нарушеніями считаются, напр., непредъявленіе подсудимому показаній свидѣтелей, допрошенныхъ въ его отсутствіи, несоставленіе заключенія объ окончаніи слѣдствія и непредъявленіе такого заключенія подсудимому (то же рѣшеніе). Очевидно, что приведенныя и подобныя данныя могутъ быть установлены не иначе, какъ путемъ разсмотрѣнія подлиннаго производства: другими словами, Правительствующій Сенатъ признаетъ за собою право установить извѣстныя данныя, не бывшія предметомъ судебнаго слѣдствія и слѣдовательно не признанныя и не отвергнутыя судомъ, рѣшающимъ дѣло по существу [1]). Онъ идетъ даже еще дальше и опредѣляетъ внутреннее значеніе имъ же установленныхъ обстоятельствъ, напр., признаетъ, что упущенія предварительнаго слѣдствія не могли имѣть вліяніе на рѣшеніе судебнаго мѣста (рѣш. 1881 г. № 12).

Преданіе суду обвиняемаго обвинительною камерою, по постоянной практикѣ Правительствующаго Сената, тоже подлежитъ кассаціонному разсмотрѣнію. Правда, что степень достовѣрности установленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ данныхъ и ихъ доказательной силы всецѣло опредѣляется внутреннимъ убѣжденіемъ членовъ обвинительной камеры, ихъ усмотрѣніемъ, не провѣряемымъ въ порядкѣ кассаціонномъ (рѣш. 1872 г. № 223, 1895 г. № 17); но затѣмъ были, напр., отмѣнены опредѣленія о преданіи суду, основанныя не на фактахъ, а на догадкѣ [2]), что при судебномъ слѣдствіи

[1]) См., напр., рѣш. 1881 г. № 12, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что „нарушенія формъ и обрядовъ предварительнаго слѣдствія могутъ повлечь за собою отмѣну судебнаго приговора только въ тѣхъ случаяхъ, не оказывающихся въ настоящемъ дѣлѣ, когда эти нарушенія не могли быть исправлены на судѣ“, и т. д.

[2]) Въ рѣшеніи сказано: „на предположеніи“.

нѣкоторыя обстоятельства, по всей вѣроятности, получатъ иной видъ и послужатъ къ уликѣ обвиняемыхъ (рѣш. 1866 г. № 78), за неимѣніемъ въ дѣйствіяхъ обвиняемаго признаковъ преступленія (рѣш. 1883 г. № 27), въ виду ошибочнаго преданія суду по дѣлу, кончающемуся примиреніемъ, несмотря на состоявшееся примиреніе (рѣш. 1868 г. № 725); въ случаѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія до разсмотрѣнія предсудимыхъ вопросовъ (рѣш. 1868 г. №№ 388, 770), безъ установленнаго ст. 1006 уст. угол. суд. требованія духовнаго начальства или безъ истребованія заключенія таковаго по 1013 ст. того же устава (рѣш. 1873 г. № 572, 1869 г. № 521); въ случаѣ неправильнаго возбужденія, несмотря на истеченіе давности или на покрытіе дѣянія силою Всемилостивѣйшаго манифеста (рѣш. 1895 г. № 17); въ случаѣ непроизводства при предварительномъ слѣдствіи въ установленномъ порядкѣ освидѣтельствованія душевнаго состоянія подсудимаго, несмотря на возникшія при слѣдствіи сомнѣнія о его ненормальности (то же рѣшеніе).

Уже одно перечисленіе причинъ отмѣны опредѣленій судебной палаты о преданіи суду доказываетъ, что Правительствующій Сенатъ и здѣсь признаетъ за собою право входить въ разсмотрѣніе этихъ опредѣленій по существу, сравнивать содержаніе ихъ съ обстоятельствами дѣла и устанавливать тѣ или другія изъ нихъ; такъ, напр., не войдя въ существо дѣла, нельзя установить наличность примиренія, истеченіе давности и т. под. Этотъ взглядъ прямо высказанъ въ рѣш. 1895 г. № 17: „между тѣмъ изъ приводимыхъ въ жалобѣ гражданскаго истца, *вполнѣ подтверждаемыхъ данными производства*, указаній видно, что во время слѣдствія по настоящему дѣлу были сообщаемы свѣдѣнія о крайне нервномъ раздражительномъ темпераментѣ подсудимой . . и что кромѣ того слѣдователемъ были предпринимаемы даже слѣдственныя дѣйствія для выясненія этой стороны личности подсудимой“.

Б. Процессуальныя дѣйствія, совершенныя въ судѣ, рѣшавшемъ дѣло по существу.

Значительно многочисленнѣе и сложнѣе тѣ процессуальныя дѣйствія, которыя, начиная съ самаго времени поступленія дѣла и кончая представленіемъ его въ кассаціонный судъ, совершаются въ разсматривающемъ его по существу судѣ. Всю эту массу проявленій процессуальной власти суда (или въ извѣстныхъ случаяхъ—предсѣдательствующаго) можно раздѣлить на двѣ большія группы: процессуальныя дѣйствія, которыя, не имѣя никакого отношенія къ существу, могутъ повториться по каждому дѣлу, совершенно независимо отъ его содержанія, напр., отводъ свидѣтелей или присяжныхъ засѣдателей, и процессуальныя дѣйствія, которыя связаны и обусловлены фактическою стороною, т. е. самымъ содержаніемъ дѣла, и поэтому могутъ имѣть мѣсто лишь по данному, опредѣленному дѣлу, напр., вызовъ извѣстныхъ свидѣтелей.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствій, у Правительствующаго Сената долженъ былъ явиться вопросъ, какимъ образомъ удостовѣриться, что такое-то дѣйствіе, на которое указывается, имѣло или не имѣло мѣсто, и какъ далеко идетъ право Сената при установленіи или отрицаніи наличности ихъ.

По этому вопросу Правительствующій Сенатъ призналъ, что, согласно 837 ст. уст. угол. суд., внесеніе въ протоколъ судебнаго засѣданія извѣстнаго обстоятельства служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ совершенія его въ томъ самомъ видѣ, какъ оно въ протоколѣ изложено (рѣш. 1883 г. № 27); другими словами, протоколъ судебнаго засѣданія служитъ полнымъ доказательствомъ, что, съ одной стороны, всѣ указанныя въ немъ обстоятельства дѣйствительно совершились и совершились при этомъ въ томъ видѣ, какъ указано въ протоколѣ, а съ другой—что неуказанныя не имѣли мѣста. Слѣдовательно, *провѣрка* этихъ фактовъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если содержаніе протокола оспорено сторонами въ порядкѣ, указанномъ въ 843 и 844 ст. уст.

угол. суд. Матеріаломъ же для установленія дѣйствительности или недѣйствительности данныхъ обстоятельствъ должно служить, помимо протокола, и послѣдующее по замѣчаніямъ сторонъ [1]) постановленіе суда [2]), при чемъ, если таковое постановленіе не состоялось, Правительствующій Сенатъ возвращаетъ дѣло для исполненія 844 ст. уст. угол. суд. (рѣш. 1867 г. № 327); впрочемъ, въ особенно сомнительныхъ случаяхъ Правительствующій Сенатъ не ограничивается этимъ матеріаломъ, а принимаетъ въ соображеніе и другіе имѣющіеся въ дѣлѣ документы, напр., представленіе секретаря или помощника секретаря, относящееся къ содержанію протокола, хотя бы оно и не было разсмотрѣно судомъ (рѣш. 1899 г. № 5).

Такимъ образомъ, если въ дѣлѣ, дошедшемъ до Правительствующаго Сената, возбужденъ споръ, имѣлъ ли мѣсто во время судебнаго засѣданія тотъ или другой фактъ, то рѣшеніе этого вопроса, т. е. признаніе факта совершившимся, или нѣтъ, на основаніи протокола, возраженій сторонъ, постановленія суда и т. д., зависитъ отъ кассаціоннаго суда, и 5 ст. учр. суд. уст. къ подобнымъ случаямъ не примѣнима. Это правило постоянно повторяется нашей кассаціонной практикой; такъ, напр., въ рѣш. 1883 г. № 27 сказано: „признавая точными записанные въ протоколѣ судебнаго засѣданія факты“, въ рѣш. 1894 г. № 4: „Правительствующій Сенатъ приходитъ къ несомнѣнному заключенію, что въ судебномъ засѣданіи по дѣлу Салтыкова безпрепятственно со стороны предсѣдателя дозволено было защитнику подсудимаго развивать въ его рѣчахъ положенія, явно противорѣчащія задачамъ правосудія. По тѣмъ же основаніямъ Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что и заключительное слово предсѣдательствовавшаго въ судебномъ засѣданіи по дѣлу Салтыкова по краткости его не соотвѣтствовало сложности подлежавшихъ об-

---

[1]) Или на представленіе секретаря или помощника его по поводу принятой судомъ редакціи протокола (рѣш. 1899 г. № 5).

[2]) Но не рапортъ суда, остающійся неизвѣстнымъ сторонѣ, приносившей протестъ или жалобу (рѣш. 1870 г. № 1506).

сужденію присяжныхъ засѣдателей обстоятельствъ дѣла"; въ рѣш. 1899 г. № 5: „въ противорѣчіе съ категорическимъ удостовѣреніемъ суда, записаннымъ въ протоколъ, судомъ признано, что непосредственное обращеніе эксперта къ свидѣтелямъ имѣло мѣсто; въ виду сего *надлежитъ признать*, что заявленіе защитника относительно допроса свидѣтелей экспертомъ непосредственно, занесенное въ протоколъ засѣданія, соотвѣтствуетъ происходившему на судѣ. Такой выводъ находитъ себѣ подтвержденіе въ представленіи помощника секретаря".

Перейдемъ теперь къ тѣмъ процессуальнымъ дѣйствіямъ, которыя не имѣютъ отношенія къ существу дѣла.

Прежде всего Правительствующій Сенатъ призналъ, что тѣ процессуальныя дѣйствія (т. е. постановленія) суда, которыя основаны на оцѣнкѣ или обсужденіи извѣстныхъ данныхъ и доказательствъ, повѣркѣ кассаціоннаго суда не подлежатъ, что къ подобнымъ дѣйствіямъ примѣняется 5 ст. учр. суд. уст.; такъ, напр., установлено, „что возбужденный защитникомъ подсудимаго вопросъ о томъ, представилъ ли присяжный засѣдатель достаточное доказательство въ дѣйствительности существованія законныхъ причинъ къ увольненію его отъ исполненія своихъ обязанностей, или нѣтъ, не можетъ подлежать обсужденію Правительствующаго Сената, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ суду, распоряженіе коего по сему предмету не подлежитъ контролю въ кассаціонномъ порядкѣ" (рѣш. 1874 г. № 438, 1877 г. № 95); что заявленіе присяжнаго засѣдателя о своей глухотѣ не могло обязывать судъ къ освобожденію его отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя, если судъ по обсужденіи этого вопроса не пришелъ къ убѣжденію въ дѣйствительности этого недостатка (рѣш. 1870 г. № 56); что согласно 710 ст. уст. угол. суд. разслѣдованіе объ обстоятельствахъ, на которыхъ основывается отводъ свидѣтеля, производится судомъ, и тотъ или другой выводъ его и вообще удостовѣреніе дѣйствительности этихъ обстоятельствъ не можетъ быть провѣренъ въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 1870 г. № 1473, 1871 г. № 856, 1874 г. № 639); что способъ удостовѣренія въ

затруднительности для свидѣтеля, живущаго въ другомъ судебномъ округѣ (2 п. 642 ст. уст. угол. суд.), явиться въ судебное засѣданіе, предоставленъ закономъ усмотрѣнію суда (рѣш. 1885 г. № 28) [1]).

Но, отказываясь отъ провѣрки упомянутыхъ процессуальныхъ дѣйствій по существу ихъ, Правительствующій Сенатъ входитъ въ разсмотрѣніе фактическихъ основаній ихъ и вообще не только провѣряетъ дѣйствительность тѣхъ процессуальныхъ фактовъ, на которыхъ судъ основывалъ свои выводы, но и самъ опредѣляетъ значеніе и послѣдствія, которыя должно имѣть извѣстное обстоятельство или дѣйствіе. Такъ, напр., провѣряется: дѣйствительно ли свидѣтель былъ допрошенъ подъ присягою, или нѣтъ: „съѣздъ основалъ свое рѣшеніе на искаженномъ обстоятельствѣ дѣла, а именно, оцѣняя достоинство свидѣтельскихъ показаній, основывался на томъ ошибочномъ фактѣ, что правдивость показанія Петрова ограждена присягою, тогда какъ этого огражденія не было“ (рѣш. 1870 г. № 1160); былъ ли дѣйствительно допрошенъ тотъ свидѣтель, на котораго ссылается рѣшеніе: „въ приговорѣ мироваго съѣзда въ доказательство къ обвиненію подсудимаго дѣлается ссылка на показаніе Василія Федорова, какъ подтвердившаго въ съѣздѣ данное имъ мировому судьѣ показаніе; между тѣмъ изъ протокола съѣзда усматривается, что въ засѣданіе онаго явился свидѣтель Василій Игнатовъ, показанія котораго также приводятся въ приговорѣ; этотъ же свидѣтель значится присягавшимъ, а Василій Федоровъ на томъ листѣ не показанъ. Признавая, что такое неправильное изложеніе въ приговорѣ основаній, принятыхъ къ обвиненію подсудимаго составляетъ явное нарушеніе 130 и 170 ст. уст. угол. суд...“ (рѣш. 1875 г. № 167); не явился ли свидѣтель по указанной въ протоколѣ причинѣ: „изъ протокола видно, что при повѣркѣ списка лицъ, вызванныхъ въ судъ, секретарь доложилъ, что свидѣтелю Павлову повѣстка вручена, но онъ не явился по неизвѣстной причинѣ; между тѣмъ въ дѣлѣ находится справка адреснаго стола, изъ коей

[1]) Противоположный взглядъ былъ высказанъ въ рѣш. 1874 г. № 215.

видно, что Павловъ выбылъ на родину въ Калужскую губернію, и о врученіи ему повѣстки въ дѣлѣ нѣтъ никакого удостовѣренія" (рѣш. 1869 г. № 137). Затѣмъ Правительствующій Сенатъ входитъ, напр., въ разсмотрѣніе значенія сношеній присяжныхъ засѣдателей съ посторонними лицами и опредѣляетъ, насколько они могли имѣть вредное вліяніе; такъ, напр., въ рѣш. 1871 г. № 1425 признано, что сношеніе присяжнаго съ свидѣтелемъ, выставленнымъ обвиненіемъ, могло имѣть такое вліяніе, тѣмъ болѣе, что объясненіе ихъ, что они говорили о предметѣ, не имѣющемъ отношеній къ существу дѣла, ничѣмъ не подкрѣплено; въ рѣш. 1869 г. № 687—что подобное сношеніе не можетъ быть причиной отмѣны приговора, если ни въ протоколѣ, ни въ кассаціонной жалобѣ нѣтъ указаній на то, чтобы это нарушеніе имѣло какія-либо вредныя для подсудимыхъ послѣдствія, а затѣмъ въ другихъ рѣшеніяхъ уже установлено въ частности, что не признается существеннымъ нарушеніемъ разговоръ присяжнаго съ женой о домашнихъ дѣлахъ въ присутствіи судебнаго пристава (рѣш. 1882 г. № 1), полученіе относящейся къ постороннимъ предметамъ телеграммы (рѣш. 1877 г. № 78) и т. д.

Обращаясь затѣмъ ко второй группѣ процессуальныхъ дѣйствій, мы видимъ, что здѣсь примѣняется общее правило, что всѣ вопросы, касающіеся дѣйствительно существа дѣла, т. е. непосредственно вытекающіе изъ его обстоятельствъ, изъяты изъ вѣдѣнія кассаціоннаго суда. Такъ, напр., признано, что не подлежатъ кассаціонной провѣркѣ вопросы о разнорѣчіи между изустнымъ и письменнымъ показаніемъ свидѣтеля, какъ основанные на соображеніи обстоятельствъ дѣла (рѣш. 1872 г. № 71; 1883 г. № 19); о существенности или несущественности показанія даннаго свидѣтеля (рѣш. 1871 г. № 324; 1877 г. № 43; 1883 г. № 28); о томъ, относится ли представляемый подсудимымъ документъ къ предмету его показаній, потому что разрѣшеніе этого вопроса „потребовало бы разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла по существу" (рѣш. 1868 г. № 993); о томъ, является ли новымъ то обстоятельство, въ подтвержденіе котораго подсудимый сдѣлалъ ссылку на сви-

дѣтеля (рѣш. 1872 г. № 1371); о необходимости постановки вопроса, несогласнаго съ выводами обвинительнаго акта, „ибо судить о томъ, въ какой мѣрѣ измѣнились обстоятельства дѣла на судебномъ слѣдствіи и требовалось ли по обстоятельствамъ этимъ постановить новые вопросы, можетъ только судъ, разсматривающій дѣло по существу“ (рѣш. 1868 г. № 128; 1870 г. № 905 и др.) [1]), или о необходимости выдѣленія вопроса о событіи преступленія изъ общаго вопроса о виновности (рѣш. 1874 г. № 44); о томъ, какія обстоятельства и какія юридическія понятія должны быть объяснены предсѣдательствующимъ присяжнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ (рѣш. 1868 г. № 575), или вѣрно ли изложено имъ въ заключительной рѣчи существо объясненій, данныхъ подсудимыми въ судебномъ засѣданіи (рѣш. 1890 г. № 32); имѣютъ ли значеніе по обстоятельствамъ дѣла тѣ или другія показанія свидѣтелей (рѣш. 1899 г. № 45); представляется ли *по обстоятельствамъ дѣла* необходимымъ новый осмотръ (рѣш. 1899 г. № 25). Но въ то же время нашъ кассаціонный судъ провѣряетъ *въ извѣстныхъ случаяхъ* и входитъ въ оцѣнку тѣхъ фактическихъ обстоятельствъ, которыя служили основаніемъ для отказа въ вызовѣ выставленныхъ сторонами во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій свидѣтелей; онъ признаетъ, напр., что при извѣстныхъ условіяхъ судъ не могъ не знать, по какимъ обстоятельствамъ должны были быть допрашиваемы указанные свидѣтели, напр., если извѣстно, что они были очевидцами преступленія (рѣш. 1877 г. № 26), или, если изъ обвинительнаго акта видно, по какому предмету обвиняемый ссылался на нихъ (рѣш. 1872 г. № 1623), что извѣстныя свидѣтельскія показанія не могутъ быть признаны неимѣющими отношенія къ дѣлу, напр., показанія такихъ свидѣтелей, которые выставляются въ опро-

---

[1]) Но если жалобщикъ просилъ о внесеніи въ протоколъ тѣхъ объясненій и показаній, на основаніи которыхъ онъ ходатайствовалъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса, то отказъ въ постановкѣ такого вопроса можетъ быть очевидно предметомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія (рѣш. 1870 г. № 905 и др.), ибо кассаціонный судъ получилъ возможность обсудить правильность отказа безъ разсмотрѣнія существа дѣла.

верженіе указаній обвинительнаго акта на предосудительность занятія обвиняемаго (рѣш. 1888 г. № 6; 1890 г. № 17), что не могутъ быть признаны несущественными (или, по теперешней редакціи 575 ст., не имѣющими значенія для дѣла) показанія свидѣтелей, которыя могутъ относиться къ существеннымъ признакамъ даннаго преступленія (рѣш. 1890 г. № 17) или къ обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину (рѣш. 1878 г. № 34). Общія основанія своей практики по настоящему вопросу Правительствующій Сенатъ изложилъ въ рѣш. 1899 г. № 45, въ которомъ сказано, что, хотя онъ и „не входитъ въ провѣрку опредѣленій судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей съ фактической стороны, т. е. въ провѣрку того, имѣютъ ли значеніе для дѣла, по обстоятельствамъ его, тѣ или другія показанія свидѣтелей, но, какъ верховный кассаціонный судъ, наблюдающій за охраненіемъ точной силы закона, Правительствующій Сенатъ не можетъ оставлять безъ разсмотрѣнія постановляемыя судомъ опредѣленія по ходатайствамъ о вызовѣ свидѣтелей со стороны законной; другими словами, не касаясь провѣрки опредѣленій судовъ относительно вызова свидѣтелей со стороны существа дѣла, опредѣленія эти, со стороны правильности приведенныхъ въ нихъ соображеній, логической и юридической основательности заключеній, дѣлаемыхъ изъ этихъ соображеній, не могутъ не подлежать провѣркѣ“. Подобный же взглядъ высказанъ Правительствующимъ Сенатомъ и по поводу постановленій судовъ о производствѣ осмотровъ: „распоряженіе о производствѣ новаго осмотра или выѣздъ суда, для осмотра на мѣсто преступленія, зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу, и Правительствующій Сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не можетъ, за силою 5 ст. учр. суд. уст., входить въ обсужденіе вопроса, представляется ли по обстоятельствамъ дѣла необходимымъ новый осмотръ; но судъ, отказывая въ удовлетвореніи сторонамъ ихъ ходатайства о производствѣ новаго осмотра, обязанъ мотивировать таковой отказъ, приведенные же по сему предмету въ постановленіи суда доводы, если они не вытекаютъ изъ обстоятельствъ, относящихся къ существу дѣла, а основаны на толкованіи закона,

подлежатъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ" (рѣш. 1899 г. № 25)[1]).

Далѣе слѣдуетъ здѣсь обратить вниманіе на практику Правительствующаго Сената по поводу 616 ст. уст. угол. суд. Сначала въ извѣстномъ циркулярномъ указѣ отъ 13 апрѣля 1873 года было разъяснено, что на основаніи приведенной статьи присяжные должны быть безусловно оставляемы во время перерывовъ и для ночлега въ зданіи суда, если дѣло идетъ о преступленіи, влекущемъ за собою уголовное наказаніе или относящемся по какимъ-либо обстоятельствамъ къ особенно важнымъ. Но затѣмъ было, напр., признано, что могутъ быть чрезвычайныя обстоятельства, извиняющія нарушеніе циркулярнаго указа и по дѣламъ, влекущимъ за собою уголовное наказаніе, при чемъ признаніе этихъ фактическихъ обстоятельствъ достаточнымъ извиненіемъ зависитъ отъ Правительствующаго Сената (рѣш. 1874 г. № 456) и что ему принадлежитъ и признаніе дѣла по какимъ-либо обстоятельствамъ особенно важнымъ (рѣш. 1884 г. № 13).

Такъ какъ въ этомъ же рѣшеніи сказано, что къ категоріи особенно важныхъ должны быть отнесены дѣла, „какъ возбуждающія особый интересъ въ той мѣстности, гдѣ они слушаются, по личности подсудимаго, по количеству вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, или по положенію въ обществѣ лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ, и вообще всѣ тѣ дѣла, относительно которыхъ можно предполагать возможность вліянія на присяжныхъ засѣдателей со стороны постороннихъ лицъ", то очевидно, что, между прочимъ, и эти вопросы провѣряются въ кассаціонномъ порядкѣ [2]).

---

[1]) Въ прежнихъ рѣшеніяхъ (напр., 1867 г. № 96, 1879 г. № 49) Правительствующій Сенатъ призналъ, что вопросы о производствѣ осмотра не подлежатъ обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ.

[2]) Въ рѣш. 1898 г. № 19, между прочимъ, сказано: „для признанія постановленія суда о закрытіи дверей засѣданія по 620³ ст. уст. угол. суд. правильнымъ необходимо, во 1-хъ, чтобы судъ прибѣгъ къ этой чрезвычайной мѣрѣ не только при точно установленной наличности обстоятельствъ, допускающихъ въ силу той статьи отступленіе отъ начала публичности, но и при дѣйствительной необходимости въ томъ, и во 2-хъ, чтобы это распоряженіе суда выражено было

Наконецъ, слѣдуетъ еще особо указать на тѣ случаи, когда Правительствующій Сенатъ, признавая наличность процессуальнаго нарушенія, допущеннаго при производствѣ дѣла, въ то же время находитъ его существеннымъ или несущественнымъ въ виду обстоятельствъ даннаго дѣла. Случаи эти относятся одинаково ко всѣмъ видамъ процессуальныхъ нарушеній. Такъ, напр., Правительствующимъ Сенатомъ признано слѣдующее.

1) „Хотя объясненіе предсѣдателя присяжнымъ засѣдателямъ, какому наказанію подвергается разсматриваемое преступленіе, не правильно, но, какъ объясненія его не могли стѣснить присяжныхъ въ обсужденіи по совѣсти вопроса о виновности подсудимаго, то Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ нарушенія существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства“ (рѣш. 1866 г. № 84, см. и 1872 г. № 652).

2) „Указаніе товарища прокурора на несоблюденіе предписаннаго въ 764 и 801 ст. уст. угол. суд. порядка подтверждается протоколомъ судебнаго засѣданія, но, какъ изъ него видно, что предсѣдатель произнесъ заключительную свою рѣчь послѣ утвержденія судомъ вопросовъ и провозглашенія резолюціи суда о томъ, что имъ принята редакція вопросовъ, предложенная товарищемъ прокурора, то нарушеніе не является существеннымъ“ (рѣш. 1871 г. № 437).

3) „Употребленное предсѣдательствовавшимъ выраженіе: „преступленіе Арбатскаго не возбуждаетъ сомнѣнія“ представляетъ нѣкоторое нарушеніе“, но „оно въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ упо-

---

въ опредѣленіи, гдѣ изложены основанія его, т. е. необходимость его и тѣ данныя, изъ коихъ слагается *убѣжденіе* суда, что публичность разбирательства грозитъ правильному ходу судебныхъ дѣйствій, охраненію общественнаго порядка, достоинству государственной власти, оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности. Безусловная обязательность таковаго мотивированнаго постановленія вызывается необходимостью провѣрки соотвѣтствія такого постановленія истинному смыслу 620³ и 621 уст. угол. суд.“

Но очевидно, что въ этомъ рѣшеніи идетъ вопросъ о провѣркѣ не внутренняго, а юридическаго убѣжденія суда, т. е. того, соотвѣтствуютъ ли основанія, принятыя судьями для закрытія дверей засѣданія, требованіямъ закона.

мянутыя слова предсѣдательствовавшаго выражали мнѣніе его не о винѣ или невинности Арбатскаго, но, собственно, о дѣйствительности событія тѣхъ противозаконныхъ дѣяній, которыя были предметами обвиненія; совершенія же оныхъ самъ подсудимый не отвергалъ“ (рѣш. 1871 г. № 1256).

4) Принявъ въ соображеніе, что „слова предсѣдателя, „что подобный актъ, какъ составленный людьми, особо для того назначенными отъ правительства, и съ соблюденіемъ закономъ установленныхъ формальностей, долженъ заслуживать полной вѣры“, могли служить только подтвержденіемъ тому, что въ тѣлѣ Емельянова былъ дѣйствительно найденъ мышьякъ, а не клонились къ предмету обвиненія Андреяновой въ подмѣси отравы въ его пищу, и что, оканчивая рѣчь, предсѣдатель напомнилъ присяжнымъ, что всѣ сказанныя имъ основанія для нихъ не обязательны и что согласно принятой ими присягѣ, они должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему убѣжденію своему“,—Правительствующій Сенатъ не нашелъ здѣсь нарушенія, которое могло бы служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора (рѣш. 1870 г. № 837) [1]).

5) „Одинъ уже фактъ привода свидѣтеля доказываетъ, что подсудимый разсчитываетъ на возможность допроса“ и слѣдовательно отсутствіе прямаго ходатайства о допросѣ не можетъ служить доказательствомъ противоположнаго, а то обстоятельство, что подсудимые въ опроверженіе показанія свидѣтеля, будто онъ видѣлъ у одного изъ подсудимыхъ Евангеліе безъ креста, вынули изъ кармана Евангеліе, подняли его вверхъ и указывали на крестъ . . . . „служитъ достаточнымъ основаніемъ считать, особенно въ виду нахожденія подсудимыхъ безъ защитника, что подсудимые желали, чтобы эти Евангелія были приняты судомъ“ (рѣш. 1899 г. № 45).

6) Неупоминаніе предсѣдателемъ въ своемъ напутственномъ словѣ присяжнымъ о предоставленномъ имъ 812 ст. уст. угол. суд. правѣ „въ настоящемъ случаѣ“ (подсудимый обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью грабежа) не есть существен-

---

[1]) См. рѣш. 1873 г. № 1065 и мн. др.

ное нарушеніе, потому что по просьбѣ защиты былъ поставленъ особый вопросъ объ укрывательствѣ (оставленный безъ отвѣта за признаніемъ подсудимаго виновнымъ въ убійствѣ), ибо „изъ сего оказывается, что право ограничить обвиненіе въ томъ именно смыслѣ, какъ объ этомъ ходатайствовала защита, было предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ постановкою особаго вопроса“ (рѣш. 1872 г. № 996);

7) Если свидѣтель былъ остановленъ прокуроромъ, а не предсѣдателемъ, то это отступленіе можетъ имѣть существенное вліяніе на рѣшеніе дѣла только, если онъ остановленъ былъ безъ достаточнаго основанія (рѣш. 1868 г. № 575).

8) „Означеніе подсудимаго, въ первомъ вопросѣ о немъ, его званіемъ, именемъ и отчествомъ, безъ указанія его фамиліи, не могло ввести присяжныхъ въ заблужденіе, такъ какъ по дѣлу былъ всего одинъ подсудимый, и фамилія подсудимаго была означена въ заглавіи вопроснаго листа и въ дополнительномъ о подсудимомъ вопросѣ, связанномъ съ первымъ вопросомъ условно“ (рѣш. 1872 г. № 371) [1].

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ легко было бы увеличить, видно, что Правительствующій Сенатъ устанавливаетъ изъ обстоятельствъ дѣла, что извѣстный фактъ не могъ стѣснить присяжныхъ въ свободномъ обсужденіи вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, что извѣстныя слова, сказанныя предсѣдателемъ, имѣли такой-то смыслъ, что указаніе предсѣдателя присяжнымъ, что его объясненія для нихъ не обязательны и что они должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по своему внутреннему убѣжденію, уничтожаетъ возможность вреднаго вліянія на нихъ допущеннаго предсѣдателемъ въ своемъ напутственномъ словѣ нарушенія, и т. д. Другими словами, кассаціонный судъ дѣлаетъ изъ обстоятельствъ дѣла извѣстные фактическіе выводы, которые служатъ для разрѣшенія возникшаго сомнѣнія.

Спрашивается теперь, можно ли принципіально признать

---

[1]) См. и рѣшенія, касающіяся предварительнаго слѣдствія и сношеній посторонних лицъ съ присяжнымъ (стр. 49 и 55).

право кассаціоннаго суда на провѣрку и установленіе извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ, необходимыхъ для рѣшенія даннаго процессуальнаго вопроса.

По нашему закону кассаціонный судъ, не составляя судебной инстанціи и не разсматривая судебныхъ дѣлъ по существу, сосредоточиваетъ въ себѣ надзоръ за порядкомъ судопроизводства и правильнымъ толкованіемъ законовъ и отмѣняетъ окончательныя судебныя рѣшенія, когда въ нихъ оказывается явное нарушеніе закона въ томъ или другомъ отношеніи [1]). Слѣдовательно, если кассаціонный судъ, съ одной стороны, можетъ подвергнуть своему разсмотрѣнію всѣ нарушенія закона, а съ другой—ему запрещено разсмотрѣніе существа дѣла, то очевидно, что 5 ст. вовсе не заключаетъ въ себѣ абсолютнаго запрещенія кассаціонному суду войти въ обсужденіе фактическихъ обстоятельствъ или даже признавать или отвергать наличность таковыхъ, если это необходимо для изслѣдованія указаннаго ему нарушенія. Напротивъ, заключающееся въ 5 ст. запрещеніе касается лишь тѣхъ фактовъ, которые относятся до существа дѣла, при чемъ подъ этимъ терминомъ подразумѣвается не одно только содержаніе дѣла, а совокупность всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя устанавливаются судомъ факта по внутреннему своему убѣжденію на основаніи допускаемыхъ при судебномъ производствѣ доказательствъ. Правильность подобнаго распространительнаго толкованія термина „существо“ обусловливается тѣмъ, что провѣрка *этихъ* обстоятельствъ возможна только въ высшей апелляціонной инстанціи, которая провѣряетъ самое убѣжденіе судей и замѣняетъ его, въ случаѣ необходимости, своимъ; но кассаціонный судъ не составляетъ такой инстанціи и, по самому смыслу возложенной на него задачи, не можетъ перерѣшить то, что на основаніи разсмотрѣнныхъ доказательствъ признано судомъ факта. Поэтому, напр., кассаціонный судъ не можетъ установить, согласно ли показаніе свидѣтеля, данное на судебномъ слѣдствіи, съ показаніемъ, отобраннымъ

---

[1]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., изд. Государственной Канцеляріи, 2 изд. III, стр. 15.

отъ него на предварительномъ, но онъ можетъ установить фактъ, былъ ли свидѣтель спрошенъ или не спрошенъ на судебномъ и предварительномъ слѣдствіяхъ; онъ не можетъ признать, что дѣйствительно существуетъ указываемая сторонами причина отвода свидѣтеля, но онъ можетъ провѣрить, значится ли свидѣтель въ спискѣ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе, или нѣтъ, и былъ ли предъявленъ отводъ; онъ не можетъ признать, существенно, или нѣтъ, показаніе свидѣтеля по обстоятельствамъ дѣла, но онъ можетъ установить, что показаніе это относится къ существеннымъ признакамъ даннаго преступленія и поэтому не можетъ не имѣть значенія; въ первомъ, третьемъ и пятомъ случаяхъ требуется разсмотрѣніе и оцѣнка *содержанія* показаній свидѣтелей или провѣрка представленныхъ сторонами доказательствъ, т. е. существа дѣла, на что̀ кассаціонный судъ не уполномоченъ, между тѣмъ, какъ въ остальныхъ случаяхъ фактъ допроса, вызова, отношеніе даннаго показанія къ обвиненію и т. д. устанавливаются совершенно независимо отъ существа дѣла на основаніи протокола судебнаго засѣданія, обвинительнаго пункта и другихъ актовъ производства. Слѣдовательно, установленіе и провѣрка подобныхъ фактовъ не выходятъ изъ компетенціи кассаціоннаго суда. Но права его идутъ еще значительно дальше; ему принадлежитъ не только право установить, что извѣстныя процессуальныя дѣйствія совершились, но и право оцѣнки и опредѣленія содержанія ихъ, независимо отъ того, имѣли ли они мѣсто до судебнаго засѣданія или во время его. Другими словами, кассаціонный судъ можетъ опредѣлить истинный смыслъ процессуальныхъ дѣйствій и значеніе ихъ для даннаго случая, при чемъ, такъ какъ въ законѣ не установлено опредѣленныхъ правилъ для этой оцѣнки, она производится по внутреннему его убѣжденію, основанному на совокупномъ разсмотрѣніи всѣхъ относящихся къ данному вопросу обстоятельствъ. Это внутреннее убѣжденіе кассаціоннаго суда въ своей области является настолько же необходимымъ условіемъ правильнаго отправленія суда, какъ внутреннее убѣжденіе суда факта—въ своей. Если кассаціонный судъ былъ бы лишенъ права свободной оцѣнки

процессуальныхъ фактовъ, то дѣятельность его приняла бы по необходимости характеръ мертваго формализма: всѣ процессуальныя нарушенія имѣли бы одинаковое значеніе, т. е. всѣ явились бы существенными и должны были бы имѣть своимъ послѣдствіемъ отмѣну приговора, ибо очевидно, что, если кассаціонному суду нельзя войти въ разсмотрѣніе и оцѣнку значенія даннаго нарушенія для опредѣленнаго случая, то и не можетъ быть рѣчи о раздѣленіи нарушеній на существенныя и несущественныя.

Слѣдовательно, право кассаціоннаго суда на разсмотрѣніе фактическихъ обстоятельствъ въ указанныхъ границахъ не можетъ подлежать сомнѣнію [1]), при чемъ при обсужденіи и оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ могутъ быть имъ приняты въ соображеніе и данныя, не бывшія въ виду суда факта и имъ не провѣренныя, или даже добытыя, въ случаѣ необходимости, по распоряженію его самого (т. е. кассаціоннаго суда) [2]). Очевидно, что, если бы кассаціонный судъ не былъ уполномоченъ на эти дѣйствія, то самое право его на разсмотрѣніе и обсужденіе фактическаго обстоятельства было бы только jus nudum, т. е. правомъ безъ всякаго фактическаго значенія.

Изъ сказаннаго, далѣе, слѣдуетъ, что кассаціонный судъ можетъ основывать свои выводы на всѣхъ относящихся къ данному вопросу и имѣющихся въ дѣлѣ актахъ производства, если послѣдніе согласно общимъ процессуальнымъ правиламъ могутъ имѣть силу доказательствъ, такъ какъ только при

---

[1]) То же мнѣніе принято въ нѣмецкой практикѣ; такъ, напр., въ Entscheid. des Reichsger. in Strafs. XI стр. 261—3. Въ рѣш. № 76, между прочимъ, сказано, что ревизіонный (т. е. кассаціонный) судъ при оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ, необходимыхъ для примѣненія процессуальнаго правила, на нарушеніе котораго указываетъ кассаторъ, не связанъ выводами судьи низшихъ инстанцій, а принципіально въ правѣ и даже обязанъ провѣрить ихъ; это правило не примѣняется только къ той области, которая отведена закономъ судьямъ, рѣшающимъ дѣло по существу, для рѣшенія, по внутреннему убѣжденію, выведенныхъ изъ свободной оцѣнки данныхъ обстоятельствъ дѣла. См. и Rechtsprechung des deutschen Reichsgerichts in Strafsachen III, стр. 486 и Loewe, l. c. стр. 752.

[2]) См. Kries, Lehrbuch des deutchen Strafprocessrechts стр. 682; Schwarze, l. c. стр. 291; Loewe, l. c. стр. 755 и приведенныя тамъ рѣш. германскаго имперскаго суда.

этомъ условіи можетъ быть достигнута дѣйствительная провѣрка правильности извѣстнаго процессуальнаго дѣйствія суда [1]). Наконецъ, если кассаціонный судъ обязанъ отмѣнять всякія судебныя рѣшенія, въ коихъ оказывается явное нарушеніе закона, то очевидно право отмѣны его не обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что нарушеніе совершено судомъ, рѣшившимъ дѣло по существу [2]); напротивъ, всякое неправильное дѣйствіе, которое не исправлено впослѣдствіи или которое должно было имѣть вліяніе на рѣшеніе суда, можетъ быть предметомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія и повлечь за собою отмѣну состоявшагося приговора. Но повторяю, что все сказанное не относится къ той области фактовъ, которая касается существа дѣла, т. е. устанавливается по внутреннему убѣжденію суда факта.

Если съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть указанныя выше рѣшенія Сената, то нельзя не признать, что практика нашего кассаціоннаго суда въ общемъ вполнѣ правильна и что возраженія могутъ быть сдѣланы лишь относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Остановлюсь прежде всего на рѣш. 1895 г. № 17, относящемся къ провѣркѣ опредѣленій обвинительныхъ камеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вполнѣ правильна основная мысль рѣшенія— обезпечить подсудимымъ во время предварительнаго слѣдствія всѣ законныя средства защиты и, въ частности, изслѣдованіе ихъ душевнаго состоянія, если возникло сомнѣніе о ненормальности его. Но вопросъ только въ томъ, когда возникаетъ *сомнѣніе.* Достаточенъ ли для сомнѣнія одинъ намекъ, одно указаніе, или требуется ли для наличности его еще больше,—подтвержденіе указанія какими-либо фактами и т. п. Если допустить первое, то, разумѣется, кассаціонный судъ всегда можетъ провѣрить исполненіе 353 и слѣд. ст. уст. угол. суд. Если же принять второе толкованіе, то дѣло суда факта, т. е. обвинительной камеры, опредѣлить, достаточно ли обосновано указаніе на ненормальное состояніе умственныхъ

[1]) Loewe, l. c., стр. 755.
[2]) Loewe, l. c., стр. 755.

способностей обвиняемаго, т. е. дѣйствительно ли возбуждается сомнѣніе, требующее соблюденія означенныхъ статей, или нѣтъ.

Этотъ вопросъ есть, очевидно, вопросъ существа, ибо онъ зависитъ отъ внутренняго убѣжденія суда, которое не можетъ подлежать провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ; поэтому при означенномъ толкованіи отмѣна опредѣленія обвинительной камеры въ виду нарушенія 353 и слѣд. ст. возможна только, по причинамъ формальнымъ, въ случаѣ нарушеній обвинительной камерою своихъ обязанностей (530 и 531 уст. угол. суд.), т. е. если кассаціонный судъ (какъ это было въ рѣш. 1895 г. № 17) изъ актовъ производства установилъ, что дѣйствительно сомнѣніе о ненормальности умственнаго состоянія подсудимаго было возбуждено и что оно не разсмотрѣно и не обсуждено обвинительною камерой.

О рѣшеніяхъ, трактующихъ о способѣ удостовѣренія совершенныхъ въ судебномъ засѣданіи процессуальныхъ дѣйствій, упомяну здѣсь только, чтобы повторить, что въ нихъ идетъ рѣчь только объ удостовѣреніи, что эти дѣйствія совершились въ судебномъ засѣданіи именно такъ, какъ значится въ протоколѣ; поэтому, если, напримѣръ, въ протоколѣ имѣется постановленіе суда, основанное на докладѣ секретаря, то протоколъ удостовѣряетъ только, что секретарь доложилъ то, что въ протоколѣ значится, но не правильность содержанія доклада и согласіе его съ обстоятельствами дѣла. Поэтому Правительствующій Сенатъ въ рѣш. 1869 г. № 137 совершенно основательно призналъ, что правильность содержанія подобныхъ докладовъ принадлежитъ къ тѣмъ фактамъ, которые могутъ быть провѣрены кассаціоннымъ судомъ.

Довольно затруднителенъ вопросъ о томъ, можетъ ли Правительствующій Сенатъ,—и если можетъ, то по какимъ даннымъ,—установить, что сношенія присяжныхъ засѣдателей съ посторонними лицами имѣли вредное на исходъ дѣла вліяніе. Единственный вѣрный способъ, съ формальной точки зрѣнія,—усмотрѣть возможность подобнаго вреднаго вліянія въ *каждомъ* недозволенномъ сношеніи.

Но подобное рѣшеніе вопроса было бы правильно лишь съ формальной стороны и повело бы несомнѣнно къ отмѣнѣ во имя формализма многихъ вполнѣ законныхъ и правильныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей. Но если требованіе справедливости не допускаетъ этого рѣшенія, то на чемъ остановиться? Установить особыя категоріи лицъ, сношенія съ которыми *всегда* должны имѣть вредное или не вредное вліяніе, едва ли возможно, ибо нельзя а priori опредѣлить, при какихъ условіяхъ данное извѣстіе, полученное присяжнымъ засѣдателемъ, можетъ имѣть вліяніе на дѣло. Такъ, напр., полученіе присяжнымъ телеграммы, не относящейся по содержанію къ разсматриваемому дѣлу, является очевидно неимѣющимъ значенія; но кто можетъ поручиться, что подъ видомъ подобной телеграммы не сообщалось условными словами свѣдѣнія, прямо къ дѣлу относящіяся? Поэтому нельзя не согласиться съ высказаннымъ въ рѣш. 1869 г. № 687 мнѣніемъ Правительствующаго Сената, что указанныя сношенія могутъ считаться нарушеніемъ закона лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ имѣется прямое указаніе, что онѣ имѣли какое-либо вредное послѣдствіе для сторонъ, при чемъ кассаціонный судъ не выходитъ изъ границъ своей компетенціи, если опредѣляетъ степень достовѣрности или вѣроятности этихъ указаній, такъ какъ факты или предположенія, изъ которыхъ вытекаетъ эта достовѣрность, не относятся къ существу дѣла.

Подобныя затрудненія являются по вопросу объ отпускѣ присяжныхъ засѣдателей изъ судебнаго помѣщенія на время перерывовъ засѣданія. Сначала Правительствующій Сенатъ указалъ тѣ внѣшнія условія, при наличности которыхъ подобный отпускъ безусловно запрещается. Но это чисто формальное правило не могло устоять противъ требованій практической жизни и уступило новому взгляду Сената (рѣш. 1874 г. № 456, 1884 г. № 13), въ силу котораго онъ самъ рѣшаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, могло ли быть допущено отступленіе отъ первоначальныхъ правилъ въ виду особыхъ обстоятельствъ дѣла. И это мнѣніе вполнѣ согласно съ смысломъ 5 ст. учр. суд. уст., ибо, если

въ этихъ случаяхъ Сенатъ и выводитъ свое рѣшеніе изъ обстоятельствъ дѣла, то все-таки обсужденіе ихъ является чисто внѣшнимъ, такъ какъ рѣшеніе основывается на тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ обвинительномъ актѣ или установлены рѣшеніемъ присяжныхъ [1]).

Еще существеннѣе въ практическомъ отношеніи составляющій неизсякаемый источникъ кассаціонныхъ жалобъ вопросъ о вызовѣ свидѣтелей. Очевидно, что и по этому вопросу должны сохранить силу общія правила о компетентности кассаціоннаго суда по процессуальнымъ вопросамъ, какъ они изложены выше. Поэтому и здѣсь, разумѣется, ему не разрѣшено провѣрять доводы суда объ отказѣ свидѣтелей, основанные на оцѣнкѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла; но, съ другой стороны, изъ этого нельзя заключить, чтобы опредѣленія суда о вызовѣ свидѣтелей подлежали кассаціонному разсмотрѣнію только въ случаѣ нарушенія процессуальныхъ правилъ, напр., о срокахъ и т. п. Напротивъ, и здѣсь фактическія обстоятельства могутъ быть оцѣнены самостоятельно кассаціоннымъ судомъ, если только для этого не требуется разсмотрѣнія существа дѣла: поэтому, ограничиваясь лишь формальной стороною дѣла, онъ можетъ признать, что данное свидѣтельское показаніе служитъ для опровершенія одного изъ существенныхъ признаковъ взведеннаго на подсудимаго преступленія или для установленія обстоятельствъ, особо уменьшающихъ вину, или наконецъ, что выводъ суда о томъ, что данное обстоятельство не имѣетъ значенія для дѣла, не согласенъ съ содержаніемъ обвинительнаго акта, коимъ этому обстоятельству придано серьезное значеніе, и т. д. Поэтому нельзя не согласиться съ рѣш. 1899 г. № 45, что опредѣленія эти со стороны логической и юридической основательности ихъ подлежатъ повѣркѣ Сената, предполагая, ра-

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что, насколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Правительствующій Сенатъ входилъ въ разсмотрѣніе вопроса о степени важности даннаго дѣла и т. п., онъ соглашался съ мнѣніемъ суда факта по данному вопросу, такъ что въ рѣшеніяхъ своихъ онъ не устанавливаетъ ничего новаго относительно свойства дѣла, а доказывалъ лишь правильное дѣйствіе суда.

зумѣется, что подъ логической и юридической стороной дѣла подразумѣвается именно то, что согласно вышеизложенному не относится къ существу дѣла. То же самое слѣдуетъ сказать относительно постановленій суда, касающихся осмотровъ.

Наконецъ мы видѣли, что Правительствующій Сенатъ самъ опредѣляетъ значеніе процессуальныхъ фактовъ; такъ, напр., онъ устанавливаетъ истинный смыслъ сказанной предсѣдателемъ присяжнымъ засѣдателямъ рѣчи, признаетъ, что приводъ сторонами свидѣтеля въ засѣданіе суда всегда доказываетъ желаніе приводящаго, чтобы приведенный былъ допрошенъ, хотя бы судъ факта призналъ противоположное и т. д. Едва ли сомнительно, что и по этому вопросу практика нашего кассаціоннаго суда является вполнѣ правильной; если онъ и рѣшаетъ возникающія здѣсь сомнѣнія по своему внутреннему убѣжденію, то не слѣдуетъ забыть, что это внутреннее убѣжденіе относится не къ фактическимъ обстоятельствамъ, принадлежащимъ къ области существа, и что поэтому о нарушеніи 5 ст. учр. суд. уст. не можетъ быть рѣчи. О томъ, что внутреннее убѣжденіе кассаціоннаго суда является необходимымъ элементомъ процесса, я говорилъ уже выше.

Итакъ, необходимо признать, что право кассаціоннаго суда на провѣрку фактическихъ обстоятельствъ по вопросамъ процессуальнымъ нисколько не отвергается предписаніями 5 ст. учр. суд. уст.; необходимо различать между существомъ дѣла и фактическими обстоятельствами вообще, которыя могутъ и не принадлежать къ существу и въ такомъ случаѣ подлежать кассаціонному разсмотрѣнію. Можно безошибочно сказать, что, если, съ одной стороны, вмѣшательство кассаціоннаго суда въ фактическую сторону дѣла, установленную судомъ при признаніи вины или невинности обвиняемаго, противорѣчитъ самой задачѣ кассаціоннаго разсмотрѣнія, то съ другой—отказъ этого суда отъ провѣрки фактическихъ обстоятельствъ при разсмотрѣніи процессуальныхъ вопросовъ имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ безжизненный формализмъ кассаціонной практики, который не могъ бы

не отозваться весьма гибельно на всемъ строѣ нашей юридической жизни.

III. По вопросамъ матеріальнаго права.

Можно сказать a priori, что по вопросамъ о примѣненіи матеріальнаго права область фактическихъ обстоятельствъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ производствѣ, не можетъ быть обширной. Матеріальный уголовный законъ примѣняется къ установленнымъ судомъ на основаніи своего внутренняго убѣжденія фактамъ, а эти факты, относящіеся къ вопросу о виновности, согласно 5 ст. учр. суд. уст., вѣдѣнію кассаціоннаго суда не подлежатъ; поэтому, напр., не подлежитъ кассаціонному разсмотрѣнію и вопросъ о мѣрѣ наказанія, назначеннаго судомъ, въ границахъ допускаемаго закономъ уменьшенія или установленнаго закономъ высшаго и низшаго предѣла (рѣш. 1867 г. №№ 370, 514, 516 и мн. др.), ибо соразмѣрять это наказаніе съ проступкомъ подсудимаго по обстоятельствамъ дѣла кассаціонный судъ не можетъ за силою 5 ст. учр. суд. уст. [1]).

Но затѣмъ на опредѣленіе мѣры наказанія могутъ имѣть весьма серьезное вліяніе нѣсколько фактическихъ обстоятельствъ, не относящихся къ самому дѣянію или къ существу дѣла, (и, слѣдовательно, и не къ вопросу о виновности), а къ личности подсудимаго, какъ, напр., возрастъ его, прежняя судимость и т. под. Спрашивается поэтому, какъ далеко идетъ право кассаціоннаго суда на провѣрку этихъ обстоятельствъ.

Здѣсь слѣдуетъ различать два случая: а именно тѣ данныя, на основаніи которыхъ опредѣляются означенныя обстоятельства, могли быть въ виду суда, разсматривающаго дѣло по существу, или же они сдѣлались извѣстными лишь кассаціонному суду. Въ послѣднемъ случаѣ должно быть примѣнено указанное ранѣе [2]) правило, что представленныя прямо въ кассаціонный судъ доказательства, касающіяся виновности

[1]) Loewe, l. c. стр. 752.

[2]) См. Жур. Мин. Юст., Январь, стр. 110.

обвиняемаго, оставляются безъ разсмотрѣнія. Это слѣдуетъ изъ того, что въ кассаціонномъ порядкѣ нельзя установить, относится ли данный документъ дѣйствительно къ обвиняемому, или нѣтъ, заслуживаетъ ли онъ вѣры по мѣсту, его выдавшему, по содержанію и т. д. [1]). Ошибка суда, если она имѣла своимъ послѣдствіемъ понесеніе наказанія, которому обвиняемый подлежать не могъ, напр., назначеніе наказанія малолѣтнему, какъ совершеннолѣтнему, и т. под., можетъ повлечь за собою возобновленіе дѣла по 2 п. 935 ст. уст. угол. суд. или назначеніе новаго наказанія въ порядкѣ, указанномъ въ 955 ст. того же устава, но не отмѣну приговора въ кассаціонномъ порядкѣ [2]).

Если же данный документъ былъ въ разсмотрѣніи суда, то, основываясь на фактическихъ данныхъ дѣла, судъ можетъ признать, что документъ не относится къ обвиняемому, выданъ по явной ошибкѣ и т. д. Очевидно, что подобные выводы суда не могутъ быть провѣрены кассаціоннымъ судомъ, потому что это невозможно безъ разсмотрѣнія по существу тѣхъ фактическихъ обстоятельствъ, на которыхъ основывается мнѣніе суда (рѣш. 1897 г. № 2) [3]). Но во всѣхъ другихъ

---

[1]) Мы видѣли выше (стр. 63 и 64), что при рѣшеніи процессуальныхъ вопросовъ Правительствующій Сенатъ можетъ руководствоваться и данными, которыя или не были въ виду суда, или по крайней мѣрѣ не составили предмета его обсужденія; но это объясняется тѣмъ, что эти данныя заключаются или въ документахъ, пріобщенныхъ къ дѣлу и никѣмъ неопороченныхъ, или что онѣ собраны по распоряженію самого Правительствующаго Сената, такъ что съ формальной стороны не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно ихъ значенія.

[2]) Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь только о тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ о возрастѣ и т. под. возбуждался въ первый разъ въ кассаціонномъ судѣ; въ противномъ случаѣ, т. е. если судъ факта, несмотря на указанія и домогательства сторонъ не озаботился своевременно о собраніи надлежащихъ справокъ, кассаціонный судъ можетъ войти въ обсужденіе этого упущенія и при этомъ принять въ соображеніе документы, представленные сторонами въ доказательство невыгодныхъ для него послѣдствій дѣйствій суда; но въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть рѣчи объ обсужденіи кассаціоннымъ судомъ фактическихъ обстоятельствъ, а лишь объ обсужденіи имъ послѣдствій упущеній суда факта.

[3]) Не подлежитъ сомнѣнію, что кассаціонный судъ можетъ провѣрить и выводы суда о законномъ значеніи метрическихъ справокъ и т. под., но въ подобныхъ случаяхъ идетъ вопросъ уже не объ оцѣнкѣ фактическихъ обстоятельствъ, какъ возрастъ, судимость, а объ юридическомъ сомнѣніи.

случаяхъ, оставилъ ли судъ безъ обсужденія имѣющіеся въ дѣлѣ документы, ошибся ли онъ при толкованіи ихъ содержанія, и т. д., кассаціонному суду принадлежитъ несомнѣнное право провѣрить его выводы и установить дѣйствительное содержаніе данныхъ документовъ или справокъ, т. е. наличность или отсутствіе извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ; такъ, напр., если, судъ, несмотря на имѣющіяся въ дѣлѣ справки о двукратной судимости обвиняемаго въ кражѣ, призналъ виновнымъ обвиняемаго въ первой кражѣ, если судъ призналъ несовершеннолѣтняго совершеннолѣтнимъ, или наоборотъ, и т. д.—невѣрность этихъ обстоятельствъ можетъ быть установлена въ кассаціонномъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что имѣется существенная разница между фактическими обстоятельствами, собранными судомъ при изслѣдованіи дѣла путемъ допроса свидѣтелей, осмотровъ, освидѣтельствованій или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, и обстоятельствами, заключающимися въ сообщеніяхъ или справкахъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть удостовѣрены только этими мѣстами или лицами. Первыя подлежатъ свободной оцѣнкѣ суда факта; правильность вторыхъ, въ виду заключающихся въ нихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, предполагается, пока не доказано противоположное. Судъ можетъ по своему внутреннему убѣжденію вѣрить или не вѣрить свидѣтельскому показанію, но онъ не можетъ не вѣрить выданному надлежащимъ лицомъ или мѣстомъ метрическому свидѣтельству о рожденіи, справкѣ о судимости и т. под. Сила подобнаго документа можетъ быть отвергнута, какъ я уже сказалъ, если судъ признаетъ, что онъ, напр., къ данному подсудимому не относится или что онъ выданъ ошибочно (рѣш. 1871 г. № 502); но если эти и подобныя обстоятельства не установлены, свидѣтельство или справка для суда обязательны (рѣш. 1867 г. № 490, 1872 г. № 688). Въ виду этого кассаціонный судъ и можетъ провѣрить, исполнилъ ли судъ лежащую на немъ законную обязанность руководствоваться въ точности этими справками. Это мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что при другомъ толкованіи кассаціонный судъ былъ бы лишенъ возможности от-

мѣнять приговоры явно незаконные, напр., присуждающіе 26-лѣтняго подсудимаго къ обращенію въ исправительные пріюты либо колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ или 16-лѣтняго—въ исправительныя арестантскія отдѣленія и т. д. Такимъ образомъ мы приходимъ здѣсь къ тѣмъ же результатамъ, какъ относительно процессуальныхъ вопросовъ: разсмотрѣнію кассаціоннаго суда не подлежитъ существо дѣла, но фактическія обстоятельства, не относящіяся къ существу дѣла, могутъ быть имъ провѣрены.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя мнѣ казалось нужнымъ сдѣлать по поводу примѣненія 5 ст. учр. суд. уст. Они приводятъ къ убѣжденію, что означенная статья, предписывая кассаціонному суду наблюдать за сохраненіемъ точной силы закона, исключаетъ изъ его вѣдѣнія лишь тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены по внутреннему убѣжденію суда факта, безразлично относятся ли они къ вопросу о виновности, къ процессуальнымъ дѣйствіямъ или къ примѣненію уголовнаго матеріальнаго права.

ДОЛГОВАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ НАСЛѢДНИКА.

А. А. Башмакова.

I.

Дошедшая до насъ схема наслѣдственнаго права строится, по прочно установившемуся преданію, на общемъ началѣ универсальнаго преемства, изъ котораго выводится извѣстная система долговой отвѣтственности наслѣдника.

Критическое отношеніе къ предполагаемой логической нераздѣльности всѣхъ звеньевъ этой системы приведетъ насъ къ признанію за началомъ универсальнаго преемства нѣсколько иного значенія, нежели принято полагать по традиціи. Передъ тѣмъ, однако, какъ мы начнемъ переоцѣнку этой системы, необходимо вкратцѣ набросать ея несомнѣнно стройныя очертанія.

Съ принятіемъ наслѣдства наслѣдникъ отвѣтствуетъ, по римскому праву, такъ же, какъ отвѣтствовалъ наслѣдодатель, т. е. лично и неограниченно; все имущество наслѣдодателя и все имущество наслѣдника сливаются въ одну нераздѣльную массу, которая цѣликомъ служитъ предметомъ удовлетворенія, какъ по требованіямъ кредиторовъ умершаго, такъ и по требованіямъ кредиторовъ самого наслѣдника. Поэтому, если сумма долговъ наслѣдодателя превышаетъ стоимость наслѣдства, ущербъ грозитъ имуществу наслѣдника и интересамъ его личныхъ кредиторовъ; если же наслѣдникъ обре-

мененъ долгами свыше своего собственнаго имущества, то это обстоятельство можетъ вредно отразиться на интересахъ кредиторовъ наслѣдодателя и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, назначенныхъ имъ легатаріевъ.

Средствомъ предотвратить тотъ и другой ущербъ является—для защиты личныхъ кредиторовъ наслѣдника—„beneficium inventarii", а для защиты кредиторовъ умершаго—„beneficium separationis". (Ср. *Koeppen*—„Lehrbuch des heutigen römischen Erbrechts", § 33, стр. 207; *Rivier*—„Traité élémentaire des Successions à cause de mort en droit romain" § 45; *Windscheid*—„Lehrbuch des Pandektenrechts" § 606. *Источники:* Ульпіанъ, l. 8 pr. D. 29, 2. „Hereditas autem, quin obliget nos aeri alieno, etiam si non sit solvendo, plus quam manifestum est". l. 22 C. De jure deliberandi 6, 30; Nov. 1 c. 2. § 2; Tit. D. de separationibus 42, 6; Tit. C. 7, 72).

„Beneficium inventarii", основанное на указахъ Юстиніана, состояло въ томъ, что наслѣднику, въ видѣ изъятія изъ общаго начала, дозволялось отвѣчать за долги наслѣдодателя въ одномъ лишь размѣрѣ полученнаго наслѣдства, если наслѣдникъ совершитъ, съ извѣстной оглаской (черезъ нотаріусовъ—„tabularii") опись или инвентарь всему наслѣдству. Въ случаѣ требованія кредиторовъ, наслѣдникъ долженъ былъ подкрѣпить опись присягою о томъ, что онъ ничего изъ наслѣдства не утаилъ. „Beneficium inventarii", водворившееся въ римскомъ правѣ въ 531 году по Р. Х., перешло затѣмъ въ рядъ новѣйшихъ законодательствъ. Этотъ институтъ рѣзче всего выразился въ романскихъ законодательствахъ (Code civil, ст. 793—810; итал. улож. ст. 968; голл. ст. 1078; испанск. ст. 1023; румын. ст. 713; бельг. проектъ ст. 1023; кант. Во ст. 740 и т. д.). Но слѣды его встрѣчаются и въ законодательствахъ другаго типа (австр. улож. ст. 802; серб. улож. ст. 488; бавар. III, 1, 18 п. 10; Прибалт. св. гражд. узак. ст. 2649; прусск. зем. пр. I, 9 ст. 413 и слѣд.)—даже въ тѣхъ, которыя допускаютъ, съ значительными оговорками, принципъ неограниченной долговой отвѣтственности, напр., въ португальскомъ уложеніи, ст. 2044 и слѣд. (ср. введеніе къ французскому изданію „Lepelletier", стр. XXXV).

„Beneficium separationis“ было особымъ правомъ, разрѣшеніе коего зависѣло отъ претора, въ случаѣ просьбы о томъ кредиторовъ наслѣдодателя или даже легатаріевъ. Суть этой защиты состояла въ „раздѣленіи имущественнаго состоянія умершаго отъ состоянія наслѣдника“, такъ что кредиторамъ наслѣдника запрещалось обращать свои взысканія на наслѣдство.

Оба средства, „beneficium inventarii“ и „beneficium separationis“, служили для разныхъ цѣлей и противоположныхъ интересовъ. Первое даровалось въ пользу наслѣдника, служа косвенно и его кредиторамъ; второе создано было для кредиторовъ наслѣдодателя и для легатаріевъ и не могло быть даровано по просьбѣ кредиторовъ самого наслѣдника, опасавшихся послѣдствій принятія ихъ должникомъ разореннаго наслѣдства. Такимъ образомъ, преслѣдуя одну и ту же цѣль—воспрепятствованія сліянію двухъ имущественныхъ состояній,—оба бенефиція оставались раздѣльными и нетождественными, по противоположности тѣхъ интересовъ, которые они охраняли.

„Beneficium separationis“ также перешло въ современныя законодательства (code civil, ст. 878—881, 2111; итал. улож. ст. 1032, 2059, 2060; австр. улож. ст. 812, 822; герм. ст. 1981; сакс. ст. 2333; нидерл. ст. 1153; цюрих. ст. 2016; кант. Во ст. 793; испан. ст. 1034; швейцар. проектъ Губера, ст. 544; бельг. проектъ, ст. 984—990; португ. ст. 2052).

II.

На ряду съ римскою идеею безграничной долговой отвѣтственности наслѣдника, существуетъ другая система, въ которой самое пріобрѣтеніе наслѣдства разсматривается, какъ полученіе наличныхъ цѣнностей и вещей, оставшихся послѣ умершаго, съ обязанностью изъ этихъ вещей покрыть тѣ долги, которые наслѣдодатель, будь онъ живъ, покрылъ бы изъ того же своего имущества. Наслѣдственные долги, по этой системѣ, связаны съ вещами, съ имуществомъ, а не съ личностью, которой нѣтъ болѣе въ живыхъ. Отношеніе наслѣдника къ имуществу, оставшемуся послѣ умершаго, сво-

дится къ простѣйшему понятію сингулярнаго преемства. Переходящее на него обязательство по долгамъ сохраняетъ тѣсную связь съ имуществомъ и предѣломъ его цѣнности, такъ что наслѣдникъ не можетъ быть обязанъ къ уплатѣ долговъ изъ своихъ средствъ. Онъ даетъ кредиторамъ только то, что самъ получилъ, или менѣе того, но во всякомъ случаѣ—не болѣе.

Идейная формула этой системы такова: „*нѣтъ универсальнаго преемства*; все сводится къ отдѣльнымъ пріобрѣтеніямъ опредѣленныхъ вещей и цѣнностей; часть или все пріобрѣтенное можетъ быть затѣмъ изъято изъ рукъ наслѣдника для удовлетворенія кредиторовъ; но неограниченной отвѣтственности не откуда взяться, ибо *внѣ универсальнаго преемства—быть не можетъ неограниченной долговой отвѣтственности*".

Эта система существовала въ Германіи и во Франціи въ среднихъ вѣкахъ, а у насъ—до изданія „Банкротскаго устава 1800 года". Она продолжала существовать до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ германскихъ и англосаксонскихъ законодательствахъ, признающихъ, что за долги наслѣдодателя отвѣчаетъ только его имущество или цѣнность оставленнаго имъ наслѣдства (сакс. ул. ст. 2328; англ. пр. Блэкстона, т. II, 235; калиф. ул. ст. 1377, 1408 и друг.).

Уже въ отдаленную эпоху римской имперіи чувствовалась, повидимому, жестокость безграничной долговой отвѣтственности наслѣдника; иначе не было бы основанія для Юстиніана установить „beneficium inventarii". Это чувство сильнѣе говоритъ въ наше время, когда народная жизнь имѣетъ за собою цѣлые вѣка фактическаго примѣненія обратнаго начала ограниченной долговой отвѣтственности наслѣдника. Едва ли гдѣ-либо найдется въ настоящее время страна, гдѣ бы общественное чувство не подсказывало совѣсти, что *безграничная отвѣтственность наслѣдника есть нѣчто несправедливое и жестокое* и что нѣтъ разумнаго основанія возлагать на лицо, получившее опредѣленное имущество, широкую долговую отвѣтственность не только этимъ имуществомъ или его цѣнностью, но всѣмъ своимъ состояніемъ.

Такого рода внутренніе стимулы сильнѣе вѣками уста-

новившейся догмы. Въ нихъ кроется зародышъ новыхъ законодательствъ и обновленныхъ правовыхъ системъ.

Въ этомъ и кроется сила *праворождающихъ идей* гражданскаго правосознанія.

Согласно такимъ внутреннимъ запросамъ совѣсти, мы ищемъ причину этого стѣсненія духа. Хотѣлось бы удовлетворить спросу народнаго чувства, требующаго теоретическаго обоснованія начала *ограниченной* долговой отвѣтственности.

Нѣтъ,—говорятъ намъ—вы не выйдете изъ этого круга. Разъ вы не отвергаете римскаго начала универсальнаго преемства, это начало васъ связываетъ и мѣшаетъ вамъ идти на встрѣчу спросу народной души, ибо „принципъ универсальнаго преемства влечетъ будто за собою неограниченную долговую отвѣтственность". А потому, „lasciate ogni speranza!"... надежды никакой нѣтъ на удовлетвореніе реальныхъ запросовъ жизни; вы безсильны, потому что вы служите римскому идеалу универсальности. Отрекитесь отъ него!—вотъ цѣна, которою вы должны купить право утолять духовную жажду нашихъ современниковъ!

Таковы надменныя рѣчи ортодоксальной юриспруденціи нашихъ дней.

Я ей не вѣрю. Слишкомъ часто я уже убѣждался въ томъ, что ея верки и бастіоны грозно высятся на песчаномъ грунтѣ!

Попробуйте, заразившись моимъ скептицизмомъ, поставить имъ вопросъ: гдѣ санкція вашего приговора?

Какъ?—отвѣтятъ вамъ, развѣ вы не знаете, что *такъ насъ учили изстари, во всѣ времена*; таково было ученіе римскихъ юристовъ; съ этого положенія всегда отправляются всѣ романисты и пандектисты; *это положеніе даже трогать нельзя*, подъ страхомъ прослыть за невѣжду. Не сомнѣвайтесь, что начало универсальнаго преемства неизбѣжно влечетъ за собою отвѣтственность за долги „ultra vires hereditatis"!

Подозрительно, что въ подобныхъ діалогахъ вы всегда наталкиваетесь на форму утвержденія, напоминающую абсолютизмъ въ постулатахъ геометріи Евклида.

А въ юриспруденціи это внушаетъ мало довѣрія.

Обратимся къ *исторіи*, обратимся и къ *логикѣ*.

При этой двойной повѣркѣ, постулатъ куда-то испаряется. Отъ него остается:

„Лишь пепелъ сѣдой и холодный!“

III.

До нѣкоторой степени отвѣтъ на наши недоумѣнія даетъ изслѣдованіе профессора Л. Кассо—„Преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя“, Юрьевъ, 1895. Эта книга, не оцѣненная по достоинству нашей литературой и, въ особенности, нашей мало чуткой ученой средой, содержитъ тщательную разработку текстовъ до-юстиніановскаго римскаго права, на основаніи коихъ г. Кассо приходитъ къ заключенію, что понятіе „hereditas“, къ которому относилось универсальное преемство, *не содержало въ себѣ долговъ*; а если это такъ,—„если долги не включены въ понятіе объ имуществѣ, универсальное преемство, само по себѣ, не въ состояніи привлечь преемника къ отвѣтственности по долгамъ предшественника“ (стр. 12, 13, 17 и 18). Всѣ разсмотрѣнныя имъ мѣста источниковъ приводятъ г. Кассо къ такому оригинальному заключенію, что „successio universalis въ древнемъ Римѣ не влекла за собой ipso jure отвѣтственности по долгамъ предшественника“—и что „переходъ долговъ принципіально не зависимъ отъ понятія „o successio per universitatem“ и т. д. (стр. 20).

Конечно, не можетъ не поразить тотъ фактъ, что съ самаго ранняго времени римское право допускало, съ одной стороны, универсальное преемство, съ другой стороны—долговую отвѣтственность „ultra vires“. Отсюда является почти неотразимый соблазнъ усмотрѣть въ этомъ совпаденіи доказанную внутреннюю связь. Не задаются вопросомъ: а что, если тутъ простое совпаденіе, а *причины* того и другаго явленія лежали врозь одна отъ другой?

У того же г. Кассо мы находимъ отвѣтъ, кажется, вполнѣ удовлетворительный и на такой вопросъ. Оказывается, что

неограниченность долговой отвѣтственности не могла не быть, въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ, именно потому, что это право не знало спеціально-имущественнаго долговаго взысканія, какъ мы его понимаемъ. Вспомните жестокія требованія закона XII таблицъ, изображающія собою древнее исполненіе долговаго процесса „въ членахъ должника“—

„Manum endo jacito;“

—„ . . . partis secanto—

его хватаютъ, его разсѣкаютъ на части, а подъ страхомъ этого возможнаго, но уже не исполняемаго разсѣченія, его продаютъ на чужбину—„trans Tiberim“.

Слѣды этого юридическаго людоѣдства сохранились тысячу лѣтъ спустя. „До самаго конца классическаго періода римское право не знало вообще спеціальнаго взысканія, направленнаго противъ отдѣльныхъ частей имущества, и вслѣдствіе сего не представляло возможности ограничить преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя“ (Кассо, стр. 48). Вотъ почему въ римскихъ источникахъ нѣтъ нигдѣ закона, установляющаго неограниченную отвѣтственность наслѣдника, а есть только мѣста въ источникахъ, гдѣ говорится о такой неограниченной отвѣтственности, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ; напр., когда Ульпіанъ говоритъ: „кто же не знаетъ (plus quam manifestum est), что наслѣдство переноситъ на наслѣдника отвѣтственность по долгамъ, даже тогда, когда его не хватитъ на покрытіе этихъ долговъ?“ (l. 8 pr. D. 29, 2). „Да и врядъ ли Римляне могли испытать потребность выразить этотъ принципъ въ формѣ законной нормы. Разъ требованія, возникшія противъ наслѣдодателя, могли быть предъявлены къ наслѣднику, то неограниченная отвѣтственность вытекала уже естественнымъ образомъ изъ самаго характера взысканія въ римскомъ правѣ“ (Кассо, стр. 22).

Такимъ образомъ оказывается, что пресловутая неограниченность долговой отвѣтственности вовсе не есть слѣдствіе высокаго творенія римскаго юридическаго мышленія, т. е. универсальнаго преемства, а, наоборотъ, является послѣдствіемъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ римскаго права, *труд-*

ности, съ которою пробивалось въ сознаніи римлянъ понятіе имущественной долговой отвѣтственности вообще.

Если эта мысль вѣрна, то должно оказаться, что въ позднѣйшія эпохи развитія, по мѣрѣ проясненія сознанія, римская юриспруденція должна была обнаружить расшатаніе начала неограниченной долговой отвѣтственности, несмотря на прочное развитіе универсальнаго преемства.

Оно такъ и оказывается въ дѣйствительности. Отсылаю къ тому же автору, въ подтвержденіе той мысли, что въ эпоху Юстиніана уже значительно понизилось принципіальное значеніе неограниченной долговой отвѣтственности (стр. 73), въ силу чего авторъ полагаетъ даже, что, изобрѣтая средство къ его ограниченію, Юстиніанъ какъ бы искусственно оживилъ принципъ, который начиналъ впадать въ забвеніе. „Конституція 531 г. имѣетъ свое мѣсто въ исторіи романистическихъ догматовъ: если бы въ эпоху рецепціи римскаго права средне-европейскими народами компиляціи Юстиніана не содержали „benefecium inventarii“, то, навѣрное, отвѣтственность in solidum никогда бы не проникла въ правовую систему французскаго и германскаго народа. L. 22 C. de jure deliberandi, выставивши удобное средство для смягченія суроваго положенія XII таблицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ спасла отъ вѣчнаго забвенія неограниченную отвѣтственность, которая въ современныхъ законодательствахъ сохраняется только изъ уваженія къ римскому праву“ (Кассо, стр. 78).

IV.

Итакъ, предполагаемая неразрывная связь неограниченной долговой отвѣтственности съ универсальнымъ преемствомъ не подтверждается исторіею.

Посмотримъ, какъ выдержитъ эта мнимая догма *логическую* повѣрку.

Поставимъ вопросъ въ такой формѣ. Будетъ ли непримиримое внутреннее противорѣчіе, если мы допустимъ идею римскаго универсальнаго преемства, сочетавъ ее съ ограни-

ченною отвѣтственностью въ предѣлахъ полученнаго наслѣдства, согласно принципу, выработанному средневѣковыми законодательствами, не знавшими универсальнаго преемства? Мы знаемъ, что тѣсная связь безграничной долговой отвѣтственности съ универсальнымъ преемствомъ римскаго типа на одной сторонѣ,—и ограниченной долговой отвѣтственности съ сингулярнымъ преемствомъ средневѣковаго типа на другой сторонѣ—могла выработаться исторически и сохраниться цѣлые вѣка, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ нерушимо-связанною цѣпью. Можно нерѣдко видѣть въ исторіи учрежденій такого рода повторяющіяся явленія. Институтъ развивается при данныхъ сопровождающихъ его условіяхъ, и создается, подъ его вліяніемъ, убѣжденіе, будто онъ иначе и немыслимъ, какъ въ этой обстановкѣ, и что малѣйшее нарушеніе его традиціоннаго сочетанія должно неминуемо повлечь за собою его же гибель. Между тѣмъ наступаетъ минута иного сочетанія, и когда оказывается, что вовсе не гибнетъ то, что̀ считалось въ жизненной связи со случайными элементами,—тогда рушатся вѣковые предразсудки, и воздвигается новая теорія тѣхъ же явленій.

Весьма существенно подвергнуть логическому анализу самые укоренившіеся въ этомъ смыслѣ взгляды.

Существуетъ несомнѣнный историческій фактъ такого рода.

Римская юриспруденція оставила намъ въ наслѣдство идею универсальнаго преемства: „heres succedit in universum jus defuncti“. Личность покойнаго наслѣдодателя сливается и продолжается въ личности наслѣдника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *вся* долговая отвѣтственность покойнаго переходитъ на живаго преемника. Исторически несомнѣнно, что на идеѣ универсальности построена была, такимъ образомъ, *безграничная отвѣтственность наслѣдника.*

Далѣе, существуетъ еще несомнѣнный историческій фактъ такого рода.

Средневѣковое германское право не знало универсальнаго преемства; поэтому, вплоть до рецепціи римскаго права—въ Германіи и во Франціи, т. е. до XVI вѣка, успѣлъ выработаться цѣлый рядъ построеній, созданныхъ изъ представленій

сингулярнаго преемства, въ томъ числѣ порядокъ *ограниченной отвѣтственности наслѣдника.*

Но изъ того, что первый кругъ понятій приведенъ былъ исторически въ связь съ однимъ институтомъ, а другой кругъ создалъ противоположный институтъ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы логика не допускала до извѣстной степени сочетанія того, что̀ исторія могла, въ извѣстный періодъ времени, разъединить. Если даже допустить, что „безграничная отвѣтственность“ есть понятіе вовсе несовмѣстимое съ юридическою системою, состоящей изъ однихъ сингулярныхъ преемствъ, то обратное сочетаніе уже не представляетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго. *Можно допустить „ограниченную отвѣтственность наслѣдника“ въ сочетаніи съ понятіемъ универсальнаго преемства.* Для провѣрки правильности этого утвержденія достаточно выставить ясно все то, чего требуетъ послѣдовательность мышленія отъ поставленнаго въ основаніе начала универсальнаго преемства.

Въ силу универсальнаго преемства наслѣдникъ пріобрѣтаетъ *совокупно* все, что̀ имѣлъ наслѣдодатель въ моментъ смерти, и обязывается *совокупно* во всемъ, въ чемъ наслѣдодатель былъ обязанъ въ моментъ смерти (кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ обязанностей, не переходящихъ по свойству „*personalissima*“). Въ силу этой исходной постановки дѣла наслѣдникъ пріобрѣтаетъ *каждый отдѣльный* предметъ, входящій въ наслѣдство,—не въ силу традиціи этого предмета, а по примѣненію общаго начала къ частному случаю. Равнымъ образомъ, наслѣдникъ дѣлается обязаннымъ по каждому обязательству наслѣдодателя не въ силу новаціи сдѣлки съ заступленіемъ личности умершаго лицомъ наслѣдника, а въ силу того же примѣненія общаго начала къ частному случаю. На этомъ именно основаніи наслѣдникъ дѣлается *личнымъ должникомъ*, обязаннымъ передъ кредиторомъ такъ, какъ былъ передъ нимъ обязанъ наслѣдодатель, ни болѣе, ни менѣе. Иначе говоря, получая право предъявленія своей претензіи *лично* къ наслѣднику, кредиторъ наслѣдодателя долженъ остаться *при тѣхъ же шансахъ удовлетворенія, какіе онъ имѣлъ въ моментъ смерти этого наслѣдодателя, не болѣе,*

не менѣе. Спрашивается, въ чемъ состояли тогда эти шансы. Въ силу принципа *личной* отвѣтственности, должникъ обязанъ вообще удовлетворить кредитора всѣмъ своимъ имуществомъ, *настоящимъ и будущимъ.* Въ моментъ же смерти должника совершенно утрачивается какая-либо надежда на *будущее имущество,* и вся надежда кредиторовъ сосредоточивается на *настоящемъ имуществѣ.* Этотъ же шансъ удовлетворенія изъ настоящаго имущества даетъ ту мѣру, черезъ которую нельзя переступить, коль скоро кредиторъ, предъявляя свою претензію къ наслѣдникамъ, долженъ быть въ тѣхъ же шансахъ, какъ въ моментъ смерти должника, не болѣе, не менѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить не только личную отвѣтственность наслѣдника,—не только отвѣтственность всего наслѣдства за долгъ наслѣдодателя,—но еще долговую отвѣтственность наслѣдника „ultra vires hereditatis", то тѣмъ самымъ открывается въ пользу кредитора наслѣдства такой (третій) дополнительный источникъ удовлетворенія, на который онъ вовсе не разсчитывалъ въ моментъ, когда умиралъ наслѣдодатель. Тутъ уже нарушается всякая мѣра справедливости въ ущербъ интересамъ наслѣдника, и можно смѣло утверждать, что *это нарушеніе стремится дать кредитору несравненно больше, нежели то, что̀ вытекаетъ изъ идеи универсальнаго преемства, такъ какъ эта идея не идетъ никоимъ образомъ дальше перенесенія на наслѣдника обязанности отвѣчать передъ кредиторомъ тѣмъ же, чѣмъ отвѣчалъ бы самъ наслѣдодатель.*

На этомъ основаніи слѣдовало бы отвергнуть разъ навсегда весьма распространенный теоретическій предразсудокъ, будто отвѣтственность наслѣдника „ultra vires hereditatis" есть неизбѣжное слѣдствіе принципа универсальнаго преемства. Между первымъ и вторымъ элементомъ *нѣтъ никакой неизбѣжной логической связи,* а лишь случайное историческое сцѣпленіе понятій. Такое сцѣпленіе вовсе не обязательно для современнаго законодателя.

По этимъ соображеніямъ я полагаю, что систему наслѣдованія слѣдуетъ, какъ теоретически, такъ и практически возвести на принципѣ универсальнаго преемства, отрѣшаясь,

вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ традиціоннаго начала долговой отвѣтственности наслѣдника „ultra vires hereditatis", въ виду несправедливости и несостоятельности этого начала.

V.

Если мы проводимъ начало ограниченной отвѣтственности по долгамъ наслѣдодателя, то во всякомъ случаѣ и тѣмъ болѣе мы должны признать, что *наслѣдникъ не можетъ быть обязанъ къ выдачѣ отказовъ изъ собственныхъ средствъ и „ultra vires hereditatis"*.

Между тѣмъ, это положеніе считается далеко не безспорнымъ, и на то есть историческія причины.

Римское право классической эпохи придерживалось въ этомъ отношеніи вполнѣ здраваго и послѣдовательнаго взгляда, который, къ великому ущербу современныхъ законодательствъ, заслоненъ былъ чисто-случайными построеніями юстиніановской эпохи. Классическое право не допускало и мысли, чтобы отказъ могъ быть уплаченъ не изъ средствъ наслѣдства, а цѣною разоренія личныхъ средствъ наслѣдника („Es versteht sich von selber, dass der Erbe für die Vermächtnisse *nur mit der Erbschaft*, nicht mit seinem eigenen Vermögen einsteht, denn das Vermächtniss ist eine Zuwendung auf Kosten der Erbschaft"). (Ср. *Sohm* „Jnstit. d. R. Rechts", § 103).

Такое требованіе вытекало изъ самой природы отказа, который нельзя смѣшивать съ долгами. Подобный взглядъ былъ, кромѣ того, въ полной гармоніи съ цѣлымъ направленіемъ законодательства, стремившагося къ огражденію наслѣдниковъ отъ чрезмѣрнаго истощенія отказами платежныхъ силъ наслѣдствъ; высшею точкою развитія этого направленія, является, какъ извѣстно, законъ Фальцидія (изд. въ 40 году до Р. Х.), требовавшій, чтобы наслѣднику во всякомъ случаѣ предоставлена была четвертая доля наслѣдства, необремененная никакими отказами (Quarta Falcidia). (Ср. Gaji Jnst. II, §§ 224—227).

Эта постановка вопроса просуществовала до Юстиніана и отмѣнена была чисто случайно и, притомъ, не столько по существу, сколько въ связи съ другимъ стремленіемъ—поощрить въ наслѣдникахъ желаніе принимать наслѣдства не иначе, какъ по описямъ. Двумя конституціями 531 и 535 годовъ отъ Р. Х. Юстиніаномъ были преподаны подробныя начала принятія наслѣдствъ по описямъ, съ предоставленіемъ въ этихъ случаяхъ наслѣдникамъ льготы ограниченной долговой отвѣтственности (beneficium inventarii). Льгота инвентарнаго наслѣдованія не имѣла ровно никакой связи съ вопросомъ объ отказахъ, такъ какъ обремененіе ими наслѣдства, рѣзко отличаясь отъ долговой отвѣтственности, было и такъ ограничено платежными силами наслѣдства и установленіемъ фальцидіевой кварты. А между тѣмъ, Юстиніанъ, домогаясь скорѣйшаго осуществленія задуманнаго имъ нововведенія, не постѣснился употребить къ тому *понудительныя* мѣры. Онъ установилъ, *какъ бы въ видѣ наказанія* для тѣхъ, кто не пожелаетъ принимать наслѣдство по описи, запрещеніе пользоваться фальцидіевой квартой („Sancimus igitur, heredes si voluerint hac utilitate potiri, puram servare legis potestatem: fiat igitur inventarium ab herede metuente, ne forte non habeat post debita et legata Falcidiam“ . . . . . . „Si vero non fecerit inventarium secundum hanc figuram, sicut praediximus, non retinebit Falcidiam, sed complebit legatarios et fideicommissarios, licet purae substantiae morientis transcendat mensuram legatorum datio.“ Nov. I, cc. 1, 2.; L. 22 § 14 C. VI, 30). Такимъ образомъ была впервые введена неограниченная отвѣтственность наслѣдника передъ легатаріемъ, наравнѣ съ долговой отвѣтственностью передъ кредиторами, но уже въ видѣ *наказанія* наслѣдника за то, что онъ уклонился отъ составленія инвентаря. То, что было льготою и смягченіемъ для наслѣдника, обремененнаго долгами, было жестокимъ нововведеніемъ для наслѣдника, обремененнаго отказами [1]).

То, что могло имѣть значеніе, какъ политическое и понудительное мѣропріятіе, лишено было всякаго смысла, съ

---

[1]) Ср. Windscheid § 606 пр. 8, 18; § 634 пр. 10; § 651 прим. 3 и 4.

точки зрѣнія теоріи права. Принципъ неограниченной долговой отвѣтственности наслѣдника, нынѣ столь справедливо подвергаемый самымъ серьезнымъ нападкамъ въ наукѣ права, имѣлъ за себя одно несомнѣнное основаніе: онъ выражалъ въ себѣ непрерывное сліяніе юридической личности наслѣдодателя и наслѣдника. Въ силу этой непрерывности, вся совокупность имущественныхъ правъ умершаго какъ будто не переставала имѣть обладателя, т. е. субъекта правъ, и смерть никакого вліянія на нее уже не имѣла.

Съ этою мыслью стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи возникновеніе *новыхъ* правъ, каковы права отказопринимателей, которыми умершій *не былъ вовсе обремененъ* и которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія пріурочивать, вмѣстѣ съ долгами, къ имуществу наслѣдника, внѣ наслѣдственной массы. А между тѣмъ таково *ошибочное* правовое положеніе, которое изъ юстиніанова законодательства было воспринято почти всѣми современными кодексами. При рецепціи инвентарнаго наслѣдованія произошла однако совершенная утрата европейскими законодательствами полезныхъ узаконеній о „фальцидіевой квартѣ“; (ср. прус. зем. право I, 12 ст. 290 и 333; франц. ул. ст. 1017; австр. ул. ст. 801 и 802; „Unger“ § 66, прим. 2; саксон. ул. ст. 2443). Единственное законодательство, содержащее нѣчто вполнѣ соотвѣтствующее „фальцидіевой долѣ“, есть цюрихское (ст. 2092 цюр. ул.).

Разсмотримъ нѣсколько ближе, какимъ образомъ эта догма, какъ бы случайно возникшая изъ юстиніановой конституціи, отразилась затѣмъ въ современныхъ законодательствахъ.

Французская судебная практика, толкуя статьи 724 и 1006 французскаго уложенія, признаетъ (хотя безъ полнаго единогласія), что наслѣдники по закону и приравненные къ нимъ (при полученіи ими „сезины“ по 1006 статьѣ) общіе отказоприниматели обязаны нести неограниченную отвѣтственность передъ частными отказопринимателями „ultra vires hereditatis“ каждый разъ, когда ихъ же отвѣтственность передъ кредиторами наслѣдодателя окажется также безграничною. По этому ученію требованіе отказопринимателя получаетъ такую же

безпредѣльную гарантію удовлетворенія, какъ требованіе кредитора (ср. Baudry-Lacantinerie et Wahl „Des Successions" I, §§ 184—190: Baudry-Lacantinerie et Colin, II, §§ 2326—2328, 2484). Затѣмъ, полнаго единства нѣтъ на счетъ этого спорнаго вопроса между представителями теоріи французскаго кодекса (ср. въ *пользу неограниченной* отвѣтственности къ удовлетворенію отказопринимателей, кромѣ Baudry-Lacantinerie, также Demolombe XIV № 522; Aubry et Rau VI, стр. 381 § 611 прим. 12 и стр. 442 § 617 прим. 5; Laurent XIV, № 108 и 109; затѣмъ, *противъ неограниченной отвѣтственности* высказалось меньшинство французскихъ цивилистовъ, между прочимъ: Demante III № 24 bis, 5; № 103 bis 3; № 124 bis 2; IV № 152 bis 13; Marcadé подъ статьею 871, № 1 и ст. 1017 № 2).

Итакъ, въ большинствѣ, французскіе юристы истолковываютъ статьи 724 и 1006 франц. уложенія въ смыслѣ *неограниченной* отвѣтственности наслѣдниковъ передъ легатаріями. Таково преобладающее мнѣніе французскихъ писателей и судебной практики. Вмѣстѣ съ французскимъ уложеніемъ слѣдуетъ считать заодно: итальянское уложеніе (ст. 968; см. въ особенности слова „и легаты"); нидерландское (ст. 1078); проектъ Моммзена (ст. 256 и 341); проектъ Лорана (ст. 932, 976); испанское уложеніе (ст. 1023); португальское уложеніе [1]) (ст. 1792); австрійское уложеніе (ст. 801 и 802). Прусское же право, хотя и стоитъ на своеобразной почвѣ, по вопросу о томъ, *когда* допускается ограниченная и когда неограниченная долговая отвѣтственность (допуская послѣднюю только въ видѣ исключенія), однако, разъ допустивъ неограниченную отвѣтственность, ставитъ уже въ *одни и тѣ же условія кредиторовъ и легатаріевъ*, не отступая въ этомъ отношеніи отъ правилъ юстиніанова законодательства

---

[1]) Хотя ст. 1792 португ. улож. и установляетъ отвѣтственность наслѣдника „même sur ses propres biens", однако ему предоставляется доказывать недостаточность наслѣдства, даже помимо инвентаря, что придаетъ португальскому закону характеръ компромисса между двумя системами (ср. стр. XXXV введенія въ изданіи Lepelletier).

(прус. зем. пр. I, 12 ст. 292). (Ср. Förster-Eccius IV, § 270, прим. 17 на стр. 604).

Тѣ же начала перешли затѣмъ въ ст. 2092 проекта германскаго уложенія первой редакціи. Единственный примѣръ вполнѣ отчетливаго установленія ограниченной отвѣтственности наслѣдника передъ отказопринимателемъ въ предѣлахъ самого наслѣдства представляетъ статья 1992 новаго германскаго уложенія, которая создаетъ особое юридическое отношеніе къ *отказамъ* даже на тотъ случай, когда отвѣтственность по уплатѣ *долговъ* можетъ быть признана неограниченною (ср. Boehm „Das Erbrecht des Bürgerl. Gesetzbuches" Hann., 1896 г., стр. 84 и 206).

Обращаясь наконецъ къ саксонскому уложенію, въ которомъ статья 2389 категорически установляетъ, что „никто не можетъ быть обремененъ отказомъ свыше той выгоды, которую онъ получаетъ вслѣдствіе смерти наслѣдодателя", нельзя притомъ не замѣтить, что въ этомъ уложеніи однако не могла обрисоваться (какъ въ германскомъ), идея о принципіальной несправедливости приравненія отказовъ къ долгамъ, такъ какъ тотъ же принципъ ограниченной отвѣтственности, выраженный въ 2389 статьѣ, проведенъ съ неменьшей послѣдовательностью и силою, въ отношеніи всѣхъ наслѣдственныхъ долговъ, въ статьяхъ 2328, 2331 и 2332 саксонскаго уложенія.

Начало ограниченной отвѣтственности за выдачу отказовъ справедливо даже въ томъ случаѣ, если бы и допустить безграничную отвѣтственность по долгамъ.

Нельзя не замѣтить, что кредиторы наслѣдодателя, довѣривъ ему свое имущество, имѣютъ полное основаніе требовать, чтобы переходъ наслѣдства, послѣ смерти ихъ должника, не наносилъ имъ никакого ущерба. Отказоприниматели же никакихъ правъ къ наслѣдодателю, при жизни сего послѣдняго, не имѣютъ; а потому они не могутъ требовать такой гарантіи въ неограниченной отвѣтственности наслѣдниковъ, которая справедливо можетъ быть предоставлена, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однимъ только кредиторамъ умершаго. По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ признать *огра-*

ниченную отвѣтственность лицъ, обязанныхъ выдавать отказы, въ тѣхъ даже случаяхъ, когда кредиторамъ наслѣдодателя можетъ быть предоставлено удовлетвореніе на началахъ неограниченной отвѣтственности наслѣдниковъ.

VI.

Разъ мы установили принципіальную возможность сочетанія начала универсальнаго преемства съ ограниченною долговою отвѣтственностью, мы тѣмъ самымъ открываемъ себѣ доступъ къ разработкѣ такихъ системъ, въ которыхъ, съ одной стороны, возможно строго послѣдовательное построеніе наслѣдственныхъ долей и легатовъ, съ долговою отвѣтственностью на однихъ только наслѣдникахъ и освобожденіемъ легатаріевъ отъ личной долговой отвѣтственности; съ другой стороны—установится принципіально ограниченная долговая отвѣтственность наслѣдниковъ, независимо отъ инвентаря. Романская система инвентарнаго наслѣдованія представляетъ значительную нелогичность въ томъ, что вопросъ о мѣрѣ долговой отвѣтственности, какъ вопросъ весьма глубокій, вытекающій изъ самой природы наслѣдственнаго преемства, не можетъ принципіально зависѣть отъ того, составлена ли опись наслѣдству, или нѣтъ, такъ какъ природа самаго преемства отъ этого не мѣняется.

Наиболѣе разумною является такая система, въ которой законодатель не отказывается отъ практической выгоды инвентаря, въ смыслѣ облегченнаго средства для наслѣдника къ доказательству того, что онъ ничего не утаилъ изъ наслѣдства; но инвентарь *не можетъ быть признанъ источникомъ самаго права отвѣтствовать „intra vires hereditatis“*. Такая принципіальная *ограниченность* долговой отвѣтственности должна быть провозглашена самимъ закономъ, какъ общее правило, за которымъ можно допустить неограниченную отвѣтственность, какъ мѣру исключительную, иначе говоря—какъ угрожающій наслѣднику „Дамокловъ мечъ“—и то, не въ смыслѣ признанія желательности уплаты наслѣдникомъ чу-

жихъ долговъ изъ своихъ средствъ, а лишь какъ неизбѣжную мѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдникъ собственнымъ своимъ поведеніемъ устранилъ всякую возможность опредѣлить составъ и стоимость наслѣдства.

Изъ системъ этого рода особеннаго вниманія заслуживаютъ прусское земское право и германское уложеніе.

Прусское земское право (I, 9, §§ 413, 414, 418, 419—424, 427) представляетъ своеобразное сочетаніе германской ограниченности долговой отвѣтственности съ римскимъ началомъ неограниченной отвѣтственности наслѣдника по долгамъ наслѣдодателя. Но здѣсь общимъ представляется германское начало; римское правило является исключеніемъ. Наслѣдство переходитъ на наслѣдника съ тѣмъ, что оно служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникомъ удовлетворенія наслѣдственныхъ долговъ. Наслѣдникъ можетъ добровольно отказаться отъ такого удобства, заявивъ формально въ судѣ о своемъ желаніи принять наслѣдство безъ ограниченій инвентарнаго права и связанныхъ съ нимъ хлопотъ; въ такомъ случаѣ наслѣдникъ отвѣтствуетъ уже неограниченно. Если онъ молчитъ, его молчаніе законно толкуется въ смыслѣ желанія принять наслѣдство по праву инвентарному. Для составленія описи ему предоставляются весьма удобные сроки, продолжаемые, съ разрѣшенія суда, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Если же, при всѣхъ закономъ даруемыхъ облегченіяхъ, наслѣдникъ пропуститъ всѣ сроки, не составивъ инвентаря, то онъ считается уже утратившимъ право инвентарнаго наслѣдованія и отвѣчаетъ неограниченно.

Стало-быть, основнымъ положеніемъ прусскаго права является то, что *наслѣдникъ считается по закону инвентарнымъ наслѣдникомъ, съ ограниченною отвѣтственностью, до тѣхъ поръ, пока онъ не утратитъ по собственной винѣ это льготное положеніе*; при чемъ воля наслѣдодателя не можетъ нарушить это основное право наслѣдника.

Практически желаніе наслѣдника отказаться отъ инвентарной льготы можетъ быть обусловлено тѣмъ, что составленіе инвентаря не только хлопотливо и тягостно, но само по

себѣ создаетъ особый видъ *ограниченной* собственности въ наслѣдственномъ имуществѣ, отъ котораго можетъ возникнуть у наслѣдника желаніе отказаться, смотря по соображенію обстоятельствъ (ср. *Förster-Eccius*, § 270, стр. 602—604).

На ряду съ системою прусскаго права, представляющею аналогію, но не тождество, съ романскими законодательствами по вопросу о значеніи инвентаря, стоитъ саксонское уложеніе, вовсе не признающее неограниченной отвѣтственности. Здѣсь инвентарь имѣетъ иное значеніе, какъ средство полнаго освобожденія наслѣдника отъ ограниченія его права собственности въ предметахъ наслѣдства (ст. 2331).

Нѣчто среднее между прусскимъ и саксонскимъ правомъ представляетъ *германское уложеніе*, допускающее, такъ же, какъ прусское право, сочетаніе германскаго начала съ римскимъ, но на почвѣ значительнаго расширенія средствъ, даруемыхъ наслѣднику къ тому, чтобы оградить себя отъ неограниченной долговой отвѣтственности, не принимая на себя заботъ по составленію описи.

Въ германскомъ уложеніи, такъ же, какъ въ прусскомъ земскомъ правѣ, *долговая отвѣтственность ограничена составомъ наслѣдства.* Это послѣднее не сливается съ собственнымъ имуществомъ наслѣдника, а разсматривается, какъ особое имущество, поступающее въ его обладаніе со всѣми лежащими на немъ обремененіями и наслѣдственными долгами.

Кредиторы наслѣдодателя имѣютъ право на то, чтобы наслѣдство исключительно служило къ ихъ удовлетворенію.

При этомъ каждый кредиторъ предъявляетъ къ наслѣднику свою претензію полностью, обращая свое взысканіе на любой предметъ, принадлежащій наслѣднику, невзирая на то, пріобрѣтенъ ли онъ по наслѣдству или другимъ путемъ. Защита наслѣдника, въ силу указанныхъ выше началъ, предоставлена его иниціативѣ.

Наслѣдникъ во всякое время въ правѣ защищаться возраженіемъ, требуя, чтобы арестъ былъ снятъ съ предметовъ, постороннихъ наслѣдству, и чтобы взысканіе кредитора было обращено на предметъ, входящій въ составъ наслѣдства.

При этомъ „onus probandi“ лежитъ на наслѣдникѣ. Онъ обязанъ доказать:

1) что арестованный предметъ не входитъ въ составъ наслѣдства;

2) что имъ приняты мѣры, служащія для кредиторовъ достаточной гарантіей къ тому, что наслѣдственное имущество не затрачено имъ на постороннія цѣли, кромѣ удовлетворенія наслѣдственныхъ кредиторовъ.

Эти мѣры, предусмотрѣнныя въ законѣ, обезпечивающія обращеніе *всего* наслѣдства на покрытіе долговъ наслѣдодателя, слѣдующія:

а) учрежденіе попечительства надъ наслѣдствомъ;

б) открытіе конкурса надъ составомъ наслѣдства;

в) выдача наслѣдства въ распоряженіе кредиторовъ;

г) сокращеніе отказовъ при недостаточности наслѣдства для покрытія долговъ;

д) составленіе формальной описи или инвентаря (герм. улож. ст. 1967, 1975, 1977, 1980, 1984, 1990, 1992, 1993 и сл.—Ср. *Boehm*, „Das Erbrecht des Bürg. Gesetzbuchs“—Hann. 1896 г., стр. 197—199, 206).

Изъ предыдущаго изложенія ясно вытекаетъ, что наслѣдникъ можетъ защищаться принципомъ ограниченной отвѣтственности съ тѣмъ, чтобы своевременно обратиться къ тѣмъ средствамъ, которыя предусмотрѣны закономъ къ полной гарантіи наслѣдника и кредиторовъ. Если онъ не обратится къ этимъ средствамъ или вообще не успѣетъ, въ порядкѣ гражданскаго процесса, доказать тѣ факты, на которые онъ ссылается, тогда можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ и по винѣ самого наслѣдника, послѣдовать удовлетвореніе кредитора изъ его личныхъ средствъ. Это вытекаетъ, во-первыхъ, изъ редакціи ст. 1967, безъ ограниченія гласящей, что „наслѣдникъ отвѣчаетъ по обязательствамъ наслѣдодателя“. Затѣмъ имѣются и особыя статьи 2005, 2006 и 2013, положительно установляющія неограниченную отвѣтственность должника въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ уклонился отъ предоставленія кредиторамъ предусмотрѣнныхъ въ ихъ пользу законныхъ гарантій.

VII.

При *множественности сонаслѣдниковъ* возникаетъ осложненная форма долговой отвѣтственности передъ кредиторами наслѣдодателя. Тутъ существеннымъ является вопросъ о томъ, отвѣтствуютъ ли такіе наслѣдники въ качествѣ совокупныхъ должниковъ или долговая ихъ отвѣтственность раздѣляется сообразно ихъ долямъ.

Различныя законодательства даютъ на этотъ вопросъ разные отвѣты.

Во главѣ законодательствъ, признающихъ раздѣленіе долговой отвѣтственности, стоитъ *римское право*.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что вопросъ о законномъ раздѣленіи наслѣдственныхъ долговъ стоитъ какъ бы въ органической связи съ болѣе общимъ вопросомъ о естественномъ раздѣленіи обязательствъ при всякой множественности должниковъ, связанныхъ однимъ обязательствомъ. Тамъ, гдѣ множественность истолковывается, по закону, въ пользу долевой раздѣльности, а совокупная отвѣтственность не предполагается, пока она въ точности не обусловлена, то же начало распространяется изъ общаго ученія объ обязательствахъ—на болѣе спеціальный вопросъ о переходѣ обязательствъ по наслѣдству. Наоборотъ, гдѣ законъ склоняется уже въ обязательственномъ правѣ на сторону предполагаемой, въ случаѣ сомнѣнія, совокупной отвѣтственности должниковъ, тамъ это начало распространяется также на наслѣдственное право, и между наслѣдниками устанавливается солидарная долговая отвѣтственность.

Подобная закономѣрность замѣчается уже въ римскомъ правѣ. Уже въ законѣ XII таблицъ выражено было правило, что при наслѣдственномъ переходѣ долговыя требованія раздѣляются силою самаго закона: „Ea, quae in nominibus sunt, ipso jure in portiones hereditarias ex lege XII tab. divisa sunt“ (ср. *Bruns* „Fontes Juris Romani Antiqui“, 1875 г., стр. 21). Въ цѣломъ рядѣ источниковъ эта мысль повторяется въ связи съ вопросомъ о раздѣлѣ наслѣдства („familiae erciscundae“); но въ пандектной литературѣ принято обобщеніе этого на-

чала, въ примѣненіи къ теоріи обязательствъ, въ видѣ такого положенія: „когда множественность лицъ состоитъ въ одномъ обязательствѣ, въ качествѣ кредиторовъ или должниковъ, и притомъ предметъ обязательства можетъ быть дѣлимъ, тогда требованіе или долгъ раздѣляется силою закона—nomina sunt ipso jure divisa“ (ср. *Baron* „Pandekten“ V-е изд., стр. 408; § 244, II, 2; прим. 12). Этимъ и установляется нераздѣльное проявленіе сказаннаго начала въ обязательственномъ и наслѣдственномъ правѣ по толкованію пандектистовъ (ср. въ подлинныхъ источникахъ: l. 25 § 9 D. fam. erc. 10, 2; l. 1 C. si unus ex pl. 8, 31; l. 25 § 1 D. f. e. 10, 2).

Логическій смыслъ дѣленія долговъ „ex jure“ Виндшейдъ объясняетъ такимъ образомъ.

„Наслѣдникъ не получаетъ необходимымъ образомъ *все* состояніе умершаго, но онъ непремѣнно получаетъ это состояніе, какъ *цѣлое*. Правовое отношеніе сонаслѣдниковъ представляетъ аналогію съ общею собственностью, съ тою лишь разницею, что общимъ предметомъ является при сонаслѣдованіи вещь безтѣлесная, а тамъ—вещь тѣлесная. Поэтому, при множественности наслѣдниковъ, долги наслѣдодателя также распредѣляются на нихъ по долямъ. Если бы имущество наслѣдодателя не переходило черезъ универсальное преемство, то участіе каждаго пріобрѣтателя въ долгахъ могло бы опредѣляться не иначе, какъ посредствомъ оцѣнки тѣхъ вещей, которыя ему достались бы“ (ср. *Windscheid* „Lehrbuch des Pandektenrechts“, III, § 528 прим. 5).

Начала римскаго права по этому вопросу повторяются въ большей части современныхъ законодательствъ. Мы ихъ встрѣчаемъ въ *баварскомъ* уложеніи (L. R. III, 1 § 14 № 12, 30, 31), въ *вюртембергскомъ* правѣ (*Stein* §§ 337, 338), въ *саксонскомъ* уложеніи (ст. 2324, 2347, 2348), въ проектѣ наслѣдственнаго права *Моммзена* (ст. 244, 253 и мотивы на стр. 299, 300), во *французскомъ* кодексѣ (ст. 870, 873, 876, 1220, 1221, 1223), а также въ *русскомъ* правѣ (1 ч. X т., ст. 1259 и кассаціонная практика: 1868 г. № 610, 1871 г. № 392, 1869 г. № 1292, 1876 г. № 170, 1877 г. № 373, 1880 г. № 237, 1876 г. № 549, 1877 г.

№ 330, 1880 г. № 35 и др. рѣш.), наконецъ въ ст. 2679 Свода гражд. узак. Прибалтійскихъ губерній. На ряду съ французскимъ уложеніемъ, можно указать на слѣдующіе кодексы французскаго типа: *нидерландскій*, ст. 1146, и *итальянскій*, ст. 1027, придерживающіеся того же начала. *Французское* уложеніе, допуская римское правило раздѣленія долговъ наслѣдодателя, представляетъ при этомъ двѣ существенныя особенности. Во-первыхъ, раздѣленіе долговъ не происходитъ въ силу закона, „ipso jure", какъ въ римскомъ правѣ („la masse héréditaire ne se divise pas de plein droit", — Baudry-Lacantinerie et Wahl, стр. 185), но осуществляется лишь при *раздѣлѣ* наслѣдства, такъ что до самаго раздѣла кредиторъ наслѣдодателя въ правѣ, не предъявляя иска къ отдѣльному наслѣднику въ его соразмѣрной долѣ отвѣтственности, обращать къ своему удовлетворенію *все* наслѣдственное имущество въ совокупности: между тѣмъ какъ *послѣ* раздѣла кредиторъ обязанъ уже раздѣлять свое требованіе, взыскивая съ каждаго наслѣдника лишь причитающуюся съ него долю долговъ (*Baudry-Lacantinerie et Wahl*, § 3946; *Demolombe*, XVII, № 214 и 215). Во-вторыхъ, французское право различаетъ два понятія при раздѣленіи долговъ:

а) „obligation aux dettes" означаетъ—сколько обязанъ каждый наслѣдникъ платить, по требованію кредиторовъ, хотя бы часть уплаченной суммы могла затѣмъ подлежать возмѣщенію отъ другихъ сонаслѣдниковъ;

б) „contribution aux dettes" означаетъ ту часть долговъ, которая, при окончательномъ разсчетѣ, падаетъ на долю даннаго должника-наслѣдника.

Нормально и по общему правилу та и другая мѣра отвѣтственности равняются между собою. Однако—не всегда. „Code civil" различаетъ четыре случая, когда *непосредственная* обязанность уплатить (obligation) выражается большей суммою, нежели *окончательная* долевая отвѣтственность должника-наслѣдника (contribution).

Эти четыре случая—слѣдующіе.

1) Когда имѣются на лицо, напр., два наслѣдника по закону и одинъ долевой отказопринимaтель (légataire à titre uni-

versel), кредиторы могутъ искать весь долгъ съ двухъ первыхъ лицъ по равнымъ долямъ на томъ основаніи, что „obligation", т. е. непосредственная обязанность первоначальной уплаты, поставлена въ зависимость отъ „сезины" (ст. 1220 code civil), которая не принадлежитъ долевому легатарію; но, уплативъ свыше своей доли, наслѣдники предъявятъ затѣмъ искъ къ легатарію, который тоже долженъ участвовать въ платежѣ долговъ, по 873 ст. франц. уложенія.

2) Размѣръ долговой отвѣтственности по „obligation" будетъ также выше размѣра, соотвѣтствующаго мѣрѣ „contribution", когда нѣкоторые наслѣдники выговариваютъ себѣ право, по соглашенію съ другими сонаслѣдниками, нести уменьшенную долговую отвѣтственность; при чемъ такое соглашеніе не обязательно для кредиторовъ.

3) Наслѣдникъ можетъ быть вынужденъ къ уплатѣ свыше своей части долга, когда кредиторъ потребуетъ съ него исполненія по обязательству, предметъ коего имѣетъ свойство нераздѣльности (ст. 1223).

4) Наконецъ, такое же превышеніе „obligation" надъ размѣромъ „contribution" бываетъ и тогда, когда долгъ обезпеченъ ипотечнымъ порядкомъ на недвижимости, и наслѣдникъ вынужденъ уплатить долгъ, лежащій на его недвижимости (ср. Baudry-Lacantinerie et Wahl, III, §§ 3929, 3951, 3957—3959).

Нѣкоторыя законодательства французскаго типа представляютъ еще дальнѣйшія уклоненія отъ началъ римскаго права. Такъ, напримѣръ, *испанское* уложеніе предоставляетъ кредиторамъ право воспрепятствовать раздѣлу до полнаго ихъ удовлетворенія (ст. 1082), и затѣмъ, даже *послѣ* раздѣла, кредиторы могутъ требовать уплаты *всей* суммы ихъ требованій съ тѣхъ наслѣдниковъ, которые не оградили себя инвентарнымъ правомъ (ст. 1084). При этомъ должнику предоставляется лишь право регресса къ другимъ сонаслѣдникамъ (ст. 1085).

Такія же постановленія содержали два нѣмецкихъ проекта (*гессенскій* пр. ст. 312 и пр. *Моммзена* ст. 286), въ которыхъ предусматривалось также право кредиторовъ воспрепятствовать раздѣлу до уплаты долговъ.

Подобныя узаконенія составляютъ уже переходъ къ *типу солидарной отвѣтственности сонаслѣдниковъ*, являющемуся прямою противоположностью римскому праву.

Во главѣ законодательствъ этой группы стоитъ *прусское земское право* (I, 9, §§ 368, 382; I, 17, §§ 115 и сл., въ особенн. §§ 127 и слѣд., 151), признающее *совокупную* отвѣтственность сонаслѣдниковъ по долгамъ наслѣдодателя даже *послѣ раздѣла.* Суровость этого начала смягчается лишь тѣмъ, что наслѣдники въ правѣ дѣлать публикаціи о предстоящемъ раздѣлѣ и затѣмъ кредиторы, не подавшіе заявленія въ извѣстный срокъ со дня публикаціи, лишаются выгоды совокупнаго взысканія и должны согласиться на раздѣленіе своихъ требованій (I, 17 §§ 137—146).

Австрійское уложеніе близко подходитъ къ тому же построенію. Оно придаетъ особенное значеніе обряду судебной передачи наслѣдства, съ раздѣломъ его между сонаслѣдниками, такъ называемой „Einantwortung der Erbschaft". При этомъ статьи 820 и 821 австр. уложенія устанавливаютъ слѣдующее:

1) *до* совершенія „Einantwortung" всѣ сонаслѣдники отвѣчаютъ по совокупности;

2) *послѣ* совершенія „Einantwortung" проводится различіе между инвентарными наслѣдниками и тѣми, которые не прибѣгали къ льготѣ принятія наслѣдства по инвентарю. Первые несутъ раздѣленную по ихъ долямъ долговую отвѣтственность; вторые отвѣтствуютъ совокупно даже послѣ раздѣла, сохраняя лишь право регресса къ своимъ сонаслѣдникамъ, въ случаѣ уплаты ими свыше своей долговой доли (ср. „*Unger*," § 43; „Motive Z. d. Entwurfe eines bürgerlichen Gesetzbuches f. d. Deutsche Reich", т. V, стр. 527; *Dr. Eck* „Die Stellung des Erben", Berl. 1890, стр. 39—42).

При составленіи германскаго уложенія занимающій насъ вопросъ оказался однимъ изъ самыхъ сложныхъ, такъ что рѣшеніе его получилось въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ,—сначала въ текстѣ проекта 1888 года, затѣмъ въ окончательномъ уложеніи 1896 года. Статьи 320 и 2051 проекта 1888 года допускали принципіальное раздѣленіе долговъ, при множественности должниковъ вообще и сонаслѣд-

никовъ въ особенности. Наоборотъ, статьи 427 и 2058 германскаго уложенія 1896 года установляютъ въ тѣхъ же случаяхъ принципъ долговой отвѣтственности по совокупности.

Нельзя не дополнить настоящаго перечня законодательствъ послѣдняго типа указаніемъ на нѣкоторыя уложенія романской семьи, уклонившіяся отъ римскихъ началъ, вслѣдствіе допущенія германскаго правила совокупной отвѣтственности. Таковы кодексы нѣкоторыхъ кантоновъ французской Швейцаріи, а именно,—кантоновъ — *Фрейбургъ* (ст. 965, § 2), *Невшатель* (ст. 860, § 1) и *Во* (ст. 622 и 787); (см. *Virgile Rossel* „Manuel du Droit Civil de la Suisse Romande“, 1886 г., стр. 229 и 253, прим. 1).

Выборъ между системою раздѣленности долговъ и совокупной отвѣтственностью наслѣдниковъ считается затруднительнымъ въ силу того, что имѣются вѣскіе аргументы за и противъ той и другой системы.

Система совокупной долговой отвѣтственности представляется болѣе благопріятною для кредиторовъ, но не удобна тѣмъ, что она затрудняетъ ликвидацію наслѣдства, отсрочивая тотъ моментъ, когда предоставляется каждому наслѣднику право вступать во владѣніе своею частью, безъ всякой имущественной связи съ прочими сонаслѣдниками. Рядъ ограниченій правъ наслѣдниковъ, вытекая изъ этой системы, требуетъ значительной затраты силъ со стороны судебныхъ властей и назначаемыхъ ими ликвидаторовъ наслѣдствъ, какъ обнаруживается на опытѣ, въ раіонѣ дѣйствія прусскаго права и австрійскаго уложенія. Напротивъ, *римская система раздѣленности долговъ* представляетъ значительныя практическія выгоды, упрощая и ускоряя ликвидацію, уполномочивая сонаслѣдниковъ къ быстрому овладѣнію раздѣленными частями наслѣдства, невзирая на кредиторовъ, наконецъ — перенося на самихъ наслѣдниковъ тотъ трудъ, который въ противоположной системѣ возлагается на ликвидаторовъ.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, послужившимъ уже составителямъ германскаго проекта 1888 г. основаніемъ къ тому, чтобы предпочесть римскую систему (ср. Motive zu dem Entwurfe, и т. д. т. V, стр. 527—529), мы можемъ прибавить,

въ отношеніи Россіи, что нынѣ дѣйствующій законъ (ст. 1259 п. 1 и 1548—1 ч. X т.) также признаетъ раздѣленіе долговой отвѣтственности, подобно большинству современныхъ законодательствъ, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ. Для введенія системы совокупной долговой отвѣтственности, по примѣру германскаго уложенія, едва ли имѣются достаточныя основанія. Тотъ же вопросъ, независимо отъ спеціальныхъ условій наслѣдственнаго права, былъ предметомъ разсмотрѣнія Высочайше утвержденной коммисіи гражданскаго уложенія, которая большинствомъ голосовъ отвергла систему предполагаемой „ex jure“ совокупности при множественности отвѣтственныхъ лицъ и привела въ основаніе своего рѣшенія доводы, которые нельзя не признать вполнѣ убѣдительными (см. кн. V проекта гражд. улож. съ объясн., т. I, стр. 353).

VIII.

Мы признали цѣлесообразнымъ сохранить основанія дѣйствующаго права, въ видѣ раздѣленія *долговой* отвѣтственности наслѣдниковъ сообразно ихъ наслѣдственнымъ долямъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, слѣдуетъ ли распространять это начало на распредѣленіе обязанности наслѣдниковъ къ выдачѣ отказовъ *легатаріямъ*.

Большая часть законодательствъ подчиняетъ однимъ и тѣмъ же правиламъ конструкцію долговой отвѣтственности наслѣдниковъ и распредѣленіе обремененій, основанныхъ на завѣщаніи.

Нѣтъ основанія подвергать сомнѣнію то положеніе, въ силу котораго обязанность выдать отказъ *дѣлится* между обремененными наслѣдниками сообразно ихъ наслѣдственнымъ долямъ.

Таковы были уже начала *римскаго* права (L. 33 pr. D. de leg. II), перешедшія (въ отношеніи Курляндіи) въ *Сводъ Прибалт. гражд. законовъ* (ст. 2164), ст. 1017 *французскаго уложенія*, статьи 2390, 2392 и 2393 *саксонскаго*, ст. 649 *австрійскаго*, ст. 2087 *цюрихскаго*, ст. 868 *италь-*

янскаго, ст. 2148 *германскаго уложенія*, ст. 342 *проекта Моммзена* и ст. 1009 *нидерландскаго уложенія.*

Римское право, установляя дѣленіе обязательства при множественности лицъ, обязанныхъ выдать отказъ, вовсе не допускало особой гарантіи отказопринимателя посредствомъ хотя бы взаимной поруки лицъ, обязанныхъ выдачею отказа (*Windscheid* § 626 п. 3 (прим. 13); также § 648 п. 1 (прим. 1); *Koeppen* 108, II; § 116, стр. 744 п. 3-а, (прим. 4). Конечно, отъ воли самого завѣщателя зависѣло опредѣленіе того, должна ли была обязанность выдачи отказа обременять многихъ лицъ, *раздѣляясь* сообразно причитающимся въ ихъ пользу долямъ наслѣдства, или же эта обязанность возлагалась на ту же множественность лицъ *въ нераздѣльности* въ смыслѣ „корреальнаго“ обязательства (ср. *Baron* § 245, п. 2, прим. 6; ср. источники: L. 8 § 1 D. de leg. I; L. 25 pr. D. de leg. III L. 9 pr. D. de duob. reis 45, 2). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что независимо отъ воли завѣщателя римское право не возлагало на лицъ, обремененныхъ отказомъ, какой-либо обязанности свыше долевой ихъ отвѣтственности. Изъ этого общаго начала допускались слѣдующія исключенія:

1) совокупная отвѣтственность всѣхъ обремененныхъ лицъ передъ легатаріемъ, въ случаѣ *недѣлимости* предмета отказа, (напр., „opus civitatis faciendum“ или „statua, servitus, ceteraque, quae divisionem non recipiunt“) (ср. L. 11 §§ 23 и 24 D. de leg. III. XXXII);

2) такая же отвѣтственность (на началахъ „корреальнаго“ обязательства) въ случаѣ завѣщательнаго распоряженія, установляющаго „*альтернативное*“ обремененіе отказомъ, именно въ такой формѣ: „изъ моихъ наслѣдниковъ пусть отказъ выдастъ *или* А, или Б“; въ подобномъ случаѣ, отказъ выполняется или тѣмъ, или другимъ, нераздѣльно (*Koeppen* § 108, стр. 701, прим. 3);

3) наконецъ, третьимъ случаемъ, влекущимъ за собою совокупную отвѣтственность передъ легатаріемъ, представляется въ римскомъ правѣ такъ называемый „legatum debiti“, когда наслѣдодатель завѣщаетъ своему кредитору уплату по его же претензіи, обременяя этимъ отказомъ (legatum) опредѣленное

лицо. Въ подобномъ случаѣ романисты разсуждаютъ такъ: кредиторъ по собственному праву имѣетъ законное основаніе ко взысканію причитающагося ему долга съ наслѣдниковъ должника; если же должникъ оставилъ ему легатъ, возлагая таковой на одного изъ своихъ наслѣдниковъ, то онъ тѣмъ самымъ желалъ надѣлить своего кредитора такою дополнительной выгодой, которой онъ самъ по себѣ не имѣлъ; а это именно и будетъ *обезпеченіе* его требованія *солидарною отвѣтственностью* назначеннаго по завѣщанію лица съ тѣми, кто помимо отказа уже обязанъ удовлетворить кредитора. Такимъ образомъ, при отказѣ, именуемомъ „legatum debiti", римское право признаетъ отвѣтственность, по меньшей мѣрѣ, двухъ лицъ, отвѣтствующихъ по иску отказопринимателя. Но конструкція этого вида солидарной отвѣтственности не имѣетъ общаго характера и не допускаетъ распространенія внѣ того случая, къ которому она относится (*Koeppen*, стр. 802, п. 2, прим. 9).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что римское право не содержитъ какой-либо усиленной гарантіи правъ легатаріевъ, сравнительно съ кредиторами; указанные случаи солидарной отвѣтственности наслѣдниковъ передъ легатаріями основаны на недѣлимости предмета отказа или на частномъ случаѣ „legatum debiti"; все это не создаетъ какой-либо льготы, вытекающей изъ природы отказовъ.

Большая часть современныхъ законодательствъ остается на почвѣ римскаго права въ томъ отношеніи, что ими или вовсе не признается совокупная отвѣтственность обременяемыхъ отказомъ лицъ, или признается какой-либо видъ совокупности, но не по общему правилу, а лишь въ связи съ случайными обстоятельствами, составляющими какъ бы частныя осложненія даннаго вопроса. Такъ, напримѣръ, нѣтъ вовсе совокупной отвѣтственности лицъ, обремененныхъ отказомъ, въ уложеніяхъ: *цюрихскомъ* (ст. 2087), *итальянскомъ* (ст. 868) и *нидерландскомъ* (ст. 1009).

Правила дѣлимости отказа придерживаются, съ допущеніемъ однако исключенія при „*недѣлимости*" отказаннаго предмета, *германское уложеніе* (ст. 2148, а также мотивы

къ ст. 1843 проекта первой редакціи; ср. „Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerl. Gesetzbuches f. d. Deutsche Reich“, V, стр. 137), ст. 345 *проекта Моммзена*, ст. 2390 *саксонскаго уложенія* и ст. 2166 *Прибалт. гражд. свода*.

Французское право даетъ легатарію гарантію совершенно иного свойства. Ст. 1017 франц. уложенія создаетъ въ обезпеченіе легатарія законную ипотеку на всѣхъ наслѣдственныхъ недвижимостяхъ; такъ что несостоятельность одного изъ наслѣдниковъ не влечетъ еще за собою утраты для легатарія той части отказа, которую долженъ былъ уплатить ему несостоятельный (согласно началу ст. 1017). Если только есть въ составѣ наслѣдства недвижимости, интересы легатарія этимъ обстоятельствомъ гарантируются въ совершенствѣ, ибо на всѣхъ наслѣдственныхъ недвижимостяхъ, и притомъ по началу недѣлимости, свойственному ипотекѣ (ст. 2114 франц. ул.)., на всѣхъ частяхъ каждой недвижимости тяготѣетъ *вся* сумма долга или претензіи, обезпеченной данной ипотекой. Эта гарантія—римскаго происхожденія, хотя французское право придало ей такое расширеніе, котораго вовсе не было въ римскомъ правѣ. Какъ сказано выше, римское право не признавало, чтобы отдѣльный наслѣдникъ (при множественности лицъ, отвѣчающихъ передъ легатаріемъ), могъ уплатить изъ легата болѣе, нежели сообразно его наслѣдственной части. А посему, залогъ, признанный Юстиніаномъ на наслѣдственныхъ предметахъ въ пользу легатарія (L. 1 и 2 C. comm. de leg. 6, 43), служилъ не болѣе, какъ обезпеченіемъ той части претензіи легатарія, которую обязанъ былъ уплатить ему наслѣдникъ, получившій заложенную вещь по наслѣдству, а отнюдь не обезпечивалъ взысканія всей суммы отказа. Совершенно иначе поступаетъ французскій законодатель, когда онъ *разрѣшаетъ легатарію требовать выплаты полной суммы отказа изъ залога* (ограничивая при этомъ залогъ однѣми наслѣдственными *недвижимостями* на томъ основаніи, что французское право не признаетъ ипотеки въ движимой вещи—ст. 2114). Затѣмъ уже наслѣдникъ, удовлетворившій полностью легатарія, для предотвращенія продажи принадлежащей ему наслѣдственной недвижимости,

не лишается права взыскивать съ каждаго изъ сонаслѣдниковъ ту часть отказа, которую онъ вмѣсто него уплатилъ (ср. *Baudry et Colin* §§ 2490, 2505 и 2508).

Ст. 1409 Свода гражд. узаконеній Прибалтійскихъ губерній (отмѣненная 9 іюля 1889 года, см. Полож. о преобраз. суд. части, литера Б, ст. 1) установляла „специальное безмолвное закладное право" въ пользу отказопринимателя на долѣ наслѣдника, отъ котораго слѣдовало получить отказъ. Эта гарантія была тождественна съ римскимъ залоговымъ обезпеченіемъ въ пользу легатарія и отличалась отъ легальной ипотеки 1017 ст. франц. улож. тѣми же признаками, какъ сказано выше.

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ одномъ случаѣ прибалтійскаго права, въ которомъ отказоприниматель гарантированъ отъ возможныхъ послѣдствій несостоятельности котораго-либо изъ обязанныхъ передъ нимъ наслѣдниковъ. Именно, въ Эстляндіи и Лифляндіи „отказъ выдѣляется изъ самаго наслѣдства прежде выдѣла долей наслѣдникамъ" (2164).

Подводя итогъ всему сказанному, нельзя не замѣтить, что большая часть уложеній даетъ какую-либо усиленную гарантію правъ отказопринимателей только въ видѣ спеціальныхъ исключеній и независимо отъ какого-либо общаго начала, поставленнаго въ соотношеніе съ природою отказа вообще. Одно законодательство, именно—французское, даетъ легатаріямъ весьма значительную ипотечную гарантію, но только тогда, когда въ составѣ наслѣдства оказывается какая-нибудь недвижимость.

Останавливаясь на рядѣ упомянутыхъ разнообразныхъ гарантій, ограждающихъ легатаріевъ, мы не можемъ желать введенія у насъ залоговой гарантіи 1017 статьи французскаго уложенія, такъ какъ введеніе „безмолвныхъ" ипотекъ представляется принципіально нежелательнымъ и не соотвѣтствовало бы общему направленію нашихъ законодательныхъ работъ по вопросамъ залоговаго права.

Выдѣленіе же отказа изъ самаго наслѣдства, минуя личную отвѣтственность обремененныхъ наслѣдниковъ (ст. 2164 Прибалт. гражд. узак.), представляется въ Лифляндіи и Эст-

ляндіи такимъ остаткомъ средневѣковаго германскаго права, который справедливо порицается комментаторами прибалтійскаго права на томъ основаніи, что онъ вноситъ въ систему наслѣдственнаго права непримиримое противорѣчіе съ началомъ универсальнаго преемства (Ср. *Erdmann* „System des Privatrechts der Ostseeprovinzen Liv-Est-und Kurland“, III, § 245, стр. 233). Съ другой стороны, нельзя не признать весьма желательнымъ установленіе какой-либо гарантіи, которая давала бы спеціальное обезпеченіе отказопринимателей, въ виду возможной несостоятельности кого-нибудь изъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ выдача отказа. Цѣлымъ рядомъ преимуществъ кредиторы наслѣдодателя поставлены въ положеніе несравненно болѣе благопріятное, нежели отказоприниматели. Они могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получать удовлетвореніе изъ имущества самихъ наслѣдниковъ, когда выяснится недобросовѣстность наслѣдниковъ, дѣйствовавшихъ „in fraudem creditorum“, и откроется основаніе къ неограниченной долговой отвѣтственности наслѣдника; наслѣдственное имущество обращается къ удовлетворенію отказопринимателей не иначе, какъ за полнымъ удовлетвореніемъ кредиторовъ; они же имѣютъ право просить о признаніи самаго наслѣдства несостоятельнымъ.

Ставя отказопринимателей въ положеніе менѣе благопріятное, сравнительно съ правами кредиторовъ наслѣдства, въ силу того именно соображенія, что кредиторы въ правѣ требовать того, чтобы смерть ихъ должника ни въ какомъ случаѣ не ухудшала ихъ правъ, такъ какъ цѣль ихъ состоитъ въ обратномъ полученіи даннаго ими имущества, а отказоприниматели домогаются лишь обогащенія изъ щедротъ наслѣдодателя, законодатель долженъ однако оградить отказопринимателей отъ возможности неполученія предназначеннаго имъ отказа вслѣдствіе могущей наступить несостоятельности кого-либо изъ наслѣдниковъ. Нѣкоторыя законодательства достигаютъ этой цѣли тѣмъ, что предоставляютъ легатаріямъ, наравнѣ съ кредиторами, право требовать отдѣленія наслѣдственной массы отъ всего имущества, принадлежащаго наслѣднику (beneficium separationis). Таковы положенія—*Прибал-*

тійскаго свода (ст. 2658); *саксонскаго* уложенія (ст. 2333); *нидерландскаго* (ст. 1153); *итальянскаго* (ст. 1032); *испанскаго* (ст. 1034); *австрійскаго* (ст. 812), а также *французскаго* уложенія (ср. ст. 878 и 2111; также *Baudry et Colin* § 2509). Наоборотъ, *германское* уложеніе (ст. 1981) не упоминаетъ объ отказопринимателяхъ, предоставляя кредиторамъ наслѣдства особое право требовать, не „отдѣленія" наслѣдства отъ имущества наслѣдниковъ, а *управленія* онымъ по началамъ производства, служащаго какъ бы предисловіемъ къ конкурсу.

Я полагалъ бы правильнѣе не допускать легатаріевъ къ пользованію выгодами „beneficium separationis", предоставивъ имъ гарантію иного свойства въ видѣ круговой поруки всѣхъ лицъ, обремененныхъ отказомъ. Это облегчитъ положеніе отказопринимателей, не вынуждая ихъ къ веденію нерѣдко сложныхъ тяжбъ съ кредиторами наслѣдниковъ и упрощая дѣло тѣмъ, что имъ придется имѣть дѣло съ одними наслѣдниками; такая мѣра будетъ справедлива въ отношеніи кредиторовъ наслѣдниковъ, такъ какъ *во всѣхъ отношеніяхъ желательнѣе, чтобы тяжесть отказа лежала на наслѣдствѣ, а не на кредиторахъ наслѣдниковъ.* Наконецъ, зная о существованіи такого закона, сонаслѣдники сочтутъ себя заинтересованными въ скорѣйшемъ удовлетвореніи отказопринимателей, что̀, конечно, поведетъ къ упрощенію отношеній и сокращенію тяжбъ.

Подводя итоги всему сказанному, мы находимъ, что настоящее изслѣдованіе приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Римская система долговой отвѣтственности, допускающая неограниченную мѣру взысканія съ наслѣдника „ultra vires hereditatis", съ предоставленіемъ ему льготы ограниченной отвѣтственности въ случаѣ составленія инвентаря, не представляется единственной логически возможной конструкціей, въ случаѣ признанія начала универсальнаго преемства. Римская система оправдывается исторически, но не можетъ считаться логически неизбѣжною и необходимою.

2) Германская, средневѣковая система наслѣдственнаго преемства основана была на отрицаніи универсальнаго преем-

ства, т. е. самаго жизненнаго элемента въ идеѣ наслѣдованія. Въ ней естественно отсутствовала неограниченная долговая отвѣтственность, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что *внѣ универсальнаго преемства быть не можетъ отвѣтственности за наслѣдственные долги „ultra vires hereditatis"*.

3) Съ другой стороны, обратное сочетаніе вполнѣ оправдывается логическимъ анализомъ. Допущеніе понятія *универсальнаго* преемства *можетъ въ равной степени сочетаться съ отвѣтственностью за наслѣдственные долги, какъ „ultra vires", такъ и „intra vires hereditatis"*. Та или другая комбинація зависитъ отъ историческихъ условій и сложившихся въ данной странѣ и въ данное время понятій справедливости и порядка долговой отвѣтственности вообще.

4) По существующимъ въ наше время повсемѣстно этическимъ взглядамъ, принудительная уплата долговъ наслѣдодателя изъ средствъ наслѣдника, при недостаточности самого наслѣдства, уже вовсе не справедлива. Поэтому желательно построеніе такой системы наслѣдованія, при которой *законодатель оградилъ бы наслѣдника отъ долговой отвѣтственности „ultra vires", не отказываясь однако отъ использованія плодовитой идеи универсальнаго преемства.*

5) Выдача отказовъ должна также быть обязательна для наслѣдника не иначе, какъ „intra vires hereditatis".

6) Допуская ограниченную отвѣтственность, какъ общее начало, мы должны, по справедливости, допустить взысканіе наслѣдственныхъ долговъ въ неограниченной мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда небрежность или недобросовѣстность самого наслѣдника будетъ причиною неизвѣстности состава наслѣдства. Для конструкціи такой системы можно принять къ руководству общія начала германскаго уложенія.

7) *Множественность* сонаслѣдниковъ служитъ основаніемъ затруднительнаго вопроса о томъ, въ какомъ видѣ должна выражаться ихъ долговая отвѣтственность: *раздѣльно* или *совокупно.* Римское право, бо́льшая часть кодексовъ, и въ томъ числѣ нашъ X томъ Свода, признаютъ *раздѣльную* долговую отвѣтственность. Сохраненіе этой системы въ Рос-

сіи желательно на томъ основаніи, что она упрощаетъ ликвидацію наслѣдства помимо вмѣшательства властей.

8) Раздѣльность касается въ равной мѣрѣ обязанности наслѣдниковъ къ выдачѣ отказовъ. Однако, было бы цѣлесообразно установить нѣкоторую гарантію въ пользу легатаріевъ, именно—гарантію такого рода, что наслѣдники, неся передъ ними раздѣльную отвѣтственность въ доляхъ отказа, были бы однако связаны дополнительно на началахъ круговой поруки.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЗАКОНОПРОЕКТЪ О СУДЕБНОМЪ ПОМИЛОВАНІИ (LOI DE PARDON).

La loi Bérenger—c'est l'indulgence; la loi de pardon—c'est la clémence.

И. Г. Щегловитова.

Прогрессивное развитіе западно-европейскихъ уголовныхъ законодательствъ за послѣднее время идетъ быстрыми шагами впередъ въ области какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права, на пути къ возможно бо̀льшему приспособленію наказанія къ индивидуальнымъ особенностямъ преступника. Стремленіемъ этимъ проникнуты такіе важные институты новѣйшаго времени, какъ расширеніе полномочій суда по смягченію назначенной закономъ уголовной кары, въ виду прежняго поведенія обвиняемаго, его раскаянія или долговременнаго содержанія подъ стражею, досрочное освобожденіе заключенныхъ и условное осужденіе, устраняющее даже самое примѣненіе наказанія въ случаѣ одобрительнаго поведенія осужденнаго послѣ судимости.

На ряду съ этими институтами нельзя не отмѣтить все болѣе и болѣе выдвигаемаго въ нѣкоторыхъ законодательствахъ начала цѣлесообразности (такъ называемый Opportunitätsprincip) въ дѣятельности обвинительной власти, въ силу котораго она можетъ отказываться отъ уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ, представляющимся, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ,

маловажными. Такъ, напримѣръ, въ норвежскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства 1 іюля 1887 года прокурорскому надзору предоставлено (§ 85) заявлять объ отказѣ отъ обвиненія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе лица, совершившаго преступленіе, не вызывается необходимостью, въ особенности, если послѣ учиненія преступнаго посягательства прошло много времени или же преступное дѣяніе сопровождалось особо смягчающими вину обстоятельствами. При этомъ интересно, что по § 86 того же устава отказъ отъ обвиненія послѣ открытія судебнаго засѣданія влечетъ за собою постановленіе оправдательнаго приговора [1]).

Особенно много существенныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду придать карательной дѣятельности государства возможно бо̀льшую цѣлесообразность, введено во французскомъ законодательствѣ. Чрезвычайная строгость наказаній по code pénal 1810 года и недостаточное развитіе въ общей части этого кодекса системы смягчающихъ обстоятельствъ (système des circonstances atténuantes) привели къ необходимости изданія особыхъ законовъ 1824 и 1832 годовъ. Первый изъ нихъ распространилъ вліяніе смягчающихъ вину обстоятельствъ на всѣ преступленія, но предоставилъ право признанія ихъ только короннымъ судьямъ, а второй перенесъ это полномочіе на присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ, разсматриваемымъ съ ихъ участіемъ [2]). По ст. 347 французскаго code d'instruction criminelle въ редакціи закона 9 іюня 1853 года, установившаго для рѣшеній присяжныхъ засѣдателей требованіе простаго большинства голосовъ, смягчающія вину обстоятельства признаются присяжными по большинству голосовъ (la décision du jury, tant contre l'accusé que sur les circonstances atténuantes, se forme à la majo-

---

[1]) Эти же начала обвинительной дѣятельности приняты, между прочимъ, въ проектѣ судебнаго преобразованія въ Даніи 1901 года. По испанскому закону 20 апрѣля 1888 года отказъ обвинителя на судѣ отъ обвиненія влечетъ немедленное освобожденіе обвиняемаго, если никто изъ присутствующихъ въ залѣ засѣданія не изъявитъ желанія выступить въ качествѣ обвинителя.

[2]) Законъ 13 мая 1863 года нѣсколько ограничилъ власть суда при уменьшеніи наказанія за проступки, но ограниченія эти были отмѣнены закономъ 27 ноября 1870 года.

rité). Въ настоящее время, по предложенію депутата Мартена, законодательною коммисіею, состоящею подъ предсѣдательствомъ Крюппи, выработанъ законопроектъ объ измѣненіи ст. 347 code d'instruction criminelle въ томъ смыслѣ, чтобы при равенствѣ голосовъ относительно смягчающихъ вину обстоятельствъ принималось мнѣніе, благопріятное для подсудимаго (en cas d'égalité des voix sur les circostances atténuantes, l'avis favorable à l'accusé prevaudra) [1]).

Послѣ указанныхъ законовъ 1824 и 1832 годовъ во Франціи установился обычай такъ называемый коррекціонализаціи (correctionnalisation) уголовныхъ дѣлъ, сущность которой заключается въ искусственномъ измѣненіи подсудности путемъ признанія недоказанными обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и устанавливающихъ высшую подсудность. Такой способъ въ широкой мѣрѣ примѣняется на практикѣ французскими обвинительными камерами и прокуратурою, когда при формально доказанномъ высшемъ обвиненіи, по особымъ смягчающимъ обстоятельствамъ, желательно, въ интересахъ справедливости, разрѣшить его менѣе тяжкою отвѣтственностью или же когда по соображеніямъ судебно-репрессивной политики признается необходимымъ изъять дѣло изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, отъ которыхъ почему-либо не ожидаютъ правомѣрнаго приговора [2]). Не подле-

---

[1]) Докладъ коммисіи по этому законопроекту сдѣланъ депутатомъ Делестракомъ 25 ноября 1901 года. Въ докладѣ этомъ высказывается, между прочимъ, что требованіе ст. 347 code d'instruction criminelle большинства голосовъ для признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ противорѣчитъ здравому смыслу и справедливости и въ частности можетъ привести на эшафотъ человѣка, для примѣненія къ которому смертной казни не образовалось большинства голосовъ судей, его осудившихъ.

[2]) 12 января 1871 года послѣдовалъ циркуляръ французскаго министра юстиціи, разъяснившій, что устраненіе изъ компетенціи присяжныхъ дѣлъ путемъ коррекціонализаціи, проистекающее не столько изъ снисхожденія къ обвиняемому, сколько изъ неосновательнаго недовѣрія къ присяжнымъ, противорѣчитъ закону и потому не должно имѣть мѣста. Однако циркуляромъ 5 апрѣля того же 1871 года циркулярное распоряженіе отъ 12 января было объявлено отмѣненнымъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Италіи, въ Бельгіи, институтъ коррекціонализаціи нашелъ себѣ выраженіе въ законѣ. Въ итальянскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства 1865 года, въ ст. 252, коррекціонализація допускается при условіи единогласнаго постановленія по этому предмету совѣщательной камеры (chambre du conseil).

житъ, конечно, никакому сомнѣнію, что институтъ коррекціонализаціи, существующій не только во Франціи, но и въ Бельгіи и Италіи, отводитъ слишкомъ большое мѣсто дѣятельности началу цѣлесообразности, вслѣдствіе чего онъ вызываетъ не мало возраженій противъ себя [1]).

Изъ позднѣйшихъ французскихъ законовъ, направленныхъ къ индивидуализаціи наказаній и къ значительному ихъ смягченію, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о законѣ 5 іюня 1875 года, сократившемъ на одну четверть срокъ тюремнаго заключенія при условіи отбыванія его въ одиночной камерѣ. Затѣмъ нельзя не указать закона 14 августа 1885 года о досрочномъ освобожденіи, которое допускается въ случаѣ одобрительнаго поведенія заключеннаго по истеченіи трехъ мѣсяцевъ заключенія для лицъ, присужденныхъ въ тюрьму на срокъ менѣе шести мѣсяцевъ, а для остальныхъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы,—не ранѣе отбытія половины назначеннаго судомъ срока наказанія. Далѣе въ высшей степени важнымъ является законъ 26 марта 1891 года объ отсрочкѣ исполненія наказанія (sursis à l'éxécution), т. е. объ условномъ осужденіи. Законъ этотъ, который обыкновенно цитируется по имени его инціатора — маститаго Беранже, предоставилъ судебнымъ установленіямъ отсрочивать исполненіе наказанія въ случаѣ присужденія къ тюремному

---

[1]) Вопросъ о коррекціонализаціи останавливалъ на себѣ вниманіе коммисій, занимавшихся пересмотромъ бельгійскаго устава уголовнаго судопроизводства. По замѣчанію правительственной коммисіи 1877 года Нипельса, коррекціонализація нарушаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ и противорѣчитъ цѣли, для которой были учреждены обвинительныя камеры, призванныя провѣрять достаточность собранныхъ противъ подсудимаго уликъ, а не предрѣшать дѣло по существу (pour constater les charges et non pour statuer sur le fond). Напротивъ того, парламентская коммисія 1879 года Тониссена высказалась за сохраненіе коррекціонализаціи, находя, что она не колеблетъ равенства передъ закономъ, такъ какъ всѣ подсудимые, обвиняемые въ совершеніи преступленія при однихъ и тѣхъ же смягчающихъ вину обстоятельствахъ, отсылаются въ судъ исправительной полиціи. Кромѣ того, эта послѣдняя коммисія обратила вниманіе на то, что коррекціонализація вызвана къ жизни стремленіемъ облегчить положеніе обвиняемаго, появленіе котораго въ исправительномъ судѣ не вызываетъ такого сильнаго порицанія со стороны общественнаго мнѣнія, какъ преданіе суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

заключенію или къ денежной пенѣ обвиняемаго, который до того не былъ присужденъ къ тюрьмѣ. Если въ теченіе пяти лѣтъ со времени постановленія приговора осужденный не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности за преступленіе или проступокъ и не будетъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ или наказанію болѣе строгому, то, по закону 1891 года, первоначальный приговоръ считается какъ бы несостоявшимся: въ противномъ же случаѣ, ранѣе назначенное наказаніе приводится въ исполненіе прежде последующаго и не поглощается послѣднимъ. Осужденіе вносится въ справки о судимости, съ непремѣннымъ упоминаніемъ о дарованной отсрочкѣ исполненія приговора. Дополнительнымъ закономъ 5 августа 1899 г. установлено, между прочимъ, что свѣдѣнія о судимости при отсрочкѣ наказанія въ видѣ заключенія въ тюрьмѣ на срокъ не болѣе мѣсяца не вносятся въ справки, выдаваемыя частнымъ лицамъ. Наконецъ, остается упомянуть о французскомъ законѣ 15 ноября 1892 г. о зачетѣ въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражею (l'imputation de la détention préventive). По этому закону въ видѣ общаго правила такой зачетъ допускается, если судъ особымъ мотивированнымъ постановленіемъ не признаетъ примѣненія этой мѣры невозможнымъ.

Приведенные законы, проникнутые гуманностью и человѣколюбіемъ, признаются однако во Франціи недостаточными для устраненія суровыхъ мѣръ карательнаго воздѣйствія на осужденнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла предпочтительнѣе освободить его вовсе отъ наказанія.

За послѣднее время французское общественное мнѣніе было сильно взволновано процессомъ объ одной женщинѣ, обвинявшейся въ кражѣ нѣсколькихъ кусковъ хлѣба. По этому дѣлу обвиняемая, взятая подъ стражу 4 января 1900 года, содержалась въ тюрьмѣ до 30 января, послѣ чего была присуждена къ денежному взысканію въ 16 франковъ. Приведенный процессъ послужилъ, между прочимъ, основаніемъ къ предъявленію Крюппи запроса во французской палатѣ депутатовъ въ засѣданіи 25 февраля 1901 года къ министру юстиціи о томъ, какія мѣры приняты имъ для предупрежде-

нія случаевъ заарестованія обвиняемыхъ безъ всякой надобности въ принятіи подобной мѣры (личность женщины, обвинявшейся въ кражѣ хлѣба, и мѣсто ея жительства были вполнѣ установлены послѣ перваго ея допроса).

Въ отвѣтѣ своемъ французскій министръ юстиціи Монисъ, заявляя о томъ, что судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по указанному выше дѣлу, и товарищъ прокурора, наблюдавшій за слѣдствіемъ, подвергнуты соотвѣтствующимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ [1]), сообщилъ палатѣ депутатовъ свой циркуляръ отъ 20 февраля 1900 года, съ которымъ онъ обратился къ прокурорскому надзору.

Въ этомъ замѣчательномъ циркулярѣ, проникнутомъ гуманными идеями, Монисъ, ссылаясь на цитированные выше французскіе законы, исходитъ изъ того положенія, что репрессія должна преслѣдовать не столько цѣли возмездія, сколько цѣли исправленія виновнаго, оставляя несчастному, котораго она постигаетъ, надежду и возможность встать снова на ноги. Магистратура, по словамъ циркуляра, обязана приложить всѣ усилія къ осуществленію гуманныхъ стремленій законодателя. Въ этихъ видахъ Монисъ рекомендовалъ прокурорскому надзору, во-первыхъ, убѣждать судей возможно чаще примѣнять законъ объ отсрочкѣ наказанія, во-вторыхъ, добиваться того, чтобы осужденнымъ при выборѣ наказанія денежное взысканіе назначалось вмѣсто тюремнаго заключенія въ тѣхъ случаяхъ, когда такое смягченіе допускается, въ-третьихъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы предварительное содержаніе подъ стражею было ограничиваемо случаями крайней въ томъ необходимости, и, въ-четвертыхъ, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы при преданіи суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей соблюдалась особая осмотрительность при оцѣнкѣ уликъ.

---

[1]) Любопытно, что, какъ во время изложенія Крюппи обстоятельствъ дѣла о кражѣ хлѣба, такъ и въ теченіе объясненій, дававшихся Монисомъ, во французской палатѣ депутатовъ высказывались порицанія французской магистратурѣ. Такъ, напримѣръ, депутатъ Лагассъ заявлялъ о необходимости смѣщенія почти всей магистратуры. Между прочимъ, отъ министра юстиціи требовали оглашенія именъ судебнаго слѣдователя и товарища прокурора, допустившихъ содержаніе подъ стражею женщины, о которой шла рѣчь, но Монисъ исполнить это требованіе отказался.

Сообщивъ подробное содержаніе своего циркуляра, встрѣтившаго общее сочувствіе палаты депутатовъ, Монисъ обѣщалъ поддержку французскаго правительства всѣмъ тѣмъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя будутъ предложены для предупрежденія инцидентовъ, подобныхъ приведенному Крюппи, и въ заключеніе заявилъ, что президентъ республики даровалъ помилованіе женщинѣ, осужденной за кражу хлѣба [1]).

Указанное выше дѣло о женщинѣ, обвинявшейся въ похищеніи нѣсколькихъ кусковъ хлѣба, поставило на очередь обсужденіе во Франціи чрезвычайно интересныхъ законодательныхъ предположеній.

Такъ, прежде всего, Мильеранъ внесъ въ палату депутатовъ предложеніе о томъ, чтобы: 1) признать неподлежащимъ отвѣтственности лицо, совершившее преступленіе или проступокъ, вынужденные крайнею необходимостью для спасенія собственнаго существованія или существованія лицъ, находящихся на его попеченіи, и 2) возложить на общину, изъ которой происходятъ лица, освобождаемыя отъ отвѣтственности по настоящему проекту, возмѣщеніе вреда и убытковъ, причиненныхъ ихъ дѣйствіями.

Предложеніе Мильерана обсуждалось въ парламентской коммисіи, которая признала, что ст. 64 французскаго code pénal, устанавливающая непреступность дѣйствій, совершенныхъ подъ вліяніемъ принужденія отъ непреодолимой силы, которой дѣйствующій не могъ сопротивляться (il n'y a ni crime ni délit, lorsque le prévenu a été contraint par une force à laquelle il n'a pu résister), не обнимаетъ собою всѣхъ случаевъ крайней необходимости. При этомъ коммисія находила слишкомъ широкимъ предложеніе Мильерана, возбуждающее большія сомнѣнія по вопросу о предѣлахъ, въ которыхъ должна быть формулирована крайняя необходимость въ законѣ. По мнѣнію коммисіи, предпочтительнѣе, не вводя въ уголовный ко-

---

[1]) Протоколъ засѣданія французской палаты депутатовъ отъ 25 февраля 1901 года, стр. 521—525. Въ высшей степени интересный циркуляръ Мониса, приведенный нами вкратцѣ, помѣщенъ въ Journal officiel de la République Française отъ 1 марта 1901 года.

дексъ общаго опредѣленія необходимости, дополнить ст. 64 code pénal такимъ постановленіемъ: „въ случаѣ крайней нищеты лица, совершившаго похищеніе предметовъ первой необходимости, судъ можетъ признать его неподлежащимъ уголовной отвѣтственности". Вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія не нашла возможнымъ принять предложеніе Мильерана о гражданской отвѣтственности общины за подсудимаго, высказавъ, что проектируемая имъ мѣра не можетъ быть обоснована сколько-нибудь солидными юридическими соображеніями [1])

Вопросъ, возбужденный проектомъ Мильерана, объ опредѣленіи крайней необходимости послужилъ также предметомъ интересныхъ преній въ Société Générale des prisons, которая предложила двѣ редакціи для измѣненія ст. 64 code pénal [2]). Первая, принадлежащая профессору Гарсону, гласитъ такъ: „il n'y a ni crime, ni délit, lorsque le prévenu était en état de démence au temps de l'action ou lorsqu' il a été contraint par une force à laquelle il n'a pu résister ou lorsqu' il s'est trouvé en présence d'une nécessité absolue"; другая же редакція, составленная Ру, предполагаетъ дополнить ст. 64 code pénal такимъ правиломъ: „ne sera pas punissable celui qui aura commis le délit incriminé afin de se préserver ou de préserver autrui d'un danger ou d'un dommage présent, imminent, injuste qu'il n'a pu détourner qu'en éxecutant l'acte qui lui est reproché et à condition que le mal causé soit moindre que le mal évité".

На ряду съ предположеніями, направленными къ тому, чтобы опредѣлить во французскомъ уголовномъ кодексѣ состояніе крайней необходимости, какъ обстоятельства, устраняющаго преступность дѣянія, депутатъ Морло внесъ въ палату депутатовъ предложеніе о томъ, чтобы дополнить ст. 463 code pénal такимъ постановленіемъ: „сверхъ того, даже въ случаяхъ, когда обстоятельства, составляющія предметъ уголов-

[1]) Соображенія парламентской коммисіи изложены въ докладѣ, представленномъ палатѣ депутатовъ депутатомъ Перилье 16 марта 1900 года.

[2]) Revue pénitentiaire, Décembre 1900 и Janvier 1901. При обсужденіи вопроса объ опредѣленіи крайней необходимости въ Société Générale des prisons высказывались, между прочимъ, мнѣнія, что судебная практика не нуждается въ какихъ-либо руководящихъ указаніяхъ по этому предмету въ законѣ.

наго преслѣдованія, установлены, судья имѣетъ право мотивированнымъ рѣшеніемъ оправдать обвиняемаго, если такой актъ милосердія будетъ признанъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для исправленія виновнаго. Издержки производства возлагаются въ этомъ случаѣ на оправданнаго, при чемъ, если онъ окажется несостоятельнымъ къ платежу ихъ, то онъ можетъ быть освобожденъ тѣмъ же рѣшеніемъ отъ взятія подъ стражу".

Сущность предложенія Морло сводится къ введенію судебнаго помилованія (loi de pardon). Основаніемъ къ проектированію этой мѣры послужили соображенія, изложенныя предсѣдателемъ гражданскаго трибунала въ Шато-Тьери Маньо въ письмѣ къ Эмилю Фаге, перепечатанномъ едва ли не во всѣхъ французскихъ газетахъ.

„Настоящее правосудіе",—говорится въ этомъ письмѣ,—„состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ элементовъ: строгости, справедливости (часто не согласующейся съ закономъ), снисходительности и милосердія. До настоящаго времени милосердіе было устранено изъ правосудія „юридическаго" (justice juridique), которое вслѣдствіе этого походитъ на мщеніе. Между тѣмъ человѣкъ, отправляющій это правосудіе, самъ полонъ несовершенствъ. Не слѣдовало ли бы ему, въ извѣстныхъ случаяхъ, предоставить возможность прощать болѣе несовершенныхъ, чѣмъ онъ самъ, которые показались ему въ моментъ оправданія нравственно возродившимися? Въ чемъ пострадалъ бы общественный порядокъ отъ закона о милосердіи, который возвысилъ бы и облагородилъ бы роль судьи? Правосудія въ томъ видѣ, какъ оно понимается и отправляется въ настоящее время,—продолжаетъ письмо Маньо,—боятся и гнушаются (la justice est redoutée et abhorrée); оно вовсе не гармонируетъ съ идеями общественнаго улучшенія и гуманностью, которыя пробудились во всѣхъ сердцахъ. Не настало ли время возбудить къ правосудію любовь и, какъ ея послѣдствіе, уваженіе?" Далѣе, Маньо возражаетъ тѣмъ, „которые кричатъ объ усиленіи репрессіи (l'énervement de la repression), что, давая судьѣ право прощать, отъ него вовсе не отнимаютъ полномочія быть строгимъ".

„Ошибка въ прощеніи“,—говорится ниже въ томъ же письмѣ,—„не предпочтительнѣе ли въ тысячу разъ заблужденія при осужденіи? Именно потому, что судья несовершененъ и можетъ заблуждаться, чего обыкновенно не сознаетъ магистратура, необходимо облечь его правомъ оправдывать виновнаго въ извѣстныхъ случаяхъ, предоставленныхъ судебному усмотрѣнію, потому что въ другихъ случаяхъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ предполагаютъ, судья поражаетъ обвинительнымъ приговоромъ человѣка невиновнаго. Законъ Беранже представляетъ собою снисходительность; законъ о прощеніи—милосердіе. Только съ этими атрибутами судебная власть,—по мнѣнію Маньо,—будетъ достаточно полна и можетъ отправлять истинное и гуманное правосудіе (la loi Bérenger—c'est l'indulgence; la loi de pardon—c'est la clémence. Il n'y aura qu'avec ces deux éléments que le juge sera complet et qu'il pourra distribuer la vraie et humaine justice)“.

Въ заключеніе Маньо указываетъ на то, что предлагаемая имъ мѣра вовсе не поставитъ судью выше закона, такъ какъ только въ случаѣ предоставленія ему законодательною властью права прощенія онъ получитъ возможность оправдывать виновнаго. Затѣмъ Маньо не опасается возраженій о томъ, что судья, уполномоченный прощать, станетъ примѣнять ко всѣмъ милосердіе. Въ этомъ отношеніи онъ ссылается на законъ Беранже, который, будучи предоставленъ усмотрѣнію суда, примѣняется съ большою осмотрительностью.

Что касается формулировки, предложенной Маньо относительно судебнаго помилованія, то она отличается отъ проекта Морло въ томъ смыслѣ, что Маньо предлагаетъ уполномочить судью прощать виновныхъ въ совершеніи не всѣхъ преступныхъ дѣяній, а только проступковъ (délits) [1].

---

[1]) Предложеніе Маньо о дополненіи ст. 463 code pénal изложено такъ: „en outre, même si le délit est établi, le juge aura toujours le pouvoir d'absoudre par décision motivée, quand cet acte de clémence lui apparaitra comme le plus efficace moyen d'arriver à la moralisation du coupable. Les frais de poursuite resteront à la charge du prévenu absous pour les recouvrements desquels, s' il est indigent, il'pourra être dispensé par la même décision de la contrainte par corps“.

Между прочимъ, въ цитированномъ письмѣ Маньо приводитъ изъ своей практики случай суда надъ одною семидесятитрехлѣтнею старухою, обвинявшейся въ мошенничествѣ, которая совершила преступленіе, чтобы получить деньги для уплаты карточнаго долга своего сына. Къ обвиняемой Маньо примѣнилъ за-

При разсмотрѣніи проекта Морло, а также приведенныхъ соображеній Маньо, парламентская коммисія, состоящая подъ предсѣдательствомъ Крюппи, высказавшись по проекту Мильерана, какъ указано выше, за предоставленіе суду права освобождать отъ уголовной отвѣтственности лицъ, совершившихъ въ случаѣ крайней нищеты похищеніе предметовъ первой необходимости, признала первоначально, что полномочія судей по французскимъ законамъ относительно смягченія наказаній, въ связи съ закономъ Беранже, отводятъ достаточное мѣсто началу милосердія и что далѣе этого расширять право судебной власти не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что право помилованія составляетъ исключительную привилегію главы государства [1]).

Однако послѣ описаннаго выше засѣданія французской палаты депутатовъ 25 февраля 1901 года, въ которомъ Крюппи, между прочимъ, высказалъ, что, хотя онъ находилъ излишнимъ законъ о судебномъ помилованіи, но въ виду фактовъ, обнаруживающихся въ судебной практикѣ, онъ чувствуетъ себя побѣжденнымъ и намѣренъ вотировать этотъ законъ (je suis converti et je voterai la loi du pardon) [2]), а также въ виду общаго сочувствія, съ которымъ отнеслась французская печать къ мыслямъ Маньо, парламентская коммисія подвергла вторичному обсужденію указанный выше проектъ Морло.

На этотъ разъ коммисія приняла предположеніе о судебномъ помилованіи, сославшись на § 66 проекта французскаго уголовнаго уложенія [3]). По этому проекту, въ случаѣ совершенія дѣянія, за которое по закону или вслѣдствіе признанія наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ

конъ Беранже, но съ этого дня, по его словамъ, онъ почувствовалъ необходимость закона о прощеніи. Письмо Маньо и его предложеніе помѣщены въ докладѣ парламентской коммисіи, сдѣланномъ палатѣ депутатовъ Морино 14 ноября 1901 года о проектѣ закона о судебномъ помилованіи.

[1]) Докладъ парламентской коммисіи палатѣ депутатовъ, сдѣланный Перилье 3 апрѣля 1900 года.

[2]) Приведенныя слова Крюппи вызвали аплодисменты на разныхъ скамьяхъ французской палаты депутатовъ.

[3]) Введеніе судебнаго прощенія во французское законодательство проектировалось сенаторомъ Мишо въ 1885 году, но въ то время институтъ этотъ принятъ не былъ.

вину, можетъ быть назначена только денежная пеня, судья, если притомъ подсудимый не былъ ранѣе осужденъ за преступленіе или проступокъ, не назначаетъ наказанія, а предостерегаетъ только виновнаго (il avertira le prévenu), чтобы въ случаѣ учиненія новаго дѣянія онъ не разсчитывалъ на безнаказанность; такое освобожденіе не устраняетъ обязанности уплатить судебныя издержки и вознагражденіе за вредъ.

Съ своей стороны коммисія предположила въ предѣлахъ, намѣченныхъ Маньо, допустить судебное помилованіе только относительно проступковъ (délits), полагая, что мѣра эта не нужна въ отношеніи какъ нарушеній (contraventions), которыя не отмѣчаются въ справкахъ о судимости, такъ и преступленій (crimes), относительно которыхъ присяжные засѣдатели выносятъ оправдательные приговоры даже при сознаніи подсудимаго.

Въ заключительномъ выводѣ коммисія предполагала, согласно съ мнѣніемъ правительства (d'accord avec le gouvernement), дополнить ст. 463 code pénal постановленіемъ о томъ, что при установленіи виновности въ проступкѣ судъ исправительной полиціи уполномоченъ замѣнить наказаніе виновному внушеніемъ (une réprimande) въ случаѣ, если эта мѣра снисхожденія будетъ признана достаточною для исправленія виновнаго, и что послѣдній не освобождается отъ уплаты судебныхъ издержекъ и отъ возмѣщенія вреда, причиненнаго проступкомъ [1]. Кромѣ того коммисія признавала полезнымъ помѣщеніе приговоровъ о внушеніи въ тѣхъ справкахъ о судимости, которыя сообщаются судебнымъ мѣстамъ, но не могутъ быть оглашаемы передъ частными лицами.

Въ этомъ смыслѣ докладъ былъ сдѣланъ французской палатѣ депутатовъ отъ имени коммисіи депутатомъ Морино 14 ноября 1901 года, при чемъ попытка вотировать указан-

---

[1]) Текстъ предложенія коммисіи изложенъ слѣдующимъ образомъ: „en outre, et bien que les faits délictueux soient établis à la charge du prévenu, le tribunal correctionnel pourra lui infliger, au lieu de la peine encourue, une réprimande, au cas où cette mesure d'indulgence sera jugée suffisante pour assurer l'amendement du délinquant. Le prévenu sera condamné aux dépens et s'il y a lieu, à tous dommages—intérêts envers la partie civile“.

ный законопроектъ въ палатѣ безъ обсужденія однако успѣха не имѣла.

Между тѣмъ за два дня передъ внесеніемъ въ палату депутатовъ указаннаго проекта парламентской коммисіи о судебномъ помилованіи сенаторъ Беранже представилъ сенату свои предположенія о расширеніи закона 26 марта 1891 года объ условномъ осужденіи, которыя устраняютъ необходимость закона о судебномъ помилованіи.

Предположенія эти имѣютъ въ виду осуществить судебное помилованіе инымъ путемъ, а именно установленіемъ *пріостановки уголовнаго преслѣдованія* (sursis à la poursuite).

Знаменитый авторъ закона объ условномъ осужденіи въ своемъ въ высшей степени интересномъ докладѣ сенату исходитъ изъ того положенія, что, если угроза исполненіемъ наказанія оказалась на практикѣ достаточною для предупрежденія огромнаго числа проступковъ, то можно надѣяться, что угроза уголовнымъ преслѣдованіемъ будетъ имѣть еще болѣе благодѣтельные результаты. Въ настоящее время виновный, къ которому примѣняется условное осужденіе, переноситъ всѣ униженія, сопряженныя съ явкою въ судъ и публичнымъ наставленіемъ предсѣдательствующаго. При этомъ ему дается одна милость, а именно та, что надъ нимъ не приводится въ исполненіе наказаніе. Не подѣйствуютъ ли однако еще сильнѣе на виновнаго побужденія, удерживающія его отъ преступныхъ посягательствъ,—говоритъ Беранже,—если къ интересу избѣжать исполненія наказанія присоединился бы еще болѣе чувствительный и нравственный интересъ избѣгнуть стыда публичнаго появленія на судѣ и осужденія.

Но спрашивается, какое должностное лицо можетъ быть признано достаточно безпристрастнымъ и независимымъ для пріостановки уголовнаго преслѣдованія? По этому поводу Беранже полагаетъ, что чины прокурорскаго надзора вслѣдствіе своего зависимаго положенія не должны быть облекаемы разсматриваемымъ полномочіемъ. По мнѣнію Беранже, всѣ условія, необходимыя для примѣненія предлагаемаго имъ института, имѣются въ лицѣ судебнаго слѣдователя, пользующагося несмѣняемостью. Этому послѣднему онъ предпо-

лагаетъ, на ряду съ принадлежащимъ ему правомъ прекращать слѣдствіе или передавать его въ подлежащій судъ (prononcer le non lieu ou le renvoi devant la juridiction répressive), предоставить полномочіе предостерегать обвиняемаго, пріостанавливая о немъ производство (ordonnance d'avertissement). Распоряженія слѣдственной власти о пріостановкѣ дѣла будутъ при этомъ подлежать обжалованію въ обвинительную камеру со стороны, какъ обвиняемаго, если онъ находитъ распоряженіе слѣдователя неправильнымъ или домогается суда, такъ и прокурорскаго надзора или гражданскаго истца. Самое пріостановленіе должно послѣдовать на срокъ, опредѣляемый слѣдователемъ не менѣе трехъ и не болѣе пяти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы возбужденное преслѣдованіе считалось погашеннымъ, если въ теченіе назначеннаго срока противъ обвиняемаго не возникнетъ новаго преслѣдованія; въ противномъ же случаѣ, оба преслѣдованія получаютъ законное направленіе, и виновный присуждается къ наказаніямъ отдѣльно по каждому дѣлу безъ примѣненія правилъ о совокупности. Наконецъ, постановленіе слѣдователя о пріостановкѣ преслѣдованія помѣщается только въ тѣхъ справкахъ о судимости, которыя разсылаются судебнымъ мѣстамъ, но не выдаются частнымъ лицамъ.

Намѣченныя мѣры Беранже предпочитаетъ указанному выше предположенію о дополненіи ст. 64 code pénal, такъ какъ введеніе въ законодательство понятія о преступномъ дѣяніи, совершенномъ по крайней необходимости (délit nécessaire) представляется, по его мнѣнію, опаснымъ для общественной нравственности и угрожающимъ значительною казуистичностью при примѣненіи на практикѣ. Что же касается проекта о судебномъ помилованіи, то Беранже опасается, что эта мѣра, создавая полновластіе суда (l'omnipotence des juges), поколеблетъ основы судебной организаціи (les bases fondamentales de l'organisation judiciaire).

Далѣе въ своемъ докладѣ Беранже останавливается на томъ обстоятельствѣ, что во французскомъ ассизномъ судѣ законъ объ условномъ осужденіи примѣняется крайне рѣдко. Такъ, статистическія данныя удостовѣряютъ, что въ судахъ

исправительной полиціи число условно осужденныхъ составляетъ 23,60% общаго числа осужденныхъ, тогда какъ въ ассизномъ судѣ наказаніе отсрочивается только для 7% осужденныхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ Беранже усматриваетъ указаніе на то, что присяжные, не будучи увѣрены, что къ обвиняемому коронный судъ примѣнитъ условное осужденіе, предпочитаютъ постановить оправдательный приговоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются основанія отсрочить наказаніе лицу, совершившему преступное дѣяніе. Поэтому Беранже предполагаетъ предоставить присяжнымъ разрѣшать вопросъ объ условномъ осужденіи съ тѣмъ, чтобы при наличности достаточныхъ къ тому основаній имъ предлагался особый вопросъ по этому предмету.

Затѣмъ Беранже признаетъ цѣлесообразнымъ установить minimum срока пріостановки наказанія по закону 1891 года до трехъ лѣтъ, при чемъ отъ суда зависѣло бы, сообразуясь съ обстоятельствами дѣла, пріостанавливать приговоръ о наказаніи отъ трехъ до пяти лѣтъ.

Наконецъ Беранже считаетъ цѣлесообразнымъ распространить дѣйствіе закона объ условномъ осужденіи на военные суды.

По приведеннымъ основаніямъ Беранже внесъ на разсмотрѣніе сената предложеніе о дополненіи ст. 130 code d'instruction criminelle такимъ постановленіемъ: „Въ случаѣ, когда обвиняемый не былъ ранѣе приговариваемъ къ заключенію въ тюрьмѣ за преступленіе или проступокъ, если притомъ наказаніе за проступокъ не превышаетъ двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія или вознагражденіе за вредъ не превосходитъ 300 франковъ, судья, удостовѣрившись въ достаточности уликъ, можетъ постановить о предостереженіи обвиняемаго (ordonnance de simple avertissement). Объ этомъ постановленіи извѣщаются въ двадцать четыре часа обвиняемый, прокуроръ и гражданскій истецъ, которые могутъ обжаловать распоряженіе судьи въ обвинительную камеру въ теченіе пяти дней. Подобное же право въ теченіе десяти дней принадлежитъ генеральному прокурору. Распоряженіе о предостереженіи заносится въ справку о судимости № 1. Если въ теченіе срока, не менѣе трехъ и не болѣе пяти лѣтъ,

назначеннаго судьею, обвиняемый не былъ вновь привлеченъ къ отвѣтственности и присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ или къ наказанію болѣе строгому за преступленіе или проступокъ, то постановленіе о предостереженіи считается какъ бы несостоявшимся (l'ordonnance est comme non avenue). Въ противномъ случаѣ, преслѣдованіе по первому дѣлу продолжается, при чемъ наказаніе не поглощается наказаніемъ по второму дѣлу"[1]. Кромѣ того въ проектѣ Беранже намѣчены указанныя выше дополненія закона 26 марта 1891 года объ условномъ осужденіи.

Таковы новѣйшія законодательныя предположенія, возбужденныя во Франціи. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, законопроектъ о судебномъ помилованіи. Исходя изъ въ высшей степени гуманныхъ соображеній, изложенныхъ Маньо въ чрезвычайно талантливой формѣ, законопроектъ о судебномъ прощеніи подкупаетъ вѣрою въ духовныя силы человѣка, въ возможность исправленія его безъ примѣненія уголовной кары путемъ одного нравственнаго воздѣйствія. Мысли, подобныя высказаннымъ Маньо, и, что̀ особенно важно, то общее сочувствіе, которое онѣ встрѣтили во Франціи, представляютъ собою какъ бы свѣжую струю воздуха, очищающую уголовное правосудіе отъ мрачныхъ выводовъ итальянскихъ антропологo-криминалистовъ, договаривавшихся до необходимости бороться съ преступниками, не вникая въ ихъ внутренній міръ, какъ съ вредными

---

[1]) Французскій текстъ предложенія Беранже о дополненіи ст. 130 code d'instr. crim. изложенъ такъ: „toutefois, dans le cas où l'inculpé n'a pas subi de condamnation antérieure à l'emprisonnement pour crime ou délit de droit commun, si la peine applicable au délit n'est pas supérieure à deux ans de prison ou si le préjudice ne depasse pas 300 francs, le juge peut après avoir constaté qu'il y a charge suffisante, rendre une ordonnance de simple avertissement. Il en donne avis dans les vingt—quatre heures à l'inculpé, au procureur de la république et à la partie civile qui ont le droit de se pourvoir devant la chambre des mises en accusation dans un delai de cinq jours. Le même droit appartient pendant dix jours au procureur général. Il est fait inscription de la dite ordonnance au casier judiciaire. Mais il ne doit en être fait mention ni sur le bulletin № 2, ni sur le bulletin № 3. Si dans un délai qui ne peut être inférieur à trois ans ni supérieur à cinq et qui est fixé par le juge dans son ordonnance, l'inculpé n'est l'objet d'aucune nouvelle poursuite suivie de condamnation à l'emprisonnement ou à une peine plus grave pour crime ou délit de droit commun, l'ordonnance est comme non avenue. Dans le cas contraire, il est donné suite à la première poursuite sans que les peines puissent être confondues".

звѣрями, какъ съ бактеріями въ общественномъ организмѣ [1]). Но какъ бы ни были заманчивы мысли составителей законопроекта о судебномъ прощеніи, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы помилованіе могло быть предоставлено суду. Подобная мѣра узаконила бы произволъ судебной власти, призванной охранять законъ путемъ правильнаго его примѣненія, и внесла бы въ ея дѣятельность слишкомъ сильное преобладаніе начала цѣлесообразности, въ ущербъ закономѣрности, что̀ конечно извратило бы самую идею суда. Нельзя въ этомъ отношеніи не согласиться съ Беранже, что предоставленіе суду миловать лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленія, поколеблетъ основы, на которыхъ покоится отправленіе правосудія [2]).

Предѣлы правъ суда по устраненію наказанія не должны, по крайнему нашему убѣжденію, идти далѣе института условнаго осужденія, въ силу котораго судъ можетъ поставить исполненіе наказанія надъ осужденнымъ въ зависимость отъ его дальнѣйшаго поведенія. Совершенное же освобожденіе отъ уголовной кары при самомъ постановленіи обвинительнаго приговора не можетъ принадлежать суду, составляя прерогативу исключительно одной верховной власти. Трудно осуществимымъ представляется намъ и предположеніе маститаго Беранже о пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія по усмотрѣнію судебнаго слѣдователя. Угроза продолженіемъ начатаго преслѣдованія въ случаѣ совершенія обвиняемымъ новаго преступленія въ теченіе извѣстнаго срока не можетъ считаться серьезнымъ стимуломъ, который бы удерживалъ обвиняемаго отъ посягательствъ, такъ какъ установленіе виновности лица въ преступленіи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ

---

[1]) Въ „Сѣверномъ Краѣ (№ 3 отъ 4 января 1902 г.) была помѣщена сочувственная статья о судебномъ прощеніи. „Для странъ“,—говорится въ этой статьѣ,—„знающихъ условное осужденіе, выговоръ, принудительный трудъ безъ заключенія,—институтъ прощенія послужитъ естественнымъ, логическимъ завершеніемъ системы мѣръ борьбы съ преступниками случайными, эпизодическими, мгновенными“.

[2]) Н. С. Таганцевъ (Лекціи, вып. IV, стр. 1833) признаетъ перенесеніе на судей права помилованія нецѣлесообразнымъ. Противъ судебнаго прощенія высказывались, между прочимъ, серьезныя возраженія на тюремныхъ конгрессахъ римскомъ и петербургскомъ.

его совершенія представитъ весьма часто серьезныя затрудненія, а при такихъ условіяхъ угроза наказаніемъ за прежнее преступное дѣяніе окажется эфемерною.

Наконецъ, что̀ бы ни говорили защитники, какъ судебнаго прощенія въ чистомъ его видѣ, такъ и скрытаго примѣненія его путемъ пріостановки уголовнаго преслѣдованія, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что подобными мѣрами создается безнаказанность преступленія, могущая ослабить въ обществѣ побужденія, удерживающія отъ преступныхъ посягательствъ. Въ закрѣпленіи этихъ побужденій видную роль играетъ извѣстная ассоціація идей между преступными дѣяніями и ихъ неизбѣжными послѣдствіями—наказаніями. При усиленіи же надежды на безнаказанность въ случаѣ совершенія преступленія ассоціація эта потускнѣетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отпадетъ и сдерживающее вліяніе ея. Къ сожалѣнію, указанная нами точка зрѣнія вовсе не принимается въ разсчетъ сторонниками судебнаго прощенія, которые исключительно исходятъ изъ соображеній объ интересахъ осужденнаго, забывая объ интересахъ всего общества.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить полнаго сочувствія предположенію Беранже предоставить присяжнымъ засѣдателямъ обсуждать вопросъ о примѣненіи условнаго осужденія. Присяжнымъ принадлежитъ въ настоящее время право признаніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ вліять на наказаніе. Казалось бы, вполнѣ послѣдовательно дать имъ полномочіе по установленію наличности основаній, при которыхъ должна быть допущена условная отсрочка исполненія наказанія. Присяжные засѣдатели никогда не могутъ отрѣшиться отъ вопроса о послѣдствіяхъ постановляемаго ими обвинительнаго приговора. Вопросъ же этотъ для каждаго судьи, добросовѣстно исполняющаго свои обязанности, имѣетъ, конечно, первостепенное значеніе. Поэтому желательно предоставить присяжнымъ всѣ возможныя полномочія, которыми они могли бы вліять на наказаніе, ожидающее подсудимаго. Только при такихъ условіяхъ они перестанутъ постановлять оправдательныя рѣшенія единственно изъ опасенія, что осужденнаго постигнетъ чрезмѣрно суровая кара.

ЗАДАЧИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ПРАВА ВЪ ГЕРМАНІИ.

С. И. Живаго.

I.

Если поставить общій вопросъ: въ чемъ заключаются причины безспорно высокаго въ настоящее время состоянія преподаванія права на германскихъ юридическихъ факультетахъ и несомнѣнной успѣшности въ занятіяхъ большинства сколько-нибудь желающихъ работать студентовъ-юристовъ, то для отвѣта на такой вопросъ необходимо вести изслѣдованіе въ двухъ различныхъ направленіяхъ.

Съ одной стороны, представляется существеннымъ выяснить по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ основныхъ условій строя и жизни германскаго университета, поскольку эти условія оказываютъ вліяніе на ученую и учебную дѣятельность разсадниковъ высшаго образованія въ Германіи вообще, а въ частности, конечно, и на преподаваніе и изученіе права на юридическихъ факультетахъ.

Съ другой стороны, не менѣе важно составить себѣ правильное представленіе о тѣхъ цѣляхъ и задачахъ, которыми руководствуются германскіе юридическіе факультеты въ постановкѣ и практикѣ преподаванія права, такъ какъ ясно, что общій характеръ преподаванія, методы и пріемы сообщенія знаній и т. п. въ любой области прежде всего зави-

сятъ отъ принципіальнаго отношенія учащихъ къ цѣлямъ и задачамъ ихъ преподавательской дѣятельности.

И та, и другая сторона общей проблемы, находясь въ тѣсной взаимной связи, въ качествѣ моментовъ, совмѣстно вліяющихъ на общее положеніе преподаванія права въ германскихъ университетахъ, допускаютъ однако, по самому характеру частныхъ подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ, болѣе или менѣе самостоятельное изученіе.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду сдѣлать попытку представить, въ извѣстной системѣ, наиболѣе существенныя данныя для характеристики университетскаго преподаванія права въ Германіи съ послѣдней изъ двухъ указанныхъ, одинаково важныхъ и въ принципіальномъ, и въ практическомъ отношеніи, точекъ зрѣнія. Мы будемъ говорить о цѣляхъ и задачахъ этого преподаванія, поскольку о нихъ можно судить по компетентнымъ отзывамъ самихъ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ и по самой постановкѣ и практикѣ учебнаго дѣла на юридическихъ факультетахъ. Но, чтобы сохранить необходимое связующее звено по отношенію къ интересующему насъ общему вопросу, нелишнимъ будетъ напомнить, что однимъ изъ наиболѣе характерныхъ элементовъ въ строѣ и духѣ нѣмецкихъ университетовъ и въ то же время исконнымъ залогомъ ихъ процвѣтанія является „академическая свобода",—свобода, понимаемая въ смыслѣ отсутствія формальныхъ преградъ къ сообщенію и пріобрѣтенію знаній и какъ необходимый моментъ для нравственнаго самоопредѣленія къ сознательному, послѣдовательному и цѣлесообразному труду, одинаково какъ для учащихъ, такъ и для учащихся. Присутствіе такой „академической свободы" оказываетъ непосредственное и, притомъ, весьма благотворное вліяніе на условія преподаванія и изученія права въ германскихъ университетахъ [1]).

---

[1]) Опытъ характеристики „академической свободы", какъ свободы ученія, и детальное выясненіе вліянія этого начала, какъ на преподаваніе права въ Германіи, такъ и на занятія нѣмецкихъ студентовъ-юристовъ, сдѣланъ мною въ статьѣ „Академическая свобода въ германскихъ университетахъ" („Вѣстникъ Европы", Декабрь 1901 г.).

Но какъ ни велико значеніе начала академической свободы для здоровой жизни и правильной дѣятельности германскихъ университетовъ, тѣмъ не менѣе едва ли можно оспаривать, что одна академическая свобода, какъ свобода ученія, не можетъ еще сама по себѣ обезпечить успѣшность и цѣлесообразность университетскихъ занятій студентовъ-юристовъ въ Германіи. Для учащихся недостаточно одного только факта отсутствія внѣшнихъ, условныхъ задержекъ на пути къ пріобрѣтенію знаній; недостаточно также и одного желанія и свободной рѣшимости юноши съ пользою употребить свои университетскіе годы на пріобрѣтеніе основательнаго образованія. Необходимо, чтобы кромѣ формальной свободы учащимся была предоставлена и матеріальная возможность найти въ самомъ университетскомъ преподаваніи всѣ главные элементы и всѣ основныя данныя для того, чтобы могла въ общемъ и цѣломъ установиться гармонія между тѣмъ, что̀ приходится слушать въ аудиторіяхъ, и тѣмъ интересомъ къ знанію, который каждый студентъ приноситъ съ собой въ университетъ. Необходимо, чтобы университетское преподаваніе было поставлено такъ полно, чтобы студентъ не испытывалъ никакого односторонняго давленія и прежде всего не оказался бы въ печальномъ положеніи вслѣдствіе самой элементарной невозможности поставить свои университетскія занятія хотя бы лишь въ приблизительное соотвѣтствіе съ тѣми цѣлями и запросами, ради которыхъ онъ ищетъ высшаго образованія вообще и тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ свѣдѣній въ частности.

Если же допустить,—и такое допущеніе едва ли будетъ ошибкой,—что хотя бы только половина студентовъ-юристовъ ищетъ въ университетѣ, кромѣ высшаго образованія, съ одной стороны, и выпускнаго диплома—съ другой, также и пріобрѣтенія основательныхъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ для каждаго „будущаго юриста", то ясно, что съ указанной выше точки зрѣнія непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго преподаванія и изученія права придется признать существованіе и цѣлесообразную постановку на юридическихъ факультетахъ курсовъ и занятій, не только не чуждающихся систематиче-

скаго руководительства учащимися въ пріобрѣтеніи такихъ знаній, но, напротивъ, ставящихъ себѣ прямою цѣлью—сообщеніе студентамъ въ законченной научной обработкѣ и въ доступномъ, цѣлесообразномъ изложеніи основательныхъ свѣденій по дѣйствующему праву, съ одной стороны, и развитіе у будущихъ юристовъ способности и навыка примѣнять свои познанія по теоріи и догмѣ права для правильнаго сужденія о юридической природѣ самыхъ различныхъ явленій и отношеній правоваго порядка—съ другой.

Только при соблюденіи этого условія, которое касается самаго характера и содержанія извѣстной части курсовъ и занятій на юридическихъ факультетахъ и потому можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ названо матеріальнымъ,—только при соблюденіи этого матеріальнаго условія, академическая свобода ученія перестаетъ быть исключительно идеальнымъ только принципомъ или же не болѣе, какъ формальнымъ факторомъ, опредѣляющимъ отношенія студента къ университету, а получаетъ непосредственное практическое значеніе высокой важности для всякаго студента, который захочетъ и сумѣетъ ею достойно и разумно воспользоваться для цѣлей серьезной подготовки къ предстоящей ему высокой дѣятельности юриста, т. е. поборника и служителя идеи права и справедливости—безразлично, будетъ ли это дѣятельность судьи, представителя обвиненія или судебнаго защитника и т. д.

Если точнѣе формулировать только-что указанное общее требованіе, и притомъ не какъ возможное или приблизительное выраженіе однихъ только ожиданій и желаній значительнаго большинства студентовъ-юристовъ, а скорѣе какъ извѣстный принципіальный постулатъ относительно самаго характера и задачъ университетскаго преподаванія права, то его можно представить, напримѣръ, хотя бы въ видѣ слѣдующаго положенія.

Преподаваніе права на юридическихъ факультетахъ, кромѣ служенія чисто-научнымъ цѣлямъ, должно преслѣдовать также и чисто-учебныя задачи въ смыслѣ систематическаго сообщенія спеціальныхъ юридическихъ знаній и развитія способности къ такъ называемому „юридическому мышленію“, т. е.

прежде всего давать основательное знакомство съ положительнымъ правомъ родной страны и способствовать къ пріобрѣтенію извѣстнаго навыка или искусства въ его примѣненіи для распознанія правоваго характера явленій и отношеній изъ жизни и практики.

Такое положеніе, конечно, нельзя выставлять бездоказательно.

Какъ извѣстный постулатъ, оно затрогиваетъ болѣе широкій, принципіальный вопросъ о томъ, насколько въ университетѣ вообще возможно и допустимо соединеніе двухъ цѣлей преподаванія и изученія: идеально-научной и практически-учебной. Если же видѣть въ этомъ положеніи непосредственное указаніе на существующій фактъ, т. е., напримѣръ, указаніе на тѣ задачи, которыя ставятъ себѣ въ настоящее время нѣмецкіе юридическіе факультеты и нѣмецкіе профессора-юристы, то такое утвержденіе тѣмъ болѣе нуждается въ доказательствахъ и должно быть обосновано не однѣми только ссылками на практику преподаванія права въ германскихъ университетахъ, но и свидѣтельствомъ самихъ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ о ихъ принципіальномъ отношеніи къ задачамъ университетскаго преподаванія права.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли и желательно ли соединеніе или сочетаніе и ученыхъ, и учебныхъ задачъ въ университетскомъ преподаваніи? Не долженъ ли университетъ, напротивъ, всецѣло сохранить значеніе свободной академіи наукъ? Не слѣдуетъ ли въ то же время государству, если оно нуждается въ лицахъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, завести съ своей стороны собственныя, чисто-профессіональныя школы для подготовки ad hoc юристовъ, врачей, учителей, богослововъ и т. п., какъ существуютъ, напримѣръ, высшія военныя учебныя заведенія, служащія цѣлямъ спеціальной, технически-служебной подготовки и совершенно чуждыя университетскаго духа и строя? Допустимъ ли и цѣлесообразенъ ли по существу дѣла какой-либо постоянный союзъ между университетомъ, какъ научнымъ установленіемъ, и государствомъ, которое черезъ посредство правящихъ органовъ

всегда выступаетъ въ качествѣ носителя цѣлей текущей практической политики [1])?

Исторія нѣмецкихъ университетовъ, а еще болѣе современное ихъ положеніе, не даютъ основаній для отрицательнаго отвѣта на всѣ такого рода вопросы. Напротивъ, на лицо неоспоримый фактъ, что, напримѣръ, медицинскія, историческія, филологическія и богословскія науки процвѣтали и процвѣтаютъ въ Германіи именно въ университетахъ и что именно изъ университетовъ выходятъ полезные дѣятели, „слуги общества и государства" на всѣхъ поприщахъ, требующихъ серьезнаго и систематическаго образованія и основной спеціальной подготовки каждой изъ только-что упомянутыхъ отраслей знанія. И это, конечно, не случайный фактъ, а наоборотъ прямое доказательство, что государство и общество, съ одной стороны, ожидаютъ отъ университетовъ не однихъ только научныхъ открытій и ученой дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а съ другой, что и сами германскіе университеты далеко не относятся съ пренебреженіемъ или равнодушіемъ къ своему учебному призванію.

Было бы по меньшей мѣрѣ излишнимъ доказывать, что въ нѣмецкихъ университетахъ культивируется и процвѣтаетъ истинная наука или что германскія universitates litterarum являются дѣйствительными источниками просвѣщенія для всякаго, кто ищетъ въ нихъ высшаго общаго образованія. Все это не подлежитъ сомнѣнію, никѣмъ не оспаривается и хорошо извѣстно и за предѣлами Германіи. Гораздо менѣе обращаютъ вниманія, т. е. гораздо рѣже указываютъ въ печати и въ разговорахъ на ту сторону ихъ дѣятельности, гдѣ каждый факультетъ, напримѣръ, медицинскій или богословскій, чтобы не упоминать пока о юридическомъ,—можетъ быть въ извѣстной степени разсматриваемъ въ качествѣ *спеціальнаго учебнаго учрежденія*, другими словами—гдѣ каждый факультетъ въ дѣйствительности пріобрѣтаетъ характеръ и исполняетъ функціи „einer Fachschule", если только можно

---

[1]) Ср. Franz von Liszt, Die Reform des juristischen Studiums in Preussen. Berlin. 1886, S. 10.

употребить такой совсѣмъ уже неакадемическій терминъ въ примѣненіи къ тѣмъ задачамъ университетскаго преподаванія, которыя носятъ отпечатокъ профессіональнаго обученія (напр., хирургическая техника).

Входить въ подробности по этому вопросу значило бы ставить себѣ задачу совершенно несоизмѣримую съ рамками нашей специальной темы. Для насъ достаточно констатировать лишь тотъ общій фактъ, что *учебныя цѣли специальной подготовки не къ ученой карьерѣ, а къ практической дѣятельности*, вообще считаются въ Германіи въ извѣстной мѣрѣ совмѣстимыми съ научнымъ университетскимъ преподаваніемъ и что эти практическія задачи дѣйствительно получаютъ осуществленіе въ нѣмецкихъ университетахъ на ряду съ ихъ исконнымъ служеніемъ наукѣ ради самой науки и истинѣ ради самой истины. Для этой цѣли вовсе не представляется необходимымъ подвергать анализу все дѣло университетскаго преподаванія въ Германіи. Можно ограничиться ссылками на отзывы представителей нѣмецкой науки по вопросу о задачахъ университетскаго преподаванія. Эти отзывы должны въ частности пріобрѣсти тѣмъ больше убѣдительности, чѣмъ менѣе высказывающій ихъ германскій профессоръ, по своей специальности и по своимъ убѣжденіямъ, самъ можетъ быть причисленъ къ сторонникамъ такъ называемаго „практическаго направленія“ или „профессіональнаго вышколиванія“.

Однимъ изъ такихъ убѣжденныхъ противниковъ всякой односторонней профессіонализаціи университетскаго преподаванія является, напримѣръ, профессоръ *Бернгеймъ* (Ernst Bernheim) въ Грейфсвальдѣ—*историкъ* по специальности. Въ особой брошюрѣ, посвященной выясненію „современныхъ задачъ германскихъ университетовъ“, и въ актовой рѣчи, затрогивающей ту же тему въ нѣсколько иномъ освѣщеніи [1]), профессоръ Бернгеймъ при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркиваетъ свое явное нерасположеніе къ „извѣстному практи-

---

[1]) См. Ernst Bernheim. Der Universitätsunterricht und die Erfordernisse der Gegenwart. Berlin 1898; его же Die gefährdete Stellung unseren deutschen Universitäten., Rectoratsrede 1899, Greifswald.

ческому направленію" [1]). Но въ то же время онъ признаетъ, что университетское преподаваніе должно стремиться къ выполненію двухъ задачъ: оно должно, во-первыхъ, подготовлять будущихъ ученыхъ и изслѣдователей—будущихъ университетскихъ преподавателей, а, *во-вторыхъ, подготовлять къ государственной службѣ и ко всякой вообще практической дѣятельности* (Beamte and sonstige Berufspraktiker ausbilden" см. брошюру, S. 16). Въ упомянутой актовой рѣчи того же автора эта мысль развита еще подробнѣе. „На университетѣ, кромѣ призванія двигать впередъ науку, лежатъ еще двѣ задачи высокой важности. Задачи эти въ наше время кажутся какъ будто менѣе согласимыми одна съ другой, чѣмъ это было прежде. Съ одной стороны, университетъ долженъ подготовлять полезныхъ слугъ государства („дѣльныхъ чиновниковъ"—brauchbare Beamte), а съ другой—воспитывать новое поколѣніе ученыхъ и изслѣдователей. Разумѣется, правительство не можетъ не сознавать важнаго значенія этой послѣдней задачи, но въ то же время государство такъ непосредственно заинтересовано въ выполненіи первой задачи, что оно должно прилагать всѣ мѣры для цѣлесообразнаго ея осуществленія. Требованія, которымъ должна удовлетворять подготовка къ государственной службѣ и къ аналогичной дѣятельности въ какой-либо частной, практической профессіи, съ теченіемъ времени чрезвычайно возрасли; возрасла вмѣстѣ съ тѣмъ и внимательная заботливость государства въ этомъ направленіи. Правила о государственныхъ экзаменахъ въ гораздо большей степени оказываютъ опредѣляющее вліяніе на весь ходъ занятій студентовъ, чѣмъ какія-либо университетскія испытанія... Весь духъ университетскаго изученія различныхъ предметовъ обусловливается цѣлями профессіональнаго образованія (der Geist des Studiums... von den Zielen berufsmässiger Bildung bestimmt)".

Въ такомъ „современномъ положеніи дѣла" профессоръ

---

[1]) См., напримѣръ, названную брошюру, стр. 10—14, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются такія выраженія, какъ „Anhänger einer gewissen praktischen Richtung,. falsche praktische Richtung., Pseudo-Praktiker" и т. д.

Бернгеймъ видитъ даже серьезную опасность для „свободныхъ занятій чистой наукой“ (S. 14). „Но“—продолжаетъ онъ,—„мы (т. е. профессора нѣмецкихъ университетовъ) не можемъ съ своей стороны оказывать противодѣйствіе тѣмъ, что будемъ принимать на себя выполненіе этой (т. е. указанной выше—*учебной*) задачи съ неохотой (gewissermassen widerstrebend) или даже по возможности вовсе ее игнорировать. *Эта задача не устранима.* Государство можетъ и должно требовать ея выполненія. И едва ли по существу дѣла какая-либо задача можетъ быть благодарнѣе (erfreulicher), чѣмъ призваніе *подготовлять отечеству полезныхъ слугъ* для самыхъ высокихъ должностей государственной службы (seine höchsten Beamten), *подготовлять для своего роднаго народа учителей, пасторовъ, врачей и юристовъ*“.

Такимъ образомъ, общія цѣли и задачи „современнаго университетскаго преподаванія“ указаны профессоромъ Бернгеймомъ вполнѣ опредѣленно, и сторона *учебная*, имѣющая въ виду спеціальную подготовку слушателей къ тому или иному практическому призванію, *не только не устраняется въ принципъ, а, напротивъ, признается вполнѣ равноправной съ задачами чисто-научной дѣятельности профессоровъ-преподавателей.*

Другой вопросъ,—можно ли согласиться съ авторомъ по поводу многихъ деталей, какъ, напримѣръ, съ его рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ лекціонному способу преподаванія и т. п. Затѣмъ не можетъ не вызвать возраженій и та часть аргументаціи (S. 15 ff.), гдѣ проводится мысль, что обѣ указанныя раньше и далеко не покрывающія другъ друга цѣли университетскаго преподаванія могутъ быть достигнуты вполнѣ совмѣстно и одновременно совершенно однородными средствами: путемъ „равномѣрнаго обзора“ всей области знанія въ извѣстной спеціальной научной отрасли и затѣмъ сообщеніемъ студентамъ самыхъ подробныхъ и основательныхъ свѣдѣній (intime Kenntnis) относительно соотвѣтствующихъ „методовъ работы“ въ области данной спеціальности.

Позволительно предположить, что при послѣдовательномъ проведеніи такого метода, противъ котораго нельзя возражать

съ точки зрѣнія ученыхъ, теоретическихъ задачъ преподаванія, цѣли подготовки къ практическому призванію хотя бы, напримѣръ, врача или юриста, получатъ далеко неполное и едва ли вообще сколько-нибудь достаточное осуществленіе. Если допустить, что всякій занимающійся студентъ-юристъ пріобрѣтетъ дѣйствительно самое основательное знакомство съ методами изслѣдованія въ области различныхъ научно-юридическихъ дисциплинъ, то это будетъ имѣть громадное значеніе для единицъ, посвящающихъ себя научной дѣятельности, но очень мало дастъ тѣмъ многимъ сотнямъ будущихъ практическихъ юристовъ, которымъ предстоитъ также нелегкая, но совершенно иного рода работа и общую, основную подготовку которыхъ также беретъ на себя университетъ. Едва ли нужно повторять, что вовсе не можетъ входить въ задачи университета наставлять студентовъ-юристовъ въ тонкостяхъ процессуальныхъ формъ и еще менѣе вводить ихъ въ область канцелярскихъ обычаевъ и чиновничьей рутины или доказывать, что университетскія аудиторіи юридическихъ факультетовъ вовсе не предназначены для упражненія будущихъ юристовъ въ прокурорскомъ или адвокатскомъ краснорѣчіи. Такого рода знанія и опытность въ этомъ отношеніи безспорно далеко не безразличны для юриста-практика. Но для пріобрѣтенія всего этого достаточно времени по окончаніи курса въ теченіе подготовительнаго періода службы въ качествѣ кандидата у насъ или въ качествѣ референдарія въ Германіи. Задачей университета въ смыслѣ спеціальной подготовки можетъ и должно быть лишь сообщеніе будущимъ юристамъ основательнаго юридическаго образованія и основательныхъ свѣдѣній въ области дѣйствующаго права. Ясно, что цѣли такой подготовки будутъ далеко не достигнуты, если профессора, признавая въ принципѣ неустранимость и важное значеніе своихъ учебныхъ обязанностей,—въ практикѣ преподаванія будутъ держаться методовъ и пріемовъ, приспособленныхъ спеціально для подготовки своихъ слушателей къ ученой дѣятельности.

Вообще въ дѣлѣ преподаванія едва ли правильно исходить, такъ сказать, a priori отъ того или иного метода, какъ

отъ основной посылки, и желать увѣрить всѣхъ и каждаго, что именно данный пріемъ или указанная система непремѣнно должны вести къ желанной цѣли. Можетъ оказаться какъ-разъ обратное, т. е., что признаніе извѣстныхъ задачъ преподаванія будетъ въ дѣйствительности парализовано односторонностью избраннаго метода и несоотвѣтствіемъ намѣченной преподавателемъ программы или объема курса съ цѣлями преподаванія и изученія даннаго предмета. Въ пользованіи методами и пріемами преподавателю должна быть предоставлена возможно полная свобода. Многое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предрѣшается, конечно, особенностями самаго предмета преподаванія, съ одной стороны, а съ другой—тѣми индивидуальными данными, которыя находятся въ распоряженіи преподавателя.

Но что прежде всего необходимо и существенно,—это *вполнѣ ясное сознаніе задачъ преподаванія и неуклонное стремленіе къ ихъ послѣдовательному осуществленію.* При наличности такого сознанія и при серьезномъ и добросовѣстномъ отношеніи преподавателя къ своему призванію, онъ всегда найдетъ наиболѣе пригодный путь къ выполненію намѣченной задачи, хотя его пріемы могутъ значительно розниться отъ метода многихъ собратьевъ по спеціальности.

Вотъ почему мы оставляемъ вообще въ сторонѣ вопросъ о методахъ и пріемахъ преподаванія, а въ частности не будемъ входить въ разборъ предложеній профессора Бернгейма, относящихся къ этой сторонѣ дѣла. Для характеристики современныхъ воззрѣній нѣмецкихъ ученыхъ на задачи университетскаго преподаванія достаточно приведенныхъ выше основныхъ положеній профессора-историка, принадлежащаго, къ тому же, къ числу противниковъ „такъ называемаго практическаго направленія". Эти положенія, какъ было указано, сводятся къ принципіальному признанію двухъ задачъ въ университетскомъ преподаваніи—научной или ученой и учебно-практической.

Задача „подготовлять къ государственной службѣ и всякой вообще практической дѣятельности" (Beamte und sonstige Berufspraktiker auszubilden) признается „неустранимой", и за

профессорами отрицается право ее „игнорировать“ или „принимать на себя ея выполненіе съ неохотой“.

Возьмемъ еще примѣръ: позволимъ себѣ сослаться на слова представителя совершенно иной области знанія—на актовую рѣчь профессора анатоміи въ Берлинскомъ университетѣ *Вильгельма Вальдейера* [1]).

Профессоръ Вальдейеръ, какъ и профессоръ Бернгеймъ, далеко не сторонникъ „практическаго направленія“. Его основная точка зрѣнія (S. 10, 11) сводится къ положенію, что университетъ долженъ для всѣхъ требующихъ высшаго образованія профессій (gelehrter [2]) Beruf) дать общую научную подготовку; на путь практической подготовки университетское преподаваніе должно вступать, лишь поскольку это требуется для самаго пониманія извѣстной науки или же поскольку соотвѣтствующая область практической дѣятельности въ свою очередь нуждается въ руководствѣ со стороны науки.

Строго говоря, нельзя утверждать, что такое общее опредѣленіе отличается особой ясностью; какъ будто въ немъ прежде всего чувствуется именно желаніе сдѣлать какъ можно менѣе уступокъ въ пользу учебно-практическихъ цѣлей преподаванія и сохранить за университетскимъ преподаваніемъ преимущественное, если не исключительное, право на эпитетъ строго или чисто-научнаго [3]). Однако при всемъ

---

[1]) W. Waldeyer. Ueber Aufgaben und Stellung unserer Universitäten seit der Neugründung des deutschen Reiches. Berlin 1898.

[2]) Терминъ „gelehrt“ не имѣетъ значенія „ученый“ въ узкомъ смыслѣ, т. е., напр., призваніе университетскаго преподавателя. „Gelehrter Beruf“—является, напр., и профессія врача, должность пастора и т. п.

[3]) Интересную критику рѣчи профессора Вальдейера именно съ точки зрѣнія общаго вопроса, насколько основательно весьма обычное противоположеніе „чистой научности“ и „техническаго образованія“ см. Hochschul Nachrichten IX, № 98. Въ замѣткѣ мюнхенскаго журнала приводятся заимствованныя изъ вѣнской „Deutsche Zeitung“ выдержки изъ статьи профессора Toula, гдѣ въ весьма остроумной формѣ развивается мысль, что „строгая научность“, съ одной стороны, вовсе не составляетъ въ настоящее время исключительнаго свойства одного только университетскаго преподаванія, и что, съ другой стороны, самый характеръ и цѣли той спеціальной подготовки, которую получаютъ студенты на

томъ профессоръ Вальдейеръ не только не отрицаетъ, но, напротивъ, самъ указываетъ (S. 9), что *университеты имѣютъ также значеніе и назначеніе спеціальныхъ учебныхъ заведеній* („*zugleich Fachschulen*“) для богослововъ, юристовъ, учителей гимназій и врачей, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ, напримѣръ, высшія техническія школы и учебныя заведенія чисто-профессіональныя для своихъ питомцевъ.

Различіе въ степени—различіе количественное представляетъ собою уже совершенно иной и притомъ же частный, производный вопросъ. Мы не можемъ его касаться, такъ какъ для сравненія и сопоставленія пришлось бы одинаково изучить обѣ сравниваемыя величины, т. е. не только университетское, но и высшее техническое преподаваніе [1]). Для нашей цѣли достаточно указать, что при качественномъ опредѣленіи задачъ университетскаго преподаванія въ новѣйшихъ отзывахъ нѣмецкихъ профессоровъ задачи учебныя получаютъ принципіальное признаніе и что подготовка къ предстоящей спеціальной практической дѣятельности не считается несовмѣстной съ достоинствомъ университета.

Въ заключительной части своей рѣчи профессоръ Валь-

отдѣльныхъ факультетахъ въ университетѣ, вовсе уже не такъ рѣзко отличаются по существу отъ высшаго образованія по инымъ спеціальностямъ, пріобрѣтаемымъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.

[1]) По этому вопросу интересно послѣдовать правилу „audiatur et altera pars“, т. е. познакомиться съ мнѣніями профессоровъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторыя ссылки можно найти и въ самой рѣчи проф. Вальдейера, вышедшей отдѣльной брошюрой; отчасти же эта рѣчь дала поводъ высказаться представителямъ спеціальныхъ, техническихъ отраслей знанія. Ср., напр., рядъ статей Prof. A. Riedler (Scharlottenburg): Ingenieur Erziehung, Berlin 1894; Ziele der Technischen Hochschulen 1896; Unsere Hochschulen und die Anforderungen des zwanzigsten Jahrhunderts 1898; Prof. Dr. R. Lepsius, Ueber die Methode des Unterrichts auf der Technischen Hochschule, Darmstadt 1895; Director Hoyer, Ueber die Stellungsnahme der technischen Hochschulen zu den neusten Bestrebungen auf den Gebiete des technischen Unterrichts и т. п. Относительно взглядовъ Ридлера, см., между прочимъ, отзывъ профессора Ф. Паульсена въ „Deutsche Revue“ 1898, № 44 (5 Nov.). Возможность практическаго значенія и примѣненія научнаго образованія и необходимость научности въ области техническаго, профессіональнаго образованія—вотъ два пункта, которые разсматриваются съ различныхъ точекъ зрѣнія.

дейеръ специально касается учебной стороны призванія представителей университетской науки [1]). „Намъ, *учителямъ*, (uns Lehrern) [2]) призваніе наше должно быть священнымъ!... Призваніе наше вообще двоякаго рода. Мы должны быть учителями и изслѣдователями одновременно. Но я ставлю *преподаваніе, учебную дѣятельность* (das Lehren) *на первомъ планѣ*, по крайней мѣрѣ для всякаго изъ насъ, кто уже занимаетъ самостоятельную каѳедру (Ordinariat) по извѣстной спеціальности.... Я вовсе не имѣю въ виду умалять значеніе ученаго труда для каждаго изъ насъ. Но именно наша дѣятельность въ качествѣ учителей (Lehrarbeit) и есть болѣе трудная сторона нашего призванія (das mühsamere Werk), если относиться къ ней со всей той добросовѣстностью и преданностью дѣлу, какъ этого требуютъ высокія задачи университета и какъ того въ правѣ ожидать та зрѣлая молодежь, которая наполняетъ наши аудиторіи. Къ изслѣдованію, къ самостоятельной научной работѣ въ области избранной нами спеціальности мы не нуждаемся въ чьемъ-либо поощреніи.... Но каждому изъ насъ, навѣрное, иногда вовсе не легко оторваться отъ подобной излюбленной работы, чтобы должнымъ образомъ выполнять тѣ обязанности, которыя возлагаетъ на профессора его призваніе быть учителемъ (um dem Berufe als Lehrer gerecht zu werden), а этому призванію мы должны отдаваться всей душой (mit ganzer Hingabe), находить въ немъ высшую отраду и быть проникнуты самымъ искреннимъ убѣжденіемъ въ томъ, чему мы учимъ . . . и такъ изо дня въ день—безъ устали, пока хватитъ силъ!“

Едва ли кто изъ товарищей оратора во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ нашелъ бы что-нибудь возразить по существу противъ такого отношенія къ преподавательскимъ обязанностямъ профессора. Ясно въ то же время, что представленіе о призваніи быть учителемъ въ самомъ истинномъ смыслѣ слова среди германскихъ профессоровъ не ограничивается рамками такой преподавательской дѣятельности, которая

[1]) См. S. 27, въ концѣ, и S. 28.

[2]) Въ отличіе отъ Gelehrten—ученые, изслѣдователи.

имѣетъ цѣлью подготовлять лишь будущихъ ученыхъ, научно воспитывать молодое поколѣніе будущихъ профессоровъ-изслѣдователей. Напротивъ, можно утверждать, что учебныя функціи университетовъ въ настоящее время понимаются въ Германіи весьма широко и что онѣ осуществляются, говоря вообще, въ прямомъ соотвѣтствіи съ запросами и потребностями въ общемъ и спеціальномъ образованіи не однѣхъ только исключительныхъ натуръ, но прежде всего того средняго типа серьезнаго, работающаго студента, къ которому принадлежитъ по меньшей вѣрѣ половина нѣмецкой университетской молодежи.

Поэтому въ видѣ общаго положенія, т. е. оставляя пока совершенно въ сторонѣ спеціальный вопросъ о преподаваніи права на юридическихъ факультетахъ, не будетъ ошибкой сказать, что германскіе университеты разрѣшаютъ свою двоякую задачу—ученую и учебную—вполнѣ удовлетворительно. Ни наука не терпитъ ничего вслѣдствіе того, что университетъ съ формальной стороны пріобрѣлъ характеръ государственнаго установленія, ни дѣло высшаго спеціальнаго образованія съ значеніемъ общей, основной подготовки къ извѣстной практической дѣятельности, напр., врача, пастора, учителя и т. п., и не терпитъ ущерба отъ того, что оно поручено людямъ науки и ведется въ университетахъ, а не въ особыхъ школахъ съ чисто-профессіональнымъ характеромъ обученія.

Справедливо ли это общее утвержденіе въ частности также и относительно преподаванія права на юридическихъ факультетахъ?

Стоитъ только бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на безчисленное количество брошюръ, проектовъ, статей, рѣчей и т. д., которые за послѣдніе два, три десятилѣтія были посвящены спорамъ и толкамъ о необходимости самыхъ коренныхъ реформъ во всемъ дѣлѣ подготовки будущихъ юристовъ (т. е., главнымъ образомъ, чиновниковъ судебнаго и административнаго вѣдомствъ), чтобы при всемъ отсутствіи единства во взглядахъ и при всемъ разногласіи въ предложеніяхъ вынести самое опредѣленное представленіе въ томъ смыслѣ, что та подготовка, которую получали до самаго недавняго вре-

мени нѣмецкіе студенты-юристы, признавалась со всѣхъ сторонъ недостаточной и нецѣлесообразной.

Чтобы не быть голословнымъ и въ то же время не вдаваться въ подробности, не лишнимъ будетъ привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ изъ источниковъ трехъ совершенно различныхъ категорій: изъ отзывовъ юристовъ-практиковъ, со словъ парламентскихъ ораторовъ и, наконецъ, по отзывамъ самихъ нѣмецкихъ профессоровъ - юристовъ. Къ тому же сравненіе съ далеко несвободнымъ отъ справедливыхъ упрековъ прошедшимъ можетъ всего лучше оттѣнить преимущества настоящаго, а указанія на нѣкоторыя типичныя отрицательныя черты въ постановкѣ и практикѣ преподаванія права имѣютъ, пожалуй, извѣстный общій интересъ.

Вотъ, что разсказываетъ, между прочимъ, одинъ *юристъ-практикъ* (судья) о своихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ въ бытность студентомъ-юристомъ [1]). „Весною 187.. года я поступилъ въ Л...скій университетъ. Къ сожалѣнію, я началъ свои занятія правомъ у такого профессора, который скоро успѣлъ внушить ужасъ слушателямъ своими лекціями, весьма „основательными“, но безконечно скучными и исполненными педантизма“. Скоро въ аудиторіи осталось всего трое постоянныхъ слушателей; въ числѣ ихъ былъ авторъ воспоминаній и одинъ близкій родственникъ профессора. Эти трое, по словамъ автора, посѣщали лекціи не столько по чувству долга, сколько по чувству состраданія къ почтенному ученому.... „Мы ничего не вынесли изъ этихъ, безусловно весьма глубокомысленныхъ, но совершенно неприспособленныхъ къ пониманію молодаго студента лекцій. За то я получилъ твердое убѣжденіе, что юриспруденція есть нѣчто безконечно сухое; это убѣжденіе такъ утвердилось во мнѣ въ теченіе остальнаго курса, что только послѣ цѣлаго ряда лѣтъ дѣятельности въ качествѣ практическаго юриста занятія правомъ стали доставлять мнѣ удовольствіе...“ Во второмъ семестрѣ

---

[1]) См. H. Kreber. Ein Wort gegen die Herrn Professoren der Rechtswissenschaft, Wilhelmshafen. 1887; въ текстѣ брошюры указанія дѣлаются въ болѣе прозрачной формѣ.

(т. е. второе полугодіе перваго курса, по нашимъ условіямъ) авторъ воспоминаній слушалъ „пандекты“, т. е. въ то время дѣйствующее гражданское право. „Общую часть“ читалъ профессоръ, выдающійся ученый съ широкой научной извѣстностью. Однажды лекторъ забылъ принести свои записки, и лекція не удавалась безусловно. Кто-то изъ слушателей подалъ профессору учебникъ Арндтса (Arndts), по которому располагалъ свой курсъ и Л....скій ученый. Послѣ неудачныхъ попытокъ продолжать лекцію по этому руководству, ученый пандектистъ сдѣлалъ перерывъ, отправился домой за своими записками и только тогда, вооружившись завѣтной тетрадкой (Collegienheft), могъ продолжать „чтеніе“.... и т. д.

Противъ цитированной брошюры, откуда можно бы сдѣлать и еще нѣсколько характерныхъ выдержекъ, счелъ нужнымъ особенно рѣзко, хотя, быть можетъ, по тому именно и не особенно убѣдительно, возражать проф. *Гольдшмидтъ* въ своемъ обширномъ (456 страницъ) трудѣ, посвященномъ вопросамъ о преподаваніи права и объ организаціи государственныхъ экзаменовъ для юристовъ [1]). Однако возраженія заключаются, главнымъ образомъ, лишь въ ироническихъ замѣчаніяхъ по адресу молодаго юриста-практика изъ глухой провинціи; затѣмъ въ такомъ же ироническомъ духѣ указывается на мысль автора брошюры, что хорошо бы молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя юридической карьерѣ, уже передъ поступленіемъ въ университетъ немного присмотрѣться къ живому дѣлу судебной практики, если въ университетѣ имъ придется слушать лишь одну „сухую теорію“.

Не имѣя въ виду входить въ обсужденіе какихъ-либо положительныхъ предложеній по существу, укажемъ лишь на то, что изъ среды наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ и профессоровъ юристовъ нерѣдко исходили проекты совершенно аналогичные. Очевидно, они были вызываемы признаніемъ все тѣхъ же серьезныхъ недостатковъ въ обычной системѣ университетскаго преподаванія права. Весьма характерно мнѣ-

---

[1]) См. Goldschmidt. Rechtsstudium und Prüfungsordnung. Stuttgart 1887, S. 406, 2.

ніе *Дернбурга* [1]). „Чего всего болѣе недостаетъ студенту-юристу,—это наглядности изучаемаго предмета (Anschauung). Онъ долженъ изучать процессъ и не имѣетъ никакого представленія объ этомъ „механизмѣ“, ни о его громадномъ значеніи для права. Онъ долженъ усвоить вексельное право, но въ большинствѣ случаевъ онъ (по счастью) никогда не видалъ векселя. Онъ „учитъ“ принципы толкованія законовъ, а, какъ такое толкованіе совершается въ дѣйствительности, онъ не знаетъ“. Дернбургъ предлагаетъ разбить университетскій курсъ на двѣ части съ двумя годами практической службы въ судахъ въ промежуткѣ [2]). *Гольцендорфъ* предлагалъ установить своего рода „осенніе маневры“ для студентовъ-юристовъ, т. е. организовать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ промежутка между лѣтнимъ и зимнимъ семестромъ (фактически вакаціи продолжаются съ начала августа до начала ноября) правильныя занятія въ судахъ и у присяжныхъ повѣренныхъ [3]).

Указанія на то, что преподаваніе права въ нѣмецкихъ университетахъ далеко не всегда стояло на высотѣ требованій, предъявляемыхъ ему со стороны общества и государства, одинаково заинтересованныхъ въ правильной постановкѣ высшаго юридическаго образованія, можно найти и въ рѣчахъ *парламентскихъ дѣятелей*. Такъ, напримѣръ, въ стенографическій отчетъ о засѣданіи прусской палаты господъ 14 марта 1878 г. (см. Berichte S. 314) занесены слѣдующія

---

[1]) Ст. Dernburg, Reform der juristischen Studien-Ordnung, Berlin 1886, S. 22. и ff.

[2]) Въ принципѣ съ Дернбургомъ соглашается, напр., профессоръ Отто Фишеръ. См. O. Fischer. Der Rechtsunterricht und das B. GB. Iena 1896, S. 29.

[3]) См. v. Holzendorff. Deutscher und französischer Rechtsunterricht въ «Deutsche Revue», Band. XI. S. 73 ff. Правда, авторъ инкриминируемой Гольдшмидтомъ брошюры высказываетъ предположеніе, что не только студенты, но, можетъ быть, и иной изъ профессоровъ-юристовъ никогда не видалъ векселя. Къ слову замѣтить—такое знакомство въ настоящее время вполнѣ доступно всякому, и притомъ по совершенно невиннымъ источникамъ: стоитъ только раскрыть прекрасное изданіе профессора Крюкмана, гдѣ собрана масса матеріала для возможной „наглядности“ при изученіи гражданскаго права. См. Prof. Paul Krückmann. Anschauungsmittel für den Rechtsunterricht. Leipzig. 1900.

слова одного изъ членовъ палаты (K. Landrat und Geheimer Rat von Winterfeld). „Хуже всего, что юриспруденція отвлеченная и въ извѣстныхъ частяхъ скучная наука..., что молодому человѣку приходится приниматься за ученіе именно институцій и пандектъ, когда у него нѣтъ къ тому никакого особаго влеченія. Ему необходимо избрать какое-либо опредѣленное положеніе въ жизни, посвятить себя (современемъ) какой-либо практической дѣятельности, и вотъ онъ избираетъ карьеру юриста, которая представляется ему привлекательной. Онъ поступаетъ въ университетъ, весело проводитъ время, дѣлается мастерскимъ фехтовальщикомъ, „проходитъ черезъ экзаменъ“ и только затѣмъ, во время практической (служебной) подготовки къ должности, онъ начинаетъ что-либо разумѣть въ туманѣ прежняго отвлеченнаго знанія. Всякому, кто самъ все это продѣлалъ, по личному опыту хорошо извѣстно, что юриспруденція становится понятной лишь тогда, когда вступишь въ область практики; на конкретныхъ случаяхъ получается возможность изучить предметъ основательно и вознаградить себя за то, что̀ было упущено въ университетскіе годы...“ Подобныя заявленія Гольдшмидтъ, между прочимъ, называетъ „ужасающими по своей откровенности“ (erschreckende Unbefangenheit), но въ то же время онъ долженъ признать, что они, „къ сожалѣнію, слишкомъ отвѣчаютъ дѣйствительности“ [1]). Въ своихъ возраженіяхъ члену палаты господъ и тайному совѣтнику фонъ-Винтерфельду Гольдшмидтъ становится на нѣсколько оригинальную точку зрѣнія и обѣщаетъ доказать, что протестъ названнаго оратора противъ подлежавшаго обсужденію проекта увеличить продолжительность университетскаго курса для юристовъ противорѣчитъ его лойяльности и т. п. Но на этой почвѣ полемика теряетъ для насъ всякій интересъ; ясно въ то же время, что суть дѣла заключается въ томъ, что членъ прусской палаты господъ, не обинуясь, развивалъ мысль, что при такой системѣ преподаванія права, какъ она существовала въ то время (1878) въ прусскихъ университетахъ, громадное большинство

[1]) См. указанное сочиненіе S. 34.

студентовъ все равно очень мало вынесетъ изъ университета—безразлично, будетъ ли курсъ продолжаться три или четыре года.

Обратимся къ отзывамъ самихъ нѣмецкихъ *профессоровъ-юристовъ*. Вотъ, что̀, между прочимъ, разсказывалъ о своихъ личныхъ опытахъ за студенческіе годы извѣстный историкъ-юристъ профессоръ *Штёльцель* (Stölzel) на вступительной лекціи къ своему курсу, читанному зимою 1893—94 г. въ Берлинскомъ университетѣ [1]). „Въ теченіе первыхъ двухъ семестровъ у меня точно мельничные жернова ворочались въ головѣ. Я не утверждаю, что я уже тогда желалъ все усвоить, но какъ сильно мнѣ хотѣлось понять хоть что-нибудь! У насъ былъ отличный профессоръ, читавшій „Институціи"; онъ даже былъ настолько добръ, что приглашалъ насъ къ себѣ на домъ для бесѣдъ по поводу изложеннаго на лекціяхъ. Но я всегда отправлялся къ нему съ чувствомъ извѣстной робости и смущенія (Bangigkeit), хотя я усердно посѣщалъ его лекціи и занимался достаточно. И однакоже я въ то время не могъ добиться сколько-нибудь яснаго пониманія (einen Begriff gewann ich damals doch nicht)..." На приведенный отзывъ Штёльцеля ссылается, между прочимъ, другой извѣстный современный нѣмецкій юристъ—профессоръ *Гарейсъ* [2]) и замѣчаетъ, что таковы и его собственныя студенческія воспоминанія и что такова же, вѣроятно, судьба всѣхъ тѣхъ учениковъ юридической премудрости въ нѣмецкихъ университетахъ весьма недавняго прошлаго. Гарейсъ высказываетъ мнѣніе, что виноваты въ этомъ не профессора-юристы въ отдѣльности и не студенты, а прежде всего неправильная постановка преподаванія права для начинающихъ юристовъ. Гарейсъ, между

---

[1]) Эта лекція была стенографически записана слушателями и появилась въ выдержкахъ въ приложеніи къ Vossische Zeitung 5 Now. 1893 и въ Münchner Hochschul-Nachrichten № 39, хотя и не отъ имени самого Штёльцеля. Самый курсъ былъ впослѣдствіи полностью изданъ имъ подъ заглавіемъ „Schulung für die civilistische Praxis (Berlin 1894) съ посвященіемъ „Unseren jungen Juristen und ihren Berathern".

[2]) См. Gareis—Ueber die Einführung in das Studium der Rechtswissenschaft Rede. 1894, S. 4.

прочимъ, не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы протестовать противъ традиціонной системы начинать преподаваніе и изученіе права съ исторіи римскаго права и съ институцій въ томъ видѣ, какъ это практиковалось прежде въ германскихъ университетахъ.

Аналогичные взгляды высказываетъ и проф. *Кирхенгеймъ* [1]). Онъ еще за долго до введенія новаго имперскаго гражданскаго кодекса требовалъ значительнаго сокращенія необъятныхъ раньше курсовъ римскаго права и съ особенной настойчивостью протестовалъ противъ „антикварно-филологическаго" направленія въ римской юриспруденціи. По мнѣнію автора, преподаваніе римскаго права нерѣдко велось такимъ образомъ, что оно становилось „прямо вреднымъ" (durchaus verderblich). „Нельзя не пожалѣть, что такъ много даровитыхъ юношей, съ жаждой знанія и съ рвеніемъ трудиться, сразу же отпугиваются отъ юриспруденціи на лекціяхъ по исторіи римскаго права!" И во всемъ этомъ виновато „антикварно-филологическое" направленіе въ преподаваніи... „Я знаю",—говоритъ профессоръ Кирхенгеймъ,—„что многимъ слова мои не понравятся, но я знаю также, что большая часть выдающихся юристовъ согласится со мной, если я прямо заявлю, что изученіе древностей не есть правовѣдѣніе (Alterthumskunde ist nicht Jurisprudenz)". Для характеристики отношенія студентовъ къ такого рода лекціямъ профессоръ Кирхенгеймъ приводитъ достаточно выразительную фразу, которую ему приходилось не разъ слышать отъ студентовъ-юристовъ лѣтъ 15 тому назадъ: „эти лекціи—наше истинное несчастіе" (S. 23). Вмѣсто того, чтобы все жаловаться на студентовъ или возводить обвиненія противъ должностныхъ юристовъ",—замѣчаетъ профессоръ Кирхенгеймъ (S. 16),—„слѣдовало бы прійти къ болѣе основательному заключенію, что „наши юридическіе факультеты по меньшей мѣрѣ не пошли впередъ". Нельзя отстранять отъ себя всякую отвѣтственность. Напротивъ, за недостатки въ подготовкѣ (сту-

[1]) См. von Kirchenheim. Zur Reformation des Rechtsunterrichts. Leipzig. 1887. Проф. Кирхенгеймъ—редакторъ извѣстнаго Centralblat für die Rechtswissenschaft.

дентовъ-юристовъ) должны отвѣчать прежде всего тѣ, которымъ поручено дѣло этой подготовки. „По плодамъ ихъ познаете ихъ"—эта истина справедлива и въ данномъ случаѣ. Къ сожалѣнію, слишкомъ основателенъ упрекъ, что у многихъ профессоровъ-юристовъ вовсе нельзя найти плодотворную науку. Коренная ошибка такихъ ученыхъ заключается въ томъ, что они единственно для своего собственнаго удовольствія пишутъ книги съ безконечнымъ числомъ примѣчаній, что имъ нравится постоянно заниматься мелочными подробностями (Grübeleien); но имъ не приходитъ на мысль подумать о томъ, сообщаютъ ли они студентамъ что-либо полезное и толковое (Brauchbares); они не хотятъ спросить себя, выноситъ ли студентъ изъ лекціи что-либо поучительное, пробуждающее его мысль и интересъ („Anregung und Belehrung", S. 17)". Въ заключеніе своей интересной брошюры (S. 35) профессоръ Кирхенгеймъ говоритъ, что ожидаетъ вызвать своими заявленіями непріязненное къ себѣ отношеніе. Но къ такимъ откровеннымъ признаніямъ побуждаетъ его не желаніе затронуть кого-либо лично, а честь всего „сословія нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ". Авторъ увѣренъ, что его взгляды раздѣляются не только тысячами юристовъ-практиковъ, но и весьма многими изъ теоретиковъ. Если же послѣдніе по большей части предпочитаютъ отмалчиваться, то причину этого слѣдуетъ искать въ „терроризмѣ школы", въ томъ, что лично можетъ много потерять всякій, кто попытается „проложить брешь" въ заведенной системѣ и пойти противъ традиціи и рутины.

Сошлюсь для дополненія общей картины еще на докладъ, сдѣланный профессоромъ Грюберомъ (*E. Grueber*) въ Мюнхенскомъ юридическомъ обществѣ въ октябрѣ 1896 г. на тему о необходимой реформѣ университетскаго преподаванія права [1]). Касаясь вопроса о желательной постановкѣ преподаванія права вообще, профессоръ Грюберъ, который самъ ве-

---

[1]) „Die künftige Gestaltung des Rechtsunterrichts an den Universitäten". Подробнаго оффиціальнаго отчета не имѣется. Ссылки дѣлаются на основаніи матерьяла, предоставленнаго мнѣ самимъ авторомъ интереснаго доклада.

детъ, главнымъ образомъ, занятія съ начинающими юристами [1]) по римскому и гражданскому праву, заявляетъ, между прочимъ, что у него возникаютъ самыя серьезныя сомнѣнія относительно того, можно ли оставить въ учебныхъ планахъ то, что̀ до сихъ поръ предлагалось слушателямъ „подъ именемъ исторіи римскаго и исторіи германскаго права". Всякій, прошедшій самъ эту старую школу",—замѣчаетъ профессоръ Грюберъ,—„вѣроятно согласится, что все, что̀ онъ вынесъ по части свѣдѣній изъ исторіи римскаго права, сводилось къ знакомству съ формами, въ которыхъ римское право находило себѣ выраженіе, и съ исторіей органовъ, которые устанавливали право. Но, съ одной стороны, студентъ-первокурсникъ не можетъ не сознавать, что многое изъ всего этого онъ уже „училъ" въ гимназіи, а съ другой—что многое встрѣчается и повторяется въ курсѣ „Институцій", которыя вѣдь также обыкновенно полагается слушать на первомъ курсѣ. Исторія права, какъ предметъ университетскаго преподаванія, въ такой формѣ, по мнѣнію докладчика, не имѣетъ права на существованіе (ist nicht des Daseins werth!). Исторія права для *начинающихъ* юристовъ должна заключаться въ изображеніи развитія права, какъ одного изъ элементовъ культуры, и не иначе, какъ въ связи съ исторіей другихъ элементовъ (этическихъ, экономическихъ, соціальныхъ) по отдѣльнымъ періодамъ. Изложеніе должно быть простымъ и общепонятнымъ; оно должно касаться лишь существенныхъ моментовъ въ исторіи права и т. д. Очевидно, до послѣдняго времени преподаваніе исторіи права начинающимъ юристамъ не отвѣчало подобнымъ требованіямъ; профессоръ Грюберъ по крайней мѣрѣ приходитъ къ заключенію, что въ нѣмецкой литературѣ предмета нѣтъ сколько-нибудь подходящаго и соотвѣтствующаго указаннымъ постулатамъ учебника или руководства.

---

[1]) Авторъ доклада читаетъ также курсъ введенія въ изученіе права. Ему принадлежитъ первая печатная „Einführung in die Rechtswissenschaft" (въ Энциклопедіи Birkmeyer'а) послѣ замѣны въ Германіи „энциклопедіи права" курсомъ подъ этимъ названіемъ.

Можно было бы привести еще не мало аналогичныхъ отзывовъ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ, которымъ, конечно, нельзя противопоставить „exceptio malevolentiae et ignorantiae“, т. е. какъ бы отводъ съ указаніемъ на предвзятую недоброжелательность къ юридическимъ факультетамъ или на недостаточную компетентность сужденій. Впослѣдствіи, говоря объ исторіи новѣйшей реформы въ университетскомъ преподаваніи права въ Германіи, мы будемъ имѣть поводъ значительно дополнить наши настоящія указанія. Въ данномъ случаѣ достаточно отмѣтить лишь *общее впечатлѣніе*, которое является неустранимымъ, а именно, *что та подготовка и то спеціальное образованіе, которое могли получить въ германскихъ университетахъ студенты-юристы, до самаго послѣдняго времени оставляли желать весьма много лучшаго.*

Отсюда близокъ выводъ, что, быть можетъ, совмѣщеніе научныхъ, ученыхъ и учебно-практическихъ задачъ именно на юридическомъ факультетѣ представляетъ особыя непреодолимыя трудности, что именно въ области преподаванія и изученія права задачи науки и интересы жизни, съ ея неизбѣжной прозой въ родѣ заботы о хлѣбѣ насущномъ, государственной службѣ и т. д., являются безусловно несогласимыми и непримиримыми.

Между тѣмъ современная германская дѣйствительность, если можно такъ выразиться, т. е. прежде всего постановка и практика преподаванія права въ германскихъ университетахъ въ настоящее время, свидѣтельствуетъ о совершенно противномъ. Германскіе юридическіе факультеты, говоря вообще, безспорно стоятъ на высотѣ своего призванія и въ одинаковой степени въ общемъ итогѣ удовлетворяютъ требованіямъ, которыя предъявляетъ имъ и наука, и задача подготовлять для государственной службы и общественной дѣятельности образованныхъ и знающихъ юристовъ. Представленіе, что „обѣ эти задачи различны какъ по цѣлямъ, такъ и по способамъ выполненія“ (verschieden an Ziel und Lösung) [1])

---

[1]) См. W. Lexis. Die deutschen Universitäten, Berlin 1893. Статья O. Fischer, Rechtsforschung und Rechtsstudium. S. 290 u. ff.

постепенно получило должное признаніе на германскихъ юридическихъ факультетахъ. Этому весьма способствовало то высокое вниманіе, которое привлекали къ себѣ со стороны нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ работы надъ проектомъ новаго общеимперскаго гражданскаго кодекса, а затѣмъ и самое введеніе новаго уложенія въ жизнь и судебную практику, которое создавало прямую необходимость сдѣлать новое законодательство предметомъ основательнаго изученія на юридическихъ факультетахъ. Но разъ указанное убѣжденіе стало болѣе или менѣе общимъ достояніемъ, то на практикѣ оно должно было повести, если не къ полному обособленію, то къ сознательному раздѣленію и разграниченію двухъ одинаково важныхъ, но не совпадающихъ между собою задачъ. Если близко познакомиться съ общимъ характеромъ современнаго университетскаго преподаванія права въ Германіи, то нельзя не прійти къ заключенію, что такое раздѣленіе и разграниченіе дѣйствительно проводится довольно послѣдовательно: нѣмецкій профессоръ-юристъ, говоря вообще,—ученый изслѣдователь въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ библіотекѣ, въ научныхъ „семинаріяхъ" и въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ учениковъ,—но на каѳедрѣ, передъ своей обычной многолюдной аудиторіей, нѣмецкій профессоръюристъ въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ прежде всего и преимущественно *учитель права.* Иногда трудно бываетъ устранить впечатлѣніе, что въ аудиторіяхъ, во время общихъ лекцій, особенно по гражданскому праву въ системѣ новаго уложенія, какъ будто не вѣетъ духомъ изслѣдованія или, точнѣе, что *слушатели-студенты* не замѣчаютъ и не ощущаютъ непосредственно такого вѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, профессоръ призываетъ ихъ прежде всего не къ изслѣдованію, а преимущественно—(иногда же и исключительно) къ систематической работѣ надъ извѣстнымъ матеріаломъ положительнаго права, историческихъ и теоретическихъ свѣдѣній—матеріаломъ, который предлагается аудиторіи въ формѣ, наиболѣе доступной воспріятію и усвоенію. Лекція имѣетъ, главнымъ образомъ, характеръ и назначеніе руководительства къ пріобрѣтенію знаній непосредственно или же преслѣдуетъ

цѣль пріучить къ примѣненію свѣдѣній, раньше усвоенныхъ, развить способность къ самостоятельному обращенію съ юридическими фактами и отношеніями, какъ они встрѣчаются въ дѣйствительной жизни и практикѣ, и т. п.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣла нѣмецкій студентъ не чувствуетъ себя гостемъ, а то, быть можетъ, и лишь только терпимымъ чужаниномъ, въ аудиторіи, какъ бы это непремѣнно должно было быть для огромнаго большинства слушателей, если бы профессоръ не выходилъ изъ предѣловъ служенія одной только своей „отвлеченной“ наукѣ и оставался въ качествѣ преподавателя только ученымъ изслѣдователемъ. Нѣмецкій студентъ-юристъ, котораго еще такъ недавно, по характерному отзыву Рудольфа Гнейста [1]), слѣдовало считать опасно больнымъ и приходилось видѣть окруженнымъ цѣлымъ синклитомъ врачей съ цѣлымъ арсеналомъ различныхъ лѣкарствъ и совѣтовъ,—въ настоящее время этотъ нѣмецкій студентъ-юристъ производитъ впечатлѣніе вполнѣ здороваго человѣка. Такая перемѣна произошла благодаря тому, что бывшему „юному паціенту“,—если позволено продолжать удачное сравненіе Гнейста,—вмѣсто всякихъ лѣкарствъ и внѣшнихъ средствъ, въ настоящее время предлагается здоровая пища при нормальныхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ самого питанія.

Чтобы кратко охарактеризовать современное положеніе дѣла, приведу отзывъ одного нѣмецкаго профессора-юриста; быть можетъ, даже въ этомъ отзывѣ основныя черты намѣчены нѣсколько рѣзко, но по существу въ немъ вполнѣ правильно находитъ себѣ выраженіе то, о чемъ свидѣтельствуютъ и личное наблюденіе, и знакомство съ новѣйшей литературой вопроса [2]).

„Только немногіе юридическіе факультеты“,—говоритъ профессоръ Отто Фишеръ [3])—„чаще посѣщаются родовитыми

[1]) R. Gneist. Aphorismen zur Reform des Rechtsstudiums in Preussen. Berl. 1887, S. 3.

[2]) Ср., напр., Leonhard (Prof. in Marburg). Noch ein Wort über den juristischen Universitäts-Unterricht. 1887, § 1: Ziele der Rechtsbeflissenen.

[3]) См. указанную выше статью въ изданіи W. Lexis. die Deutschen Universitäten. S. 287.

и богатыми студентами, которые не ищутъ высшаго образованія ради обезпеченія средствъ къ существованію въ будущемъ (welche nicht beabsichtigen *Brotstudium* zu treiben), но посвящаютъ себя занятіямъ юридическими и государственными науками исключительно изъ идеальныхъ побужденій. Большая же часть студентовъ-юристовъ, если ихъ не привели на юридическій факультетъ особое призваніе или склонность къ наукѣ права, несомнѣнно имѣетъ въ виду будущую дѣятельность въ качествѣ судей, чиновниковъ административнаго вѣдомства, адвокатовъ и т. п. *Университетъ долженъ дать имъ необходимую для такого рода дѣятельности спеціальную подготовку:* „die Universität soll ihnen die für ihren künftigen Beruf erforderliche fachmännische Ausbildung geben"..

Въ нѣмецкомъ оригиналѣ этотъ послѣдній тезисъ звучитъ во всякомъ случаѣ нисколько недвусмысленно, хотя, пожалуй, и нѣсколько односторонне. Но, повидимому, такъ именно формулируетъ свои желанія и запросы весьма значительная часть самихъ студентовъ—„будущихъ юристовъ", и въ пользу такой формулы всегда находились и найдутся не мало голосовъ и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. И едва ли за такого рода запросами можно отрицать ихъ основательность или игнорировать ихъ жизненную неустранимость. Во всякомъ случаѣ нѣмецкіе юридическіе факультеты въ настоящее время въ весьма высокой степени считаются съ практическими цѣлями высшаго юридическаго образованія и идутъ въ этомъ отношеніи на встрѣчу серьезнымъ и разумнымъ потребностямъ своихъ слушателей, оставляя, конечно, за собой *неотъемлемое право, и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность*, судить, какими путями и при какомъ общемъ характерѣ и содержаніи курсовъ студентъ-юристъ дѣйствительно можетъ пріобрѣсти необходимое для предстоящей ему дѣятельности спеціальное юридическое образованіе [1]).

Эта послѣдняя оговорка имѣетъ важное значеніе. Ясно, что только при сохраненіи университетской автономіи и ака-

[1]) О значеніи требованій правилъ допущенія къ государственнымъ экзаменамъ см. ниже.

демической свободы преподаванія нѣмецкіе юридическіе факультеты могутъ удовлетворять своему общественному и государственному служенію, своей учебной дѣятельности, которую они осуществляютъ, какъ *свободно сознанную обязанность*, а не какъ ремесло по чужому заказу.

Но это лишь одна сторона дѣла. Необходимо имѣть въ виду, что упомянутое выше „неотъемлемое право“ юридическихъ факультетовъ въ настоящее время понимается нѣмецкими профессорами прежде всего именно какъ серьезная педагогическая обязанность. Другими словами,—это право въ настоящее время въ германскихъ университетахъ не можетъ на практикѣ получить значеніе какого-либо сувереннаго равнодушія, въ пассивномъ состояніи невозмутимой авторитетности.

Правда, и нѣмецкимъ университетамъ знакома весьма красивая общая формула, что университетъ есть прежде всего, если не исключительно, „храмъ науки“. Не менѣе близки и тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ этой основной посылки, а именно, что задача университетскаго преподавателя (academischer Lehrer) заключается лишь въ томъ, чтобы познакомить своихъ слушателей съ современнымъ состояніемъ данной спеціальной науки, хотя бы въ какой-либо одной и притомъ узко ограниченной области, а затѣмъ сообщить имъ свѣдѣнія о методахъ и пріемахъ изслѣдованія въ области данной спеціальной науки—хотя бы, напримѣръ, въ любой отрасли научнаго правовѣдѣнія [1]).

Не имѣю достаточно данныхъ, чтобы судить, и не вижу необходимости касаться общаго вопроса, поскольку упомяну-

---

[1]) См. O. Fischer, l. c. S. 291 ff: „Es wird auch für die juristischen Facultäten häufig mit besonderer Entschiedenheit betont, das sie selbst als Unterrichtsanstalten lediglich die Aufgabe hätten den idealen Cultus der reinen Rechtswissenschaft zu treiben“. Ср. также E. Haupt: Plus ultra zur Universitätsfrage, Halle 1887; Fechtner. Die praktische philosophie und ihre Bedeutung für die Rechtsstudien. Wien 1880; Leonhard. Noch ein Wort über den juristischen Universitätsunterricht. Marburg 1887 и т. п. См. также мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“, Декабрь 1901 г.—„Академическая свобода въ германскихъ университетахъ“ и приведенныя тамъ ссылки на J. G. Fichte, F. Schleiermacher, F. Paulsen,

тая формула и выводы изъ нея получаютъ примѣненіе на различныхъ факультетахъ германскихъ университетовъ. Что же касается юридическихъ факультетовъ, то на основаніи моихъ личныхъ наблюденій, относящихся къ тремъ прусскимъ и къ цѣлому ряду другихъ нѣмецкихъ Landesuniversitäten, на основаніи бесѣдъ съ нѣмецкими профессорами-юристами, а также и нѣкотораго знакомства съ литературой вопроса я бы скорѣе позволилъ себѣ высказать вполнѣ опредѣленное утвержденіе, что для огромнаго большинства преподавателей и по отношенію къ значительно большей части объявляемыхъ и читаемыхъ профессорами-юристами курсовъ эта формула не имѣетъ примѣненія ни въ прямомъ смыслѣ (идеалистическая точка зрѣнія), ни въ смыслѣ косвенномъ или извращенномъ, если можно такъ характеризовать то состояніе самодовольнаго квіетизма, когда подъ эгидой все той же красивой и идеальной формулы можетъ скрываться уже гораздо менѣе идеальное желаніе найти благовидное оправданіе своему неумѣнію или нежеланію давать аудиторіи то, что̀ требуется не ея случайнымъ настроеніемъ, не капризомъ или „вѣяніемъ времени“, не исключительно „практической тенденціей“ юридическаго образованія и т. п., а самымъ существомъ дѣла и призваніемъ профессора быть учителемъ права!

Строго говоря,—„строго“-научный или „чисто“-научный, въ указанномъ, односторонне-идеалистическомъ смыслѣ слова, характеръ на юридическихъ факультетахъ имѣютъ въ настоящее время только нѣкоторыя „семинаріи“, гдѣ, при весьма небольшомъ числѣ участвующихъ въ занятіяхъ (10—15), обсуждаются рефераты на избираемыя по соглашенію съ профессоромъ - руководителемъ темы, а затѣмъ еще и тѣ узкоспеціальные курсы, которые иногда читаются профессорами-юристами по какому-либо частному, излюбленному вопросу по большей части „privatissime, aber gratis“, т. е. безплатно и для избраннаго кружка слушателей, интересующихся тѣмъ или инымъ спеціальнымъ, научнымъ вопросомъ.

Что же касается общихъ курсовъ, читаемыхъ въ соотвѣтствіи съ факультетскими учебными планами, то они обыкновенно вообще не выходятъ за предѣлы того, что̀ съ услов-

ной „научной“ точки зрѣнія можно скорѣе назвать элементарностью. Истинный же научный характеръ такихъ курсовъ проявляется не въ какой-либо неудобопостигаемой глубинѣ или въ неудобоусвояемой детальности сообщаемыхъ свѣдѣній, а прежде всего въ ихъ образцовой систематизаціи, въ тщательномъ выборѣ всего матеріала, въ его предварительной всесторонней разработкѣ и подготовкѣ для аудиторіи примѣнительно къ среднему общему уровню воспріимчивости слушателей.

Чтобы правильно судить о дѣйствительномъ положеніи дѣла университетскаго преподаванія права въ Германіи, надо имѣть въ виду и нѣкоторыя особенности въ самомъ строѣ нѣмецкихъ университетовъ, поскольку онѣ оказываютъ вліяніе на самый характеръ изученія юридическихъ наукъ студентами [1]). Практика преподаванія и изученія права въ германскихъ университетахъ не знаетъ, напримѣръ, „готовыхъ“, стереотипно повторяющихся изъ года въ годъ литографированныхъ лекцій по важнѣйшимъ отдѣламъ курса юридическихъ факультетовъ. Напротивъ, студентамъ-юристамъ хорошо извѣстно, что на государственномъ экзаменѣ, происходящемъ не при университетѣ, а передъ смѣшанной коммисіей подъ предсѣдательствомъ одного изъ высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, отъ кандидата потребуется общее основательное знаніе предмета и прежде всего дѣйствительное знакомство съ законодательствомъ родной страны, а не простое воспроизведеніе зазубренныхъ передъ экзаменами лекцій, иногда, пожалуй, даже не въ оригиналѣ, а по конспектамъ весьма сомнительныхъ достоинствъ! Дѣйствительно, при томъ „кочевомъ“ образѣ жизни, который, благодаря исконной „свободѣ передвиженія“ (Freizügigkeit), ведетъ большая часть нѣмецкихъ студентовъ-юристовъ, мѣняя университеты почти каждое полугодіе, рѣдко случается, что въ числѣ профессоровъ, членовъ смѣшанной испытательной коммисіи, кандидатъ вообще встрѣтитъ кого-либо изъ тѣхъ, у кого онъ слушалъ основные пред-

---

[1]) Объ этомъ подробно—въ указанной статьѣ. „Вѣстникъ Европы“, Декабрь 1901.

меты курса. Такимъ образомъ, возможность удовлетворить экзаменаторовъ одной передачей случайнаго „билета" каждому изъ его учебника или изъ литографированныхъ лекцій исключена a priori; еще менѣе такого рода знанія могли бы свидѣтельствовать въ пользу кандидата въ глазахъ членовъ коммисіи изъ чиновъ судебнаго вѣдомства. А такъ какъ къ тому же составъ профессоровъ-экзаменаторовъ обыкновенно (напр., въ Пруссіи) мѣняется при каждомъ засѣданіи коммисіи и заранѣе далеко не всегда извѣстенъ кандидатамъ и такъ какъ, съ другой стороны, кандидату въ теченіе обычныхъ двухъ часовъ предлагается отвѣчать не „по билетамъ" составленной „по лекціямъ" программы, а на вопросы изъ всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ курса, то хорошій отвѣтъ на государственномъ экзаменѣ (на званіе референдарія) [1]) возможенъ, очевидно, только подъ условіемъ серьезной общей подготовки и при основательномъ знаніи главныхъ предметовъ по существу.

Вотъ такое-то именно знаніе по существу, знаніе основательное и систематическое, и сообщаютъ, говоря вообще, или точнѣе—даютъ широкую возможность пріобрѣсти каждому желающему работать студенту, юридическіе факультеты германскихъ университетовъ.

Совершенно иной вопросъ, всѣ ли студенты пользуются подобной возможностью, а также всѣ ли референдаріи, прошедшіе черезъ государственный экзаменъ, въ достаточной мѣрѣ въ свое время ею воспользовались! Надо имѣть въ виду, что нѣмецкимъ университетамъ вообще чужда тенденція заставлять студентовъ учиться [2]) и что въ частности юридическіе факультеты въ Германіи не имѣютъ никакихъ переходныхъ экзаменовъ, а государственнымъ испытаніямъ по окончаніи университета совершенно чуждъ факультетскій или узко-профессорскій характеръ [2]). Поэтому рѣчь можетъ быть только именно объ *общей постановкѣ преподаванія права*, и *оцѣнка*

[1]) Соотвѣтствуетъ нашему „*младшему* кандидату" и по нашимъ условіямъ пріобрѣталось бы вмѣстѣ съ выпускнымъ университетскимъ дипломомъ „государственной коммисіи".

[2]) См. упомянутую статью въ „Вѣстникѣ Европы" Декабрь 1901 г.

должна происходить на основаніи тѣхъ результатовъ, достиженіе которыхъ становится возможнымъ при нѣкоторомъ желаніи со стороны студентовъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что̀ предоставляется и предлагается ихъ сознательному вниманію и свободному труду со стороны ихъ руководителей, со стороны профессоровъ-юристовъ.

Такіе возможные въ указанномъ смыслѣ результаты, какіе достигаются въ настоящее время и въ дѣйствительности, нельзя не признать въ высокой степени удовлетворительными, какъ съ точки зрѣнія серьезнаго научно-юридическаго образованія, такъ и въ интересахъ самихъ кандидатовъ-юристовъ, т. е. претендентовъ на судебныя и административныя должности или на званіе судебнаго защитника, другими словами, съ болѣе специальной, „практической“, какъ принято выражаться, точки зрѣнія. Все это въ свою очередь заставляетъ признать и самую постановку преподаванія права, какъ оно ведется въ послѣднее время въ германскихъ университетахъ, въ общемъ вполнѣ цѣлесообразной. Здѣсь чувствуется продуманная и затѣмъ автономно принятая къ проведенію на практикѣ система, при сохраненіи необходимой свободы, какъ за профессорами, такъ и за студентами.

Намѣченная нами общая характеристика современнаго положенія университетскаго преподаванія права въ Германіи представляетъ, очевидно, *прямую противоположность тому впечатлѣнію, которое производитъ недавнее прошлое,* какъ оно рисуется въ согласныхъ по существу отрицательныхъ отзывахъ не только юристовъ-практиковъ, но и самихъ представителей университетской юридической науки.

Но недостаточно указать на такую противоположность, какъ на внѣшній фактъ. Необходимо отвѣтить на вопросъ, въ чемъ заключается причина такой коренной перемѣны.

Было бы странно допустить, что германскіе профессора-юристы вдругъ по какому-то вдохновенію отказались отъ прежней системы или что въ самой юридической наукѣ въ Германіи совершился какой-либо рѣзкій, неожиданный переворотъ, который столь же рѣзко отразился и на общемъ характерѣ университетскаго преподаванія права.

Несомнѣнно, что по существу дѣла причина указанной перемѣны въ университетскомъ преподаваніи права въ Германіи заключается въ томъ, что на юридическихъ факультетахъ получили преобладаніе *иные взгляды на самыя задачи преподаванія и изученія права.*

Несомнѣнно, далѣе, что новый элементъ въ томъ отношеніи представляетъ возрастающее признаніе учебныхъ цѣлей университетскаго преподаванія права на ряду съ задачами чисто-учеными.

Однако этимъ мы еще далеко не отвѣтили на поставленный выше вопросъ, а развѣ лишь указали путь къ его выясненію.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія нѣмецкихъ университетовъ не знаетъ вообще рѣзкихъ перемѣнъ въ ихъ строѣ и духѣ или неожиданныхъ реформъ, приходящихъ совершенно извнѣ. Присущій германскимъ университетамъ духъ „академической свободы" искони обезпечиваетъ правильное и постоянное развитіе въ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ культурнаго роста націи. Это общее положеніе справедливо и въ примѣненіи къ юридическимъ факультетамъ. Несомнѣнно, что за послѣднія десятилѣтія во всемъ дѣлѣ университетскаго преподаванія права произошла значительная перемѣна, но, разумѣется, не случайно и не произвольно, а въ соотвѣтствіи съ новыми условіями политической жизни и потребностями гражданскаго оборота, заявившими о себѣ съ неустранимой настоятельностью. Характеръ и общее направленіе преподаванія юридическихъ наукъ въ Германіи находятся въ близкой связи съ тѣми особенностями, которыя представляетъ исторія юридической жизни, т. е. прежде всего исторія самаго права. Не менѣе близка должна быть связь преподаванія права съ общимъ состояніемъ его изученія со стороны представителей академической ученой юриспруденціи. Эту двоякую связь и двоякую зависимость и слѣдуетъ имѣть въ виду, если задаваться цѣлью понять и оцѣнить современное положеніе дѣла преподаванія права на юридическихъ факультетахъ въ Германіи.

Намъ предстоитъ поэтому обратиться къ исторіи вопроса

и сдѣлать попытку хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить, какъ вообще въ германскихъ университетахъ въ изученіи и преподаваніи права получали признаніе „научно-ученыя“ и „учебно-практическія“ задачи, и поскольку та и другая задача находили себѣ осуществленіе въ дѣйствительности. Но такъ какъ наша главная и непосредственная цѣль заключается не въ изученіи прошлаго, а въ объясненіи и оцѣнкѣ настоящаго, то достаточно будетъ изъ исторіи права или изъ исторіи юридической науки только напомнить факты и данныя болѣе или менѣе общеизвѣстные и лишь представить ихъ въ надлежащемъ освѣщеніи съ интересующей насъ спеціальной точки зрѣнія. Затѣмъ, въ виду того, что новое и характерное въ современной постановкѣ и практикѣ университетскаго преподаванія права въ Германіи заключается, какъ было указано, въ болѣе полномъ признаніи и осуществленіи юридическими факультетами задачъ основательной и цѣлесообразной спеціальной подготовки „будущихъ юристовъ“ не къ ученой только, но и къ серьезной практической дѣятельности, наше вниманіе естественнымъ образомъ по преимуществу должно быть обращено именно на эту послѣднюю сторону дѣла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ЗАЩИТѢ ПОДДАННЫХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

(Этюдъ по дипломатическому праву).

А. I. Доливо-Добровольскаго.

I.

Введенiе.—Обзоръ различныхъ взглядовъ на сущность дипломатическаго заступничества. — Принципiальная постановка этого вопроса въ дипломатической перепискѣ.

Завѣдыванiе однимъ изъ дѣлопроизводствъ Втораго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ приблизило насъ къ обширной и разнообразной дипломатической перепискѣ по дѣламъ о защитѣ русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ, а также иностранцевъ, находящихся въ Россiи. Происходящая въ этой области коллизiя международнаго и нацiональнаго правъ порождаетъ самыя противорѣчивыя сужденiя о сущности и границахъ дипломатическаго заступничества. Нѣкоторые полагаютъ, что это заступничество не можетъ быть регламентировано въ виду чрезвычайнаго разнообразiя случаевъ, его вызывающихъ. Однако, какъ ни разнообразны эти случаи, они распадаются на двѣ категорiи, изъ которыхъ одна обнимаетъ частныя дѣла иностранцевъ между собою или съ туземцами, разрѣшаемыя мѣстной юрисдикцiей. При такихъ дѣлахъ иностранцы часто обращаются къ подлежащимъ дипломатическимъ

агентамъ за справками и за совѣтами. Эти агенты могутъ выступать ходатаями предъ мѣстными правительствами за своихъ соотечественниковъ; напр., просить объ оказаніи послѣднимъ вниманія и возможнаго снисхожденія, о пересмотрѣ или ускореніи производящихся о нихъ дѣлъ, объ облегченіи ихъ участи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже о помилованіи. Однако такое обращеніе къ мѣстному правительству не должно никогда выступать за предѣлы оффиціозныхъ ходатайствъ. Помощь, оказываемая въ такихъ дѣлахъ потерпѣвшимъ иностранцамъ, не обязательна для дипломатическихъ агентовъ и всецѣло зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія. Такое *факультативно-оффиціозное* покровительство рѣзко отличается отъ защиты *оффиціальной* (d'office). Смѣшеніе этихъ двухъ понятій замѣчается во многихъ сужденіяхъ. Намъ приходилось также слышать мнѣніе о томъ, что дипломатическое требованіе объ убыткахъ, заключая въ себѣ элементъ оскорбленія, не подлежитъ принятію правительствомъ цивилизованной страны. Нѣкоторые утверждаютъ, что иностранцы, за изъятіемъ странъ, гдѣ господствуетъ капитуляціонный режимъ, не имѣютъ никакихъ правъ на привилегированное положеніе, а потому для нихъ, во всѣхъ случаяхъ, открыты лишь тѣ пути къ возстановленію нарушенныхъ правъ, какіе установлены для туземцевъ. Происхожденіе такихъ воззрѣній, клонящихся къ отрицанію за оффиціальной защитой самого права на существованіе, будетъ разсмотрѣно во 2-й главѣ. Упомянемъ вскользь объ одномъ мнѣніи, по которому область дипломатическаго покровительства есть какое-то „пространство безъ права“ (rechtsleerer Raum), въ виду того, что дипломатія не наука, а искусство, и что защита подданныхъ должна сообразоваться съ особенностями политическаго момента, при чемъ успѣхъ ея зависитъ всецѣло отъ ловкости и даровитости дипломатическаго представителя. Опроверженіе этого взгляда, по существу, не входитъ въ нашу задачу. Въ любомъ трактатѣ систематической логики изложены основанія, по которымъ искусство, вращаясь въ кругу конкретныхъ явленій и примѣняя къ нимъ законы, установленные наукой, должно оставаться закономѣрнымъ въ интересахъ тѣхъ прак-

тическихъ цѣлей, которыя оно преслѣдуетъ. Менѣе всего мы желали бы умалить значеніе личнаго престижа дипломатическихъ агентовъ и мы убѣждены, что многіе рецепты старой дипломатической школы XVIII и начала XIX вѣка [1]) сохранили до нашихъ дней свое практическое достоинство. Само собою разумѣется, что личныя качества агента играютъ здѣсь видную роль и что къ трудному и щекотливому дѣлу защиты соотечественниковъ, находящихся за границей, дипломатическимъ представителямъ надлежитъ примѣнять крайнюю осторожность и величайшій тактъ, основанный на уваженіи къ мѣстнымъ судамъ и административнымъ учрежденіямъ. Неоспоримо и то, что извѣстныя политическія конъюнктуры могутъ оказывать чувствительное вліяніе на судьбу дипломатическихъ требованій: новѣйшая исторія знаетъ случаи, когда такія требованія не были даже вовсе предъявлены по соображеніямъ высшей государственной пользы. Однако всѣ эти факторы, какъ бы они ни были могущественны, оставляютъ еще достаточно мѣста для правомѣрности дипломатическихъ рекламацій [2]). Настоящій вопросъ встрѣчаетъ разногласіе и въ своей принципіальной постановкѣ, но это разногласіе зависитъ отъ того, что не всѣ писатели признаютъ государства единственными субъектами международнаго права; допускающіе же это положеніе нерѣдко расходятся въ его догматическомъ развитіи.

Въ дипломатической перепискѣ, насколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ былъ лишь однажды поставленъ отвлеченно, т. е. безотносительно къ тому или другому отдѣльному случаю. Опубликованные документы даютъ намъ возможность, въ заключеніе нашего введенія, привести вкратцѣ нѣкоторыя изъ мнѣній, выраженныхъ по этому поводу.

[1]) Мы разумѣемъ сборники инструкцій и циркуляровъ, а также такія руководства, какъ, напр., графа де Гардена „Traité complet de diplomatie", изданное въ 1833 году.

[2]) Позволяемъ себѣ примѣнить къ этой мысли слѣдующія памятныя слова: „Международная политика должна быть правомѣрна, если она дѣйствительно желаетъ удовлетворить не эгоистическіе и честолюбивые интересы, но законныя потребности народа, ради которыхъ существуетъ само международное право" (Ф. Ф. Мартенсъ, „Соврем. междун. право цив. народовъ", 1900, т. I, стр. 189).

16 ноября 1877 года г. Роспильози, перувіанскій министръ иностранныхъ дѣлъ, разослалъ пребывавшему въ Лимѣ дипломатическому корпусу копіи съ циркулярнаго декрета Рамона Кастиллы 1846 года [1]), мотивируя эту разсылку предположеніемъ, что содержаніе этого циркуляра миссіямъ не извѣстно. Сущность циркуляра сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) перувіанское правительство не имѣетъ въ виду вводить какія-либо измѣненія въ принципы международнаго права; его намѣреніе состоитъ, напротивъ, въ возможномъ согласованіи этихъ принциповъ съ конституціей государства; 2) иностранцамъ, считающимъ себя пострадавшими, открытъ установленный путь для непосредственнаго принесенія жалобъ; при этомъ перувіанское правительство можетъ удовлетворять ихъ требованія лишь въ согласіи съ мѣстными законами; правительство обязано охранять права иностранцевъ сообразно этимъ законамъ, и лишь сообразно этимъ же законамъ возстановленіе нарушенныхъ правъ можетъ испрашиваться; 3) правительство сохраняетъ за собой право постановлять рѣшенія въ особыхъ случаяхъ, руководствуясь международнымъ правомъ; 4) правительство можетъ принимать дипломатическія рекламаціи въ пользу иностранныхъ подданныхъ лишь въ томъ случаѣ, если эти лица предварительно обращались къ судебнымъ установленіямъ республики и имъ было отказано въ правосудіи или произошла задержка въ разбирательствѣ дѣла; 5) правительство можетъ принимать упомянутыя рекламаціи въ особыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ международнымъ правомъ, въ той, однако, мѣрѣ, въ какой удовлетвореніе предъявляемыхъ требованій является осуществимымъ; 6) въ дѣлахъ, возбуждаемыхъ иностранцами, правительство почитаетъ вошедшіе въ законную силу приговоры своихъ судебныхъ мѣстъ подлежащими неотмѣнимому исполненію.

---

[1]) Циркуляры 1846, 1857, 1859 и 1897 г.г. изложены подробно въ сборникѣ Овіедо, а также у Прадье-Фодере „Cours de droit diplomatique“ 1899, т. I, стр. 533 и слѣд.

Слѣдующіе отвѣты послѣдовали на это циркулярное сообщеніе.

Французскій повѣренный въ дѣлахъ изъяснилъ, что французская миссія будетъ по прежнему придерживаться тѣхъ постановленій декрета, которыя не будутъ противорѣчить принципамъ международнаго права, условіямъ заключеннаго между Франціей и Перу договора и практикѣ дѣлъ этого рода съ 1846 г.

Боливійскій посланникъ ограничился увѣдомленіемъ о полученіи циркуляра, выразивъ увѣренность въ томъ, что перувіанское правительство будетъ согласовать постановленія декрета съ 11 ст. договора о мирѣ и дружбѣ 1863 г., узаконяющей дипломатическія представленія въ случаяхъ явно несправедливыхъ судебныхъ приговоровъ.

Итальянскій повѣренный въ дѣлахъ сообщилъ, что онъ не считаетъ себя уполномоченнымъ, безъ предварительнаго сношенія со своимъ правительствомъ, принимать или предлагать международныя правила въ столь важныхъ дѣлахъ.

Чилійскій посланникъ указалъ, что къ условіямъ допустимости рекламацій слѣдуетъ отнести случаи явно несправедливаго судопроизводства и постановленія явно несправедливыхъ судебныхъ приговоровъ. То же замѣтилъ представитель Санъ-Сальвадора.

Германскій повѣренный въ дѣлахъ, по сношеніи со своимъ министерствомъ, выразилъ увѣренность германскаго правительства въ томъ, что упомянутый декретъ не создастъ въ будущемъ никакихъ международныхъ затрудненій, и увѣдомилъ, что сохраняетъ за собой полную свободу оцѣнки предлагаемыхъ правилъ во всѣхъ случаяхъ ихъ примѣненія, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, за отсутствіемъ договорныхъ постановленій, принципы и обычаи международнаго права, а никакъ не одностороннія распоряженія, являются условіями, опредѣляющими положеніе германскихъ подданныхъ въ перувіанской республикѣ.

Наконецъ, бразильскій посланникъ, съ своей стороны, указалъ на отказъ въ правосудіи и на явно несправедливый приговоръ, какъ на обстоятельства, обусловливающія дипло-

матическую рекламацiю. „Трактаты, заключаемые перувiанскимъ правительствомъ",—добавилъ онъ,—„санкцiонируютъ возможность дипломатическихъ представленiй въ такихъ случаяхъ, какъ бы ни было велико уваженiе къ перувiанскимъ судамъ и какъ бы ни было независимо судопроизводство отъ власти исполнительной".

Таковы нѣкоторые взгляды и сужденiя по занимающему насъ предмету.

Предстоящее изложенiе заключаетъ попытку юридическаго обоснованiя вопроса о защитѣ подданныхъ, находящихся за границей, въ мирное время [1]). Мы будемъ имѣть въ виду лишь цивилизованныя государства Европы и Америки. Анализъ объема этой защиты и оцѣнка ея средствъ вынудятъ насъ не разъ отвлечься въ сторону отъ основной темы для обозрѣнiя нѣкоторыхъ, органически съ нею связанныхъ, темныхъ и противорѣчивыхъ доктринъ.

II.

Основная точка зрѣнiя.—Моментъ экстерриторiальности въ вопросѣ о правахъ иностранца.—Права и обязанности государствъ въ ихъ отношенiяхъ къ иностраннымъ подданнымъ.—Начало и объемъ оффицiальной дипломатической защиты.

Мыслители конца XVIII вѣка единогласно признавали отдѣльную личность единственнымъ объектомъ долга. Крайнiй индивидуализмъ, отличавшiй эту эпоху, выдвинулъ двѣ конструкцiи государства: одну, основанную на идеѣ *личнаго* права, другую—на идеѣ *личнаго* долга. Первая конструкцiя, принадлежащая такъ называемой „просвѣтительной" философiи, выводила идею государства изъ договора, заключеннаго отдѣльными лицами для защиты правъ человѣка. Такъ понимаемое государство сводилось къ народному суверенитету,

---

[1]) Выдвинутый политическими событiями вопросъ о положенiи иностранныхъ подданныхъ, во время гражданскихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ, поставленъ на очередь Институтомъ международнаго права и вызвалъ докладъ проф. Б р у з а, помѣщенный въ отчетѣ Гаагской сессiи Института.

исключавшему возможность какого бы то ни было строя. Его выраженіемъ явилась „декларація правъ человѣка 1789 года“. Революціонные законодатели высказались рѣшительно противъ предложенія включить въ эту „декларацію правъ“ обязанности гражданина, такъ какъ, въ ихъ глазахъ, эти обязанности имѣли лишь отрицательное значеніе.

Вторая, также индивидуалистическая, конструкція, основанная на идеѣ личнаго долга, принадлежитъ Эммануилу Канту. Обѣ эти конструкціи, завѣщанныя XIX вѣку, подверглись коренному пересмотру, вызвавшему неизбѣжную реакцію. Первый ударъ индивидуализму былъ нанесенъ реставраціонной школой, потребовавшей подчиненія отдѣльныхъ гражданскихъ интересовъ общему цѣлому. Ея крайнимъ представителемъ явился Гегель съ его идеей абстрактнаго государства, въ смыслѣ безусловнаго господства одной коллективной воли, поглощавшей всѣ индивидуальныя. По мѣткому замѣчанію Вундта, гегелевская идея бюрократическаго государства, облеченнаго въ конституціонныя формы, такъ же хорошо примѣнима къ любому созданію Вѣнскаго конгресса, какъ и къ государству, возникшему изъ первоначальной національно культурной общности. Такое грубое преувеличеніе исчезло послѣ короткаго торжества фейербаховской философіи въ Германіи и успѣховъ возникавшаго во Франціи позитивизма. Но революціонный индивидуализмъ XVIII вѣка уже не могъ оправиться отъ нанесеннаго ему удара; уже никто не рѣшался утверждать серьезно, что гдѣ-либо и когда-либо существовалъ отдѣльный индивидуумъ естественнаго права, договорившійся съ себѣ подобными объ основаніи государства. Объектомъ дѣятельности являлась уже не единичная *личность*, а само нравственное *общеніе*.

При изученіи международнаго права мы часто вспоминали эти моменты въ развитіи права публичнаго: тамъ—индивидуумъ и общество, здѣсь—индивидуумъ, государство и общеніе международное. И здѣсь, и тамъ—борьба этихъ элементовъ, если не за существованіе, то за преобладаніе. Эта продолжающаяся до нашихъ дней борьба создаетъ самыя разнообразныя концепціи международнаго

права. Одни признаютъ субъектами международнаго права какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, впадая, то въ безъисходный лабиринтъ противорѣчій, то расширяя понятіе о международномъ общеніи до неосуществимыхъ предѣловъ. Другіе или вовсе отвергаютъ самую идею международнаго общенія, сводя международное право къ внѣшнепубличному, или же понимаютъ его, какъ международную охрану правъ государственнаго, уголовнаго, гражданскаго, торговаго и др., осуществляемую при содѣйствіи иностранной власти, при чемъ субъектами такой охраны являются правоохраняющія государства, а объектомъ—охраняемыя права. Есть писатели, признающіе объектомъ международнаго права территорію, другіе—самыя международныя отношенія. Въ числѣ различныхъ попытокъ построенія современнаго международнаго права, особое мѣсто занимаетъ ученіе, ставящее индивидуальныя права человѣка (весьма широко понимаемыя) подъ непосредственную охрану международнаго права. Въ этомъ новомъ ученіи [1]) о суверенной личности воскресаетъ прямолинейный индивидуализмъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Оно разсматриваетъ человѣка гражданиномъ не только своей страны, но нѣкоего высшаго государства (magna civitas), которому принадлежитъ обязанность охранять его индивидуальныя права. Въ крайнемъ выводѣ это ученіе приходитъ къ идеѣ всемірной конфедераціи, подъ постояннымъ контролемъ которой находятся правительства отдѣльныхъ народовъ. Превращая такимъ образомъ международное право въ федеральное, эта опасная концепція узаконяетъ постоянное вмѣшательство такихъ размѣровъ, какихъ еще не знала литература объ интервенціи. По мнѣнію Роленъ-Жакмена, признаніе независимости каждаго государства, входящаго въ составъ международнаго союза, есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній современной цивилизаціи. Отдѣльныя лица входятъ въ сферу международнаго права лишь косвенно, въ качествѣ подданныхъ отдѣльнаго государства.

---

[1]) Къ сторонникамъ его принадлежитъ извѣстный ученый Фіоре („Il diritto internazionale codificato e la sua sanzione giuridica“, Туринъ, 1890).

„Международное право есть, собственно, не право народовъ—jus gentium, но право между народами—jus inter gentes (Ф. Ф. Мартенсъ, назв. соч., I, стр. 16)".

При построеніи международнаго права важна не столько возвышенность отдѣльныхъ умозрѣній или діалектическія красоты синтеза, сколько такое сочетаніе трехъ основныхъ элементовъ (индивидуумъ, государство, международное общеніе), которое дало бы возможность успѣшно конструировать институты этого права, что̀, какъ намъ кажется, достигнуто въ системѣ, избранной профессоромъ С.-Петербургскаго университета, членомъ Institut de France, Ф. Ф. Мартенсомъ. По крайней мѣрѣ, внѣ подобной системы (jus inter gentes) мы не можемъ вообразить почву для обоснованія многихъ международно-правовыхъ институтовъ и, въ частности, занимающаго насъ вопроса, къ дальнѣйшему изложенію котораго мы и обратимся теперь.

Право дипломатическаго заступничества вытекаетъ изъ положенія, занимаемаго въ государствахъ иностранными подданными. Это положеніе есть вопросъ публичнаго международнаго права. Въ древности права иностранца признавались и охранялись лишь въ случаѣ особаго о томъ договора, заключеннаго съ его отечествомъ (такой договоръ въ Греціи назывался изополитія), или же при условіи принятія иностранца однимъ изъ гражданъ подъ свое покровительство (напр., въ Римѣ—hospitium). Взглядъ, что иностранцы могутъ имѣть только естественныя, а не цивильныя права, держался упорно, и лишь съ XVIII вѣка гражданское правосостояніе этихъ лицъ начинаетъ обрисовываться съ постепенной отмѣной различныхъ имущественныхъ ограниченій, какъ то: jus albinagii, jus detractus (вычетъ при возвращеніи въ отечество), droit d'aubaine (запрещеніе передавать имущество наслѣдникамъ, отмѣненное въ 1814 г.) и др.

Однако и въ наши дни правосостояніе иностранныхъ подданныхъ еще не нашло точнаго выраженія, что̀ отчасти объясняется вышеуказаннымъ положеніемъ, въ которомъ пре-

бываетъ до сего времени темная доктрина объ интимномъ соотношенiи трехъ правъ: частнаго, публичнаго и международнаго.

Оцѣнимъ же это правосостоянiе съ точки зрѣнiя jus inter gentes.

Допущенiе иностранцевъ и ихъ изгнанiе есть дѣло свободнаго усмотрѣнiя независимыхъ государствъ, въ силу ихъ самодержавiя и несомнѣннаго права на существованiе и самосохраненiе. Современныя пожеланiя о нѣкоторой регламентацiи допуска и изгнанiя не посягаютъ на эти основныя права [1]). Условiя современнаго международнаго транзита дѣлаютъ безполезной постановку вопроса о правѣ государства совершенно изолироваться, прекративъ вовсе допускъ иностранцевъ на свою территорiю. Что же касается изгнанiя иностранцевъ, то, хотя, къ величайшему сожалѣнiю, въ наши дни, случаются въ средѣ цивилизованныхъ народовъ одновременныя массовыя высылки, но нѣкоторое регулированiе ихъ все-же замѣтно, и уже не можетъ быть рѣчи о поголовной высылкѣ (древней „ксенелазiи").

Итакъ, государство *властно не принять иностранца* и *властно его изгнать.* Оно властно издать самыя суровыя условiя такого принятiя (напр., законъ 25 декабря 1896 г., изданный правительствомъ Трансвааля).

Но стоитъ лишь иностранцамъ быть принятыми, какъ немедленно же съ этимъ принятiемъ допускается на территорiю принимающаго государства суверенитетъ государства—отечества, съ которымъ эти иностранцы соединены публично-правовой связью подданства. И къ какимъ бы классамъ или разрядамъ ни причислялись иностранные подданные въ

---

[1]) См. Постановленiя Института международнаго права: „Декларацiя о правѣ изгнанiя иностранцевъ (Лозанна, 1888)", а также „Правила о допущенiи и изгнанiи иностранцевъ (Женева, 1892)". Мнѣнiе Гефтера о томъ, что удостовѣренiе самоличности иностранца есть единственное условiе его допущенiя, можетъ считаться одинокимъ. Единственнымъ государствомъ, ограничившимъ свои права на изгнанiе иностранцевъ является Великобританiя, гдѣ эта мѣра можетъ быть примѣнена не иначе, какъ если парламентъ предоставитъ такую власть правительству, прiостановивъ habeas corpus на нѣкоторое время (какъ, напр., въ 1793 году по отношенiю къ якобинцамъ).

странѣ ихъ пребыванія, само наименованіе выдѣляетъ ихъ въ особую группу лицъ, правосостояніе которыхъ существенно отличается отъ положенія туземцевъ, находящихся въ моральномъ и юридическомъ общеніи съ отечествомъ. Эти, если такъ можно выразиться, экстерриторіальные лучи чужаго суверенитета, сталкиваясь съ суверенитетомъ государства принимающаго, рождаютъ конфликты, которые вѣдаетъ публичное международное право, съ одной стороны, и частное—съ другой. Принимающее государство можетъ, по своему усмотрѣнію, лишить нѣкоторыхъ правъ этихъ людей, приходящихъ жить на его территорію; съ другой стороны, оно можетъ и надѣлить ихъ нѣкоторыми правами. Однако, такое лишеніе и такое надѣленіе имѣютъ границы. Если бы эти границы были точно опредѣлены, то уничтожились бы поводы къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ, и международная жизнь вступила бы на путь болѣе мирнаго развитія [1]).

Предѣломъ лишенія правъ являются основныя права человѣка, именуемыя, въ отличіе отъ правъ гражданскихъ и политическихъ, различно: неотъемлемыми, прирожденными, первоначальными, неотчуждаемыми, общечеловѣческими, индивидуальными, правами личности, общими и, даже иногда, публичными. Въ чемъ состоятъ эти права, признаніемъ которыхъ обусловливается самое ученіе о субъектѣ и объектѣ права вообще? Нѣкоторыя изъ нихъ настолько очевидны, что даже не названы въ законодательствѣ, и они могутъ быть выведены, какъ изъ общаго смысла законовъ, такъ, въ особенности, изъ ученія объ уголовной охранѣ законовъ о состояніи. Подъ этими правами мы разумѣемъ нижеслѣдующія: 1) право жизни, тѣлесной неприкосновенности, право личной свободы и чести; 2) право собственности [2]), вступленія

[1]) По поводу неотъемлемыхъ правъ человѣка Ф. Ф. Мартенсъ говоритъ: „. . . если бъ государства дѣйствительно считали эти права присущими человѣческой личности и санкціонированными международнымъ общеніемъ, то устранились бы сами собою многіе случаи коллизіи законодательствъ и взаимныя препирательства государствъ, объяснимыя лишь излишне преувеличеннымъ значеніемъ, которое правительства придаютъ территоріальному закону или просто своимъ усмотрѣніямъ“ (назв. соч., стр. 340—41).

[2]) Право собственности можетъ подвергнуться ограниченію лишь по высшимъ

въ обязательства, заключенія брака и основанія семьи; 3) право обращенія къ власти и право судебной защиты. Эти права настолько охраняются судами всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, что, какъ намъ кажется, всѣ они сводятся къ одному важнѣйшему праву—праву судебной защиты. Отсюда мы заключаемъ, что суверенитетъ принимающаго государства, поражая права иностранцевъ, можетъ выступить за предѣлы, воздвигнутые публичнымъ международнымъ правомъ, лишь въ случаѣ отказа въ правосудіи. Нѣкоторые писатели расширяютъ область основныхъ правъ, включая въ нее свободу обученія, печати, ассоціацій и т. д., что̀ кажется намъ грубымъ заблужденіемъ, такъ какъ это—права не личности, а права коллективныя, тѣсно связанныя съ формой правленія и могущія оказывать на нее вредное и разрушающее вліяніе. Здѣсь опять мы сталкиваемся съ отголосками естественно-правовыхъ воззрѣній, затрудняющихъ догматическую обработку международнаго права.

Съ другой стороны, есть предѣлъ и щедрости въ надѣленіи правами иностранцевъ. Государство не вправѣ даровать такія права, которыя парализовали бы экстерриторіальное дѣйствіе иностраннаго суверенитета, связанное съ фактомъ подданства. Иностранцы не могутъ быть уравнены съ туземцами въ политическихъ правахъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на такія права, какія бы заслуги, по отношенію къ странѣ своего пребыванія, они за собою ни сознавали. Индигенатъ или инколатъ мыслимъ лишь въ союзномъ государствѣ, гдѣ онъ представляетъ не столько международный, сколько политическій интересъ. Ничто, однако, не можетъ воспрепятствовать государству признать за иностран-

---

соображеніямъ государственной безопасности. Такое ограниченіе можетъ, напр., быть примѣнено по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ, расположеннымъ вблизи укрѣпленныхъ мѣстъ. Нашимъ закономъ 14 марта 1887 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго и въ 11-ти другихъ, преимущественно юго-западныхъ, иностранцамъ воспрещено пріобрѣтеніе внѣ портовыхъ и другихъ городскихъ поселеній права собственности на недвижимыя имущества, а равно права владѣнія и пользованія такими имуществами, отдѣльнаго отъ права собственности, въ частности же вытекающаго изъ договора найма или аренды.

цами какія угодно политическія права, лишь бы, при этомъ, не были на нихъ возложены вытекающія изъ этихъ правъ обязанности, какъ то: воинская повинность, служба по выборамъ и др. [1]). Надѣленіе частными правами имѣетъ также границу: мѣстный законъ выступаетъ за предѣлы своего господства, когда его примѣненіе отражается на правосостояніи лицъ, находящихся внѣ сферы его дѣйствія; таковъ, напр., случай опредѣленія дѣеспособности, правъ семейственныхъ и пр.

Государство, въ цѣляхъ поощренія иммиграціи, властно облегчать по своему усмотрѣнію условія натурализаціи, но оно не въ правѣ насильственно натурализовать иностранца. Венецуэльскій законъ 18 мая 1855 года гласилъ въ 7-й статьѣ, что „иммигранты обязываются принять натурализацію по прибытіи". Бразильскій декретъ 14 декабря 1889 года гласилъ: „бразильское подданство распространяется на всѣхъ иностранцевъ, находившихся въ Бразиліи въ день основанія республики, а также на тѣхъ, срокъ пребыванія которыхъ въ странѣ превыситъ два года со дня обнародованія этого декрета". Эти законы были отмѣнены послѣ дипломатическихъ представленій со стороны Франціи и Англіи [2]).

Таковы двѣ крайнія грани, между которыми мѣстный суверенитетъ можетъ проявлять свою власть въ какой угодно формѣ. Обыкновенно эта власть выражается въ подчиненіи иностранцевъ мѣстнымъ юридическимъ порядкамъ [3]), при

---

[1]) Статьей 22-й аргентинской конституціи 1860 г. (и ст. 847 гражд. улож.) иностранцы почти сравнены съ мѣстными подданными въ политическихъ правахъ. 8-я ст. англійскаго закона 12 мая 1870 года обязываетъ иностранцевъ, прожившихъ въ Англіи свыше 10 лѣтъ, исполнять обязанности присяжныхъ засѣдателей, наравнѣ съ англійскими подданными. 17-я ст. итальянскаго закона 20 марта 1865 года распространяетъ муниципально-избирательное право на тѣхъ жителей бывшихъ итальянскихъ провинцій, которые еще не приняли итальянскаго подданства. (Thomas, „La Condition des Etrangers", Rev. gén. de Droit intern. publ. 1897, № 5).

[2]) Thomas, назв. соч.

[3]) Въ этой сферѣ иностранцы не могутъ претендовать ни на какіе привилегіи сравнительно съ туземцами. Эта мысль ясно формулирована въ нижеслѣдующихъ сочиненіяхъ: Ф. Ф. Мартенсъ—назв. соч., т. I, стр. 346; Гефтеръ—Europäisches Völkerrecht, 1888, 136 (прим. Геффкена); Гольцендорфъ—Handbuch des Völkerrechts, II, 641, 67, Encyclopädie der Rechts wissenschaft (Stoerk),

чемъ они считаются въ этой области временными подданными (subditi temporarii) и пользуются почти повсюду гражданской равноправностью (гражданскій индигенатъ). Эта равноправность, провозглашенная Оксфордскимъ собраніемъ Института международнаго права въ 1880 г., предусматривается не только въ законодательствахъ, но и въ торговыхъ трактатахъ, опредѣляющихъ равенство въ пользованіи всѣми торговыми средствами, условіями, льготами, а равно и въ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ. Нѣкоторымъ исключеніемъ является Франція, гдѣ еще (по крайней мѣрѣ въ теоріи) живы рецепты естественнаго права. Въ этомъ государствѣ еще существуетъ постановленіе, въ силу котораго иностранецъ, не живущій во Франціи, можетъ быть вытребованъ французскимъ судомъ для исполненія обязательствъ, принятыхъ имъ на себя во Франціи и даже за границей относительно француза; это постановленіе парализируется, впрочемъ, нѣкоторыми договорами Франціи съ другими государствами. Иски по дѣламъ иностранцевъ между собою принимаются къ разсмотрѣнію судами всѣхъ государствъ, за изъятіемъ Франціи. Одновременное существованіе въ разныхъ странахъ различныхъ судебныхъ властей и различныхъ законодательствъ создаетъ конфликты правовыхъ нормъ, которые находятъ свое разрѣшеніе въ такъ называемомъ „частномъ международномъ правѣ“, образующемъ особую дисциплину, могущую считаться частью дѣйствующаго права различныхъ государствъ (такой взглядъ общепринятъ въ Англіи и С. Америкѣ). Примѣненіе того или другаго закона имѣетъ значеніе не простой аналогіи и не зависитъ отъ comitas gentium, но опредѣляется, по выраженію Савиньи, центромъ тяжести юридическаго отношенія.

---

§ 38, 1300; Блунчли—Modernes Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt, § 389; Филлиморъ—International Law, III, гл. III, § 332; Hall—Int. Law, § 87; Функъ-Брентано и Сорель—Précis du droit des gens, 226; Баръ—Lehrbuch des Int. Priv. und Strafrechts, 217; Мартицъ—Das Recht der Staatsangehörigkeit im Int. Verkehr (Hirt's Annalen, 1875); Прадье-Фодере—Traité de droit int. public, §§ 200, 207; Фіоре—Nuovo Diritto Internazionale, I, § 648.

Таковы, съ точки зрѣнія jus inter gentes, двѣ границы, опредѣляющія права и обязанности государствъ въ ихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ подданнымъ. Первая граница устанавливаетъ демаркаціонную черту, выдѣляющую перечисленныя нами основныя права иностранца, сводящіяся къ праву судебной защиты; вторая граница намѣчаетъ черту, опредѣляемую экстерриторіальнымъ дѣйствіемъ иноземнаго суверенитета, вытекающимъ изъ понятія о подданствѣ.

Нарушеніе этихъ двухъ границъ, а также особо выговоренныхъ по трактатамъ правъ и преимуществъ, вызываетъ дипломатическое заступничество, уже не факультативное и оффиціозное, но обязательное, оффиціальное (d'office), неудовлетвореніе котораго можетъ повести къ реторсіи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ разрыву дипломатическихъ сношеній. Замѣтимъ, что отказъ въ правосудіи не слѣдуетъ толковать въ узкомъ смыслѣ отказа въ принятіи предъявленнаго иска къ разсмотрѣнію; онъ обнимаетъ и случаи умышленнаго постановленія неправильныхъ рѣшеній, вопреки ясному смыслу закона и очевиднымъ обстоятельствамъ дѣла; событія новѣйшихъ временъ, къ сожалѣнію, оправдываютъ взглядъ, что суды не вездѣ внушаютъ къ себѣ одинаковое довѣріе и что они не всегда достаточно свободны отъ вліянія національныхъ антипатій и предразсудковъ. А потому нѣтъ ничего сложнѣе и щекотливѣе построенія дипломатической рекламаціи, основанной на отказѣ въ правосудіи. Чрезвычайное значеніе такой рекламаціи обязываетъ дипломатическаго агента къ особой осторожности: онъ долженъ основывать свои требованія не на одностороннихъ заявленіяхъ своихъ соотечественниковъ, но на тщательномъ изученіи дѣла, пользуясь совѣтами опытныхъ юрисконсультовъ. Въ особенности важно по возможности точное опредѣленіе убытковъ, заявляемыхъ пострадавшими лицами весьма часто въ явно преувеличенныхъ размѣрахъ.

Поводомъ къ рекламаціи объ убыткахъ можетъ явиться и такая высылка иностранцевъ, внезапность которой не дала возможности высылаемымъ устроить или ликвидировать дѣла и имущества. Однако, и такая высылка можетъ не узаконить

рекламаціи въ томъ рѣдкомъ случаѣ, когда она была дѣйствительно вызвана высшими соображеніями государственной безопасности. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, если поведеніе изгнанныхъ было безупречно, то, казалось бы, что причиненные стремительностью такой высылки убытки подлежатъ возмѣщенію, такъ какъ не можетъ же государство въ мирное время осуществлять свои политическія цѣли на счетъ проживающихъ на его территоріи иностранцевъ.

Дипломатическое покровительство распространяется и на тѣхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе натурализаціи, состоятъ въ подданствѣ государства, представляемаго дипломатическимъ агентомъ, и въ то же время еще не утратили подданства того государства, гдѣ этотъ агентъ аккредитованъ. Защита такихъ лицъ, въ случаѣ отсутствія спеціальныхъ договорныхъ постановленій, требуетъ особаго такта и чрезвычайной осторожности. Въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ оффиціальное заступничество граничитъ съ оффиціознымъ.

Подавляющее большинство изученныхъ нами дѣлъ о защитѣ подданныхъ, находящихся за границей, вызвано убытками отъ незаконныхъ дѣйствій иностранныхъ должностныхъ лицъ. Возможна ли въ случаяхъ подобнаго рода дипломатическая рекламація объ убыткахъ? Предшествующее изложеніе не даетъ на это прямыхъ указаній. Разрѣшеніе же этого вопроса, въ томъ или другомъ смыслѣ, весьма желательно. Мы помнимъ случаи, когда этотъ вопросъ вызывалъ томительную переписку, длившуюся многіе годы, при чемъ дипломатическіе агенты различныхъ націй, зачастую въ противность своему интимному убѣжденію, тратили не мало труда и искусства въ безплодныхъ попыткахъ согласовать свои доводы съ внутреннимъ законодательствомъ представляемыхъ ими государствъ.

По нашему глубокому убѣжденію, такой вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ внутреннимъ законодательствомъ, безотносительно къ условіямъ международнаго общенія. Порождаемыя этимъ вопросомъ принципіальныя недоразумѣнія происходятъ, какъ намъ кажется, отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ невыработки въ гражданскомъ правѣ общаго правового взгляда на значеніе момента вины въ вопросахъ гра-

жданской отвѣтственности, а также на внѣдоговорную отвѣтственность юридическихъ лицъ вообще и казны, въ частности; 2) отъ невыясненности въ публичномъ правѣ вопроса о томъ, можетъ ли государство въ указанной сферѣ быть разсматриваемо, какъ юридическое лицо, и, наконецъ, 3) отъ неудовлетворительнаго развитія въ международномъ правѣ ученія о такъ называемыхъ публично-международныхъ деликтахъ и объ отвѣтственности государства за дѣйствія его подданныхъ, когда-то выводившейся Гефтеромъ (и нынѣ Виссе)[1]) изъ обязательства ex delicto.

Къ разсмотрѣнію этого интереснѣйшаго вопроса мы и обратимся въ предстоящей главѣ.

III.

Моментъ вины въ процессѣ объ убыткахъ.—Имущественная отвѣтственность должностныхъ лицъ.—Юридическія корни идеи государственнаго вознагражденія; ея мѣсто въ публичномъ правѣ цивилизованныхъ государствъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Въ основаніе дѣйствующихъ законодательствъ по гражданскому праву легъ римскій принципъ, по которому человѣкъ отвѣчаетъ лишь за убытки, причиненные по его винѣ. На этомъ началѣ, какъ на фундаментѣ, было построено все тончайшее, филигранное зданіе гражданской отвѣтственности за правонарушенія. Незыблемость такого фундамента долго не внушала сомнѣній, и институтъ возмѣщенія вреда пребывалъ неразрывно связаннымъ съ идеей виновности (culpa). Объемъ вины пришлось классифицировать по степенямъ; въ австрійскомъ и прусскомъ уложеніяхъ были установлены преступленія важныя (culpa lata), маловажныя (culpa levis), незначительныя (culpa levissima). Во французскомъ кодексѣ нерадѣніе (négligence) отдѣлялось отъ неосторожности (imprudence). Неосторожность въ Австріи, Швейцаріи, Саксоніи и др. подраздѣлилась на „грубую“ и „легкую“. Само нерадѣніе въ англійской юриспруденціи распалось на множество

[1]) Wiesse, „Le droit int. appliqué aux guerres civiles“, 1898.

видовъ [1]). Понятія права гражданскаго благополучно сплетались съ законами уголовными, по которымъ, дѣйствительно, родъ и степень вины опредѣляютъ родъ и степень взысканія. Начало culpa пріобрѣтало характеръ аксіомы чистаго права и раздѣлялось лучшими юристами (довольно назвать имена Іеринга и Сурда). Само вознагражденіе за вредъ назначалось подъ явнымъ вліяніемъ романистическаго начала, возникшаго въ рабовладѣльческую эпоху и не признававшаго матеріальной оцѣнки умственнаго труда [2]). Такимъ образомъ построенная система гражданской отвѣтственности привела въ юриспруденціи къ такому судейскому произволу, что современный процессъ объ убыткахъ, по мнѣнію Принтца [3]), въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть безъ преувеличенія приравненъ къ отказу въ правосудіи.

Однако, на ряду съ римскимъ началомъ виновности, воскресъ и древне-германскій принципъ причиненія, по которому лицо отвѣтствуетъ за самый фактъ причиненія ущерба, безотносительно къ моменту вины. При разработкѣ швейцарскаго кодекса было предложено внести въ него общее на-

---

[1]) Smith, „Treatise on the Law of Negligence", 1880.

[2]) „Римское receptum naturum относилось лишь къ вреду имущественному. По римскому праву, въ случаѣ причиненія смерти свободному человѣку присуждалось лишь вознагражденіе въ 50 золотыхъ (quinquaginta auroreorum). Подробной оцѣнки ущерба римское право въ этомъ случаѣ не допускало на томъ основаніи, что тѣло свободнаго человѣка не подлежитъ оцѣнкѣ". (Гордонъ „Принципъ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ", 1887, стр. 23).

[3]) Въ введеніи къ проекту статей о вознагражденіи за вредъ Э. Э. Пирвица (1890 г.) цитируются, между прочими, мнѣнія Принтца и Пестржецкаго (Журн. гражд. и угол. права 1873 г. кн. 2 стр. 90, кн. 3, стр. 62). Пестржецкій также находитъ, что „убѣжденіе въ трудности выигрывать иски о доходахъ и убыткахъ проникло въ сознаніе общества, и, въ большинствѣ случаевъ, ни тяжущіеся, ни ихъ повѣренные, вчинающіе такіе иски, не могутъ быть увѣрены въ благопріятномъ исходѣ своего процесса. Предъявленіе иска о доходахъ и убыткахъ всегда,—если не говорить о нѣкоторыхъ видахъ этого процесса, отличающихся особенной очевидностью и опредѣленностью предъявляемыхъ требованій,—соединено съ рискомъ для тяжущагося. Только горячее убѣжденіе просителя въ правахъ своего иска можетъ заставить его рѣшиться испробовать свое счастье въ судебномъ процессѣ, пренебрегая невыгодными послѣдствіями, ожидающими его въ случаѣ вѣроятнаго проигрыша дѣла".

чало о томъ, что лицо отвѣтствуетъ за убытки, причиненные имъ и безъ его вины; это предложеніе вошло въ смягченномъ видѣ въ ст. 58, гласящую: „по основаніямъ справедливости, судья можетъ присудить вознагражденіе, въ части или въ цѣломъ, и съ лица невмѣняемаго, причинившаго ущербъ [1])“. Однако знаменитыя слова Прудона „on ne doit pas faire le procès à la fragilité humaine“ еще сохраняли свое обаяніе. Пока дѣло шло объ отвѣтственности физическихъ лицъ, германское начало съ трудомъ пролагало себѣ путь, но круто измѣнившіяся формы экономической жизни поставили его внезапно на очередь. На всемірной аренѣ появились громадныя промышленныя предпріятія, желѣзныя дороги и паровой флотъ. Постоянная опасность для жизни и имущества людей, связанная съ функціонированіемъ такихъ предпріятій, потребовала урегулированія отвѣтственности, какъ физическихъ, такъ и юридическихъ лицъ, въ интересахъ которыхъ эти предпріятія возникли. Принципъ виновности оказался непримѣнимымъ, и тогда, силою вещей, sans coup férir, теорія причиненія тихо и властно вступила въ жизнь [2]). Проектъ нашего новаго гражданскаго уложенія уже отступаетъ отъ романистическаго начала; что же касается проекта будущаго уголовнаго уложенія, то изъ него вовсе исключенъ элементъ вознагражденія за вредъ, такъ что возмѣщеніе убытковъ можетъ быть отыскиваемо только по правиламъ гражданскаго права. Римскій принципъ, подъ опасеніемъ совершеннаго изгнанія, могъ войти въ новую обстановку лишь въ замаскированномъ видѣ, создавъ новое понятіе скрытой или предположенной вины (hypothèse de faute или présomption de faute). У Гордона (стр. 52) можно найти указанія на то, какъ, такимъ путемъ, французская судебная практика, безъ содѣйствія законодателя, выработала почти цѣлое желѣзнодорожное право.

При такомъ юридическомъ вооруженіи и при одновремен-

---

[1]) Гордонъ, стр. 40.

[2]) Этотъ моментъ въ морскомъ правѣ подробно изложенъ въ 3 части нашей записки о морскихъ аваріяхъ (2 выпускъ „Конс. Донесеній“ за 1900 г.).

номъ существованіи принципа причиненія и замаскированнаго начала вины, институтъ возмѣщенія вреда, послѣдовательно развиваясь, вторгся въ область публичнаго права съ новымъ ученіемъ объ имущественной отвѣтственности государства за незаконныя дѣйствія его должностныхъ лицъ.

Въ литературѣ и судебной практикѣ единогласно признается, что такая отвѣтственность несомнѣнна и должна строиться по общимъ началамъ гражданскаго права, когда должностныя лица причиняютъ вредъ при совершеніи дѣйствій, регулируемыхъ этимъ правомъ (напр., по мнѣнію Сурда,—при управленіи государственными имуществами, завѣдываніи желѣзными дорогами и промыслами, при производствѣ публичныхъ работъ по гражданскому или военному вѣдомству, при постройкѣ кораблей, изготовленіи оружія, пороха и т. п.). Таковъ взглядъ и нашей юриспруденціи, допускающей въ такихъ случаяхъ субсидіарную отвѣтственность казны.

Но это единогласіе, и въ наукѣ, и въ судебной практикѣ, исчезаетъ, когда дѣло идетъ о вредѣ, нанесенномъ должностными лицами, выступающими въ качествѣ представителей публичной власти. За отвѣтственность государства въ такихъ случаяхъ весьма энергично высказались въ литературѣ Пфейферъ, Цахаріэ и Лоранъ; Моль, Штейнъ и Блунчли высказались рѣшительно противъ, при чемъ послѣдній замѣтилъ, между прочимъ, что расширеніе отвѣтственности государства за дѣйствія его чиновниковъ можетъ оказать гибельное вліяніе на финансы страны; Ленингъ, вообще отрицая эту отвѣтственность, выразилъ однако пожеланіе о расширеніи ея de lege ferenda въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ.

Большинство дѣйствующихъ законодательствъ проникнуто римскимъ началомъ, не допускающимъ имущественной отвѣтственности при отсутствіи вины. По нашему уставу уголовнаго судопроизводства, должностныя лица, подобно частнымъ лицамъ, отвѣчаютъ *лично* за себя, и, въ случаѣ ихъ несостоятельности, государство за нихъ не отвѣчаетъ, какъ, напримѣръ, въ Саксоніи и Виртембергѣ. Порядокъ принесенія частныхъ жалобъ опредѣленъ 1085 ст. уст. гражд. суд., по которой жалобы на преступленія по должности и просьбы о возмѣщеніи

убытковъ, причиненныхъ этими преступленіями, приносятся въ порядкѣ *административномъ.* Высшіе чины первыхъ трехъ классовъ предаются суду за преступленія по должности не иначе, какъ по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, которое и служитъ основаніемъ обвинительному акту. Жалобы на прочихъ лицъ (не выше 4-го класса, въ томъ числѣ и губернаторовъ) приносятся, какъ извѣстно, въ Первый Департаментъ Сената. Право *жалобы* на должностныхъ лицъ обращается въ право *иска* лишь въ томъ случаѣ, когда причинившія ущербъ административныя распоряженія не заключаютъ въ себѣ признаковъ преступленія по должности (т. е. превышенія или злоупотребленія власти). Такой искъ за вредъ, причиненный нерадѣніемъ, неосмотрительностью или медленностью должностнаго лица, не требуетъ предварительнаго опредѣленія свойства дѣянія и потому предъявляется по общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства. Этотъ искъ разсматривается смѣшаннымъ присутствіемъ членовъ суда и представителей администраціи, устанавливающимъ виновность подсудимаго и могущимъ опредѣлить сумму вознагражденія лишь въ томъ случаѣ, когда количество убытковъ *удостовѣрено положительно.* Иначе, истецъ можетъ требовать вознагражденія въ порядкѣ исполнительнаго производства или же въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, т. е. вчинить новый искъ, но уже на общемъ основаніи. Опредѣляя *личную* отвѣтственность должностныхъ лицъ, законодательства допускаютъ обыкновенно смягченія въ пользу судей. Прусское, Саксонское и Цюрихское уложенія признаютъ судей имущественно отвѣтственными лишь въ случаѣ *умысла* или *грубой неосторожности.* По новому германскому уложенію лишь *умыселъ* влечетъ имущественную отвѣтственность должностныхъ лицъ при производствѣ и рѣшеніи спорныхъ дѣлъ. Такое же условіе существуетъ и во Франціи для prise à partie. Въ Англіи статутомъ Георга II установлено, что констэбли не отвѣчаютъ за дѣйствія, согласныя съ судебнымъ приказомъ (warrant); статутомъ лорда Сельборна 1873 г. отвѣтственность публичныхъ обвинителей обусловливается доказанностью ихъ вины. Англій-

скій процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что если судья дѣйствовалъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи (within his jurisdiction), то онъ отвѣтственъ лишь въ случаѣ *умысла*; если же онъ выступилъ за рамки спеціальной юрисдикціи, то *всякое* дѣйствіе его, причинившее вредъ, влечетъ неминуемую отвѣтственность [1]).

Однако, съ ослабленіемъ момента вины въ институтѣ имущественной отвѣтственности идея государственнаго вознагражденія начинаетъ пускать ростки. Изъ дѣйствующихъ законодательствъ Европы вопросъ о государственной отвѣтственности за дѣйствія должностныхъ лицъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ пока лишь въ законахъ Саксенъ-Кобургъ-Готы, Шварцбургъ-Зондергаузена и Саксенъ-Альтенбурга [2]). Австрійскій законъ 12 іюля 1872 года признаетъ непосредственную отвѣтственность государства за убытки, причиняемые противозаконными дѣйствіями лицъ судебнаго вѣдомства. Французскій законъ 21 іюня 1895 года предоставляетъ суду право по пересмотрѣ дѣла, въ случаѣ признанія осужденнаго невиннымъ, назначать потерпѣвшему, по его просьбѣ, вознагражденіе за имущественный вредъ, отъ наказанія понесенный, при чемъ государство, возмѣстивъ убытки, получаетъ право регресса въ отношеніи виновнаго лица. IX съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ высказался рѣшительно за непосредственную отвѣтственность государства. Коммисія по составленію проекта германскаго уложенія не установила (вслѣдствіе перевѣса голоса предсѣдателя) общаго правила объ отвѣтственности государства за вредъ, причиненный должностными лицами, по соображеніямъ, какъ конституціоннаго, такъ и финансоваго характера. Проектъ нашего гражданскаго уложенія допустилъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, эту отвѣтственность лишь въ сферѣ имущественныхъ

---

[1]) Smith, назв. соч.

[2]) Въ архивѣ Втораго Департамента мы нашли текстъ законопроекта, представленнаго 24 января 1896 г. на утвержденіе шведскаго короля; по этому проекту государство возмѣщаетъ убытки, причиненные въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ чиновниками административнаго вѣдомства, при чемъ такія дѣла разсматриваются каммергерихтомъ.

отношеній, отнеся дальнѣйшее развитіе этого вопроса къ области права публичнаго.

Таково современное состояніе вопроса объ отвѣтственности государства за дѣйствія его должностныхъ лицъ. Число защитниковъ идеи государственнаго вознагражденія замѣтно возрастаетъ, и изъ обозрѣнія ея законодательныхъ завоеваній можно заключить, что принятіе ея задерживается соображеніями уже не столько юридическаго, сколько политическаго и финансоваго характера. Возраженія ея противниковъ сводятся къ слѣдующимъ: 1) нельзя возлагать эту отвѣтственность на плательщиковъ податей; 2) незаконныя административныя распоряженія могутъ не исполняться, а потому и отвѣтственность за нихъ не можетъ быть возложена на государство; 3) юридическія лица правоспособны, но лишены дѣеспособности; 4) внѣ частно-правовой сферы государство, при осуществленіи принадлежащихъ ему верховныхъ правъ, не можетъ быть уподоблено юридическому лицу. Послѣднее возраженіе кажется намъ наиболѣе вѣскимъ, но нельзя не замѣтить, что оно направлено лишь противъ общепринятаго метода построенія государственной отвѣтственности, нисколько не касаясь самаго вывода по существу. Во всякомъ случаѣ оно примѣнимо лишь къ отвѣтственности государства предъ собственными подданными. Въ самомъ дѣлѣ, туземный подданный, понесшій ущербъ отъ незаконнаго дѣйствія агента принудительной власти государства, не можетъ быть уподобленъ пострадавшему пассажиру, не имѣющему ничего общаго съ отвѣтственной за крушеніе желѣзнодорожной компаніей: онъ не абсолютная личность, лишенная публично-правоваго содержанія, но также представитель своего государства, національное право котораго не установило государственной отвѣтственности или финансы котораго еще не позволяютъ этой отвѣтственности осуществиться.

Совершенно иное положеніе занимаютъ иностранцы въ сферѣ такихъ публичныхъ правоотношеній. Если иностранный подданный понесъ ущербъ отъ преступленія по должности, со стороны должностнаго агента, то вопросъ объ удовлетвореніи и о вознагражденіи потерпѣвшаго становится,

прежде всего, вопросомъ публичнаго международнаго права, а не права національнаго. Международная обязанность, при этомъ возникающая, опредѣляется принципами juris inter gentes и не имѣетъ никакого отношенія къ тому, въ какой именно законодательной комбинаціи осуществляетъ данное государство способы возмѣщенія такого вреда. Иностранецъ, самъ по себѣ, не суверенная личность, но, какъ мы уже изложили, онъ является, въ предѣлахъ публично-правовой связи подданства, носителемъ суверенитета государства—отечества. Въ качествѣ subditi temporarii, онъ обязанъ подчиняться должностному агенту, требующему отъ него, во имя государства, пассивнаго повиновенія. Но, какъ только этотъ агентъ злоупотребитъ ввѣренной ему властью, личность, какъ его, такъ и пострадавшаго, уже теряетъ значеніе, уступая мѣсто отношенію двухъ суверенныхъ государствъ. Imperium, облекающій государство, не можетъ освободить его отъ международной обязанности вознаградить за такой ущербъ; оно не можетъ, ссылаясь на свое внутреннее законодательство, рѣшить дѣло административнымъ путемъ или отослать потерпѣвшаго къ мѣстнымъ судамъ, ограничивая вознагражденіе единоличной отвѣтственностью виновныхъ агентовъ, весьма часто не обладающихъ достаточными матеріальными средствами, чтобы возмѣстить нанесенный ущербъ. Мы уже не говоримъ о массѣ процессуальныхъ формальностей, съ коими сопряжено взысканіе съ должностныхъ лицъ, которое въ нѣкоторыхъ государствахъ и для туземныхъ подданныхъ является на практикѣ почти фиктивнымъ. Замѣтимъ, что къ международной обязанности возмѣщенія вреда не слѣдуетъ примѣнять римскій принципъ вины. Отечеству потерпѣвшаго безразлично, контролируетъ ли въ достаточной мѣрѣ другое суверенное государство своихъ должностныхъ чиновъ, тѣмъ болѣе, что констатировать culpa in eligendo неосуществимо и практически. Здѣсь примѣнимо лишь германистическое начало „причиненія“, понимаемое въ международномъ смыслѣ. Не можетъ, конечно, идти и рѣчи объ оскорбленіи государства, если не только злоупотребившій властью агентъ понесетъ заслуженное возмездіе (что̀ необходимо и въ интересахъ самого карающаго государства), но

если и нанесенный имъ ущербъ будетъ возмѣщенъ [1]). Разумѣется, нельзя создать для иностранцевъ особый судебный порядокъ отысканія государственнаго вознагражденія: это поставило бы ихъ въ невыносимо привилегированное положеніе относительно туземныхъ подданныхъ. Но административный путь дипломатической защиты не есть привилегія: онъ принадлежитъ иностранцамъ всѣхъ націй и вытекаетъ изъ самаго факта принадлежности къ иностранному подданству. Государственное вознагражденіе иностранныхъ подданныхъ въ подобныхъ случаяхъ, повторяемъ, будучи международной обязанностью, не можетъ опредѣляться публичнымъ правомъ отдѣльной страны, и оно уже практиковалось въ такія далекія времена, когда о государственномъ вознагражденіи собственныхъ подданныхъ еще и не помышляли. Отказъ въ такомъ возмѣщеніи объяснимъ лишь случайнымъ недоразумѣніемъ, зависящимъ, можетъ быть, отъ того, что объ этомъ возмѣщеніи не содержится формальныхъ постановленій во внутреннихъ законодательствахъ. Нѣкоторыя государства уклонялись иногда отъ возмѣщенія такихъ убытковъ, но это не мѣшало имъ, однако, предъявлять къ другимъ государствамъ подобныя же требованія, и такія требованія будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ дипломатическія сношенія. Въ принятіи рекламаціонной ноты о такихъ убыткахъ не можетъ быть ничего оскорбляющаго достоинство націи; напротивъ, частный исковый путь можетъ скорѣе не соотвѣтствовать престижу суверейнаго государства. Каждый случай невозмѣщенія ущерба, нанесеннаго иностранному подданному должностнымъ лицомъ, злоупотребившимъ

---

[1]) Должностное лицо можетъ причинить убытокъ не только преступленіемъ по должности, но, напр., недостаточной предусмотрительностью и т. д. Въ такихъ случаяхъ дипломатическая рекламація обыкновенно не предъявляется, по соображеніямъ, впрочемъ, не принципіальнаго, а практическаго рода. Здѣсь дипломатическое вмѣшательство не только крайне затруднительно, но и можетъ дать поводъ къ злоупотребленіямъ. Въ дѣйствія административныхъ и, въ особенности, полицейскихъ чиновъ входитъ, по необходимости, такая значительная доля усмотрѣнія, что поддержаніе общественнаго порядка стало бы невозможнымъ, если бы отъ этихъ агентовъ потребовали абсолютно непогрѣшимаго пользованія ввѣренной имъ публичною властью.

ввѣренной ему властью, оставляетъ надолго тяжелое впечатлѣнiе. Въ этомъ случаѣ уплата вознагражденiя, помимо ея международной обязательности, является, такъ сказать, расходомъ на внѣшнюю представительность государственной власти, на поддержанiе въ должномъ блескѣ и величiи ея престижа въ иноземныхъ краяхъ. Съ фискальной же точки зрѣнiя, врядъ ли такiе сравнительно рѣдкiе расходы могутъ обременить государственныя казначейства.

Вопросъ о дипломатическихъ рекламацiяхъ такого рода не разъ обострялся въ международныхъ отношенiяхъ. Его урегулированiе полезно въ эпоху вооруженнаго мира. Въ рѣшенiяхъ третейскихъ судей, этихъ компетентнѣйшихъ представителей юридической совѣсти человѣчества, мы читаемъ все ту же неизмѣнную мысль: возмѣщенiе убытковъ, причиняемыхъ иностраннымъ подданнымъ незаконными дѣйствiями должностныхъ лицъ, не есть вопросъ нацiональнаго права, но международная обязанность государствъ.

IV.

О нанесенiи ущерба туземцами иностраннымъ подданнымъ, какъ таковымъ.— Публично-правовое значенiе дипломатическаго покровительства.—Заключенiе.

17 августа 1893 года въ Aigues-Mortes произошло массовое побоище между французскими и итальянскими рабочими, прекращенное совмѣстнымъ дѣйствiемъ пѣхоты и конной артиллерiи. Убытки, понесенные итальянскими рабочими, были возмѣщены, въ суммѣ 420.000 фр., по инициативѣ Казимiра Перье, одновременно съ послѣдовавшей, со стороны Италiи, уплатой 30.000 фр. за ущербъ, причиненный французскимъ подданнымъ уличными безпорядками въ Римѣ, Неаполѣ и Генуѣ. Сопоставимъ этотъ случай съ нижеслѣдующимъ. Въ 1882 году 900.000 фр. вознагражденiя были уплачены Францiей испанскому правительству за ущербъ, причиненный испанскимъ колонистамъ въ Алжирѣ, пострадавшимъ отъ набѣговъ арабскаго вождя Бу-Амена; при этомъ французскiй министръ иностранныхъ дѣлъ С. Илеръ изъ-

яснилъ нотою, что такія событія въ этой странѣ такъ же мало влекутъ за собою отвѣтственность государства, какъ и стихійныя бѣдствія, и что предлагаемое вознагражденіе есть не возмѣщеніе убытковъ, но актъ человѣколюбія, зависящій отъ свободнаго усмотрѣнія правительства.

Взглядъ С. Илера кажется намъ справедливымъ безотносительно къ той или другой странѣ. Нѣкоторыя экзотическія колоніальныя владѣнія являются театрами вѣчныхъ смутъ, при чемъ, благодаря именно несовершенству гражданскаго устройства этихъ странъ, многіе иностранцы, послѣ короткой въ нихъ резиденціи, возвращаются въ свое отечество милліонерами. Самая элементарная справедливость возстала бы противъ возложенія отвѣтственности за ущербъ, причиненный туземными подданными иностранцамъ, на правительства такихъ владѣній, если только мѣстныя должностныя лица не проявили преступнаго бездѣйствія. Но, какъ показываютъ событія, и въ цивилизованныхъ государствахъ Европы и Америки возможны нападенія туземцевъ на иностранныхъ подданныхъ, въ качествѣ таковыхъ; такіе случаи не рѣдки, напримѣръ, на фабрикахъ съ крупнымъ численнымъ персоналомъ иностранныхъ рабочихъ. Однако, и здѣсь, по нашему мнѣнію, такіе случаи, какъ cas de force majeure (vis major), не обусловливаютъ, сами по себѣ, государственнаго вознагражденія, если правительственные органы не уклонились при этомъ отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Международная вѣжливость, впрочемъ, требуетъ, чтобы государству, въ подданствѣ коего состоятъ пострадавшіе иностранцы, было выражено сожалѣніе о случившемся. Такое сожалѣніе можетъ, конечно, сопровождаться и выдачей пособія потерпѣвшимъ.

Но, если только при такихъ безпорядкахъ констатировано преступное бездѣйствіе мѣстныхъ властей, то вопросъ выступаетъ изъ области comitas gentium, и возникаетъ международная обязанность возмѣщенія вреда. При этомъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ незаконнаго дѣйствія должностныхъ лицъ, государство, къ которому предъявлена дипломатическая рекламація, не можетъ ссылаться на свое внутреннее законода-

тельство. Когда, въ мартѣ мѣсяцѣ 1891 года, толпа, ворвавшаяся въ центральную тюрьму Новаго Орлеана, учинила судъ „Линча“ надъ нѣсколькими итальянцами, оправданными по дѣлу объ одномъ убійствѣ,—то Вашингтонскій департаментъ иностранныхъ дѣлъ, хотя вначалѣ и сослался на федеральную конституцію, по коей центральное правительство не отвѣтственно за дѣйствія властей штата Луизіаны, но, послѣ долгой переписки, призналъ основательность итальянскаго требованія. Статсъ-секретарь Блэнъ, найдя, что мѣстныя должностныя лица были виновны въ явномъ бездѣйствіи, распорядился объ уплатѣ центральнымъ правительствомъ потребованнаго вознагражденія и передалъ итальянскому посланнику копію съ телеграммы, содержавшей упрекъ президента Соединенныхъ Штатовъ ново-орлеанскимъ властямъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, сущность и предѣлы оффиціальной дипломатической защиты [1]). Въ заключеніе нашего труда считаемъ нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ связанномъ съ нею вопросѣ. Соображаясь съ особенностями политическаго момента, правительство, ради высшихъ интересовъ государственной пользы, можетъ иногда признать необходимымъ отказать своему подданному въ дипломатической защитѣ его нарушенныхъ правъ. Можетъ ли въ такомъ случаѣ этотъ подданный предъявить къ казнѣ искъ объ убыткахъ, причиненныхъ ему за границей? Такой вопросъ въ положительномъ смыслѣ былъ безуспѣшно поставленъ въ страстной интерпелляціи депутата Жюля Фавра, по дѣлу французской подданной Массе, 10 іюня 1866 года въ засѣданіи французскаго законодательнаго корпуса [2]). Второй, извѣстный

---

[1]) Въ государствахъ Южной Америки распространенъ взглядъ, по которому эта защита относится къ договорному праву и можетъ быть ограничена и даже вовсе упразднена международными соглашеніями. Такое отреченіе отъ права дипломатической защиты не отвѣчаетъ миссіи сувереннаго государства, и мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе лицъ, сурово осуждающихъ включеніе въ торговые трактаты подобныхъ условій, ради, напр., достиженія выгодныхъ таможенныхъ пошлинъ.

[2]) „Le Moniteur universel“ отъ 23 іюня 1866 года.

намъ, случай возникъ по жалобѣ французскаго арматора Тубе-Лурмана, который въ 1889 г. предъявилъ къ французскому правительству искъ объ убыткахъ, вслѣдствіе ущерба, понесеннаго имъ отъ незаконныхъ дѣйствій англійскихъ рыбаковъ на Нью-Фаундлендѣ, ссылаясь на неоказаніе ему дипломатической защиты и на бездѣйствіе французскаго морскаго стаціонера при этомъ островѣ. Въ 1891 г. жалоба Тубе-Лурмана была отвергнута министерствомъ, и онъ обратился съ такой же жалобой въ государственный совѣтъ. Опредѣленіемъ 10 февраля 1893 г. государственный совѣтъ постановилъ оставить это прошеніе безъ послѣдствій, при чемъ указалъ, что возбужденный въ такой постановкѣ вопросъ касается осуществленія государствомъ верховнаго права управленія въ сферѣ внѣшней политики и не можетъ подлежать разсмотрѣнію въ порядкѣ частнаго иска [1]). Мы не можемъ не согласиться съ Мишу, находящимъ, что, хотя на государствѣ и лежитъ моральная обязанность защищать своихъ подданныхъ за границей, по мѣрѣ возможности, но что эта обязанность, не будучи санкціонирована закономъ, не можетъ рождать коррелятивнаго права на вознагражденіе (Michoud, „Des Actes de Gouvernement“, стр. 60). Дюфуръ на стр. 600 тома IV своего „Административнаго права“ категорически говоритъ: „Le chef de l'Etat dans la sphère de ces mesures suprêmes n'a ni contrôle à subir ni assistance à demander“.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ.

На ряду съ факультативно-оффиціознымъ покровительствомъ существуетъ основанная на суверенности государствъ и не подлежащая ни конституціоннымъ, ни законодательнымъ, ни договорнымъ ограниченіямъ, защита оффиціальная (d'office),

[1]) Замѣтимъ, между прочимъ, что французскіе авторитеты по административному праву расходятся въ опредѣленіи различія между актомъ правительственнымъ и административнымъ. Michoud, Gautier и Brémond, отличаются тѣмъ отъ Ducrocq, Garçonnet, Laférière, Aucoc, Hauriou и др., что вовсе не признаютъ такого различія.

выражающаяся въ предъявленіи дипломатическихъ рекламацій объ удовлетвореніи и вознагражденіи.

Нижеслѣдующіе случаи обусловливаютъ въ мирное время ея правомѣрное примѣненіе: 1) нарушеніе правъ, которыя вытекаютъ изъ публично-правовой связи подданства, соединяющей иностранца съ государствомъ-отечествомъ; 2) нарушеніе правъ договорныхъ; 3) отказъ въ правосудіи; 4) преступленія по должности со стороны агентовъ принудительной власти государства; 5) удаленіе иностранныхъ подданныхъ въ столь краткій срокъ, при которомъ высылаемые лишены всякой возможности ликвидировать дѣла и имущества; 6) причиненіе туземными подданными ущерба иностранцамъ, *какъ таковымъ*, при условіи явно обнаруженнаго преступнаго бездѣйствія власти со стороны мѣстныхъ начальствъ.

ХРОНИКА.

I.

КЪ ВОПРОСУ О СУДЕБНЫХЪ ШТАТАХЪ.

Въ первыхъ нумерахъ Собранія узаконеній и распоряженій правительства за текущій годъ распубликованъ рядъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта объ усиленіи въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи штатовъ судебныхъ установленій. Къ числу этихъ мѣропріятій, подлежащихъ приведенію въ дѣйствіе въ теченіе 1902 года, принадлежатъ, между прочимъ, крупное усиленіе штатовъ всѣхъ безъ исключенія окружныхъ судовъ Одесскаго судебнаго округа, общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій Кавказа и слѣдственной части Варшавскаго судебнаго округа, учрежденіе новаго гражданскаго департамента Московской судебной палаты, улучшеніе матеріальнаго положенія мировыхъ судей г.г. Кіева и Лодзи, а также товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ Сибири, увеличеніе канцелярскихъ средствъ Московскаго нотаріальнаго архива и др.

Вѣсть объ этомъ не можетъ не порадовать всякаго, кому дороги интересы отечественнаго правосудія, несомнѣнно страдающіе отъ чрезмѣрнаго обремененія судебныхъ дѣятелей количествомъ работы. Судебное дѣло, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какое-либо иное, требуетъ душевнаго спокойствія и уравновѣшенности, несовмѣстимыхъ со спѣшностью и лихорадочною торопливостью въ работѣ и постоянною, гнетущею заботою о томъ, какъ бы только справиться съ наплывомъ дѣлъ. Между тѣмъ число доходящихъ до судебнаго разсмотрѣнія производствъ растетъ съ каждымъ годомъ. Это по-

слѣднее явленіе представляется, само по себѣ, вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что потребность въ судебной защитѣ правъ находится въ прямой зависимости отъ степени населенности страны, развитія ея экономической жизни и вызываемаго имъ осложненія правоотношеній; съ другой стороны, вмѣстѣ съ ростомъ торговли и промышленности и сопровождающимъ его скопленіемъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ пунктахъ народныхъ массъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ пришлыхъ элементовъ, растетъ и преступность, при чемъ послѣдняя принимаетъ болѣе сложныя, затрудняющія борьбу съ нею, формы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ положеніе Россіи въ послѣднія десятилѣтія измѣнилось самымъ кореннымъ образомъ. Достаточно указать, что населеніе 50 губерній Европейской Россіи въ 1863 году составляло всего 61.509.000 жит., а по даннымъ переписи 1897 года оно равнялось уже 94.215.000 жит., т. е. увеличилось въ полтора раза,— населеніе же всей Имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) по даннымъ переписи возросло до 126.412.000 жит. Чрезвычайное развитіе получили за то же время промышленная жизнь Россіи и внѣшняя ея торговля; кредитное дѣло, можно сказать, только и возникло послѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ какъ до того времени всѣ кредитныя установленія были правительственными; наконецъ, въ послѣднія 35 лѣтъ сдѣлало громадные успѣхи и развитіе путей сообщенія.

Указанный постоянный приростъ населенія въ большинствѣ мѣстностей Имперіи, вмѣстѣ съ кореннымъ измѣненіемъ экономическихъ условій страны, долженъ былъ,—какъ уже выше сказано,— имѣть своимъ послѣдствіемъ значительное увеличеніе общаго числа дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе судебныхъ установленій.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія данныя. Къ 1874 году судебное преобразованіе было осуществлено на пространствѣ шести судебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Саратовскаго, Казанскаго и Одесскаго. Количество возникшихъ въ означенномъ году слѣдствій равнялось, по даннымъ издаваемаго ежегодно Министерствомъ Юстиціи „Сборника статистическихъ свѣдѣній", 77.566; въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 г. оно составляло въ предѣлахъ территоріи, на которой судебное преобразованіе было осуществлено въ 1874 году, въ среднемъ 85.741 въ годъ, а черезъ 20 лѣтъ, т. е. въ 1898 г., количество слѣдствій въ томъ же районѣ дошло до 135.649. Такое же прогрессивное

возрастаніе замѣчается относительно дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, ежегодно поступающихъ на разсмотрѣніе окружныхъ судовъ. Такъ, напр., если ограничиться цифрами за послѣднія 10 лѣтъ, то окажется, что въ 1890 г. въ 10 судебныхъ округахъ Европейской Россіи въ окружные суды поступило всего 334.301 уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, а въ 1889 г.,—послѣдній годъ, за который опубликованы подлежащія статистическія данныя,—446.480, т. е. работа судовъ увеличилась за указанный періодъ времени на 33%.

Разумѣется, указанное увеличеніе судебной дѣятельности, идя пропорціонально культурному и экономическому развитію страны, имѣло мѣсто не на всемъ пространствѣ Имперіи въ одинаковой степени. Если остановиться на одной Европейской Россіи [1]), то окажется, что наиболѣе выдвинулись впередъ въ экономическомъ развитіи южныя губерніи, входящія въ составъ Кіевскаго, Одесскаго и отчасти Харьковскаго судебныхъ округовъ. Характеръ нѣкоторыхъ губерній этого края и условія жизни измѣнились со времени введенія въ немъ Судебныхъ Уставовъ до неузнаваемости. Тамъ, гдѣ при введеніи реформы разстилались обширныя ковыльныя степи, ведется нынѣ на пространствѣ милліоновъ десятинъ сельское хозяйство усовершенствованными способами. На ряду съ этимъ сильно развились на всемъ югѣ, въ особенности же въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, и продолжаютъ развиваться горная и заводская промышленность, судостроительство и торговля. Весь край покрылся сѣтью новыхъ желѣзнодорожныхъ путей съ крупными узловыми пунктами (напр., Долинская, Знаменка и др.). Большой прогрессъ въ развитіи гражданственности и общественной жизни замѣчается также и на Кавказѣ со времени распространенія судебнаго преобразованія на этотъ обильный природными богатствами край. Затѣмъ идутъ губерніи Царства Польскаго съ главными городскими центрами—Варшавою и, въ особенности, Лодзью, чрезвычайно быстро развившейся изъ небольшаго города до значенія одного изъ крупнѣйшихъ фабричныхъ и промышленныхъ центровъ Имперіи и занимающей по числу народонаселенія, по даннымъ послѣдней переписи, пятое мѣсто среди всѣхъ русскихъ городовъ (свыше 315.000 жит.). Замѣтное оживленіе экономической жизни показываютъ и нѣкоторые города Прибалтійскаго края (въ особен-

---

[1]) Въ Азіатской Россіи судебное преобразованіе введено еще сравнительно такъ недавно, что судить о положеніи судебнаго дѣла съ разсматриваемой въ настоящей замѣткѣ точки зрѣнія было бы преждевременно.

ности Рига и Либава), и затѣмъ обѣ столицы. Сообразно съ этимъ сопровождающее увеличеніе числа дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, тяжелое положеніе судебныхъ дѣятелей, обремененныхъ чрезмѣрной работой, наблюдается не вездѣ, а преимущественно въ столичныхъ губерніяхъ, на югѣ Россіи, Кавказѣ, въ Царствѣ Польскомъ, западныхъ губерніяхъ и Прибалтійскомъ краѣ, т. е. на окраинахъ государства, тогда какъ въ центральныхъ губерніяхъ, объ оскудѣніи которыхъ такъ много пишется въ послѣднее время, хотя также замѣчается общее увеличеніе числа судебныхъ дѣлъ, но въ столь незначительномъ размѣрѣ, что явленіе это, въ смыслѣ обремененія судей, значенія не имѣетъ и никакихъ опасеній внушать не можетъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько цифръ за послѣднія десять лѣтъ изъ упомянутаго выше „Сборника статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи". По даннымъ этого оффиціальнаго изданія, общее число гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, поступившихъ, напр., въ окружные суды Кіевскаго судебнаго округа, составляло въ 1890 году 33.696, а черезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1899 году,—количество этихъ дѣлъ достигло 49.837, т. е. увеличилось почти на 48%. Въ Харьковскомъ, Одесскомъ и Тифлисскомъ округахъ ростъ дѣлъ за тотъ же періодъ времени составляетъ отъ 35 до 38%; тогда какъ въ округѣ Московской судебной палаты онъ едва превышаетъ 11%. Въ такой же пропорціи увеличилось, конечно, и число уголовныхъ слѣдствій, работа прокурорскаго надзора, а равно и число дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. Если же взять цифры поступленій за тѣ же годы по отдѣльнымъ окружнымъ судамъ, то процентъ роста поступленія дѣлъ получится еще болѣе разнообразный. Есть суды, въ которыхъ число дѣлъ за 10 лѣтъ почти удвоилось (напр., Петроковскій: съ 4630 до 8659) или увеличилось болѣе, чѣмъ на 75% (напр., Кишиневскій и Бакинскій), но есть и такіе, въ которыхъ число дѣлъ, особенно гражданскихъ, за это время не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось. Сюда принадлежатъ, напр., суды: Рязанскій (съ 4513 дѣлъ до 4394), Смоленскій (съ 5286 до 5222), Курскій (съ 9007 до 7432) и др.

Въ общемъ выводѣ количество поступающихъ на разсмотрѣніе судебныхъ установленій дѣлъ, какъ было выше упомянуто, несомнѣнно значительно возросло, въ особенности, если сопоставить современную цифру ихъ поступленія съ тою же цифрою за первое десятилѣтіе послѣ введенія судебной реформы или хотя бы съ данными за восьмидесятые годы. Въ виду этого первоначальный личный составъ судовъ, конечно, долженъ былъ періодически усиливаться,

и дѣйствительно въ настоящее время едва ли найдется хотя одинъ судъ, штаты котораго остались бы со времени введенія судебной реформы безъ всякихъ измѣненій. Но въ силу естественнаго порядка вещей вопросъ объ усиленіи штатовъ того или другаго суда всегда становится на очередь лишь тогда, когда недостаточность наличныхъ силъ сдѣлалась совершенно очевидною; другими словами, личному составу судовъ съ возрастающимъ постепенно поступленіемъ дѣлъ приходится переживать нѣкоторое время, когда отъ наплыва все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества дѣлъ ему становится все труднѣе и труднѣе, пока наконецъ не выяснится, что для того, чтобы судебный механизмъ продолжалъ функціонировать исправно, не остается ничего другаго, какъ только усилить штаты судебнаго учрежденія. Затѣмъ сюда надо прибавить еще неизбѣжный промежутокъ времени для довольно сложной и медленной процедуры проведенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ, и тогда только достигается желанная цѣль: штаты усиливаются, и судебные труженики вздыхаютъ свободнѣе, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

Въ какой мѣрѣ усиливаются штаты судебныхъ установленій, можно видѣть изъ примѣра Варшавскаго судебнаго округа, въ которомъ въ истекшемъ году было отпраздновано XXV-лѣтіе введенія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Какъ видно изъ изданной по этому случаю, по распоряженію старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты, брошюры [1]), число должностей членовъ окружныхъ судовъ увеличилось въ общемъ съ 1876 до 1901 г. на 32 (съ 67 до 99); изъ нихъ 11 приходится на Петроковскій окружный судъ, къ округу котораго принадлежитъ г. Лодзь, и 9 на Варшавскій; въ то же время число должностей товарищей прокуроровъ увеличилось на 22 (съ 37 до 59), судебныхъ слѣдователей на 20 (съ 103 до 123) [2]) и участковыхъ мировыхъ судей на 30 (съ 100 до 130). Благодаря такому усиленію личнаго состава чиновъ судебнаго вѣдомства Варшавскаго округа, степень ихъ обремененности, за исключеніемъ товарищей прокуроровъ и мировыхъ

---

[1]) „Къ XXV-лѣтію введенія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года въ губерніяхъ Царства Польскаго. Краткія свѣдѣнія о судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа и дѣятельности ихъ за время съ 1876 по 1901 годъ“. Варшава, 1901 г. 87 стр.

[2]) Высочайше утвержденнымъ 17 декабря 1901 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта учреждены въ округѣ Варшавской палаты новыя 15 должностей судебнаго слѣдователя.

судей [1]), несмотря на значительное увеличеніе за истекшія 25 лѣтъ числа возникающихъ ежегодно въ судебныхъ учрежденіяхъ этого округа дѣлъ, осталась въ общемъ на томъ же приблизительно уровнѣ, какъ въ первые годы послѣ введенія въ краѣ судебной реформы. А именно, среднимъ числомъ приходилось ежегодно слѣдующее количество поступившихъ дѣлъ:

	въ XV-лѣтіе 1876–1890 г.	въ V-лѣтіе 1896–1900 г.
На одного судебнаго слѣдователя	228	209
„ „ товарища прокурора окружнаго суда	319	462
„ „ члена окружнаго суда уголовныхъ отдѣленій	582	576
„ „ „ „ гражданскихъ	404	451
„ „ члена судебной палаты уголовнаго департамента (не считая обвинительной камеры)	297	226
„ „ „ „ гражданскаго департамента	209	220
„ „ мироваго судью { угол. дѣла	581	818
„ „ мироваго судью { гражд. „	919	1594

Приведенныя цифры, показывающія количество работы, упадающей на судебныхъ чиновъ Варшавскаго округа, нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать весьма высокими, въ особенности, если принять во вниманіе нѣкоторыя неблагопріятныя мѣстныя условія Привислинскаго края, затрудняющія дѣятельность чиновъ означеннаго судебнаго округа. Въ большинствѣ судовъ прочихъ округовъ Европейской Россіи количество дѣлъ, приходящихся на одного судебнаго дѣятеля, представляется въ общемъ менѣе значительнымъ, хотя степень обремененности какъ судебныхъ слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора, такъ и членовъ окружныхъ судовъ, въ связи съ постепеннымъ усиленіемъ ежегоднаго поступленія, увеличилась, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы, показывающей среднее число возникшихъ дѣлъ, приходившееся въ разное время на одно лицо въ 10 судебныхъ округахъ Европейской Россіи.

	Въ пятилѣтіе 1885—1889 г.	въ трехлѣтіе 1896—1898 г.	въ 1899 г.
На одного судебнаго слѣдователя	130	144	157
„ „ товарища прокурора окружнаго суда	281	384	419

[1]) Объ усиленіи состава мировыхъ судебныхъ установленій Варшавскаго судебнаго округа, прокуратуры Варшавскаго, Люблинскаго и Петроковскаго окружныхъ судовъ, а также судейскихъ коллегій и канцелярій Варшавскаго и Петроковскаго судовъ возбуждены, въ установленномъ порядкѣ, ходатайства.

„ „ члена окружнаго суда			
уголовнаго отдѣленія . .	459/155 [1])	573/184 [1])	624/200 [1])
гражданскаго отдѣленія .	435/145	454/175	466/185

Приводя вышеприсанныя цифры, необходимо однако оговориться, что, хотя количество дѣлъ, поступающихъ въ судебныя учрежденія или къ чинамъ судебнаго вѣдомства, несомнѣнно составляетъ главный критерій для опредѣленія степени ихъ обремененности, но лишь въ сопоставленіи его съ прочими условіями, вліяющими такъ или иначе на ихъ дѣятельность, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ: свойство возникающихъ дѣлъ, пространство округовъ и участковъ, удобство путей сообщенія, характеръ и составъ мѣстнаго населенія, условія жизни самихъ чиновъ судебнаго вѣдомства и т. п. Вообще можно сказать, что по мѣрѣ культурнаго развитія всей страны или данной мѣстности работа чиновъ судебнаго вѣдомства,—при условіи одинаковаго количества поступающихъ къ ихъ производству дѣлъ,—постепенно облегчается. Несомнѣнно, напр., что условія дѣятельности чиновъ судебнаго вѣдомства,—если оставить въ сторонѣ *количество* поступающихъ къ нимъ дѣлъ, представляются въ настоящее время не только на Кавказѣ, но и въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскомъ краѣ, болѣе благопріятными, нежели въ первые годы послѣ введенія въ каждой изъ сихъ мѣстностей судебной реформы, когда, помимо всего прочаго, знаніе русскаго языка среди мѣстнаго населенія было гораздо менѣе распространено, чѣмъ теперь, а потому чаще приходилось, при производствѣ судебныхъ дѣлъ, прибѣгать къ посредничеству переводчиковъ, чрезвычайно затрудняющему и замедляющему отправленіе правосудія. Точно такъ же безспорно, что современное распространеніе желѣзнодорожныхъ путей, телеграфовъ и телефоновъ значительно облегчаетъ дѣятельность судебныхъ слѣдователей и чиновъ прокурорскаго надзора, а отчасти и судей, давая имъ возможность направить или разрѣшить въ извѣстный промежутокъ времени большее количество дѣлъ, чѣмъ въ тѣ времена, когда еще не было или почти не было этихъ удобныхъ и быстрыхъ средствъ передвиженія и сообщенія.

---

[1]) Цифры надъ чертою означаютъ общее число дѣлъ, а подъ чертою—число дѣлъ важнѣйшихъ категорій, къ которымъ изъ дѣлъ уголовныхъ причисляются дѣла, разсматриваемыя въ судебныхъ засѣданіяхъ, и апелляціонныя, а изъ гражданскихъ—исковыя, кромѣ производящихся въ упрощенномъ порядкѣ, судебно-межевыя и апелляціонныя.

Поэтому, если степень обремененности служебною работою чиновъ судебнаго вѣдомства и возросла въ послѣднiе годы, то во всякомъ случаѣ не въ столь значительной прогрессiи, какую показываютъ собственно цифры поступающихъ на судебное разсмотрѣнiе дѣлъ.

Для освѣщенiя вопроса о судебныхъ штатахъ не лишены интереса данныя государственныхъ росписей, показывающiя прогрессивный ростъ расходовъ казны на правильную постановку отправленiя правосудiя. По этимъ даннымъ, расходы государственнаго казначейства по судебному вѣдомству, кромѣ межевой части и Училища Правовѣдѣнiя, составляли въ 1892 г. 22.754.165 р., а въ 1901 г., не считая и присоединенной тѣмъ временемъ къ Министерству Юстицiи тюремной части, 30.447.889 р., т. е. увеличились болѣе, чѣмъ на одну треть (на 7.693.724 р.). Изъ этихъ 7½ милл. руб. собственно на усиленiе штатовъ, т. е. на увеличенiе судебнаго персонала и канцелярскихъ средствъ *дѣйствующихъ* судебныхъ учрежденiй, пошло, какъ видно изъ ежегодныхъ смѣтъ Министерства Юстицiи, всего около 2 милл. рублей; приблизительно столько же потребовалось на расходы по распространенiю Судебныхъ Уставовъ на окраины, гдѣ дотолѣ еще дѣйствовали суды дореформеннаго устройства, и около 500.000 руб. было ассигновано на улучшенiе матерiальнаго положенiя судебныхъ дѣятелей, при чемъ наибольшая часть этой суммы была обращена на предоставленiе всѣмъ безъ исключенiя членамъ окружныхъ судовъ добавочныхъ окладовъ въ 500 и 600 р. въ годъ. Остальные 3 миллiона пошли на удовлетворенiе всѣхъ прочихъ нуждъ судебнаго вѣдомства, также увеличивающихся параллельно усиленiю судебныхъ штатовъ, а именно на хозяйственные расходы, какъ то: на постройку новыхъ зданiй судовъ, ремонтъ существующихъ, обновленiе ихъ обстановки, на путевые расходы чиновъ судебнаго вѣдомства и т. д. Если разсмотрѣть подробнѣе статьи расхода по смѣтѣ Министерства Юстицiи за отдѣльные годы, то окажется, что наиболѣе значительная часть показанной выше суммы, израсходованной на усиленiе штатовъ судебныхъ установленiй, приходится на послѣднiе годы. Такъ, сумма, ассигнованная на усиленiе судебныхъ штатовъ въ 1900 году, составляла около 500.000 р.; въ истекшемъ 1901 году, въ которомъ, въ виду крупныхъ затратъ государственнаго казначейства на покрытiе расходовъ, вызываемыхъ событiями на дальнемъ Востокѣ, общая сумма, ассигнованная по Министерству Юстицiи, сократилась противъ предшествующаго года на 289.000 р., на уси-

леніе штатовъ было, тѣмъ не менѣе, отпущено около 145.000 р., а по расходной смѣтѣ на 1902 годъ, превышающей смѣту 1901 года на 735.800 р., на ту же надобность исчислено 450.000 р., что составляетъ 64% всей суммы испрашиваемыхъ на смѣтный годъ новыхъ кредитовъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

Тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что осуществляемое такимъ образомъ усиленіе судебныхъ штатовъ вполнѣ исчерпываетъ, такъ сказать, всѣ назрѣвшія въ данное время потребности; напротивъ того, всегда имѣются на лицо судебныя учрежденія, излишне обремененныя работою и нуждающіяся въ усиленіи штатовъ, которымъ однако приходится ожидать очереди. Причиною тому является весьма естественное стремленіе финансоваго вѣдомства соблюдать возможную бережливость при всѣхъ новыхъ ассигнованіяхъ, для достиженія общаго равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ. Среди чиновъ судебнаго вѣдомства довольно распространено мнѣніе, будто поступающіе въ казну чрезъ посредство судовъ сборы и пошлины разныхъ наименованій съ избыткомъ покрываютъ весь ея расходъ на судебное вѣдомство. Но правильность этого мнѣнія представляется сомнительною. Расходъ казны на судебное вѣдомство составлялъ, напр., въ 1900 году всего около 30 милл. рублей; въ доходъ же казны поступило за тотъ же годъ по смѣтѣ Министерства Юстиціи немного свыше 3-хъ милліоновъ и, кромѣ того, показываемыхъ, по принятому порядку, по смѣтѣ Министерства Финансовъ судебныхъ, канцелярскихъ актовыхъ, крѣпостныхъ и другихъ мѣстныхъ сборовъ 22 милліона, всего нѣсколько болѣе 25 милліоновъ рублей. Правда, судебное вѣдомство, независимо отъ сего, участвуетъ, вмѣстѣ съ прочими вѣдомствами, въ образованіи дохода по гербовому сбору, котораго въ указанный годъ поступило всего на 31.700.000 р., но даже приблизительное исчисленіе той суммы сего сбора, которая поступила собственно по судебнымъ дѣламъ, представляется, при существующей системѣ отчетности по этому сбору, совершенно невозможнымъ. Какъ бы то ни было, отправленіе правосудія никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ одна изъ доходныхъ статей государства, а потому соображеніе о томъ, какія именно суммы поступаютъ въ казну, благодаря дѣятельности судовъ или чрезъ ихъ посредство, не можетъ имѣть при обсужденіи даннаго вопроса существеннаго значенія. До сихъ поръ затраты государственнаго казначейства на надобности судебнаго вѣдомства возрастали съ каждымъ годомъ независимо отъ усиленія существующихъ учрежденій, вслѣдствіе распространенія дѣйствія

Судебныхъ Уставовъ на окраины государства, которыхъ судебная реформа ранѣе еще не коснулась. Отнынѣ же, когда старые суды замѣнены повсемѣстно дѣйствующими на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, представляется основаніе разсчитывать на сравнительно болѣе быстрое и успѣшное удовлетвореніе назрѣвающихъ въ указанномъ отношеніи потребностей, ибо наше высшее правительство всегда относилось съ должнымъ вниманіемъ къ интересамъ правосудія.

Можно при этомъ надѣяться, что предстоящее въ недалекомъ будущемъ судебное преобразованіе на основаніяхъ, предположенныхъ Высочайше учрежденною коммисіею для пересмотра законоположеній по судебной части, не послужитъ препятствіемъ къ осуществленію, еще до этой реформы, необходимыхъ въ вышеуказанномъ отношеніи мѣропріятій,—если только въ нихъ встрѣтится настоятельная надобность,—такъ какъ въ противномъ случаѣ преобразуемымъ судамъ пришлось бы на первыхъ же порахъ ихъ дѣятельности, когда уже самая новизна дѣла представляетъ извѣстныя трудности, бороться и съ остатками дѣлъ, не направленныхъ своевременно въ прежнемъ порядкѣ вслѣдствіе недостаточности судебнаго персонала.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести здѣсь знаменательныя слова, высказанныя Государственнымъ Совѣтомъ въ 1877 году при разрѣшеніи новаго кредита въ 250.000 р. въ годъ на усиленіе штатовъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената [1]). Усматривая въ ассигнованіи въ трудное въ финансовомъ отношеніи время столь крупной суммы на надобности Правительствующаго Сената краснорѣчивое доказательство того уваженія, съ которымъ русское правительство относится къ дѣлу отправленія правосудія, Государственный Совѣтъ счелъ нужнымъ отмѣтить, что въ такое время, когда политическія обстоятельства требовали отъ государственнаго казначейства особаго напряженія и чрезвычайныхъ жертвъ для огражденія достоинства и чести Россіи, когда оказывалось необходимымъ пріостановить новыя отъ казны ассигнованія на весьма полезные предметы, ни одно изъ высшихъ правительственныхъ установленій, на которыхъ лежатъ ближайшія заботы объ изысканіи способовъ къ удовлетворенію разнообразныхъ потребностей государства, не остановилось предъ значительностью расхода, оказавшагося нужнымъ для того, чтобы поставить верховный судъ

[1]) Отчетъ по Государственному Совѣту за 1877 г., стр. 30—31.

нашъ въ возможность съ успѣхомъ исполнять свое предназначеніе. Столь щедрое воспособленіе дѣлу правосудія, при затруднительномъ положеніи государственнаго казначейства, должно, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, возбудить глубокое чувство благодарности въ каждомъ, умѣющемъ цѣнить великую важность той массы народныхъ интересовъ, охранительницею которыхъ является правильно устроенная судебная власть.

Р. Фрейманъ.

II.

О ЗАЧЕТѢ НАКАЗАНІЯ, ОТБЫТАГО ОСУЖДЕННЫМЪ ПО ПРИГОВОРУ НЕКОМПЕТЕНТНАГО СУДА.

Закономъ установлены для каждаго судебнаго мѣста точные предѣлы его вѣдомства, соблюденіемъ которыхъ обезпечивается правильность и обусловливается законность постановляемыхъ приговоровъ. Тѣмъ не менѣе нерѣдко случается, что судъ или единоличный органъ судебной власти, вслѣдствіе ли неполученія достаточныхъ свѣдѣній о личности или прежней судимости обвиняемаго или же вслѣдствіе неправильнаго толкованія того или другаго закона, ошибочной квалификаціи даннаго дѣянія, или по другимъ причинамъ, выступаютъ за предѣлы предоставленной имъ власти, принимаютъ къ своему производству дѣло, подлежащее вѣдѣнію другаго суда, обставленнаго условіями, наиболѣе гарантирующими правильное разрѣшеніе даннаго дѣла, и постановляютъ приговоръ, который, по истеченіи опредѣленнаго срока, приводится въ исполненіе надъ осужденнымъ. Интересующій насъ вопросъ заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ суду поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда, при разрѣшеніи какого-либо дѣла, онъ обнаружитъ, что подсудимый понесъ по другому дѣлу наказаніе на основаніи приговора, постановленнаго некомпетентнымъ судомъ,—приговора, не вступившаго такимъ образомъ въ законную силу (рѣш. Сен. № 639—1869 г., Кокошкина, № 30—1872 г., Федорова и др.) и обращеннаго къ исполненію лишь потому, что истекъ указанный въ законѣ срокъ на обжалованіе его осужденнымъ или обвинителемъ. То или другое разрѣшеніе этого вопроса связано съ важными практиче-

скими послѣдствіями, но во мнѣніяхъ касательно его разрѣшенія наблюдается разногласіе.

Приведемъ одинъ изъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ практикѣ уголовнаго суда. При разрѣшеніи дѣла о подсудимомъ, обвинявшемся въ совершеніи третьей кражи, было усмотрѣно изъ пріобщенныхъ къ письменному производству свѣдѣній, что тотъ же подсудимый былъ уже осужденъ за кражу, учиненную послѣ двукратнаго суда и наказанія за такія же преступленія, но судился не въ окружномъ судѣ, къ вѣдомству котораго относилось разрѣшеніе дѣла по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1 ч. 1655 ст. улож. наказ., а у мироваго судьи, не имѣвшаго въ виду прежней судимости обвиняемаго, а потому и осудившаго его по ст. 169 уст. наказ. къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ и обратившаго свой приговоръ къ исполненію за необжалованіемъ его въ установленный закономъ срокъ [1]). По вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли отводить въ постановляемыхъ окружнымъ судомъ приговорахъ какое-либо мѣсто, и какое именно, тому наказанію, которое неправильно понесено подсудимымъ, чаще всего высказывается мнѣніе о необходимости совершеннаго оставленія безъ вниманія незаконно постановленнаго приговора, на томъ основаніи, что заботы объ отмѣнѣ такого приговора должны исходить отъ прокурорскаго надзора, освѣдомленнаго объ обнаруженной неправильности; устраненіе же послѣдствій, вызванныхъ неправильными дѣйствіями какого-либо судебнаго мѣста, не входитъ въ кругъ обязанностей окружнаго суда при разсмотрѣніи имъ дѣла, не имѣющаго ничего общаго съ тѣмъ дѣломъ, которое было разрѣшено некомпетентнымъ судомъ. Приговоръ, постановленный неподлежащимъ судомъ, не вступающій въ законную силу и по истеченіи опредѣленнаго въ законѣ срока на

---

[1]) Лица прокурорскаго надзора, какъ извѣстно, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣятельности низшей инстанціи мировой юстиціи, вслѣдствіе чего свѣдѣнія о приговорахъ, постановленныхъ мировыми судьями съ превышеніемъ предѣловъ подсудности, обязывающія лицъ прокурорскаго надзора къ опротестованію такихъ приговоровъ, въ видахъ возстановленія надлежащей подсудности, получаются ими случайно: либо при разсмотрѣніи дѣла, съ ихъ участіемъ, въ съѣздѣ мировыхъ судей, либо въ окружномъ судѣ, въ случаѣ возникновенія въ послѣднемъ какого-либо дѣла о лицѣ, осужденномъ по другому дѣлу некомпетентнымъ судомъ. Остальные же незаконно постановленные и приведенные въ исполненіе приговоры, которымъ не представляется случай быть усмотрѣнными, таковыми же и остаются. Въ этомъ, между прочимъ, заключается одинъ изъ недостатковъ совершенной отчужденности мировыхъ судей отъ прокурорскаго надзора.

его обжалованіе, подлежитъ опротестованію со стороны прокурорскаго надзора, и когда будетъ возстановлена надлежащая подсудность дѣла, которое поступитъ для новаго сужденія вопроса о виновности обвиняемаго въ подлежащій судъ, то послѣдній, при постановленіи своего приговора, будетъ имѣть въ виду неправильно понесенное подсудимымъ наказаніе и зачтетъ ему таковое, устранивъ такимъ образомъ послѣдствія незаконно постановленнаго приговора.

Само собою разумѣется, что при постановленіи окружнымъ судомъ оправдательнаго приговора устраняется и самое возбужденіе вопроса о зачетѣ подсудимому наказанія, отбытаго имъ по приговору некомпетентнаго суда. Но когда судомъ постановляется обвинительный приговоръ съ опредѣленіемъ такого наказанія, которое даетъ возможность зачесть подсудимому наказаніе, отбытое имъ по незаконному приговору, то вопросъ о необходимости означеннаго зачета, при наличности заявленія со стороны лица прокурорскаго надзора, что оно имѣетъ опротестовать приговоръ некомпетентнаго суда, долженъ быть, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, съ признаніемъ вышеприведенныхъ соображеній объ игнорированіи постановленнаго неподлежащимъ судомъ и приведеннаго въ исполненіе приговора неосновательными. Приговоръ, постановленный неподлежащимъ судомъ, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ и какъ это вытекаетъ изъ общихъ представленій о необходимости для извѣстной категоріи дѣлъ опредѣленныхъ условій, обезпечивающихъ возможно болѣе правильное ихъ разрѣшеніе, не можетъ считаться вступившимъ въ законную силу и по истеченіи установленнаго закономъ срока на его обжалованіе. Истеченіе означеннаго срока сообщаетъ законную силу только такимъ приговорамъ, которые постановлены судомъ, уполномоченнымъ по закону на разрѣшеніе даннаго дѣла. Приговоры же, исходящіе отъ суда, который такого полномочія не имѣетъ, остаются незаконными, какими они явились при самомъ возникновеніи своемъ. Лишеніе свободы осужденнаго лица, послѣдовавшее во исполненіе такого приговора, является поэтому незаконнымъ лишеніемъ свободы, и возстановленіе, при первой къ тому возможности, нарушеннаго права такого незаконно осужденнаго является актомъ безусловной справедливости, во имя которой вышеупомянутому лицу, незаконно отбывшему шестимѣсячное тюремное заключеніе по приговору некомпетентнаго суда, надлежало бы время означеннаго заключенія зачесть въ то наказаніе, которое опредѣлено ему окружнымъ судомъ по другому дѣлу. Зачетъ, — при первой къ тому возможности, —

наказанія, понесеннаго осужденнымъ по приговору неподлежащаго суда, является логическимъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго признанія такого приговора незаконнымъ.

Важныя преимущества имѣетъ такой зачетъ и съ практической точки зрѣнія. Если лицо прокурорскаго надзора, въ распорядительномъ засѣданіи суда, до разсмотрѣнія по существу вступившаго въ окружный судъ дѣла, или же въ судебномъ засѣданіи, признавъ вмѣстѣ съ судомъ, что имѣющійся въ дѣлѣ приговоръ, приведенный надъ обвиняемымъ въ исполненіе, постановленъ некомпетентнымъ судомъ, приняло рѣшеніе опротестовать таковой, то, по возстановленіи надлежащей подсудности дѣла и вступленіи его на разсмотрѣніе надлежащаго суда, послѣдній, въ случаѣ осужденія обвиняемаго, опредѣлитъ ему наказаніе по совокупности съ тѣмъ наказаніемъ, которое назначено ему судомъ, обнаружившимъ приговоръ некомпетентнаго суда и своевременно устранившимъ послѣдствія означеннаго приговора путемъ зачета незаконно понесеннаго обвиняемымъ наказанія. Затѣмъ, въ случаѣ оправданія обвиняемаго, по возстановленіи надлежащей подсудности дѣла, по которому имъ было отбыто наказаніе на основаніи приговора неподлежащаго суда, наказаніе это кстати оказывается справедливо уже зачтеннымъ. Если же, напротивъ, въ приведенномъ нами выше случаѣ изъ судебной практики, судъ, осудивъ обвиняемаго за третью кражу къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на полтора года, не зачтетъ ему незаконно отбытаго по приговору некомпетентнаго суда шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія, а новый судъ, по опротестованіи незаконнаго приговора и возстановленіи надлежащей подсудности, оправдаетъ обвиняемаго, успѣвшаго къ тому времени уже и отбыть полуторагодичное заключеніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, то зачесть шестимѣсячное тюремное заключеніе, напрасно отбытое обвиняемымъ на основаніи приговора неподлежащаго суда, окажется уже невозможнымъ. Такимъ образомъ, зачетъ наказанія, о которомъ идетъ рѣчь, не представляя, съ одной стороны, какихъ-либо неудобствъ на случай осужденія подсудимаго, по возстановленіи надлежащей подсудности, оказывается, съ другой стороны, полезнымъ и справедливымъ, при условіи того, вполнѣ естественнаго, предположенія, что, по возстановленіи надлежащей подсудности, осужденный некомпетентнымъ судомъ можетъ быть и оправданъ по тому дѣлу, по которому имъ уже понесено наказаніе.

Однако, приведенные доводы могутъ встрѣтиться съ серьезнымъ, на первый взглядъ, возраженіемъ. Признаніе судомъ, при разрѣше-

нiи того или другаго дѣла, что подсудимый понесъ наказанiе по приговору некомпетентнаго суда, и намѣренiе прокурорскаго надзора опротестовать такой приговоръ, не предрѣшая вопроса о безошибочности такого признанiя, не даютъ еще основанiя къ зачету отбытаго обвиняемымъ наказанiя, къ устраненiю послѣдствiй состоявшагося приговора, такъ какъ, въ случаѣ оставленiя протеста прокурорскаго надзора безъ уваженiя, приговоръ окажется постановленнымъ законно, а зачетъ отбытаго по этому приговору наказанiя—произведеннымъ неправильно. Противъ такихъ соображенiй нельзя не замѣтить прежде всего, что при обжалованiи всякаго приговора, напр., въ апелляцiонномъ порядкѣ, осужденнымъ ли, лицомъ ли прокурорскаго надзора, неправильность обжалованнаго приговора можетъ быть также разсматриваема, какъ одно лишь предположенiе обжаловавшей его стороны, отзывъ которой можетъ быть оставленъ и безъ уваженiя; а тѣмъ не менѣе, въ виду вступленiя отзыва, приговоръ къ исполненiю не обращается. Приговоръ не приводится въ исполненiе именно потому, что у заинтересованной въ дѣлѣ стороны возникло предположенiе о томъ, что приговоръ постановленъ неправильно, или даже убѣжденiе въ неправильности приговора. Представленiе низшею судебною инстанцiей дѣла съ жалобой или протестомъ на разсмотрѣнiе высшей инстанцiи суда для провѣрки правильности приговора и одновременное съ этимъ приведенiе означеннаго приговора въ исполненiе явились бы дѣйствiями, находящимися въ непримиримомъ противорѣчiи другъ съ другомъ и въ совмѣстномъ существованiи своемъ—немыслимыми въ уголовномъ процессѣ. Вступленiе дѣла на разсмотрѣнiе высшей инстанцiи суда по протесту прокурорскаго надзора на приговоръ, постановленный, по его убѣжденiю, некомпетентнымъ судомъ, тогда какъ въ то же время извѣстно, что осужденный этимъ приговоромъ успѣлъ уже и отбыть опредѣленное ему наказанiе, также представляется, очевидно, страннымъ, хотя иногда и трудно предотвратимымъ явленiемъ, мириться съ которымъ слѣдовало бы, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока не представится удобный случай къ зачету незаконно понесеннаго наказанiя, — къ превращенiю, такъ сказать, преждевременно исполненнаго приговора въ *неисполненный*, каковымъ онъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока высшая судебная инстанцiя не разрѣшитъ возникшаго сомнѣнiя въ его законности. Выше пояснено уже, что *осужденiе* обвиняемаго новымъ судомъ, послѣ признанiя протеста прокурорскаго надзора уважительнымъ и возстановленiя надлежащей подсудности дѣла, не пред-

ставляетъ никакихъ неудобствъ съ практической точки зрѣнія, при наличности произведеннаго зачета наказанія. Никакихъ неудобствъ не представитъ также оставленіе протеста прокурорскаго надзора безъ уваженія, такъ какъ въ этомъ случаѣ приговоръ, считавшійся постановленнымъ некомпетентнымъ судомъ и обращенный въ свое время путемъ зачета наказанія въ *неисполненный*, вступаетъ въ законную силу и подлежитъ исполненію.

Таковы тѣ соображенія, въ силу которыхъ мы защищаемъ необходимость зачета наказанія, отбытаго подсудимымъ по приговору некомпетентнаго суда, при наличности заявленія лица прокурорскаго надзора, что оно опротестуетъ означенный приговоръ.

П. Ифляндъ.

III.

О НАКАЗАНІИ ЗА НАНЕСЕНІЕ ЛЕГКИХЪ РАНЪ ВОСХОДЯЩИМЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

На основаніи 2 ч. 1483 ст. уложенія за нанесеніе легкихъ ранъ въ запальчивости или раздраженіи полагается тюремное заключеніе на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Согласно 1492 ст. улож. строгость наказаній, опредѣленныхъ въ 1477—1491 ст. улож., возвышается тремя степенями, когда увѣчья, раны, поврежденія здоровья и проч. нанесены виновнымъ отцу или матери, и—двумя степенями, если нанесены иному родственнику въ восходящей линіи или вообще лицу, поименованному въ ст. 1451. Такимъ образомъ за нанесеніе отцу или матери легкой раны въ состояніи запальчивости и раздраженія виновному будетъ слѣдовать тюремное заключеніе отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, повышенное на 3 степени, т. е. согласно 38 и 2 степени 36 ст. улож. наказ.,—заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. При нанесеніи же такой же раны иному восходящему родственнику, виновный будетъ подвергаться лишь тюремному заключенію на срокъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, безъ пораженій правъ.

Между тѣмъ на основаніи 1534 ст. улож. наказ. за нанесеніе личной какимъ-либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ обиды отцу или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи, виновный приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по

состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по 5 степ. 31 ст. улож. наказ., т. е. на срокъ отъ 1 до $1^1/_2$ лѣтъ.

Такимъ образомъ оказывается, что лицо, причинившее восходящему родственнику обиду дѣйствіемъ, наказывается строже, чѣмъ лицо, нанесшее тому же родственнику легкую рану, при чемъ особенно значительная разница получается въ томъ случаѣ, если потерпѣвшими являются дѣдъ или иной изъ старшихъ восходящихъ родственниковъ. Еще большее противорѣчіе замѣчается при сопоставленіи 1 и 2 частей 1591 ст. улож. наказ. На основаніи 1 ч. упомянутой статьи сынъ или дочь, дерзнувшіе одному изъ родителей своихъ или обоимъ нанести раны или увѣчье или причинить имъ тѣлесное поврежденіе, подвергаются за сіе наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1492 улож. наказ., т. е. опять-таки за легкія раны тюремное заключеніе по 2 степ. 36 ст. улож. наказ. На основаніи же 2 части той же 1591 статьи, дозволившій себѣ какое-либо насильственное, хотя и не соединенное съ побоями противъ родителей дѣйствіе, подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 1534 ст. улож., т. е. арестантскимъ отдѣленіямъ по 5 степ. 31 ст. улож.

При практическомъ примѣненіи означенныхъ статей уложенія о наказаніяхъ возникаетъ вопросъ, какому же въ дѣйствительности наказанію долженъ подвергнуться человѣкъ, нанесшій въ запальчивости и раздраженіи кому-либо изъ своихъ восходящихъ родственниковъ легкую рану. Въ виду того, что каждое нанесеніе раны является несомнѣнно насильственнымъ дѣйствіемъ, по нашему мнѣнію, представляется правильнымъ примѣнять къ подобнаго рода дѣламъ 2 ч. 1591 и 1534 ст. улож. наказ., при чемъ нанесеніе раны считать лишь обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину. Къ такому выводу приводитъ, какъ несправедливость положенія, чтобы за меньшее преступленіе виновный былъ наказанъ строже, чѣмъ за болѣе важное, такъ и самый текстъ 1592 ст., а именно слова: дозволившіе же..... *какое-либо насильственное, хотя и не соединенное съ побоями, дѣйствіе.* Изъ словъ этихъ, противопоставляющихъ насиліе ранамъ и поврежденіямъ, видно, что составители уложенія считали раны бо́льшимъ преступленіемъ.

Какъ непосредственный выводъ изъ означеннаго рѣшенія вопроса, слѣдуетъ, что по всѣмъ дѣламъ о нанесеніи восходящимъ родственникамъ легкихъ ранъ должно производиться предварительное слѣдствіе и что они должны быть начинаемы не по 2 ч. 1483 ст., а по 2 ч. 1591 ст. улож. наказ.

А. Глинка.

IV.

ПРАЗДНОВАНІЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ СУДЕБНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОКРУГѢ [1]).

20 минувшаго ноября судебные дѣятели Варшавскаго округа праздновали двадцатипятилѣтіе существованія въ этомъ округѣ образованныхъ по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г. судебныхъ учрежденій. Къ этому дню, по инціативѣ старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты, сенатора В. А. Аристова, была издана брошюра (въ 87 стр.), составленная подъ ближайшимъ руководствомъ инціатора секретаремъ палаты К. О. Краевскимъ и озаглавленная: „Къ XXV-лѣтію введенія Судебныхъ Уставовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго". Она содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ учрежденій этой окраины за разсматриваемый періодъ съ указаніемъ служебнаго движенія лицъ, состоящихъ на судебной службѣ въ краѣ со дня реформы.

Изъ этого труда узнаемъ, что ни одно изъ учрежденій не осталось въ томъ численномъ своемъ составѣ, въ какомъ оно было образовано въ 1876 году: съ увеличеніемъ населенія, а главное — при возникшей, а затѣмъ и окрѣпшей въ немъ увѣренности въ полной и скорой защитѣ каждымъ своихъ правъ на судѣ, при благопріятныхъ территоріальныхъ условіяхъ края, производительность, особенно механическая, и вообще дѣловая жизнь въ Привисляньѣ за обозрѣваемый періодъ чрезвычайно развились,—и тому составу судебныхъ учрежденій, съ которымъ они открыли здѣсь свои дѣйствія, скоро оказалось не подъ-силу справиться съ своей благородной задачей. Какъ выросла за это время потребность въ судебной помощи, можно судить изъ того, что, напр., окружные суды были открыты здѣсь въ составѣ 67 членовъ, нынѣ же ихъ — 99 (при чемъ Петроковскій окружный судъ, открытый въ составѣ 6 членовъ, имѣетъ въ настоящемъ своемъ составѣ 17 членовъ), число нотаріальныхъ конторъ съ 64-хъ возросло до 176, присяжныхъ повѣренныхъ было 191, нынѣ—542, число ихъ помощниковъ увеличилось съ 29 до 282 человѣкъ. Движеніе дѣлъ, представленное въ обозрѣваемой брошюрѣ въ три періода: а) въ первое XV-лѣтіе дѣятель-

---

[1]) За позднимъ полученіемъ рукописи этого сообщенія оно не могло быть напечатано въ январьской книгѣ. *Ред.*

ности здѣшнихъ судебныхъ учрежденій (1876—1890), б) въ четвертое пятилѣтіе (1891—1896) и в) послѣднее пятилѣтіе (1896—1900),—наглядно показываетъ, какъ все болѣе и болѣе увеличивается потребность здѣшней жизни въ судебныхъ органахъ; это увеличеніе особенно сильно растетъ въ послѣднее время, требуя теперь разрѣшенія такого числа дѣлъ въ годъ отъ каждаго: А) члена: а) палаты по обвинительной камерѣ — 1499, по уголовному департаменту—226, по гражданскому—220, б) окружнаго суда—по уголовному отдѣленію—576, по гражданскому—451, в) коммерческаго суда—1136 [1]); Б) мироваго судьи—2392 (мироваго же судьи г. Варшавы—4903), судебнаго слѣдователя—209, товарища прокурора: судебной палаты—867, окружнаго суда — 462, и В) гминнаго суда—1316. О степени напряженности за юбилейный періодъ дѣятельности судебныхъ учрежденій Варшавскаго округа можно судить изъ того, что всѣми судебными учрежденіями въ краѣ за это время, по исчисленію „Варшавскаго Дневника", разрѣшено 17.159.756 дѣлъ [2]).

Названная брошюра содержитъ въ себѣ также интересный матеріалъ о служебномъ движеніи судебныхъ дѣятелей въ краѣ. Изъ этихъ данныхъ, между прочимъ, видно, что изъ наличнаго въ настоящее время состава судебныхъ дѣятелей многіе работаютъ на этомъ поприщѣ въ округѣ Варшавской судебной палаты съ момента введенія реформы. Такихъ лицъ—370, состоящихъ нынѣ въ должностяхъ: предсѣдателя департамента судебной палаты — 2, члена судебной палаты — 10, товарища прокурора судебной палаты — 1, предсѣдателя окружнаго суда — 6, товарища предсѣдателя окружнаго суда—12, члена окружнаго суда — 27, предсѣдателя коммерческаго суда—1, прокурора окружнаго суда — 1, товарища прокурора окружнаго суда—3, судебнаго слѣдователя—11, предсѣдателя мироваго съѣзда—5, члена коммерческаго суда—1, мироваго судьи—22, гминнаго судьи—28, секретаря окружнаго суда—4, помощника

---

[1]) Внѣ свѣдѣній обозрѣваемой брошюры, справедливость требуетъ отмѣтить, что въ коммерческомъ судѣ число поступающихъ дѣлъ замѣтно падаетъ со второй трети 1901 г.

[2]) „Варшавскій Дневникъ" 1901 г. № 319. Приведенныя въ юбилейной брошюрѣ статистическія данныя представляютъ вообще богатый и крайне интересный матеріалъ, но останавливаться здѣсь на его подробностяхъ — не мѣсто; интересующіеся этими подробностями могутъ ознакомиться съ ними также изъ спеціально посвященнаго этимъ даннымъ фельетона въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" за 1901 г. № 263.

секретаря окружнаго суда—1, архиваріуса окружнаго суда—2, нотаріуса—91, секретаря ипотечнаго отдѣленія—21, писаря гминнаго суда—9, судебнаго пристава—23 и въ званіи присяжнаго повѣреннаго—91.

Судебная реформа въ Варшавскомъ округѣ была введена 1 іюля 1876 г., но праздновать ея XXV-лѣтіе въ соотвѣтственный день 1901 г. признано было неудобнымъ, такъ какъ, по случаю каникулярнаго времени, многіе лишены были бы тогда возможности принять участіе въ этомъ праздникѣ, и потому рѣшено было этотъ знаменательный моментъ въ жизни Варшавскаго судебнаго округа пріурочить къ общему празднику русскихъ юристовъ—20 ноября.

Недѣли за три до этого дня отъ старшаго предсѣдателя судебной палаты были разосланы по округу два оповѣщенія. Первымъ изъ нихъ сообщалось, что 20 ноября, передъ началомъ занятій, будетъ отслужено въ судебной палатѣ благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю исполнившагося XXV-лѣтія со времени введенія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Къ молебну приглашались пребывающіе въ Варшавѣ чины всѣхъ судебныхъ установленій, а также присяжные повѣренные округа палаты. Другое оповѣщеніе содержало въ себѣ приглашеніе на „очередной [1]) товарищескій обѣдъ чиновъ“ округа Варшавской судебной палаты; участіе въ обѣдѣ на этотъ разъ могли принять не только занимающіе, но и занимавшіе въ округѣ должности судей общихъ и мировыхъ учрежденій, прокуроровъ и ихъ товарищей и состоящіе нынѣ въ должности секретарей судебной палаты, окружныхъ и коммерческаго судовъ и мировыхъ съѣздовъ. Всѣми сознавалась и чувствовалась потребность пригласить на этотъ обѣдъ и молодежь, но, сообразуясь съ размѣрами помѣщенія, юнѣйшій элементъ судебныхъ дѣятелей пришлось, къ искреннему сожалѣнію, ограничить лишь состоящими въ должности секретарей.

Въ обширномъ, свѣтломъ и эффектномъ пріемномъ залѣ палаты съ чудными лѣпными работами и художественно исполненными фресками, уже къ 11 ч. утра 20 ноября собрались судебные чины,

[1]) Уже давно въ Варшавѣ въ средѣ судебныхъ чиновъ установился обычай собираться ежемѣсячно на товарищескій обѣдъ, который обыкновенно происходитъ въ первый четвергъ послѣ каждаго 20 числа, а въ ноябрѣ этотъ обѣдъ происходитъ непремѣнно 20 числа. Участвуютъ въ этихъ обѣдахъ лица, состоящія въ судейскихъ должностяхъ, включая судебныхъ слѣдователей, и въ прокурорскомъ надзорѣ.

между которыми оказалось весьма много прибывшихъ изъ другихъ городовъ Привислянья; у входа въ залъ старшій предсѣдатель судебной палаты, В. А. Аристовъ, встрѣчалъ входящихъ, привѣтствуя каждаго поздравленіями съ праздникомъ. Ровно въ 11 ч. собравшіеся перешли въ залъ общихъ собраній палаты, въ которомъ находится бюстъ Государя Императора Александра II, постановленный по Высочайше разрѣшенной подпискѣ судебными чинами и прокурорскаго надзора перваго XV-лѣтія палаты; бюстъ этотъ установленъ 20 ноября 1891 г. [1]). Здѣсь В. А. Аристовъ обратился къ собравшимся съ слѣдующими, приблизительно, словами: въ настоящемъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени введенія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго, образовавшихъ Варшавскій судебный округъ. Всѣми, кого эта годовщина застаетъ здѣсь на работѣ у судебнаго дѣла, живо и глубоко сознается потребность отмѣтить эту знаменательную годовщину въ нашей жизни и отпраздновать ее въ тѣсномъ кругу нашей судебной семьи, пріурочивъ нашъ праздникъ къ достопамятному дню— 20 ноября. По исконному нашему христіанскому обычаю, начнемъ же праздникъ нашъ молитвою, въ которой полнѣе всего выразятся переживаемыя нами и волнующія насъ чувства и пожеланія.

Благоговѣйное и проникновенное служеніе маститаго протоіерея здѣшняго каѳедральнаго собора, полное гармоніи пѣніе прекраснаго архіерейскаго хора какъ-то умиляюще и молитвенно направляли и безъ того возвышенное настроеніе собравшихся. По торжественномъ возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Государю Наслѣднику и всему Царствующему Дому, и затѣмъ трудящимся нынѣ на судебномъ поприщѣ въ округѣ и предстоящимъ судебнымъ дѣятелямъ, возглашена была вѣчная память незабвеннымъ Монархамъ Александру II и Александру III и всѣмъ почившимъ судебнымъ дѣятелямъ Варшавскаго округа.

По окончаніи богослуженія В. А. Аристовъ прочиталъ собравшимся слѣдующую, полученную на его имя, телеграмму Министра Юстиціи Статсъ Секретаря Н. В. Муравьева:

„Въ сегодняшнюю знаменательную годовщину отъ всего сердца привѣтствую всѣ учрежденія новаго русскаго суда, дарованнаго четверть вѣка назадъ Привислинскому краю мудростію Великаго

---

[1]) Такой же и тогда же поставленъ бюстъ въ Варшавскомъ окружномъ судѣ при предсѣдателѣ А. А. Чернявскомъ.

Законодателя. Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія мысленно обозрѣвая ихъ честную, просвѣщенную и самоотверженную дѣятельность, бывшую всегда вѣрнымъ оплотомъ правды и законности среди многотрудныхъ условій западныхъ окраинъ, горячо желаю Вашему Превосходительству и всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ Варшавскаго округа здоровья, бодрости и силъ для дальнѣйшаго плодотворнаго служенія Престолу и Отечеству".

Затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ В. А. Аристова, состоялось совѣщаніе всѣхъ наличныхъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и прокуроровъ, въ которомъ остановились на томъ, чтобы при содѣйствіи служащихъ и служившихъ въ Варшавскомъ округѣ судебныхъ чиновъ собрать и сосредоточить въ судебной палатѣ матеріалы для исторіи нынѣшнихъ судебныхъ учрежденій этого округа за истекшее XXV—лѣтіе и въ ближайшемъ будущемъ приступить къ разработкѣ этихъ матеріаловъ и къ составленію подробнаго историческаго обзора дѣятельности сказанныхъ учрежденій за пережитое время, при чемъ какъ собраніе матеріаловъ, такъ и разработку ихъ, произвести по программѣ, которую выработаетъ коммисія, образованная, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, изъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ учрежденій, находящихся въ Варшавѣ, и другихъ лицъ по приглашенію коммисіи. На этомъ же совѣщаніи высказано было также желаніе завести въ каждомъ судебномъ учрежденіи края особый нарядъ, въ которомъ впредь собирать все, имѣющее историческій интересъ.

Вечеромъ состоялся торжественный обѣдъ. Задолго еще до 6 ч. вечера помѣщеніе „Русскаго собранія" стало наполняться участниками обѣда, а къ назначенному часу отведенныя для гостей залы собранія оказались переполненными: собралось свыше 200 человѣкъ! Все время чувствовалось какое-то особенное оживленіе, которое внесли, главнымъ образомъ, пріѣзжіе, радостно привѣтствуя другъ друга послѣ долголѣтней для многихъ разлуки. Размѣстившись по столамъ безъ чиновъ, иногда въ незнакомомъ даже сосѣдствѣ, но въ общемъ оживленіи и освѣжающемъ подъемѣ духа, всѣ собравшіеся чувствовали себя въ родной семьѣ. Между участниками товарищеской трапезы скоро завязалась дружеская, оживленная бесѣда: посѣдѣлые судебные дѣятели дѣлились съ юнѣйшими товарищами воспоминаніями и ободряли новичковъ въ здѣшнемъ краѣ; не вполнѣ еще ознакомленные съ мѣстнымъ бытомъ внимательно прислушивались къ разсказамъ давнихъ дѣятелей и довѣрчиво обращались къ нимъ за совѣтами; тамъ слышно было

сравненіе былаго въ краѣ съ его теперешнимъ состояніемъ, здѣсь оживленно дебатировался юридическій казусъ; слышались толки и предположенія въ виду будущей реформы; всюду—оживленный шумъ, веселыя лица, бойкій говоръ.

Но вотъ въ бокалахъ заискрилось шампанское; раздался призывъ къ вниманію,—и въ залѣ моментально воцарилась торжественная тишина. Сенаторъ В. А. Аристовъ провозгласилъ первый тостъ: „за драгоцѣнное здравіе Его Императорскаго Величества Государя Императора", покрытый громогласнымъ, долго не смолкавшимъ „ура". Военный оркестръ заигралъ народный гимнъ, которому воодушевленно вторили многіе изъ собравшихся, умѣющіе пѣть. Второй тостъ В. А. Аристова—„за Августѣйшую Покровительницу Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну принятъ также восторженно. Затѣмъ В. А. Аристовъ, вновь прочитавъ телеграмму Министра Юстиціи, провозгласилъ тостъ за здоровье статсъ секретаря Н. В. Муравьева, встрѣченный дружнымъ „ура". Послѣ того В. А. Аристовъ поднялъ бокалъ въ честь бывшаго Министра Юстиціи, при которомъ была введена здѣсь судебная реформа, графа К. И. Палена, предварительно прочитавъ слѣдующую телеграмму его: „по случаю двадцатипятилѣтія судебнаго округа позвольте мнѣ принести Вамъ и всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ мои лучшія пожеланія къ этому знаменательному дню—20 ноября. Моихъ старыхъ сослуживцевъ прошу особенно принять самый сердечный мой привѣтъ". Далѣе слѣдовалъ тостъ за здоровье бывшаго Министра Юстиціи Д. Н. Набокова. Затѣмъ была прочитана, съ провозглашеніемъ здравицы, слѣдующая телеграмма предмѣстника В. А. Аристова по Варшавѣ, П. М. Бутовскаго: „сердечно привѣтствую Васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Антоновичъ, и дорогихъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ съ сегодняшней годовщиной. Искренне сожалѣю, что не могу быть сегодня среди тѣхъ, съ которыми работалъ въ первое 25-тилѣтіе и о которыхъ сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе. Горячо желаю почтеннымъ судебнымъ дѣятелямъ Варшавскаго округа и впредь полнаго успѣха въ трудномъ дѣлѣ праваго суда". Дружными „ура" живо отвѣтили собравшіеся на эти тосты. Съ большимъ вниманіемъ выслушано было, далѣе, письмо вводившаго въ краѣ судебную реформу, перваго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты, Н. Н. Герарда: „всѣмъ сердцемъ я буду участвовать 20 ноября въ чествованіи 25-тилѣтія судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, радуясь за ея успѣхъ, за всю пользу, которую она при-

несла краю, за службу, которую она сослужила нашему дорогому отечеству. Хотѣлось бы мнѣ лично поздравить съ этимъ юбилеемъ нынѣшнихъ дѣятелей по судебной части, съ честью исполняющихъ свои тяжелыя обязанности, и почтить воспоминаніемъ тѣхъ, которые въ эту четверть вѣка трудились на этомъ славномъ поприщѣ, но, къ сожалѣнію, я не предвижу возможности быть въ этотъ день въ Варшавѣ и прошу Васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Антоновичъ, принять отъ меня и передать Вашимъ сослуживцамъ искреннюю благодарность за память обо мнѣ и приглашеніе. Кто зналъ меня въ Варшавѣ, тотъ, конечно, не усомнится, что это для меня— большое лишеніе и что я былъ бы счастливъ провести этотъ день въ Вашей глубокоуважаемой средѣ". Еще не было прочитано это письмо, какъ была подана только-что полученная и также прочитанная В. А. Аристовымъ телеграмма Н. Н. Герарда: „отъ души поздравляю съ 25-тилѣтіемъ судебныхъ установленій Варшавскій округъ! Судебной палатѣ, окружнымъ судамъ, коммерческому суду, мировымъ учрежденіямъ, гминнымъ судамъ, нотаріусамъ и присяжнымъ повѣреннымъ, всѣмъ участвовавшимъ въ великомъ дѣлѣ отправленія правосудія въ этомъ краѣ, всѣмъ подвизавшимся на этомъ благородномъ поприщѣ въ духѣ нашихъ дорогихъ Судебныхъ Уставовъ, всѣмъ содѣйствовавшимъ упроченію и развитію судебныхъ учрежденій, привлекающихъ къ себѣ общественное уваженіе,—честь и слава! Отъ стараго товарища примите горячій привѣтъ и лучшія благопожеланія". Одушевленнымъ „ура" выразилось сочувствіе присутствовавшихъ этому отъ души вылившемуся привѣтствію. Затѣмъ вновь поднялся В. А. Аристовъ и провозгласилъ тостъ за Варшавскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта М. И. Черткова, встрѣченный также громкимъ „ура". Одушевленно и сердечно отозвались присутствующіе на тостъ распорядителя обѣда И. С. Крашенинникова за здоровье первенствующаго судьи въ краѣ, сенатора В. А. Аристова и прокурора Варшавской судебной палаты Е. В. Васильева. Съ живымъ сочувствіемъ были приняты и слѣдовавшіе затѣмъ два тоста В. А. Аристова: 1) въ честь 25 лѣтъ творящихъ судебное дѣло въ краѣ и 2) за здоровье всѣхъ нынѣшнихъ его судебныхъ дѣятелей и за постоянный успѣхъ судебнаго дѣла.

Тосты и здравицы постоянно смѣнялись безпрерывно получавшимися телеграммами; авторы ихъ—лица самыхъ разнообразныхъ служебныхъ положеній (отъ Члена Государственнаго Совѣта до скромнаго секретаря при прокурорѣ); привѣтомъ на варшавскій празд-

никъ отозвались не только столицы и центры, вспомнили о немъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири..... Обѣдъ окончился, но собравшіеся съ неохотою оставляли „Русское Собраніе“, какъ бы дорожа случаемъ съ отрадою, а для многихъ и съ пользою, провести время въ дружной судебной семьѣ.

Отъ Варшавы не отстала и провинція: по ея примѣру и въ другихъ городахъ Привислянья съ большимъ одушевленіемъ чествовали судебные дѣятели этотъ знаменательный день, который для многихъ совпалъ и съ юбилейною годовщиною ихъ личнаго пребыванія и дѣятельности въ этомъ краѣ въ теченіе четверти вѣка; многимъ изъ юбиляровъ по этому поводу поднесены товарищами соотвѣтствующіе жетоны, которыми удостоивали не только лицъ замѣтнаго служебнаго положенія, но и скромнѣйшихъ дѣятелей, до писаря гминнаго суда включительно.

Д. В. Туткевичъ.

V.

ДѢЛО ОБЪ ИСТЯЗАНІИ ОТЦОМЪ ДОЧЕРИ.

19-го мая 1901 года Смоленскій окружный судъ, въ городѣ Смоленскѣ, при участіи присяжныхъ засѣдателей, слушалъ дѣло о дворянинѣ Александрѣ Петровѣ Плохово, обвиняемомъ по 1489, 1492 и 1476 ст. улож. наказ. По выслушаніи дѣла присяжные засѣдатели признали потомственнаго дворянина Смоленской губ., Гжатскаго уѣзда, Александра Петрова Плохово, 46 лѣтъ, 1) виновнымъ въ томъ, что въ половинѣ октября мѣсяца 1899 года, въ имѣніи Горлово, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губ., въ продолженіе около часа стегалъ свою дочь Александру, 17 лѣтъ, ремнемъ по спинѣ и плечамъ, билъ ее ногами, таскалъ за волосы и съ цѣлью воспрепятствовать ей кричать, приставлялъ къ ея головѣ револьверъ, грозя лишить жизни, каковыми дѣйствіями причинилъ ей мученія, отличавшіяся продолжительностью и жестокостью, и 2) невиновнымъ въ томъ, что чрезъ явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе родительской властью побудилъ дочь свою Александру покуситься на свою жизнь, для каковой цѣли она выпила капли доктора Соболевскаго, заключавшія въ себѣ ядовитыя вещества, но смерть Алек-

сандры Плохово не послѣдовала въ виду того, что въ капляхъ этихъ ядовитыхъ веществъ было не въ достаточномъ количествѣ для отравленія. Преступное дѣяніе, въ которомъ признанъ виновнымъ подсудимый Плохово, предусмотрѣно 1489 ст. улож., на основаніи которой за причиненіе кому-либо съ умысломъ тяжкихъ, подвергающихъ жизнь его опасности, побоевъ или иныхъ истязаній и мученій, виновный, смотря по оказанной имъ большей или меньшей жестокости, по степени причиненнаго имъ вреда и другимъ, сопровождавшимъ его дѣяніе, обстоятельствамъ, приговаривается: къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по первой, второй или третьей степени ст. 31 улож. Строгость наказанія, опредѣленнаго 1489 ст. улож., возвышается, на основаніи 1492 и 1451 ст. улож., двумя степенями, когда побои нанесены отцомъ дочери. Принимая во вниманіе, что истязанія и мученія, причиненныя подсудимымъ Плохово его дочери Александрѣ, не причинили вреда ея здоровью, судъ, руководствуясь 149 ст. улож., призналъ правильнымъ избрать меньшее изъ наказаній, опредѣленныхъ 1489 ст. улож., а именно: по 3 степ. 31 ст. улож. и, возвысивъ таковое согласно 1492 и 1451 ст. улож. на двѣ степени, подвергнуть подсудимаго дворянина Александра Петрова Плохово наказанію по 1 степ. 31 ст. улож. въ низшей мѣрѣ, т. е. за отмѣною ссылки въ Сибирь по закону 10 іюня 1900 г., лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 3 года и 6 мѣсяцевъ, съ замѣною этого наказанія въ случаяхъ и въ порядкѣ, указанныхъ въ 77 ст. улож., заключеніемъ въ тюрьмѣ на тотъ же срокъ и съ послѣдствіями, установленными 2, 3 и 4 п. разд. III закона 10 іюня 1900 г., а именно: содержаніемъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ въ особыхъ помѣщеніяхъ и съ обязательствомъ, по освобожденіи изъ заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, избрать себѣ родъ жизни съ припискою въ мѣщанское или сельское состояніе безъ права участія въ выборахъ; кромѣ того съ отдачею, по освобожденіи отъ работъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, подъ надзоръ мѣстной полиціи на 4 года. Уплата судебныхъ по дѣлу издержекъ должна быть возложена на обвиняемаго Плохово; въ случаѣ же несостоятельности его къ платежу издержки подлежатъ окончательно принятію на счетъ казны. Вещественныя по дѣлу доказательства,

письма и сигнатурка, подлежатъ оставленію при дѣлѣ. Тотъ же подсудимый Александръ Плохово долженъ быть, за силою рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., признанъ оправданнымъ по обвиненію въ злоупотребленіи родительской властью, побудившемъ его дочь покуситься на самоубійство. Настоящій приговоръ, по вступленіи въ законную силу, прежде обращенія его къ исполненію, слѣдуетъ, на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества. На основаніи вышеизложеннаго окружный судъ опредѣляетъ: потомственнаго дворянина Смоленской губ., Гжатскаго уѣзда, Александра Петрова Плохово, 46 лѣтъ, на основаніи 1489, 149, 3 степ. 31, 1492, 1451, 1 степ. 31 ст. улож., закона 10 іюня 1900 г. о замѣнѣ ссылки, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ и отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія на $3^1/_2$ года, съ замѣною по 77 ст. улож. и съ послѣдствіями по 3, 4 и 5 п. разд. III закона 10 іюня 1900 г. Судебныя по дѣлу издержки взыскать съ обвиняемаго Плохово, а при его несостоятельности принять на счетъ казны. Вещественныя доказательства оставить при дѣлѣ. По обвиненію того же Плохово въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1476 ст. улож., на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., считать по суду оправданнымъ. Настоящій приговоръ, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія его къ исполненію, на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Императорскаго Величества.

На означенный приговоръ дворянинъ Александръ Плохово принесъ въ Правительствующій Сенатъ кассаціонную жалобу слѣдующаго содержанія.

„Приговоръ Смоленскаго окружнаго суда отъ $^{12}/_{26}$ мая сего года, какъ постановленный съ явнымъ нарушеніемъ прямаго смысла закона и неправильнымъ толкованіемъ его при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, а равно какъ постановленный съ существеннымъ нарушеніемъ обрядовъ и формъ уголовнаго судопроизводства, при чистомъ сознаніи своей абсолютной невинности въ преступленіи, обвинительнымъ актомъ мнѣ предъявленномъ, я нахожу невозможнымъ признать въ силѣ рѣшенія судебнаго, а потому онъ подлежитъ отмѣнѣ въ той части, въ которой я признанъ виновнымъ, въ подтвержденіе чего и беру смѣлость представить на милостивое и высоко справедливое благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената нижеслѣдующіе доводы. Обращаясь къ редакціи

1-го вопроса, поставленнаго на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, нельзя не прійти къ точно логичному заключенію, что въ немъ, какъ и въ обвинительномъ актѣ, установлены всѣ признаки, дающіе основаніе ставить обвиненіе только въ побояхъ, а не въ истязаніи; подтверждается это и заключеніемъ экспертизы, которая въ протоколѣ судебнаго засѣданія занесена такъ: „экспертъ далъ свое заключеніе относительно свойствъ побоевъ", подтверждается это и ссылкою суда на 1492 ст. улож. наказ., которая, какъ по своей редакціи, такъ и по разъясняющимъ ее рѣшеніямъ Угол. Касс. Д—та подлежитъ примѣненію только къ обозначеннымъ въ ней преступленіямъ, въ перечень которыхъ истязаніе не включено. Такимъ образомъ, дабы побои эти подлежали преслѣдованію по 1489 ст. улож. наказ., необходимо, чтобы основные признаки этой статьи: умыселъ, тяжесть побоевъ и опасность ихъ для жизни, какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и въ вопросахъ присяжнымъ засѣдателямъ были не обойдены; въ дѣлахъ о побояхъ многократными рѣшеніями Правительствующаго Сената, особенно въ отношеніи признанія побоевъ опасными для жизни, разъяснено, что опущеніе этого существеннаго признака положительно исключаетъ всякую возможность примѣненія 1489 ст. улож. наказ. Такъ, напримѣръ: „признаніе подсудимаго виновнымъ даже въ томъ, что онъ сѣкъ жертву прутьями и билъ палкой такъ сильно, что она долгое время была больна, не даетъ однако права примѣнить ст. 1489, если присяжные не признаютъ, что побои грозили опасностью для жизни". Рѣш. Угол. Касс. Д—та 1875 г. № 616, Зрячева. То же обстоятельство, что побои, какъ значится въ обвинительномъ актѣ и вопросѣ присяжнымъ засѣдателямъ, причинили мученія, отличавшіяся продолжительностью и жестокостью, еще не устанавливаетъ наличности истязаній, предусмотрѣнныхъ 1489 ст. улож. наказ., такъ какъ мученія могутъ быть только послѣдствіемъ жестокости, а не сами отличаться ею. При чемъ рядомъ рѣшеній Угол. Касс. Д—та 1870 г. № 1413, князя Мамія Гуріели, 1872 г. № 491, Дрейера, 1875 г. № 25, Кравченко, и 1883 г. №№ 7 и 25 Шенфельда и Гурѣева, разъяснено, что при истязаніи, какъ преступленіи тяжкомъ, мученіе и жестокость должны представлять высшую и притомъ болѣе продолжительную степень страданія, нежели при обыкновенномъ насиліи и побояхъ, хотя бы и тяжкихъ, а это въ данномъ дѣлѣ ничѣмъ не установлено, и самые побои отнесены къ непричинившимъ вреда здоровью, т. е. легкимъ. Въ заключеніе доказательствъ неправильности примѣненія 1489 ст. улож. наказ. прошу вниманія

Правительствующаго Сената къ тому, что дѣяніе, въ которомъ обвиненіе усматриваетъ мою виновность по второму вопросу, присяжными засѣдателями отвергнуто отвѣтомъ: „нѣтъ не виновенъ", т. е. однимъ полнымъ отрицаніемъ виновности по вопросу; между тѣмъ въ вопросъ этотъ включенъ признакъ „явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе родительской властью", каковой приведеннымъ отвѣтомъ, согласно 812 ст. уст. угол. суд., долженъ почитаться также отвергнутымъ во всей своей полнотѣ; а такъ какъ событіе, послужившее основаніемъ моего обвиненія по второму вопросу, явилось якобы послѣдствіемъ мною содѣяннаго и послужившаго основаніемъ для обвиненія по первому вопросу, то въ виду такой послѣдовательной и безпрерывной связи дѣянія съ своимъ послѣдствіемъ, въ виду одновременности этихъ событій, какъ основаній обвиненія, нельзя не прійти къ тому строго логичному выводу, что отвергнутый присяжными засѣдателями признакъ втораго вопроса—„явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе родительской властью"—должно всецѣло отнести и къ признакамъ виновности, означеннымъ въ первомъ вопросѣ; такимъ образомъ, если усмотрѣнный обвиненіемъ грозный признакъ—„явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе родительской властью"—вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей въ моихъ дѣяніяхъ не констатированъ, то тѣмъ самымъ этимъ дѣяніямъ моимъ приданъ характеръ мѣръ исправительныхъ, что̀—мое право и тяжелый, но святой долгъ, какъ всякаго любящаго своихъ дѣтей и несчастнаго ихъ фатальными ошибками отца. На основаніи существа изложеннаго я и просилъ судъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса о простыхъ побояхъ, на что̀ мнѣ давало право установленное, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судебномъ, безвредное для здоровья наказанной послѣдствіе побоевъ и присяжное показаніе доктора, статскаго совѣтника Головина, который удостовѣрилъ, что, несмотря на свое полуторачасовое нахожденіе около дочери моей Александры, не только никакихъ признаковъ побоевъ на лицѣ и видимыхъ частяхъ организма послѣдней онъ не замѣтилъ, но даже не нашелъ никакой особенной нервной возбужденности. Судъ, отказавъ мнѣ въ постановкѣ означеннаго вопроса на томъ основаніи, что обвиненіе въ простыхъ побояхъ обвинительнымъ актомъ ко мнѣ не предъявлено и что за нихъ я не могу нести наказаніе, какъ отецъ, тѣмъ самымъ поступилъ вопреки 751 ст. уст. угол. суд. и разъясняющихъ ее рѣшеній Угол. Касс. Д—та 1871 г. № 1200, Ильинскаго, 1872 г. № 798, Шереметева,

1875 г. № 219, Колесова и ст. 763 того же устава. Переходя затѣмъ къ объясненію незаконности допущеннаго судомъ согласно ходатайства товарища прокурора прочтенія протоколовъ предварительнаго слѣдствія, вопреки моего на то возраженія, беру смѣлость представить высокозаконному сужденію Правительствующаго Сената слѣдующія свои соображенія: 1) прочтеніе протокола отъ 9 декабря 1899 г., заключающаго въ себѣ три письма отказавшейся отъ показанія на судѣ дочери моей Елизаветы и черновое прошеніе, писанное отъ лица тоже отказавшейся отъ показанія моей жены Прасковьи Григорьевой, притомъ же подписанное за нее и будто бы поданное по назначенію безъ всякаго однако съ ея стороны на то уполномочія, нельзя не признать нарушеніемъ 629 ст. уст. угол. суд. и разъясняющаго ее рѣшенія Угол. Касс. Д—та 1884 г. № 13 по д. Мельницкихъ. Прочтеніемъ этимъ нарушена и 705 ст. уст. угол. суд., на основаніи которой не можетъ быть читано показаніе, отъ дачи котораго на судѣ отказался свидѣтель въ силу своего права, слѣдовательно, не можетъ быть читанъ и документъ, служащій доказательствомъ правильности показанія, подкрѣпляющій его и составляющій его сущность (рѣш. Угол. Касс. Д—та 1870 г. № 448). Правильность этого положенія подтверждается еще и тѣмъ, что хотя законъ въ видѣ изъятія объ устности и допускаетъ прочтеніе документовъ, но подъ условіемъ, чтобы они относились къ предмету показаній, а разъ показаніе не можетъ читаться, слѣдовательно, не можетъ читаться и документъ, составляющій предметъ его, такъ какъ черезъ это оглашается его сущность (рѣш. Угол. Касс. Д—та 1868 г. № 993 и 1869 г. № 1050). Наконецъ, обстоятельство это нельзя не признать нарушающимъ и 625 ст. уст. угол. суд., т. е. устность производства, что составляетъ одно изъ существенныхъ условій правильнаго производства уголовныхъ дѣлъ (рѣш. Угол. Касс. Д—та 1898 г. № 19). Все изложенное въ отношеніи нарушенія закона по прочтенію протокола предварительнаго слѣдствія отъ 9 декабря 1899 г. относится и до прочтенія протоколовъ отъ 29 ноября 1899 г. и 8 января 1900 г. Затѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочитанныхъ документовъ позволительно добавить, что ходатайство о такомъ оглашеніи ихъ вовсе не подлежало удовлетворенію и вслѣдствіе неозначенія этихъ документовъ въ обвинительномъ актѣ, а по отношенію къ копіи прошенія Смоленскому губернатору—еще и то, что вѣрность ея съ подлинникомъ ничѣмъ въ дѣлѣ не установлена, да и самый подлинникъ является подложнымъ, о чемъ въ

концѣ копіи свидѣтельствуетъ самъ ея авторъ. Письмо же гжатскому уѣздному предводителю, какъ анонимъ, въ силу опредѣленія закона есть не что иное, какъ пасквиль, который никакому разслѣдованію подлежать не можетъ. Обращаясь къ неправильностямъ, допущеннымъ судомъ при допросѣ свидѣтелей, позволительно указать на обстоятельства, сопровождавшія допросъ свидѣтельницы Прасковьи Григорьевой, родной сестры моей жены. Когда товарищъ прокурора сталъ предлагать ей одинъ за другимъ вопросы, касающіеся моихъ отношеній къ женѣ, и я обратился къ предсѣдательствующему съ просьбой воспретить касаться такихъ сторонъ моей семейной жизни, которыя не входятъ въ составъ предъявленнаго ко мнѣ обвиненія, предсѣдательствующій отвѣтилъ: „предоставьте мнѣ знать, о чемъ можно спрашивать свидѣтельницу и о чемъ нельзя, это—мое право", и допросъ продолжался, при чемъ свидѣтельница, отвѣчая на вопросы товарища прокурора, давала показанія о моихъ къ женѣ отношеніяхъ, объясненія которыхъ мною на предварительномъ слѣдствіи со ссылкою на свидѣтелей оставлены судебнымъ слѣдователемъ непровѣренными, какъ не имѣющія существеннаго для дѣла значенія и не относящіяся къ предмету предъявленнаго ко мнѣ обвиненія, что̀ видно изъ постановленія судебнаго слѣдователя отъ 13 марта 1900 г., за № 4. Этимъ нарушена 718 ст. уст. угол. суд. Если къ сказанному еще добавить, что судъ, ссылаясь на ст.ст. 575 и 576 уст. угол. суд., дважды отказалъ мнѣ въ вызовѣ дополнительныхъ свидѣтелей, имѣя на то возможность во времени, и дважды допустилъ приведенныхъ мною свидѣтелей, игнорируя тотъ же законъ и мотивируя свой произволъ желаніемъ предоставить мнѣ всѣ мѣры для оправданія, если принять во вниманіе, что, вопреки моего законнаго передъ судомъ письменнаго ходатайства о переносѣ дѣла слушаніемъ изъ Смоленска въ Гжатскъ, чѣмъ возстановилось бы равновѣсіе между обвиненіемъ и защитой и отказъ въ чемъ давалъ явный и незаконный перевѣсъ обвиненію, давшій ему возможность отводомъ 3-хъ лицъ изъ наличнаго состава присяжныхъ засѣдателей значительно и, можетъ быть, даже на половину увеличить шансы обвиненія въ прямое нарушеніе законныхъ интересовъ защиты, для которой, вслѣдствіе неизвѣстности субъективныхъ качествъ каждаго изъ присяжныхъ засѣдателей равноправность отвода явилась уже силой полнаго безсилія, если даже добавить еще къ этому незаконное оглашеніе прочтеніемъ писемъ и въ видѣ документовъ, имѣющихъ доказательную силу моей виновности, подложнаго прошенія и пасквиля, если добавить къ этому, опротестованный мною, но раз-

рѣшенный судомъ допросъ свидѣтельницы Прасковьи Григорьевой по вопросамъ, не касающимся, по постановленію судебнаго слѣдователя, существа предъявленнаго ко мнѣ обвиненія и потому предварительнымъ слѣдствіемъ непровѣреннымъ, если принять во вниманіе усмотрѣнную Правительствующимъ Сенатомъ со стороны суда, давшаго свое сужденіе по первому разбору настоящаго дѣла, „очевидно цѣль усилить обвиненіе";—то позволительно видѣть въ вышеизложенномъ допущенномъ и настоящимъ составомъ суда тоже несправедливое усиленіе обвиненія. Въ заключеніе своей настоящей кассаціи считаю необходимымъ представить гуманно милостивому вниманію Правительствующаго Сената, что если присяжными засѣдателями я и признанъ виновнымъ въ наказаніи своей дочери, то это только потому, что ужасныя основанія этого наказанія для нихъ остались неизвѣстными, и защищаться ими, защищаться позоромъ своихъ дѣтей, защищаться предъ новыми людьми,—было выше моихъ силъ, выше чувствъ самоохраненія. Въ конечное заключеніе кассаціи, основываясь на 168 ст. т. X ч. I зак. гражд., самое возбужденіе настоящаго дѣла и его продолженіе я нахожу несогласными съ редакціей означенной статьи этого основнаго закона, а потому и неподлежаще учиненными, ибо статья эта даетъ право власти вчинать преслѣдованіе только за такія дѣянія, которыя своимъ послѣдствіемъ влекутъ наказаніе уголовное, а не исправительное. На основаніи изложеннаго, признавая приговоръ Смоленскаго окружнаго суда 12—26 прошедшаго мая по первому вопросу предъявленнаго ко мнѣ обвиненія и вердиктъ присяжныхъ засѣдателей по тому же вопросу неправильнымъ и немогущимъ имѣть силу и значеніе рѣшенія судебнаго, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ по изложеннымъ основаніямъ и тѣмъ, какія Правительствующій Сенатъ изволитъ усмотрѣть лично,—отмѣнить, дѣло за отсутствіемъ состава преступленія производствомъ прекратить; если же Правительствующій Сенатъ эту мою просьбу признаетъ уваженія недостойной, то почтительно прошу о передачѣ дѣла для новаго разсмотрѣнія по первому вопросу новому суду.

Въ отношеніи кассаціонныхъ поводовъ, указанныхъ въ кассаціонной жалобѣ подсудимаго Плохово, изъ подлиннаго производства усматривается слѣдующее.

Въ протоколѣ судебнаго засѣданія окружнаго суда значится, что подсудимый на судѣ заявилъ, что онъ копію обвинительнаго акта, списки судей, лицъ прокурорскаго надзора, присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей получилъ и отвода противъ наличнаго состава

судей не предъявляетъ. . . . Подсудимый просилъ судъ допросить приведенную имъ крестьянку Пелагею Дмитріеву въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу, объяснивъ, что она въ теченіе продолжительнаго времени жила у него, подсудимаго, въ домѣ въ качествѣ прислуги и можетъ показать о его постоянныхъ родительскихъ попеченіяхъ къ своимъ дѣтямъ. По распоряженію предсѣдательствующаго Пелагея Дмитріева была приглашена въ залу засѣданія. Товарищъ прокурора полагалъ, хотя подсудимый ходатайствуетъ о допросѣ Пелагеи Дмитріевой въ качествѣ свидѣтельницы и не въ установленный закономъ срокъ, но, чтобы предоставить подсудимому всѣ способы къ оправданію, допустить Пелагею Дмитріеву въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу. Судъ, имѣя въ виду, что стороны противъ допроса Пелагеи Дмитріевой не возражаютъ, и предоставляя подсудимому всѣ способы къ оправданію, опредѣлилъ: допросить приведенную подсудимымъ крестьянку Пелагею Дмитріеву въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу. Послѣ этого Пелагея Дмитріева была удалена въ комнату, гдѣ находились остальные свидѣтели. . . . . Изъ числа присяжныхъ засѣдателей товарищемъ прокурора было отведено три; подсудимый отказался воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей. . . . . Были приглашены въ залу засѣданія свидѣтели; каждому изъ нихъ были задаваемы предсѣдательствующимъ вопросы, установленные 702 ст. уст. угол. суд., при чемъ свидѣтельницы: Александра, Елизавета и Ирина Александровы Плохово заявили, что онѣ родныя дочери подсудимаго, а Прасковья Григорьева Плохово,—что она жена подсудимаго, и, по разъясненіи предсѣдательствующимъ содержанія 705 ст. уст. угол. суд., всѣ вышеупомянутыя свидѣтельницы отказались давать показанія по настоящему дѣлу, а свидѣтели, сыновья подсудимаго, Николай и Алексѣй Плохово пожелали давать показанія. Соблюдена 703 ст. уст. угол. суд., при чемъ подсудимый заявилъ отводъ отъ присяги свидѣтельницы Прасковьи Григорьевой, какъ родной сестры своей жены. Судъ, по выслушаніи заключенія товарища прокурора, опредѣлилъ: согласно 705 ст. уст. угол. суд., Александру, Елизавету и Ирину Александровыхъ и Прасковью Григорьеву Плохово устранить отъ свидѣтельскихъ показаній по настоящему дѣлу, свидѣтелей Николая и Алексѣя Плохово, согласно 705 ст. уст. угол. суд., допросить безъ присяги, свидѣтельницу Прасковью Григорьеву, согласно 707 ст. уст. угол. суд., допросить безъ присяги, какъ отведенную отъ присяги подсудимымъ. . . . . . Свидѣтельница Екатерина Шапошникова была допрошена судомъ съ соблю-

деніемъ 718—724 ст. уст. угол. суд.; товарищъ прокурора просилъ судъ прочесть 3 письма, представленныя свидѣтельницей Шапошниковой и описанныя судебнымъ слѣдователемъ въ протоколѣ осмотра отъ 9 декабря 1899 г. Возраженій со стороны подсудимаго сдѣлано не было. Судъ постановилъ: прочесть вышеназванныя письма. Подсудимый Плохово просилъ судъ занести въ протоколъ, что ему не было предоставлено предсѣдательствующимъ право возражать на требованіе товарища прокурора о прочтеніи писемъ, осмотрѣнныхъ судебнымъ слѣдователемъ 9 декабря 1899 года. Предсѣдатель приказалъ занести въ протоколъ, что заявленіе свое Плохово сдѣлалъ послѣ постановленія суда, при чемъ предсѣдательствующій объявилъ Плохово, что ему принадлежало право возразить своевременно, и что судъ, объявивъ состоявшееся постановленіе, руководствовался неоднократными разъясненіями Правительствующаго Сената по вопросу о прочтеніи на судѣ осмотрѣнныхъ на предварительномъ слѣдствіи документовъ. Прочтены 3 письма, осмотрѣнныя судебнымъ слѣдователемъ 9 декабря 1899 г. Затѣмъ введена и допрошена въ томъ же порядкѣ свидѣтельница Прасковья Григорьева. Товарищъ прокурора просилъ судъ огласить показаніе этой свидѣтельницы, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, въ виду запамятованія его. Подсудимый просилъ не читать этого показанія. По постановленію суда, показаніе свидѣтельницы Григорьевой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, было прочтено, въ виду разнорѣчія таковаго съ даннымъ ею на судѣ и въ виду заявленія свидѣтельницы, что она забыла первое свое показаніе. По прочтеніи, свидѣтельница заявила, что она вполнѣ подтверждаетъ свое показаніе, данное судебному слѣдователю. . . . . . Затѣмъ допрошены съ соблюденіемъ 718—726 ст. уст. угол. суд. свидѣтели: Александръ Іосифовъ Пуховскій и Сергѣй Яковлевъ Головинъ; при допросѣ свидѣтеля Головина подсудимый просилъ предъявить этому свидѣтелю находящуюся при дѣлѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ сигнатурку. Сигнатурка была предъявлена сторонамъ, присяжнымъ засѣдателямъ и свидѣтелю. . . . . . По просьбѣ подсудимаго были снова допрошены свидѣтели: Головинъ и Шапошниковъ . . . . . Затѣмъ стороны и присяжные засѣдатели были спрошены, не желаютъ ли они еще чѣмъ-либо добавить судебное слѣдствіе. Товарищъ прокурора просилъ судъ огласить содержаніе трехъ писемъ, находящихся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ и осмотрѣнныхъ при предварительномъ слѣдствіи 29 ноября 1899 г., письмо, содержаніе котораго включено въ протоколъ осмотра отъ 8 ян-

варя 1900 г., а также черновое прошеніе на имя Смоленскаго губернатора. Подсудимый возразилъ на это, что письма, прочтенія которыхъ требуетъ товарищъ прокурора, писаны его дочерьми, которыя отказались давать показанія по настоящему дѣлу, и просилъ судъ этихъ писемъ не читать, а письма, описанныя въ протоколѣ осмотра отъ 4 марта 1900 г. и представленныя къ дѣлу имъ, подсудимымъ, прочесть. Товарищъ прокурора не возражалъ противъ прочтенія писемъ, осмотрѣнныхъ 4 марта 1900 г. Судъ, на основаніи 687 ст. уст. угол. суд. и разъясненій Правительствующаго Сената, что всѣ документы, находящіеся при дѣлѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, подлежатъ оглашенію въ случаѣ требованія сторонъ, постановилъ: прочесть 3 письма, описанныя въ протоколѣ осмотра отъ 29 ноября 1899 г., письмо, описанное въ протоколѣ осмотра отъ 8 января 1901 г., и 5 писемъ, описанныхъ въ протоколѣ осмотра отъ 4 марта 1900 г., а также и черновое прошеніе на имя Смоленскаго губернатора. Всѣ вышеизложенныя письма и прошеніе были прочтены. . . . . Предсѣдательствующій объявилъ пренія сторонъ оконченными, и судъ приступилъ къ постановкѣ вопросовъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Проектъ вопросовъ, по написаніи, прочитанъ былъ вслухъ предсѣдательствующимъ, предоставившимъ сторонамъ и присяжнымъ засѣдателямъ сдѣлать на оные свои замѣчанія. Товарищъ прокурора возраженій противъ прочитанныхъ вопросовъ не сдѣлалъ, а подсудимый просилъ судъ дать ему время обдумать проектъ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ. Сдѣланъ перерывъ на 10 минутъ. Присяжные засѣдатели удалены въ особую комнату, къ дверямъ которой была приставлена стража. Въ 9 ч. 35 м. вечера засѣданіе возобновлено. Присяжные засѣдатели приглашены въ залу засѣданія. Подсудимый ходатайствовалъ предъ судомъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, а именно о виновности его, подсудимаго, въ причиненіи своей дочери Александрѣ Плохово простыхъ побоевъ. Товарищъ прокурора полагалъ удовлетворить ходатайство подсудимаго, хотя оно и не вытекаетъ изъ данныхъ, добытыхъ на судебномъ слѣдствіи. Присяжные засѣдатели противъ проектируемыхъ судомъ вопросовъ не возражали и не просили о постановкѣ дополнительнаго вопроса. Судъ, имѣя въ виду, что въ дѣлѣ нѣтъ жалобы потерпѣвшей Александры Плохово и что простые побои, нанесенные отцомъ своей дочери, какъ мѣра исправительная, закономъ не преслѣдуются, опредѣлилъ: въ ходатайствѣ подсудимаго Плохово

о постановкѣ дополнительнаго вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей о виновности его, Плохово, въ причиненіи простыхъ побоевъ своей дочери Александрѣ Плохово—отказать. . . . . . . Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый Плохово признанъ виновнымъ по 1-му вопросу и невиновнымъ по 2-му. Сторонамъ предоставлено было предсѣдательствующимъ дать свои заключенія о мѣрѣ наказанія. Товарищъ прокурора полагалъ назначить подсудимому наказаніе по 1489 и 1492 ст. улож. съ замѣной наказанія, согласно закону 10 іюня 1900 г. Защитникъ подсудимаго просилъ о пониженіи наказанія. Подсудимый просилъ судъ назначить ему наказаніе по 1533 ст. улож. Предсѣдательствующій, по постановкѣ судомъ вопроса о мѣрѣ наказанія, прочелъ оный вслухъ. Противъ редакціи вопроса стороны не возражали, и судъ, утвердивъ его своею подписью въ предположенной формѣ, удалился въ особую комнату для постановленія резолюціи, которая, по возвращеніи судей въ залу засѣданія, была прочтена во всеуслышаніе предсѣдательствующимъ.

Въ замѣчаніяхъ своихъ на протоколъ судебнаго засѣданія подсудимый Плохово, между прочимъ, указалъ, слѣдующее. „Допущеніе со стороны товарища прокурора и суда не въ установленный срокъ закономъ приведенной мною свидѣтельницы Пелагеи Дмитріевой, объясненное предоставленіемъ мнѣ этихъ способовъ оправдаться, не можетъ быть такъ понято въ дѣйствительности, ибо, какъ видно изъ имѣющихся при дѣлѣ моихъ неоднократныхъ прошеній о вызовѣ въ судъ дополнительныхъ свидѣтелей, на что судъ всегда имѣлъ возможность и время, судъ постоянно мнѣ въ этомъ отказывалъ, ссылаясь на несвоевременность просьбы, тогда какъ ссылка на этихъ свидѣтелей занесена и въ протоколъ единственнаго моего опроса по настоящему дѣлу на предварительномъ слѣдствіи, и показанія ихъ должны были опровергать тѣ части обвинительнаго акта, въ которыхъ говорится о моихъ отношеніяхъ къ женѣ и причинахъ, вызвавшихъ наказаніе моей дочери Александры, послужившихъ основаніемъ для начала настоящаго дѣла, а равно и о причинахъ ухода старшей дочери моей Ирины. Невѣрно записанное въ протоколѣ, что я не возражалъ противъ ходатайства товарища прокурора о прочтеніи писемъ, представленныхъ свидѣтельницей Шапошниковой, писанныхъ моей дочерью, отказавшейся давать показанія, и описанныхъ судебнымъ слѣдователемъ 9 декабря 1899 г.; въ дѣйствительности было такъ: тотчасъ за ходатайствомъ товарища прокурора о прочтеніи озна-

ченныхъ писемъ я всталъ, чтобы возразить, что означенныя письма, какъ писанныя моей родной дочерью, отказавшейся дать показанія, а равно не значащіяся и въ обвинительномъ актѣ, прочтенію подлежать не могутъ, но предсѣдательствующій, не спросивъ меня, тотчасъ же объявилъ постановленіе о прочтеніи означенныхъ писемъ, что̀ я выслушалъ, не садясь, и только уже затѣмъ, выслушавъ меня, объявилъ, что мое возраженіе является запоздалымъ и удовлетворенію не подлежитъ, при чемъ о рѣшеніяхъ Сената, дающихъ суду право такъ поступить, предсѣдательствующій не упоминалъ. При допросѣ свидѣтельницы Прасковьи Григорьевой, родной сестры моей жены, когда товарищъ прокурора сталъ предлагать ей одинъ за другимъ вопросы, касающіеся моихъ отношеній къ женѣ, и я обратился къ предсѣдательствующему съ просьбой воспретить касаться такихъ сторонъ моей семейной жизни, которыя не входятъ въ составъ предъявленнаго ко мнѣ обвиненія, предсѣдательствующій отвѣтилъ мнѣ на это: „предоставьте мнѣ знать, о чемъ можно спрашивать свидѣтельницу и о чемъ нельзя, это мое право",—и допросъ продолжался, при чемъ свидѣтельница, отвѣчая на вопросы товарища прокурора, давала показанія о моихъ отношеніяхъ къ женѣ, объясненіе мною которыхъ на предварительномъ слѣдствіи со ссылкою на свидѣтелей оставлено судебнымъ слѣдователемъ непровѣреннымъ, какъ не имѣющихъ существеннаго для дѣла значенія и не относящихся къ предмету предъявленнаго ко мнѣ обвиненія, что̀ видно изъ постановленія судебнаго слѣдователя отъ 13 марта 1900 г. за № 4. . . . . Изъ показанія врача Головина прошу удостовѣрить, что не только что никакихъ слѣдовъ побоевъ на лицѣ и видимыхъ частяхъ организма онъ не замѣтилъ, но даже не нашелъ никакой особенной нервной возбужденности Александры Плохово, несмотря на то, что пріѣхалъ часа черезъ $1^1/_2$ послѣ случившагося и сидѣлъ съ нею и бесѣдовалъ болѣе часа . . . . . Возраженія мои по поводу ходатайства товарища прокурора о прочтеніи трехъ писемъ, осмотрѣнныхъ при предварительномъ слѣдствіи 29 ноября 1899 г., записаны невѣрно: первое письмо, какъ анонимное, и два другихъ, какъ писанныя моей дочерью Елизаветой, отказавшейся давать показанія, и всѣ три, какъ не значащіяся въ обвинительномъ актѣ, я просилъ признать прочтенію неподлежащими; письма, осмотрѣннаго 8 января 1900 г., какъ переданнаго отказавшейся отъ показанія моей старшей дочерью Ириной и писаннаго къ ней со словъ второй дочери моей Елизаветы, просилъ тоже не читать, какъ документа, на который дочь моя Ирина ссы-

лалась въ подтвержденіе своихъ показаній, и, какъ таковой, въ обвинительномъ актѣ не значащагося. Также я возражалъ противъ прочтенія черноваго прошенія Смоленскому губернатору, писаннаго отъ имени моей жены, безъ ея вѣдома, хотя за нее подписанное и отъ ея имени отосланное, но безъ уполномочія на это съ ея стороны, что̀ видно изъ конца означеннаго прошенія, при чемъ тамъ рекомендуется даже, чтобы моя жена изъ присланнаго ей черновика запомнила (т. е. заучила), какъ и что̀ тамъ изложено.— Просьба моя о постановкѣ дополнительнаго вопроса о виновности въ нанесеніи мною дочери Александрѣ простыхъ побоевъ была основана на слѣдующихъ данныхъ, взятыхъ, какъ изъ предварительнаго слѣдствія и обвинительнаго акта, такъ и изъ слѣдствія судебнаго: 1) на признаніи побоевъ не причинившими вреда здоровью наказанной; 2) что свидѣтель докторъ Головинъ удостовѣрилъ, что никакихъ признаковъ побоевъ на видимыхъ частяхъ организма и, особенно, на лицѣ онъ не замѣтилъ и равно не замѣтилъ никакой особенной возбужденности, несмотря на то, что прибылъ вскорѣ послѣ происшедшаго и просидѣлъ около дочери моей Александры болѣе часа, и 3) что за отказомъ моихъ дочерей Елизаветы и Александры отъ показанія на судебномъ слѣдствіи теряются единственные очевидцы понесеннаго дочерью моей Александрой наказанія и всего происходившаго. Товарищъ прокурора изъявилъ свое согласіе на постановку дополнительнаго вопроса о виновности въ нанесеніи означенныхъ выше простыхъ побоевъ фразой „я ничего не имѣю“, но при этомъ не добавлялъ, что основанія для постановки этого вопроса не вытекаютъ изъ данныхъ прослушаннаго судебнаго слѣдствія. Мотивировка суда, сказанная предсѣдателемъ по поводу отказа въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, записана невѣрно; было такъ: выслушавъ прочтеніе редакціи дополнительнаго вопроса, предсѣдатель суда, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, сказалъ: „г.г. присяжные, онъ проситъ о постановкѣ вопроса по такому обвиненію, которое къ нему обвинительнымъ актомъ не предъявлено и за которое онъ, какъ отецъ, понести наказаніе не можетъ“, и затѣмъ, по совѣщаніи, объявилъ отказъ на ходатайство. На заключеніе товарища прокурора о мѣрѣ наказанія я, возражая на его мнѣніе, вовсе не просилъ, какъ значится въ протоколѣ, чтобы наказаніе мнѣ было опредѣлено по 1533 ст. улож. Напротивъ, я заявилъ, что содѣянное мною не подлежитъ наказанію не только по 1489, но даже и 1533 ст. улож., при чемъ въ подкрѣпленіе своего взгляда сослался на рѣш. Угол.

Касс. Д-та Сената 1875 г. № 616 Зрячева и 1876 г. № 22 Аркудинскаго, которыя и прочиталъ въ выдержкахъ, помѣщенныхъ подъ ст. 1489 улож. подъ №№ 51 и 52. По выслушаніи судомъ вышеизложеннаго, предсѣдательствующій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Такъ какое же вамъ должно быть назначено наказаніе? Значитъ никакого!“—и затѣмъ судъ удалился въ совѣщательную комнату“.

Заслушавъ кассаціонную жалобу Плохово съ сдѣланными замѣчаніями на протоколъ судебнаго засѣданія, Смоленскій окружный судъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу, какъ поданную въ срокъ, представить Правительствующему Сенату. Относительно же замѣчаній Плохово судъ постановилъ особое заключеніе, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее...... Пунктъ 3. Постановленіе суда по поводу допущенія къ допросу свидѣтельницы Пелагеи Дмитріевой находится въ протоколѣ судебнаго засѣданія, занесено все подробно и вѣрно относительно прочтенія писемъ и документовъ, находящихся въ производствѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, а потому этотъ пунктъ замѣчаній не требуетъ заключенія. Пунктъ 5. По поводу допроса свидѣтельницы Прасковьи Григорьевой судъ удостовѣряетъ, что ея показаніе касалось эпизодовъ семейной жизни Плохово, что подсудимый находилъ излишнимъ разоблаченіе на судѣ его семейной жизни, но предсѣдатель допустилъ товарища прокурора къ выясненію отношеній Плохово къ семьѣ, признавая эти обстоятельства существенными въ интересахъ правильнаго разрѣшенія дѣла .... Пунктъ 8. Показаніе свидѣтеля Головина не противорѣчило показанію его, данному на предварительномъ слѣдствіи, и подсудимый не просилъ занести подробности его показанія въ протоколъ .... Пунктъ 10. Заключеніе изложено выше на п. 4 замѣчанія относительно прочтенія на судѣ осмотрѣнныхъ на предварительномъ слѣдствіи актовъ и документовъ. Пункты 11, 12 и 13. Въ виду подробнаго изложенія въ протоколѣ всего происходившаго на судѣ по постановкѣ вопросовъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, никакихъ дополненій на эти пункты замѣчанія судъ не дѣлаетъ. 14 пунктъ. Подлинныхъ словъ предсѣдателя по поводу ходатайства подсудимаго о примѣненіи къ его дѣянію разъясненій Правительствующаго Сената судъ возстановить не можетъ, при чемъ удостовѣряетъ, что записанное въ протоколъ по этому поводу—вѣрно.

Изъ имѣющагося въ дѣлѣ вопроснаго листа видно, что на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей предложены были слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли потомственный дворянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, Александръ Петровичъ Плохово, 46 лѣтъ, въ томъ, что въ половинѣ октября мѣсяца 1899 года, въ имѣніи Горлово, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, впродолженіе около часа стегалъ свою дочь Александру, 17 лѣтъ, ремнемъ по спинѣ и плечамъ, билъ ее ногами, таскалъ за волосы и, съ цѣлью воспрепятствовать ей кричать, приставлялъ къ ея головѣ револьверъ, грозя лишить жизни, каковыми дѣйствіями причинилъ ей мученія, отличавшіяся продолжительностью и жестокостью? *Отвѣтъ*. Да, виновенъ. 2) Виновенъ ли тотъ же дворянинъ Александръ Петровичъ Плохово, 46 лѣтъ, въ томъ, что онъ въ половинѣ октября мѣсяца 1899 г., въ имѣніи Горлово, Гжатскаго у., Смоленской губ., впродолженіе около часа стегалъ свою дочь Александру ремнемъ по спинѣ и плечамъ, билъ ее ногами, таскалъ за волосы и, съ цѣлью воспрепятствовать ей кричать, приставлялъ къ ея головѣ револьверъ, грозя лишить жизни, каковыми дѣйствіями, чрезъ явное, соединенное съ жестокостью злоупотребленіе родительскою властью, побудилъ дочь свою Александру покуситься на свою жизнь, для каковой цѣли она выпила капли доктора Соболевскаго, заключавшія въ себѣ ядовитыя вещества, но смерть Александры Плохово не послѣдовала въ виду того, что въ капляхъ этихъ ядовитыхъ веществъ было не въ достаточномъ количествѣ для отравленія? *Отвѣтъ*. Нѣтъ, не виновенъ.

6-го марта 1901 года подсудимымъ Плохово на имя предсѣдателя Смоленскаго окружнаго суда было подано прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, излагалось.

. . . . . „Въ той же 586 ст. уст. угол. суд., при назначеніи мѣста слушанія дѣла, предсѣдателю указывается сообразоваться съ отдаленностью мѣстопребыванія вызываемыхъ лицъ; мнѣ кажется, что этимъ законъ имѣетъ въ виду удобство вызываемыхъ и избѣжаніе излишнихъ по вызову лицъ расходовъ, дабы уплатою послѣднихъ несправедливо—напрасно не обременять потомъ или подсудимаго, или казну; вслѣдствіе сего въ настоящемъ дѣлѣ неправильно дано предпочтеніе г. Смоленску передъ Гжатскомъ, около и ближе къ которому, а равно и въ немъ самомъ, живетъ $^{18}/_{23}$ вызываемыхъ, при чемъ изъ остальныхъ $^{5}/_{23}$ на первое разбирательство явились только трое, остальные же два остались неразысканными. Такимъ образомъ, несправедливо обременять казну, а, можетъ быть, и обвиняемаго напрасной уплатой такому большому числу вызываемыхъ суточныхъ и прогонныхъ денегъ, за разстояніе 240 верстъ,

что̀ составитъ довольно значительную сумму. Еще большее предпочтеніе получаетъ Гжатскъ передъ Смоленскомъ, въ силу того существеннаго обстоятельства, что дѣло это слушается съ участіемъ присяжныхъ, которымъ такое положеніе создаетъ невозможность съ сознаніемъ дѣйствительной справедливости прійти къ непогрѣшимому, не тревожащему совѣсть выводу о степени вины или невиновности подсудимаго: невозможность эта можетъ вытекать, какъ изъ незнанія субъективныхъ качествъ подсудимаго, такъ и ихъ незнакомства съ его прошлымъ, и это особенно существенно въ данномъ случаѣ, гдѣ нельзя, въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ, просмотрѣть и проанализировать слишкомъ сложную панораму 30-лѣтней семейной жизни и, притомъ, только по даннымъ, слишкомъ одностороннято, чтобы не сказать больше, предварительнаго слѣдствія, которое, къ тому же, обошло выясненіемъ цѣлую область извѣстныхъ ему обстоятельствъ, ярко противорѣчащихъ односторонне добытымъ предварительнымъ слѣдствіемъ даннымъ; при такихъ условіяхъ сказать безошибочно: „да виновенъ“, или: „нѣтъ, не виновенъ“, будетъ дѣломъ только счастливой случайности, а не непреложной и не непремѣнной, согласно требованію закона, истины, основанной на строгомъ судебномъ изслѣдованіи. Затѣмъ, полное незнаніе со стороны обвиняемаго присяжныхъ засѣдателей, какъ лицъ, отдѣленныхъ отъ него слишкомъ 200-верстнымъ разстояніемъ, и полное знакомство съ ними со стороны противной, т. е. прокурорскаго надзора, создаютъ фактическое неравенство силъ, которое можетъ выразиться хотя бы въ слѣдующемъ: одна сторона, пользуясь имѣющимися о присяжныхъ, добытыми даже опытомъ, свѣдѣніями, можетъ, совершенно въ своихъ видахъ, исключить лицъ ей неугодныхъ, тогда какъ другая, не обладающая никакими свѣдѣніями, сдѣлать то же лишена всякой фактической возможности и потому, не пользуясь своимъ правомъ, невольно поступаясь имъ, тѣмъ самымъ сразу создаетъ неравенство въ 6 голосовъ изъ 12-ти, т. е. создаетъ фатальное для себя положеніе, обращающее установленную закономъ равноправность сторонъ въ самую ужасную фикцію, послѣдствіе которой предугадать не трудно. Если ко всему этому добавимъ: пусть дѣяніе, которое лежитъ въ основѣ обвиненія дѣйствительно совершено, то все-же оно совершено не въ Смоленскѣ, а въ Гжатскѣ, и, притомъ, въ мѣстѣ, гдѣ окружный судъ постоянно имѣетъ свои періодическія сессіи; такимъ образомъ, эти послѣднія два обстоятельства, въ общей совокупности со всѣми изложенными, основанными на буквѣ закона, соображеніями, даютъ полное осно-

ваніе почтительно просить ваше превосходительство распоряженіе предсѣдательствующаго по 2-ому уголовному отдѣленію о назначеніи слушанія дѣла на 21 марта 1901 г. отмѣнить и мѣстомъ будущаго разбирательства избрать не Смоленскъ, а г. Гжатскъ. Въ заключеніе и на основаніи мотивовъ указа Правительствующаго Сената по моему дѣлу, коими дѣйствія судившаго меня суда отмѣнены, какъ неправильныя и произведенныя съ очевидною цѣлью усиленія обвиненія, имѣю честь покорнѣйше просить снова разсмотрѣть и уважить заявленіе мое, поданное въ судъ 23 октября прошедшаго года, оставленное тѣмъ же судомъ безъ уваженія, при чемъ, въ подтвержденіе въ немъ изложеннаго, въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ въ немъ указанныхъ, прошу спросить крестьянку Сычевскаго уѣзда, Баскаковской волости, дер. Веригино, Пелагею (отчества не помню), мѣщанку гор. Гжатска, живущую по Петербургской улицѣ, въ домѣ Волковой, Анну Николаевну (фамилии не знаю), и живущаго въ г. Гжатскѣ, на Бѣльской ул., въ своемъ домѣ, мѣщанина Ивана Ивановича Вереитинова, которые удостовѣрятъ о безнравственныхъ, въ смыслѣ разврата, поступкахъ моихъ дочерей“.

Разсмотрѣвъ ходатайства подсудимаго Плохово, изложенныя въ двухъ поданныхъ имъ прошеніяхъ, окружный судъ нашелъ: 1) что въ силу 586 ст. уст. угол. суд., 137 ст. учр. суд. уст. и разъясненій Правительствующаго Сената (Общ. Собр. 1880 г. № 25 и Угол. Касс. Деп. 1874 г. № 19 по д. Долгово) назначеніе уголовныхъ дѣлъ къ слушанію въ предѣлахъ установленныхъ судомъ постоянныхъ сроковъ и мѣста засѣданій окружныхъ судовъ зависитъ отъ предсѣдателя суда или предсѣдательствующаго въ уголовномъ отдѣленіи, а не отъ распорядительныхъ засѣданій сихъ отдѣленій, назначеніе же мѣста, гдѣ судебное засѣданіе по дѣлу должно быть открыто, зависитъ отъ опредѣленія о томъ суда, въ виду чего заявленное Плохово въ прошеніи ходатайство объ отмѣнѣ распоряженія предсѣдательствующаго по 2-му уголовному отдѣленію о назначеніи слушанія дѣла на 21 марта 1901 г. и объ избраніи мѣстомъ разбирательства не г. Смоленска, а гор. Гжатска,— не можетъ, по указаннымъ выше основаніямъ, подлежать обсужденію суда; состоявшееся же по этимъ предметамъ распоряженіе предсѣдательствующаго и постановленіе общаго собранія окружнаго суда отъ 19 іюня 1900 г. о слушаніи дѣла въ г. Смоленскѣ, какъ касающіяся частныхъ возникающихъ во время производства дѣла вопросовъ, могутъ быть обжалованы не иначе, какъ одновременно съ

окончательными по дѣламъ приговорами (рѣш. Угол. Касс. Деп. Пр. Сен. 70 г. № 376 по д. Моресева); 2) что заявленіе, поданное Плохово въ судъ 23 октября 1900 г., имѣло предметомъ своимъ ходатайство о возобновленіи слѣдствія и о допросѣ свидѣтелей по обстоятельствамъ, въ заявленіи изложеннымъ; ходатайство это, по основаніямъ, указаннымъ въ опредѣленіи суда отъ 24 октября, оставлено было безъ удовлетворенія; предъявляемое нынѣ Плохово въ прошеніяхъ ходатайство о новомъ разсмотрѣніи судомъ заявленія отъ 23 октября и о допросѣ поименованныхъ въ немъ свидѣтелей, равнымъ образомъ, не можетъ подлежать удовлетворенію по отсутствію законныхъ къ тому основаній и въ виду 928 ст. уст. угол. суд., въ силу которой при отмѣнѣ Правительствующимъ Сенатомъ приговора суда и обращеніи дѣла въ судъ для новаго производства, послѣднее начинается съ того дѣйствія, которое послужило поводомъ кассаціи; между тѣмъ изъ послѣдовавшаго въ судъ указа Правительствующаго Сената видно, что поводомъ къ отмѣнѣ приговора послужила исключительно неправильная постановка предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросовъ о виновности, а не какія-либо неправильности, допущенныя судомъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій; 3) что по силѣ 577 ст. уст. угол. суд. и рѣш. Угол. Касс. Деп. Прав. Сената 1875 г. № 187 ходатайство подсудимаго о вызовѣ свидѣтелей по истеченіи срока, указаннаго въ 557 ст. уст. угол. суд., по вновь открывшимся обстоятельствамъ, можетъ подлежать удовлетворенію въ томъ лишь случаѣ, если обстоятельства эти признаны будутъ судомъ имѣющими существенное значеніе для дѣла; въ прошеніи своемъ Плохово, кромѣ свидѣтелей, указанныхъ имъ въ заявленіи 23 октября, проситъ и о допросѣ новыхъ—Пелагеи Дмитріевой и Анны Николаевой—относительно безнравственнаго поведенія его дочерей; обстоятельство это представляется, по мнѣнію суда, для дѣла несущественнымъ, такъ какъ, если бы оно и было подтверждено свидѣтелями, то и это нисколько не измѣнило бы ни существенныхъ признаковъ, входящихъ въ составъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняется Плохово (1476, 1489 и 1492 ст. улож.), ни силы и значенія обнаруженныхъ слѣдствіемъ къ обвиненію его уликъ, въ виду чего и согласно 575 ст. уст. угол. суд. ходатайство Плохово о допросѣ указанныхъ свидѣтелей удовлетворенію не подлежитъ. . . . . На основаніи изложеннаго окружный судъ опредѣляетъ: заявленныя подсудимымъ Плохово въ прошеніи отъ 6 и 7 марта 1901 г. ходатайства оставить безъ удовлетворенія, о чемъ ему и объявить, пославъ копію съ настоящаго постановленія.

Кромѣ того подсудимымъ Плохово подано было въ окружный судъ прошеніе отъ 3 мая 1901 года, въ которомъ онъ изложилъ нижеслѣдующее.

„При семъ представляю удостовѣреніе Гжатскаго уѣзднаго предводителя дворянства отъ 19 апрѣля с. г. за № 87 о моей бѣдности и отношеніе начальника Гжаткой женской Александровской прогимназіи отъ 11 прошедшаго марта за № 7 о томъ, что дочери мои во все шестилѣтнее ученіе свое въ означенномъ учебномъ заведеніи всегда исправно посѣщали уроки, всегда были прилично одѣты и снабжены всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго обученія, при чемъ за хорошіе успѣхи и отличное поведеніе бывали удостоены награды, и въ томъ, что во время обученія знаковъ побоевъ на нихъ не замѣчалось, а равно и не слышно было о жестокомъ домашнемъ съ ними обращеніи. Представляемые документы прошу пріобщить къ дѣлу обвиненія меня по ст. ст. 1476 и 1489 улож., при чемъ въ подтвержденіе изложеннаго въ сообщеніи начальницы прогимназіи Ольги Николаевны Изюмской прошу окружный судъ вызвать ее въ качествѣ свидѣтельницы и, кромѣ того, вызвать свидѣтелей: 1) старшаго надзирателя питомцевъ Императорскаго воспитательнаго дома въ г. Подольскѣ, Московской губ., Ивана Алексѣевича Соболевскаго, живущаго въ г. Подольскѣ, который можетъ удостовѣрить мои всегда самыя горячія родительскія заботы о моихъ дѣтяхъ; 2) крестьянку Сычевскаго уѣзда, Баскаковской волости, деревни Веригино, Пелагею Дмитріеву, которая, живя у меня кухаркой въ продолженіе 4 лѣтъ, тоже видѣла всегда только хорошее съ дѣтьми мое обращеніе; 3) гжатскаго мѣщанина Ивана Иванова Вереитинова, который былъ въ то время., когда была наказана мною дочь Александра, и которому извѣстны основанія, вызвавшія наказаніе“.

По поводу этого прошенія окружный судъ 5 мая 1901 года опредѣлилъ: имѣя въ виду: 1) что копія обвинительнаго акта вручена Плохово 6 мая 1900 г. и указанный въ 557 ст. уст. угол. суд. семидневный срокъ на вызовъ свидѣтелей пропущенъ; 2) что, ходатайствуя въ прошеніи своемъ вновь о вызовѣ свидѣтелей Изюмской, Соболевскаго, Дмитріевой и Вереитинова, проситель Плохово не указываетъ на какія-либо неизвѣстныя ему ранѣе и вновь открывшіяся обстоятельства, имѣющія прямое отношеніе къ предъявленному противъ него обвиненію, а только при наличности такихъ обстоятельствъ свидѣтели, въ силу 577 ст. уст. угол. суд., подлежали бы вызову и по истеченіи срока; 3) что предъявленные при

прошенiи документы: а) удостовѣренiе предводителя дворянства о неимѣнiи Плохово средствъ къ жизни и б) отношенiе начальницы Гжатской женской Александровской прогимназiи о томъ, что дочери Плохово за время пребыванiя ихъ въ гимназiи пользовались заботами о нихъ со стороны отца, предоставлявшаго имъ все необходимое для успѣшнаго ихъ обученiя, не имѣютъ никакого отношенiя къ существу предъявленнаго къ Плохово обвиненiя въ жестокомъ обращенiи со своими дочерьми, имѣвшемъ мѣсто въ извѣстное опредѣленное время, послѣ выхода ихъ изъ гимназiи,—ходатайство въ вызовѣ свидѣтелей, за силою 557 и 577 ст. уст. угол. суд., и о прiобщенiи къ дѣлу документовъ, какъ не имѣющихъ для дѣла значенiя, оставить безъ послѣдствiй, предоставивъ Плохово получить документы обратно; о существѣ настоящаго постановленiя объявить Плохово.

Кромѣ того, Смоленскiй окружный судъ въ распорядительномъ засѣданiи слушалъ: прошенiе потомственнаго дворянина Александра Петрова Плохово объ отсрочкѣ слушанiя назначеннаго на 26 октября с. г. дѣла по обвиненiю его по 1476, 1489 и 1492 ст. улож., о направленiи дѣла къ дослѣдованiю по вновь открывшимся обстоятельствамъ, недавно ставшимъ ему извѣстными, а также о допросѣ указанныхъ имъ на предварительномъ слѣдствiи свидѣтелей и неспрошенныхъ, а равно и указанныхъ имъ въ настоящемъ прошенiи, и объ освидѣтельствованiи его дочерей въ виду того, что дочери его Ирина, Александра и Елизавета не дѣвственницы, что Елизавета намѣревалась сбѣжать съ Ковальковымъ и что та же Елизавета находилась въ подозрительныхъ отношенiяхъ съ Калининымъ, о чемъ ему, Плохово, сдѣлалось извѣстнымъ значительно послѣ срока, установленнаго для вызова новыхъ свидѣтелей, почему иного пути, кромѣ указаннаго 577 ст. уст. угол. суд., для выясненiя истины и мотивовъ приписываемыхъ ему дѣянiй, онъ не имѣетъ, въ виду чего онъ и обращается въ судъ съ вышеозначеннымъ ходатайствомъ или о представленiи его ходатайства на усмотрѣнiе Московской судебной палаты, утвердившей обвинительный актъ. *Постановили*: такъ какъ указываемыя просителемъ Плохово новыя, не бывшiя въ виду судебной палаты, обстоятельства не могутъ имѣть существеннаго влiянiя на измѣненiе состава приписываемаго просителю Плохово преступленiя, а, слѣдовательно, не влiяютъ и на дальнѣйшее направленiе сего дѣла, то ходатайство Плохово о возобновленiи предварительнаго слѣдствiя оставить безъ удовлетворенiя, о чемъ ему объявить.

Въ заключеніи своемъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій высказалъ, что возбужденное противъ дворянина Плохово обвиненіе въ истязаніи своей дочери разрѣшилось постановкой Смоленскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, двухъ приговоровъ, которыми Плохово признанъ былъ виновнымъ въ означенномъ обвиненіи, при чемъ присяжные не признали его заслуживающимъ снисхожденія. Первый приговоръ, какъ постановленный съ нарушеніемъ закона о постановкѣ вопросовъ, былъ кассированъ Правительствующимъ Сенатомъ и, какъ потерявшій силу судебнаго рѣшенія, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія. Принесенною на послѣдовавшій затѣмъ приговоръ окружнаго суда кассаціонною жалобой Плохово доказываетъ, что и этотъ второй приговоръ не можетъ остаться въ силѣ, такъ какъ при постановкѣ его допущенъ былъ рядъ существенныхъ нарушеній уголовно-процессуальнаго и уголовно-матеріальнаго закона. Въ ряду этихъ доводовъ есть два неимѣющіе кассаціоннаго значенія, поэтому неподлежащіе разсмотрѣнію Сената. Таково, во-первыхъ, указаніе на нарушеніе ст. 168 т. X Св. зак., выразившееся въ томъ, что Плохово осуществлялъ свою родительскую власть надъ дочерью и, слѣдовательно, не подлежалъ уголовному преслѣдованію. Сенатъ многократно разъяснялъ (1871 г. № 1858 Молодовонскаго), что фактическая сторона поводовъ возбужденія преслѣдованія не подлежитъ обсужденію въ порядкѣ кассаціонномъ. Во-вторыхъ, не заслуживаетъ обсужденія жалоба на то, что судебный слѣдователь постановленіемъ отъ 13 марта 1900 года отказалъ обвиняемому въ допросѣ указанныхъ имъ свидѣтелей по предмету выясненія отношеній его къ женѣ, такъ какъ: 1) дѣло это разсматривалось уже въ порядкѣ кассаціонномъ Сенатомъ, и послѣдній не установилъ факта существованія нарушенія процессуальнаго закона по производству предварительнаго слѣдствія, и 2) Сенатъ неуклонно проводилъ въ своей практикѣ ту мысль (1869 г. № 899 Вуколова), что неправильныя дѣйствія судебнаго слѣдователя подлежатъ обжалованію не въ порядкѣ кассаціонномъ, а въ порядкѣ ст. 491 уст. угол. суд. путемъ принесенія жалобы въ окружный судъ.

Въ ряду доводовъ кассаціонной жалобы, подлежащихъ обсужденію, заслуживаетъ прежде всего вниманія указаніе на пристрастіе, обнаруженное будто бы окружнымъ судомъ въ отношеніи подсудимаго, на то несправедливое усиленіе обвиненія, которое, по мнѣнію жалобщика, проявилось въ дѣйствіяхъ суда. На чемъ основывается это обвиненіе? Въ подтвержденіе его приводятся

указываемыя въ жалобѣ кассаціонныя нарушенія, но они, сами по себѣ взятыя, еще не достаточны для обоснованія такого обвиненія, даже въ случаѣ признанія достовѣрности нарушеній. Нарушенія процессуальныя, допущенныя судомъ, могутъ быть продуктомъ сложности техники уголовнаго процесса, условности значенія его обрядовъ и формъ, и вполнѣ добросовѣстно настроенный уголовный судъ можетъ допустить нарушенія, отнюдь не свидѣтельствующія о его пристрастіи.

Для установки послѣдняго требуются прямые признаки пристрастія, наличность доказательствъ того, что судъ сознательно велъ процессуальныя дѣйствія не въ интересахъ уголовнаго правосудія, а въ личныхъ интересахъ той или иной стороны. Кассаціонная жалоба такихъ прямыхъ доказательствъ судейскаго пристрастія не установляетъ, а поэтому для выясненія обоснованности обвиненія необходимо обратиться къ разсмотрѣнію протокола судебнаго засѣданія, отражающаго на себѣ ходъ судебныхъ дѣйствій, и на немъ посмотрѣть, не отпечатлѣлись ли тамъ слѣды усматриваемаго подсудимымъ судейскаго пристрастія. Изъ него выясняется, что часть ходатайствъ подсудимаго, обращенныхъ къ суду во время судебнаго слѣдствія, была судомъ отклоняема, часть же уважена. Ближайшая оцѣнка случаевъ отклоненія судомъ ходатайствъ защиты найдетъ мѣсто при разсмотрѣніи указанныхъ въ жалобѣ кассаціонныхъ поводовъ. Что касается до случаевъ удовлетворенія просьбъ подсудимаго о производствѣ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, то они многочисленны и свидѣтельствуютъ объ отзывчивости органовъ судебной и прокурорской власти къ процессуальнымъ нуждамъ подсудимаго. Рядомъ съ удовлетворенными ходатайствами объ отводѣ свидѣтелей отъ присяги, о предъявленіи свидѣтелямъ вещественныхъ доказательствъ, о перерывѣ засѣданія для ближайшаго ознакомленія съ проектомъ вопросовъ, мы встрѣчаемся съ удовлетвореніемъ ходатайства подсудимаго о допросѣ приведенной имъ свидѣтельницы Дмитріевой. Несмотря на то, что срокъ на выставленіе новыхъ свидѣтелей истекъ и что свидѣтельница Дмитріева не должна была показывать о вновь обнаруженныхъ обстоятельствахъ, окружный судъ, не будучи къ тому закономъ обязанъ, согласно съ мнѣніемъ товарища прокурора, допустилъ Дмитріеву къ допросу. Пристрастіе суда можетъ легче всего проявиться въ установкѣ предѣловъ изслѣдованія дѣла при разрѣшеніи вопросовъ о допустимости предложенія свидѣтелямъ вопросовъ, такъ какъ эта сторона дѣятельности суда, относясь до оцѣнки существа

дѣла, ускользаетъ часто изъ подъ контроля Сената, за силою ст. 5 учр. суд. уст. Въ этомъ отношеніи изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что не было ни одного случая ограниченія защиты при допросѣ. Въ виду всего этого, а также отсутствія прямыхъ указаній на проявленіе пристрастія суда, приходится заключить о совершенной безпочвенности этого обвиненія.

Переходя къ разсмотрѣнію указанныхъ подсудимымъ кассаціонныхъ поводовъ, г. оберъ-прокуроръ остановился на группѣ поводовъ процессуальнаго свойства и при этомъ прежде всего на указаніи кассаціонной жалобы на то, что окружный судъ неправильно, будто бы, отказалъ подсудимому въ постановкѣ дополнительнаго вопроса по обвиненію Плохово въ нанесеніи своей дочери побоевъ, по признакамъ ст. 1533 улож. наказ.

По этому обстоятельству изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что окружный судъ отказалъ въ постановкѣ этого вопроса, потому что: 1) въ дѣлѣ не имѣется жалобы Александры Плохово на нанесенные ей отцомъ ея побои и 2) побои, нанесенные отцомъ дочери, по закону не наказуемы. Въ этихъ приведенныхъ судомъ основаніяхъ къ отказу нельзя не усмотрѣть нѣкотораго излишества: если не слѣдовало ставить вопросъ по отсутствію въ указанномъ дѣяніи признаковъ преступленія, то вопросъ о томъ, имѣется или не имѣется жалоба потерпѣвшей, теряетъ уже значеніе. Опредѣленіе значенія означеннаго кассаціоннаго повода находится въ зависимости отъ разрѣшенія общаго вопроса о томъ, можетъ ли судъ ставить на разрѣшеніе свое вопросъ о дѣяніи, не отмѣченномъ признаками преступности и, слѣдовательно, безразличномъ съ точки зрѣнія карательнаго закона.

Вопросъ этотъ доходилъ до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, и въ рѣшеніи 1870 г. № 216 Мизяева онъ разрѣшенъ принципіально. Въ рѣшеніи этомъ Сенатъ разъяснилъ, что судъ не имѣетъ права предлагать на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ о такого рода фактахъ, которые не заключаютъ въ себѣ никакого предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ дѣянія. Такого рода вопросъ можетъ быть предложенъ,—полагаетъ Сенатъ,—присяжнымъ по необходимости только въ одномъ случаѣ, когда между обвинительною властью и судомъ существуетъ разногласіе относительно наказуемости того дѣянія, за которое подсудимый привлеченъ къ суду по обвинительному акту, поддерживаемому обвинительною властью на судѣ.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣшеніяхъ Сенатъ обнаружилъ, къ

сожалѣнію, нѣкоторыя колебанія въ отношеніи этого категорически высказаннаго положенія своего. Такъ, въ рѣшеніи 1871 г. № 1200 Ильинскаго онъ замѣтилъ, что отказъ суда въ постановкѣ вопроса, не соотвѣтствующаго признакамъ преступленія, „не совсѣмъ правиленъ, ибо нѣтъ закона, воспрещающаго такую постановку вопроса". Затѣмъ въ рѣшеніи 1876 г. № 283 Сатановскаго онъ нашелъ, что отказъ въ постановкѣ такого вопроса окружный судъ можетъ обосновать „лишь сообразно тому, измѣнились ли выводы обвинительнаго акта судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями, т. е. на основаніяхъ чисто фактическаго свойства, какъ то выражено имъ и въ рѣшеніи 1872 г. № 798 Шереметьева. Въ виду такого колебанія въ практикѣ Сената спрашивается, какого же руководящаго начала надлежитъ держаться въ настоящее время. Оберъ-прокуроръ полагаетъ, что только взглядъ, высказанный по дѣлу Мизяева, можетъ быть признанъ правильнымъ. Что окружный судъ правильно отказалъ защитѣ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса по признакамъ нанесенія побоевъ отцомъ дочери, слѣдуетъ прежде всего изъ точнаго смысла ст. 168 т. X ч. 1 Св. зак. Статья эта говоритъ, что не пріемлются къ производству ни въ гражданскомъ, ни въ уголовномъ судѣ иски объ оскорбленіяхъ родителями дѣтей, а побои, по ст. 1533 улож. наказ., имѣютъ значеніе оскорбленія дѣйствіемъ.

Если нельзя предъявить по этому предмету уголовный искъ, то, слѣдовательно, нельзя и предлагать его на разрѣшеніе суда. Кромѣ того, правилами по постановкѣ вопросовъ, изложенными въ ст. 752 и 754 уст. угол. суд., судъ обязывается ставить вопросы по признакамъ „преступнаго" дѣянія, въ извѣстныхъ случаяхъ выдѣляя вопросъ о событіи „преступленія" изъ общаго вопроса о виновности. Несоотвѣтственно было бы признать за судомъ право ставить дополнительные вопросы по дѣяніямъ, не вмѣщающимъ въ себѣ признаковъ преступленія, еще и по слѣдующимъ соображеніямъ. Весь сложный аппаратъ уголовнаго процесса свидѣтельствуетъ о томъ, что уголовное производство можетъ существовать только при условіи возможности примѣненія наказанія къ виновнику посягательства. Какъ только обнаруживаются юридическія или фактическія препятствія къ примѣненію уголовной отвѣтственности, преслѣдованіе не возбуждается, а возбужденное прекращается, какъ о томъ свидѣтельствуетъ, въ частности, ст. 16 уст. угол. суд. Но слѣдуетъ еще посмотрѣть на обсуждаемый вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей. Постановка вопро-

совъ на судѣ, дѣйствующемъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей,—одинъ изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ моментовъ дѣятельности этого суда. Все, что̀ можетъ содѣйствовать возникновенію между этими двумя факторами суда—присяжными засѣдателями и коронными судьями—недоразумѣній и взаимнаго непониманія, должно быть недопускаемо и отстраняемо. Присяжные засѣдатели въ правѣ ожидать, что ихъ серьезно спрашиваютъ о виновности подсудимаго и что отъ ихъ отвѣта зависитъ его дальнѣйшая судьба. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія опровергаемаго мнѣнія, оказывается, что отвѣтъ присяжныхъ не можетъ оказать никакого вліянія на судьбу подсудимаго, и какъ-бы ни отвѣтили присяжные на вопросъ, не вмѣщающій въ себѣ элементовъ преступности, можетъ произойти только одно—оправданіе подсудимаго. Такое выражающееся въ постановкѣ вопросовъ отношеніе присяжныхъ засѣдателей къ коороннымъ судьямъ можетъ только, будучи безцѣльнымъ, создать недовѣріе присяжныхъ къ суду и послужить источникомъ взаимныхъ заблужденій. Такимъ образомъ, приходится признать, что взглядъ, высказанный Сенатомъ въ рѣшеніи 1870 г. № 216 по дѣлу Мизяева, заслуживаетъ дальнѣйшей поддержки и что, основываясь на немъ, надлежитъ признать, что окружный судъ, отказавъ подсудимому въ постановкѣ дополнительнаго вопроса по признакамъ дѣянія, не вмѣщающаго въ себѣ признаковъ преступленія, поступилъ правильно.

Вторымъ кассаціоннымъ поводомъ процессуальнаго характера выставляется прочтеніе на судѣ протоколовъ предварительнаго слѣдствія, вмѣщавшихъ въ себѣ изложеніе писемъ и копіи прошенія жены подсудимаго на имя губернатора.

Фактическая сторона указываемаго нарушенія заключается въ томъ, что были на судѣ читаны протоколы осмотровъ судебнаго слѣдователя 29 декабря и 29 ноября 1899 г., а также 8 января 1900 года, въ которыхъ изложено содержаніе трехъ писемъ, писанныхъ Елизаветою Плохово на имя Шапошниковой, черновое прошеніе Прасковьи Плохово на имя губернатора, одно письмо, писанное на имя предводителя дворянства, два письма отъ Лизы къ Катѣ (отъ Елизаветы Плохово) и одно къ Иринѣ Плохово отъ подруги. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что Плохово возражалъ противъ требованія прокурора о прочтеніи этихъ протоколовъ, за исключеніемъ протокола 29-го декабря, въ отношеніи котораго значится въ протоколѣ судебнаго засѣданія, что защита не возражала противъ чтенія его, но послѣ объявленія опредѣленія

окружнаго суда о чтеніи этого протокола заявила, что ей „не было предоставлено право возраженія". Хотя Сенатъ неустанно проводилъ тотъ взглядъ, что предсѣдатель не обязанъ напоминать защитѣ о ея процессуальныхъ правахъ и что забота объ осуществленіи ихъ лежитъ на обязанности самой стороны, но если даже и признать, что всѣ указанные протоколы были читаны, несмотря на протесты защиты, то спрашивается, можно ли въ ихъ чтеніи видѣть нарушеніе закона. На вопросъ этотъ кассаціонная жалоба даетъ утвердительный отвѣтъ и находитъ, что чтеніемъ этимъ нарушены были ст. 625, 629 и 705 уст. угол. суд., такъ какъ: а) изложенные въ протоколахъ документы относились къ предмету показаній жены и дочерей подсудимаго, отказавшихся на судѣ давать объясненія; б) документы тѣ не были изложены въ обвинительномъ актѣ и в) копія съ прошенія къ губернатору никѣмъ не свѣрена, подлинникъ его подложенъ и въ существѣ представляется анонимомъ, чтеніе котораго Сенатомъ всегда запрещалось. Эти доводы, по мнѣнію оберъ-прокурора, не заслуживаютъ уваженія. Изъ того обстоятельства, что содержаніе прочитанныхъ писемъ могло составить предметъ показанія лицъ, отказавшихся отъ дачи на судѣ объясненій, не слѣдуетъ еще, что содержаніе этихъ писемъ не могло быть выясняемо при помощи другихъ доказательствъ, такъ какъ уставъ нашъ не установляетъ препятствій къ выясненію фактической стороны дѣла всѣми тѣми доказательствами, при помощи которыхъ она можетъ быть выяснена. Уголовный процессъ стремится къ обнаруженію матеріальной истины, и все, что можетъ въ путяхъ уголовнаго процесса содѣйствовать раскрытію ея, должно найти мѣсто на судѣ. Одно изъ главныхъ назначеній сторонъ въ процессѣ заключается въ томъ, чтобы, неустанно контролируя дѣйствія суда, предупредить упущеніе его по этому предмету и побудить судъ предпринять все то, что возможно въ видахъ всесторонности изслѣдованія дѣла. При такомъ изслѣдованіи требуется только одно,— чтобы предпринимаемыя судомъ дѣйствія не нарушали обрядовъ и формъ уголовнаго процесса. Въ данномъ случаѣ чтеніемъ этихъ протоколовъ не былъ нарушенъ принципъ устности процесса, какъ то полагаетъ защита. Этотъ принципъ былъ бы нарушенъ только въ томъ случаѣ, если бы читались документы, въ которыхъ скрывались показанія свидѣтелей, и это произошло бы только тогда, если бы,—какъ говоритъ Сенатъ въ приговорѣ своемъ $^{72}/_{7}$ по д. Ефимова,—читавшіяся письма были „изложены письменно съ *цѣлью* служить свидѣтельствомъ при возникшемъ или имѣющемъ возник-

нуть дѣлѣ по предмету ихъ содержанія". Между тѣмъ прочитанные документы къ этой послѣдней категоріи не относились. Степень достовѣрности и доказательной ихъ силы, за силою ст. 5 учр. суд. уст., не подлежитъ обсужденію Сената, но едва ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что они по роду своему, въ качествѣ документовъ, существовавшихъ до момента совершенія настоящаго преступленія, заслуживали вниманія суда и могли содѣйствовать къ освѣщенію его совѣсти. Указаніе защиты, что читались анонимныя бумаги вопреки запрета Сената, точно такъ же не заслуживаетъ уваженія. Прежде всего въ смыслѣ фактическомъ едва ли правильно признать документы тѣ за анонимы, потому что они названы таковыми въ одномъ изъ протоколовъ судебнаго слѣдователя. Не на предварительномъ, а только на судебномъ слѣдствіи, выясняется истинное достоинство уголовныхъ доказательствъ, и устанавливается ихъ взаимное соотношеніе, и мы не можемъ утверждать, что послѣ предъявленія вещественныхъ доказательствъ свидѣтелямъ документы, по внѣшнимъ признакамъ своимъ признанные судебнымъ слѣдователемъ за анонимные, остались таковыми и на судебномъ слѣдствіи. Но, помимо этого, едва ли можно признать правильнымъ мнѣніе защиты о томъ, что Сенатъ безусловно признавалъ за существенное нарушеніе закона чтеніе анонимныхъ писемъ. По дѣлу Мироновича 1885 г. № 5 Сенатъ призналъ правильнымъ отказъ суда въ прочтеніи анонимныхъ писемъ, а по дѣлу Никулина 1875 г. № 159 руководствовался соображеніемъ, что нельзя было читать найденныя по обыску анонимныя письма, „въ виду, какъ значенія анонимныхъ писемъ вообще, такъ и удостовѣренія суда, что въ этихъ письмахъ не было ничего относящагося къ настоящему дѣлу". Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ случаемъ чтенія документовъ, относящихся къ дѣлу. Въ виду этого и того обстоятельства, что защита не была стѣснена въ своемъ правѣ оцѣнки прочитанныхъ документовъ, едва ли можно признать въ ихъ чтеніи существенное нарушеніе закона, если даже и признать доказаннымъ, что читался анонимный документъ.

Указаніе защиты на то, что нельзя было читать документовъ потому, что они не приведены были въ обвинительномъ актѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основаніи утвержденія защиты лежитъ недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что окружный судъ читалъ документы не на основаніи 629 ст. уст. угол. суд., а читалъ ихъ, „какъ осмотрѣнные на предварительномъ слѣдствіи документы", т. е. на основаніи ст. 687 уст. угол. суд., предоставляющей суду

право читать протоколы осмотра судебнаго слѣдователя, въ которыхъ въ данномъ случаѣ было изложено содержаніе документовъ, пріобщенныхъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ порядкѣ ст. 371 уст. угол. суд. Изъ обширной практики Сената по вопросу о чтеніи документовъ на судѣ (1878 г. № 47 Хавалкина, 1878 г. № 34 Іосуличъ, 1871 г. № 1045 Мещерскаго и др.) видно, что Сенатъ дѣйствительно рекомендовалъ судамъ, при рѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли читать данный документъ, обращать вниманіе на то, не составленъ ли документъ взамѣнъ свидѣтельскаго показанія и изложенъ ли онъ былъ въ обвинительномъ актѣ. Но значенія эти даны Сенатомъ только въ отношеніи тѣхъ актовъ, пріобщенныхъ къ слѣдственному производству, которые не имѣютъ значенія вещественныхъ доказательствъ и не осмотрѣны и не изложены въ протоколѣ осмотра судебнаго слѣдователя; никакихъ же ограничительныхъ условій въ отношеніи прочтенія этихъ послѣднихъ протоколовъ въ порядкѣ статьи 687 уст. угол. суд. Сенатъ не установлялъ. Такимъ образомъ, чтеніемъ указанныхъ выше протоколовъ судебнаго слѣдователя судъ не нарушилъ закона.

Но затѣмъ спрашивается, если протоколы тѣ могли быть читаны, то какое вліяніе могъ оказать на это чтеніе фактъ отказа близкихъ родственниковъ подсудимаго отъ дачи на судѣ показаній по ст. 705 уст. угол. суд. Разъ изложенные въ протоколѣ судебнаго слѣдователя документы имѣютъ самостоятельное значеніе, то отказъ нѣкоторыхъ свидѣтелей отъ дачи на судѣ своихъ показаній не могъ на это чтеніе оказать какое-либо вліяніе. Разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ противоположномъ должно было бы повлечь за собою прежде всего стѣсненіе средствъ дѣйствія сторонъ, а слѣдовательно—вредно отозваться и на интересахъ правосудія. Несознающійся подсудимый по закону не можетъ быть на судебномъ слѣдствіи подвергнутъ допросу, а слѣдовательно съ опровергаемой точки зрѣнія нельзя было бы пользоваться документами, содержаніе которыхъ можетъ быть выяснено показаніемъ подсудимаго! Окружный судъ въ частности не могъ бы удовлетворить ходатайство Плохово о прочтеніи протокола судебнаго слѣдователя отъ 4 марта 1900 г., въ которомъ изложено содержаніе писемъ, представленныхъ подсудимымъ къ дѣлу для характеристики его семейныхъ отношеній. Между тѣмъ окружный судъ удовлетворилъ ходатайство подсудимаго и, прочитавъ этотъ протоколъ, поступилъ правильно. Вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ подсудимаго имѣлъ существенное значеніе для разрѣшенія предъявленнаго противъ Плохово обвиненія,

заключавшагося не только въ истязаніи его дочери, но и въ злоупотребленіи родительскою властью, повлекшемъ за собою покушеніе дочери на самоубійство, по которому онъ былъ оправданъ, т. е. по признакамъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1489 и 1476 улож. наказ. Эти семейныя отношенія подлежали выясненію суда совершенно независимо отъ того, желали ли подсудимый или отказавшіеся отъ показанія свидѣтели ихъ выясненія.

Какъ потерпѣвшій не можетъ сказать суду: „не хочу осмотра и изслѣдованія пріобщенныхъ къ дѣлу окровавленныхъ вещественныхъ доказательствъ—на нихъ моя кровь", такъ не можетъ и подсудимый сказать: „не хочу изслѣдованія моихъ семейныхъ отношеній", разъ необходимость ихъ изслѣдованія выдвигалась характеромъ возбужденнаго противъ него обвиненія. Если подсудимый находилъ, что судебный слѣдователь неправильно пріобщилъ къ дѣлу вещественныя доказательства, то могъ принести на это жалобу окружному суду, въ порядкѣ статей 497 и послѣд. уст. угол. суд. Такимъ образомъ, осуществленіе судомъ права, предоставленнаго ему ст. 687 уст. угол. суд. по чтенію протоколовъ осмотровъ судебнаго слѣдователя, стояло внѣ всякой зависимости отъ примѣненія судомъ къ допросу нѣкоторыхъ свидѣтелей ст. 705 уст. угол. суд.

Слѣдующимъ кассаціоннымъ поводомъ отмѣны приговора представляется неправильность, допущенная судомъ при допросѣ свидѣтельницы, а именно сестры жены подсудимаго Прасковьи Григорьевой. Указанныя въ этомъ отношеніи въ кассаціонной жалобѣ дѣйствія предсѣдателя не находятъ подтвержденія въ протоколѣ судебнаго засѣданія, изъ заключенія же окружнаго суда по замѣчаніямъ защиты на этотъ протоколъ оказывается, что чрезъ посредство допроса этой свидѣтельницы дѣйствительно выяснялись отношенія Плохово къ семьѣ. Эти отношенія, какъ то указано уже, соотвѣтственно предмету обвиненія дѣлались неизбѣжнымъ предметомъ изслѣдованія и за силою ст. 5 учр. суд. уст. не подлежатъ провѣркѣ въ порядкѣ кассаціонномъ.

Послѣднимъ кассаціоннымъ поводомъ процессуальнаго свойства выставляется отказъ окружнаго суда въ удовлетвореніи ходатайства подсудимаго о переносѣ дѣла для разсмотрѣнія изъ Смоленска въ Гжатскъ. Изъ дѣла видно, что постановленіе о слушаніи дѣла въ Смоленскѣ состоялось по опредѣленію общаго собранія окружнаго суда, отъ 19-го іюня 1900 г. и согласно распоряженію предсѣдателя 2-го отдѣленія суда. Принимая во вниманіе, что городъ Гжатскъ находится въ территоріальныхъ предѣлахъ Смоленскаго окружнаго суда

что согласно разъясненію Правительствующаго Сената (рѣш. 1874 г. № 19 Долгова) назначеніе мѣста судебнаго засѣданія въ территоріальныхъ предѣлахъ суда зависитъ отъ самого суда и что вопросъ о цѣлесообразности дѣйствій суда по этому предмету не подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ кассаціонномъ,—оберъ-прокуроръ полагалъ, что означенный кассаціонный поводъ не заслуживаетъ уваженія.

Въ отношеніи уголовно-матеріальнаго закона въ жалобѣ подсудимаго указывается на одинъ кассаціонный поводъ, заключающійся въ отсутствіи законныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго статьею 1489 улож. наказ., въ томъ дѣяніи, въ которомъ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ подсудимый Плохово. Свои соображенія по этому предмету защита основываетъ на доводахъ какъ фактическаго, такъ и юридическаго свойства. Доводы фактическіе, сводящіеся къ утвержденію, что экспертиза усмотрѣла въ свойствѣ нанесенныхъ побоевъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго статьей 1533 улож. наказ., не подлежатъ разсмотрѣнію Сената, какъ доводы, требующіе разсмотрѣнія существа дѣла. Что касается до доводовъ юридическаго свойства, то они не согласны прежде всего съ данными по этому предмету разъясненіями Сената. Практикою его установлено, между прочимъ, что статья 1489 улож. наказ. предусматриваетъ два совершенно отличныхъ между собой вида преступныхъ дѣяній, а именно: во-первыхъ, нанесеніе тяжкихъ, подвергающихъ жизнь потерпѣвшаго опасности, побоевъ и, во-вторыхъ, причиненіе истязаній и мученій. Этотъ послѣдній видъ преступленій характеризуется Сенатомъ признаками какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго свойства. Въ смыслѣ отрицательнаго признака, Сенатъ установляетъ, что тяжесть побоевъ, равно какъ опасность ихъ для жизни, не имѣютъ значенія при истязаніи, какъ особомъ преступленіи, предусмотрѣнномъ статьею 1489 улож. наказ. Въ смыслѣ положительнаго признака преступленія истязанія Сенатъ выставляетъ сопровождавшее истязаніе такое мученіе или жестокость, при которомъ насильственныя дѣйствія *или* повторялись неоднократно и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, *или* же представляли собою высшую и, притомъ, болѣе продолжительную, степень страданія, нежели при обыкновенныхъ насиліяхъ и побояхъ (рѣш. 1896 г. № 20; 1883 г. № 7 Шенфельда и др.). Установляя такой положительный признакъ преступлечія истязанія, Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ судовъ, чтобы въ при-

говорахъ онъ былъ установленъ фактически (рѣш. 1874 г. № 738 Хомутова и др.). Всѣмъ этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ вердиктъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Плохово. Онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ продолженіе около часа стегалъ свою дочь Александру ремнемъ по спинѣ и плечамъ, билъ ее ногами, таскалъ за волосы и, съ цѣлью воспрепятствовать ей кричать, приставлялъ къ ея головѣ револьверъ, грозя лишить жизни. Оцѣнивая эти дѣйствія, присяжные признали, что Плохово причинилъ ими своей дочери „мученія, отличавшіяся продолжительностью и жестокостью.“

Въ этихъ фактическихъ данныхъ есть признаки, соотвѣтствующіе всѣмъ законнымъ признакамъ преступленія истязанія, предусмотрѣннаго статьей 1489 улож. наказ. Тутъ нѣтъ тяжести побоевъ и опасности ихъ для жизни, но это и не требуется Сенатомъ для состава этого преступленія; но тутъ есть продолжительность и жестокость мученія, которыя составляютъ сущность преступленія истязанія. Этотъ признакъ продолжительности и жестокости мученія вполнѣ обоснованъ въ вердиктѣ присяжныхъ, ибо какъ же иначе назвать посягательство на личность семнадцатилѣтней дѣвушки, выразившееся въ стеганьѣ ея около часа ремнемъ, въ битьѣ ногами, въ тасканьѣ за волосы и въ угрозѣ, при помощи револьвера, застрѣлить, лишившей ее возможности криками просить помощи и молить о пощадѣ. Указаніе кассаціонной жалобы на неправильное возвышеніе наказанія по статьѣ 1492 улож. наказ., не предусматривающей будто бы преступленія истязанія, не заслуживаетъ уваженія и опровергается имѣющеюся въ той статьѣ ссылкою, между прочимъ, и на статью 1489 улож. наказ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ оберъ-прокуроръ полагалъ, что кассаціонная жалоба Плохово должна быть оставлена безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ постановилъ жалобу дворянина Плохово оставить безъ послѣдствій.

VI.

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Подготовительныя работы къ судебной реформѣ послужили стимуломъ къ пробужденію общества отъ того безучастнаго отношенія къ вопросамъ юридической теоріи и практики, которое почти повсемѣстно наблюдалось въ его средѣ въ дореформенное время. Опредѣлившіяся уже въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра II новыя теченія въ области внутренней политики, въ связи съ ожидавшимся коренным преобразованіемъ судебныхъ порядковъ, влили жизненную струю въ общество тогдашнихъ молодыхъ юристовъ и вызвали среди нихъ потребность взаимнаго сближенія. Въ только-что напечатанныхъ интересныхъ воспоминаніяхъ К. К. Арсеньева [1]) разсказана исторія возникновенія перваго юридическаго кружка, „послужившаго исходной точкой для позднѣйшихъ однородныхъ организацій" и образованнаго въ концѣ 1859 года, главнымъ образомъ, благодаря иниціативѣ Д. В. Стасова. Дальнѣйшій ходъ законодательныхъ работъ, а позднѣе—самое опубликованіе Судебныхъ Уставовъ и введеніе реформы, естественно, послужили къ размноженію подобныхъ кружковъ. Кромѣ упомянутаго кружка, въ Петербургѣ образовываются другіе частные кружки (В. Д. Спасовича, С. Ф. Христіановича, В. П. Гаевскаго), и впослѣдствіи, наконецъ, зарождается мысль объ учрежденіи юридическаго общества, съ широкою и устойчивою организаціею.

Осуществленію этой мысли много способствовали нѣкоторые члены юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета, указывавшіе на необходимость учрежденія такого общества. Въ 1875 году проф. И. Я. Фойницкій составилъ проектъ устава будущаго общества, который былъ размотрѣнъ членами-учредителями, а затѣмъ предложенъ отъ ихъ имени Н. И. Стояновскимъ юридическому факультету С.-Петербургскаго университета съ ходатайствомъ о представленіи его на утвержденіе. 22 января 1877 года проектъ этотъ получилъ утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія, а 23 февраля того же года состоялось первое общее собраніе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, въ которомъ присутствовали

[1]) См. „Право" за 1902 г. № 3.

лишь члены-учредители. На этомъ собраніи были избраны 27 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ Н. И. Стояновскій, который продолжалъ занимать эту должность въ теченіе 17 лѣтъ, до 1894 г., когда, за отказомъ его, въ предсѣдатели общества былъ избранъ Э. Я. Фуксъ, состоящій въ этомъ званіи до настоящаго времени.

Объединивъ въ своей средѣ многихъ видныхъ представителей магистратуры, профессуры и адвокатуры, Юридическое Общество отражало въ своей дѣятельности выдвигавшіеся жизнью вопросы теоріи и практики права, подвергая ихъ разностороннему обсужденію. Изданный особою брошюрой, съ позднѣйшими дополненіями, списокъ рефератовъ, сообщеній и бесѣдъ, происходившихъ въ обществѣ за время его существованія, свидѣтельствуетъ о многочисленности и разнообразіи затронутыхъ ими вопросовъ, относящихся къ области исторіи и догмы отдѣльныхъ институтовъ русскаго и иностраннаго законодательства, а также къ теоріи права. Наиболѣе важные вопросы останавливали на себѣ особенное вниманіе общества, и обсужденію ихъ оно посвящало обыкновенно нѣсколько засѣданій, причемъ иногда составлялись контръ-рефераты.

Не ограничиваясь разработкою вопросовъ въ области уголовнаго и гражданскаго права, С.-Петербургское Общество, кромѣ первоначально учрежденныхъ двухъ отдѣленій—уголовнаго и гражданскаго,—впослѣдствіи образовало въ своей средѣ еще отдѣленія административнаго права (съ 28 января 1877 г.) и обычнаго права (съ 29 января 1897 года).

Въ засѣданіяхъ этихъ отдѣленій, со времени ихъ основанія и до 1 января 1902 года, сдѣлано было сообщеній и прочитано докладовъ: по гражданскому отдѣленію—110, по уголовному—162, по административному—71 и по отдѣленію обычнаго права—13. Кромѣ того, на годовыхъ и общихъ собраніяхъ Общества, за все время его существованія, произнесена 51 рѣчь, посвященная различнымъ вопросамъ права и обзорамъ дѣятельности нѣкоторыхъ извѣстныхъ юристовъ.

Благодаря нахожденію своему въ столицѣ, а также вслѣдствіе оживленныхъ законодательныхъ работъ въ области права за послѣднее двадцатипятилѣтіе, С.-Петербургское Юридическое Общество дѣятельно занималось обсужденіемъ вопросовъ de lege ferenda, содѣйствуя своими трудами разработкѣ различныхъ законопроектовъ. Къ Обществу нерѣдко обращались различныя вѣдомства съ предложеніями подвергнуть обсужденію проекты нѣкоторыхъ законовъ и уставовъ.

Такъ, въ 1879 году, вскорѣ послѣ основанія Общества, предсѣдатель Высочайше учрежденной желѣзнодорожной коммисіи, графъ Барановъ, сдѣлалъ предложеніе о разработкѣ въ Юридическомъ Обществѣ вопросовъ, относящихся къ желѣзнодорожному дѣлу. Вопросамъ этимъ общество посвятило нѣсколько засѣданій и результаты своихъ трудовъ препроводило гр. Баранову.

Въ 1882 году тогдашній Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ обратился къ предсѣдателю Общества съ предложеніемъ подвергнуть обсужденію членовъ Юридическаго Общества составленный Высочайше учрежденною Редакціонною Коммисіей проектъ I раздѣла уложенія о наказаніяхъ: „о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще". Общество очень горячо отнеслось къ этому предложенію. Уголовное отдѣленіе Общества посвятило рядъ засѣданій, въ теченіе полугода, обсужденію 64-хъ статей проекта, при чемъ подготовительную работу для преній въ каждомъ засѣданіи исполнялъ редакціонный комитетъ отдѣленія. По вопросу объ условіяхъ невмѣняемости преступленій уголовное отдѣленіе вошло въ предварительное сношеніе съ С.-Петербургскимъ Обществомъ психіатровъ, которое подвергло этотъ вопросъ, въ свою очередь, разработкѣ, а затѣмъ препроводило въ уголовное отдѣленіе Юридическаго Общества протоколъ своихъ совѣщаній. Въ засѣданіяхъ отдѣленія, посвященныхъ обсужденію соотвѣтственной статьи проекта, принимали участіе и многіе спеціалисты-психіатры. Впослѣдствіи, по мѣрѣ выработки, подвергались обсужденію Общества и другія части проекта уголовнаго уложенія, какъ то: о посягательствахъ противъ личности, о преступленіяхъ имущественныхъ, о подлогѣ денежныхъ знаковъ и документовъ, о злоупотребленіяхъ государственной и общественной службою. Для обезпеченія болѣе тщательнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ, составъ редакціоннаго комитета уголовнаго отдѣленія былъ усиленъ другими членами Общества, и проекты распредѣлены между отдѣльными членами по частямъ. Замѣчанія комитета подвергались затѣмъ обсужденію въ засѣданіяхъ отдѣленія. Труды Общества по обсужденію проекта уголовнаго уложенія были затѣмъ отпечатаны и препровождены Предсѣдателю Коммисіи по составленію уложенія.

Одновременно съ обсужденіемъ проекта уголовнаго уложенія въ уголовномъ отдѣленіи, гражданское отдѣленіе приступило, также по предложенію Д. Н. Набокова, къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по гражданскому праву, съ тѣмъ, чтобы своими трудами содѣйствовать выполненію обширнаго и сложнаго труда, возложеннаго

на Комитетъ по составленію проекта гражданскаго уложенія. По выходѣ въ свѣтъ проекта V книги гражданскаго уложенія, въ Обществѣ образована была особая коммисія съ двумя подкоммисіями для разсмотрѣнія этого проекта, при чемъ результаты работъ Общества печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ упомянутыхъ проектовъ, обсужденію Общества предлагались, по мѣрѣ ихъ выработки, проекты устава объ опекѣ и попечительствѣ (въ 1893 г.), устава о несостоятельности (въ 1890 г.), предположенія объ измѣненіяхъ въ устройствѣ адвокатуры (въ 1897 г.) и др. Всѣ эти проекты обсуждались Обществомъ въ особыхъ, спеціально для того назначенныхъ коммисіяхъ, труды которыхъ передавались подлежащимъ учрежденіямъ, занимавшимся окончательною разработкою этихъ законопроектовъ.

Работы Высочайше учрежденной въ 1894 году Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части также нашли себѣ отраженіе въ дѣятельности Юридическаго Общества: для обсужденія вопросовъ, выдвинутыхъ трудами названной Коммисіи, при Обществѣ образована была, въ 1895 году, особая коммисія, подраздѣлявшаяся на три отдѣла. Работы всѣхъ отдѣловъ препровождены были впослѣдствіи Предсѣдателю Высочайше учрежденной коммисіи.

Изъ другихъ законопроектовъ, въ обсужденіи которыхъ принимало участіе С.-Петербургское Юридическое Общество, упомянемъ о проектѣ постановленій о взысканіяхъ за нарушенія аптекарскаго устава, составленномъ въ медицинскомъ совѣтѣ и препровожденномъ на заключеніе Общества, и о проектѣ нормальнаго устава учрежденій для содержанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, выработанномъ въ 1895 г. особою коммисіей и переданномъ Начальнику Главнаго Тюремнаго Управленія.

При разработкѣ вопросовъ особенно сложныхъ и соприкасающихся съ другими спеціальностями, Юридическое Общество вступало въ дѣятельное общеніе и сотрудничество съ другими учеными обществами. Такъ, напр., были устраиваемы соединенныя засѣданія съ С.-Петербургскимъ Обществомъ психіатровъ по вопросамъ объ условіяхъ невмѣняемости, объ организаціи психіатрическаго изученія преступнаго класса; совмѣстно съ С.-Петербургскимъ Антропологическимъ Обществомъ была выработана программа подготовительныхъ работъ къ международному уголовно-антропологическому съѣзду въ Женевѣ въ 1896 году; по предложенію Общества для распространенія коммерческихъ знаній, обсуждались нѣкоторые вопросы о юридическомъ значеніи чековъ; наконецъ, Юридическое Общество

принимало участіе въ 1898 г. въ работахъ коммисіи, состоявшей также изъ членовъ С.-Петербургскаго Общества психіатровъ и Русскаго общества охраненія народнаго здравія, образованной для разсмотрѣнія вопроса объ алкоголизмѣ и о мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ.

Посвящая преимущественно свою дѣятельность разработкѣ вопросовъ, обусловленныхъ потребностями современнаго состоянія отечественнаго права, Общество вмѣстѣ съ тѣмъ проявляло большую отзывчивость къ дѣятельности нѣкоторыхъ международныхъ ученыхъ организацій. Такъ, представители Общества принимали дѣятельное участіе въ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессахъ: въ С.-Петербургскомъ (1890 г.), Парижскомъ (1895 г.) и Брюссельскомъ (1900 г.); доклады же, представленные на эти конгрессы, предварительно разрабатывались по особымъ программамъ въ спеціально образованныхъ для этой цѣли подготовительныхъ коммисіяхъ, а затѣмъ переводились на французскій языкъ. Особенно дѣятельное участіе проявило Общество въ Четвертомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ въ С.-Петербургѣ, при чемъ конгрессъ этотъ возложилъ на Общество порученіе назначить жюри для разсмотрѣнія сочиненій на конкурсную тему о значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы.

Заслуживаютъ упоминанія сдѣланныя С.-Петербургскимъ Обществомъ попытки къ сближенію съ другими русскими юридическими обществами, къ устройству втораго съѣзда русскихъ юристовъ, а также сношенія Общества съ Берлинскимъ и Парижскимъ обществами сравнительнаго законодательства и съ Парижскимъ тюремнымъ обществомъ.

Важнымъ шагомъ для пріобщенія представителей русской науки къ международной обработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ права является образованіе при С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ русской группы Международнаго союза криминалистовъ, уставъ которой утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Деляновымъ 5 іюня 1897 г. Образованіе русской группы встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ среди русскихъ криминалистовъ, и на первыхъ же порахъ она проявила оживленную дѣятельность. Благодаря энергіи ея членовъ, а въ особенности предсѣдателя ея И. Я. Фойницкаго, состоялись, въ теченіе сравнительно короткаго времени существованія группы, три съѣзда ея членовъ, и, вслѣдствіе ходатайства предсѣдателя группы, по докладу Министра Юстиціи, статсъ секретаря Н. В. Муравьева, послѣдовало Высочайшее соизволеніе

на созваніе очереднаго международнаго съѣзда союза криминалистовъ въ 1902 году въ С.-Петербургѣ. Членами группы въ особыхъ коммисіяхъ и на съѣздахъ разрабатывались многіе существенные вопросы уголовнаго права и уголовной политики, какъ то: объ условномъ досрочномъ освобожденіи, объ условномъ осужденіи, о понятіи случайнаго преступника и о мѣрахъ борьбы съ таковою преступностью, объ изданіи законодательныхъ постановленій для огражденія малолѣтнихъ, о патронатѣ въ Россіи. Для разработки на предстоящемъ международномъ съѣздѣ намѣчены, главнымъ образомъ, слѣдующіе вопросы: 1) какъ должно быть поставлено предварительное слѣдствіе, чтобы возможно болѣе знакомить слѣдователя-судью съ личностью обвиняемаго, и 2) въ какихъ положеніяхъ могъ бы выразиться въ будущемъ законодательствѣ принципъ, проповѣдуемый новой школой, что надо придавать болѣе значенія психическимъ элементамъ преступленія, чѣмъ матеріальнымъ его послѣдствіямъ.

При той оживленной дѣятельности, какую проявило Общество съ начала своего существованія, уже вскорѣ стала ощущаться потребность въ обезпеченіи для него особаго органа печати. Въ концѣ 1878 года редакторы-издатели „Журнала гражданскаго и уголовнаго права“, А. А. Книримъ и Н. С. Таганцевъ, предложили Обществу принять журналъ этотъ въ свою собственность, въ виду отказа ихъ отъ дальнѣйшаго участія въ изданіи этого журнала. Принявъ сдѣланное предложеніе, Общество поручило редактированіе журнала В. М. Володимірову и Н. Ф. Деппу, съ обязательствомъ выдавать имъ ежегодную денежную субсидію; при этомъ Общество продолжало ежегодно пользоваться нѣкоторыми льготами, предоставленными и бывшимъ соредакторамъ журнала, по Высочайшимъ повелѣніямъ, испрашиваемымъ Министромъ Юстиціи, а именно: безплатнымъ печатаніемъ журнала въ Сенатской типографіи и безвозмезднымъ полученіемъ отъ нея 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Въ 1894 году, за отказомъ В. М. Володимірова, Общество передало изданіе своего органа въ руки проф. В. Н. Латкина, при чемъ, въ виду принятаго предположенія о расширеніи программы журнала, прежнее названіе его было замѣнено новымъ—„Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества“. Подъ этимъ названіемъ и подъ редакціею проф. В. Н. Латкина органъ Юридическаго Общества издавался до 1898 года, когда, за отказомъ В. Н. Латкина, редактированіе журнала передано было Г. Б. Сліозбергу, подъ редакціей котораго

журналъ этотъ, подъ новымъ названіемъ—„Вѣстникъ Права“, выходитъ и въ настоящее время.

Въ качествѣ отдѣльныхъ изданій, Обществомъ опубликованы: труды умершаго члена Общества К. Д. Анциферова, подъ заглавіемъ „Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству“ (изданъ подъ наблюденіемъ В. М. Володимірова и А. Ѳ. Кони, въ 1898 г.) и Общій имущественный законникъ для княжества Черногорскаго, д-ра Богишича, въ переводѣ на русскій языкъ (въ 1901 г.).

Расходы по выдачѣ субсидіи редакторамъ журнала и на отдѣльныя изданія Общество возмѣщало изъ своихъ средствъ, образовавшихся, главнымъ образомъ, изъ членскихъ взносовъ. Средства эти къ 1 января 1902 года составляли болѣе 20.000 рублей.

Въ 1892 году во время постигшаго многія мѣстности Россіи неурожая, по иниціативѣ А. Ѳ. Кони, членами Общества (А. Ѳ. Кони, И. Г. Щегловитовымъ и В. К. Случевскимъ) прочтены были публичныя лекціи, давшія около двухъ тысячъ рублей чистаго сбора, отправленныхъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

С.-Петербургское Юридическое Общество, развивая широкую дѣятельность, привлекало къ себѣ все бо́льшее число участниковъ. Число членовъ общества, уже въ концѣ перваго года достигнувъ 180-ти, къ 1 января 1902 г. выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ: 355 дѣйствительныхъ членовъ, 102 члена сотрудника и 9 почетныхъ членовъ (К. К. Арсеньевъ, А. А. Книримъ, А. Ѳ. Кони, Н. В. Муравьевъ, Д. Н. Набоковъ, С. В. Пахманъ, В. Д. Спасовичъ, Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій).

Къ 26 января 1902 года составъ администраціи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества былъ слѣдующій: А) составъ Совѣта: предсѣдатель Э. Я. Фуксъ, помощникъ предсѣдателя—В. Д. Спасовичъ, члены—А. А. Книримъ, А. Ѳ. Кони, В. К. Случевскій, Д. А. Дриль, секретарь—В. Д. Набоковъ, казначей—А. С. Парамоновъ; Б) составъ гражданскаго отдѣленія: предсѣдательствующій—І. И. Карницкій, товарищъ предсѣдательствующаго—А. А. Герке, члены редакціоннаго комитета—А. И. Лыкошинъ, М. М. Винаверъ, А. Ф. Поворинскій; В) составъ уголовнаго отдѣленія: предсѣдательствующій—С. Ф. Платоновъ, товарищъ предсѣдательствующаго—В. Д. Набоковъ, члены редакціоннаго комитета—Г. Б. Сліозбергъ, М. М. Боровитиновъ и Д. А. Дриль; Г) составъ административнаго отдѣленія: предсѣдательствующій—К. К. Арсеньевъ, товарищъ предсѣ-

дательствующаго—М. И. Свѣшниковъ, члены редакціоннаго комитета—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. И. Лазаревскій, В. М. Гессенъ; Д) составъ отдѣленія обычнаго права: предсѣдательствующій—А. Г. Гасманъ, товарищъ предсѣдательствующаго—А. А. Башмаковъ, члены редакціоннаго комитета—Э. Н. Берендтсъ, А. В. Кривошеинъ и С. Б. Гомолицкій.

Въ общемъ собраніи, 26 января, Юридическимъ Обществомъ, въ виду предстоящаго юбилея, избраны въ почетные члены Общества: М. М. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, С. А. Муромцевъ, графъ К. И. Паленъ, А. А. Сабуровъ, Э. В. Фришъ, Э. Я. Фуксъ, Б. Н. Чичеринъ, Е. И. Якушкинъ и иностранцы—сенаторъ Рене Беранже, Фр. фонъ-Листъ и Габріель Тардъ.

Юбилейное засѣданіе назначено на 23 февраля.

VII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи отдѣленія по обычному праву, состоявшемся 20-го декабря, подъ предсѣдательствомъ А. Г. Гасмана, А. А. Башмаковъ сдѣлалъ докладъ: «Юго-славянское обычное право въ судьбахъ нашихъ греко-россійскихъ номоканоновъ». Номоканонъ есть сводъ гражданскихъ и духовныхъ законовъ, къ номоканону—самому ядру закона—наросли придатки въ видѣ „Суднаго закона и земледѣльческаго устава“, на этихъ двухъ придаткахъ лежатъ южно-славянскія черты, почему и есть предположеніе, что номоканонъ прежде, чѣмъ дойти до насъ, побывалъ у южныхъ славянъ. Болгарскій публицистъ С. С. Бобчевъ, разбирая законъ Судный, приходитъ къ заключенію, что онъ сложился на почвѣ болгарскаго права; къ установленію такого положенія пришла и обширная въ этомъ отношеніи русская литература, при чемъ существуетъ только разнорѣчіе во времени возникновенія этого закона: одни относятъ его ко времени св. Меѳодія, другіе—ко времени св. Владиміра.—Въ этомъ же засѣданіи г. Тимофеевъ сдѣлалъ сообщеніе о „Сборникѣ юридическихъ обычаевъ“, изданномъ этнографическимъ отдѣленіемъ Географическаго общества, подъ редакціей С. В. Пахмана. *(Новое Время).*

Засѣданіе отдѣленія обычнаго права, 17 января, посвящено было докладу А. М. Евреиновой „Артельныя избы и центральная артельная палата, какъ посредническіе органы труда“. Крайняя дезорганизація въ передвиженіи рабочихъ массъ и отсутствіе посредничества между трудомъ и спросомъ

на него уже давно обращали на себя вниманіе нашихъ экономистовъ. Составлено было не мало проектовъ урегулированія передвиженія рабочихъ и созданія такого посредничества. Но всѣ проектированные типы послѣдняго страдали крупнымъ недостаткомъ: они не подходили къ условіямъ нашего народнаго труда. Отсюда ихъ малая жизненность, искуственность. Исходя изъ того положенія, что юридическая природа служебнаго органа труда для успѣшнаго своего функціонированія должна находиться въ органической связи съ формой организаціи самаго труда, легко опредѣлить, каковъ долженъ быть типъ посредничества, отвѣчающаго трудовой жизни русскаго народа. На артельномъ началѣ зиждется трудовая жизнь, на немъ же должно быть построено и посредничество. Существующіе рынки труда должны быть преобразованы въ артельныя избы—мѣстныя и окружныя. Въ этихъ избахъ, съ выборнымъ порядкомъ артельной организаціи, сосредоточиваются свѣдѣнія о цѣнахъ на трудъ, ведутся записи договорамъ, наблюдается очередь найма. Исполненіе договора гарантируется круговою порукой всѣхъ артелей даннаго округа. Никакой іерархіи между мѣстными и окружными избами и даже центральной артельной палатой, мѣсто которой—въ Москвѣ, не должно существовать. Палата, во главѣ которой стоитъ „излюбленный старшина съ товарищами", избираемый послами отъ окружныхъ избъ, собираетъ подробныя свѣдѣнія о цѣнахъ повсемѣстно, издаетъ справочный листокъ, хранитъ выписи о договорахъ, даетъ избамъ и артельнымъ союзамъ совѣты, указанія, разбираетъ споры артелей. При избахъ, какъ пунктахъ сборищъ рабочаго люда, должны быть амбулаторіи, пріемные покои. Дѣятельность посредническихъ органовъ этого типа должна быть возмездная. Это дастъ возможность „избамъ" обзавестись необходимыми помѣщеніями, прочно стать на ноги. Избытокъ дѣлится между артелями. Правительство съ своей стороны должно прійти на помощь новому дѣлу предоставленіемъ полной свободы составленію артелей, освобожденіемъ членовъ, вступающихъ въ трудовую артель, отъ формальностей паспортной системы и прадварительнаго требованія податей и недоимокъ при отходѣ на промыселъ, разрѣшеніемъ полной свободы передвиженія... Необходимо предоставить избамъ и кредитъ, и безвозмездное пользованіе, въ періодъ работъ, телеграфными линіями. Дѣло общественныхъ работъ, на которыя ассигнуются десятки милліоновъ рублей, желательно поручить исключительно артельной палатѣ. *(СПБ. Вѣдом.)*

Въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія, 18-го января, подъ предсѣдательствомъ I. И. Карницкаго, Н. А. Полетаевъ сдѣлалъ докладъ—„Юридическія сдѣлки и психологія". Въ послѣднее время юристы заинтересовались и придаютъ большое значеніе для науки права естественнымъ наукамъ, особенно психологіи, но тутъ происходитъ неудачное сближеніе и даже смѣшеніе послѣдней съ этикой. Многіе, какъ, напр., проф. Петражицкій, выводятъ изъ психологіи понятіе права, между тѣмъ, по мнѣнію докладчика, дѣлать это никоимъ образомъ нельзя; психологія не можетъ дать основы для выведенія понятія права, которое есть порожденіе общежитія. Что касается отношенія психологіи къ юридическимъ сдѣлкамъ, то

нѣтъ необходимости въ изученіи психологіи дѣйствія, каковымъ является также и волеизъявленіе, составляющее характеристическую черту юридическихъ сдѣлокъ. Юридическія послѣдствія умышленности и неосторожности опредѣляются не психическими, а вытекающими изъ житейскихъ отношеній данными. Психологія существенно разнится отъ этики, почему она и не можетъ установлять принципы права вообще, а также рѣшать вопросы о силѣ юридическихъ сдѣлокъ въ частности. Главную часть доклада Н. А. Полетаевъ посвятилъ выясненію значенія ошибки для силы юридическихъ сдѣлокъ. Ошибка можетъ относиться къ самому дѣянію, къ лицу, къ предмету договора, къ цѣлой сдѣлкѣ, части ея. Во всѣхъ этихъ случаяхъ для дѣйствительности сдѣлки ошибка имѣетъ важное значеніе. При разрѣшеніи вопроса о значеніи ошибки нужно принимать болѣе во вниманіе интересы принимающаго волеизъявленіе, чѣмъ дѣлающаго таковое. Не слѣдуетъ расширять вліяніе ошибки на силу сдѣлки, хотя иногда признавать значеніе ошибки при оспариваніи сдѣлокъ необходимо, но только лишь въ случаѣ извинительности ошибки. Ст. 33 проекта обязательственнаго права даетъ возможность сдѣлать заключеніе, что и неизвинительная ошибка можетъ вести къ оспариванію сдѣлки; ошибки въ тождествѣ лица случаются очень рѣдко въ имущественныхъ договорахъ, поэтому представляютъ мало практическаго интереса, но при вступленіи въ бракъ эти ошибки имѣютъ весьма важное значеніе; въ нашемъ законодательствѣ о нихъ ничего не говорится, но германское уложеніе и французскій кодексъ такія ошибки предусматриваютъ, но ограничиваютъ ихъ физическими качествами, а не юридическими свойствами; желательно, чтобы у насъ въ законодательствѣ была признана дѣйствительность ошибки при договорахъ не только для качествъ, но и для лица. Чаще встрѣчаются ошибки въ качествахъ вещи; какія свойства должно въ этомъ случаѣ считать существенными,—должна указать самая жизнь. Требовать о непризнаніи договора по ошибкѣ долженъ самъ потерпѣвшій. Въ настоящее время кассаціонная практика Сената, хотя допускаетъ существованіе вліянія ошибокъ на сдѣлки, но дѣлаетъ это очень осторожно. Убытки лица, по просьбѣ котораго сдѣлка признана недѣйствительною, не должны быть взыскиваемы. Ошибка въ мотивахъ не принимается во вниманіе вслѣдствіе того, что она относится къ предметамъ, чуждымъ самой сдѣлкѣ (*Новое Время*).

Засѣданіе административнаго отдѣленія, 25-го января, посвящено было докладу И. М. Страховскаго „Крестьянскіе семейные раздѣлы“. При существованіи крѣпостнаго права, всѣ семейныя отношенія крестьянъ подчинялись власти помѣщиковъ. Послѣдніе, по соображеніямъ чисто экономическаго свойства, стремились къ образованію многотягольныхъ дворовъ и стѣсняли семейные раздѣлы крестьянъ. Въ своемъ стремленіи создать такія хозяйства помѣщики (напр., извѣстный Вилькинсъ) доходили даже до образованія сводныхъ семействъ. Наступила эпоха освободительныхъ реформъ. Редакціонныя коммисіи перенесли прерогативы помѣщиковъ по разрѣшенію и запрещенію семейныхъ раздѣловъ на кре-

стьянскій „міръ"—на сельскіе сходы, въ виду предполагаемой тѣсной связи раздѣловъ съ имущественными интересами всего „міра". При этомъ, однако, редакціонныя коммисіи придавали указанной мѣрѣ, тѣсно связанной съ круговою порукою, лишь временное значеніе. Опасности къ стѣсненію семейной свободы крестьянъ положенія коммисій не представляли, такъ какъ въ нихъ видная роль при семейныхъ раздѣлахъ отводилась народному здравому смыслу. На практикѣ, по отсутствію въ дѣйствительности, связи между раздѣлами и интересами міра, сельскія общества въ очень слабой степени воспользовались полномочіями, имъ предоставленными (п. 5 ст. 51 общ. пол.). Отъ введенія новаго положенія въ дѣйствіе до 1882 г. совершено было 2.300.000 семейныхъ раздѣловъ, въ томъ числѣ при участіи сельскихъ сходовъ около 300 т., т. е. нѣсколько болѣе 12 проц. Роль сходовъ ограничивалась въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь санкціонированіемъ раздѣловъ уже совершившихся. Законъ о раздѣлахъ (п. 5 ст. 51) умеръ самъ собою. Оставалось лишь вычеркнуть его. Случилось иначе. Министерствомъ гр. Толстого созданъ былъ новый законъ—18 марта 1886 г., имѣвшій цѣлью ограничить семейные раздѣлы крестьянъ, какъ ведущіе, якобы, къ обѣдненію послѣднихъ. При этомъ творцѣ новаго закона руководствовались также желаніемъ сохранить патріархальный строй большихъ крестьянскихъ семействъ. Правила закона 18 марта перенесли центръ тяжести разрѣшенія раздѣловъ изъ вѣдѣнія міра въ область формальныхъ требованій и усмотрѣнія крестьянскихъ учрежденій, игнорируя то, что отчетливо выдвинули редакціонныя коммиссіи—здравый смыслъ народа. Формальныя требованія поставили непремѣннымъ условіемъ раздѣла согласіе родителя или старшаго въ семьѣ, исключивъ лишь случаи безнравственности или расточительности хозяина. Но и при наличности этихъ условій рѣшеніе дѣла о раздѣлѣ сходомъ не является теперь окончательнымъ. Необходима санкція земскаго начальника. Въ рукахъ послѣдняго и находится теперь фактически судьба всѣхъ семейныхъ раздѣловъ его участка. Крестьяне, признавъ необходимымъ раздѣлъ, обращаются не прямо къ сходу, а сначала къ земскому начальнику, какъ къ органу, отъ котораго, въ сущности, зависитъ рѣшеніе вопроса. Примѣненіе на практикѣ указанныхъ правилъ, не отразившись существеннымъ образомъ на уменьшеніи тенденціи крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ, вызываетъ чрезвычайныя стѣсненія для крестьянъ и ведетъ къ многочисленнымъ затрудненіямъ и злоупотребленіямъ. Между тѣмъ стѣсненіе раздѣловъ не можетъ быть оправдано ни этическимъ, ни экономическимъ значеніемъ крестьянской семьи. Законъ 1886 г. не можетъ быть признанъ ни удачной, ни почетной страницей положенія о крестьянахъ. Нельзя не пожелать скорѣйшей его отмѣны и внесенія въ дѣйствующее законодательство иныхъ правилъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ,—правилъ, ставящихъ послѣдніе на почву гражданскихъ споровъ и сдѣлокъ, разсмотрѣніе которыхъ должно явиться дѣломъ волостнаго суда. *(СПБ. Вѣд.)*

---

26 января состоялось годовое собраніе общества. Изъ отчета за 1901 годъ видно, что къ 1 января 1902 г. въ обществѣ было 9 почетныхъ членовъ, 355 дѣйствительныхъ и 100 членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе отчетнаго года засѣданій совѣта было 5. Поступило пожертвованіе въ 201 руб.

на учрежденіе юридической библіотеки имени сенатора А. Ѳ. Копп. Образованная при гражданскомъ отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ сперва сенатора I. И. Карницкаго, а потомъ П. А. Юренева, коммисія для составленія замѣчаній на проектъ новой редакціи уст. гражд. суд. окончила свои занятія къ маю 1901 г. Подъ руководствомъ редакціоннаго комитета отдѣленія обычнаго права продолжается разработка матеріаловъ по Угличскому уѣзду, Ярославской губ. Съ начала 1902 г. комитетъ предполагаетъ приступить къ изданію, въ видѣ особыхъ приложеній къ „Вѣстнику Права", спеціальнаго сборника подъ заглавіемъ „Записки Отдѣленія Обычнаго Права". Общихъ собраній въ отчетномъ году состоялось 3.

Вслѣдъ за отчетомъ были произведены выборы на 1902 годъ. Членами совѣта избраны: И. Я. Фойницкій и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, казначеемъ А. С. Парамоновъ и членами ревизіонной коммисіи Л. I. Петражицкій, М. М. Боровитиновъ, Н. А. Полетаевъ, П. А. Юреневъ и М. А. Винаверъ. По закрытіи годоваго собранія состоялось общее собраніе, въ которомъ были избраны почетными членами юридическаго общества: проф. М. М. Ковалевскій, Ф. Ф. Мартенсъ, С. А. Муромцевъ, Б. Н. Чичеринъ; члены государственнаго совѣта: графъ К. И. Паленъ, А. А. Сабуровъ, Э. В. Фришъ, сенаторъ Э. Я. Фуксъ; изъ иностранныхъ ученыхъ—Фр. фонъ-Листь, сенаторъ Беранже и Г. Тардъ (*Биржев. Вѣдом.*).

Екатеринодарское Юридическое Общество.

2-го января, въ помѣщеніи Екатеринодарскаго окружнаго суда состоялось первое общее собраніе членовъ вновь открываемаго Екатеринодарскаго юридическаго общества, уставъ котораго утвержденъ Министромъ Юстиціи 1 ноября прошлаго 1901 года. Цѣль и задачи новаго общества, какъ изложено въ § 1 устава,—теоретическая и практическая разработка вопросовъ права по всѣмъ его отраслямъ и распространеніе въ населеніи Кубанской области и Черноморской губерніи юридическихъ свѣдѣній. На общее собраніе явилось 39 человѣкъ—чиновъ окружнаго суда, присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ и нѣсколькихъ лицъ—юристовъ изъ областнаго правленія. Были произведены выборы предсѣдателя общества, товарища предсѣдателя и 3 членовъ совѣта. Избраны: предсѣдателемъ—предсѣдатель окружнаго суда О. А. Ювжикъ-Компанейцъ, товарищемъ предсѣдателя—членъ суда П. А. Ифляндъ, членами совѣта—присяжный повѣренный В. И. Канатовъ, товарищъ предсѣдателя суда С. С. Суринъ и прокуроръ суда Н. М. Енишерловъ; кандидатами къ нимъ: присяжный повѣренный С. И. Невзоровъ и членъ суда М. М. Вербичевъ. Послѣ выборовъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ библіотеки общества и членскихъ взносовъ; постановлено: членскій взносъ на первый годъ назначить въ размѣрѣ 5 рублей, часть изъ этихъ денегъ употребить прежде всего на устройство библіотеки, на выписку необходимыхъ книгъ и журналовъ и кромѣ того обратиться къ разнымъ лицамъ съ просьбою о пожертвованіяхъ книгами („*Право*").

НОВЫЙ ПРУССКІЙ ЗАКОНЪ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ И ЕГО КРИМИНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Данныя уголовной статистики убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываютъ неудовлетворительность господствующей системы борьбы съ преступностью.

Число *преступленій* растетъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ съ чрезвычайной быстротой, значительно превосходя приростъ населенія; число *рецидивовъ*—гораздо быстрѣе, чѣмъ общее число осужденій.

Наказаніе не оказываетъ, очевидно, на подвергающихся ему нарушителей закона ни устрашающаго, ни исправляющаго вліянія. Есть, напротивъ, полное основаніе предполагать, что оно только довершаетъ нравственную деморализацію преступника. Наклонность къ преступленію усиливается съ каждымъ новымъ осужденіемъ. Рецидивъ наступаетъ тѣмъ раньше, чѣмъ суровѣе было наказаніе [1]).

Достаточно указать въ подтвержденіе сказаннаго на нѣкоторые выводы германской криминальной статистики. *Населеніе* увеличилось въ Германіи съ 1882 по 1896 г. на 15,8%, *число осужденій* на 38,5%, *число рецидивовъ* на 116,5. Въ предѣлахъ этой послѣдней группы число много уже разъ осужденныхъ поднялось гораздо выше, чѣмъ число однажды только наказанныхъ. Приростъ составляетъ:

для наказанныхъ однажды	85%
„ „ дважды	98%
„ „ отъ 3-хъ до 5-ти разъ	132%
„ „ „ 6 разъ и болѣе	277%

[1]) V. Liszt—„Das Verbrechen als sozial-pathologische Erscheinung", S. 16; Derselbe, „Die Kriminalität der Jugendlichen", Vortrag geh. in der 73-en Jahresversammlung der Bd.-Westf.-Gef.-Ges., Bericht, S. 124—125.

Самое, однако, тревожное, это—необычайно быстрое увеличеніе арміи малолѣтнихъ преступниковъ. Въ 1882 г. осуждено было въ Германіи за преступленія и проступки противъ *имперскихъ* законовъ 30.719 малолѣтнихъ (12—18 лѣтъ). Въ 1898 г., послѣднемъ, за который имѣются статистическія данныя, число осужденій равно было 47.975. Въ теченіе 16-тилѣтняго промежутка времени оно увеличилось въ абсолютныхъ цифрахъ на 56%, превосходя еще въ полтора раза приростъ всеобщей преступности.

На 100.000 малолѣтнихъ приходилось въ 1882 г. 568 осужденій, въ 1896 г.—697.

Изъ 44.275 осужденныхъ въ 1896 г. малолѣтнихъ было 8.316 рецидивистовъ. Изъ нихъ раньше уже наказаны были:

два раза	1.793
отъ 3 до 5 разъ	1.489
6 разъ и болѣе	185

Въ то время, какъ *цифры уголовной статистики* наглядно иллюстрируютъ полную безрезультатность господствующей системы борьбы съ преступностью, *анализъ основныхъ факторовъ преступленія* показываетъ, что система эта построена на ложной предпосылкѣ, а потому и неизбѣжно обречена была на неудачу [1]).

Цѣлесообразная борьба съ какимъ-либо зломъ возможна въ томъ только случаѣ, когда извѣстны причины, вызывающія это зло.

Исходя изъ предположенія, что преступленіе—продуктъ свободной въ выборѣ своихъ рѣшеній человѣческой воли, современныя законодательства только на послѣднюю, въ цѣляхъ предупрежденія преступленія, и стараются воздѣйствовать.

Наука пришла однако въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей къ заключенію, что причины преступленія лежатъ гораздо глубже, что для объясненія преступленія необходимо имѣть въ виду какъ личныя (физіологическія и психическія) особенности преступника, такъ и ту соціальную обстановку, среди которой преступникъ дѣйствуетъ, что, наконецъ, опредѣляющіе моменты преступленія оказываютъ неодинаковое вліяніе на различныя проявленія преступности.

Особенно много вниманія удѣляется въ настоящее время изслѣдованію вопроса о роли соціальнаго фактора въ движеніи преступности.

---

[1]) См. особенно Enrico Ferri, Das Verbrechen als soziale Erscheinung,—Einleitung, S. 1—21 und das erste Kapitel des 3-en Theiles: Das Problem der Zurechnungsfähigkeit.

Большинство криминалистовъ сходится въ томъ, что періодическія колебанія преступности должны быть отнесены почти исключительно на счетъ соціальнаго фактора [1]). Значеніе послѣдняго далеко однако этимъ не исчерпывается. Соціальная среда, главнымъ образомъ—условія экономической жизни народа, оказываетъ рѣшающее вліяніе на состояніе наиболѣе опасныхъ и болѣзненныхъ видовъ преступности, каковы преступленія противъ нравственности, преступленія дѣтей и женщинъ [2]).

По мѣрѣ того, какъ выясняются опредѣляющіе моменты преступленія, измѣняются постепенно и взгляды на мѣры борьбы съ нимъ.

Въ настоящее время очень уже не велико число криминалистовъ, ждущихъ успѣха отъ введенія новыхъ и усиленія старыхъ мѣръ уголовной репрессіи. Все больше и больше сторонниковъ завоевываетъ себѣ ученіе, по которому наилучшая *криминальная* политика заключается въ направленной на подъемъ матеріальнаго и культурнаго благосостоянія массъ *соціальной* политикѣ! Впервые ознакомляющаяся съ проблемами преступности академическая молодежь узнаетъ теперь съ высоты университетской каѳедры, что *„законъ о жилищахъ,* обезпечивающій фабричному рабочему достойное человѣка пристанище, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слабый, по крайней мѣрѣ, отблескъ семейной жизни, *безконечно больше будетъ содѣйствовать* нравственному возвышенію четвертаго и пятаго классовъ, а одновременно и *сокращенію многочисленныхъ родовъ преступности, чѣмъ дюжина новыхъ уголовныхъ законовъ“* [3])!

Уголовной репрессіи не должна принадлежать въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ руководящая роль. Центръ тяжести долженъ быть, напротивъ, перенесенъ на мѣры предупредительнаго характера [4]). Быстрый ростъ преступности,—явленіе, какъ уже замѣчено,

---

[1]) Enrico Ferri, „Sociologia Criminale“, Quarta Edizione, Torino, 1900, S. 309—310; v. Liszt, „Verbr. als sozialpath. Ersch.“, S. 20—22; Tarde, въ Archives d'antropologie criminelle, 1892, p. 692; A. Prins, „Science pénale et droit positif“, Bruxelles, 1899, p. 45—48; Его же, „Criminalité et répression“, Его же, Etude sur la criminalité d'après la science moderne, въ Revue de Belgique, 1880, и т. д.

[2]) См. объ этомъ небольшую брошюрку H. Lux, Die Sittlichkeitsverbrechen in criminalistischer Beleuchtung.

[3]) См., напр., Frank, Deutsche-Jurist.-Zeitung, IV, S. 146; vgl. Birkmeyer, Arch. für Strafr. u. Strafpr. B. 48, S. 78—79.

[4]) Изъ *вступительной лекціи* проф. Ф. Листа въ берлинскомъ университетѣ см. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, 1900, Heft, I, S. 170.

типическое для современныхъ европейскихъ государствъ,—можетъ быть пріостановленъ не иначе, какъ путемъ систематическаго противодѣйствія разрушительнымъ тенденціямъ господствующей формы человѣческаго общежитія.

Разрушеніе семейнаго начала, сопутствующее во всѣхъ капиталистическихъ странахъ широкому развитію наемнаго женскаго труда,—одно изъ наиболѣе печальныхъ сопровождающихъ явленій переживаемаго нами эволюціоннаго процесса. Вліяніе же распаденія семьи на огрубѣніе подростающаго поколѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на быстрое увеличеніе числа малолѣтнихъ преступниковъ, настолько очевидно, что не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію [1]).—Съ открывающимся здѣсь зломъ, угрожающимъ принять въ будущемъ грандіозные размѣры [2]), государство можетъ бороться въ двухъ направленіяхъ: 1) *посредственно*,—мѣрами направленной на сокращеніе притока и на измѣненіе условій наемнаго женскаго труда экономической политики, 2) *непосредственно*,—принятіемъ на себя дѣла воспитанія тамъ, гдѣ это, въ виду отсутствія родительскаго присмотра и совокупности всѣхъ вообще условій жизни малолѣтняго, необходимо для предупрежденія деморализаціи послѣдняго.

Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ государство въ этой второй его роли, — государство, какъ воспитатель безпризорныхъ, испорченныхъ или находящихся въ деморализующей обстановкѣ дѣтей.

---

[1]) Обоснованіе этого положенія въ моей статьѣ: Die weibliche Lohnarbeit und ihr Einfluss auf die Sittlichkeit und Kriminalität, „Neue Zeit“, XVIII Jahrg., B. II, особ. стр. 749—750 и 757—758.

[2]) Цѣль настоящей статьи не позволяетъ останавливаться на вопросѣ о соотношеніи между распространеніемъ наемнаго женскаго труда и ростомъ малолѣтней преступности. Достаточно будетъ указать здѣсь, что, параллельно съ увеличеніемъ числа наемныхъ работницъ *вообще*, растетъ также число занятыхъ внѣдомашнимъ трудомъ *замужнихъ* женщинъ. Статистика 1897 г. показала въ одной Германіи 175.000 замужнихъ фабричныхъ работницъ. Взявъ 15% бездѣтныхъ семей, мы получимъ, что въ 150.000 семей дѣти росли въ 1897 г. безъ материнскаго призора. О томъ, что фабричная работа не совмѣстима съ выполненіемъ материнскихъ обязанностей, не приходится, конечно, распространяться.—Для всякаго, знакомаго съ основными тенденціями экономическаго развитія, ясно затѣмъ, что, если сами условія наемнаго женскаго труда не подвергнутся радикальнымъ измѣненіямъ, число такихъ лишенныхъ материнскаго ухода дѣтей непрерывно будетъ увеличиваться. Что процессъ этотъ, ceteris paribus, угрожаетъ чрезвычайно опасными для народной нравственности послѣдствіями, это не нуждается въ объясненіяхъ.

Цѣль настоящей статьи—показать, какъ эта обязанность государства опредѣляется законодательствомъ идущей быстрыми шагами по пути соціальнаго прогресса молодой и мощной Германской Имперіи.

Въ основаніе изложенія я положу вступившій съ 1 апрѣля 1901 г. въ силу *прусскій законъ 2 іюля 1900 г.* (Gesetz über die Fürsorgeerziehung Minderjähriger. Vom 2 Juli 1900. Ges.-Sammlung 1900, № 29, S. 264). Къ обще-имперскому праву, а равно и къ праву отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, я буду обращаться только тогда, когда это безусловно необходимо будетъ для пониманія и надлежащей оцѣнки названнаго закона.

„Законъ о государственномъ воспитаніи малолѣтнихъ отъ 2 іюля 1900 г," направленъ, какъ видно изъ объяснительной записки къ нему, противъ „непрерывно растущей преступности, безпризорности и огрубѣнія подростающаго поколѣнія" [1]). Онъ пришелъ на смѣну „закону о пристроеніи испорченныхъ дѣтей отъ 13 марта 1878 г.", который не въ состояніи былъ справиться съ означенной задачей.—Законъ 13 марта 1878 г. тѣсно примыкалъ къ § 55 германскаго уголовнаго уложенія: не подвергается уголовному преслѣдованію малолѣтній, которому во время совершенія дѣянія было меньше 12 лѣтъ [2]).

По отношенію къ нему могутъ однако быть примѣнены предусмотрѣнныя партикулярными законодательствами мѣры исправленія и надзора. Отдача малолѣтняго на попеченіе благонадежной семьи или же помѣщеніе его въ воспитательное или исправительное заведеніе допустимо не иначе, какъ съ разрѣшенія опекунскаго суда, который долженъ раньше установить фактъ совершенія малолѣтнимъ наказуемаго дѣянія.

---

[1]) Begründung zu der Regierungsvorlage eines Gesetzes über die Zwangserziehung Minderjähriger, Drucksache des Herrenhauses, 1900, № 7, 9, S. 1.

[2]) § 55 не содержалъ первоначально—въ уложеніи 1870 г.—никакихъ больше постановленій касательно находящихся въ возрастѣ безусловной невмѣняемости малолѣтнихъ. Вопроса о дальнѣйшей судьбѣ провинившихся онъ совсѣмъ не касался. Совершившіе наказуемое дѣяніе малолѣтніе младше 12-ти лѣтъ предоставлены были согласно этому самимъ себѣ. Ненормальность такого положенія сознана была однако очень скоро. Не дальше, какъ черезъ 6 лѣтъ послѣ появленія имперскаго уложенія, § 55 дополненъ былъ (Novelle vom 26 Februar 1876) помѣщеннымъ ниже въ текстѣ (§ 55, Abs. II) указаніемъ, открывшимъ дорогу законодательному вмѣшательству отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Я привожу позднѣйшую редакцію § 55 Abs. II, какъ она дана была § 34 Einführungsgesetz zum Bürg. Ges.

Опираясь на 2-й пунктъ § 55, союзныя государства выпустили спеціальные законы о принудительномъ воспитаніи малолѣтнихъ. Нѣкоторыя партикулярныя законодательства перешагнули при этомъ предусмотрѣнные уголовнымъ уложеніемъ предѣлы, распространивъ за-одно государственное воспитаніе на лишенныхъ попеченія и находящихся въ опасной для ихъ нравственности обстановкѣ дѣтей [1]).—Пруссія ограничилась установленіемъ принудительнаго воспитанія для недостигшихъ еще возраста условной вмѣняемости малолѣтнихъ, *совершившихъ уголовно-наказуемое дѣяніе*: § 1 закона 13 марта 1878 г. гласитъ:

„Малолѣтній *старше* 6-ти, но младше 12-ти лѣтъ, *совершившій наказуемое дѣяніе*, можетъ быть отданъ на попеченіе благонадежнаго семейства или же помѣщенъ въ воспитательное или исправительное заведеніе, если мѣры эти признаны будутъ, при оцѣнкѣ свойства и значенія совершеннаго дѣянія, личности родителей или другихъ воспитателей малолѣтняго и совокупности всѣхъ вообще условій жизни послѣдняго, необходимыми для предупрежденія дальнѣйшей нравственной порчи его“.

Независимо отъ совершенія запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія дѣянія, дѣти могли быть подвергаемы по прусскимъ законамъ принудительному воспитанію только въ тѣхъ случаяхъ, когда родители: 1) жестоко обращались съ ними, 2) склоняли ихъ къ дурнымъ поступкамъ, 3) отказывали имъ въ необходимомъ содержаніи (Allgem. Landrecht für die preussischen Staaten, II, 2, § 90). Опекунскій судъ могъ при такихъ обстоятельствахъ распорядиться объ отдачѣ малолѣтняго *за счетъ родителей* на воспитаніе благонадежнаго семейства. (Ibid., § 91) [2]).

Самая обширная категорія безпризорныхъ дѣтей,—находящихся въ опасной для ихъ нравственности и здоровья обстановкѣ *безъ вины родителей*,—изъята была такимъ образомъ совершенно изъ подъ дѣйствія приведеннаго сейчасъ закона. Но и тогда даже, когда признаки § 90 были на лицо, предписаніе § 91 оставалось большей частью мертвою буквою, въ виду совершенной имуществен-

---

[1]) Особенно далеко пошли Баденъ (зак. 4 мая 1886 г.), Гессенъ (зак. 11 іюня 1887), Гамбургъ (зак. 6 апр. 1887 г.) и Эльзасъ-Лотарингія (зак. 19 іюня 1890).—Прусскій законъ 13 мая 1878 былъ дополненъ новеллами 27 марта 1881 г. и 23 іюня 1884 г., которыя касались только подробностей организаціи, но не измѣняли объема дѣйствія закона.

[2]) Vormundschaftsordnung vom 5 Juli 1875 не внесла въ эти постановленія никакихъ измѣненій.

ной несостоятельности большинства признаваемыхъ виновными родителей [1]).

Постановленія прусскаго всеобщаго ландрата могутъ такимъ образомъ совершенно быть изъяты изъ разсчета. По свидѣтельству одного изъ лучшихъ знатоковъ даннаго вопроса, прокурора *Аппеліуса*, большинство опекунскихъ судовъ никогда не дѣлало изъ §§ 90 и 91 употребленія, а иные суды и совсѣмъ не знали о предоставленномъ имъ этими параграфами правѣ [2]).

Нѣсколько большее значеніе имѣетъ для дѣла принудительнаго воспитанія § 56 имперскаго уголовнаго уложенія, предоставляющій суду право отдавать признанныхъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія малолѣтнихъ (отъ 12 до 18 лѣтъ) въ исправительное или воспитательное заведеніе.

На основаніи § 56 состояло въ Пруссіи къ 31 марта 1900 г. въ принудительномъ воспитаніи 1718 малолѣтнихъ (1351 мужск. и 367 женск. пола). Въ теченіе 1899 г. прибыло 366 человѣкъ [3]).

Центръ тяжести института приходился, какъ уже замѣчено, на законъ 13 марта 1878 г. Со времени вступленія его въ силу (1 октября 1878) и по 31 марта 1900 г. подвергнуто было, по этому закону, принудительному государственному воспитанію 32.449 учинившихъ наказуемое дѣяніе дѣтей, въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ. Къ 31 марта 1900 г. наличное число дѣтей равно было 10.891.—Приростъ составлялъ въ теченіе 1899—1900 г. 1564 человѣкъ [4]).

Мы видимъ, что объемъ примѣненія государственнаго воспитанія опредѣлялся въ Пруссіи до недавняго времени *почти исключительно рамками имперскаго уголовнаго уложенія* [5]). Право на го-

---

[1]) Begründung zu der Regierungsvorlage u. s. w. S. 4; vgl. V. Holtzendorff, Gerichtssaal, B. XXVI, S. 410; Schmölder, „Die verwahrlosten Kinder und die jugendlichen Verbrecher", Eine Entgegnung auf die Thesen der Intern. Criminal. Verein., Gerichtssaal, B. 49, S. 159—160.

[2]) H. Appelius, Ueber die verbrecherische und verwahrloste Jugend, Vortrag gehalten in der 67-er Generalversammlung des Rheinisch-Westfälischen Gefängniss-Gesellschaft, Düsseldorf, 1895, S. 9; vgl. v. Liszt, Kriminalpolitische Aufgaben, Zeitschr. für d. ges. Strafrechtswissenschaft, B. XII, S. 186.

[3]) Statistik der zum Ressort des Königlichigen preussischen Ministeriums des Innern gehörenden Strafanstalten und Gefängnisse, der Zwangszöglinge nach § 56 und 55 des Str.-G.-B. und der Corrigenden für das Jahr 1899, Berlin, 1901, S. 186—187.

[4]) Statistik u. s. w. S. 204.

[5]) Cp. Ludwig Fuld, Die Zwangserziehung in ihrer prophylaktischen Bedeutung, Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtsw. B. XI, S. 116.

сударственное воспитаніе покупалось цѣною совершенія преступнаго дѣянія. § 55 уголовнаго уложенія и изданный во исполненіе его законъ 13 марта 1878 г. предоставляли это право находящимся въ возрастѣ безусловной невмѣняемости провинившимся дѣтямъ; § 56—оправданнымъ уголовнымъ судомъ по недостатку разумѣнія малолѣтнимъ, въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ.—*Дѣти младше 6 лѣтъ* не могли быть совсѣмъ подвергаемы принудительному воспитанію, *дѣти отъ 6 до 12 лѣтъ*—только при условіи совершенія ими запрещеннаго уголовнымъ закономъ дѣянія; *малолѣтніе отъ 12 до 18 лѣтъ*,—если они совершили наказуемое дѣяніе, но дѣйствовали при этомъ *безъ разумѣнія*.

Гораздо шире опредѣляется кругъ подлежащихъ принудительному воспитанію малолѣтнихъ закономъ 2 іюля 1900 г. Путь къ этому расширенію проложенъ былъ дѣйствующимъ съ 1 января 1900 г. всеобщимъ гражданскимъ уложеніемъ [1]).

При выработкѣ гражданскаго уложенія имѣлось сначала въ виду—подчинить дѣло принудительнаго воспитанія компетенціи имперскаго законодательства.—Построенный на узкихъ романистическихъ принципахъ первый проектъ Bürgerliches Gesetzbuch [2]) предполагалъ допустить вмѣшательство государства въ дѣло воспитанія только при условіи явно недобросовѣстнаго отношенія родителей или заступающихъ ихъ мѣсто къ своимъ воспитательскимъ обязанностямъ. § 1546 перваго проекта исходилъ изъ одинаковаго начала съ приведеннымъ нами раньше § 90, Th. II, Tit. 2. прусскаго ландрехта. Принятіе § 1546 означало бы для Пруссіи сохраненіе стараго порядка, для другихъ союзныхъ государствъ, какъ Гессенъ, Баденъ, Эльзасъ-Лотарингія, Виртембергъ, Гамбургъ,—значительный шагъ назадъ.

На совсѣмъ иную точку зрѣнія стала *вторая коммисія*, работавшая подъ впечатлѣніемъ энергическаго общественнаго протеста, которымъ встрѣченъ былъ первоначальный проектъ [3]).—Родительскія права должны, по справедливому ея замѣчанію, найти себѣ ограниченіе въ правѣ и обязанности государства „наблюдать за

---

[1]) О Bürg. Ges. въ отношеніи къ вопросамъ принудительнаго воспитанія см. A l t s m a n n, Zwangserziehung jugendl. Verbrecher, Zeitschr. f. d. g. Str., B. XI.

[2]) Блестящую критику его представилъ въ свое время A n t o n M e n g e r, Das Bürgerliche Gesetzbuch und die besitzlosen Klassen, ср. Е г о ж е, Die sozialen Aufgaben der Jurisprudenz, Rectoratsrede.

[3]) См. v. L i s z t u n d F r i e d a D u e n s i n g, Die Zwangserziehung nach der im Anschlusse an das Bürgerliche Gesetzbuch erfolgten Neuregelung durch die Landesgesetze, Berlin, 1901, S. 6.

воспитаніемъ подростающаго поколѣнія и заботиться о томъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ обладалъ моральной квалификаціей, которой требуетъ отъ него жизнь“ [1]). Какая разница въ томъ, по винѣ или безъ вины родителей ребенокъ деморализованъ? Какъ интересы самого ребенка, такъ и интересы общества требуютъ въ обоихъ случаяхъ государственнаго вмѣшательства.

Исходя изъ этихъ соображеній, вторая коммисія предполагала въ § 1645 поставить допущеніе принудительнаго воспитанія въ зависимость отъ двухъ лишь условій: 1) наличности факта моральной безпризорности ребенка, 2) невозможности предотвратить опасныя послѣдствія этой безпризорности мѣрами домашняго воспитанія.

Союзный совѣтъ не согласился на принятіе § 1645, и только, благодаря энергическимъ представленіямъ гессенскаго, баварскаго и баденскаго уполномоченныхъ, удалось обезпечить, по крайней мѣрѣ, *возможность* дальнѣйшаго развитія принудительнаго воспитанія,—путемъ предоставленія этого дѣла законодательному вѣдѣнію отдѣльныхъ государствъ.

Bürgerliches Gesetzbuch устанавливаетъ въ §§ 1666 и 1838 общія условія, наличность которыхъ даетъ опекунскимъ судамъ право вмѣшательства въ пользу малолѣтнихъ. оставляя одновременно въ силѣ касающіяся спеціально принудительнаго воспитанія постановленія партикулярныхъ законодательствъ и предоставляя послѣднимъ (§ 3 Einführungsgesetz) издавать, *въ предѣлахъ, указанныхъ* § 135 Einführungsgesetz, новыя относящіяся къ данному вопросу постановленія.

§ 135 Einführungsgesetz zum Bürg. Ges. гласитъ: „Безъ измѣненія остаются постановленія партикулярныхъ законодательствъ, касающіяся принудительнаго воспитанія. *Въ случаяхъ, не обнимаемыхъ §§ 55 и 56 уголовнаго уложенія, принудительное воспитаніе допустимо не иначе, какъ по назначенію опекунскаго суда.* Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ § 1666 и 1838 гражд. улож., назначеніе это можетъ послѣдовать только при томъ условіи, что принудительное воспитаніе необходимо для предупрежденія *полнаго* нравственнаго развращенія малолѣтняго“.

Прусскій законъ 2 іюля 1900 г. исчерпываетъ всю допустимую, согласно предписаніямъ гражданскаго уложенія и Einführungsgesetz

---

[1]) Berathungen über das Bürgerl. Gesetzbuch, Zweite Kommission, § 1645 des Entwurfes (§ 1643 der Reichstagsvortage).

къ нему, сферу примѣненія принудительнаго воспитанія, захватывая одновременно и неподлежащихъ уголовному преслѣдованію малолѣтнихъ, совершившихъ запрещенное подъ страхомъ наказанія дѣяніе (§ 55 Str. G.-B.).

Кругъ подлежащихъ государственному воспитанію малолѣтнихъ опредѣляется въ § 1 означеннаго закона слѣдующимъ образомъ: „Малолѣтній, которому еще не окончилось 18 лѣтъ, подвергается государственному воспитанію: 1) когда налицо признаки §§ 1666 и 1838 гражд. улож. и принудительное воспитаніе необходимо для предотвращенія вредныхъ послѣдствій нравственной или физической безпризорности ребенка (um die *Verwahrlosung* [1]) zu verhüten), 2) когда находящійся въ возрастѣ абсолютной невмѣняемости малолѣтній совершилъ наказуемое дѣяніе и государственное воспитаніе признано, при оцѣнкѣ свойства учиненнаго дѣянія, личности родителей или прочихъ воспитателей и совокупности всѣхъ вообще условій жизни малолѣтняго, необходимымъ для предотвращенія дальнѣйшей нравственной порчи его, 3) когда государственное воспитаніе необходимо помимо указанныхъ случаевъ,—въ виду недостаточности воспитательнаго вліянія родителей, прочихъ воспитателей или школы,—для предупрежденія *полнаго* нравственнаго развращенія малолѣтняго.

Итакъ, раньше всего, каковы признаки §§ 1666 и 1838 Bürgerl.

---

[1]) Выраженіе „Verwahrlosung" съ трудомъ поддается переводу.—Самъ законъ не опредѣляетъ ближе значенія этого выраженія, въ разговорной же рѣчи не всегда придается ему одинаковое значеніе.—Подъ Verwahrlosung разумѣется раньше всего *фактъ безпризорности*, отсутствіе элементарнаго присмотра за дѣтьми. Въ этомъ смыслѣ различается körperliche und sittliche Verwahrlosung, смотря по тому, лишены ли дѣти физическаго ухода или же нравственнаго попеченія. Въ другихъ случаяхъ обозначаютъ посредствомъ „Verwahrlosung" *гибельныя послѣдствія* физической и нравственной безпризорности дѣтей, постепенно ведущей къ деморализаціи ихъ. „Verwahrloste Kinder"—говорится иногда о заброшенныхъ, лишенныхъ ухода, иногда же о явно испорченныхъ дѣтяхъ.—§ 1 закона 2 іюля 1900 г. различаетъ между Verwahrlosung (Ziff. 1) weitere sittliche Verwahrlosung (Ziff. 2) и völliges sittliches Verderben (Ziff. 3). *Въ первомъ пунктѣ* имѣется въ виду только предстоящая еще опасность, которая должна быть предупреждена назначеніемъ принудительнаго воспитанія, *во второмъ*—начавшаяся уже нравственная порча, *въ третьемъ*—далеко впередъ шагнувшая нравственная порча.—Къ такому толкованію приводитъ насъ сравненіе мотивовъ закона съ появившимися уже комментаріями къ нему. См. v. Liszt, Zwangserziehung, S. 23, Noelle, Gesetz vom 2-er Juli 1900, S. 36, Aschrott, Fürsorgeerziehung, S. 102, Schmitz, Fürsorgeerziehung, S. 65, пунктъ 36.

Gesetzbuch?—§ 1666, Abs. I: Если духовное или физическое благосостояніе ребенка подвергается опасности вслѣдствіе того, что *отецъ* [1]) злоупотребляетъ правомъ заботы о личности ребенка, оставляетъ его безъ присмотра или же предается безчестному и безнравственному образу жизни, то опекунскій судъ принимаетъ необходимыя для предотвращенія грозящихъ малолѣтнему вредныхъ послѣдствій мѣры. Опекунскій судъ можетъ въ особенности сдѣлать постановленіе объ отдачѣ малолѣтняго въ цѣляхъ воспитанія на попеченіе благонадежнаго семейства или же о помѣщеніи его въ воспитательное или исправительное заведеніе.

§ 1838: Опекунскій судъ можетъ сдѣлать постановленіе объ отдачѣ состоящаго подъ опекою малолѣтняго на попеченіе благонадежнаго семейства или о помѣщеніи его въ воспитательное или исправительное заведеніе. Если право надзора за опекаемымъ принадлежитъ отцу или матери, то назначеніе принудительнаго воспитанія допустимо только при условіи осуществленія признаковъ § 1666.

Разсмотримъ ближе приведенныя нами сейчасъ постановленія.

Вмѣшательство суда въ силу § 1666 предполагаетъ наличность двухъ условій: 1) опасности для духовнаго или физическаго благосостоянія ребенка, 2) *причинной связи между этой опасностью и недобросовѣстнымъ отношеніемъ родителей къ своимъ обязанностямъ по воспитанію.*

Не всякая однако недобросовѣстность родителей уполномочиваетъ судью ко вмѣшательству, а лишь такая, которая выразилась въ 1) въ злоупотребленіи правомъ заботы о личности ребенка, 2) въ оставленіи ребенка безъ присмотра, 3) въ безчестномъ и безнравственномъ образѣ жизни родителей.

Въ мотивахъ къ Bürg. Gesetzbuch указываются наиболѣе характерные примѣры недобросовѣстнаго отношенія родителей къ своимъ обязанностямъ по воспитанію дѣтей.

Подъ злоупотребленіемъ *правомъ заботы о личности ребенка* разумѣется въ особенности: подстрекательство къ наказуемымъ и безнравственнымъ поступкамъ, превышеніе права подвергать ребенка тѣлесному наказанію (Ueberschreitung des Züchtigungsrechtes) или же иного рода дурное въ физическомъ отношеніи обращеніе,

---

[1]) Согласно § 1686 Bürgerl. Gesetzbuch—и *мать*, если ей принадлежитъ родительская власть; ср. § 1707 Bürg. Ges., опредѣляющій права и обязанности матери по отношенію къ своему незаконному ребенку.

выборъ несоотвѣтствующихъ способностямъ и склонностямъ ребенка занятій, несовмѣстимая съ интересами воспитанія эксплоатація трудовой силы ребенка.

Оставленіе безъ присмотра обнимаетъ, главнымъ образомъ, случаи нерадиваго отношенія къ физическому воспитанію дѣтей.

Безчестный и безнравственный образъ жизни родителей не долженъ быть обязательно сопряженъ съ непосредственнымъ вредомъ для дѣтей,—достаточно уже, если безнравственное поведеніе родителей можетъ послужить дурнымъ для дѣтей примѣромъ. Назначеніе принудительнаго воспитанія въ томъ лишь однако случаѣ допустимо, если деморализующее вліяніе родителей не можетъ быть предотвращено никакимъ инымъ способомъ. Присужденіе отца или матери къ уголовному наказанію не является еще само по себѣ доказательствомъ необходимости судебнаго вмѣшательства. Главное вниманіе должно быть здѣсь обращено на оцѣнку *характера*, послужившаго основаніемъ къ такому обвиненію, а въ связи съ этимъ, на обсужденіе вопроса, можетъ ли общеніе съ родителями вредно отозваться на нравственности ребенка [1]). *Религіозныя или политическія убѣжденія отца* и вліяніе его на дѣтей въ соотвѣтствующемъ направленіи не могутъ быть основаніемъ для судебнаго вмѣшательства, какъ на это съ особымъ удареніемъ указано было въ рейхстагѣ при обсужденіи § 1666 [2]).

§ 1838 относится къ состоящимъ подъ опекою малолѣтнимъ. Здѣсь необходимо строго различать два случая: 1) когда на опекунѣ лежитъ обязанность заботиться какъ о личности ребенка, такъ и объ имущественныхъ интересахъ его, 2) когда забота о личности ребенка лежитъ на отцѣ или матери, опекунъ же является лишь юридическимъ представителемъ ребенка.

Въ первомъ случаѣ судъ не стѣсненъ никакими оговорками. Онъ можетъ назначить принудительное воспитаніе, несмотря на то, что опекунъ вполнѣ добросовѣстно выполняетъ свои обязанности. Судъ

---

[1]) См. Planck, Bürgerliches Gesetzbuch nebst Einführungsgesetz, Berlin, 1901, B. IV, S. 419; ср. Bericht der Reichstagskommission über den Entwurf des Bürg. Gesetzb. und des Einführungsgesetzes, B. III. S. 2077 und Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 9-e Legislaturperiode, IV Session, S. 2980; см. также Ausführungsbestimmungen zu dem Gesetze vom 2-n Iuli 1900 über die Fürsorgeerziehung,—abgedruckt in den sämmtlichen kommentierten Ausgaben dieses Gesetzes, Anm. zum § 1. Abs. I.

[2]) Противоположное толкованіе Schmitz'a—Die Fürsorgeerziehung Minderjähriger, Düsseldorf, 1901, S. 63, пунктъ 26,—должно быть отвергнуто.

долженъ быть только того убѣжденія, что отдача малолѣтняго на попеченіе благонадежнаго семейства или же помѣщеніе въ исправительное заведеніе необходимо въ интересахъ раціональнаго воспитанія опекаемаго.

Въ случаяхъ, *когда обязанность заботиться о личности ребенка лежитъ на комъ-либо изъ родителей*, судъ получаетъ право вмѣшательства лишь при наличности признаковъ § 1666, т. е. при условіи явно небрежнаго отношенія отца или матери къ этой своей обязанности.

Особенное практическое значеніе § 1838, Abs. II, имѣетъ *для матери незаконнорожденнаго ребенка*. Здѣсь нѣтъ *родительской власти* въ техническомъ смыслѣ слова, но матери принадлежитъ здѣсь право и обязанность заботиться о воспитаніи своего ребенка. Законъ предоставляетъ ей въ данномъ случаѣ одинаковую съ родителями законнаго ребенка защиту противъ неосторожнаго вмѣшательства судебной власти. Различія между случаями, когда одинъ изъ родителей выступаетъ рядомъ съ опекуномъ (§ 1676, 1686, 1696—1698, 1702, 1707, 1738 и 1765 Bürg. Ges.), и случаями, въ которыхъ отецъ или мать сами являются опекунами, § 1838, Abs. II, не дѣлаетъ [1]).

Наличности признаковъ § 1666 и 1838 недостаточно однако по закону 2 іюля 1900 г. для назначенія принудительнаго воспитанія. Судья въ томъ только случаѣ управомоченъ назначить принудительное воспитаніе, если послѣднее необходимо для предотвращенія физической или нравственной безпризорности малолѣтняго [2]). Законъ не отказываетъ однако въ покровительствѣ и тѣмъ находящимся по винѣ родителей въ неблагопріятной обстановкѣ дѣтямъ, которымъ не угрожаетъ непосредственно означенная опасность. Опекунскій

---

[1]) См. Planck, Bürgerliches Gesetzbuch nebst Einführungsgesetz, B. IV, S. 59; vgl. Aschrott, Fürsorgeerziehung Minderjähriger nach dem Gesetze vom 2 Iuli 1900, Textausgabe mit Einleitung und Erläuterungen, Berlin, Guttentag, 1901, S. 25—26 und 98.

[2]) Принудительное воспитаніе можетъ быть назначено въ силу § 1666 и 1838 и въ томъ случаѣ, когда ребенку не угрожаетъ опасность деморализаціи по законод. Вюртемберга, § 1. Abs. 2; Гессенъ-Дармштадта, § 1. Abs. 2; Мекленбургъ-Шверина, § 1. Abs. 2; Мекленбургъ-Штрелитца, § 1. Abs. 2; Саксенъ-Веймара, Ausf. 9., § 200; Oldenburg, Ausf. 9., § 27; Braunschweig, § 1. Abs. 2; Altenburg, A. 9., § 109; Meiningen, § 1; Coburg-Gotha § 1; Anhalt, § 1. Ziff. 1; Schwarzburg-Sondershausen § 1; Reuss ä L. A. 9. § 125; Reuss j. L., A. 9. § 100; Schauburg-Lippe, § 1. Abs. 1; Lübeck, Ausf. 9. § 130; Ziff. 1—2; Bremen, § 3; Elsass-Lothringen, A. 9. § 123.

судъ обязанъ заботиться также и о предотвращеніи другихъ угрожающихъ ребенку вредныхъ послѣдствій. Но все то, что̀ судъ предпринимаетъ для предупрежденія *другихъ* вредныхъ послѣдствій, онъ дѣлаетъ не на основаніи партикулярнаго прусскаго закона о принудительномъ воспитаніи, а въ силу общихъ для всей имперіи постановленій §§ 1666 и 1838 Bürg. Ges. Это постольку необходимо имѣть въ виду, что организація, установленная закономъ 2 іюля 1900 г., не распространяется на случаи принудительнаго воспитанія, назначаемые на основаніи *§§ 1666 и 1838, какъ таковыхъ*.

Принудительное воспитаніе въ силу закона 2 іюля 1900 г. производится на общественныя средства, въ силу §§ 1666 и 1838 Bürg. Ges.—на средства частной и церковной благотворительности, самого малолѣтняго или лицъ, на которыхъ лежитъ обязанность содержать его [1]). Имперское законодательство *допускаетъ* въ §§ 1666 и 1838 назначеніе принудительнаго воспитанія, но ничѣмъ его *не обезпечиваетъ*: соотвѣтствующихъ расходовъ государство въ данномъ случаѣ на себя не беретъ, и законъ не указываетъ другихъ источниковъ, изъ которыхъ расходы эти должны быть покрыты. Вся исполнительная часть отдана здѣсь въ вѣдѣніе частной иниціативы, подвергнутой лишь контролю опекунскаго суда. Въ этомъ коренное отличіе принудительнаго воспитанія въ силу Bürg. Ges. отъ того, которое урегулировано партикулярными законодательствами, и вотъ почему послѣднія принимаютъ въ себя, правда съ нѣкоторыми ограниченіями, признаки, установленные общимъ гражданскимъ уложеніемъ [2]).

Переходимъ ко *второму пункту* § 1, относящемуся до неподлежащихъ уголовному преслѣдованію малолѣтнихъ, совершившихъ запрещенное подъ страхомъ наказанія дѣяніе (§ 55 Str. G.-B.). Законъ 2 іюля 1900 г. *уничтожаетъ принятую закономъ 13 марта 1878 г. шестилѣтнюю границу*, дозволяя подвергать принудительному

---

[1]) Begründung zu der Regierungsvorlage eines Gesetzes über Zwangserziehung Minderjähriger, S. 6., ср. особенно формулу § 2 закона 2 іюля 1900 г.

[2]) Сфера примѣненія принудительнаго воспитанія на основаніи *имперскаго* законодательства *въ предѣлахъ Пруссіи* является во всякомъ случаѣ чрезвычайно узкой. Постановленія §§ 1666 и 1838 Bürg. G. могутъ найти примѣненіе, независимо отъ закона 2 іюля 1900 г., кромѣ разсмотрѣннаго уже случая, только еще тогда, когда судъ признаетъ цѣлесообразнымъ подвергнуть принудительному воспитанію малолѣтняго *старше 18 лѣтъ*. Послѣднее будетъ однако всегда носить характеръ исключенія; см. объ этомъ особ. Aschrott, Fürsorgeerziehung Minderjähriger, Einleitung, S. 45—46, vgl. v. Liszt und Frieda Duensing, Die Zwangserziehung, S. 17—18.

воспитанію также и недостигшихъ еще шестилѣтняго возраста провинившихся дѣтей.

Шестилѣтняя граница стараго закона находитъ оправданіе—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—въ общемъ взглядѣ, изъ котораго исходили составители закона 13 марта 1878 [1]).

Принудительное воспитаніе было для нихъ суррогатомъ наказанія. Наказаніе же и аналогичныя мѣры не должны имѣть мѣста, согласно принятому германскимъ правомъ извѣстному романистическому принципу, по отношенію къ infantes. Новый законъ, видящій свое призваніе въ предупрежденіи преступности посредствомъ борьбы съ нравственнымъ огрубѣніемъ подростающаго поколѣнія, не можетъ и не долженъ считаться съ приведеннымъ соображеніемъ. Опытъ показываетъ, что зародыши нравственной порчи встрѣчаются иногда въ самомъ уже нѣжномъ возрастѣ. Для предотвращенія неизбѣжной въ такихъ случаяхъ деморализаціи, необходимо принять надлежащія мѣры раньше, чѣмъ дурныя наклонности успѣли пустить глубокіе корни.

Нельзя не согласиться съ правильностью этого разсужденія, не признать полезности вытекающаго изъ него устраненія границы государственнаго невмѣшательства. Правда, что назначеніе принудительнаго воспитанія ребенку младше шести лѣтъ всегда будетъ носить характеръ исключенія. Но въ литературѣ приводились случаи, когда государственное воспитаніе настоятельно необходимо было уже въ такомъ раннемъ возрастѣ [2]). Именно впечатлѣнія и привычки первыхъ годовъ жизни ребенка оставляютъ нерѣдко глубокіе слѣды на всемъ складѣ характера его. Лишній годъ пребыванія въ нравственно-растлѣвающей обстановкѣ можетъ чрезвычайно вредно отозваться на всемъ будущемъ малолѣтняго. Совершеніе ребенкомъ наказуемаго дѣянія ведетъ къ изслѣдованію окружающихъ его жизненныхъ условій, и если при этомъ оказывается, что среда, въ которой ребенокъ находится, вредна для его нравственности и что вредъ этотъ не можетъ быть устраненъ мѣрами домашняго воздѣйствія, то принудительное воспитаніе является един-

---

[1]) Большинство партикулярныхъ законодательствъ не знаетъ низшей границы государственнаго невмѣшательства. Она остается въ силѣ и по настоящее время въ слѣдующихъ союзныхъ государствахъ: Weimar, Hessen, Altenburg, Sachsen-Coburg-Gotha, Schwarzburg-Sonderhausen, Reuss ä. L., Reuss j. L., Hamburg.

[2]) См. особенно Appelius, Die Behandlung jugendlicher Verbrecher und verwahrloster Kinder, Bericht der von der Int. Criminal. Verein. gewählten Commission, Berlin, Guttentag, 1892, S. 71—72.

ственнымъ средствомъ для предотвращенія грозящей ребенку деморализаціи. Совершенно не понятно, отчего государство должно еще ждать въ такихъ случаяхъ достиженія ребенкомъ извѣстнаго возраста, тѣмъ болѣе, что ограниченіе это не установлено по отношенію къ нравственно-безпризорнымъ дѣтямъ вообще. Необходимо помнить, что не каждый совершившій наказуемое дѣяніе уголовно-невмѣняемый малолѣтній подвергается принудительному воспитанію. Послѣднее назначается въ томъ только случаѣ, если никакимъ инымъ способомъ не можетъ быть предотвращена [1]) *дальнѣйшая нравственная порча ребенка* (§ 1, Ziff. 2). Законъ говоритъ о *дальнѣйшей* нравственной порчѣ. Отсюда слѣдуетъ, что обязательною предпосылкою назначенія принудительнаго воспитанія *въ силу Ziff.* 2 *§ 1* является, кромѣ совершенія уголовно-запрещеннаго дѣянія, еще и удостовѣренная судомъ наличность дурныхъ наклонностей въ ребенкѣ [2]). Въ приговорѣ о передачѣ принудительному воспитанію судъ долженъ указать факты, по которымъ онъ заключаетъ о *началѣ* нравственной порчи ребенка. Совершеніе наказуемаго дѣянія далеко не всегда является само по себѣ доказательствомъ ея [3]). Преступный характеръ нѣкоторыхъ *правонарушеній* не доступенъ иногда пониманію взрослаго даже человѣка, не то что ребенка. Но принудительное воспитаніе не всегда умѣстно и въ тѣхъ случаяхъ, когда дитя совершаетъ „*преступленіе*". Вниманіе судьи должно сосредочиться, главнымъ образомъ, на изслѣдованіи степени проявленной ребенкомъ сознательности, руководившихъ имъ мотивовъ и побужденій, поведенія ребенка послѣ совершенія дѣянія и обнаруженнаго имъ раскаянія, *вѣроятности новыхъ столкновеній съ уголовнымъ закономъ.* Больше, чѣмъ гдѣ-либо, должно избѣгать шаблона въ дѣлѣ примѣненія принудительнаго воспитанія, и мы видимъ въ этомъ особую заслугу закона, что онъ съ чрезвычайной энергіей оттѣняетъ необходимость тщательнѣйшей индивидуализаціи каждаго отдѣльнаго случая.

---

[1]) Какъ бы предосудительно ни было совершенное ребенкомъ дѣяніе, принудительное воспитаніе *не допустимо*, какъ это съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ текста, въ тѣхъ случаяхъ, когда личность родителей является достаточною порукою въ томъ, что на ребенка оказано будетъ надлежащее воздѣйствіе.

[2]) Johow und Ring, Jahrbücher der Entscheidungen des Kammergerichts, B. XVIII, S. 56.

[3]) См. по этому поводу циркулярное распоряженіе прусскаго министра юстиціи отъ 17 апрѣля 1885 г., отпечатанное въ Preussisches Ministerialblatt für die innere Verwaltung, 1885, S. 187.

Внѣшніе признаки не связываютъ судью. Судья можетъ назначить принудительное воспитаніе совершившему незначительнѣйшій проступокъ ребенку. Судья можетъ признать принудительное воспитаніе излишнимъ, несмотря на фактъ совершенія ребенкомъ тяжелаго уголовнаго дѣянія. Совершеніе наказуемаго дѣянія—только достаточное основаніе для государственнаго *вмѣшательства*. Постановляя же *рѣшеніе*, судья оцѣниваетъ свойство и значеніе дѣянія, личность провинившагося, гарантіи, представляемыя родителями или воспитателями ребенка, и совокупность всѣхъ вообще условій жизни послѣдняго. Рѣшеніе опредѣляется взаимосочетаніемъ означенныхъ моментовъ.

Еще большее значеніе, чѣмъ разсмотрѣнные нами два пункта, имѣетъ третій пунктъ § 1-го, обнимающій широкую область такъ называемой „*objectiver* Verwahrlosung“ [1]). Отъ того, какое употребленіе суды будутъ дѣлать изъ этого 3-го пункта, зависитъ въ значительнѣйшей мѣрѣ, оправдаются ли возлагаемыя обществомъ и спеціалистами на новый законъ широкія надежды. Въ то время, какъ до сихъ поръ вмѣшательство опекунскаго суда допускалось по прусскому праву только при условіи недобросовѣстнаго отношенія родителей къ дѣлу воспитанія (Allg. Landr. f. d. Preuss. St., Th. II, Tit. § 90, 91) или же учиненія самимъ малолѣтнимъ уголовно-наказуемаго дѣянія, § 135 Einführungsgesetz къ Bürg. Ges. и опирающійся на него 3-й пунктъ § 1 закона 2 іюля 1900 г. ставятъ допущеніе принудительнаго воспитанія въ зависимость отъ одного лишь объективнаго факта нравственной испорченности малолѣтняго. Въ особенно тяжелыхъ случаяхъ, гдѣ малолѣтнему угрожаетъ опасность *полнаго нравственнаго развращенія* (völliges sittliches Verderben [2]), отбрасывается совершенно въ сторону вопросъ о томъ, по чьей винѣ малолѣтній очутился въ такомъ печальномъ положеніи.

Общественный интересъ требуетъ немедленнаго государственнаго вмѣшательства. Принудительное воспитаніе назначается *въ виду самого факта*, независимо отъ вопроса, „кто виноватъ“.

Устраняя всѣ прочія связующія судью условія, законъ дѣлаетъ тѣмъ большее удареніе на моментѣ нравственной испорченности малолѣтняго.

---

[1]) См. рѣчь статсъ-секретаря Нибердинга, произнесенную 27 мая 1896 г. въ рейхстагѣ при обсужденіи § 135 Einführungsg. zum Bürg. Ges., Stenographische Berichte, 1896, S. 3033.

[2]) См. Schmitz, Fürsorgeerziehung, S. 66, Aschrott, Fürsorgeerziehung, S. 102, v. Liszt und Frieda Duensing, Zwangserziehung, S. 23.

Въ первомъ пунктѣ говорится о *возможности* нравственной порчи, во второмъ—о *начавшейся* уже нравственной порчѣ, въ третьемъ—о *наступившемъ состояніи нравственной испорченности*. Принудительное воспитаніе можетъ быть назначено въ силу 3-го пункта въ томъ только случаѣ, если предстоитъ опасность *полнаго* нравственнаго развращенія малолѣтняго.

Законъ не содержитъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на то, при какихъ обстоятельствахъ судья можетъ признать наличность означенной опасности. Это цѣликомъ—дѣло судейскаго усмотрѣнія. При разрѣшеніи поставленной ему здѣсь отвѣтственной, но благодарной задачи, „судья долженъ будетъ имѣть, съ одной стороны, въ виду, что назначеніе принудительнаго воспитанія въ случаяхъ, не объемлемыхъ пунктами 1-мъ и 2-мъ, допускается закономъ лишь какъ *ultima ratio*, съ другой же стороны, не забывать того, что преслѣдуемая пунктомъ 3-мъ цѣль—предупрежденіе полнаго нравственнаго развращенія—достижима лишь при условіи *своевременнаго* вмѣшательства, пока еще не слишкомъ поздно для спасенія малолѣтняго отъ окончательной деморализаціи“ [1]).

Третій пунктъ § 1 долженъ быть раньше всего направленъ на борьбу съ недостатками уголовнаго уложенія, котораго постановленія о малолѣтнихъ преступникахъ подвергаются въ Германіи рѣзкому осужденію со стороны громаднаго большинства криминалистовъ. Неудовлетворительный критерій для сужденія о вмѣняемости малолѣтнихъ, переносящій центръ тяжести на наличность интеллектуальнаго момента, но не обращающій совсѣмъ вниманія судьи на необходимость способности къ самоопредѣленію, приводитъ къ обвиненіямъ во многихъ такихъ случаяхъ, гдѣ малолѣтній долженъ былъ бы быть, при раціональной постановкѣ вопроса, оправданъ и отданъ въ принудительное воспитаніе [2]).

Краткосрочное же заключеніе, къ которому приговариваются въ огромномъ большинствѣ случаевъ признанные виновными малолѣтніе, оказываетъ на нихъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, чрезвычайно развращающее вліяніе [3]).

---

[1]) Aschrott, Fürsorgeerziehung u. s. w. S. 103.

[2]) На это указываетъ самъ Бернеръ, Lehrbuch, 17-e Auflage, Vorrede, S. XIII—XIV; чрезвычайно интересные случаи изъ практики приводитъ Levis въ небольшой статьѣ: „Strafrechtliche Behandlung der jugendlichen Personen“, Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtsw., B. XXI.—Подробная литература вопроса указана въ моей статьѣ: „Борьба съ малолѣтними преступниками по проекту швейцарскаго уложенія“, „Вѣстникъ Права“, 1901.

[3]) См., напр., Loening, Die Zwangserziehung Minderjähriger nach den deut-

Разбираемый нами 3-й пунктъ § 1 открываетъ дорогу къ сокращенію числа случаевъ, въ которыхъ въ настоящее время примѣняется краткосрочное заключеніе, и къ восполненію недостатковъ послѣдняго назначеніемъ отбывшему уже наказаніе малолѣтнему принудительнаго воспитанія. Приведеніе наказанія въ исполненіе можетъ быть въ силу Высочайшаго указа 23 октября 1895 г. [1]) отсрочено, предъ опекунскимъ же судомъ возбуждено ходатайство о назначеніи малолѣтнему принудительнаго воспитанія. При условіи хорошаго поведенія въ теченіе срока пребыванія въ принудительномъ воспитаніи, наказаніе можетъ быть затѣмъ окончательно снято съ малолѣтняго посредствомъ *помилованія.*

Въ распоряженіи отъ 6 февраля 1901 г., министръ юстиціи обращаетъ вниманіе органовъ приведенія наказанія въ исполненіе на предоставленное имъ новымъ закономъ право указаннаго ходатайства. Въ случаяхъ, гдѣ такое ходатайство представляется означеннымъ органамъ умѣстнымъ, акты о малолѣтнемъ отсылаются немедленно подлежащему опекунскому суду съ указаніемъ на тѣ обстоятельства, въ виду которыхъ осужденный признается развращеннымъ или подверженнымъ опасности развращенія.

Но и тогда, когда отбытіе наказанія признано цѣлесообразнымъ, можетъ быть одновременно начато производство объ отдачѣ малолѣтняго въ принудительное воспитаніе. „Признавъ необходимымъ помѣщеніе малолѣтняго по отбытіи наказанія въ принудительное воспитаніе, начальникъ тюрьмы, выслушавъ мнѣніе тюремнаго духовника и учителя,—равно какъ и *совѣта чиновниковъ*, въ тюрьмахъ, гдѣ таковой существуетъ,—дѣлаетъ о принятомъ заключеніи сообщеніе мѣстному ландрату (§ 4 закона 2 іюля 1900 г.) съ изложеніемъ фактовъ, въ виду которыхъ малолѣтній признается развращеннымъ или подверженнымъ опасности развращенія. Срокъ этого сообщенія долженъ быть такъ разсчитанъ, чтобы отдача въ принудительное воспитаніе или предварительное помѣщеніе малолѣтняго (§ 5) [2]) по возможности слѣдовали сейчасъ за отбытіемъ наказанія. Въ неотложныхъ случаяхъ сообщеніе дѣлается непосредственно опекунскому суду“ [3]).

---

schen Reichs-und Landesgesetzen, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 22 Band, Erstes Heft, Juli 1901, S. 9.

[1]) Justiz-Ministerial-Blatt, 1895, S. 348.

[2]) Въ неотложныхъ случаяхъ опекунскій судъ предписываетъ раньше окончанія оффиціальнаго производства предварительную отдачу малолѣтняго въ принудительное воспитаніе (§ 5).

[3]) Allgemeine Verfügung des Justizministers vom 6 Februar 1901, betreffend Ausführung des Gesetzes vom 2 Juli 1900, Just. Min. Bl. 1901, S. 31/32.

Одинаковое съ приведеннымъ распоряженіемъ министра юстиціи предписаніе выпустилъ, въ своихъ „исполнительныхъ постановленіяхъ“ отъ 18 декабря 1900 г. [1]), прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, уполномоченный (§ 22) наблюдать за приведеніемъ закона 2 іюля 1900 г. въ исполненіе.

Въ постановленіяхъ этихъ указываются затѣмъ еще и другіе случаи, въ которыхъ администрація *обязана* добиваться примѣненія къ испорченнымъ малолѣтнимъ принудительнаго воспитанія послѣ отбытія ими уголовнаго наказанія. Въ случаяхъ, когда малолѣтній передается послѣ отбытія наказанія полиціи (§ 361 и § 362), и послѣдняя не можетъ сама обезпечить помѣщеніе его въ исправительное или воспитательное заведеніе, правительственный президентъ предлагаетъ указаннымъ въ § 4 закона 2 іюля 1900 г. органамъ предъявить ходатайство о назначеніи малолѣтнему принудительнаго воспитанія. Чаще всего будетъ дѣлаться на практикѣ изъ этого предписанія употребленіе въ дѣлахъ о недостигшихъ 18-тилѣтняго возраста проституткахъ. Полиція можетъ по своему усмотрѣнію примѣнять къ переданнымъ ей на основаніи §§ 361, Abs. 6 и 362, Abs. 2 угол. улож. проституткамъ одну изъ двухъ мѣръ: a) заключеніе въ рабочій домъ на срокъ до 2 лѣтъ, b) помѣщеніе въ воспитательное заведеніе или въ домъ спасенія для совратившихся женщинъ. *Проститутка, которой было ко времени осужденія ея меньше 18-ти лѣтъ, не можетъ быть заключена въ рабочій домъ* (§ 362, Abs. III, Satz 2).

Сами по себѣ случаи, предусмотрѣнные §§ 361 и 362, *подлежатъ вѣдѣнію мѣстной полиціи* и изъяты поэтому изъ подъ дѣйствія партикулярныхъ законовъ о принудительномъ воспитаніи: § 133 Einführungsgesetz zum Bürg. Ges. предоставляетъ послѣднимъ допускать принудительное воспитаніе въ случаяхъ, не обнимаемыхъ §§ 55 и 56 угол. улож., *не иначе, какъ по назначенію опекунскаго суда* [2]). „Исполнительныя постановленія“ къ закону 2 іюля 1900 г.

---

[1]) Ausführungsbestimmungen zu dem Gesetze vom 2 Juli 1900 über die Fürsorgeerziehung Minderjähriger.

[2]) Особнякомъ стоитъ *баденскій* законъ о принудительномъ воспитаніи малолѣтнихъ, распространяющій въ § 12 государственное воспитаніе и на разсмотрѣнные сейчасъ случаи. При этомъ не требуется даже рѣшеніе опекунскаго суда, которое замѣняется уголовнымъ приговоромъ о передачѣ малолѣтняго полиціи. Gesetz betreffend die staatliche Fürsorge für die Erziehung verwahrloster jugendlicher Personen vom 4 Mai 1886, in der neuen Fassung vom 16 August 1900. Постановленіе это превышаетъ, на нашъ взглядъ, полномочія, предоставленныя § 135 Einführungsgesetz партикулярнымъ законодательствамъ.

открываютъ однако возможность распространить дѣйствіе этого закона и на малолѣтнихъ, отданныхъ на основаніи §§ 361 и 362 подъ надзоръ полиціи. Если полиціи не удается самой пристроить переданнаго ей малолѣтняго, то правительственный президентъ возбуждаетъ ходатайство предъ уполномоченными къ постановкѣ требованія объ открытии производства органами (§ 4 закона 2 іюля 1900 г.), а послѣдніе переносятъ дѣло въ установленномъ закономъ порядкѣ на разсмотрѣніе опекунскаго суда.

Кромѣ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ принудительное воспитаніе призвано замѣнить наказаніе или выступить рядомъ съ послѣднимъ [1]), оно можетъ и должно быть распространено, на основаніи 3-го пункта § 1 новаго закона, на обширнѣйшую категорію испорченныхъ дѣтей, не уличенныхъ еще въ столкновеніи съ уголовными законами. Мы уже указывали въ началѣ статьи на то, что специфическія особенности переживаемой нами экономической эволюціи чрезвычайно вредно отзываются на цѣлостности пролетаріатской семьи. Въ индустріально развитыхъ странахъ насчитывается громадное число семей, гдѣ оба родителя заняты фабричнымъ или вообще внѣдомашнимъ трудомъ. Дѣти остаются въ такихъ семьяхъ безъ всякаго призора,—безъ физическаго ухода, безъ умственнаго и моральнаго поученія. Въ одной Германіи оффиціальная статистика показываетъ 175.000 занимающихся фабричнымъ трудомъ замужнихъ женщинъ. Всѣ онѣ могутъ видѣть своихъ дѣтей только по вечерамъ. Но въ большинствѣ случаевъ и сами онѣ отъ дѣтей, и дѣти отъ нихъ, отвыкаютъ. „Не удивительно, при такихъ обстоятельствахъ, что матери нерѣдко застаютъ своихъ двѣнадцатилѣтнихъ дочекъ въ кабакахъ съ мужчинами, съ которыми онѣ успѣли свести днемъ знакомство на улицѣ. Не удивительно и

---

[1]) О томъ, что примѣняемыя въ настоящее время мѣры уголовнаго взысканія не въ состояніи оказать на малолѣтнихъ ни устрашающаго, ни исправляющаго вліянія, можно ясно заключить по слѣдующимъ даннымъ германской криминальной статистики. Изъ 43.962 осужденныхъ въ 1896 г. малолѣтнихъ 7191 наказано было денежнымъ штрафомъ, 9140 выговоромъ, *27.667 лишеніемъ свободы.* Изъ 27.667 приговоренныхъ къ заключенію 62 были наказаны арестомъ, остальные - тюрьмою. Изъ 27.605 наказанныхъ тюрьмой 5524 приговорено было на срокъ *меньше 4 дней,* 4921 на срокъ *отъ 4 до 8 дней,* 6851 на срокъ *отъ восьми дней до одного мѣсяца,* 4560 на срокъ отъ *1-го до 3-хъ мѣсяцевъ,*—итого 21.918 тюремныхъ заключеній на срокъ менѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Къ тюрьмѣ отъ 3 мѣсяцевъ до 1-го года приговорено было 4863 малолѣтнихъ, отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ 911, на 2 года и болѣе 287 человѣкъ.

то, что, какъ показываетъ прусская статистика, не малое число *дѣвочекъ школьнаго возраста* подвергается, въ виду ихъ безнравственнаго поведенія, принудительному воспитанію" [1]). Всѣ, столь частыя и громкія за послѣднее время, жалобы на огрубѣніе подростающаго поколѣнія сопровождаются справедливыми указаніями на то, что печальное явленіе это—естественное послѣдствіе порядка, „при которомъ отецъ и мать принуждены уходить на фабрику, а дѣти выростаютъ безъ всякаго родительскаго призора" [2]).

Очень многіе изъ такихъ безпризорныхъ, выросшихъ на улицѣ дѣтей подвержены „опасности *полнаго нравственнаго развращенія*". 3-ій пунктъ § 1 закона 2 іюля 1900 г. могъ бы найти здѣсь чрезвычайно широкое примѣненіе и независимо отъ совершенія малолѣтнимъ запрещеннаго подъ страхомъ наказанія дѣянія. Поэтому, повторяемъ, успѣхъ новаго закона зависитъ отъ того, какъ судебная и административная практика будутъ интерпретировать означенное постановленіе, разборъ котораго мы на этомъ заканчиваемъ.

Переходимъ къ изложенію организаціи и процедуры назначенія принудительнаго воспитанія. Принудительное воспитаніе въ силу закона 2 іюля 1900 производится на общественныя средства и подвержено общественному контролю (§ 2). Въ этомъ заключается, какъ мы уже указывали, существенный признакъ регулируемаго партикулярными законодательствами, въ отличіе отъ примѣняемаго на основаніи постановленій имперскаго гражданскаго уложенія (§§ 1666 и 1838, § 1631), принудительнаго воспитанія.

Приговоръ о назначеніи принудительнаго воспитанія постано-

---

[1]) Г. Шатровъ, Дѣло Штейнберга, „Право", 1901 г., № 1, стр. 29; ср. Rechtsanwalt—Fuld, Soziale Praxis, X Jahrgang, № 13: „Mehr Schutz für die Kinder".

[2]) Таково мнѣніе извѣстнаго баденскаго фабричнаго инспектора *д-ра Верисгоффера*, см. Soziale Praxis, 1900, № 27. Въ аналогичномъ смыслѣ выразился прусскій министръ *ф. Микель* при обсужденіи закона 2 іюля 1900 г.: „Всякій знаетъ, что ходъ экономическаго развитія несетъ съ собою серьезныя опасности дѣлу семейнаго воспитанія:—больше всего въ городахъ, въ промышленныхъ округахъ сильнѣе, чѣмъ въ сельскихъ, но всюду выступаетъ эта печальная сторона нашего соціальнаго развитія", Stenogr. Ber. über die Verhandl. des preuss. Abgeordnetenhauses, 1900, Sitzung vom 25 April; ср. затѣмъ Appelius, Die Behandlung jugendlicher Verbrecher, S. 18; v. Liszt, Das Verbrechen als Sozialpathologische Erscheinung, S. 24—27; Mittelstädt, Schuld und Strafe, Gerichtssaal, B. XXXXVI S. 411, B. XXXXVII, S. 10—11; Staatsanwalt Reil, Zeitschr. f. d. g. Str. W., B. XVIII, S. 707—708.

вляется опекунскимъ судомъ [1]). Въ приговорѣ должна быть констатирована наличность признаковъ одного изъ 3-хъ пунктовъ § 1-го со спеціальнымъ обозначеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ признано необходимымъ подвергнуть малолѣтняго принудительному воспитанію (§ 3).

Опекунскій судъ постановляетъ приговоръ ex officio или по предложенію уполномоченныхъ къ постановкѣ требованія объ открытіи производства органовъ [2]) (§ 4, Abs. I). Передъ постановленіемъ рѣшенія опекунскій судъ выслушиваетъ, поскольку это не сопряжено съ существенными трудностями, показаніе родителей или юридическихъ представителей малолѣтняго; онъ *обязанъ* выслушать главу общины, къ которой принадлежитъ малолѣтній, подлежащее духовное лицо, начальника или учителя той школы, которую посѣщалъ малолѣтній. Въ случаяхъ, когда производство начато ex officio, опекунскій судъ обязанъ также дать возможность высказаться и лицамъ, уполномоченнымъ къ постановкѣ требованія объ открытіи производства (§ 4, Abs. II).

Рѣшеніе доставляется юридическому представителю малолѣтняго, малолѣтнему самому, если онъ достигъ 14-ти-лѣтняго возраста, органамъ, уполномоченнымъ къ постановкѣ требованія объ открытіи производства, коммунальному союзу [3]), на который возложена (§ 14) забота о приведеніи приговора въ исполненіе (§ 4, Abs. III).

Всѣмъ означеннымъ въ Abs. III принадлежитъ право обжалованія рѣшенія,—законному представителю ребенка однако лишь въ случаѣ утвердительнаго приговора. Обжалованіе останавливаетъ приведеніе наказанія въ исполненіе (§ 4, Abs. IV).

Ex officio судья начинаетъ производство на основаніи непосредственно ему лично сдѣлавшихся извѣстными данныхъ или же на основаніи донесеній не уполномоченныхъ къ постановкѣ требованія

---

[1]) Функціи опекунскаго суда выполняетъ Amtsgericht (§ 35 Reichs-Gesetzes über die Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit, § 26 des Ausführungsgesetzes zum Deutschen Gerichtsverfassungsgesetze vom 24 April 1878).

[2]) Landrath, а въ городахъ съ болѣе чѣмъ 10.000 населенія, и Gemeindevorstand; въ городскихъ округахъ Gemeindervorstand и начальникъ королевской полиціи (§ 4, Abs. I).

[3]) *Коммунальные союзы*—„мѣстныя учрежденія для выполненія общественныхъ задачъ въ областныхъ предѣлахъ“, Professor Bernhard Hübler, Die Organisation der Verwaltung in Preussen. Berlin, 1898, S. 21. По своему устройству и преслѣдуемымъ ими цѣлямъ коммунальные союзы напоминаютъ наши первоначальныя земства.

объ открытіи разслѣдованія лицъ. Каждое частное лицо можетъ подать участковому судьѣ заявленіе о случаяхъ, требующихъ назначенія принудительнаго воспитанія. Судья изслѣдуетъ основательность донесенія. Считая сообщенные факты недостаточными для открытія производства, судья отклоняетъ предложеніе.

Отъ права *дѣлать донесеніе* (Anzeigerecht) должно быть строго отличаемо,—даже и въ томъ случаѣ, когда первое соединено съ соотвѣтствующею обязанностью [1]),—право и обязанность *ставить требованіе* (Antragsrecht).

Если заявленіе дѣлающаго *донесеніе* окажется неосновательнымъ, то судья можетъ въ любой моментъ, не постановляя формальнаго рѣшенія, прекратить производство; когда сообщенные факты представляются судьѣ съ самаго начала недостаточными, то онъ и совсѣмъ не даетъ хода заявленію.

Если же поставлено *требованіе*, то судъ *обязанъ* открыть формальное производство [2]), постановить формальное рѣшеніе и довести о немъ до свѣдѣнія указанныхъ въ Abs. III § 4-го лицъ и органовъ.

Уполномоченные къ постановкѣ требованія имѣютъ затѣмъ право обжалованія [3]) судейскаго рѣшенія, каковое право другимъ лицамъ, заявленіе которыхъ послужило основаніемъ къ открытію производства, не принадлежитъ.

Законъ различаетъ далѣе между лицами, показаніе которыхъ судъ выслушиваетъ, если это не сопряжено съ существенными трудностями, и лицами, показаніе которыхъ судъ *обязанъ* выслушать. Рѣшеніе вопроса о томъ, представляются ли *существенныя трудности* къ выслушанію лицъ первой категоріи, предоставлено судейскому усмотрѣнію. Отъ судейскаго же усмотрѣнія зависитъ, выбрать ли устную или письменную форму показанія.

Производство ведется негласно [4]).

---

[1]) Прокуроры, напр., обязаны дѣлать сообщеніе о всѣхъ извѣстныхъ имъ случаяхъ совершенія запрещеннаго уголовнымъ закономъ дѣянія малолѣтними, младше 18-ти лѣтъ. Komiss. Ber. des Abgeordn.-Hauses, S. 10; vgl. Noelle, Gesetz über die Fürsorgeerziehung. S. 47—48.

[2]) Даже и въ томъ случаѣ, когда судъ съ самаго начала считаетъ требованіе фактически необоснованнымъ; см. Aschrott, Fürsorgeerziehung, S. 124. Для сравн. съ зак. 13-го м. 1878 г. см. особ. Thümmel, Gerichtssaal, B. XL, S. 46, 47.

[3]) Срокъ обжалованія—двухнедѣльный, Art. 6 des preuss. G. für die freiwillige Gerichtsbarkeit, § 20-27 des Reichsgesetzes.

[4]) § 88 des Ausführungsgesetzes zum Gerichtsverfassungsgesetze.

Заключительное засѣданіе (Schlussverhandlung) [1]), которое предписано было закономъ 13 марта 1878 г., является по новому закону необязательнымъ.

О постановленномъ имъ рѣшеніи судъ обязанъ сдѣлать сообщеніе указаннымъ въ § 4 (Abs. III) лицамъ и органамъ. Пока это сообщеніе не сдѣлано, судъ имѣетъ право отмѣнить свое рѣшеніе [2]). Лица и органы, которымъ должно быть доставлено рѣшеніе, имѣютъ право обжалованія. *Двухнедѣльный срокъ обжалованія* начинаетъ течь для каждаго изъ уполномоченныхъ съ момента доставленія ему приговора.

Жалоба на рѣшеніе опекунскаго суда подается въ гражданское отдѣленіе подлежащаго Landgericht'а. Послѣдній *не обязанъ* выслушивать снова показанія указанныхъ въ Abs. II § 4-го лицъ.

Рѣшеніе Landgericht'а можетъ быть въ свою очередь подвергнуто дальнѣйшему обжалованію [3]). Эта вторая жалоба можетъ однако исходить лишь изъ утвержденія, что рѣшеніе Landgericht'а основано на нарушеніи закона [4]).

Гражданское отдѣленіе Kammergericht'а, куда подаются жалобы на рѣшеніе Landgericht'а, можетъ постановить *окончательный приговоръ* или же, если признаетъ необходимымъ произвести дополнительныя разслѣдованія, направить дѣло въ предыдущую инстанцію.

Въ законную силу рѣшеніе вступаетъ съ произнесеніемъ окончательнаго приговора Kammergericht'а или же съ истеченіемъ всѣхъ сроковъ обжалованія.

Обжалованіе останавливаетъ по общему правилу приведеніе наказанія въ исполненіе. § 7 прусскаго закона über die freiw. Gerichtsb. предоставляетъ однако Landgericht'у дѣлать распоряженіе о немедленномъ отбытіи наказанія, а законъ 2 іюля 1900 г. идетъ еще гораздо дальше: въ неотложныхъ случаяхъ *опекунскій судъ* можетъ назначить *предварительное помѣщеніе* малолѣтняго въ принудитель-

---

[1]) Въ заключительномъ засѣданіи подвергались *устному* допросу принимавшія участіе въ дѣлѣ лица. Судъ *можетъ* назначить заключительое засѣданіе и теперь, по общему правилу однако рѣшенія будутъ приниматься внѣ заключительнаго засѣданія, vgl. Gesetz vom 13 M. 1878, § 3, Abs. IV.

[2]) Noelle, Ibid., S. 59.

[3]) § 7 des Preuss. G. für die freiwillige Gerichtsbarkeit, § 27 des Reichsgesetzes über die Angelegenheiten der freiw. Gerichtsbarkeit.

[4]) § 550, 551, 561 der Civilprocessordnung in der Fassung des Gesetzes vom 17 Mai 1898.

ное воспитанiе (§ 5). Въ объяснительной запискѣ справедливо указывается по поводу этого постановленiя, являющагося новинкою по отношенiю къ закону 13 марта 1878 г,, что „въ очень многихъ случаяхъ малолѣтнiй долженъ быть немедленно удаленъ изъ окружающей деморализующей обстановки, въ видахъ предупрежденiя дальнѣйшей нравственной порчи въ продолженiе времени, пока производство будетъ окончено“ (ср. Fuld, Ibid., S. 117).

Распоряженiе о *предварительномъ помѣщенiи* можетъ послѣдовать въ любой моментъ, предъ открытiемъ формальнаго производства, во время теченiя производства, одновременно съ приговоромъ о назначенiи принудительнаго воспитанiя.

Если родители или юридическiй представитель ребенка не были выслушаны судомъ передъ принятiемъ рѣшенiя, то они имѣютъ право требовать возобновленiя производства (§ 6). Право это принадлежитъ имъ въ томъ только однако случаѣ, *если опекунскiй судъ не далъ имъ возможности высказаться.* Если опекунскiй судъ предложилъ имъ прислать письменное показанiе или же явиться для личныхъ объясненiй, то право на предоставленное § 6-мъ требованiе падаетъ. Возобновленiе производства можетъ быть потребовано, какъ это слѣдуетъ изъ § 4, Abs. IV, только противъ утвердительнаго приговора суда.

Постановленiя, касающiяся практическаго проведенiя принудительнаго воспитанiя, перешли почти цѣликомъ изъ закона 13 марта 1878 г. Забота о приведенiи судебнаго приговора въ исполненiе лежитъ на подлежащемъ коммунальномъ союзѣ [1]). Послѣднiй выбираетъ между домашнимъ воспитанiемъ и отдачей въ спецiальное заведенiе [2]). Заведенiе, въ которое отдается малолѣтнiй, должно по возможности принадлежать къ его вѣроисповѣданiю. Въ случаѣ назначенiя семейнаго воспитанiя, малолѣтнiй отдается *по крайней мѣрѣ до окончанiя срока школьной повинности* (14 лѣтъ) въ семью своего вѣроисповѣданiя (§ 9).

---

[1]) Обязанность приведенiя приговора въ исполненiе возложена закономъ (§ 14, Abs. II) на тотъ коммунальный союзъ, къ округу котораго принадлежитъ постановившiй приговоръ опекунскiй судъ.

[2]) О сравнительныхъ выгодахъ семейнаго воспитанiя и отдачи въ заведенiе см. особенно Aschrott, Die Behandlung der verwahrlosten und verbrecherischen Jugend, 1892, S. 41-42.—Мы не касаемся совсѣмъ въ настоящей статьѣ вопроса о томъ, насколько удачно Kommunalverband способенъ справиться съ предоставленнымъ ему правомъ выбора, и не рацiональнѣе ли было бы передать эту функцiю вѣдѣнiю рекомендуемыхъ Межд. союз. крим. спецiальныхъ Erziehungsämter.

На коммунальныхъ союзахъ лежитъ далѣе обязанность заботиться объ учрежденіи новыхъ воспитательныхъ или исправительныхъ заведеній, если нужды принудительнаго воспитанія не могутъ быть удовлетворены помѣщеніемъ малолѣтнихъ въ благонадежныя семьи или же отдачею ихъ въ существующія общественныя, церковныя или частныя заведенія. Поскольку это представляется необходимымъ, коммунальные союзы заботятся о надлежащемъ пристроеніи малолѣтняго по окончаніи принудительнаго воспитанія (§ 14).

Коммунальные союзы выпускаютъ предписанія, регламентирующія практику принудительнаго воспитанія и порядокъ управленія въ построенныхъ ими исправительныхъ или воспитательныхъ заведеніяхъ. Постановленія, касающіяся принятія малолѣтнихъ въ заведеніе, примѣняемаго къ нимъ тамъ режима, обученія воспитанниковъ и выпуска ихъ изъ заведенія, должны быть одобрены министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Для частныхъ заведеній остаются въ силѣ существующія предписанія (§ 17).

Рѣшеніе кардинальнаго вопроса принудительнаго воспитанія,— о выборѣ между семьей и заведеніемъ,—предоставлено закономъ цѣликомъ усмотрѣнію коммунальныхъ союзовъ. Въ „исполнительныхъ постановленіяхъ“ министра внутреннихъ дѣлъ настоятельно однако рекомендуется *оказывать предпочтеніе семейному воспитанію* во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только отъ него можно ожидать благопріятныхъ результатовъ. Само собой разумѣется, что при выборѣ подлежащихъ семей должна быть соблюдаема величайшая осторожность. Главное вниманіе должно быть, конечно, обращено на *личность* будущихъ воспитателей малолѣтняго, но не малое значеніе имѣетъ также и внѣшняя обстановка, въ которую попадаетъ воспитанникъ. При одинаковой нравственной благонадежности заслуживаютъ предпочтенія семьи, живущія въ деревняхъ или маленькихъ городахъ и имѣющія возможность занимать воспитанниковъ полевымъ или садовымъ трудомъ. По возможности слѣдуетъ избѣгать помѣщенія малолѣтнихъ въ семьи, живущія въ большихъ городахъ или густо населенныхъ фабричныхъ центрахъ. Точно такъ же должно имѣть въ виду, чтобы семья, въ которую отдается малолѣтній, не слишкомъ близко жила отъ мѣста его прежняго пребыванія. Нежелательнымъ является накопленіе нѣсколькихъ воспитанниковъ въ одной семьѣ [1]. Съ главою семьи, въ которую воспитанникъ

---

[1]) Очень интересенъ формуляръ для собранія свѣдѣній о положеніи намѣченныхъ администраціей семей, предписанный исполнительнымъ распоряже-

помѣщается, „исполнительныя постановленія“ предписываютъ заключать контрактъ, обязующій договорившагося „принять малолѣтняго въ кругъ своей семьи, воспитывать его въ религіозно-нравственномъ духѣ, слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ аккуратно посѣщалъ богослуженіе и школу и выполнялъ заданные въ школѣ уроки, пріучать воспитанника къ чистотѣ и трудолюбію, доставлять ему необходимое содержаніе—отдѣльную кровать, здоровую пищу въ достаточномъ количествѣ, приличную и опрятную одежу, въ случаѣ же болѣзни—уходъ и врачебную помощь, обращать малолѣтняго къ соотвѣтствующимъ его полу и возрасту домашнимъ и полевымъ работамъ, поскольку онѣ не сопряжены съ вредомъ для здоровья или для успѣшности школьныхъ занятій. Запрещается отдавать воспитанника на фабрику или въ аналогичныя промышленныя заведенія; занимать воспитанника въ домашней индустріи дозволяется не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія попечителя“.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда признано было необходимымъ прибѣгнуть къ строгому режиму воспитательнаго или исправительнаго заведенія, малолѣтній остается тамъ, согласно „исполнительнымъ постановленіямъ“, до тѣхъ лишь поръ, „пока это безусловно необходимо для пріученія его къ дисциплинѣ и порядку и въ цѣляхъ тѣлеснаго и духовнаго укрѣпленія его“. Какъ только процессъ физическаго и нравственнаго очищенія можетъ считаться законченнымъ, малолѣтній отдается въ благонадежную семью. Въ случаѣ, если воспитанникъ ведетъ себя тамъ плохо, или же семья, въ которую онъ помѣщенъ, оказывается неподходящею, малолѣтній возвращается въ заведеніе. При удобномъ случаѣ должна быть сдѣлана новая попытка пристроить воспитанника въ семьѣ.

ніемъ (14 февр. 1900 г.) къ виртембергскому закону отъ 29 дек. 1899 г. По формуляру должны быть предложены и снабжены отвѣтомъ 18 вопросовъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) Возрастъ родителей? 2) Вѣроисповѣданіе ихъ? 3) Число дѣтей? 4) Сколько дѣтей дома? 5) Хорошо ли они воспитаны? 6) Какимъ состояніемъ обладаютъ супруги? 7) Чѣмъ занимается мужъ? Заняты ли также жена и дѣти профессіональнымъ трудомъ? Какимъ? 8) Занимается ли семья въ особенности сельскимъ хозяйствомъ? 9) Сколько у нея земли и скота? 10) Имѣетъ ли семья здоровую и просторную квартиру? Сколько жилыхъ комнатъ? Есть ли раздѣльныя ночныя помѣщенія для мальчиковъ и дѣвочекъ? 11) Здоровы ли члены семьи? Не было ли въ домѣ за послѣднее время заразительныхъ болѣзней (чахотка, дифтеритъ, скарлатина, коклюшъ и т. д.)? 14) Какимъ именемъ пользуется семья? 15) Имѣетъ ли семья на содержаніи чужихъ дѣтей? Отъ кого и сколько?

Для наблюденія за воспитаніемъ и содержаніемъ отданныхъ въ семьи воспитанниковъ коммунальный союзъ назначаетъ каждому изъ нихъ попечителя. Попечителями могутъ быть назначаемы также и женщины (§ 11).

Раціональная постановка института попечителей является обязательнымъ условіемъ успѣшности семейнаго принудительнаго воспитанія. Безъ этого института немыслимъ былъ бы ни надлежащій контроль за поведеніемъ воспитанника, ни повѣрка благонадежности той семьи, въ которую послѣдній помѣщенъ. „Исполнительныя постановленія" ожидаютъ отъ попечителей широкой заботливости о судьбѣ ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ. „Находящихся въ школьномъ возрастѣ дѣтей попечитель время отъ времени лично посѣщаетъ, провѣряя при этомъ, какъ содержится малолѣтній, каковъ уходъ за нимъ, какъ идетъ его воспитаніе, какимъ трудомъ онъ занимается; посредствомъ сношенія съ мѣстнымъ духовникомъ и школьнымъ начальствомъ, попечитель удостовѣряется, аккуратно ли воспитанникъ посѣщаетъ богослуженіе и школу и выполняются ли вообще другія договорныя условія; попечитель заботится объ устраненіи замѣченныхъ имъ недостатковъ".

Глава семьи и воспитанникъ обязаны подчиняться распоряженіямъ попечителя впредь до отмѣны ихъ подлежащимъ коммунальнымъ союзомъ, куда можетъ быть на нихъ принесена жалоба [1]).

Обязанность попечителя—почетная. Израсходованныя попечителемъ въ цѣляхъ наблюденія необходимыя суммы возвращаются ему. Расходы по наблюденію приравнены къ расходамъ по воспитанію и покрываются на одинаковыхъ съ послѣдними основаніяхъ [2]).

Государственное воспитаніе кончается съ достиженіемъ совершеннолѣтія [3]). Раньше того государственное воспитаніе можетъ

---

[1]) Порядокъ, уполномочивающій попечителя отдавать семьѣ и воспитаннику непосредственныя распоряженія, представляется Апротту нераціональнымъ. По мнѣнію Апротта, попечитель долженъ былъ бы дѣлать о замѣченныхъ имъ недостаткахъ донесеніе подлежащему Kommunalverband'у отъ котораго уже могло бы исходить соотвѣтственное распоряженіе: Fürsorgeerziehung u. s. w. S. 168.

[2]) § 15, Abs. II des Gesetzes vom 2 Juli 1900.

[3]) 21 годъ, если совершеннолѣтіе не было объявлено раньше (§§ 2 и 3 des Bürg. Gesetzb.).—По закону 13 марта 1878 г. государственное воспитаніе кончалось по общему правилу съ достиженіемъ 18 лѣтъ и лишь въ экстренныхъ случаяхъ могло быть продлено дольше. § 10 in der Fassung, die er durch das Gesetz vom 23 Juni 1884 erhalten hat.

быть прекращено опредѣленіемъ коммунальнаго союза [1]),—по собственному усмотрѣнію послѣдняго или же по предложенію родителей или юридическаго представителя малолѣтняго,—когда цѣль, преслѣдуемая государственнымъ воспитаніемъ, признается достигнутою или же достиженіе этой цѣли въ иномъ порядкѣ обезпеченнымъ. Опредѣленіе о прекращеніи можетъ быть ограничено оговоркою о возможности отмѣны его.

Въ случаѣ отклонительнаго опредѣленія, предъявляющій ходатайство можетъ потребовать, въ теченіе двухнедѣльнаго срока со дня доставленія ему резолюціи, рѣшенія опекунскаго суда. Постановленіе опекунскаго суда можетъ быть обжаловано. Если жалоба подана коммунальнымъ союзомъ, то исполненіе приговора откладывается. Отклоненное ходатайство не можетъ быть возобновлено раньше, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ (§ 13).

Расходы по переводу воспитанниковъ въ семью или въ заведеніе, по снабженію ихъ предписанной регламентомъ первоначальною обмундировкой, по погребенію умершихъ во время пребыванія въ государственномъ воспитаніи, по обратному переѣзду отпущенныхъ изъ государственнаго воспитанія, падаютъ на попечительство призрѣнія бѣдныхъ того округа, въ которомъ малолѣтній имѣетъ право на полученіе вспомоществованія. Если въ округѣ нѣтъ означеннаго попечительства, то расходы эти падаютъ на коммунальный союзъ. *Всѣ остальные расходы по содержанію и воспитанію, равно какъ и по попеченію объ отпущенныхъ воспитанникахъ, несутъ во всѣхъ случаяхъ коммунальные союзы* (§ 15, Abs. I).

Государственная казна возмѣщаетъ коммунальнымъ союзамъ двѣ трети падающихъ на нихъ въ силу § 15, Abs. I издержекъ. Размѣръ ассигновки установляется ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ посредствомъ ликвидаціи произведенныхъ въ предыдущемъ году расходовъ,—или же, по соглашенію съ отдѣльными коммунальными союзами, назначаются періодическія подрядныя суммы (§ 15, Abs. II).

Вопросъ о распредѣленіи расходовъ между государствомъ и коммунальными союзами стоялъ въ центрѣ парламентскихъ дебатовъ по поводу закона 2 іюля 1900 г. Первоначально предполагалось подѣлить издержки поровну между казною и коммунальными сою-

---

[1]) См. по этому поводу Aschrott, Die Zwangserziehung Minderjähriger, 1900, S. 35 и 36.

зами [1]), какъ было по закону 13 марта 1878 г. (§ 12, Abs. III). Въ палатѣ господъ указано было однако правительству при первомъ же обсужденіи закона, что въ виду чрезвычайнаго расширенія сферы примѣненія принудительнаго воспитанія, вновь опредѣлившіяся издержки не подъ силу будутъ и безъ того въ финансовомъ отношеніи тяжело обремененнымъ союзамъ. Въ палатѣ депутатовъ требовали, чтобы государство приняло на себя $^{3}/_{4}$ расходовъ. Когда правительство въ свою очередь заявило, что не можетъ согласиться на такое возвышеніе доли своего участія въ покрытіи расходовъ по принудительному воспитанію, рѣшено было остановиться на предложенномъ палатою господъ компромиссѣ,—увеличеніи государственнаго взноса до $^{2}/_{3}$ третей падающихъ на союзы *въ силу § 15, Abs. I* [2]) издержекъ [3]).

Редакція § 15, Abs. II, Satz 2, равно какъ и исполнительныя постановленія къ нему, свидѣтельствуютъ о томъ, что при исчисленіи расходовъ не исключена возможность конфликта между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и коммунальными союзами.

Коммунальные союзы имѣютъ право требовать отъ самого воспитанника или лицъ, на которыхъ лежитъ согласно гражданскому уложенію забота о *содержаніи* послѣдняго, возмѣщенія *соотвѣтствующихъ* [4]) накопившихся за время пребыванія въ государственномъ воспитаніи расходовъ. Это же самое право предоставлено попечительствамъ призрѣнія бѣдныхъ относительно падающихъ на нихъ въ силу § 15, Abs. I издержекъ (§ 16, Abs. I).

Если противъ требованія о возмѣщеніи расходовъ предъявляется возраженіе, то требованіе разрѣшается, по предложенію коммунальнаго союза или попечительства призрѣнія бѣдныхъ, окружнымъ комитетомъ (Bezirkausschuss) (§ 16, Abs. III).

Двѣ трети полученнаго коммунальными союзами отъ обязанныхъ

---

[1]) См. Stenogr. Berichte über die Verhandl. des Abgeordnetenh. 1900, S. 4591 и о предшествовавшемъ этому предложенію проектѣ S. 3994.

[2]) Государство участвуетъ двумя третями только въ расходахъ, вытекающихъ изъ § 15, Abs. I. Другихъ издержекъ, напр., по постройкѣ новыхъ исправительныхъ или воспитательныхъ заведеній (§ 14, Abs. I, Satz), постановленіе § 15, Abs. II, не касается.

[3]) Весьма серьезныя принципіальныя возраженія противъ повышенія доли государственнаго взноса приведены были министромъ *ф. Микелемъ,* см. Stenogr. Ber. d. Abg.-H., S. 4595, vgl. Kommissions. Ber. d. Abg. H., S. 28.

[4]) Въ отличіе отъ расходовъ по воспитанію.

къ тому лицъ возмѣщенія относятся на счетъ государственнаго взноса (§ 16, Abs. IV).

Какъ часто коммунальные союзы будутъ дѣлать изъ предоставленнаго имъ § 16, Abs. I, права употребленіе, зависитъ исключительно отъ ихъ такта. Текстъ закона не даетъ во всякомъ случаѣ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Мотивы же объясняютъ лишь, что цѣль преслѣдуемая § 16-мъ заключается не столько въ возвращеніи затраченныхъ суммъ, сколько въ моральномъ воздѣйствіи на родителей, которымъ регулярно повторяющіеся взносы напоминаютъ о лежащей на нихъ отвѣтственности" [1]).

Желательно было бы, чтобы коммунальные союзы не забывали, изъ какого соображенія исходилъ законодатель, и пользовались предоставленнымъ имъ въ § 16 правомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ къ принудительному воспитанію послужило явно недобросовѣстное отношеніе родителей къ своимъ обязанностямъ (§ 1666 Bürg. Ges., 2-er Satz des § 1838), или же когда возвращеніе затратъ не ложится бременемъ на бюджетъ семьи, къ которой принадлежитъ воспитанникъ. Еще большая осторожность требуется, конечно, въ дѣлѣ возмѣщенія расходовъ изъ имущества, принадлежащаго самому малолѣтнему.

Законныя постановленія о религіозномъ воспитаніи дѣтей примѣпяются и къ дѣтямъ, находящимся въ государственномъ воспитаніи (§ 18) [2]).

Если посылка находящихся въ школьномъ возрастѣ воспитанниковъ въ общественныя школы сопряжена съ нравственной опасностью для остальныхъ посѣщающихъ школу дѣтей, то коммунальный союзъ заботится о томъ, чтобы воспитанникамъ этимъ удѣлялся въ иномъ порядкѣ установленный программою курсъ. Въ спорныхъ случаяхъ рѣшеніе принадлежитъ оберъ-президенту [3]) (§ 19).

Подлежащія государственныя инспекторскія за дѣятельностью

---

[1]) Въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 іюля 1882 г.— для новаго закона оно не имѣетъ силы—указано было, что изъ имущества, принадлежащаго малолѣтнему тогда только могутъ дѣлаться вычеты, если оно превышаетъ сумму въ 300 марокъ (Preussisches Ministerialblatt für innere Verwaltung, S. 210). Не подлежитъ сомнѣнію, что практика и въ будущемъ не перешагнетъ за предѣлы этого minimum'a, который долженъ былъ бы быть въ порядкѣ министерскаго распоряженія повышенъ.

[2]) Begründung, S. 12.

[3]) Вопросъ этотъ имѣетъ спеціальное значеніе для Германіи, особенно въ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ и рожденій внѣ брака, см. особ. Kall, Konfession der Kinder aus gemischten Ehen, 1895.

коммунальныхъ союзовъ учрежденія, въ высшей инстанціи—министръ внутреннихъ дѣлъ, ведутъ верховный надзоръ за принимаемыми для урегулированія положенія воспитанниковъ мѣропріятіями; они уполномочены предпринимать съ означенною цѣлью ревизіи (§ 20).

Аппроттъ рекомендуетъ сосредоточить инспекторскую часть въ рукахъ спеціально подготовленныхъ чиновниковъ, какъ это уже давно практикуется въ Англіи для надзора за тамошними Reformatory и Industrial Schools [1]).

Чрезвычайно важною для прусскаго права новинкою является § 21 закона 2 іюля 1900 г., устанавливающій *уголовную отвѣтственность* для лицъ, препятствующихъ успѣшному проведенію дѣла принудительнаго воспитанія.

Объяснительная записка указываетъ на настоятельную необходимость уголовной защиты противъ дѣйствій, направленныхъ на борьбу съ государственными постановленіями о принудительномъ воспитаніи. Опытъ показалъ, что не только родители, но нерѣдко и частныя лица стараются вырвать малолѣтняго, относительно котораго начато производство о назначеніи принудительнаго воспитанія, изъ рукъ суда,—воспитанниковъ же, отданныхъ по произнесеніи приговора въ исправительныя заведенія или въ семьи, склоняютъ къ побѣгу и помогаютъ имъ въ осуществленіи послѣдняго [2]). Законъ 2 іюля 1900 г. опредѣляетъ за такія и подобныя дѣйствія высшую допустимую для партикулярныхъ законодательствъ [3]) мѣру наказанія—2 года тюремнаго заключенія и денежный штрафъ до 1000 марокъ, или же одно изъ этихъ наказаній. Наказанію подлежитъ также и покушеніе [4]).

Таковъ новый прусскій законъ о принудительномъ воспитаніи малолѣтнихъ. На долю его выпало совершенное исключительное—со стороны народа, „который все привыкъ подвергать безпощадной критикѣ",—одобреніе [5]). Въ данномъ случаѣ сдѣлано было изъ этого

[1]) Рѣшеніе оберъ-президента можетъ быть обжаловано министру внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Begründung u. s. w. S. 15.

[3]) Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, Einführungsgesetze § 5.

[4]) См. объ этомъ Stenogr. Ber. über dir Verh. des Abgeordnetenh., S. 4631—4633 u. S. 4753—4755, Vrgl. Entscheidungen des Reichsgerichts XV, S. 39, Rechtssprechung des Reichgerichts in Strafsachen, B. VIII, S. 687; ср. также Appelius, Die Behandlung u. s. w. S. 197—198.

[5]) Нѣкоторымъ диссонансомъ звучатъ лишь сомнѣнія, высказанныя проф. Loening'омъ въ цитированной нами статьѣ. Они не направлены, впрочемъ, спеціально противъ прусскаго закона.

весьма полезнаго обычая самое лишь ограниченное употребленіе, что объясняется не только практическими достоинствами закона,—въ нихъ не было еще пока времени убѣдиться,—сколько чрезвычайной популярностью положенной въ основаніе его идеи. Мы едва-ли ошибемся, утверждая, что не только публика, но и значительное число юристовъ основываютъ свое сужденіе о новомъ законѣ не на тщательномъ ознакомленіи съ текстомъ послѣдняго, а на оцѣнкѣ, ясно выразившейся въ мотивахъ общей его тенденціи. Мотивы открыто признаютъ несостоятельность господствующей системы борьбы съ преступностью (Ibid. S. 2) и неоднократно указываютъ на необходимость замѣны примѣняемыхъ въ настоящеее время къ малолѣтнимъ репрессивныхъ мѣръ планомѣрно проведеннымъ, подверженнымъ государственному контролю принудительнымъ воспитаніемъ. Признаніе это заключаетъ въ себѣ *побѣду принципа*, который ни въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ не пользовался до послѣдняго времени *меньшими* симпатіями законодателя, чѣмъ именно въ Пруссіи. На вмѣшательство государства въ дѣла воспитанія смотрѣли еще 50 лѣтъ тому назадъ въ Пруссіи такими же глазами, какъ въ Англіи конца XVIII столѣтія на вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Потребовались всѣ ужасы основанной на чистомъ капитализмѣ и неограниченной конкуренціи промышленной системы для того, чтобы разрушить вѣру въ непогрѣшимость формулы „laissez faire, laissez passer“. Но за первыми робкими шагами въ обратномъ направленіи—законы 1802, 1819 и 1831 г.г.—послѣдовалъ знаменитый десятичасовый билль, начало новой эры въ исторіи англійскаго рабочаго законодательства: „Und deshalb war die Zehnstundenbill nicht bloss ein grosser practischer Erfolg, sie war der Sieg des Prinzips“!

Такое же положеніе занимаетъ въ разсмотрѣнномъ нами вопросѣ законъ 2 іюля 1900 г. Поэтому, если возлагаемыя на него надежды и не вполнѣ даже оправдаются, законъ этотъ все-же надолго сохранитъ значеніе, какъ поворотный пунктъ въ германскомъ законодательствѣ о борьбѣ съ малолѣтними преступниками.

Г. Н. Штильманъ.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1901 ГОДУ.

(Продолженіе) [1].

Составилъ **Д. Д. Черновъ.**

А. Матеріальные гражданскіе законы:

а) т. X ч. 1 Свод. зак. гражд.

Ст. 533.

61. Судебное мѣсто, постановляя опредѣленіе (въ охранительномъ порядкѣ) объ укрѣпленіи за владѣльцемъ имущества права собственности по давности владѣнія, обязано съ точностью опредѣлить самый *предметъ*, на который простирается право, а также съ точностью установить *наличность признаковъ*, превращающихъ владѣніе въ право собственности, стремясь притомъ къ огражденію *правъ третьихъ лицъ.* Для достиженія этихъ цѣлей судебныя мѣста должны не только пользоваться свѣдѣніями, доставляемыми непосредственно просителями, но и прибѣгать къ примѣненію 368 ст. уст. гражд. суд. Ближайшими дѣйствіями въ этомъ направленіи должны служить: 1) производство мѣстнаго осмотра съ участіемъ землемѣра, съ составленіемъ плана или истребованіемъ таковаго отъ просителя, при чемъ эти планы должны быть, по

[1]) См. Жур. Мин. Юст., 1901 г., Декабрь, стр. 272.

возможности, связаны съ межевыми планами, если таковые имѣются, а также истребованіе отъ межевыхъ учрежденій свѣдѣній, необходимыхъ для выполненія 168[1] ст. нот. полож.; 2) допросъ свидѣтелей и окольныхъ людей въ мѣстѣ нахожденія имѣнія, при условіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія въ томъ, что показанія этихъ лицъ имѣютъ въ виду то именно имѣніе, о принадлежности котораго просителю производится изслѣдованіе; содержаніе показаній должно отвѣчать на вопросы о возникновеніи владѣнія, его фактическихъ признакахъ въ видѣ собственности, его непрерывности и продолжительности; 3) для удостовѣренія въ безспорности владѣнія, судебныя мѣста должны удостовѣряться въ отсутствіи споровъ (исковъ) о завладѣніи даннымъ имѣніемъ или о вещномъ на него правѣ, а равно требовать отъ старшаго нотаріуса справки объ отмѣткахъ въ крѣпостномъ реестрѣ и объ обремененіи имѣнія залогомъ, а отъ общественныхъ, сословныхъ и другихъ учрежденій и казначействъ—о платимыхъ по имѣнію повинностяхъ и кѣмъ именно; 4) „для достиженія *гласности* при производствѣ этихъ дѣлъ, судебныя мѣста должны безпрепятственно допускать къ осмотрамъ на мѣстѣ и къ участію при допросахъ свидѣтелей всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, сосѣднихъ владѣльцевъ, крестьянскія общества и казну и принимать отъ нихъ заявленія, до дѣла относящіяся“; 5) „искъ, предъявленный въ установленномъ порядкѣ о правѣ собственности на имѣніе, о коемъ идетъ дѣло, прекращаетъ охранительное его производство“. (Рѣш. № 46) [1]).

Ст. 683.

62. Слово „эксплоатація“ въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ означаетъ не всякую дѣятельность ихъ, направленную къ извлеченію выгодъ изъ принадлежащаго дорогѣ имущества, а лишь такую, которая находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ выполненіемъ главной цѣли и *обязанности* этихъ предпріятій, состоящей въ перевозкахъ (ст. 1 уст. жел. дор.). При всякой другой дѣятельности владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій отвѣчаютъ за причиненные ими вредъ и убытки вслѣдствіе смерти и поврежденія здоровья по общимъ правиламъ, изложеннымъ въ 684 ст.

---

[1]) Настоящее рѣшеніе состоялось по предложенію оберъ-прокурора вслѣдствіе ордера Министра Юстиціи на основаніи 259[1] ст. учр. суд. уст., въ виду возникшихъ въ практикѣ разногласій по поводу рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1872 г. № 792, установившаго охранительное производство объ укрѣпленіи права собственности по давности владѣнія.

X т. 1 ч. [1]). Поэтому искъ о вознагражденіи за смерть лица, утонувшаго при переходѣ ночью черезъ неогороженную плотину пруда, арендованнаго желѣзною дорогою, не можетъ быть основанъ на 683 ст., иначе говоря, истецъ обязанъ доказать *вину* желѣзной дороги въ неисправномъ содержаніи плотины. (Рѣш. № 58).

63. Ст. 683 не примѣнима къ случаю полученія мастеровыми и рабочими морскаго вѣдомства увѣчья на работѣ въ адмиралтействѣ при постройкѣ броненосца для надобностей государства, ибо сооруженіе правительствомъ военныхъ судовъ въ казенныхъ адмиралтействахъ не можетъ быть отнесено къ пароходнымъ предпріятіямъ. (Рѣш. № 61).

Ст. 698 п. 6 (Уст. кредитный, разд. X, изд. 1893 г., ст. 7; уставъ земскаго банка Херс. губ., Выс. утв. 20 мая 1864 г., §§ 65 и 66).

64. Право Херсонскаго земскаго банка на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ ограничено закономъ лишь точно опредѣленными случаями, а именно: а) заложенныя въ банкѣ имѣнія переходятъ въ его собственность, если на второмъ торгѣ не будетъ предложена цѣна, покрывающая долгъ банку (при чемъ банкъ обязанъ въ извѣстный срокъ продать съ торговъ такое имѣніе); б) по общему закону—ст. 7 уст. кред. (разд. X) и Выс. утв. мн. Гос. Совѣта 15 марта 1877 г.—земельные банки имѣютъ право, съ разрѣшенія Министра Финансовъ, пріобрѣтать въ собственность дома для помѣщенія правленій. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ пріобрѣтеніе недвижимостей воспрещено банкамъ тѣмъ же закономъ (ст. 7 уст. кред.), а потому и разрѣшеніе Министра Финансовъ на подобное пріобрѣтеніе должно считаться недѣйствительнымъ. (Рѣш. № 60).

Ст. 698, п. 7 (980).

65. Законъ, указывая *богоугодныя заведенія* въ числѣ учрежденій и лицъ, могущихъ пріобрѣтать права на имущества, тѣмъ самымъ устанавливаетъ *общую имущественную правоспособность* означенныхъ учрежденій. Поэтому нѣтъ надобности обращаться къ спеціальнымъ уставамъ и правиламъ для отдѣльныхъ учрежденій этого рода, чтобы опредѣлить, дозволенъ ли тотъ или иной способъ пріобрѣтенія имущества; напротивъ, всякое пріобрѣтеніе считается дозволеннымъ, если оно не воспрещено. Сообразно съ этимъ и ст. 980

---

[1]) Рѣш. 1899 г. № 77, 1900 г. № 109.

тѣхъ же законовъ предоставляетъ дѣлать всякія пожертвованія въ пользу богоугодныхъ заведеній, лишь бы пожертвованія „не были *противны* правиламъ, для тѣхъ заведеній установленнымъ“ [1]). (Рѣш. № 51).

Ст. 698, примѣч. 2 и 4.

66. „По точному смыслу закона 10 декабря 1865 г. (вошедшаго въ примѣч. 2 къ 698 ст.), принимать недвижимыя имѣнія въ западномъ краѣ *по духовному завѣщанію* не могутъ только лица польскаго происхожденія, а лица другаго происхожденія не лишены этого права“. Затѣмъ, только для *покупки* подобныхъ имѣній необходимо, кромѣ не польскаго происхожденія пріобрѣтателя, еще и представленіе разрѣшительнаго свидѣтельства отъ мѣстнаго генералъ-губернатора или губернатора. При спорѣ же о правѣ лица на унаслѣдованіе такого имѣнія по завѣщанію судъ можетъ руководствоваться, какъ удостовѣреніемъ, исходящимъ отъ той же власти, такъ и другими *письменными* актами, удостовѣряющими *происхожденіе* означеннаго лица; но судъ не въ правѣ допрашивать *свидѣтелей* въ разъясненіе того, что это лицо, хотя и не польскаго происхожденія (а, напр., англійскаго), тѣмъ не менѣе усвоило себѣ польскую національность и образъ мыслей, ибо рѣшающее значеніе законъ придаетъ *происхожденію*, а не образу мыслей или убѣжденіямъ даннаго лица. (Рѣш. № 44).

Ст. 1029 (улож. наказ., ст. 196).

67. Завѣщательное распоряженіе *православнаго*, коимъ отказанъ капиталъ въ пользу разрѣшеннаго правительствомъ *раскольничьяго* молитвеннаго дома для совершенія панихидъ за упокой завѣщателя, не можетъ считаться противозаконнымъ, потому что законъ (ст. 196 улож. наказ.) запрещаетъ раскольникамъ совершать священнодѣйствія и духовныя требы надъ *живыми* лицами православнаго исповѣданія (какъ видно изъ сопоставленія ст. 196 улож. съ 194^1 ст.), но не запрещаетъ имъ совершать молитвы за умершихъ православныхъ. (Рѣш. № 51).

---

[1]) Въ дѣлѣ возбуждался вопросъ о правоспособности Преображенскаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ (уставъ утв. Министромъ Внутр. Дѣлъ 9 іюня 1877 г.) къ принятію пожертвованія по завѣщанію частнаго лица.

Ст. 1030, 1031.

68. Правило 1031 ст. имѣетъ въ виду отмѣну или измѣненіе духовнаго завѣщанія *посредствомъ завѣщанія же*, т. е. когда завѣщатель, отмѣняя или измѣняя прежде выраженную волю, изъявляетъ новое, на случай смерти, распоряженіе о своемъ имуществѣ; но статья эта не относится къ нотаріальнымъ *актамъ объ уничтоженіи завѣщаній* безъ составленія новаго завѣщанія (о которыхъ говорится во второй части 1030 ст.). Такой актъ не разсматривается, какъ завѣщаніе; такъ, онъ не подлежитъ судебному утвержденію по смерти завѣщателя (ст. 1060); поэтому при его составленіи должны быть соблюдаемы общія правила совершенія нотаріальныхъ актовъ (ст. 83 и 84 нот. полож.), а не спеціальныя для духовныхъ завѣщаній (напр., достаточно присутствіе двухъ, а не трехъ свидѣтелей). (Рѣш. № 43).

Ст. 1063, 1065, 1066^2, 1066^{11}, 1066^{12}.

69. Если судъ отказалъ въ утвержденіи завѣщанія *условно* (напр., до представленія наслѣдникомъ доказательствъ о правѣ его на пріобрѣтеніе по завѣщанію имѣнія въ западномъ краѣ), то послѣ того наслѣдникъ имѣетъ право, въ теченіе 10 лѣтъ [1]), представивъ требуемое доказательство, вновь просить объ утвержденіи того же завѣщанія въ охранительномъ же порядкѣ, и ему не можетъ быть въ томъ отказано за пропускомъ годовой давности (ст. 1063), такъ какъ означенная давность прерывается представленіемъ завѣщанія въ судъ [2]). (Рѣш. № 44).

Ст. 1104.

70. Къ составу *правъ*, переходящихъ по наслѣдству, относится и право наслѣдованія по завѣщанію, *открывшееся* для наслѣдодателя, но имъ еще не осуществленное. Для этого необходимо только, чтобы наслѣдодатель (въ качествѣ наслѣдника по завѣщанію) пережилъ завѣщателя, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, право наслѣдованія его не можетъ считаться открывшимся (рѣш. 1873 г. № 201). (Рѣш. № 44).

---

[1]) Очевидно, Правительствующій Сенатъ здѣсь имѣетъ въ виду *давность нехожденія по дѣлу въ судѣ* (ст. 694 прил., п. 1).

[2]) Ср. рѣш. 1900 г. № 52 (Жур. Мин. Юст. 1901 г. Май, стр. 297).

Ст. 1119 (156[1]).

71. Наслѣдственныя права лица, усыновленнаго особымъ Высочайшимъ указомъ до изданія закона 12 марта 1891 г., опредѣляются постановленіями сего послѣдняго закона, если наслѣдство открылось послѣ его изданія. (Рѣш. № 44).

Ст. 1254 (1026).

72. Если наслѣдниками по завѣщанію назначены лица, возникновеніе которыхъ опредѣлено извѣстнымъ условіемъ (напр., дѣти, имѣющія родиться отъ такого-то лица), то право на наслѣдство возникаетъ въ моментъ смерти наслѣдодателя для всѣхъ лицъ, *наличныхъ* въ этотъ моментъ и удовлетворяющихъ означеннымъ условіямъ, невзирая на возможность появленія въ будущемъ другихъ лицъ, удовлетворяющихъ тѣмъ же условіямъ и могущихъ имѣть права на то же наслѣдство. (Рѣш. № 52; см. тезисъ 93).

Ст. 1528.

73. „По смыслу законовъ объ обязательствахъ по договорамъ, надлежитъ различать *собственно мнимые* договоры, заключенные только для вида, и договоры *притворные*, т. е. прикрывающіе собою другую, дѣйствительно состоявшуюся между сторонами, сдѣлку“. Это различіе имѣетъ слѣдующее значеніе при опредѣленіи силы такихъ сдѣлокъ: „тогда какъ сдѣлки *мнимыя*, ни въ чемъ не измѣняющія существующихъ юридическихъ отношеній, могутъ подлежать *безусловному уничтоженію* по суду (въ виду отсутствія существеннаго элемента договора—согласія сторонъ,—1528 ст.), сдѣлки *притворныя*, прикрывающія собою другое, дѣйствительно состоявшееся между сторонами, договорное соглашеніе, подлежатъ уничтоженію лишь въ томъ случаѣ, если сила такого соглашенія не охраняется закономъ; если же оно само по себѣ закону не противно, то сдѣлка не уничтожается, а прикрываемое ею соглашеніе обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, которому оно по своимъ законнымъ признакамъ соотвѣтствуетъ“ [1]). Такъ,

---

[1]) Настоящее разъясненіе дополняетъ собою то, что было высказано въ рѣшеніи 1891 г. № 62, гдѣ не было указано на различіе между сдѣлками мнимыми (абсолютно) и притворными (относительно-мнимыми), а лишь противопоставлялись сдѣлки мнимыя вообще (подлежащія оспариванію по 1528 ст.) сдѣлкамъ противозаконнымъ по своей цѣли (оспариваемымъ по 1529 ст.).

если судъ признаетъ, что подъ видомъ продажи движимаго имущества былъ совершенъ заемъ съ закладомъ этого имущества, то такой договоръ долженъ обсуждаться по правиламъ о займѣ и обезпеченіи займа. (Рѣш. № 45).

74. Истецъ, оспаривающій сдѣлку по ея мнимости, не обязанъ доказывать наличность преступнаго умысла контрагентовъ; „въ этомъ случаѣ обязанность истца будетъ выполнена, если онъ докажетъ, что содержаніе сдѣлки не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, т. е., что она или вовсе не произвела измѣненія въ имущественномъ положеніи сторонъ, или прикрываетъ собою другое соглашеніе контрагентовъ.“ (Тамъ же).

75. „Право доказывать мнимость сдѣлки принадлежитъ каждому, чьи права она нарушаетъ, а слѣдовательно, несомнѣнно, принадлежитъ и конкурсному правленію въ отношеніи сдѣлокъ, совершенныхъ несостоятельнымъ и нарушающихъ интересы его кредиторовъ“, и, притомъ, независимо отъ случаевъ и условій, предусмотрѣнныхъ въ 553—555 ст. уст. суд. торг. (Тамъ же).

б) Гражданскій кодексъ губерній Царства Польскаго.

Ст. 2265.

76. Раздѣлъ наслѣдства не можетъ служить *титуломъ* пріобрѣтенія права собственности, такъ какъ „чрезъ раздѣлъ только болѣе точно опредѣляется предметъ права собственности, распредѣляется общая собственность между совладѣльцами, но право собственности не переносится съ одного лица на другое (за исключеніемъ случая раздѣла, упомянутаго въ ст. 1075—1080 гражд. код., т. е. перенесенія родителями и восходящими права собственности ихъ на имущество посредствомъ раздѣла на дѣтей“). (Рѣш. № 47).

в) Уставъ желѣзныхъ дорогъ (т. XII ч. 1.).

Ст. 81.

77. Начало льготнаго срока, въ теченіе котораго желѣзная дорога обязана безплатно хранить прибывшій на станцію назначенія грузъ, опредѣляется моментомъ *выгрузки* груза лишь въ томъ случаѣ, если выгрузка послѣдовала послѣ *ближайшаго полудня* за прибытіемъ груза на станцію; въ противномъ случаѣ льготный срокъ исчисляется съ ближайшаго полудня. (Рѣш. № 59) [1]).

[1]) Въ цитированномъ рѣшеніи подробно разобрано содержаніе 81 ст. и разсмотрѣны различные случаи ея примѣненія.

78. Если въ накладной не наложено штемпеля о времени выгрузки груза на станціи назначенія, то при спорѣ получателя противъ правильности взысканной съ него платы за храненіе груза, желѣзная дорога обязана оправдать это взысканіе представленіемъ доказательствъ о времени выгрузки, при неисполненіи же сего, возвратить взятую за храненіе плату. (Рѣш. № № 65 и 66).

Ст. 110; Выс. утв. 11 іюня 1891 г. мнѣніе Госуд. Совѣта, п. 1. [1]).

79. Хотя въ п. 1 закона 11 іюня 1891 г. и постановлено, что общество обязывается производить эксплоатацію новыхъ линій, между прочимъ. на основаніи особыхъ техническихъ условій, Министромъ Путей Сообщенія утвержденныхъ, но этимъ постановленіемъ не имѣлось въ виду изъять дорогу изъ дѣйствія ст. 110 общаго устава ж. д. [2]). Означенныя техническія условія устанавливаютъ обязанности въ техническомъ отношеніи, которыя приняло на себя общество передъ правительствомъ подъ опасеніемъ, въ случаѣ неисполненія ихъ, установленныхъ въ вышеуказанномъ законѣ послѣдствій; но правила эти не касаются отношеній дороги къ лицамъ, заключающимъ съ нею договоры по перевозкѣ грузовъ. (Рѣш. № 55).

Ст. 123.

80. Желѣзная дорога обязана возвращать заявителю претензіи представленные при его заявленіи документы только *при несогласіи* удовлетворить заявленную претензію, и только въ этомъ случаѣ невозвращеніе документовъ можетъ вліять на пріостановку исковой давности. (Рѣш. № 64).

г) Уставъ о пошлинахъ (т. V).

Ст. 153, п. 3.

81. Земскія учрежденія не могутъ считаться *благотворительными учрежденіями* въ смыслѣ 3 п. 153 ст., хотя на нихъ и возложено попеченіе о больныхъ, бѣдныхъ, сирыхъ и увѣчныхъ (по уст. общ. призр.). Поэтому капиталъ, завѣщанный въ пользу земства, хотя бы для употребленія процентовъ съ него на благотворитель-

---

[1]) Этимъ закономъ расширена дѣятельность общества Московско-Рязанской ж. д. (переименованной въ Московско-Казанскую).

[2]) Въ § 40 техническихъ условій содержится постановленіе, не согласное съ 110 ст. уст. ж. д.

ныя дѣла, не можетъ быть освобожденъ отъ оплаты наслѣдственною пошлиною [1]). (Рѣш. № 54).

Ст. 153 п. 5 (по прод. 1895 г.).

82. Законъ 10 апрѣля 1895 года (вошедшій въ 5 п. 153 ст.) примѣняется къ наслѣдствамъ, открывшимся до его изданія, если наслѣдственная *пошлина исчисляется или опредѣляется при дѣйствіи новаго закона* (рѣш. Общ. Собр. 1 и Касс. Деп. 1896 г. № 17). Но если пошлина уже опредѣлена судомъ (при утвержденіи наслѣдниковъ въ ихъ правахъ) при дѣйствіи прежняго *закона* (п. 1 ст. 154 уст., изд. 1893 г.), то впослѣдствіи, при вводѣ наслѣдниковъ во владѣніе имѣніемъ (когда они обязаны фактически внести пошлину), судъ не имѣетъ права освободить ихъ отъ уплаты пошлины, ссылаясь на новый законъ. (Рѣш. № 63).

Ст. 155.

83. Наслѣдственная пошлина съ пожизненнаго владѣльца взыскивается за *переходъ* къ нему завѣщаннаго имущества; слѣдовательно, для взысканія пошлины необходимо установить наличность юридическаго или фактическаго перехода имущества къ пожизненному владѣльцу. Юридическій переходъ выражается въ утвержденіи завѣщанія къ исполненію, а фактическій—если не въ полномъ распоряженіи тѣмъ имуществомъ, то по крайней мѣрѣ въ проявленіи какимъ-либо образомъ желанія принять наслѣдство [2]). (Рѣш. № 57).

д) **Уставъ Государственнаго банка (т. XI ч. 2).**

Ст. 39^1—39^3.

84. Сущность юридическихъ отношеній, устанавливаемыхъ этими статьями устава банка, заключается въ томъ, что открытый подъ

---

[1]) То же положеніе относительно *городскихъ обществъ* высказано Сенатомъ въ рѣш. 1895 г. № 56.

[2]) Въ данномъ случаѣ наслѣдница, получившая имущество въ пожизненное владѣніе, умерла до утвержденія завѣщанія судомъ. Очевидно, что юридическаго перехода имущества къ ней уже не могло состояться, такъ какъ послѣ ея смерти не могло совершиться судебное признаніе за нею права *пожизненнаго* владѣнія. Между тѣмъ судебная палата постановила о взысканіи пошлины, основываясь на томъ, что наслѣдница при жизни *не отреклась* отъ своихъ правъ и что *не доказано*, чтобы она не воспользовалась имуществомъ (т. е. по недоказанности отрицательныхъ фактовъ). Сенатъ нашелъ такія разсужденія неправильными.

векселя кредитъ обезпечивается, кромѣ вексельныхъ обязательствъ, еще и залогомъ недвижимости должника. Банкъ въ правѣ требовать удовлетворенія исключительно по векселямъ, въ порядкѣ вексельнаго взысканія, или обратить взысканіе на заложенное имѣніе, и въ такомъ случаѣ искъ долженъ основываться совмѣстно и на векселяхъ, и на закладной крѣпости. Должникъ-залогодатель отвѣчаетъ заложеннымъ имуществомъ и за неисправность своихъ соучастниковъ по вексельному обязательству (если банкъ предъявлялъ къ нимъ искъ по векселямъ и они *не уплатили* по судебному рѣшенію, хотя бы даже фактическая несостоятельность ихъ и не была доказана). (Рѣш. № 67).

е) Уставъ Московскаго городскаго кредитнаго общества (Выс. утв. 30 октября 1862 г.) §§ 68 и 69.

85. Согласно означеннымъ §§ устава, для общества обязательна публикація о продажѣ заложенныхъ имуществъ не только въ Московскихъ, но и въ С.-Петербургскихъ (академическихъ) вѣдомостяхъ. (Рѣш. № 49).

Б. Процессуальные законы.

а) Учрежденіе судебныхъ установленій.

Ст. 406^{18}.

86. Лица, допускаемыя къ веденію чужихъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (безъ свидѣтельства на званіе частнаго повѣреннаго), вполнѣ сравнены съ частными повѣренными въ отношеніи нравственнаго ценза и отвѣтственности (какъ разъяснено въ рѣш. Общ. Собр. Касс. Деп. 1895 г. № 47). Поэтому и на нихъ должно быть распространено право (ст. 406^{4} учр.) продолжать ходатайство по порученнымъ имъ дѣламъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ. (Рѣш. № 50).

б) Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Ст. 81 (366), 472.

87. Доказательствомъ въ пользу истца не можетъ служить подписанная отвѣтчикомъ квитанція отъ заборной книжки, въ которой послѣдній обязался уплатить, въ случаѣ утраты книжки, „сколько будетъ потребовано съ него истцомъ“, ибо въ такомъ случаѣ при-

шлось бы удовлетворить искъ на основаніи одного голословнаго показанія истца. Истецъ можетъ лишь (кромѣ ссылки на свои разсчетныя книги и свидѣтелей) потребовать представленія заборной книжки (по 440 ст. устава), и въ случаѣ ссылки отвѣтчика на потерю оной или невозвращеніе ея истцомъ, отвѣтчикъ долженъ доказать это обстоятельство, между прочимъ, показаніями свидѣтелей (рѣш. 1877 г. № 183, 1882 г. № 3, 1893 г. № 45 и др.). Оцѣнка этихъ доказательствъ, по общему правилу, зависитъ отъ суда. (Рѣш. № 53).

Ст. 410.

88. Нельзя опровергать свидѣтелями удостовѣреннаго нотаріусомъ факта соблюденія формальностей, установленныхъ закономъ для совершенія нотаріальныхъ актовъ (напр., того обстоятельства, что актъ не былъ читанъ сторонамъ при свидѣтеляхъ вопреки 104 ст. нот. полож.). (Рѣш. № 43).

Ст. 775.

89. Въ этой статьѣ не указано срока, въ который судебная палата обязана возвратить дѣло въ окружный судъ съ копіей своего рѣшенія; слѣдовательно, исполненіе палатою этой обязанности должно происходить *безъ промедленія, съ возможнымъ ускореніемъ*. Правительствующій Сенатъ, примѣняясь къ сроку, установленному въ ст. 713 для изготовленія рѣшенія въ окончательной формѣ, нашелъ, что и для возвращенія дѣла въ судъ съ копіей рѣшенія палатѣ и ея канцеляріи вполнѣ достаточенъ *двухнедѣльный срокъ* со дня, назначеннаго для объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ. Если же производство не можетъ быть возвращено въ судъ немедленно (напр., въ случаѣ подачи кассаціонной жалобы тотчасъ послѣ изготовленія рѣшенія, вслѣдствіе чего производство суда подлежитъ отсылкѣ въ Сенатъ), то палата должна въ тотъ же срокъ переслать въ окружный судъ копію съ рѣшенія ея, съ увѣдомленіемъ о причинѣ, по которой дѣло еще не можетъ быть возвращено въ судъ. (Рѣш. № 56).

Ст. 775, 835.

90. Несвоевременная отсылка палатою дѣла въ окружный судъ (см. предыд. тезисъ) должна служить законнымъ поводомъ къ возстановленію срока на обжалованіе рѣшенія палаты въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ подобная медленность со стороны палаты

лишаетъ тяжущагося [1]) возможности ознакомиться съ рѣшеніемъ палаты изъ копіи ея, присланной въ судъ. (Тамъ же).

Ст. 801.

91. Кассаціонная жалоба не можетъ быть оставлена безъ движенія при непредставленіи тяжущимся денегъ на врученіе копіи жалобы противной сторонѣ. Въ подобномъ случаѣ судебный приставъ (въ пользу котораго должны бытѣ обращены деньги на врученіе копіи) имѣетъ право взыскать вознагражденіе съ того лица, по требованію коего исполнено имъ извѣстное дѣйствіе (п. 15 таксы для суд. прист., прил. къ ст. 313 прим. учр. суд. уст.) (Рѣш. № 48).

Ст. 1103 п. 4, 1111.

92. Судебный приставъ обязанъ удостовѣряться въ принадлежности должнику описываемаго имѣнія; если же должникъ не представитъ надлежащихъ документовъ, доказывающихъ его право собственности (ст. 1111), то судебный приставъ долженъ собрать свѣдѣнія о томъ посредствомъ сношеній со старшимъ нотаріусомъ, а также съ подлежащими межевыми общественными и сословными учрежденіями (въ видахъ предотвращенія захватовъ земель путемъ продажи за фиктивные долги постороннихъ лицъ). (Рѣш. № 46).

Ст. 1425.

93. Судъ не въ правѣ отказать наслѣдникамъ во вводѣ ихъ во владѣніе имѣніемъ по духовному завѣщанію подъ тѣмъ предлогомъ, что впослѣдствіи могутъ появиться сонаслѣдники (еще не родившіеся), которые также могутъ имѣть права на это имѣніе. (Рѣш. № 52; см. тезисъ 72).

Ст. 1847 (1867).

94. Исполненіе правила, изложеннаго въ 1847 статьѣ, не обязательно въ случаѣ продажи имѣнія, заложеннаго въ Курляндскомъ кредитномъ обществѣ, такъ какъ въ уставѣ общества (утв. 18 мая 1874 г.) содержатся на этотъ счетъ особыя правила. (Рѣш. № 62).

---

[1]) Въ данномъ дѣлѣ кассаторъ имѣлъ жительство въ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1901 ГОДУ.

(*Продолженіе*) [1].

Составилъ **Н. Н. Быстровъ.**

18. Т. XVI ч. 1 Св. зак. уст. угол. суд., ст. 934 и слѣд.

Вопросы о томъ: 1) въ виду измѣненій, по закону 12 іюня 1900 г., отвѣтственности бродягъ, сохраняетъ ли силу разъясненіе Общаго Собранія 1879 г. № 7 о порядкѣ возобновленія дѣлъ о бродягахъ, или же по дѣламъ сего рода примѣняются правила о возобновленіи дѣлъ (ст. 934 и слѣд. уст. угол. суд.) и 2) если означенное рѣшеніе сохраняетъ силу, то до какого времени подтвержденное доказательствами заявленіе бродяги о его званіи можетъ служить поводомъ къ возобновленію дѣла, до начала ли дѣйствительнаго отбытія наказанія заключеніемъ въ арестантское отдѣленіе или тюрьму, или же до обращенія приговора къ исполненію,

разрѣшены Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что порядокъ возобновленія дѣлъ о бродягахъ долженъ опредѣляться 934 и слѣд. статьями устава уголовнаго судопроизводства, такъ какъ, въ виду изданныхъ въ новѣйшее время узаконеній, возобновленіе дѣлъ о бродягахъ порядкомъ, опредѣленнымъ въ уст.

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г. Январь, стр. 251.

угол. суд., въ настоящее время не можетъ вызывать прежде существовавшихъ затрудненій (№ 8).

19. Января 29. Т. XV Св. зак. улож. о наказ., 951, изд. 1885 г. прилож. II къ ст. 70 примѣч.; ст. IV Высочайше утвержденнаго 10 іюня 1900 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ ссылки и замѣнѣ оной другими наказаніями; Т. XVI ч. 1 Св. зак. уст. угол. суд., ст. 934 и т. XIV уст. паспорт. и бѣгл., ст. 638, изд. 1857 г. (ст. 356, изд. 1890 г.).

Сопоставивъ между собою указанныя узаконенія, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Уголовный Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи по дѣлу бродяги Тиханова (сборн. 1870 г. № 617), останавливаясь на вопросѣ о томъ, могутъ ли имѣть примѣненіе постановленія, разрѣшающія возвращеніе на мѣстожительства бродягъ въ томъ случаѣ, когда самъ осужденный за бродяжество откроетъ свое настоящее званіе и состояніе, пришелъ къ заключенію, что, послѣ осужденія, отъ бродягъ не должны быть принимаемы никакія показанія о настоящемъ ихъ званіи или состояніи; если же законъ допускаетъ возвращеніе бродягъ по требованіямъ обществъ, то такая мѣра установлена не въ огражденіе осужденныхъ, а въ огражденіе обществъ отъ ущерба, который они могутъ нести отъ бродяжества лицъ, принадлежащихъ къ ихъ составу. Затѣмъ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ рѣш. 1874 г. № 605 было разъяснено, что указанное правило основано на томъ, что распредѣленіе и содержаніе бродягъ въ арестантскихъ ротахъ, а также водвореніе ихъ въ Сибири, сопряжено съ значительными расходами для государства, и если къ этимъ расходамъ присовокупить тѣ, которые правительство должно было бы нести при возвращеніи бродягъ съ мѣста водворенія, расходы эти легли бы тяжелымъ бременемъ на государство, и что эти основанія не имѣютъ значенія, когда бродяга открываетъ свое званіе до приведенія еще надъ нимъ приговора въ исполненіе, и въ этомъ послѣднемъ положеніи дѣла не существуетъ никакихъ законныхъ препятствій къ примѣненію къ этимъ дѣламъ общихъ правилъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, каковыя положенія подтверждены опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1879 г. № 7 (№ 8).

20. Января 29. Законъ 10 іюня 1900 года.

Съ 1870 г., когда впервые послѣдовало разъясненіе Правительствующаго Сената по вопросу о возобновленіи дѣла о бродяжествѣ, прошло болѣе 30 лѣтъ, въ теченіи коихъ обстоятельства, бывшія тогда въ виду Правительствующаго Сената, измѣнились въ такой степени, что принятыя въ то время основанія утратили нынѣ въ значительной степени свою силу. Къ числу этихъ измѣнившихся обстоятельствъ надлежитъ отнести прежде всего отмѣну дѣйствовавшаго рекрутскаго устава и замѣну онаго въ 1874 г. уставомъ о воинской повинности, сдѣлавшимъ службу въ войскахъ обязательною для всѣхъ сословій государства, смягчившимъ суровость этой службы во многихъ отношеніяхъ и сократившимъ въ значительной степени срокъ отправленія оной, вслѣдствіе чего число лицъ, скрывавшихъ свое званіе единственно съ цѣлью уклоненія отъ тяжести отправленія воинской службы по рекрутскому уставу, значительно сократилось. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что еще въ 1884 г. осуждено было за бродяжество 1390 лицъ, а затѣмъ число это постепенно уменьшается и доходитъ въ 1896 г. только до 277 мужчинъ и 17 женщинъ, въ 1897 г.—до 257 мужчинъ и 14 женщинъ и столько же въ 1898 г., на что, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе какъ проникновеніе въ народное сознаніе дѣйствительнаго значенія службы въ войскахъ, облагороженной уставомъ о воинской повинности и изданными въ развитіе онаго законоположеніями, такъ и воспослѣдовавшіе въ означенное продолжительное время законодательные акты, направленные къ упроченію благосостоянія нашего отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, требованія обществъ о возвращеніи имъ лицъ, осужденныхъ за бродяжество, должны были, если не совершенно прекратиться, то во всякомъ случаѣ значительно уменьшиться. Наконецъ, и опредѣленіе закономъ 10 іюня 1900 г. за бродяжество болѣе строгаго наказанія, состоящаго въ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года и ссылкѣ затѣмъ для водворенія на о—въ Сахалинъ, не можетъ не имѣть весьма серьезнаго вліянія на уменьшеніе числа лицъ, осужденныхъ за это преступленіе, такъ что наибольшее число бродягъ должно нынѣ принадлежать или къ лицамъ, которыя скрываютъ настоящее свое званіе съ цѣлью уклоненія отъ болѣе строгаго наказанія, грозящаго имъ за совершенное болѣе тяжкое преступленіе, или къ лицамъ, дѣйствительно не имѣвшимъ возможности ко времени суда представить доказательства своего происхожденія. Въ первомъ случаѣ и при дѣйствіи разъясненій

преподанныхъ въ вышеуказанныхъ опредѣленіяхъ Правительствующаго Сената, дѣла о бродягахъ, открывшихъ свое званіе и принесшихъ повинную въ совершенномъ ими болѣе тяжкомъ преступленіи, не могли не быть возобновляемы для сужденія ихъ за болѣе тяжкое преступленіе, а во второмъ—интересы правосудія требуютъ, чтобы лица, которыя, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, не могли своевременно представить доказательства своего настоящаго званія и обнаружили таковыя лишь послѣ осужденія,—были возстановлены въ своихъ правахъ, каковое начало принадлежитъ къ числу основныхъ положеній нашего устава уголовнаго судопроизводства и выражено въ ст. 25 и 26 сего устава, по силѣ коихъ открытіе доказательствъ невиновности осужденнаго и возстановленіе его чести и правъ допускается во всякое время, несмотря на протеченіе давности и на смерть осужденнаго (№ 8).

21. Января 29. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., изд. 1892 г., уст. угол. суд., ст. 934, 935.

Такимъ образомъ, въ виду изданныхъ въ новѣйшее время узаконеній, возобновленіе дѣлъ о бродягахъ должно слѣдовать общему порядку возобновленія уголовныхъ дѣлъ, опредѣленному въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, ст. 934, 935, каковой порядокъ не можетъ нынѣ вызывать прежде существовавшихъ затрудненій (№ 8).

22. Февраля 26. Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1870 г. положеніе объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ (Полн. Собр. Зак. 1870 г. № 48275). Ст. 9, 10 и 12.

По вопросу о томъ, съ какого времени, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1870 г. положенія, пріобрѣтается право собственности лицами войсковаго сословія Кубанской области на такіе участки, которые имъ прежде отведены были въ пользованіе, со времени ли распоряженія Намѣстника Кавказскаго о пользованіи ими (Высочайше утвержденное 27 марта 1872 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта) или же со времени выдачи данной и межевыхъ документовъ,

Правительствующій Сенатъ призналъ необходимымъ для его разрѣшенія имѣть въ виду установленный порядокъ отвода участковъ изъ земель Кубанскаго казачьяго войска лицамъ, имѣющимъ на то право по положенію 23 апрѣля 1870 г. Первоначально земли

опредѣленнаго раіона войсковой территоріи распредѣляются проектно между всѣми станичными и поселковыми обществами, офицерами и чиновниками, имѣющими право получить земельные надѣлы въ означенномъ раіонѣ, при чемъ офицерамъ и чиновникамъ, для скорѣйшаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, проектированные имъ земельные участки предоставляются во временное пользованіе, на что и выдается имъ, если они того пожелаютъ, соотвѣтствующее свидѣтельство, а затѣмъ проектъ распредѣленія представляется на утвержденіе Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ (прежде Намѣстника Кавказскаго), и, по утвержденіи проекта, онъ приводится въ исполненіе. Только затѣмъ это временное пользованіе обращается въ потомственную собственность. Время такого обращенія не можетъ совпасть съ временемъ утвержденія проекта Главноначальствующимъ гражданскою частью, такъ какъ на это въ Высочайше утвержденномъ 27 марта 1872 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, предоставляющемъ Намѣстнику Кавказа право утвержденія проекта, нѣтъ никакихъ указаній, и на утвержденіе проекта слѣдуетъ смотрѣть, какъ на признаніе надлежащей инстанціей правильности проекта и согласія этой инстанціи на приведеніе таковаго въ исполненіе. Вопросъ же, когда совершается переходъ указанныхъ участковъ изъ временнаго пользованія въ потомственное владѣніе, т. е. когда пріобрѣтается лицомъ, которому предназначенъ участокъ, право собственности на него, вполнѣ выясняется ст. 9, 10 и 12 положенія 23 апрѣля 1870 г., въ которыхъ ясно указывается, что укрѣпленіе указанныхъ участковъ совершается выдачею межевыхъ документовъ и данныхъ на эти участки, при чемъ подъ полученіемъ этихъ документовъ слѣдуетъ разумѣть не самую передачу ихъ подлежащему лицу, а время утвержденія ихъ установленнымъ порядкомъ (№ 9).

23. Февраля 26. Высочайше утвержденное 27 марта 1872 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта (Полн. Собр. Зак. 1872 г. № 50654).

Законъ этотъ не только ни въ чемъ не измѣнилъ условій поступленія земельныхъ участковъ въ означенныхъ казачьихъ земляхъ въ собственность офицеровъ и чиновниковъ,—условій, предписанныхъ къ соблюденію положеніемъ 27 апрѣля 1870 г., а, напротивъ, предоставивъ Намѣстнику Кавказскому (нынѣ Главноначальствующему гражданской частью на Кавказѣ) окончательное утвержденіе сказанныхъ проектовъ, прямо указываетъ, чтобы „проекты эти не заключали въ себѣ отступленій отъ Высочайше утвержденныхъ 21 ап-

рѣля 1869 г. и 23 апрѣля 1870 г. положеній относительно земельныхъ надѣловъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ". Согласно послѣднему положенію, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и классньмъ чиновникамъ и семействамъ ихъ, кои, на основаніи дѣйствовавшихъ до того времени постановленій (уст. о благоустр. въ казач. селен.), пріобрѣли, до дня обнародованія на мѣстѣ сего положенія, право на надѣленіе срочными участками, предоставляются таковые въ потомственную собственность на условіяхъ, опредѣленныхъ въ положеніи (ст. 1). Для „передачи имъ сихъ участковъ въ собственность требуется" „крѣпленіе" ихъ за ними, которое совершается выдачею имъ данныхъ на участки (ст. 9), при чемъ вмѣстѣ съ данными выдаются имъ копіи межевыхъ плановъ съ надлежащею на оныхъ надписью о переходѣ участка въ полную собственность владѣльца и копіи съ межевыхъ книгъ на участки (ст. 10). Слѣдовательно, до соблюденія всѣхъ сихъ условій, право собственности на участокъ, хотя уже и состоявшій, по существовавшимъ законамъ, ко дню обнародованія положенія, во временномъ пользованіи, не можетъ считаться пріобрѣтеннымъ (№ 9).

24. Февраля 26. Законъ 23 апрѣля 1870 г., ст. 5, 6 и 28.

Такой же порядокъ укрѣпленія въ собственность срочныхъ участковъ установленъ и для войска Донскаго ст. 5 и 6 Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1870 г. положенія, на основаніи котораго утвержденное для сего особое присутствіе (ст. 28), по приведеніи въ извѣстность срочныхъ участковъ и по разсмотрѣніи правъ каждаго изъ ихъ владѣльцевъ, составленные проекты данныхъ на предоставляемые въ собственность участки сообщаетъ надлежащему присутственному мѣсту для выдачи, на основаніи оныхъ, подлинныхъ данныхъ и для распоряженій о вводѣ во владѣніе, а Донской межевой коммисіи—о написаніи межевыхъ плановъ и о составленіи копій съ межевыхъ книгъ для выдачи таковыхъ владѣльцамъ участковъ. Посему, отведенными слѣдуетъ считать только такіе земельные надѣлы, на право владѣнія коими Донскою межевою коммисіею выданы владѣльцамъ межевые документы, признавая за фактъ выдачи этихъ актовъ владѣльцамъ распоряженіе о томъ присутствія Донской межевой коммисіи (№ 9).

25. Февраля 26. Ст. 9 и 10 Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1870 г. положенія.

Такимъ образомъ, право собственности на земельные участки,

отводимые лицамъ Кубанскаго казачьяго войска по положенію 23 апрѣля 1870 г., пріобрѣтается послѣдними со времени выдачи имъ документовъ, поименованныхъ въ ст. 9 и 10 названнаго положенія, признавая за фактъ выдачи документовъ надлежащее утвержденіе ихъ присутствіемъ областнаго правленія (№ 9).

26. Февраля 26. Т. II. Свод. зак., по прод. 1863 г. Ст. 643 и 806 учрежд. управл. Кубан. обл. Полн. Собр. Зак. № 5077.

Вопросъ о томъ, принадлежитъ ли право на искъ о земляхъ въ Кубанской области, остающихся свободными за надѣломъ станицъ и офицеровъ, управленію государственными имуществами области или Кубанскому областному управленію, разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что предъявленіе исковъ принадлежитъ Кубанскому областному правленію, а не Кубанскому управленію государственными имуществами,— въ виду того, что въ Кубанской области, образовавшейся изъ бывшаго Черноморскаго, затѣмъ Кубанскаго казачьяго войска и части Кавказскаго линейнаго войска (ст. 636 и примѣч. къ ст. 643 и 806 т. II Свод. зак., по продолж. 1863 г., и Высочайше утвержденнаго 21 марта 1888 г. учр. управ. Кубан. обл. Полн. Собр. Зак. № 5077), имѣются, кромѣ земель войсковыхъ, войсковаго запаса и юртовыхъ, частновладѣльческихъ и другихъ, также и земли, состоящія во владѣніи управленія государственными имуществами. Согласно же ст. 163 т. II Свод. зак., изд. 1892 г., учр. управл. Кубан. обл., въ областномъ правленіи сосредоточиваются также и дѣла по завѣдыванію войсковыми землями и угодьями, а слѣдовательно ему принадлежитъ и защита этихъ земель путемъ иска (№ 9).

27. Апрѣля 30. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. уст. гражд. суд., ст. 237—245.

На основаніи этихъ статей уст. гражд. суд., отъ суда зависитъ принять къ своему разсмотрѣнію то или другое дѣло или признать оное неподлежащимъ судебному разбирательству, а по силѣ 239 ст. того же устава на опредѣленія по сему предмету суда допускаются частныя жалобы отдѣльно отъ апелляцій. Ни въ этой 239, ни въ послѣдующихъ за нею статьяхъ, не указывается ни срока, ни порядка подачи такого рода жалобъ, а если въ 783 ст. уст. гражд. суд. и сдѣлана ссылка на 239 ст., то очевидно съ тою лишь цѣлью, чтобы указать въ числѣ другихъ и на этотъ случай по-

дачи частной жалобы отдѣльно отъ апелляціи, но отнюдь не въ тѣхъ видахъ, чтобы признать, что и въ этихъ случаяхъ подача жалобы должна подчиняться общимъ правиламъ, установленнымъ въ 784, 785 и послѣдующихъ статьяхъ: правила эти установлены для исковыхъ дѣлъ и, очевидно, не могутъ имѣть примѣненія для такихъ случаевъ, въ коихъ при самомъ началѣ возникновенія дѣла возбуждается пререканіе о подвѣдомственности его судебнымъ или правительственнымъ установленіямъ; въ такого рода дѣлахъ для просителя весьма часто представляется безразличнымъ то обстоятельство, какимъ мѣстомъ—судебнымъ или правительственнымъ установленіемъ—будетъ разрѣшено предъявленное имъ требованіе, и слѣдовательно проситель имѣетъ полное право, послѣ того, какъ судъ отказалъ ему въ принятіи дѣла его къ своему производству, по неподвѣдомственности онаго ему, обратиться въ правительственное установленіе, а при такомъ условіи вопросъ о срокѣ на обжалованіе опредѣленія суда уже не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ при обязательности общаго двухнедѣльнаго срока на обжалованіе, не можетъ быть рѣчи о возникновеніи какого бы то ни было пререканія съ правительственнымъ установленіемъ. Очевидно, что только послѣ отказа и правительственнаго установленія отъ принятія дѣла къ своему разсмотрѣнію можетъ возбудиться пререканіе о подсудности дѣла, и для просителя откроется необходимость принесенія жалобы по 239 ст. уст. гражд. суд. (№ 10).

28. Апрѣля 30. Т. XVI ч. I Св. зак. уст. гражд. суд., ст. 784.

Равнымъ образомъ не представляется основанія примѣнять къ подобнымъ случаямъ обязательный, по 784 ст., порядокъ подачи жалобъ непремѣнно чрезъ судъ; если просителю не можетъ быть возбранено принести жалобу и послѣ двухнедѣльнаго срока, то въ порядкѣ подачи такой жалобы на судъ онъ не можетъ быть и стѣсненъ непремѣннымъ соблюденіемъ общаго правила, такъ какъ въ подобномъ случаѣ нѣтъ надобности ни удостовѣряться въ подачѣ жалобы въ срокъ, ни представлять производство суда (№ 10).

29. Января 29. Т. XVI ч. I Св. зак. уст. угол. суд., ст. 1329.

Въ виду того, а) что Высочайше утвержденная 5 ноября 1850 г. инструкція о порядкѣ выдачи пограничнымъ жителямъ восьмидневныхъ билетовъ подверглась измѣненію лишь по Высочайшему повелѣнію 30 іюня 1852 г. и затѣмъ въ законодательномъ порядкѣ

никакихъ дополненій и дальнѣйшихъ измѣненій въ ней не послѣдовало, б) что, на точномъ основаніи ст. 103 учр. губ. Ц. П. (Св. зак., изд. 1892 г.) и ст. 110 полож. 19 февраля 1875 г. (нынѣ 1279 ст. уст. угол. суд.) дѣла о просрочкѣ легитимаціонныхъ билетовъ должны подлежать непосредственному разбирательству уѣздныхъ управленій, в) что редакціонныя исправленія, внесенныя въ изданіе 1892 г. т. VI Св. зак. при измѣненіи 37 и 38 ст. означенной инструкціи, не могли отмѣнить дѣйствіе приведенныхъ законоположеній и что сдѣланное въ 38 ст. инструкціи указаніе на то, что уѣздный начальникъ долженъ поступать по правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, относится лишь къ особому установленному въ 1329 ст. уст. угол. суд. порядку разсмотрѣнія дѣлъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ о нарушеніи общественнаго благоустройства и благочинія, а также уставовъ казеннаго управленія. Правительствующимъ Сенатомъ признано, что дѣла о просрочкѣ легитимаціонныхъ билетовъ не могутъ подлежать разсмотрѣнію судебныхъ установленій (№ 11).

30. Января 29. Законъ 15 іюня 1882 г. о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами.

Вопросъ о томъ, подлежатъ на основаніи положенія 15 іюня 1882 г. о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, обложенію наслѣдственною пошлиною въ пользу россійской государственной казны движимыя имущества и капиталы русскихъ подданныхъ, находящіеся въ восточныхъ государствахъ, гдѣ дѣйствуютъ капитуляціи, и переходящіе по наслѣдству подданнымъ сихъ государствъ,

разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ смыслѣ отрицательномъ,—въ виду того, что установленные закономъ 15 іюня 1882 г. сборы, а въ числѣ ихъ и наслѣдственная пошлина, представляютъ собою налогъ имущественный, а не личный. По коренному юридическому началу, принятому всѣми европейскими законодательствами, а въ томъ числѣ и нашимъ (рѣш. Гражд. Кассац. Д—та 1871 г. № 374; 1873 г. № 201; 1876 г. № 445 и др.), наслѣдникъ является какъ бы продолжателемъ имущественной личности наслѣдодателя, и права его по наслѣдованію возникаютъ съ самаго момента смерти наслѣдодателя. Такимъ образомъ, переходъ права собственности на наслѣдственное имущество, гдѣ въ моментъ смерти наслѣдодателя находится таковое, а слѣдовательно, и право обложенія этого пере-

хода пошлиною въ пользу казны можетъ принадлежать единственно тому государству, на территоріи коего таковой переходъ совершается, и, притомъ, безотносительно къ тому, состоялъ ли умершій собственникъ переходящаго имущества въ подданствѣ того же государства, или не состоялъ. (№ 12).

31. Января 29. Т. V Св. зак., уст. пошл., изд. 1893 г., ст. 171.

Указаннаго воззрѣнія придерживается и наше законодательство, какъ это явствуетъ изъ ст. 171 уст. пошл., изд. 1893 г., основанной на законѣ 6 марта 1889 г., замѣнившемъ собою ст. 20 положенія 15 іюня 1882 г. о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, допускавшей освобожденіе отъ этой пошлины наслѣдствъ, открывающихся въ Россіи послѣ смерти подданныхъ такихъ государствъ, въ которыхъ не взимается налога съ имуществъ, остающихся тамъ послѣ смерти русскихъ подданныхъ (№ 12).

32. Т. V Св. зак., уст. о пошл., изд. 1893 г., ст. 171.

Проектируя на будущее время отмѣну указанной льготы и подчиненіе всѣхъ вообще получаемыхъ иностранцами въ Россіи наслѣдствъ обложенію пошлиною на общемъ основаніи, сообразовавшія этотъ вопросъ вѣдомства (Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи и Финансовъ) исходили изъ того взгляда, что существованіе въ иностранныхъ государствахъ тѣхъ или иныхъ правилъ относительно обложенія наслѣдствъ, переходящихъ тамъ къ русскимъ подданнымъ, можетъ послужить поводомъ къ освобожденію русскихъ подданныхъ, уплатившихъ уже налогъ при полученіи наслѣдства за границей, отъ вторичнаго взысканія съ нихъ наслѣдственнаго налога въ Россіи, но отнюдь не составляетъ основанія для того, чтобы россійская государственная казна поступалась своими правами на полученіе налога, установленнаго за переходъ наслѣдственныхъ имуществъ, находящихся въ Россійскихъ предѣлахъ. Эти соображенія получили одобреніе законодательной власти и легли въ основу дѣйствующаго нынѣ правила объ обложеніи наслѣдствъ, получаемыхъ у насъ иностранцами, выраженнаго въ вышеуказанной 171 ст. т. V Св. зак., уст. пошл., изд. 1893 г. (№ 12).

33. Января 29. Опредѣленіе Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

Въ Общемъ Собраніи Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ 1891 г. подвергался обсужденію вопросъ объ обложеніи гербовыми пошлинами договоровъ и сдѣлокъ, заключаемыхъ за границею, при чемъ Правительствующій Сенатъ, принявъ во вниманіе, что по смыслу ст. 80 гербоваго устава, изд. 1886 г., заграничные акты подлежатъ обложенію симъ сборомъ лишь при явкѣ ихъ къ засвидѣтельствованію или же при предъявленіи оныхъ въ предѣлахъ Россіи (рѣш. Общ. Собр., Сборникъ 1891 г. № 12), высказалъ, между прочимъ, что законъ, ограничивающій примѣненіе гербоваго устава къ заграничнымъ актамъ лишь указанными въ ст. 80 случаями, обусловленъ не только тѣмъ, что внѣ этихъ случаевъ было бы затруднительно достигнуть этого примѣненія, но и самою сущностью и значеніемъ гербоваго сбора, ибо сборъ этотъ, установленный для договоровъ и актовъ, есть въ сущности не что иное, какъ обложеніе въ пользу казны того перехода имущественной цѣнности, который лежитъ въ основѣ каждой договорной сдѣлки. Но каждое государство можетъ облагать лишь тѣ имущества, которыя въ немъ находятся, и не можетъ распространять это обложеніе за предѣлы своей территоріи; поэтому заграничные акты облагаются лишь настолько, насколько они подлежатъ обложенію въ Россіи, и всѣ заключающіяся въ нихъ имущественныя сдѣлки, не получающія осуществленія въ предѣлахъ Имперіи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать дѣйствію русскаго гербоваго устава. Эти общія соображенія, очевидно, вполнѣ примѣнимы къ вопросу о взиманіи наслѣдственной пошлины съ имуществъ, переходящихъ за границею отъ русскихъ къ иностраннымъ подданнымъ, такъ какъ гербовый и наслѣдственный налоги относятся къ одной и той же области фискальнаго обложенія, а потому и территоріальные предѣлы ихъ примѣненія должны быть одинаковы. (№ 12).

34. Января 24. Т. IX Свод. зак., особ. прилож., мѣст. полож. для губерній Виленской, Гродненской и др., ст. 6 примѣч. 1 и по прод. 1863 г.

По вопросу о томъ: по терминологіи мѣстнаго положенія Сѣверо-западныхъ губерній, фольварковыми угодьями (2 прим. къ ст. 6 сего полож.) слѣдуетъ ли считать не только поля, луга и сѣнокосы, но также и лѣса, остающіеся за помѣщикомъ,

Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что, по терминологіи мѣстнаго положенія для Виленской, Гродненской и другихъ губерній (2 примѣч. къ ст. 6 сего положенія) лѣса, составляющіе *отдѣльную* дачу или хозяйственную статью, въ составъ фольварковыхъ угодій не входятъ, въ виду правила, содержащагося въ 1 примѣчаніи къ ст. 6 указаннаго положенія, изъ котораго явствуетъ, что въ указанномъ въ этой статьѣ случаѣ въ составъ принадлежащихъ помѣщику *угодій* входятъ и принадлежащіе ему лѣса, вслѣдствіе чего представляется совершенно несомнѣннымъ, что въ ст. 6 подъ помѣщичьими *угодьями* (или иначе—фольварковыми угодіями) разумѣются и принадлежащіе помѣщику лѣса (№ 13).

35. Января 24. Особ. прилож. къ IX т. Свод. зак. по прод. 1863 г. мѣстн. полож. губ. Виленской, Гродненской и др., ст. 6 примѣч. 2.

Разсмотрѣніе содержащагося въ этой статьѣ закона постановленія показываетъ, что въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи крестьянскому надѣлу противополагаются всѣ прочія угодья, оставшіяся въ составѣ земель фольварковыхъ, или иначе—всѣ прочія фольварковыя угодья; такъ какъ въ ст. 6 мѣстнаго положенія подъ фольварковыми угодьями разумѣются и принадлежащіе помѣщику *лѣса*, то и къ числу фольварковыхъ угодій, о коихъ упоминается во 2 примѣч. къ означенной статьѣ, надлежитъ, въ смыслѣ *общаго правила*, относить также и лѣса, ибо невозможно допустить, чтобы одно и то же понятіе „фольварковыя угодья“ могло бы имѣть различное значеніе—одно въ ст. 6 и другое во 2-мъ примѣчаніи къ ней, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ указано и на образованіе крестьянскихъ надѣловъ, на основаніи ст. 6 (№ 13).

36. Особ. прилож. къ IX т. Свод. зак., изд. 1876 г. Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ девяти Западныхъ губерніяхъ. Ст. 1, 3 и 6; Высочайше утвержденное 26 марта 1869 г. положеніе Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (Полн. Собр. Зак. 1869 г. № 46901, ст. IV; полож. о выкупѣ ст. 54).

Такъ какъ крестьянамъ сѣверо-западныхъ губерній предоставлены всѣ тѣ усадебныя и полевыя земли и угодья, въ томъ числѣ и пастбищный сервитутъ, коими они пользовались до 19 февраля 1861 г. за указанными въ законѣ изъятіями, въ имѣніи же помѣщика могли находиться и лѣса, составлявшіе отдѣльную дачу

или особую хозяйственную доходную статью отъ имѣнія, изъ котораго произведенъ крестьянамъ надѣлъ,—то очевидно, что означенныя отдѣльныя дачи и хозяйственныя статьи не могли входить въ составъ тѣхъ фольварковыхъ угодій, о которыхъ упоминается въ ст. 3 и примѣч. 2 къ ст. 6 мѣстнаго положенія для сѣверо-западныхъ губерній (№ 13).

37. Марта 19. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., уст. гражд. суд., ст. 881.

Вопросъ о томъ: могутъ ли гминные суды или входящіе въ составъ ихъ гминные судьи или лавники выдавать, по 881 ст. уст. гражд. суд., въ округѣ Варшавской судебной палаты удостовѣренія о бѣдности,

разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что право выдачи удостовѣреній о бѣдности принадлежитъ только гминнымъ судамъ въ ихъ коллегіальномъ составѣ въ виду того, что ст. 881 уст. гражд. суд. требуетъ отъ лица, желающаго воспользоваться правомъ бѣдности, представленія о недостаточности его средствъ отъ его служебнаго или общественнаго начальства, или мѣстнаго мироваго или городскаго судьи, или земскаго начальника, т. е. мѣстнаго органа мировой юстиціи. Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ мировая юстиція ввѣрена въ городахъ—мировымъ судьямъ, въ сельскихъ же гминахъ и посадахъ—гминнымъ судамъ (ст. 463, 468 и 472 учр. суд. уст.). Эти послѣдніе, каждый въ предѣлахъ своего округа, дѣйствуютъ, какъ это явствуетъ изъ цѣлаго ряда статей уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ (ст. 1489, 1491, 1496, 1497, 1501, 1502, 1504, 1506, 1507, 1510, 1547, 1615, 1618, 1626 и 1628 уст. гражд. суд.; 1287—1289, 1291, 1293—1295, 1299, 1301—1304 и 1307 ст. уст. угол. суд.), на одинаковыхъ съ мировыми судьями основаніяхъ и имѣютъ одинаковыя съ ними права и обязанности, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ (ст. 1490, 1498, 1500 и 1503 уст. гражд. суд. и 1290, 1292, 1298 и 1300 уст. угол. суд.). (№ 14).

38. Марта 19. Т. XVI ч. 1. Свод. зак. разд. II, кн. V, судопр. въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа.

Въ виду изложеннаго и такъ какъ относительно выдачи упоминаемыхъ въ ст. 881 уст. гражд. суд. удостовѣреній о бѣдности нигдѣ въ раздѣлѣ II книги V (о судопр. въ губерніяхъ Варшавскаго су-

дебнаго округа) не сказано, чтобы право выдачи этихъ удостовѣреній принадлежало исключительно мировымъ судьямъ и гминные суды такого права не имѣли, нельзя, несмотря на отсутствіе въ уставѣ прямаго указанія на предоставленіе этого права и гминнымъ судамъ, не прійти къ заключенію, что право выдачи этихъ удостовѣреній въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа принадлежитъ обоимъ органамъ мировой юстиціи, т. е., какъ мировымъ судьямъ, такъ и гминнымъ судамъ, каждому въ предѣлахъ его округа, тѣмъ болѣе, что никакого основанія лишать гминные суды этого права не представляется; напротивъ того, гминные суды, состоя изъ гминныхъ судей и лавниковъ, избираемыхъ изъ числа мѣстныхъ жителей (ст. 478 учр. суд. уст.), несомнѣнно являются наиболѣе компетентными въ сужденіи объ имущественномъ положеніи жителей округа. (№ 14).

39. Марта 19. Т. XVI ч. 1. Свод. зак., учр. суд. уст., ст. 490.

Что же касается вопроса о томъ, подлежатъ ли указанныя удостовѣренія выдачѣ гминными судами въ коллегіальномъ составѣ, или же единолично гминными судьями или лавниками, то, въ виду того, что гминные суды составляютъ учрежденіе коллегіальное (ст. 490 учр. суд. уст.), въ коемъ гминный судья является предсѣдателемъ, а лавники—членами, и ни тотъ, ни другіе никакихъ дѣлъ, за исключеніемъ точно указаннаго въ законѣ (ст. 1510[1] уст. гражд. суд.) случая, единолично разрѣшать не въ правѣ, указанный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что право выдачи удостовѣреній о бѣдности принадлежитъ исключительно гминнымъ судамъ въ коллегіальномъ ихъ составѣ (№ 14).

40. Апрѣля 30. Т. X ч. 1. Свод. зак. гражд., ст. 567.

Вопросъ о томъ, давность для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на завладѣніе землею ихъ бывшаго помѣщика, слѣдуетъ ли исчислять со времени полученія крестьянами данной на выкупленную ими землю или же, по утвержденіи выкупной сдѣлки, съ того срока, въ какой, на основаніи ст.ст. 150 и 156 полож. о выкупѣ (особ. прилож. къ IX т. Свод. зак., по прод. 1890 г.) назначена къ выдачѣ выкупная ссуда,

разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что означенная въ вопросѣ давность должна быть исчисляема со вре-

мени выдачи данной въ виду того, что Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній (1889 г. № 122, 1891 г. № 80 и др.) было уже признано, что начало давностнаго владѣнія крестьянъ землею, завладѣнною ими у ихъ помѣщиковъ, соотвѣтствующаго признакамъ, установленнымъ въ 567 ст. X т. ч. 1, слѣдуетъ исчислять не со дня утвержденія выкупной сдѣлки, а со дня выдачи крестьянамъ на выкупленную ими землю данной, которая для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не есть простое описаніе пріобрѣтаемой ими земли, а составляетъ, на точныхъ правилахъ положенія о крестьянахъ основанный актъ окончательнаго поземельнаго устройства, опредѣляя, что̀ именно и въ какихъ мѣстахъ поступаетъ крестьянамъ въ собственность. Со времени полученія данной обществомъ крестьянъ бывшаго помѣщичьяго имѣнія, если помѣщикъ оставляетъ за собою какую-либо землю сверхъ выкупленнаго крестьянами надѣла, являются уже два самостоятельные собственника:—общество крестьянъ и бывшій помѣщикъ, а посему, какъ общество—такъ и отдѣльные крестьяне, являясь въ отношеніи къ помѣщику уже посторонними лицами, въ случаѣ завладѣнія землею помѣщика, а не въ случаѣ зависимаго отъ помѣщика, по условію съ нимъ, владѣнія и пользованія его занадѣльною землею, совмѣщаютъ, со времени полученія данной, условія, требуемыя 560 и 567 ст. X т. 1 ч. Св. зак. для признанія за ними такого владѣнія, которое, бывъ спокойнымъ, безспорнымъ и непрерывнымъ въ теченіе 10 лѣтъ со времени выдачи данной, превращается, по силѣ 533 ст. X т. ч. 1 Св. зак., въ право собственности (№ 15).

41. Апрѣля 30. Особ. прилож. къ IX т. Св. зак., по прод. 1890 г. положеніе о выкупѣ, ст. 150 и 156.

Содержаніе этихъ статей показываетъ, что ими опредѣляются только: а) порядокъ разсчета между помѣщиками и крестьянами при посредствѣ выкупной операціи за выкупаемую землю и б) прекращеніе обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; опредѣленіе же мѣстности, пространства и количества выкупаемой крестьянами земли происходитъ на основаніи 108—112 ст. положенія о выкупѣ.

42. Апрѣля 30. Особ. прилож. къ IX т. Св. зак. положеніе о выкупѣ, ст. 1 прилож. п. 14.

Вышеприведенное заключеніе тѣмъ болѣе должно быть признано, что *до выкупа* вся земля въ помѣщичьемъ имѣніи, какъ бывшая

въ пользованіи крестьянъ въ видѣ надѣла по уставной грамотѣ, такъ и остальная, сдѣлавшаяся послѣ выкупа занадѣльною, находились юридически во владѣніи помѣщика, какъ его собственность, и помѣщикъ могъ предоставлять свою землю, не вошедшую въ уставную грамоту, во владѣніе и пользованіе крестьянъ не только по письменнымъ, но и по словеснымъ соглашеніямъ, за деньги или за различныя послуги. Кромѣ того, о выкупленномъ надѣлѣ, до выдачи данныхъ, могли возникать недоразумѣнія и споры о соотвѣтствіи дѣйствительнаго владѣнія крестьянъ съ надѣломъ, предоставленнымъ крестьянамъ по уставной грамотѣ; въ этомъ случаѣ подобные споры и недоразумѣнія, и *по переводѣ крестьянъ на выкупные платежи, но до выдачи данныхъ*, разбираются учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ (№ 15).

43. Апрѣля 30. Особ. прилож. къ IX т. Св. зак. положеніе о выкупѣ, ст. 110.

Поземельное устройство крестьянъ можетъ считаться завершившимся не съ общаго срока перевода крестьянъ на выкупные платежи по 156 и 150 ст. полож. о вык., а только съ выдачею крестьянамъ, по окончательномъ разрѣшеніи выкупной ссуды, *данныхъ* на выкупленные надѣлы на основаніи ст. 110 полож. о вык. (Сборн. рѣш. Общ. Собр. Кассац. Д—товъ 1892 г. № 32 и рѣш. 2 Департамента 17 октября и 12 декабря 1886 г.) (№ 15).

44. Апрѣля 30. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., учр. суд. уст., ст. 244.

Вопросъ о порядкѣ выдачи путеваго довольствія, а также о размѣрѣ онаго при удовлетвореніи таковымъ членовъ судебныхъ установленій въ случаяхъ соединенія въ одну нѣсколькихъ поѣздокъ, совершаемыхъ ими по дѣламъ тяжущихся частныхъ лицъ,

Правительствующимъ Сенатомъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что въ указанномъ въ вопросѣ случаѣ чины судебныхъ установленій получаютъ путевое довольствіе по каждому дѣлу особо,—въ виду того, что, хотя аналогичный съ настоящимъ вопросъ—о размѣрѣ вознагражденія судебныхъ приставовъ при одновременныхъ поѣздкахъ ихъ для производства исполнительныхъ дѣйствій въ одно и то же мѣсто или по одному и тому же пути—разрѣшенъ опредѣленіемъ его, состоявшимся 30 октября 1895 г. (Сборн. 1886 г.

№ 1) въ томъ смыслѣ, что въ означенныхъ выше случаяхъ судебные пристава должны получать прогонныя и суточныя деньги какъ за одну поѣздку, при чемъ если платежъ этихъ денегъ падаетъ на нѣсколькихъ лицъ, по требованiю коихъ исполнительныя дѣйствiя произведены приставомъ, то причитающаяся сумма распредѣляется между взыскателями и тяжущимися поровну,—но по собраннымъ нынѣ свѣдѣнiямъ оказалось, что, при примѣненiи указаннаго опредѣленiя Правительствующаго Сената, на практикѣ обнаружились почти повсемѣстно значительныя затрудненiя, обусловливаемыя, главнымъ образомъ, отсутствiемъ въ законѣ не только точныхъ, но и вообще какихъ-либо правилъ распредѣленiя между тяжущимися по различнымъ дѣламъ обязанности по удовлетворенiю чиновъ судебнаго вѣдомства путевымъ довольствiемъ въ случаѣ фактической возможности для командируемаго чиновника соединить поѣздки по нѣсколькимъ отдѣльнымъ дѣламъ въ одну или въ одинъ путь. Поэтому, такое распредѣленiе, не говоря уже о чрезвычайной сложности разсчетовъ по оному во всѣхъ случаяхъ, когда судебныя установленiя вынуждены были прибѣгать къ сему, носило, по отзыву тѣхъ установленiй, характеръ неустойчивости и неопредѣленности, близко граничащихъ съ произволомъ, порождало недоразумѣнiя и пререканiя между взыскателями и судебными приставами, а ничтожную экономiю доставляло не всѣмъ взыскателямъ вообще, а только весьма немногимъ изъ нихъ; между тѣмъ самая возможность такого распредѣленiя можетъ имѣть на практикѣ своимъ послѣдствiемъ случаи медленности въ производствѣ взысканiй и такихъ потерь для взыскателей, которыя не могутъ идти ни въ какое сравненiе съ ничтожными выгодами для нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ незначительнаго уменьшенiя суммы вносимаго приставамъ путеваго довольствiя (№ 16).

45. Апрѣля 30. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., уст. гражд. суд., ст. 858, 859, 864 и 873.

Признавъ, вслѣдствiе вышеизложеннаго, необходимымъ вновь разсмотрѣть во всей совокупности вопросъ о порядкѣ удовлетворенiя путевымъ довольствiемъ чиновъ судебныхъ установленiй, въ томъ числѣ и судебныхъ приставовъ, при поѣздкахъ ихъ по гражданскимъ дѣламъ, Правительствующiй Сенатъ остановился на томъ соображенiи, что, хотя прямаго разрѣшенiя указаннаго вопроса въ дѣйствующихъ по сему предмету узаконенiяхъ не содержится (ст. 244

учр. суд. уст., 858, 859, 864, 873 ст. уст. гражд. суд.), но совокупный смыслъ сихъ узаконеній даетъ достаточное основаніе къ заключенію въ пользу права названныхъ должностныхъ лицъ на полученіе путеваго довольствія отдѣльно по каждому дѣлу соотвѣтственно разстоянію мѣста исполненія по оному порученія отъ того города, гдѣ лица тѣ имѣютъ постоянное пребываніе (№ 16).

46. Апрѣля 30. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., уст. гражд. суд., ст. 858, 859, 864 и 873; учр. суд. уст., ст. 244.

Съ другой стороны, въ законахъ не содержится постановленія, которое дозволяло бы судебныя издержки, къ числу коихъ относятся и расходы по командированію должностныхъ лицъ, соединять по нѣсколькимъ дѣламъ и исчислять такимъ образомъ, какъ бы таковыя были сдѣланы по одному дѣлу, а главное—не содержится правилъ разверстанія въ такомъ случаѣ означенныхъ издержекъ между тяжущимися по различнымъ дѣламъ. Установленіе же такихъ правилъ самими судебными установленіями допущено быть не можетъ, такъ какъ правила тѣ, касаясь имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, могутъ быть изданы не иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ.

47. Апрѣля 30. Отзывъ Управлявшаго Министерствомъ Юстиціи Государственному Контролеру отъ 13 мая 1893 г. № 12632.

Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что до указа Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго на основаніи вышеприведеннаго опредѣленія его отъ 30 октября 1895 г., повсемѣстно и неизмѣнно чины судебныхъ установленій, какъ видно изъ собранныхъ въ настоящее время свѣдѣній, получали прогонныя и суточныя деньги по каждому дѣлу отдѣльно; 2) что жалобъ на такой порядокъ удовлетворенія названныхъ чиновъ путевымъ довольствіемъ со стороны частныхъ лицъ, въ семъ заинтересованныхъ, не было; 3) что порядокъ этотъ, имѣя достаточную опору въ законѣ, представляетъ значительныя удобства въ смыслѣ опредѣленности и простоты разсчетовъ, производимыхъ судомъ по каждому дѣлу, разсматриваемому имъ внѣ всякой связи съ другими дѣлами, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ значительныя практическія неудобства и затрудненія, которыя, какъ оказалось, возникли съ принятіемъ судебными мѣстами за правило исчислять прогоны по разстоянію

переѣздовъ, обусловливаемыхъ попутнымъ исполненіемъ порученій по нѣсколькимъ дѣламъ въ совокупности, Правительствующій Сенатъ и съ своей стороны пришелъ къ заключенію, что измѣненіе установившагося на практикѣ въ семъ отношеніи порядка, если бы дальнѣйшее сохраненіе таковаго было признано почему-либо нежелательнымъ, можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ; а, впредь до такого измѣненія сего порядка, чины судебныхъ установленій въ указанномъ въ вопросѣ случаѣ получаютъ путевое довольствіе по каждому дѣлу особо (№ 16).

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Германскій законъ 19 іюня 1901 г. объ издательскомъ правѣ.—Указъ Германскаго Императора (25 іюня 1901 г.) о суточныхъ, прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ имперскихъ чиновниковъ.

Германскій законъ 19 іюня 1901 г. объ издательскомъ правѣ.

Этотъ законъ представляетъ первую попытку урегулировать законодательнымъ путемъ отношенія автора къ издателю. До сихъ поръ эти отношенія опредѣлялись договорнымъ соглашеніемъ или обычно-правовыми нормами, при чемъ, какъ констатировала коммисія по выработкѣ законопроекта объ издательскомъ правѣ, „въ дѣловыхъ сношеніяхъ между издателемъ на одной сторонѣ и писателемъ и композиторомъ на другой—издатель по общему правилу, является болѣе опытной и часто экономически болѣе сильной стороной.—„Исключеніе составляли Пруссія, Саксонія и Баденъ, въ коихъ разсматриваемый вопросъ регулировался мѣстными законами которые, однако, по общему признанію, давно уже устарѣли и не соотвѣтствовали запросамъ современности. Текстъ новаго закона гласитъ такъ.

§ 1. Издательскій договоръ относительно литературнаго или музыкальнаго произведенія обязываетъ автора предоставить это произведеніе въ распоряженіе издателя для размноженія и распространенія за счетъ послѣдняго. Издатель обязанъ размножать и распространять произведеніе.

§ 2. Въ теченіе дѣйствія издательскаго договора автору воспрещается размноженіе и распространеніе произведенія, въ той же мѣрѣ, въ какой это запрещено третьимъ лицамъ на время дѣйствія

авторскаго права. Однако за авторомъ сохраняется право на размноженіе и распространеніе: 1) въ переводѣ на другой языкъ или другое нарѣчіе; 2) въ передѣлкѣ разсказа въ драматическую форму и сценическаго произведенія въ разсказъ; 3) въ обработкѣ музыкальнаго произведенія, поскольку это не есть отдѣльный номеръ или переложеніе на другой голосъ или инструментъ. Кромѣ того, за авторомъ сохраняется право на размноженіе и распространеніе въ полномъ собраніи сочиненій, послѣ того какъ съ конца того года, въ который появилось произведеніе, истекло двадцать лѣтъ.

§ 3. Дополненіями къ полному собранію, за которыя автору не причитается вознагражденія, онъ можетъ воспользоваться по своему усмотрѣнію по истеченіи одного года съ конца того года, въ который эти дополненія появились.

§ 4. Издатель не въ правѣ пользоваться для отдѣльнаго изданія частями сборника или полнаго собранія сочиненій или, напротивъ, отдѣльными произведеніями для сборника. Поскольку однако такое пользованіе при дѣйствіи авторскаго права принадлежитъ каждому, оно разрѣшается въ такой же мѣрѣ и издателю.

§ 5. Издателю принадлежитъ право только на одно изданіе. Если же соглашеніемъ ему предоставлено право на нѣсколько изданій, то всякія сомнѣнія, возникающія относительно послѣдующихъ изданій, разрѣшаются на основаніи соглашенія относительно предыдущаго изданія. Если число оттисковъ не установлено, то издатель въ правѣ отпечатать 1000 оттисковъ. Если же до того, чтобы приступить къ размноженію, издатель объявилъ автору меньшее количество, то только это онъ и въ правѣ выпустить.

§ 6. Обычные добавочные экземпляры не включаются въ означенное число. Также не включаются и безплатные экземпляры въ размѣрѣ, не превышающемъ $^1/_{20}$ части общаго числа. Добавочные экземпляры, если они не замѣняютъ или не восполняютъ дефектныхъ, не должны быть распространяемы издателемъ.

§ 7. Въ случаѣ гибели находящихся у издателя на складѣ оттисковъ, онъ можетъ ихъ замѣнить другими, увѣдомивъ объ этомъ предварительно автора.

§ 8. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ согласно §§ 2—7 авторъ обязанъ воздержаться отъ размноженія и распространенія, предоставивъ это издателю, онъ обязуется, поскольку договоромъ не обусловлено иначе, предоставить издателю исключительное право размноженія и распространенія (издательское право).

§ 9. Издательское право возникаетъ съ передачей произведенія

издателю и прекращается по истеченіи издательскаго отношенія. Поскольку требуется защитой издательскаго права, издатель въ правѣ осуществлять, какъ противъ автора, такъ и противъ третьихъ лицъ, тѣ правомочія, которыя установлены закономъ для авторскаго права.

§ 10. Авторъ обязанъ передать издателю произведеніе въ пригодномъ для размноженія видѣ.

§ 11. Если договоръ заключенъ осносительно оконченнаго уже произведенія, то оно должно быть передано немедленно. Если же оно должно быть написано послѣ заключенія издательскаго договора, то срокъ изготовленія долженъ быть сообразованъ съ той цѣлью, для которой произведеніе предназначено. Если же по этому признаку опредѣлить невозможно, то срокъ опредѣляется сообразно трудоспособности автора при тѣхъ условіяхъ, въ коихъ онъ находится. Посторонняя дѣятельность автора можетъ быть не принимаема въ разсчетъ при исчисленіи срока лишь постольку, поскольку издатель при заключеніи договора не зналъ или не могъ знать о ней.

§ 12. До окончанія размноженія автору предоставляется вносить измѣненія въ произведеніе. Въ приготовленіи новаго изданія издатель долженъ предоставить автору возможность произвести измѣненія. Измѣненія допускаются вообще лишь постольку, поскольку ими не нарушаются законные интересы издателя. Автору предоставляется право поручить третьему лицу произвести измѣненія. Если послѣ приступа къ размноженію авторъ производитъ измѣненія въ большемъ противъ обычнаго размѣрѣ, то онъ обязанъ возмѣстить вызываемыя этимъ издержки; отъ изложенной обязанности онъ освобождается, если наступившія въ теченіе этого времени обстоятельства требуютъ такого измѣненія.

§ 13. Издатель не въ правѣ вносить какія-либо дополненія, сокращенія и другія измѣненія, какъ въ самое произведеніе, такъ и въ его заглавіе и обозначеніе автора. Допускаются лишь такія измѣненія, на которыя авторъ по доброй совѣсти (Treu und Glaube) не можетъ не дать своего согласія.

§ 14. Издатель обязанъ размножать и распространять произведеніе общепринятымъ и надлежащимъ порядкомъ. Форма и отдѣлка экземпляровъ устанавливаются издателемъ по существующимъ въ издательскомъ дѣлѣ обычаямъ и сообразно цѣли и содержанію произведенія.

§ 15. Издатель долженъ приступить къ размноженію, какъ только ему доставлено все сочиненіе. Если же сочиненіе выходитъ въ свѣтъ

выпусками, то должно приступить къ размноженію, когда доставлена часть, которая по порядку подлежитъ выпуску въ свѣтъ.

§ 16. Издатель обязанъ изготовить такое количество экземпляровъ, какое онъ управомоченъ изготовить въ виду договора или по § 5 настоящаго закона. Онъ обязанъ своевременно заботиться о томъ, чтобы экземпляры книги всегда имѣлись въ продажѣ.

§ 17. Издатель, коему принадлежитъ право выпустить новое изданіе, не обязанъ однако этимъ правомъ воспользоваться. Авторъ въ правѣ назначить ему соотвѣтствующій срокъ для осуществленія этого права. По истеченіи срока автору предоставляется отказаться отъ исполненія договора, если изготовленіе изданія не послѣдовало своевременно. Назначенія срока не требуется, если издатель отказался отъ выпуска новаго изданія.

§ 18. Если послѣ заключенія договора падаетъ та цѣль, для которой произведеніе было предназначено, то издатель въ правѣ отказаться отъ установленныхъ издательскихъ отношеній, но такой отказъ ни въ чемъ не касается притязанія автора на вознагражденіе. Правило это примѣняется и въ томъ случаѣ, если предметомъ издательскаго договора служитъ статья для сборника, размноженіе коего не послѣдовало.

§ 19. При выпускѣ новыхъ оттисковъ сборника издатель по соглашенію съ редакторомъ въ правѣ исключать отдѣльныя статьи.

§ 20. Корректура лежитъ на обязанности издателя. Своевременно онъ обязанъ представить одинъ оттискъ на просмотръ автору. Оттискъ считается принятымъ, если въ теченіе соотвѣтственнаго срока онъ не будетъ возвращенъ издателю.

§ 21. Издателю принадлежитъ право устанавливать для каждаго изданія цѣну произведенія. Онъ можетъ уменьшить разъ опредѣленную цѣну, поскольку это не нарушаетъ закономѣрныхъ интересовъ автора. Для повышенія же означенной цѣны всегда требуется согласіе автора.

§ 22. Издатель обязанъ заплатить автору условленное вознагражденіе. Вознагражденіе предполагается условленнымъ, если по обстоятельствамъ дѣла уступку произведенія можно считать сдѣланной не иначе, какъ за вознагражденіе. Если размѣръ вознагражденія не установленъ, то предполагается условленнымъ среднее денежное вознагражденіе.

§ 23. Вознагражденіе уплачивается при передачѣ произведенія. Если размѣръ вознагражденія представляется неопредѣленнымъ или поставленъ въ зависимость отъ количества экземпляровъ, въ част-

ности отъ количества печатныхъ листовъ, то вознагражденіе выдается, какъ только размноженіе произведенія окончено.

§ 24. Если вознагражденіе поставлено въ зависимость отъ сбыта, то издатель обязанъ ежегодно представлять автору отчетъ за истекшій дѣловой годъ и, поскольку этого требуетъ провѣрка, предоставить ему справляться въ его торговыхъ книгахъ.

§ 25. Издатель литературнаго произведенія обязанъ доставить автору по одному даровому экземпляру на каждые сто, а, въ общемъ, не менѣе пяти и не больше 15 экземпляровъ. Кромѣ того, онъ обязанъ по требованію автора доставить ему одинъ экземпляръ въ пробныхъ листахъ.

Издатель музыкальнаго произведенія обязанъ предоставить автору обычное число даровыхъ экземпляровъ. По отношенію къ статьямъ, появляющимся въ сборникахъ, даровыми экземплярами служатъ отдѣльные оттиски.

§ 26. Издатель обязанъ предоставить автору, въ случаѣ требованія его, находящіеся въ его распоряженіи экземпляры по самой низкой цѣнѣ, по какой онъ сдаетъ ихъ на складъ.

§ 27. Издатель обязанъ возвратить автору оригиналъ произведенія, по окончаніи его размноженія, если это было выговорено авторомъ до приступа къ размноженію.

§ 28. Права издателя могутъ быть передаваемы, поскольку между издателемъ и авторомъ не состоялось соглашенія въ противоположномъ смыслѣ. Издатель не въ правѣ безъ согласія автора передать свои права посредствомъ договора, заключаемаго только относительно отдѣльныхъ произведеній. Въ согласіи можетъ быть отказано только по какому-либо серьезному основанію. Если издатель требуетъ отъ автора изъявленія согласія, то таковое считается выраженнымъ при отсутствіи со стороны автора отказа въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со времени полученія отъ издателя требованія. Лежащее на обязанности издателя размноженіе и распространеніе можетъ быть осуществлено его правопреемникомъ. Если правопреемникъ принялъ на себя по отношенію къ издателю такую обязанность, то онъ отвѣчаетъ предъ авторомъ за исполненіе вытекающихъ изъ издательскаго договора обязанностей вмѣстѣ съ издателемъ, какъ солидарные должники. Отвѣтственность его не распространяется на возникшую уже ранѣе обязанность возмѣщенія вреда.

§ 29. Если издательскій договоръ ограничивается опредѣленнымъ числомъ изданій или экземпляровъ, то издательскія отноше-

нія считаются прекратившимися, когда изданіе или экземпляры распроданы. Издатель обязанъ сообщать автору по его требованію свѣдѣнія, распродано ли то или другое изданіе или опредѣленное количество экземпляровъ. Если же издательскій договоръ заключенъ на опредѣленный срокъ, то по истеченіи его издатель не долженъ уже принимать мѣры къ распространенію оставшихся экземпляровъ.

§ 30. Въ случаѣ несвоевременнаго доставленія всего или части произведенія издателю предоставляется, вмѣсто осуществленія своего притязанія на исполненіе, назначить автору соотвѣтствующій срокъ на доставленіе съ указаніемъ, что по истеченіи этого срока онъ отказывается отъ принятія работы. Если еще до того момента, когда произведеніе должно быть сдано, обнаруживается, что оно не можетъ быть сдано своевременно, то издатель въ правѣ тотчасъ же назначить срокъ, съ тѣмъ однако, чтобы онъ не истекалъ ранѣе условленнаго момента; по истеченіи срока издатель въ правѣ отказаться отъ договора, если произведеніе не было своевременно доставлено; притязаніе на доставленіе произведенія исключается. Назначенія срока не требуется, если своевременное доставленіе произведенія стало невозможнымъ, или если авторъ отказался отъ доставленія, или если немедленный отказъ отъ договора вызывается существенными интересами издателя. Отказъ не допускается, если несвоевременное доставленіе сопряжено для издателя лишь съ незначительнымъ вредомъ. Правила эти ни въ чемъ не касаются правъ издателя, возникающихъ вслѣдствіе просрочки автора.

§ 31. Правила § 30 примѣняются аналогично къ случаю несоотвѣтствія произведенія условленному по договору содержанію. Если недостатокъ вытекаетъ изъ обстоятельства, за которое отвѣчаетъ авторъ, то, вмѣсто предусмотрѣннаго § 39 отступленія отъ договора, издатель въ правѣ предъявить притязаніе на возмѣщеніе убытковъ.

§ 32. Въ случаѣ несоотвѣтствующаго договору размноженія и распространенія, постановленія § 30 соотвѣтственно примѣняются въ интересахъ автора.

§ 33. Если произведеніе случайно погибаетъ послѣ передачи его издателю, авторъ сохраняетъ свое притязаніе на вознагражденіе. Въ остальномъ же обѣ стороны свободны отъ принятыхъ на себя обязанностей. Однако по требованію издателя авторъ обязанъ за приличное вознагражденіе доставить новое, въ общемъ такое же, произведеніе, поскольку это можетъ быть въ виду имѣющихся мате-

ріаловъ или по другимъ основаніямъ сдѣлано съ небольшимъ трудомъ; если авторъ предлагаетъ доставить такое произведеніе безплатно въ теченіе соотвѣтственнаго срока, то издатель обязанъ размножать и распространять это произведеніе вмѣсто погибшаго. Каждая сторона можетъ осуществлять эти права, если послѣ доставленія произведеніе погибло вслѣдствіе такого обстоятельства, за которое отвѣчаетъ другая сторона. Доставленію произведенія приравнивается просрочка издателя въ принятіи онаго.

§ 34. Въ случаѣ смерти автора до окончанія произведенія, издателю предоставляется посредствомъ заявленія наслѣдникамъ автора сохранить силу договора относительно переданной ему уже авторомъ части произведенія. Наслѣдникъ въ правѣ назначить издателю срокъ на осуществленіе означеннаго въ п. 1 права. Право это прекращается, если до истеченія срока издатель не заявитъ о своемъ желаніи сохранить его. Правила эти соотвѣтственно примѣняются въ тѣхъ случаяхъ, когда окончаніе произведенія становится невозможнымъ по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ воли автора.

§ 35. Прежде, чѣмъ приступлено къ размноженію, авторъ въ правѣ отказаться отъ издательскаго договора, если обнаруживаются обстоятельства, которыхъ нельзя было при заключеніи договора предвидѣть, но которыя, будучи извѣстны издателю и разумно оцѣнены имъ, должны были бы удержать его отъ изданія произведенія. Въ случаѣ заявленнаго авторомъ по правиламъ 1 п. отказа онъ обязанъ возмѣстить издателю всѣ произведенныя имъ издержки. Если же въ теченіе года со дня отказа онъ издастъ у другаго свое сочиненіе, то обязанъ вознаградить за убытки, происшедшіе отъ неисполненія. Обязанность эта отпадаетъ, если авторъ впослѣдствіи сдѣлалъ издателю предложеніе осуществить договоръ, но послѣдній отъ этого отказался.

§ 36. Если надъ имуществомъ издателя учреждается конкурсъ, то правило § 17 конкурснаго производства (этотъ параграфъ предоставляетъ конкурсу вступить при извѣстныхъ условіяхъ въ права несостоятельнаго по заключеннымъ имъ двустороннимъ договорамъ) примѣняется и въ томъ случаѣ, если произведеніе было уже передано до открытія производства. Если завѣдывающій конкурсомъ настаиваетъ на исполненіи договора, то, въ случаѣ передачи имъ правъ издателя другому лицу, это послѣднее принимаетъ на себя вмѣсто конкурса всѣ вытекающія изъ договорнаго отношенія обязанности. Но конкурсная масса отвѣчаетъ, въ случаѣ неисполненія

пріобрѣтателемъ обязанностей, за причиняемый имъ вредъ, какъ поручитель, отказавшійся отъ возраженія о предварительномъ взысканіи съ главнаго должника (п. 1 § 773 Bürg. Gesetzbuch). Въ случаѣ прекращенія конкурснаго производства, вытекающія изъ этой отвѣтственности притязанія должны быть обезпечены на массѣ. Если къ моменту открытія конкурснаго производства размноженіе еще не было начато, авторъ въ правѣ отказаться отъ договора.

§ 37. Къ предусмотрѣнному въ §§ 17, 30, 35 и 36 праву отказа соотвѣтственно примѣняются правила гражданскаго уложенія (§§ 346—356) объ отступленіи отъ договора. Если отступленіе происходитъ по обстоятельствамъ, за которыя противная сторона не отвѣчаетъ, то оно влечетъ за собою отвѣтственность по правиламъ о возвращеніи незакономѣрнаго обогащенія.

§ 38. Въ случаѣ заявленія отказа отъ издательскаго договора послѣ доставленія всего или части произведенія, договоръ можетъ въ части остаться въ силѣ, смотря по обстоятельствамъ дѣла и безразлично, послѣдовалъ ли отказъ въ силу закона или согласно условіямъ договора. Въ случаѣ сомнѣнія договоръ сохраняетъ свою силу, поскольку дѣло идетъ объ экземплярахъ, вышедшихъ уже изъ области распоряженія издателя, о прежнихъ частяхъ книги или предыдущихъ изданіяхъ. Если договоръ въ части сохраняетъ свою силу, издатель въ правѣ требовать соотвѣтственнаго вознагражденія. Правила эти примѣняются и въ томъ случаѣ, если договоръ утрачиваетъ свою силу инымъ образомъ.

§ 39. Если предметомъ договора служитъ произведеніе, на которое не существуетъ авторскаго права, авторъ не обязанъ гарантировать издательское право. Если продавецъ умышленно умолчалъ, что произведеніе уже сдано другому для изданія или уже опубликовано, то соотвѣтственно примѣняются правила гражданскаго уложенія объ отвѣтственности продавца за недостатки вещи. Авторъ долженъ воздерживаться отъ размноженія и распространенія произведенія по правиламъ § 2 совершенно такъ же, какъ если бы на это произведеніе существовало авторское право. Это запрещеніе отпадаетъ послѣ того, какъ со времени опубликованія издателемъ прошло 6 мѣсяцевъ.

§ 40. Въ предусмотрѣнномъ § 39 случаѣ за издателемъ остается право наравнѣ со всѣми третьими лицами вновь размножить выпущенное имъ произведеніе безъ измѣненій или съ измѣненіями. Правило это не примѣняется, если по договору изготовленіе новыхъ

изданій или слѣдующихъ экземпляровъ обусловлено уплатой особаго вознагражденія.

§ 41. По отношенію къ статьямъ, принятымъ въ газету или журналъ или вообще какой-либо періодическій сборникъ для опубликованія правила этого закона примѣняются, поскольку въ слѣдующихъ §§ 42—46 не постановлено иныхъ правилъ.

§ 42. Если изъ обстоятельствъ случая нельзя заключить, что издателю слѣдуетъ предоставить исключительное право на размноженіе и распространеніе произведенія, то авторъ въ правѣ располагать статьей по своему усмотрѣнію. По отношенію же къ статьямъ, относительно которыхъ издателю принадлежитъ исключительное право на распространеніе и размноженіе, авторъ въ правѣ распорядиться статьей по своему усмотрѣнію по истеченіи года съ конца того календарнаго года, въ который статья появилась. Если же статья доставлена для газеты, то это право возникаетъ у автора вслѣдъ за появленіемъ статьи.

§ 43. Издатель не ограниченъ ничѣмъ относительно числа выпускаемыхъ экземпляровъ сборника, содержащихъ статью. Правило § 20, п. 1 ч. 2 не примѣняется.

§ 44. Если статья должна появиться безъ подписи автора, издатель въ правѣ дѣлать въ редакціи ея такія измѣненія, какія обычно допускаются для сборниковъ такого рода.

§ 45. Если статья не выпускается въ свѣтъ въ теченіе года съ момента сдачи ея издателю, то авторъ въ правѣ отказаться отъ издательскаго отношенія, не теряя при этомъ своего притязанія на вознагражденіе. Притязаніе же на размноженіе и распространеніе статьи или на возмѣщеніе вреда отъ неисполненія принадлежитъ автору только въ томъ случаѣ, если издатель опредѣлилъ ему срокъ на появленіе статьи.

§ 46. Авторъ не въ правѣ требовать даровые экземпляры статей, напечатанныхъ въ газетѣ. Издатель не обязанъ предоставлять автору экземпляры по книгопродавческой цѣнѣ.

§ 47. Если кто-либо принимаетъ на себя обязанность изготовить произведеніе по плану, которымъ заказчикъ точно намѣчаетъ какъ содержаніе произведенія, такъ и характеръ и способъ обработки, то въ случаѣ сомнѣнія заказчикъ не признается обязаннымъ размножать и распространять оное. То же самое относится къ случаямъ, когда чья-либо дѣятельность ограничивается сотрудничествомъ въ энциклопедическихъ изданіяхъ или помощью и собираніемъ матеріаловъ для работы другаго или для сборника.

§ 48. Правила настоящаго закона примѣняются и въ томъ случаѣ, когда лицо, заключившее договоръ съ издателемъ, не есть авторъ.

§ 49. Въ гражданскихъ спорахъ, въ коихъ посредствомъ исковъ и встрѣчныхъ исковъ осуществляется притязаніе на основаніи правилъ настоящаго закона, послѣдней инстанціей для сужденія и рѣшенія въ смыслѣ § 8 закона о введеніи въ дѣйствіе учр. суд. уст. является рейхсгерихтъ.

§ 50. Настоящій законъ вступаетъ въ силу съ 1 января 1902 г.

Указъ Германскаго Императора (25 іюня 1901 г.) о суточныхъ, прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ имперскихъ чиновниковъ.

§ 1. Имперскіе чиновники получаютъ во время служебныхъ поѣздокъ суточныя деньги по слѣдующему разсчету:

I) Начальники высшихъ имперскихъ учрежденій—35 марокъ; II) директора высшихъ имперскихъ учрежденій—28 м; III) предсѣдательствующіе въ высшихъ имперскихъ учрежденіяхъ—22 м.; IV) члены остальныхъ имперскихъ учрежденій—15 м.; V) секретари высшихъ имперскихъ учрежденій—12 м.; VI) низшіе чины остальныхъ имперскихъ учрежденій—8 м.; VII) канцелярскіе чины—4 м.

Если поѣздка совершается въ теченіе двухъ дней, но въ общемъ не превышаетъ 24 часовъ, то установленныя выше выдачи производятся въ полуторномъ размѣрѣ.

Если же поѣздка совершается въ предѣлахъ одного лишь дня, то выдачи уменьшаются: по I разр. до 27 м., по II—до 21, по III—до 17, по IV—до 12, по V—до 9, по VI—до 6 и по VII—до 3 марокъ.

§ 2. Если поѣздка требуетъ чрезвычайныхъ расходовъ, то суточныя деньги могутъ быть соотвѣтственно увеличены высшимъ имперскимъ учрежденіемъ.

§ 3. Штатные чиновники, состоящіе внѣ своего мѣстожительства въ служебной командировкѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ свыше одного мѣсяца, получаютъ за первый мѣсяцъ, сверхъ жалованья, означенныя въ § 1 суточныя деньги. За послѣдующее же время размѣръ суточныхъ денегъ опредѣляется подлежащей начальствующей инстанціей, что имѣетъ мѣсто также и въ случаѣ командировокъ нештатныхъ чиновниковъ внѣ мѣста жительства ихъ. Время поѣздокъ въ командировку и обратно во всякомъ случаѣ оплачивается по установленному въ § 1 размѣру.

§ 4. Прогонныя деньги, включая и стоимость перевозки багажа, выдаются: I. При служебныхъ поѣздкахъ, совершаемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и судахъ: 1) лицамъ, означеннымъ въ § 1 подъ п. I—IV, и чиновникамъ, поставленнымъ согласно § 22 съ ними наравнѣ, по 9 пфенниговъ за километръ и по 3 марки за каждую пересадку. Если означенныя лица ѣдутъ въ сопровожденіи прислуги, то на нее выдается по 5 пф. за километръ; 2) упомянутымъ въ п. VI § 1 и поставленнымъ съ ними на-

равнѣ (§ 22) чиновникамъ по 7 пф. за километръ и по 2 марки за пересадку; 3) низшимъ чиновникамъ по 5 пф. за километръ и по 1 м. за пересадку. II. При служебныхъ поѣздкахъ, совершаемыхъ не по желѣзной дорогѣ и не на пароходахъ и судахъ выдается: 1) означеннымъ въ I—IV п.п. § 1 и сравненнымъ съ ними (§ 22), чиновникамъ по 60 пф.; 2) означеннымъ въ V и VI п.п. § 1 и сравненнымъ съ ними (§ 22) чиновникамъ по 40 пф., и 3) низшимъ чиновникамъ по 30 пф. за километръ, считая по кратчайшему изъ существующихъ путей. III. Если при служебныхъ поѣздкахъ часть пути совершается за границей, то чиновники, означенные въ I—VII п.п. § 1 и сравненные съ ними (§ 22) получаютъ прогоны въ размѣрѣ соотвѣтственно установленному для чиновниковъ посольствъ и консульствъ за заграничныя служебныя поѣздки. Если поѣздка совершается частью внутри, частью внѣ государства - то количество сдѣланнаго заграницей пути измѣряется разстояніемъ (въ полныхъ километрахъ) отъ ближайшей пограничной желѣзнодорожной станціи, а при путешествіи водою—отъ ближайшей германской гавани, въ которой чиновникъ сошелъ или сѣлъ на корабль. IV. Порядокъ пользованія во время служебныхъ поѣздокъ пригородными желѣзными дорогами и размѣръ путеваго довольствія въ такихъ случаяхъ устанавливаются имперскимъ канцлеромъ. Если фактически путевые расходы превышаютъ установленные выше размѣры, то они подлежатъ возмѣщенію.

§ 5. Поскольку чиновники при служебныхъ поѣздкахъ пользуются перевозочными средствами безплатно, они получаютъ изъ прогонныхъ денегъ только опредѣленное выше вознагражденіе за пересадки.

§ 6. Прогонныя деньги вычисляются въ оба пути отдѣльно. Если же чиновникъ по служебнымъ дѣламъ переѣзжалъ непосредственно съ мѣста на мѣсто, то разстояніе вычисляется нераздѣльно по дѣйствительно пройденному имъ пути.

§ 7. За тѣ разстоянія и объѣзды, которые сдѣланы въ цѣляхъ переночевать не въ мѣстѣ служебной командировки, вмѣсто вышеозначеннаго размѣра (но не свыше его) возмѣщаются дѣйствительно затраченныя издержки.

§ 8. За исполненіе служебныхъ дѣйствій въ мѣстѣ жительства чиновника (или въ разстояніи не свыше 2 километровъ) суточныхъ и прогонныхъ денегъ не полагается. Но если въ силу какихъ-либо экстраординарныхъ обстоятельствъ чиновникъ вынужденъ былъ воспользоваться перевозочными средствами или понести расходы за проходъ по мосту и т. п., то произведенныя имъ издержки подлежатъ возмѣщенію. Имперскому канцлеру предоставляется опредѣлять мѣстности, въ которыхъ при совершеніи служебныхъ дѣйствій внѣ присутственнаго мѣста затраченныя чиновниками на проѣздъ деньги подлежатъ возмѣщенію.

§ 9. При вычисленіи разстояній части пройденныхъ километровъ считаются за цѣлые.

§ 10. Чиновникамъ, которымъ по свойствамъ ихъ службы приходится совершать частыя служебныя поѣздки въ предѣлахъ опредѣленнаго служебнаго округа или періодическія поѣздки между двумя опредѣленными пунктами, выдача опредѣленныхъ выше суточныхъ и прогонныхъ денегъ можетъ быть замѣнена единовременнымъ пособіемъ по опредѣленію имперскаго канцлера. То же самое и въ предѣлахъ, опредѣленныхъ выше, предоста-

вляется имперскому канцлеру устанавливать и по отношенію къ совершаемымъ на близкихъ разстояніяхъ поѣздкамъ.

§ 11. Чиновники, получающіе сверхъ или въ составѣ производящагося имъ содержанія для совершенія служебныхъ поѣздокъ въ предѣлахъ ихъ служебнаго округа общую сумму взамѣнъ суточныхъ и прогонныхъ или на содержаніе перевозочныхъ средствъ и лошадей, пользуются суточными и прогонными деньгами по правиламъ настоящаго закона лишь постольку, поскольку они выѣзжаютъ въ командировки за предѣлы служебнаго округа.

§ 12. Чиновники, состоящіе кандидатами на должности, не пользуются суточными и прогонными деньгами, если служебныя поѣздки ихъ совершаются въ цѣляхъ подготовки ихъ къ службѣ. Цѣль поѣздки опредѣляется учрежденіемъ, назначившимъ командировку.

§ 13. Штатные чиновники при перемѣщеніяхъ по службѣ получаютъ подъемныя въ слѣдующемъ размѣрѣ: I) директора высшихъ имперскихъ установленій—въ общій счетъ 1800 м. и по 24 м. за каждыя 10 кил. II) предсѣдательствующіе въ высшихъ имперскихъ установленіяхъ 1000 м. и по 24 м. III) члены высшихъ имперскихъ установленій 500 м. и по 10 м. IV) члены остальныхъ установленій—300 м. и по 8 м. V) секретари высшихъ имперскихъ установленій—240 м. и по 7 м. VI) низшіе чины—180 м. и по 6 м. VII) канцелярскіе чиновники—100 м. и по 4 м. При перемѣщеніи штатныхъ чиновниковъ за границу или въ мѣстности, лежащія внѣ предѣловъ имперіи, указанные выше размѣры измѣняются по усмотрѣнію канцлера соотвѣтственно пособіямъ, установленнымъ въ такихъ случаяхъ для чиновниковъ посольствъ и консульствъ. Кромѣ того, подлежитъ возмѣщенію перемѣщаемому чиновнику наемная плата за квартиру въ мѣстѣ прежняго его служенія—за время отъ оставленія квартиры до момента, когда возможно прекращеніе дѣйствія контракта, но во всякомъ случаѣ этотъ періодъ не долженъ превышать 9 мѣсяцевъ. Если чиновникъ жилъ въ собственномъ домѣ, то ему возмѣщается не свыше полугодичная плата за квартиру по среднимъ мѣстнымъ цѣнамъ.

§ 14. Холостые чиновники получаютъ только половину опредѣленныхъ въ п.п. I—VII § 13 пособій.

§ 15. При вычисленіи пособій разстояніе между мѣстностями, откуда и куда совершается перемѣщеніе, измѣряется по кратчайшему изъ существующихъ путей, при чемъ при опредѣленіи количества километровъ въ десяткахъ остатокъ отъ дѣленія на 10 принимается за 10.

§ 16. Подъемныя выдаются по тому разряду, коему соотвѣтствуетъ должность, съ которой, а не на которую, перемѣщается чиновникъ.

§ 17. Суточныя и прогонныя выдаются чиновникамъ при перемѣщеніяхъ ихъ независимо отъ подъемныхъ.

§ 18. Нештатнымъ чиновникамъ полагаются при перемѣщеніяхъ только суточныя и прогонныя, но не подъемныя. Въ видѣ исключенія таковыя могутъ быть имъ назначаемы имперскимъ канцлеромъ въ тѣхъ случаяхъ и предѣлахъ, въ коихъ они установлены для чиновниковъ посольствъ и консульствъ.

§ 19. Если уволенный въ отставку или временно уволенный отъ должности проживалъ по обязанностямъ службы за границей, то ему возмѣща-

ются по правиламъ §§ 13—17 расходы по переѣзду до избраннаго имъ внутри государства мѣстожительства.

§ 20. Временно уволенные въ отставку при новомъ назначеніи на должность получаютъ подъемныя по правиламъ §§ 13—17. Вычисленіе производится по разстоянію между даннымъ мѣстомъ жительства и мѣстомъ назначенія.

§ 21. Лицамъ, впервые назначаемымъ на имперскія должности, начальствующая инстанція можетъ назначить опредѣленную сумму подъемныхъ на поѣздку къ мѣсту служенія, но лишь въ видѣ исключенія и въ размѣрахъ, не превышающихъ установленныхъ выше.

§ 22. Имперскій канцлеръ опредѣляетъ, какіе чиновники по смыслу настоящаго указа относятся къ каждому изъ семи установленныхъ въ п.п. I—VII §§ 1 и 13 разрядовъ и какіе должны быть съ ними сравнены.

§§ 23 и 24 опредѣляютъ компетенцію имперскаго канцлера по изданію правилъ въ развитіе настоящаго закона и время вступленія послѣдняго въ дѣйствіе.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Arthur Mamelok. Die juristische Person im internationalen Privatrecht. Zürich, 1900, VII+351.

Книга эта, представляющая докторскую диссертацію начинающаго швейцарскаго ученаго, посвящена одному изъ труднѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе разработанныхъ вопросовъ частнаго международнаго права. Ученіе о юридическомъ лицѣ и въ доктринѣ гражданскаго права болѣе, чѣмъ спорно, а какъ дѣло доходитъ до столкновенія законовъ по этому предмету, то начинаются такія дебри, что разобраться въ нихъ не подъ-силу не только юристамъ-практикамъ, но часто и спеціалистамъ-теоретикамъ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется то, что теорія юридическаго лица въ частномъ международномъ правѣ весьма мало популярна и до сихъ поръ привлекала вниманіе лишь крайне ограниченнаго числа изслѣдователей. Строго говоря, этому вопросу до сихъ поръ посвящена только одна сколько-нибудь обстоятельная монографія, а именно книга Fedozzi, Glienti collettivi nel diritto internazionale privato, 1897 г. Изслѣдованіе Mamelok'а, такимъ образомъ, восполняетъ весьма существенный пробѣлъ въ юридической литературѣ.

Содержаніе этой книги слѣдующее.

Въ краткомъ введеніи авторъ останавливается на соотношеніи, существующемъ, съ точки зрѣнія внутренняго права, между физическимъ и юридическомъ лицомъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ общей части своего изслѣдованія и, прежде всего, старается выяснить самое понятіе „иностраннаго“ юридическаго лица. Собственно говоря,

затрудненія вопросъ представляетъ только относительно юридическаго лица частнаго права, такъ какъ національность государства, департамента, общины и т. п. ясна сама собою. Въ качествѣ же общаго критерія для частноправовыхъ формацій, Mamelok, вмѣстѣ съ Еллинекомъ и Баромъ, выставляетъ понятіе „Sitz", при чемъ таковымъ считаетъ то мѣсто, которому уставъ общества или вообще даннаго юридическаго лица приписываетъ это свойство; другими словами, мѣстожительство юридическаго лица ставится въ зависимость отъ его собственной воли. Установивъ это начало, авторъ однако не даетъ ближайшихъ указаній для разрѣшенія могущихъ возникнуть (и на практикѣ постоянно возникающихъ) конфликтовъ между законодательствами отдѣльныхъ странъ по разсматриваемому имъ вопросу. Его теорія, вполнѣ достаточная съ точки зрѣнія внутренно-правовой, не даетъ ключа для разрѣшенія тѣхъ затрудненій, которыя порождаетъ разнообразіе мѣстныхъ законодательствъ, опредѣляющихъ національность юридическаго лица, то по одному признаку, то по другому, то по третьему.

Довольно подробно разсмотрѣнъ вопросъ о признаніи иностранныхъ юридическихъ лицъ. Communis opinio, какъ извѣстно, выводитъ это признаніе изъ международно-правоваго обычая. Mamelok рѣшительно возстаетъ противъ этой точки зрѣнія. Для него международнаго обычнаго права (по крайней мѣрѣ, въ области столкновенія законовъ) нѣтъ совсѣмъ; то обстоятельство, что извѣстныя нормы дѣйствуютъ въ нѣсколькихъ государствахъ, не доказываетъ еще, чтобы онѣ были восприняты сверху, въ силу тяготѣющей надъ государствами обязанности. Обычное право,—продолжаетъ авторъ,—можетъ быть только внутреннимъ: существуетъ *gemeinsames*, но нѣтъ *gemeines* Recht.

Эти воззрѣнія, несомнѣнно навѣянныя новѣйшей германской позитивной школой частнаго международнаго права (Канъ, Нимейеръ, Нейманъ и др.), представляются пишущему эти строки, до извѣстной степени, правильными. Обычно-правовыми нормами безспорно злоупотребляютъ въ наукѣ о столкновеніи разномѣстныхъ нормъ—вѣрнѣе, смѣшиваютъ внутренніе и международно-правовые обычаи. Но тѣмъ не менѣе взглядъ Mamelok'а, думается намъ, идетъ слишкомъ далеко. Безъ международнаго, надъ-государственнаго элемента, въ частномъ международномъ правѣ не обойтись. Поэтому основной тезисъ автора разсматриваемой книги едва ли можетъ быть признанъ вполнѣ правильнымъ. Но то, что онъ говоритъ объ иностранныхъ юридическихъ лицъ, само по себѣ, представляется намъ совершенно вѣрнымъ. На самомъ дѣлѣ, окончательный вы-

водъ Mamelok'a тотъ, что въ большинствѣ современныхъ культурныхъ государствъ иностранныя юридическія лица признаются самостоятельными правовыми субъектами. Но такое положеніе вещей, по его мнѣнію,—и съ этимъ мы вполнѣ согласны—покоится не на какихъ-либо надъ-государственныхъ нормахъ, а на внутреннемъ правѣ—писанномъ или обычномъ, совпадающемъ лишь потому, что одинаковыя политическія и экономическія условія порождаютъ и одинаковыя послѣдствія.

Дальнѣйшія страницы общей части посвящены: международнымъ договорамъ, регулирующимъ правовое положеніе иностранныхъ юридическихъ лицъ, сущности и различнымъ типамъ признанія юридическихъ лицъ; дѣеспособности юридическихъ лицъ; отдѣльнымъ правоотношеніямъ, возникающимъ вслѣдствіе признанія юридическихъ лицъ; резолюціямъ Института международнаго права. Особенно подробно разработанъ § 7, озаглавленный „Rechtsfähigkeit und Zweckthätigkeit, besonders Gewerbebetrieb fremder juristischen Personen". Здѣсь авторъ дѣлаетъ попытку провести точную грань между понятіями гражданской дѣеспособности и способности къ функціонированію, къ осуществленію тѣхъ цѣлей, для которыхъ создано юридическое лицо. Признаніе иностраннаго юридическаго лица субъектомъ влечетъ за собою дарованіе ему извѣстнаго комплекса цивильныхъ правомочій, — но оно не предрѣшаетъ еще вопроса о томъ, насколько данное юридическое лицо можетъ исполнить свои соціальныя функціи въ предѣлахъ чужой территоріи. Между тѣмъ судебная практика всѣхъ почти странъ постоянно путаетъ эти два понятія. Mamelok съ большимъ искусствомъ и очень вѣрнымъ юридическимъ чутьемъ анализируетъ возникающіе въ данномъ случаѣ вопросы и главнѣйшія изъ положительныхъ законодательствъ. Этотъ параграфъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ въ книгѣ.

Въ особенной части разсматривается международно-правовое положеніе нѣкоторыхъ типовъ юридическихъ лицъ. Сперва рѣчь идетъ о государствѣ и его территоріальныхъ подраздѣленіяхъ (обладающихъ юридической личностью), при чемъ авторъ подробно останавливается на знаменитомъ дѣлѣ Цаппы и на вопросѣ о правѣ государствъ (фиска) пріобрѣтать и владѣть недвижимостями въ предѣлахъ чужой территоріи. Этотъ отдѣлъ книги Mamelok'a страдаетъ нѣкоторой расплывчатостью и растянутостью, не оправдывающейся существомъ затронутыхъ вопросовъ. За то большой интересъ представляетъ § 15, озаглавленный „der fremde Staat als Prozesspartei". Право иностранныхъ государствъ искать и отвѣчать въ мѣстныхъ

судахъ разсматривается, какъ съ точки зрѣнія современной судебной практики, такъ и съ точки зрѣнія данныхъ науки. Авторъ высказывается за компетентность территоріальныхъ судовъ по дѣламъ, въ которыхъ стороной является иностранный фискъ, и удачно опровергаетъ доводы противниковъ этого воззрѣнія. Его аргументація— „très serrée“, какъ говорятъ французы, и въ высшей степени добросовѣстна; нигдѣ не проглядываетъ желаніе во что бы то ни стало одержать верхъ—хотя бы цѣною искаженія опровергаемаго мнѣнія.

Особенно подробно Mamelok останавливается на юридическомъ положеніи иностранныхъ товариществъ. Всѣ привходящіе сюда вопросы разсматриваются авторомъ приблизительно по той схемѣ, которая принята имъ для общей части. Сначала говорится о національности иностранныхъ обществъ, о перемѣнѣ національности, о признаніи иностранныхъ компаній; затѣмъ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ правоотношеніяхъ, и, наконецъ, разбираются постановленія Института международнаго права. Положительнымъ матеріаломъ для автора служатъ французское, германское, итальянское и австрійское законодательства, которыя онъ излагаетъ весьма подробно и вполнѣ наглядно.

Таково, вкратцѣ, содержаніе интересной книги Mamelok'а. Отличительныя свойства ея—трезвость взглядовъ и добросовѣстность, въ связи съ большимъ юридическимъ тактомъ. По каждому данному вопросу авторъ твердо отличаетъ lex lata отъ lex ferenda—а въ области частнаго международнаго права это—не малая заслуга. Литература предмета—главнымъ образомъ, французская и нѣмецкая—ему хорошо извѣстна. Сколько - нибудь значительнымъ пробѣломъ въ этомъ отношеніи является лишь незнакомство автора съ солидной двухтомной монографіей *Féraud-Giraud*, Etats, Souverains etc. devant les tribunaux.

Л. Шалландъ.

Georg Meyer. Das parlamentarische Wahlrecht. 1901.

Послѣ смерти Георга Мейера (28 февраля 1900 года), проф. Іеллинекъ, разбирая оставшіяся послѣ покойнаго рукописи, нашелъ почти оконченную книгу, про существованіе которой не знала даже жена покойнаго. Между тѣмъ трудъ былъ доведенъ до послѣднихъ страницъ; оставалось сдѣлать нѣсколько выносокъ, исправить нѣкоторыя ссылки. Изданіемъ этого труда занялся коллега Мейера,—Іелли-

некъ; онъ докончилъ нужныя справки, сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія, включивъ, напр., избирательное право государствъ Балканскаго полуострова, и издалъ этотъ трудъ въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ: „Парламентарное избирательное право“. Передъ нами объемистый томъ (734 стр.) догматическаго изложенія современнаго избирательнаго права, написаннаго яснымъ и простымъ языкомъ, столь свойственнымъ Георгу Мейеру. Весь трудъ раздѣленъ на двѣ книги: первая даетъ намъ исторію, вторая—догму избирательнаго права.

Исторію авторъ начинаетъ съ древнихъ временъ Англіи, давая при этомъ общую характеристику значенія и положенія выборовъ, не останавливаясь, впрочемъ, на подробностяхъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ разбору возникновенія представительства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, во Франціи, Испаніи и Норвегіи. Слѣдующія главы посвящены исторіи представительства во Франціи, въ началѣ XIX столѣтія и въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи до 1848 года, съ маленькимъ очеркомъ, въ концѣ отдѣла, исторіи этого института и въ другихъ государствахъ Европы, за время отъ 1815 г. до 1848 г. Это—не подробная исторія конституцій или парламентовъ, а краткое описаніе хода развитія понятія представительства и его примѣненія на практикѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, описаніе настолько ясное, что читатель легко можетъ схватить основныя черты исторіи института и роль, которую онъ игралъ въ началѣ своего появленія. Второй отдѣлъ посвященъ періоду 1848—1860 годовъ; въ немъ уже болѣе подробно изложена исторія избирательнаго права; въ началѣ отдѣла развивается общій взглядъ на ходъ развитія соціальныхъ идей за этотъ періодъ времени; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе исторіи института во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ континента, съ указаніемъ всѣхъ законовъ и правительственныхъ актовъ, касающихся даннаго вопроса.

Такимъ образомъ, мы доходимъ до 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, игравшихъ такую видную роль въ развитіи избирательныхъ правъ. Послѣднему періоду, т. е., начиная съ 60-хъ годовъ и по наше время, удѣлено уже значительно больше мѣста. Въ этой части труда Мейера мы находимъ подробныя указанія на парламентскіе дебаты, въ особенности въ Германіи, гдѣ авторъ самъ игралъ видную роль, какъ членъ германскаго рейхстага. Мейеръ внесъ въ работу не только свои познанія ученаго и систематика, но и обширныя практическія свѣдѣнія изъ области политики второй половины 19-го вѣка. Какъ извѣстно, онъ участвовалъ въ разрѣ-

шеніи выдающихся законодательныхъ вопросовъ Германской Имперіи, какъ представитель Бадена, что̀, конечно, придаетъ особую цѣну его труду, такъ какъ, изучая его, невольно чувствуешь, что писалъ человѣкъ, участвовавшій во всѣхъ перипетіяхъ парламентарныхъ реформъ и пережившій, такъ сказать, лично всѣ стадіи развитія современнаго представительства.

Наконецъ, четвертый отдѣлъ содержитъ въ себѣ подробнѣйшую исторію избирательнаго права въ Англіи за минувшее столѣтіе; въ немъ изложенъ постепенный ходъ переворотовъ, совершавшихся въ Англіи въ этой области.

Эта историческая часть труда покойнаго гейдельбергскаго профессора имѣетъ огромное значеніе не только для историковъ публичнаго права и спеціалистовъ, какъ справочная книга, но и для всякаго изучающаго общіе вопросы государственнаго права XIX столѣтія, такъ какъ работающему въ этой области никакъ нельзя обойти представительство; послѣднее составляетъ основу конституціонныхъ системъ запада. Но и для лицъ, работающихъ надъ какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ, повторяемъ, эта книга можетъ служить большимъ подспорьемъ; въ ней приведены всѣ законы, всѣ даты и обширная литература.

Вторая книга, какъ я уже замѣтилъ, содержитъ въ себѣ догматическое изложеніе избирательнаго права; здѣсь развертывается передъ нами вся сила догматическаго изложенія проф. Мейера.

Его имя, какъ догматика, хорошо извѣстно въ наукѣ; его изложенія государственнаго и административнаго права являются по своей простотѣ и содержательности лучшими курсами германскаго права и идеальными справочными книгами для спеціалистовъ по вопросамъ литературы и по приведеннымъ въ нихъ законодательнымъ актамъ.

Новая работа Мейера не уступаетъ прежнимъ его трудамъ ни по внѣшней своей обработкѣ, ясности и простотѣ стиля, ни по внутреннему содержанію. Мы находимъ въ ней всѣ основныя положенія представительства; ни одинъ вопросъ не оставленъ безъ вниманія; при разборѣ отдѣльныхъ положеній избирательнаго права всюду исчерпывающе приведены историческіе примѣры, что̀ весьма облегчаетъ работу. Могутъ указать, что во второй части сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ повторенія фактовъ, изложенныхъ въ исторической части; но, по нашему мнѣнію, подобная система заслуживаетъ только одобренія. Этимъ, съ одной стороны, не нарушена картина историческаго развитія институтовъ, такъ какъ къ

исторіи не примѣшаны теоретическія разсужденія о современныхъ положеніяхъ; съ другой стороны, теоретическія разсужденія, конечно, выигрываютъ отъ освѣщенія примѣрами изъ жизни конституціонныхъ законодательствъ. Для научныхъ же работъ подобное изложеніе представляетъ массу удобствъ; этимъ работающій надъ какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ избавляется отъ скучной необходимости рыться въ исторіяхъ конституціонныхъ законодательствъ; всѣ примѣры у него подъ рукой. Остается только провѣрить по отдѣльнымъ конституціямъ цифры и ссылки.

Нѣтъ ни одного вопроса избирательнаго права, который былъ бы пропущенъ въ разбираемомъ трудѣ; сначала разбирается активное право, затѣмъ слѣдуетъ изложеніе положеній пассивнаго права, исключеній изъ общихъ правилъ, основаній неспособности къ выборамъ и представительству, несовмѣстимости и потери права быть избраннымъ; и все это освѣщено положеніями изъ современныхъ и прошлыхъ законодательствъ Европы и Сѣверной Америки. Въ слѣдующихъ главахъ трактуется о вознагражденіи представителей, о прямыхъ и косвенныхъ выборахъ, ихъ различіи и значеніи, о способахъ голосованія и объ избирательныхъ округахъ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе различныхъ системъ выборовъ, представительства меньшинства и пропорціональнаго представительства, съ указаніемъ огромной литературы, научныхъ и практическихъ системъ, ихъ удобствъ и неудобствъ, а равно и судебъ, которыя претерпѣли разныя системы на практикѣ. Въ заключеніе дается изложеніе способовъ и системъ дополнительныхъ выборовъ, избирательныхъ періодовъ и, наконецъ, записи избирателей и ихъ списковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги сквозитъ національная нѣмецкая гордость и превознесеніе институтовъ Германіи, что̀ объясняется участіемъ Мейера въ политической жизни родины; въ этихъ мѣстахъ онъ говоритъ не какъ ученый, а какъ политикъ, лично переживавшій бури государственной жизни Германіи и гордящійся этимъ. Но подобныя вылазки въ область политики нисколько не вредятъ изложенію, а могутъ скорѣе освѣщать современное положеніе институтовъ. Можно скорѣе поставить въ вину Мейеру отсутствіе въ его книгѣ критическаго элемента, но критику онъ исключилъ сознательно, желая ограничиться только исторіей и догмой. Такимъ образомъ, трудъ Мейера является серьезнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ науку, какъ по обилію приводимаго имъ положительнаго права, такъ и по своимъ теоретическимъ положеніямъ и указаніямъ научной литературы.

Бар. С. Корфъ.

А. М. Ѳемелиди. Русскій нотаріатъ. С.П.Б. 1902. Изданіе Я. А. Канторовича. Стр. 258. Цѣна 1 р.

По словамъ автора, „цѣль настоящаго изданія—познакомить въ краткихъ чертахъ читателя съ исторіей нотаріата, какъ учрежденія, съ историческимъ развитіемъ нотаріальнаго права у насъ и на Западѣ, съ нашимъ дѣйствующимъ нотаріальнымъ положеніемъ и предполагаемой реформой нотаріата совмѣстно со всѣмъ судебнымъ строемъ". Такимъ образомъ, поставленная себѣ авторомъ задача очень и очень обширна—тутъ и исторія, и дѣйствующее право, и Россія, и западныя государства, и прошлое, и настоящее, и даже—едва ли дѣйствительно извѣстное автору—будущее нотаріата. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что исполненіе всего этого грандіознаго труда силами одного человѣка и притомъ на протяженіи всего 258 страницъ небольшаго формата представлялось бы положительно невозможнымъ, если бы авторъ не пообѣщалъ сдѣлать все это лишь „въ краткихъ чертахъ"; впрочемъ, мы думаемъ, что и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ ему едва ли удалось вполнѣ достигнуть намѣченной цѣли.

Сообразно съ поставленной авторомъ задачей, вся разсматриваемая книжка распадается на двѣ, далеко впрочемъ неравныя, какъ по размѣрамъ, такъ и по достоинству, части, изъ которыхъ въ первой излагается исторія нотаріата, а во второй—дѣйствующее нотаріальное положеніе. Историческій очеркъ нотаріата, занимающій первыя 77 страницъ книжки, составленъ, въ общемъ, недурно, при чемъ наиболѣе удовлетворительными должны считаться первыя четыре главы, трактующія о нотаріатѣ въ Римѣ, о церковномъ нотаріатѣ, о нотаріатѣ въ средневѣковой Европѣ и о нотаріатѣ въ средневѣковой Италіи. Правда, главы эти представляютъ изъ себя не самостоятельный трудъ автора научно-историческаго характера, а только краткій конспектъ общеизвѣстнаго обширнаго изслѣдованія г. Ляпидевскаго (Исторія нотаріата, Москва, 1875 г.), къ сожалѣнію, остановившагося на первомъ томѣ, но тѣмъ не менѣе по довольно удачному и сжатому изложенію онѣ дѣйствительно могутъ дать любознательному читателю довольно вѣрное и полное представленіе объ общемъ ходѣ историческаго развитія нотаріата въ древнее время и средніе вѣка. При крайней бѣдности нашей юридической литературы и при почти полномъ отсутствіи самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области юриспруденціи—автору настоящей книжки и за это можно было бы сказать искреннее

спасибо, такъ какъ его трудъ, хотя и компилятивнаго характера, все-таки можетъ принести нѣкоторую пользу въ дѣлѣ популяризаціи до сихъ поръ очень еще мало распространенныхъ историко-юридическихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, вполнѣ благопріятное впечатлѣніе, первоначально производимое разсматриваемой книжкой, сильно портится послѣдующимъ изложеніемъ, принадлежащимъ уже не г. Ляпидевскому, а самому г. Ѳемелиди, заимствовавшему необходимыя для него данныя, по всей вѣроятности, изъ особыхъ историческихъ предисловій къ довольно многочисленнымъ въ Германіи практическимъ руководствамъ по нотаріальному дѣлу. По крайней мѣрѣ на эту мысль невольно наводятъ наблюдающаяся въ главахъ V, VI и VII (нотаріатъ въ Германіи, Франціи и Австріи) чрезвычайная неравномѣрность изложенія, почти полное отсутствіе сколько-нибудь законченнаго представленія о постепенномъ ходѣ историческаго развитія нотаріата въ новѣйшее время, а иногда даже и прямая невѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній.

Такъ, напримѣръ, исторія нотаріата въ Германіи вмѣстѣ съ дѣйствующимъ въ ней законодательствомъ изложена всего на 6 страничкахъ, при чемъ на стр. 36, между прочимъ, утверждается, что въ Германіи и понынѣ дѣйствуетъ еще Баварскій уставъ 1512 года. Гораздо болѣе полно изложена первоначальная исторія нотаріата во Франціи (стр. 38—42), при чемъ авторомъ дается вполнѣ удовлетворительное и законченное изображеніе нынѣ дѣйствующаго во Франціи законодательства по нотаріальному праву; еще съ большимъ вниманіемъ г. Ѳемелиди останавливается на разсмотрѣніи австрійскаго закона о нотаріатѣ 25 іюля 1871 года, который онъ считаетъ образцомъ для всякаго культурнаго государства и которому онъ посвящаетъ поэтому цѣлыхъ 10 страницъ; за то объ историческомъ развитіи нотаріата въ Австріи не говорится ни одного слова.

Впрочемъ, несмотря на указанную неравномѣрность изложенія и нѣкоторыя неточности, вся эта часть труда г. Ѳемелиди представляется удовлетворительной.

Гораздо слабѣе оказывается глава VIII, посвященная разсмотрѣнію исторіи нотаріата въ Россіи. За неимѣніемъ въ нашей литературѣ сколько-нибудь основательныхъ изслѣдованій монографическаго характера въ этой области юриспруденціи, автору пришлось составлять эту главу болѣе или менѣе самостоятельно, пользуясь лишь нѣкоторою помощью со стороны г.г. Неволина и Побѣдоносцева. Это сейчасъ же отразилось и на качествѣ работы,

которая получила отрывочный и незаконченный характеръ, лишающій ея возможности дать сколько-нибудь законченную картину постепеннаго развитія въ нашей исторіи нотаріальныхъ институтовъ. При этомъ и тутъ замѣчается довольно значительная неравномѣрность въ разработкѣ имѣвшагося у автора историческаго матеріала; такъ, напримѣръ, авторомъ посвящены 4 страницы на выясненіе порядка совершенія крѣпостныхъ актовъ въ XV—XVII вѣкахъ, между тѣмъ какъ объ устройствѣ крѣпостной части въ позднѣйшее дореформенное время говорится лишь въ нѣсколькихъ строкахъ (ст. 71—72); точно такъ же почти полнымъ молчаніемъ обойденъ чрезвычайно сложный и важный вопросъ о различіи между актами крѣпостными, нотаріальными и явочными, имѣвшемъ въ прежнее время очень существенное значеніе и сохранившемся отчасти даже и до-нынѣ. Вообще весь историческій очеркъ позднѣйшаго періода русскаго нотаріата носитъ очень поверхностный характеръ, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о важнѣйшихъ законодательныхъ актахъ, почти безъ всякой попытки къ какому-либо научному ихъ освѣщенію и къ выясненію дѣйствительнаго юридическаго значенія нотаріальной дѣятельности.

Что касается второй части сочиненія г. Ѳемелиди, то она содержитъ въ себѣ простой пересказъ подлежащихъ постановленій дѣйствующаго нотаріальнаго положенія съ упоминаніемъ изрѣдка о нѣкоторыхъ сенатскихъ разъясненіяхъ. Вообще собственностью автора здѣсь можетъ считаться только одна система изложенія, во многихъ отношеніяхъ однако несовершенная и притомъ далеко не всегда выдержанная.

Все же остальное почти буквально тождественно съ подлиннымъ текстомъ нотаріальнаго положенія, даже безъ сколько-нибудь подробнаго использованія временныхъ правилъ 1867 г. При этомъ нѣкоторые чрезвычайно важные вопросы нотаріальнаго права обойдены авторомъ даже полнымъ молчаніемъ, какъ, напримѣръ, объ юридическомъ значеніи нотаріальныхъ актовъ, объ отличіи ихъ отъ случаевъ засвидѣтельствованія подлинности подписи и т. п. Впрочемъ, кромѣ пересказа статей нотаріальнаго положенія, авторъ даетъ еще время отъ времени небольшіе критическіе очерки дѣйствующаго законодательства (стр. 137—164, 188—204, 235—239), намѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ желательныя, по его мнѣнію, реформы и измѣненія. Однако и въ этой части своего труда г. Ѳемелиди оказывается далеко не самостоятельнымъ, такъ какъ большинство своихъ замѣчаній онъ заимствуетъ изъ статей г.г. Гурлянда и Ман-

дельштама, дополняя ихъ отъ себя лишь нѣкоторыми соображеніями общаго характера. Вообще мы полагаемъ, что помѣщеніе авторомъ въ книгѣ, имѣющей своей ближайшей цѣлью популярное изложеніе началъ нотаріальнаго права, критическихъ очерковъ едва ли можетъ считаться желательнымъ и хоть сколько-нибудь способствующимъ уясненію трактуемаго предмета. Напротивъ того, такое смѣшеніе двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, сообщающее всей книгѣ какой-то полемическій характеръ, способно лишь запутать неопытнаго читателя и вызвать въ немъ совершенно превратныя понятія о дѣйствующемъ правѣ и о предстоящей его реформѣ. Послѣднее опасеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ въ особенности большое основаніе, такъ какъ данное авторомъ въ предисловіи обѣщаніе ознакомить читателя „съ предполагаемой реформой",—конечно, осталось совершенно невыполненнымъ съ его стороны за неопубликованіемъ до сего времени какихъ-либо оффиціальныхъ свѣдѣній по этому предмету; впрочемъ, въ этомъ винить автора невозможно—вѣдь „impossibilium nulla est obligatio"....

Во всякомъ случаѣ небольшая книжка г. Ѳемелиди, нося чисто компилятивный характеръ и заключая въ себѣ конспектъ дѣйствующихъ законовъ и краткую исторію нотаріата по работѣ г. Ляпидевскаго и нѣкоторымъ другимъ сочиненіямъ,—можетъ оказать извѣстную помощь лицамъ, совершенно незнакомымъ съ нотаріальнымъ дѣломъ, при первоначальномъ ознакомленіи съ его современнымъ положеніемъ и съ постепеннымъ развитіемъ его на западѣ и въ Россіи.

Съ внѣшней стороны книжка издана удовлетворительно и при этомъ обладаетъ чрезвычайно важнымъ для подобныхъ изданій достоинствомъ—очень невысокой цѣной.

И. М.—Б.

А. Ф. Михневичъ и Н. Н. Товстолѣсъ. Сборникъ узаконеній и разъясненій по нотаріальной части. С.П.Б. 1902 г. Изданіе Я. А. Канторовича. Стр. 561. Цѣна 3 р. 50 к.

До послѣдняго времени дѣйствующіе у насъ законы по нотаріальной части какъ-то не пользовались особымъ вниманіемъ со стороны нашихъ издателей и комментаторовъ. Въ то время, какъ по уставамъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ и даже по учрежденію судебныхъ установленій мы имѣемъ уже цѣлый рядъ прекрасныхъ работъ и изданій, какъ комментаторскаго, такъ и компилятивнаго характера, нерѣдко исполненныхъ нашими лучшими

юристами,—въ области нотаріальнаго права еще и до сихъ поръ существуетъ чуть ли не единственное изданіе г. Мартынова, хотя и успѣвшее пріобрѣсти довольно широкую популярность, но тѣмъ не менѣе едва ли способное удовлетворить все увеличивающуюся потребность нотаріальнаго персонала въ полномъ и подробномъ руководствѣ по ихъ спеціальности. Поэтому мы думаемъ, что только-что выпущенный въ свѣтъ „Сборникъ узаконеній и разъясненій по нотаріальной части" г.г. Михневича и Товстолѣса появляется кстати, заполняя собой пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ, въ особенности чувствительный въ виду далеко не всегда удачной редакціи отдѣльныхъ постановленій дѣйствующаго нотаріальнаго положенія, требующихъ для правильнаго ихъ пониманія вполнѣ обстоятельнаго знакомства не только со всѣми прочими частями нашего законодательства, но и съ установившейся уже тридцатипятилѣтней сенатской практикой.

Предпринявъ изданіе разсматриваемаго сборника, составители его поставили себѣ, повидимому, чрезвычайно широкую и трудную задачу—дать нашимъ юристамъ-практикамъ не только оффиціальный текстъ нотаріальнаго положенія съ разъясненіями, преподанными Правительствующимъ Сенатомъ и циркулярами Министра Юстиціи, но цѣлый сводъ нотаріальнаго права, заключающій въ себѣ всѣ вообще узаконенія, такъ или иначе касающіяся дѣятельности нотаріальныхъ учрежденій. Поэтому настоящій сборникъ содержитъ въ себѣ, кромѣ подлиннаго текста положенія о нотаріальной части по изданію 1892 г., съ измѣненіями и дополненіями по продолженію 1895 г. и по позднѣйшимъ узаконеніямъ, также и тѣ законы, которые не подлежатъ включенію въ текстъ положенія, но которые по существу своему относятся къ его примѣненію по отдѣльнымъ вопросамъ.

Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что такое расширеніе задачи практическаго сборника, направленнаго ближайшимъ образомъ на удовлетвореніе настоятельной потребности въ возможно болѣе полномъ руководствѣ по нотаріальной части, представляется само по себѣ желательнымъ и полезнымъ. При многочисленности дѣйствующихъ у насъ законоположеній, разбросанныхъ иногда по различнымъ частямъ Свода законовъ, изданіе сборниковъ, имѣющихъ цѣлью объединеніе этого разнообразнаго матеріала въ одной книгѣ, въ строгой и послѣдовательной системѣ, можетъ принести иногда неоцѣнимую помощь юристу-практику въ трудномъ дѣлѣ толкованія нашего положительнаго права. Но, къ сожалѣнію, нельзя при этомъ

не констатировать, что насколько подобная задача представляется заманчивой и плодотворной, настолько же при ея практическомъ осуществленіи она оказывается трудной и даже вообще едва ли выполнимой. Прежде всего, при исполненіи подобной работы не можетъ конечно не возникнуть вопросъ о той системѣ, которая могла бы быть признана наиболѣе способствующей такому размѣщенію всего необходимаго матеріала, которое, не нарушая общей послѣдовательности изложенія, тѣмъ не менѣе давало бы полную картину состоянія данной области нашего законодательства. Но уже при разрѣшеніи этого вопроса встрѣчаются чуть ли не непреодолимыя затрудненія: такъ, если всѣ относящіяся къ разсматриваемому предмету законоположенія помѣщать, въ видѣ особыхъ приложеній, одно за другимъ, въ порядкѣ хотя бы отдѣльныхъ частей Свода законовъ, то въ результатѣ теряется всякая цѣльность впечатлѣнія и сборникъ можетъ превратиться въ простую перепечатку отрывковъ изъ Свода законовъ, едва ли могущую хоть сколько-нибудь облегчить положеніе читателя и во всякомъ случаѣ годную развѣ только для лица, лишеннаго почему-либо возможности навести нужную справку въ оффиціальномъ изданіи Свода. Въ виду этого большинство составителей подобныхъ изданій, а въ томъ числѣ и составители настоящаго сборника, принимаютъ обыкновенно другую систему, размѣщая весь необходимый, по ихъ мнѣнію, законодательный матеріалъ не въ видѣ приложеній къ главному тексту, а подъ отдѣльными статьями послѣдняго, содержащими въ себѣ ссылку на данное узаконеніе. Такимъ образомъ ими производится, такъ сказать, пополненіе ссылочныхъ законовъ, реализація ссылки, путемъ помѣщенія непосредственно подъ ней того узаконенія или постановленія, на которое она дѣлаетъ указаніе. Конечно, подобный способъ изложенія представляетъ огромныя преимущества въ сравненіи съ первымъ, такъ какъ при немъ весь содержащійся въ сборникѣ матеріалъ становится гораздо болѣе легко обозримымъ и поэтому дѣйствительно можетъ значительно облегчить оріентировку въ разсматриваемой области положительнаго права. Однако и эта система далеко не свободна отъ недостатковъ, изъ которыхъ главнымъ представляется, конечно, чрезвычайное обиліе въ нашемъ Сводѣ законовъ ссылочныхъ статей, влекущее за собой, помимо излишняго загроможденія сборника едва ли дѣйствительно необходимымъ матеріаломъ, положительную невозможность послѣдовательнаго проведенія этой системы и необходимость ограничиваться упоминаніемъ лишь о важнѣйшихъ изъ цитируемыхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ

законоположеній. Такая незаконченность въ изложеніи, неизбѣжная, по нашему мнѣнію, при подобной системѣ, встрѣчается и въ настоящемъ сборникѣ. Въ качествѣ примѣра укажемъ хотя бы на ст. 90 нот. пол., подъ которой составители сдѣлали ссылку, между прочимъ, на ст. 22 распубликованныхъ 3 ноября 1867 г. временныхъ правилъ для руководства мировыхъ судей, нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ при примѣненіи положенія о нотаріальной части. Въ этой статьѣ содержится въ свою очередь указаніе на цѣлый рядъ статей 1 ч. X т., а затѣмъ и на нѣкоторыя постановленія устава цензурнаго, замѣненныя по изданію 1893 г. примѣчаніемъ 2 къ ст. 2 этого устава, гласящимъ, что „постановленія о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ изложены въ примѣчаніи къ ст. 420 1 ч. X т.“. Такимъ образомъ, составителямъ настоящаго сборника, кромѣ текста ст. 90 нот. пол. и ст. 22 врем. пр., пришлось еще отдѣльно привести текстъ прим. 2 къ ст. 2 уст. ценз., а затѣмъ и весь текстъ обширнаго приложенія къ ст. 420 (прим.) 1 ч. X т. Въ данномъ случаѣ они на этомъ и остановились; конечно—и этого вполнѣ достаточно для уясненія точнаго смысла ст. 90 нот. пол. и ссылки, сдѣланной въ ст. 22 врем. пр., но все-таки подобная остановка въ изложеніи представляется нѣсколько произвольной; чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ—необходимо было бы подъ ст. 45 названнаго приложенія помѣстить текстъ ст. 1683—1685 улож. наказ., а подъ первой изъ этихъ статей еще и содержаніе ст. 33, а затѣмъ и ст. 30 того же уложенія; такимъ образомъ получилась бы ссылка, такъ сказать, „седьмаго порядка“, требующая для болѣе яркаго ея оттѣненія семи разныхъ шрифтовъ и занимающая при этомъ нѣсколько страницъ. Едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, что при всей своей послѣдовательности и внѣшней стройности, подобная система повлекла бы за собой развѣ только безграничное увеличеніе размѣровъ сборника, безъ сколько-нибудь существеннаго улучшенія его содержанія, а слѣдовательно и не могла бы возвысить его практическую цѣнность. Мы думаемъ даже, что напротивъ того—подобное загроможденіе практическаго руководства излишнимъ балластомъ затрудняетъ пользованіе имъ, въ особенности для лицъ, мало посвященныхъ въ детали дѣйствующаго законодательства, а потому и едва ли способныхъ разобраться въ этой сложной и запутанной массѣ всевозможныхъ узаконеній.

Помимо этого принципіальнаго недостатка принятой составителями разсматриваемаго сборника системы, нельзя не имѣть въ

виду также и того, что вслѣдствіе упомянутаго обилія въ нашихъ законахъ ссылочныхъ статей, реализація всѣхъ этихъ ссылокъ вообще едва ли представляется возможной и всегда должна влечь за собой цѣлый рядъ пропусковъ и пробѣловъ. Это явленіе съ особенной яркостью наблюдается въ настоящемъ сборникѣ г.г. Михневича и Товстолѣса.

Такъ, относящіяся къ нотаріальной дѣятельности общія узаконенія помѣщены составителями исключительно подъ соотвѣтствующими статьями временныхъ правилъ 1867 г., тогда какъ подъ статьями нотаріальнаго положенія, далеко нерѣдко содержащими въ себѣ ссылки на другіе законы, не приводится ни одного изъ нихъ. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что законы эти представляются отнюдь не менѣе важными, чѣмъ тѣ, которые приводятся составителями при изложеніи временныхъ правилъ, а потому и непомѣщеніе ихъ въ сборникѣ составляетъ пробѣлъ весьма чувствительный. Сюда относятся, напримѣръ, статьи устава гражданскаго судопроизводства о силѣ и значеніи нотаріальныхъ актовъ въ качествѣ судебныхъ доказательствъ (ст. 410, 457 — 463), на которыя сдѣлано указаніе въ ст. 78 нот. пол.; хотя, можетъ быть, заключающіяся въ этихъ статьяхъ постановленія и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ дѣятельности самихъ нотаріусовъ, но все-таки помѣщеніе ихъ въ сборникѣ, въ виду ссылки на нихъ нотаріальнаго положенія и ихъ чрезвычайной важности, безусловно представлялось бы очень полезнымъ и желательнымъ. Точно такъ же мы не могли найти въ сборникѣ цѣлаго ряда другихъ постановленій нашего законодательства, цитируемыхъ въ различныхъ статьяхъ нот. пол. и имѣющихъ между тѣмъ далеко немаловажное значеніе для нотаріальной практики, какъ, напр.: ст. 911—915, доп. къ ст. 374 по прод. 1890 г., 478 и 1431 зак. гражд. (ст. 26, 82, 154 п. 4 и 181 нот. пол.), прил. къ ст. 1400, ст. 1412 и 1415 уст. гражд. суд. (ст. 26 и ст. 65 п. 5 нот. пол.), ст. 249 учр. суд. уст. (ст. 57 нот. пол.), прим. къ ст. 506 и ст. 242 уст. суд. торг. (ст. 26 и 82 нот. пол.), ст. 66 пол. каз. подр., ст. 88, 89 и 91 разд. IV, ст. 44 разд. VI, ст. 132 разд. XI уст. кред. (ст. 154 п. 4 нот. пол.) и т. д. Конечно, мы не утверждаемъ, что помѣщеніе всѣхъ этихъ статей въ сборникѣ представляется дѣйствительно необходимымъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что пропускъ ихъ составляетъ нѣкоторый пробѣлъ и, во всякомъ случаѣ, довольно существенное отступленіе отъ избранной составителями системы изложенія.

Что касается затѣмъ прочаго, содержащагося въ сборникѣ матеріала, то онъ представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ, какъ по своему обилію, такъ и по сжатому и умѣлому изложенію; приведенныя въ сборникѣ многочисленныя разъясненія Правительствующаго Сената формулированы кратко и ясно, помѣщенныя же въ концѣ приложенія (въ особенности образцы актовъ) выбраны весьма удачно и могутъ оказать огромную услугу нашимъ нотаріальнымъ дѣятелямъ. Менѣе удовлетворительнымъ представляется приложенный къ сборнику алфавитный указатель, который по своей неполнотѣ и большому количеству пробѣловъ едва ли можетъ оказать сколько-нибудь существенную помощь при пользованіи сборникомъ; между тѣмъ, не говоря уже вообще о чрезвычайной важности подробныхъ алфавитныхъ указателей въ сборникахъ практическаго характера, въ данномъ случаѣ недостатокъ этотъ оказывается въ особенности чувствительнымъ, такъ какъ въ виду происходящей, вслѣдствіе принятой составителями системы, разбросанности матеріала, онъ лишаетъ читателя возможности легко и быстро навести желаемую справку и отыскать нужное узаконеніе или разъясненіе.

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторые мелкіе недосмотры, замѣченные нами при ознакомленіи со сборникомъ.

Подъ ст. 90 нот. пол. составителями не приведено рѣшеніе Угол. Касс. Деп. 1887 г. № 27, въ которомъ, между прочимъ, признано вполнѣ правильнымъ заключеніе судебной палаты объ обязанности нотаріусовъ при принятіи къ явкѣ актовъ входить въ разсмотрѣніе точнаго смысла и содержанія оныхъ на предметъ опредѣленія согласія ихъ содержанія съ закономъ, а не ограничиваться одною формальною, внѣшнею оцѣнкою актовъ, при которой цѣль, положенная въ основаніе упомянутой статьи нотаріальнаго положенія, вовсе не была бы достигнута.

Точно такъ же подъ ст. 167 не имѣется никакого указанія на рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 1888 г. № 15, въ которомъ преподано однако Правительствующимъ Сенатомъ чрезвычайно цѣнное разъясненіе, что при представленіи нотаріусу указанной въ ст. 1509 1 ч. X т. данной для совершенія по оной купчей крѣпости, на таковой отнюдь не требуется наличности подписи старшаго нотаріуса объ отмѣткѣ ея въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ. Разъясненіе это, какъ вызванное довольно многочисленными случаями отказа нотаріусовъ въ совершеніи купчихъ, представляется очень важнымъ въ практическомъ отношеніи, а потому и помѣщеніе его въ сборникѣ представлялось бы безусловно желательнымъ.

Наконецъ, нельзя также не поставить въ нѣкоторый упрекъ составителямъ, что, помѣщая въ сборникѣ (ст. 351—355) правила о колонистахъ Кавказскаго края (прил. къ ст. 680 прим. 2 т. IX), они обошли полнымъ молчаніемъ дѣйствующія у насъ узаконенія относительно всѣхъ прочихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, колонистовъ, помѣщающіяся въ особомъ прил. (XV) къ т. IX Св. зак. и едва ли имѣющія меньшее значеніе для нотаріата, чѣмъ приведенныя въ сборникѣ. Точно такъ же едва ли могутъ считаться достаточно полными и помѣщенныя на стр. 335—340 выдержки изъ законовъ объ евреяхъ.

Помимо указанныхъ недочетовъ, составленнный г.г. Михневичемъ и Товстолѣсомъ сборникъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ очень цѣннымъ и полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ практической стороной нотаріальнаго дѣла и можетъ оказать весьма существенную услугу нашимъ нотаріальнымъ дѣятелямъ.

Съ внѣшней стороны сборникъ изданъ вполнѣ удовлетворительно, хотя впрочемъ и не совсѣмъ свободенъ отъ опечатокъ.

И. М.—Б.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Бѣлинскій, Владиміръ.—Сдѣлки по продажѣ въ разсрочку и законодательная ихъ нормировка (по поводу проекта М—ства Финансовъ). Спб. 1902. (Стр. 24).

Вольтке Григорій.—Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Спб. 1901. (Стр. 25).

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1902. (Стр. 561) Ц. 3 р.

Евреиновъ, А. Записная книжка акцизнаго надзора на 1902 годъ. Москва. 1902.

Зыковъ, А. Война и собственность, какъ право и объектъ военнаго налога. Спб. 1902. (Стр. 48). Ц. 50 коп.

Казанскій, П. Проф.—Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 1901. (Стр. 32).

Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1901 годъ. Юрьевъ. 1902. (Стр. 16).

Отчетъ о дѣятельности Симферопольскаго Общества состоящихъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ исправительныхъ пріютовъ за 1899 и 1900 годы. Симферополь. 1901. (Стр. 1—26+1—112).

Отчетъ по Юридическому Обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1901 годъ. Спб. 1902. (Стр. 31).

Составъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ къ 26 января 1902 г. Спб. 1902. (Стр. 26).

Суворовъ, Н.—Учебникъ церковнаго права. Изд. второе, вновь переработанное. Москва. 1902. (Стр. VII+1—526). Ц. 3 руб.

Урожай 1901 года. II. Яровые хлѣба и картофель. Изд. Центр. Статист. Комитета М—ства В. Д. Спб. 1901. (Стр. 18+I—XXXVII+1—165 +01+0190).

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ НѢМЕЦКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Изданіе гражданскаго уложенія Германской Имперіи должно оказать рѣшающее вліяніе на судьбы цивилистической науки въ Германіи—это было несомнѣнно для всякаго, интересующагося нѣмецкой цивилистической литературой, и являлось необходимымъ выводомъ изъ той роли, которую играла въ этой наукѣ доктрина современнаго римскаго права. Но каково будетъ это вліяніе? Исполнятся ли надежды тѣхъ, кто ждетъ отъ грядущихъ работъ, вызванныхъ уложеніемъ, завершенія движенія, начатаго въ литературѣ торговаго права—эманципаціи нѣмецкой цивилистики отъ романистическихъ путъ? Дѣйствительно ли на развалинахъ подлежащей упраздненію „римской" теоріи, излагаемой въ пандектныхъ учебникахъ, выростетъ новое зданіе теоріи современнаго гражданскаго права?

Истекшія со времени опубликованія уложенія 5 лѣтъ почти не даютъ матеріала для отвѣта на эти вопросы. Они были посвящены ознакомленію съ новымъ уложеніемъ и приспособленію его къ практическому примѣненію. Небывалый ростъ литературной продуктивности пошелъ почти исключительно на пользу комментаторской литературѣ, среди которой лишь рѣдкими оазисами стоятъ работы болѣе глубокаго догматическаго характера.

Въ этихъ работахъ можно замѣтить кое-какія новыя тенденціи, но сдѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы о пути и направленіи будущей нѣмецкой цивилистической литературы—было бы преждевременно. Но въ одномъ отношеніи вліяніе новаго уложенія—и вліяніе крайне печальное—несомнѣнно. Это—ослабленіе интереса къ историческому изученію римскаго права. При существующемъ въ Германіи обычаѣ чтенія профессорами лекцій одновременно по нѣсколь-

кимъ специальностямъ, обратились къ изученію уложенія и открыли курсы по тому или другому его отдѣлу не только догматики ex professo, но и историки, германисты и романисты. Какъ это должно было отразиться на другихъ работахъ, можно судить изъ чрезвычайно характерныхъ признаній, дѣлаемыхъ Lenel'емъ въ предисловіи къ французскому изданію его Edictum perpetuum [1]). Онъ не былъ въ состояніи,—указываетъ Lenel,—поставить переработку на такую широкую почву, какъ онъ первоначально предполагалъ, такъ какъ силы его, какъ и большинства романистовъ Германіи, поглощены гражданскимъ уложеніемъ. Литературу послѣ 1897 г. (первый годъ послѣ опубликованія уложенія) онъ совершенно не могъ принять въ соображеніе. „Это признаніе",—пишетъ рецензентъ французскаго изданія Audibert въ „Nouvelle Revue historique" (Sept.-Oct. 1901, p. 643),—„не можетъ не вызвать печальныхъ размышленій у всѣхъ тѣхъ, кто интересуется судьбой науки римскаго права. Неужели для разработки обширной области новаго уложенія необходимо, чтобы всѣ романисты оставили не менѣе обширную область старыхъ учрежденій? Неужели неизбѣжно, чтобы всякая большая кодификація влекла за собой прекращеніе историческихъ изысканій? Неужели теперь, послѣ столѣтія блестящаго развитія, посреди новыхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ все болѣе и болѣе совершенствующейся критикой, нѣмецкая наука римскаго права пойдетъ внезапно къ упадку? Это былъ бы печальный результатъ опубликованія новаго уложенія, и, къ несчастью, не видно средствъ избѣжать его, если романисты, наиболѣе выдающіеся, достигшіе въ изслѣдованіи историческаго развитія римскихъ институтовъ неоспоримой авторитетности, бросаютъ систематически для комментированія новыхъ законовъ, работу, которая ихъ прославила".

Въ появившейся въ самомъ концѣ истекшаго года книгѣ за 1901 г. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für d. Rechtsgeschichte,—Romanistische Abteilung,—Bekker, Brunner, Mitteis и Mommsen перепечатываютъ эти слова Audibert'а, заявляя, что они вполнѣ присоединяются къ его взглядамъ и высказываемому имъ сожалѣнію.

Указанная книжка Савиньевскаго журнала—(теперь, когда почти всѣ нѣмецкіе цивилистическіе журналы, раздѣляя общую судьбу цивилистической литературы, почти сплошь заполнены статьями комментаторскаго характера, этотъ журналъ представляетъ для ино-

---

[1]) Essai de reconstitution de l'Edit perpétuel. T. 1. Paris 1901.

страннаго обозрѣвателя наибольшій интересъ)—можетъ служить до нѣкоторой степени подтвержденіемъ справедливости жалобъ Audibert'а. Главное содержаніе книжки доставили болѣе старые представители романистической науки, всецѣло посвятившіе себя разработкѣ исторіи римскаго права и сумѣвшіе остаться въ сторонѣ отъ общаго увлеченія,—P. Krüger («Ueber die Reihenfolge der legis in den Titeln der Digesten Justinians», «Zur Stellung von Gai, 2, 62—64». «In Cod. Just. 5 pr. 1, 5) и L. Mitteis («Ueber das Nexum», «Textkritische Miscellen», «The Amherst Papyri Nr. 68»), Pernice—Parerga (X)—прежде же всего маститый корифей исторической науки—Theodor Mommsen («Hofmann versus Bluhme», «Eine verlorene Breviarhandschrift», «Die Heimath des Gregorianus»). Нельзя безъ особаго благоговѣйнаго чувства читать эти работы человѣка, сохранившаго до 84-лѣтняго возраста не только полную ясность мысли и силу ума, но и свѣжесть чувства, даже полемическій задоръ и поразительную энергію въ работѣ, энергію, которой могли бы позавидовать и молодые. Остальныя статьи болѣе молодыхъ авторовъ—всѣ внѣгерманскаго происхожденія—S. Brassloff (Вѣна) «Aetas legitima», Erman (Лозанна) D. (18, 1) 1 pr.; A. Schneider (Цюрихъ) «Zur Berechnung der Fristen im römischen Recht». Отсюда, изъ внѣгерманскихъ нѣмецкихъ странъ—ждутъ нѣмцы поддержки „нѣмецкой романистикѣ, которой гражданское уложеніе нанесло несомнѣнный ущербъ“ [1]), выпуская такимъ образомъ изъ своихъ рукъ руководящую роль, которую неоспоримо играла въ романистикѣ Германія въ теченіе XIX ст.

Открывается книжка тепло и съ присущей Bekker'у своеобразностью написаннымъ некрологомъ Pernice'а, бывшаго однимъ изъ соредакторовъ журнала. Старшій коллега Перниса—Беккеръ—былъ уже приватъ-доцентомъ въ Halle, когда Пернисъ былъ еще ученикомъ младшихъ классовъ; связанный съ ними узами дружбы Беккеръ стоялъ къ нему ближе, чѣмъ кто-либо другой изъ ученыхъ юристовъ. Изъ его некролога, написаннаго на основаніи личныхъ воспоминаній, мы приведемъ нѣкоторыя данныя и сужденія, одинаково характерныя какъ для Перниса, такъ и для самого Беккера.

Уже съ первыхъ шаговъ въ университетѣ Пернисъ посвящаетъ себя одинаково изученію юриспруденціи и филологіи,—обстоятельство, которое имѣло колоссальное значеніе для его послѣдующей научной дѣятельности. Выдержавъ экзаменъ, сначала на доктора философіи и

[1]) См. рецензію проф. Kübler'а на книги грацскаго пр.-доц. L. Wenger'а lb. стр. 241.

чрезъ годъ—на доктора правъ, Пернисъ колеблется, по какой дорогѣ пойти. Выборъ падаетъ на юриспруденцію, и Пернисъ поступаетъ на службу въ судъ. Колебаніе повторяется, когда Пернисъ рѣшается выступить въ качествѣ приватъ-доцента въ Halle. Но на этотъ разъ выборъ колеблется уже не между филологіей и юриспруденціей, а между германскимъ и римскимъ правомъ. Отчасти подъ вліяніемъ Беккера Пернисъ избираетъ послѣднее, чтобы остаться ему вѣрнымъ до самой смерти. Отъ занятій римскимъ правомъ не отрываетъ его даже необходимость читать лекціи по уголовному праву, связанная съ полученіемъ въ 1870 г. экстраординатуры, а въ слѣдующемъ году—ординатуры въ Halle. Лишь приглашеніе въ 1872 г. на каѳедру римскаго права въ Greifswald избавляетъ Перниса отъ этой печальной для него необходимости. Здѣсь Пернисъ опять встрѣчается съ Беккеромъ. „Для нашей дружбы",—пишетъ Беккеръ—„наступаютъ лучшіе годы, онъ корректируетъ мои «Aktionen», я—первый томъ „Labeo". И здѣсь обнаруживается разница въ ихъ взглядахъ на задачи науки, которую Беккеръ выражаетъ въ антитезѣ: филигранная работа и грубое кузнечное искусство.

Все, что Пернисъ даетъ, основано на собственной трудной работѣ. Съ величайшей тщательностью изслѣдуетъ онъ источники, добытые результаты по нѣскольку разъ провѣряетъ и передумываетъ. Но— и это очень интересный фактъ—въ первой его романистической работѣ „De ratione quae inter praetorem et judicem intercedit"—1864 (его диссертація была изъ области германскаго права: de comitibus palatii)—совершенно не выступаютъ характерныя черты его послѣдующихъ произведеній.

Разработка деталей не является для Перниса сама себѣ цѣлью. „Для меня всегда было важнѣе",—замѣчаетъ онъ въ рѣчи при вступленіи въ Берлинскую академію,—„опредѣлить связь цѣлаго, чѣмъ изучить развитіе отдѣльнаго института". Этимъ, можетъ быть, и объясняется измѣненіе въ первоначальномъ планѣ его главнаго произведенія „Labeo". Задуманное въ качествѣ очерка жизни и дѣятельности Лабеона, оно превращается въ изложеніе всего частнаго права перваго вѣка Имперіи. „То, что создалъ Пернисъ",—пишетъ Беккеръ,—„не есть учебникъ или руководство, едва ли даже книга, предназначенная для чтенія: написанная ученымъ для ученыхъ, она не оставляетъ тому, кто ею пользуется, ни минуты отдыха. Если поставить ее рядомъ съ произведеніями Пухты и Іеринга, съ которыми ее можно сравнивать лишь до извѣстной степени, то тотчасъ обнаруживается недостатокъ у Перниса философскаго образованія перваго и поэтической силы

изображенія втораго. Какъ точный изслѣдователь, Пернисъ стоитъ выше обоихъ, превосходя Пухту въ самостоятельности и глубинѣ изученія источниковъ, Іеринга—въ критической осторожности. Но за то его способъ изложенія уступаетъ ихъ способу; въ немъ чувствуются („man schmeckt durch“—пишетъ Беккеръ) тѣ усилія, которыхъ стоила ему работа... Въ цѣломъ онъ даетъ живую картину процесса образованія и роста римскаго права, какой до сихъ поръ мы не обладали“. Образцовой работой считаетъ Беккеръ статью Перниса „Ulpian als Shriftsteller“ (1885). „Еще никогда ни для одного пандектнаго юриста не былъ изслѣдованъ такъ точно и обстоятельно методъ, какимъ онъ работалъ, и источники, изъ которыхъ онъ черпалъ свою мудрость. Въ то же время блестящее опроверженіе савиньевской басни, что римскихъ юристовъ надо разсматривать, какъ „fungibiles personae“. Окончательный приговоръ не благопріятенъ для Ульпіана и одинаково характеристиченъ какъ для Перниса, такъ и для Ульпіана. Гдѣ Ульпіанъ говоритъ отъ своего лица, тамъ онъ списываетъ; гдѣ онъ цитируетъ, онъ пользуется не первоисточниками; гдѣ онъ даетъ позитивныя, историческія указанія, не засвидѣтельствованныя другими источниками, ими надо пользоваться съ величайшей осторожностью; гдѣ онъ пытается произвести самостоятельную работу дальнѣйшаго правообразованія, тамъ по большей части ему не хватаетъ остроты и творческой силы. Въ частностяхъ обосновано, въ цѣломъ не совсѣмъ справедливо: Пернисъ упускаетъ изъ вида массу здраваго смысла, которымъ Ульпіанъ далеко превосходитъ своего соперника Павла, и точно такъ же пониманіе потребностей своего времени, которое обезпечило ему руководящее вліяніе въ теченіе слѣдующихъ трехъ вѣковъ“. Въ заключеніе Беккеръ даетъ живую характеристику Перниса какъ человѣка.

Двѣ первыя статьи журнала, принадлежащія Mommsen'у и Krüger'у, посвящены попыткѣ Franz'a Hofmann'a опровергнуть извѣстную теорію „рядовъ“ Bluhme и его гипотезу о возникновеніи Дигестъ [1]). Изданная уже послѣ смерти Hofmann'a проф. Pfaff'омъ, эта работа австрійскаго ученаго сразу обратила на себя гораздо больше вниманія, чѣмъ всѣ другія его работы. На ея долю выпало, можно сказать, рѣдкое для книги по такому сравнительно спеціальному вопросу вниманіе. Причина этого лежитъ не такъ въ самой книгѣ, какъ въ томъ почти всеобщемъ признаніи, которымъ пользовалась

---

[1]) Die Kompilation der Digesten Justinians. Kritische Studien von Prof. Dr. Fr. Hofmann. Wien. 1900.

со времени своего появленія, т. е. въ продолженіе восьми десятилѣтій [1]), теорія Bluhme. Сдѣланное послѣднимъ наблюденіе надъ надписями отдѣльныхъ фрагментовъ было настолько очевидно, выведенная изъ этого наблюденія теорія относительно составленія Дигестъ—настолько логически обоснована, что все ученіе Bluhme разсматривалось, какъ одинъ изъ самыхъ прочныхъ результатовъ критическаго изслѣдованія. Въ основу своихъ наблюденій Bluhme положилъ два титула—50.16, 50.17,—которые, состоя изъ мелкихъ фрагментовъ, очень многочисленныхъ, могли дать наиболѣе ясную картину способа работы компиляторовъ, особенно благодаря тому, что порядокъ въ нихъ не опредѣлялся содержаніемъ. Найденные здѣсь результаты оказались пригодными для объясненія порядка фрагментовъ и въ остальныхъ титулахъ. Согласно этимъ наблюденіямъ, сочиненія юристовъ, изъ которыхъ брались фрагменты, были раздѣлены на три массы—Bluhme называетъ ихъ по поставленнымъ во главѣ сочиненіямъ—Sabinusmasse (I), Edictmasse (II) и Papiniansmasse (III). Изъ этихъ трехъ массъ и составлены отдѣльные титулы, при чемъ въ каждой массѣ эксцерпируемыя произведенія слѣдуютъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Отдѣльныя массы размѣщены различно—обыкновенно во главѣ стоитъ самая обширная (50.16: II. I. III; 50.17: I. III. II; 45.1: I. II. III). Кромѣ этихъ трехъ массъ, остаются еще 13 сочиненій, составляющихъ четвертую группу, которую Bluhme назвалъ—Postpapinianische [2]). Таково общее правило, рядомъ съ которымъ мы встрѣчаемъ въ Дигестахъ и рядъ уклоненій. Но для подавляющаго большинства этихъ уклоненій Bluhme указываетъ достаточное основаніе, главнымъ образомъ, въ содержаніи титула.

Чтобы объяснить такой порядокъ фрагментовъ, Bluhme выставляетъ гипотезу, что дѣленіе на три массы стоитъ въ связи съ раздѣленіемъ работы въ самой коммисіи, которая, ради ускоренія работы, послѣ установленія подлежащихъ эксцерпированію сочиненій, раздѣлила ихъ на три части, поручивъ выборку фрагментовъ ихъ каждой массѣ особой подкоммисіи [3]). Лежали ли въ основаніи этого

---

[1]) Bluhme. Die Ordnung d. Fragmente in den Pandektentiteln. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Pandekten. Zeitschrift f. geschichtl. Rechtswissenschaft, Bd. IV. 1820 г.

[2]) Она обыкновенно слѣдуетъ послѣ Папиніановой. Krüger въ изданіи Дигестъ называетъ ее Appendix.

[3]) Въ подтвержденіе этого Krüger (Gesch. d. Quellen S. 336 A—69) ссылается на отношеніе числа книгъ въ каждой изъ массъ (по новому разсчету Krüger'a, сдѣланному въ реферируемой статьѣ I—576 1/2 II—579 1/2 III—292 (половина двухъ

дѣленія обычное при преподаваніи дѣленіе матеріала или однородность произведеній, не можетъ быть установлено съ достовѣрностью, такъ какъ, какъ признаетъ и самъ Bluhme, это не исключало разныхъ случайностей.

Въ каждой изъ подкоммисій выдержки изъ прочитываемыхъ сочиненій размѣщались по опредѣленнымъ рубрикамъ, и затѣмъ уже эти расположенныя по одинаковой схемѣ выдержки изъ трехъ массъ соединялись вмѣстѣ, при чемъ повторенія устранялись, противорѣчія сглаживались и предпринимались обусловленныя содержаніемъ измѣненія. Опредѣленный порядокъ фрагментовъ внутри отдѣльныхъ массъ объясняется не преднамѣренностью, а тѣмъ, что редакторы неохотно видоизмѣняли порядокъ, въ которомъ ихъ предварительныя выдержки, накоплявшіяся постепенно по мѣрѣ чтенія, слѣдовали одна за другой;—это былъ для нихъ самый удобный путь. Такова была въ общемъ теорія Bluhme, которая пользовалась тѣмъ бо̀льшимъ авторитетомъ, что она находила подтвержденіе въ указаніяхъ самаго Юстиніана (особ. Constitutio Tanta §§ 1, 10, 17). „Порядокъ работъ",—пишетъ Krüger въ моммзеновскомъ изданіи Дигестъ,— „Blühme такъ объяснилъ, „ut aliis adiciendum mutandumque nihil fere relinquerit".

Съ самой рѣшительной критикой Блюмовскихъ построеній и, прежде всего, теоріи трехъ массъ выступаетъ Hofmann. Въ работѣ Bluhme,—пишетъ онъ (стр. 73),—надо различать двѣ стороны: его наблюденія относительно надписей и сдѣланные имъ отсюда выводы относительно составленія Дигестъ. Первыя содержатъ много правильнаго и цѣннаго; вторыя совершенно ложны, что̀ и можно доказать съ полной очевидностью. Свое доказательство Hofmann начинаетъ разборомъ указаній Юстиніана. Для него они—сплетеніе лжи и преувеличеній. Мы имѣемъ здѣсь „dreiste und alberne Unwahrheiten" (стр. 23). Данныя о количествѣ переработанныхъ компиляторами книгъ—явная неправда. Невозможно, чтобы въ такой короткій срокъ—3 года—компиляторы могли одолѣть такой матеріалъ—2000 книгъ съ 3 милліонами строчекъ, особенно, если принять во вниманіе внѣшнія условія ихъ работы, которыя Hofmann изображаетъ близкими къ условіямъ парижской коммуны (стр. 102 сл.), безсовѣстность Трибоніана, о которой сообщаетъ Прокопъ, и т. п. Мы должны искать другаго пути, коимъ шли работы по составленію

первыхъ). 4-ая масса—122 кн. возникла, по Krüger'у, вслѣдствіе того, что эти сочиненія не были приняты во вниманіе при установленіи плана.

Дигестъ. Что это не былъ путь, начертанный Bluhme, видно какъ изъ массы мѣстъ, уклоняющихся отъ порядка, указываемаго Bluhme (эти мѣста отмѣчены въ критическомъ изданіи Моммзена), такъ и изъ того обстоятельства, что дѣленіе сочиненій по Bluhme представляется крайне произвольнымъ и несоотвѣтствующимъ содержанію: разнородное здѣсь соединено, родственное—разъединено, даже отдѣльныя сочиненія разбиты по разнымъ массамъ. „Подобное раздѣленіе сочиненій не только не облегчило бы работы, но прямо осудило бы ее на неудачу“ (стр. 12). Кромѣ того, несомнѣннымъ должно быть признано превращеніе компиляторами найденныхъ ими цитатъ въ самостоятельные фрагменты не только тамъ, гдѣ цитируемое сочиненіе было у нихъ подъ рукой (на это указалъ уже Bluhme), но и тамъ, гдѣ этого не было, и неизбѣжно связанная съ этимъ ненадежность надписей. Употребленіе въ надписяхъ непрямыхъ цитатъ дѣлаетъ послѣднія непригодными для вопросовъ о происхожденіи Дигестъ.

Въ дѣйствительности, область, разработанная компиляторами, была гораздо уже, чѣмъ это можно заключить изъ Юстиніанова указателя переработанной литературы—Index Florentinus,—и чѣмъ это хотѣли показать сами компиляторы, чтобы придать особый блескъ своей работѣ. „Матеріалъ для Дигестъ взятъ, во-1-хъ, изъ глоссированнаго и дополненнаго изданія Ульпіана; во-2-хъ, изъ небольшаго числа другихъ серьезно использованныхъ и эксцерпированныхъ сочиненій (responsa, quaestiones, disputationes etc.); въ-3-хъ, изъ различныхъ частныхъ и оффиціальныхъ сборниковъ и, можетъ быть, также неопубликованныхъ сборниковъ (Collectaneen) самихъ компиляторовъ, лекцій профессоровъ и т. п. Можетъ быть, найденный ими отрывокъ изъ оффиціальной подготовительной работы Ѳеодосія облегчилъ имъ работу“ (стр. 125). Къ самостоятельно использованнымъ сочиненіямъ относитъ Hofmann, кромѣ положенныхъ въ основу комментаріевъ Ульпіана ad Sabinum и ad edictum и одноименныхъ работъ Павла, Помпонія и Гая, еще Disputationes Ульпіана, Дигесты Юліана, Марцелла и Цельзія, Sententiae Павла и нѣкоторыя другія сочиненія. Остальные же фрагменты заимствованы изъ глоссъ къ Ульпіану и другихъ сборниковъ, и выборъ ихъ болѣе или менѣе случаенъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное работой Hofmann'а, было несомнѣнно самое для нея благопріятное [1]). Казалось, подъ ударами

---

[1]) A. Ehrenzweig въ Grünhut's Zeitschr. f. pr. u. öff. R. XXIII H. 2 (1901),

Hofmann'а должна будетъ пасть теорія, которая чуть ли не столѣтіе считалась твердымъ завоеваніемъ науки. Въ реферируемой книжкѣ Zeitschrift'а съ оцѣнкой критики Hofmann'а выступаютъ наиболѣе призванные къ тому судьи, которымъ Corpus juris болѣе всего обязанъ въ этомъ столѣтіи возстановленіемъ своего текста, и оцѣнка ихъ совершенно отрицательная. Рѣзко и съ большой живостью выступаетъ противъ Hofmann'а Mommsen. Среди „декламаціи" Hofmann'а противъ „господствующаго ученія" и „софизмовъ" Bluhme, которые напоминаютъ Mommsen'у языкъ политической оппозиціонной печати противъ господствующей партіи и правительства, и среди „гнѣвныхъ выходокъ" Hofmann'а противъ Юстиніана, которыя затрудняютъ пониманіе хода доказательствъ Hofmann'а, Mommsen'у удается „вычитать" лишь слѣдующія три положенія, къ которымъ сводятся доказательства Hofmann'а: 1) неправдоподобность указаній относительно составленія пандектъ, сдѣланныхъ въ вводныхъ къ пандектамъ публикаціяхъ, особенно же въ Constitutio Tanta и Index Florentinus; 2) обширная рецепція непрямыхъ цитатъ въ надписяхъ отдѣльныхъ фрагментовъ и обусловленная этимъ непригодность ихъ для рѣшенія вопроса о составленіи Дигестъ; 3) пользованіе въ широкихъ размѣрахъ сборниками, составленными изъ писаній различныхъ юристовъ, и обусловленная этимъ дальнѣйшая непригодность отдѣльныхъ надписей въ вопросѣ о составленіи Дигестъ.

Будь эти три посылки вѣрны,—говоритъ Mommsen,—господствующее ученіе было бы устранено. Но онѣ всѣ ложны. Если въ императорскихъ конституціяхъ оставить въ сторонѣ украшенія „византійскаго" или придворнаго стиля, а имѣть въ виду лишь положительныя ихъ указанія, то они всѣ должны быть признаны вѣрными. Вѣрно прежде всего указаніе Юстиніана, что масса литературы въ 2000 книгъ съ 3 милліонами строчекъ была переработана въ 50 книгъ съ 150 т. строчекъ, конечно, приблизительно,—указаніе, которое Hofmann называетъ невозможнымъ и лживымъ. Строчка Юстиніана—обыкновенная строчка древности—гексаметръ—34—35 буквъ. Обычная и въ императорскій періодъ величина книги—это свертокъ папируса, содержащій въ среднемъ 2000 такихъ строкъ. По Index'у число использованныхъ книгъ—1539. 3 милліона строкъ у Юстиніана и получи-

---

стр. 316: „Dieses Ziel (доказать, что гипотеза Bluhme совершенно не вѣрна) ist in glänzender Weise erreicht worden". Oertmann въ Arch. f. bürg. R. XX H. 1. (окт. 1901), стр. 54: „Mit vielem Scharfsinn wird Bluhme's Theorie von den drei Massen, wie mir scheint, siegreich bekämpft".

лось путемъ принятія въ разсчетъ этой средней величины книги 1500×2000). Достовѣрность Index'а подтверждается почти полнымъ соотвѣтствіемъ его указаній съ надписями отдѣльныхъ фрагментовъ. Рѣдкія уклоненія только подтверждаютъ, что онъ составленъ не заднимъ числомъ на основаніи этихъ надписей. Утвержденіе Hofmann'а, что коммисія не могла выполнить такую колоссальную работу въ короткій срокъ, указанный въ предисловіи—въ 3 года, чисто субъективно, и на него можно отвѣтить лишь такимъ же субъективнымъ образомъ. По мнѣнію Моммзена, указанная работа не превышаетъ силъ трехъ дѣльныхъ работниковъ, а между тѣмъ въ коммисіи было 17 членовъ,—нѣкоторые, правда, лишь номинально. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что значительная часть книгъ была просмотрѣна лишь поверхностно, что къ услугамъ членовъ коммисіи былъ, конечно, значительный комплектъ писцовъ и что главные работники коммисіи прекрасно знали литературу, изъ которой приходилось дѣлать эксцерпты. Наконецъ, многое и было сдѣлано крайне поверхностно; рѣшенія старыхъ контроверзъ ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи не являются образцовыми.

Что касается втораго положенія Hofmann'а—ненадежности надписей, то факты отнюдь не подтверждаютъ этого. Напротивъ, поскольку сохранились оригинальныя произведенія Гая, Ульпіана, Павла и отрывки изъ ватиканскихъ фрагментовъ, мы вездѣ находимъ сокращенія и измѣненія текста, но надписи повсюду подтверждаются. Довольно частая замѣна цитатъ эксцерпируемыхъ сочиненій самостоятельными фрагментами послѣ предварительной провѣрки ихъ по оригиналамъ лишь свидѣтельствуетъ о точности редакторовъ. Гдѣ они не могли провѣрить цитаты, они оставляли ее, какъ есть, не дѣлая изъ нея самостоятельнаго фрагмента. Это доказываетъ соотвѣтствіе надписей съ указателемъ. Напр., произведеніе Сцеволы de jure civili часто цитируется въ выдержкахъ изъ Ульпіана даже съ указаніемъ книги, но не встрѣчается ни въ надписяхъ, ни въ указателѣ, такъ какъ не было подъ руками у редакторовъ. До сихъ поръ въ надписяхъ фрагментовъ не была доказана ни одна списанная цитата, и по всей вѣроятности таковыхъ и нѣтъ.

Не болѣе основательно и утвержденіе Hofmann'а о ненадежности надписей вслѣдствіе того, что въ основу Дигестъ положены большіе сборники юридическихъ сочиненій и что поэтому обычный въ этихъ сборникахъ порядокъ надписей перешелъ и въ Дигесты. Разглагольствованія Hofmann'а о „законѣ историческаго континуитета"—и о

вытекающемъ изъ него постоянномъ ростѣ компилированія на счетъ продуцированія—общія мѣста, которыя настолько же тривіальны, насколько для даннаго случая недоказательны. Дигесты, конечно, компиляція, но отнюдь не компиляція изъ компиляцій. Между многочисленными сборниками позднѣйшаго періода нѣтъ ни одного, который по разнообразію источниковъ и своеобразному сплетенію эксцерптовъ можно было хоть приблизительно сравнивать съ Дигестами. Прямое свидѣтельство того, что компиляторская литература продолжалась до византійской эпохи и что „изготовители“ Дигестъ пользовались ею, Hofmann находитъ въ примѣчаніи Thalelaeus'а къ с. 6 C.2.3. (Basilica 11.1.67). Здѣсь сообщается, что одинъ ученый юристъ, нѣкій Cyrillus, жившій на Востокѣ около V столѣтія, сочинилъ ὑπόμνημα τῶν δεφινίτων (commentarius definionum) и здѣсь въ τίτλος δὲ πάκτις собралъ всѣ противорѣчащіе законамъ договоры. Теперь, прибавляетъ Thalelaeus, они разсѣяны по всѣмъ Дигестамъ, и ихъ надо тамъ собирать. Но о томъ, что Cyrillus „къ титулу эдикта de pactis собралъ всѣ доступныя ему мѣста изъ классиковъ, въ которыхъ шла рѣчь о pacta legibus contraria“ какъ утверждаетъ Hofmann, объ этомъ въ указанномъ мѣстѣ Базиликъ не стоитъ ни слова, и эти кирилловы ante-дигесты относятся лишь къ области сновидѣній Hofmann'а. Въ качествѣ внутренняго основанія за пользованіе сборниками приводитъ Hofmann „безчисленное множество маленькихъ фрагментовъ, которые чрезвычайно затруднили бы работу компиляторовъ и которые стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ полной редакціонной свободой, которой пользовалась коммисія“. Что эти несамостоятельные фрагменты, часто меньше строчки, принадлежатъ къ особенностямъ не самихъ Дигестъ, а содержащихся въ нихъ эксцерптовъ изъ комментаріевъ къ эдикту, на это указалъ уже Bluhme. Несомнѣнно, что, если бы компиляторы нашли ихъ въ готовомъ видѣ, это очень облегчило бы ихъ работу. Но ни откуда не слѣдуетъ, что они дѣйствительно нашли ихъ, а не составили самостоятельно. Происхожденіе этихъ несамостоятельныхъ фрагментовъ объясняется просто тѣмъ, что использованные, главнымъ образомъ, комментаріи къ эдикту при ихъ до извѣстной степени компиляторскомъ характерѣ часто совпадали другъ съ другомъ, такъ что, если Ульпіанъ былъ положенъ въ основу, то, что̀ заключалось сверхъ того у Павла или другаго комментатора, легко было передать въ этой формѣ, и дѣйствительно передавалось, чтобы избѣжать повтореній.

Такимъ образомъ, всѣ возраженія Hofmann'а противъ „господствую-

щаго ученія“ оказались несостоятельными. „То, что нашелъ Bluhme“,—заканчиваетъ Mommsen,—„является твердымъ достояніемъ нашей науки и таковымъ и останется“.

Такъ же отрицательно къ гипотезѣ Hofmann'а о пользованіи сборниками относится и Krüger. „Если разобраться“,—говоритъ онъ,—„въ использованныхъ яко-бы старыхъ сборникахъ (Collecteaneen и лекціи профессоровъ являются чистой выдумкой Hofmann'а), то прежде всего обращается въ ничто предварительная работа Θеодосія“. Hofmann имѣетъ въ виду задуманное Θеодосіемъ сліяніе tractatus и responsa prudentium съ дѣйствующими конституціями. Но мы знаемъ, что коммисія, которой была поручена работа, застряла уже при собираніи конституцій. Вѣроятно ли, чтобы она выполнила дальнѣйшую работу. Такимъ образомъ, Hofmann можетъ опереться лишь на Vaticana Fragmenta, умозаключая отъ нихъ, что возможны были и другіе подобные сборники. Но какъ-разъ въ Vaticana Fragmenta использованы произведенія, которыя, и по мнѣнію Hofmann'а, были обработаны редакторами самостоятельно; напротивъ, отсутствуетъ вся масса тѣхъ сочиненій, которыя компиляторы извлекли будто бы изъ сборниковъ. Въ высшей степени невѣроятно, чтобы другіе сборники вышли за предѣлы тѣхъ произведеній, которыя употреблялись въ практикѣ и при преподаваніи. При болѣе зрѣломъ размышленіи Hofmann, напротивъ, долженъ былъ бы прійти къ заключенію, что существующіе сборники не имѣли для компиляторовъ никакой цѣны.

Ссылка Hofmann'а на замѣчаніе Thalelaeus тоже значенія не имѣетъ. Thalelaeus вовсе не сообщаетъ, что Cyrillus сдѣлалъ выдержки изъ сочиненій юристовъ о pacta legibus contraria или что компиляторы воспользовались его работой. Тотъ, кто возьметъ на себя трудъ пересмотрѣть въ Дигестахъ мѣста, упоминающія о такихъ договорахъ, убѣдится, что они извлечены изъ самыхъ произведеній юристовъ. Это и долженъ былъ продѣлать Hofmann. Въ одномъ только можно согласиться съ Hofmann'омъ, именно, что задача редакторовъ, особенно сравненіе комментаріевъ Ульпіана съ соотвѣтствующими сочиненіями Павла, Помпонія и Гая, была въ значительной степени облегчена новѣйшей литературой и собственной педагогической дѣятельностью привлеченныхъ въ коммисію профессоровъ.

Въ частности Hofmann представляетъ себѣ дѣло такъ, что сначала была изготовлена общая схема примѣнительно къ кодексу, Дигестамъ Юліана и комментарію къ эдикту Ульпіана, затѣмъ уже работа производилась по частямъ. Раздѣленіе труда было произведено, вѣроятно, по отдѣламъ, при чемъ были распредѣлены и отдѣльныя

произведенія, такъ что одни эксцерпировали комментаріи, другіе—практическія сочиненія (responsa, quaestiones, disputationes), третьи—сборники.

Но какъ могли при такой системѣ возникнуть „ряды“, найденные Bluhme, тотъ порядокъ, что сначала идутъ, напр., выдержки изъ libri ad Sabinum, къ нимъ примыкаетъ рядъ выдержекъ изъ разныхъ сочиненій, затѣмъ выдержки изъ libri ad edictum, за которыми опять слѣдуетъ рядъ эксцерптовъ изъ другихъ произведеній, наконецъ фрагменты изъ Папиніана съ рядомъ дальнѣйшихъ произведеній? Какъ могло получиться, что выдержки, примыкающія къ главнымъ группамъ, слѣдуютъ всегда въ опредѣленномъ порядкѣ и находятся всегда въ той же группѣ? Задачею Hofmann'а было доказать, что наблюденіе Bluhme не вѣрно. Это потребовало бы, конечно, самостоятельной работы. Другіе продѣлали ее и пришли къ результату, что Bluhme правъ, Hofmann же ограничивается тѣмъ, что бросаетъ имъ въ лицо упрекъ въ некритичности.

Bluhme, можетъ быть, предупредилъ бы подобную критику, если бы заставилъ читателя хотя отчасти пройти тотъ путь, которымъ шелъ онъ самъ. Krüger и ставитъ своей задачей восполнить этотъ пробѣлъ. Для этого онъ подвергаетъ подробному анализу, кромѣ Tit. 50.16 и 50.17, изъ которыхъ исходилъ Bluhme, еще кн. 30—32, (de legatis); tit. 45.1; 46.3 (de solutionibus); 47.2 (de furtis), давая обширныя таблицы порядка фрагментовъ. Во всѣхъ этихъ титулахъ выступаютъ три главныхъ группы Bluhme. Въ кн. 30—32, которыя составляютъ, какъ извѣстно, одинъ титулъ, Сабинова и Паниніанова группы выступаютъ дважды.

Что для раздѣленія на libri ad Sabinum и ad edictum при обработкѣ было матеріальное основаніе, въ этомъ, конечно, сомнѣній быть не можетъ—оно соотвѣтствуетъ господствовавшему въ преподаваніи противоположенію libri singulares и libri ad edictum. Точно такъ же и выдѣленіе quaestiones и responsa Папиніана и Павла въ третью группу имѣло основаніе въ своеобразномъ характерѣ этихъ произведеній. Можетъ быть, вліяніе оказало и то, что и они были самостоятельнымъ предметомъ преподаванія. Изъ остальныхъ сочиненій только очень немногія отнесены къ той или иной группѣ по матеріальнымъ соображеніямъ. Для громаднаго большинства рѣшающую роль сыграли соображенія о равномѣрномъ распредѣленіи по массамъ (см. выше).

Дѣленіе на три группы выступаетъ особенно ясно въ томъ, что, оставляя въ сторонѣ немногія исключенія, отдѣльныя сочиненія

попадаютъ всегда въ ту же группу, которая такимъ образомъ является замкнутымъ цѣлымъ. Противъ этого Hofmann выставляетъ возраженіе, что исключенія здѣсь такъ многочисленны, что о правилѣ не можетъ быть рѣчи. Особенно же оспариваетъ Hofmann существованіе опредѣленнаго порядка въ предѣлахъ группы.

Krüger производитъ подсчетъ и для изслѣдованныхъ громадныхъ титуловъ (въ общемъ 1119 фрагментовъ) находитъ лишь 25 фрагментовъ, которые помѣщены не въ обычную группу безъ матеріальныхъ къ тому основаній. Анализъ всѣхъ этихъ титуловъ и еще дальнѣйшихъ 8 приводитъ Krüger'а къ убѣжденію, что и твердый порядокъ фрагментовъ несомнѣненъ. „Кто не исходитъ подобно Hofmann'у изъ предположенія, что послѣдователи Bluhme проявили невѣроятную некритичность, повѣритъ",—говоритъ Krüger,—„увѣренію, основанному на самостоятельной работѣ, что анализъ и остальныхъ титуловъ даетъ такой же результатъ. Кто сомнѣвается, пусть предприметъ провѣрку. Критика, которая, подобно гофманнской, исходитъ изъ предвзятаго мнѣнія, осуждаетъ самое себя".

Изъ другихъ статей въ реферируемой книжкѣ особенное вниманіе, какъ по личности автора, такъ и по предмету, обращаетъ на себя статья L. Mitteis'а о nexum [1]).

Современное ученіе о nexum покоится на знаменитой работѣ Huschke—Das Recht des Nexum u. das altrömische Schuldrecht (1845). Основныя мысли, развитыя въ этомъ изслѣдованіи, пріобрѣли съ момента своего появленія почти неоспариваемое [2]) господство въ наукѣ и въ настоящее время преподаются во всѣхъ учебникахъ и монографіяхъ въ качествѣ незыблемой истины. Согласно этому ученію, nexum по природѣ своей является обязательственной сдѣлкой, и вещная манципація съ ея подвидами (манципаціонное завѣщаніе, fiducia) только вслѣдствіе вытекающихъ изъ нихъ обязательственныхъ отношеній (actio auctoritatis, legatum per damnationem) получила это названіе. Основной и наиболѣе характерной чертой nexum является то, что оно порождаетъ публицистическое обязательство, т. е. такое

---

[1]) Въ дальнѣйшей связи и болѣе всесторонне обѣщаетъ авторъ изслѣдовать это ученіе въ имѣющей появиться въ недалекомъ будущемъ „Исторіи римскаго гражданскаго права" (въ Handbuch Binding'а; замѣтимъ, что Исторію римскаго права для Handbuch'а долженъ былъ написать Іерингъ, но смерть прервала его работу). Предшествовавшія работы Mitteis'а заставляютъ съ напряженнымъ интересомъ ждать появленія его „Исторіи".

[2]) Уклоняющіеся взгляды мы встрѣчаемъ лишь у Walter'а—Geschichte d. r. R. II 247 fg. Brinz'a-Zeitschr f. Priv. u. öff. R. I, 21 fg.; Voigt XII t. I 627 fg.

обязательство, которое, возникая quasi publice предъ 5 свидѣтелями и libripens, даетъ подобно приговору непосредственное право на принудительное исполненіе (manus injectio). При nexum—займѣ и при легатѣ per damnationem этотъ публицистическій характеръ обязательства выступаетъ еще въ томъ, что, какъ при первомъ, такъ и при второмъ, обязательство возлагается на должника путемъ характерныхъ для lex publica словъ: dare damnas esto. Отсюда объясняется, по Huschke, то обстоятельство, что еще въ классическомъ правѣ при legatum per damnationem и при actio auctoritatis и de modo agri имѣло мѣсто явленіе такъ называемое литискресценціи (lis infitiando crescit in duplum), и по крайней мѣрѣ при легатѣ per damnationem condictio indebiti была исключена. Всѣ эти явленія лишь слѣдствіе того, что при manus injectio, вытекавшей нѣкогда изъ nexum, отрицаніе долга было возможно только при наличности vindex'а и periculum dupli и condictio indebiti не была допустима, какъ при всякой уплатѣ на основаніи приговора.

Стройность этого ученія, возможность путемъ его свести къ одной исходной точкѣ разнообразныя и поражающія явленія дѣйствовали необыкновенно подкупающе. Здѣсь лежитъ, по мнѣнію Mitteis'а, причина, почему не только была охотно принята внутренняя неясность, заключающаяся въ самомъ понятіи публицистической сдѣлки—на взглядъ Mitteis'а пустое и непродуманное понятіе,—но и ни разу не была сдѣлана попытка провѣрить по источникамъ основы этого ученія. Эту задачу и ставитъ себѣ Mitteis, и подробный анализъ источниковъ и разборъ спорныхъ пунктовъ ученія Huschke приводятъ его къ убѣжденію въ полной несостоятельности господствующаго ученія и въ необходимости вернуться къ забытому нынѣ ученію Niebuhr'а, Puchta, Bachofen'а [1]) и Scheuerl'а [2]), что nexum содержитъ въ себѣ лишь самозакладъ должника за полученный имъ заемъ. За это ученіе говорятъ всѣ данныя сравнительнаго правовѣдѣнія, которое знаетъ самозакладъ должника въ самомъ широкомъ объемѣ, тогда какъ отвѣтственность лица за частные долги, дающая право на принудительное исполненіе,—явленіе чрезвычайно рѣдкое.

Какъ извѣстно, слово nexum выступаетъ у римлянъ въ двоякомъ значеніи: одни (Manilius и Gallus Aelius) обнимаютъ имъ всѣ сдѣлки, quae per acs et libram geruntur, другіе (Qu. Scaevola) огра-

---

[1]) Vom Nexum (1889).
[2]) Das Nexum (1849).

ничиваютъ его займомъ, заключеннымъ при помощи мѣди и вѣсовъ. По мнѣнію Mitteis'a, первое опредѣленіе соотвѣтствуетъ первоначальному словоупотребленію, которое подводило подъ понятіе nexum и манципацію. Впрочемъ, этимъ словомъ обнимался вещный договоръ не какъ таковой, а лишь постольку, поскольку онъ несъ съ собой отношеніе связанности или отвѣтственности (въ манципаціи—actio auctoritatis). При наличности этого условія одинаково какъ обязательственный, такъ и вещный и quasi-вещный договоръ древняго періода могъ носить имя nexum.

Во всякомъ случаѣ подъ nexum подходятъ, по свидѣтельству Festus и Varro, лишь такія сдѣлки, quae per aes et libram geruntur. На этомъ и строитъ Huschke свое ученіе о „публицистической" природѣ nexum. Но въ дѣйствительности этотъ фактъ отнюдь не имѣетъ какого-либо особаго значенія. Объясняется онъ чрезвычайно просто: присутствіе свидѣтелей—тѣмъ, что древнее право вообще не знаетъ неформальныхъ сдѣлокъ, а всегда привлекаетъ торжественныхъ свидѣтелей; что же касается мѣди и вѣсовъ, то какъ то, такъ и другое, имѣютъ свою опредѣленную и чрезвычайно простую цѣль. Двѣ наиболѣе древнихъ сдѣлки—заемъ и купля-продажа—постоянно требовали наличной уплаты; при отсутствіи же чеканной монеты вѣсы необходимы. „Я не знаю",—говоритъ Mitteis,—„какъ можно было совершить въ тѣ времена сдѣлку на наличныя иначе, если хотѣли обезпечить возможность доказать совершеніе ея. Nexum—съ одной стороны, aes и libra—съ другой совпадаютъ вслѣдствіе чисто внѣшнихъ основаній; все дальнѣйшее, построенное на этомъ, лишь игра словами".

Отчасти, впрочемъ, ошибка эта объясняется тѣмъ, что рядомъ съ nexum ставили стипуляцію, которая также порождала обязательственное дѣйствіе и въ то же время была такъ отлична отъ nexum: поэтому въ послѣдней старались открыть что-то особенное. Но дѣло въ томъ, что стипуляція первоначально вовсе не принадлежитъ къ оборотнымъ сдѣлкамъ;—какъ могъ образоваться здѣсь абстрактный договоръ? Стипуляція образовалась изъ процессуальныхъ cautiones; это было первоначально процессуальное обѣщаніе, какое мы встрѣчаемъ и въ германскомъ правѣ (Gelöbniss) [1]. Если

[1]) Обоснованіе этого новаго взгляда Mitteis отлагаетъ до появленія своей „Исторіи". Тамъ онъ обѣщаетъ показать также, что между римскимъ и германскимъ обязательственнымъ правомъ существуетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ это принято думать.

XII таблицъ говорили cum nexum facit mancipiumque... (если будутъ совершены юридически дѣйствительные заемъ или купля-продажа...), то этимъ исчерпывались очевидно всѣ договоры повседневной жизни.

Что касается экзекутивной силы nexum-займа, то противъ нея, помимо опыта сравнительной исторической юриспруденцiи, говоритъ прежде всего наиболѣе важный источникъ, которымъ мы владѣемъ:—Gaius 4.21 sq. совершенно исключаетъ manus injectio, какъ экзекутивный искъ изъ nexum. Не говоря уже о томъ, что Гай не называетъ nexum въ качествѣ титула manus injectio, изъ сообщаемой имъ терминологiи древней юриспруденцiи видно, что manus injectio съ самаго начала была лишь исполненiемъ на основанiи судебнаго приговора. Гай говоритъ о manus injectio judicati и pro judicato. Это показываетъ, что manus injectio изъ судебнаго приговора была прообразомъ, по аналогiи съ которымъ были созданы остальные случаи. Для Huschke же и его послѣдователей manus injectio изъ nexum должна принадлежать къ древнѣйшему перiоду.

Затѣмъ, какимъ образомъ случилось, что Varro опредѣляетъ nexus'а не какъ человѣка, на котораго обратилось принудительное исполненiе, а какъ человѣка, заложившаго себя за долги въ кабалу? Уже однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно, чтобы погрести всю гипотезу Huschke. Но и мѣста изъ историковъ, на которыя ссылается, главнымъ образомъ, Huschke, являются совершенно недоказательными и прекрасно мирятся съ тѣмъ положенiемъ, что nexum былъ лишь самозакладъ. Главная же опора Huschke — Dionysius 6.83.4.—говоритъ даже противъ него.

Постоянное смѣшенiе manus injectio изъ приговора и изъ nexum приводитъ Huschke къ тому, что онъ распространяетъ экзекутивную отвѣтственность изъ nexum и на дѣтей. Между тѣмъ въ рядѣ мѣстъ, напр. Liv. 8.28.2; Val. Max. 6.19 рѣчь идетъ о сыновьяхъ, которые за долги ихъ умершихъ отцовъ принуждены „nexos se dare". Какъ это было бы возможно, если бы долгъ, какъ предполагаетъ Huschke, былъ уже отцомъ совершенъ съ экзекутивной силой для себя и дѣтей? Сынъ былъ бы nexus уже ipso jure. Правда, Huschke подъ nexum se dare понимаетъ фактическое вступленiе въ рабство. Но это выраженiе, равно какъ и nexum inire, можетъ быть отнесено лишь къ совершенiю юридической сдѣлки.

Не лучше стоитъ дѣло и съ тѣми частями ученiя Huschke, которыя приписываютъ nexum сферу дѣйствiя, далеко выходящую за предѣлы займа, и приводятъ въ связь съ ней и actio auctoritatis de modo agri и legatum per damnationem. Относительно первыхъ двухъ уже

давно всеобще признано, что оба иска съ самаго начала шли in duplum, и это ни въ какой связи съ manus injectio не стоитъ. Въ защиту же связи съ nexum legatum per damnationem Huschke приводитъ прежде всего то обстоятельство, что легатъ этотъ совершался при помощи формулы „heres damnas esto dare". Damnas родственно съ condemnare и обозначаетъ „осужденъ"—и дѣйствительно всякій публицистическій актъ передъ 5 свидѣтелями обладаетъ юридической силой приговора. Но Mitteis сомнѣвается на основаніи исправленій Studemund'а къ тексту Гая, дѣйствительно ли употреблялись при легатѣ эти слова. Во всякомъ же случаѣ ихъ употребленіе ничего не доказываетъ, такъ какъ ни на чемъ не основано, что они владѣли какой-то особенной силой. Damnare значитъ не осуждать, а обязывать, damnas—не осужденъ, а „повиненъ" (bussfällig).

И въ законахъ эти слова отнюдь не указывали на manus injectio pro judicato, какъ думаетъ Huschke. Напротивъ, тѣ законы, которые несомнѣнно предоставляли manus injectio pro judicato, дѣлали это expressis verbis, а не чрезъ слова damnas esto (lex Lucerini).

Съ другой стороны, lex Aquilia содержитъ слова damnas esto и прибавляетъ при этомъ особо ut adversus infitiantem in duplum actio esset. Недоказательными являются и другіе аргументы Huschke, въ особенности же аргументъ, что сложеніе долга изъ legatum per damnationem in certum должно было совершаться подобно долгу изъ приговора—per aes et libram. Какъ доказалъ недавно Eisele, и уплата поручителемъ изъ sponsio должна была быть совершена per aes et libram, чтобы онъ могъ воспользоваться регрессомъ по lex publilia. Между тѣмъ отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что sponsio пользовалась экзекутивной силой, что и признается всѣми.

Такимъ образомъ, и экзекутивное дѣйствіе nexum, и публицистическое обязательство изъ damnas esto, и весь кругъ юридическихъ фигуръ, которыя сюда примыкаютъ,—все это принадлежитъ къ области басенъ. Истинное содержаніе nexum—займа—происшествіе, которое коротко можно назвать самозакладомъ. Это ясно видно изъ Varro 1.1. 7, 105:

liber qui suas operas in servitutem pro pecunia quam debet dat dum solveret (solvat?) nexus vocatur, ut ab aere obaeratus: Hoc. C. Paetelio Libone Visolo dictatore sublatum ne fieret et omnes qui bonam copiam jurarent ne essent nexi dissoluti.

Но изъ словъ Варрона не надо заключать, что должникъ отдаетъ кредитору лишь свои operae—это противорѣчило бы историкамъ. Варронъ, повидимому, хочетъ сказать, что должникъ закабали-

ваетъ *свою личность ради работы*, пока не отработаетъ долга. Нельзя возражать противъ этого, что пигдѣ не было установлено опредѣленнаго отношенія между деньгами и работой или что срочная манципація dum solveret—была не допустима. При изслѣдованіи фактовъ древнѣйшей исторіи нельзя руководиться нашими воззрѣніями на позднѣйшее право. Надо безъ всякой предвзятости возстановить факты, поскольку они поддаются возстановленію, и соотвѣтственно съ ними исправить для древнѣйшей эпохи наши классическія юридическія понятія. Мы не знаемъ, существовала ли какая-нибудь такса на работу должника; мы не знаемъ, наступало ли постепенное погашеніе долга по мѣрѣ отработыванія, или должникъ оставался въ кабалѣ до тѣхъ поръ, пока какимъ бы то ни было образомъ слѣдовала уплата. Но это обусловлено природой нашего преданія, и лучше говорить неопредѣленно, но вѣрно, чѣмъ опредѣленно невѣрно. Позднѣйшіе юридическіе принципы не допускали, правда, срочной манципаціи. Но это было установлено для манципаціи собственности и обусловлено тѣмъ, что собственность разсматривалась, какъ право вѣчное по самой природѣ своей. Ничто не мѣшаетъ намъ мыслить манципацію лица, какъ ограниченную во времени. Было бы въ высшей степени странно, если бы самозакладъ, встрѣчающійся у всѣхъ народовъ, у римлянъ не получилъ бы осуществленія по соображеніямъ схоластическо-юридическаго характера.

Такимъ образомъ, юридической формой самозаклада является манципація (самоманципація), право кредитора есть виндикаціонное право. Эта самоманципація не должна послѣдовать сейчасъ же при совершеніи займа, возможно, что она совершается позднѣе, при наступленіи затрудненій въ уплатѣ. Для осуществленія залоговой отвѣтственности на основаніи ея не нужно судебнаго декрета. Въ большинствѣ случаевъ вслѣдъ за самоманципаціей немедленно слѣдуетъ уводъ должника; но и тамъ, гдѣ это пе имѣло мѣста, кредиторъ попытается сначала осуществить свою quasi—собственность путемъ самоуправства и лишь тогда, когда онъ натолкнется на противодѣйствіе, онъ обратится къ судебному осуществленію своего права, но не въ формѣ manus injectio, а виндикаціи путемъ legis actio sacramento.

В. Ельяшевичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

УКАЗАТЕЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1902 годъ.

I.

Общіе вопросы права.

Новгородцевъ, П. Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. Москва, 1901.

Васьковскій, Е. Судейское усмотрѣніе при толкованіи законовъ (Право, 50).—Гессенъ, I. Безславная борьба (Право, 2).—Гессенъ, I. Юридическая литература для народа (Право, 47—49).—Обычное право въ волостномъ судѣ (Юр. Газ. № 3).—Сафроновъ, Ф. Механика общественныхъ идеаловъ (Вопр. фил. кн. 59 и 60).—Тарановскій, Ѳ. Программа курса энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ (Варш. унив. изв. VIII).—Чичеринъ, Б. Сенъ-Симонъ и его школа (Вопр. фил. кн. 60).—Яроцкій, В. Объективная необходимость прогресса (Вопр. фил. кн. 59 и 60).

Bryce, J. Studies in history and jurisprudence. 2 vol. Oxford. M. 25.—Bülow, O. Heitere u. ernste Betrachtungen über die Rechtswissenschaft. Beiträge zur Theorie des Gesetzes-und Gewohnheitsrechts. 2 Ausg. Leipzig. M. 3.—Friedmann, O. Das Recht der Wahrheit u. der Schutz des guten Namens vom legislativen Standpunkt. Ein Vortrag. Leipzig. 1.20.—Gumplowicz, L. Die sociologische Staatsidee. 2 Aufl. Innsbruck. 4.80.—Günther, L. Recht und Sprache. Berlin. 6 M.—Herkless, W. Jurisprudence, or the Principles of Political Right. Lectures, edited by A. Williamson. Edinbourgh, 1901.—Keun de Hoogerwoerd, S. Kritische Studien zur Einführung in das Recht des Islam. Erlangen. 2.—Klingmüller, F. Der Begriff des Rechtsgrundes. Seine

Herleitg. u. Anwendg. (Studien zur Erläuterung des bürgerlichen Rechts, hrsg. v. R. Leonhard. 6 Hft.). Breslau. 3.20.—Kohler, J. Einführung in die Rechtswissenschaft. Leipzig. 3.60.—Manigk, A. Das Anwendungsgebiet der Vorschriften f. die Rechtsgeschäfte. Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsgeschäft. (Studien zur Erläuterung des bürgerlichen Rechts, hrsg. v. R. Leonhard. 5 Hft.). Breslau 10.—Matteuzzi, A. Les facteurs de l'évolution des peuples (trad. de l'ital.). Bruxelles. 1 vol.—Meurer, C. Die juristischen Personen nach deutschem Reichsrecht. Stuttgart. 11.—Mohl, R. v. Lebens-Erinnerungen. 1799—1875. 2 Bde. Stuttgart. 10.—Posener, P. Grundriss des gesamten deutschen Rechts in Einzelausgaben. 6, 7, 10—16, 18 u. 19 Bd. Berlin.—Rippman, F. Führer durch d. Reichs-u. Landesgesetzgebung. Stuttgart. 1.60.—Schröder, E. Das Recht der Freiheit. Kritisch systematisch u. kodifiziert. Sozialwissensch. Untersuchungen. Lepzig.—Snell, E. The Principles of Equity. 13 th ed. London. sh. 21.—Tanon, L. L'évolution du droit et la conscience sociale. Paris. 2 fr. 50.—Vareilles-Sommières, de. Les personnes morales. Paris. fr. 10.

Bernès, M. Individu et société (R. philos. № 11).—Dove. Die Unpopularität des Juristenstandes in Deutschland. (D. J.-Z. 1).—Fullerton, Lord. Lawyer and Judge (Jurid. Rev. Vol. XIII, № 4).—Henry, P. A travers la coutume de Paris et les Institutes coutumières de Loisel (R. crit. d. lég. № 12).—Picot, G. Notice historique sur la vie et les travaux de Charles Renouard (Séanc. d. l'Acad., 1 Livr.).—Tarde, G. La réalité sociale (R. philos. № 11).

II.

Исторія права. Изданія юридическихъ памятниковъ.

Вольтке, Г. Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Спб. 1901.—Оларъ, А. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики. 1789—1804. Спб. Ц. 3 р.—Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. 2-е изд. Спб.

Павловъ-Сильванскій, Н. Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси (оконч.) (Ж. М. Н. Пр. 1).—Папковъ, А. Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины (В. Прав. 10).—Шмурло, Е. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго (Ж. М. Н. Пр., дек.).

Acta borussica. Denkmäler der preuss. Staatsverwaltg. im 18 Jahrh. Hrsg. v. der königl. Akademie der Wissenschaften. Die Behördenorganisation u. die allgemeine Staatsverwaltg. VI Bd. 2 Hälfte. Berlin. 22.—Bader, R. Schweizerische Rechtsgeschichte u. Kodifikation. Antrittsrede. Zürich. M. 1.—Blum, E. La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Texte avec commentaire. Préface de Compayré. Paris. fr. 3.75.—Brunner, H. Ueber ein verschollenes merowingisches Königsgesetz des 7 Jahrh. Berlin 1.—Brunner, H. Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte. Leipz., 1901.—Cicogna, G. Consilium principis-Consistorium: ricerche di diritto romano pubblico e di diritto privato.

Torino. L. 7.—Cuq, E. Les Institutions juridiques des Romains envisagées dans leurs rapports avec l'état social et avec les progrès de la jurisprudence; T. 2: le Droit classique et le Droit du Bas-Empire. Paris. fr. 10.—Deichmann, E. u. V. Friese. Urkundliches Material aus den Brandenburger Schöppenstuhlsakten. Hrsg. v. A. Stölzel. Vier Bände. Berlin. M. 40.—Demuth, E. Die wechselseitigen Verfügungen v. Todeswegen nach alamannisch-zürcherischem Recht in ihrer geschichtl. Entwicklg. bis zur Gegenwart nach den Quellen dargestellt (Untersuchungen zur deutschen Staats-u. Rechtsgeschichte hrsg. v. O. Gierke. 65 Hft.). Breslau. 4.80.—Die Rechtsquellen d. Kantons Bern. 1 T.: Stadtrechte 1 Bd. Das Stadtrecht von Bern I. Bearb. u. herausgeg. von F. Welti. Aarau. M. 12.—Grossi, V. Storia della legislazione sull' emigrazione in Italia e nei principali stati d'Europa. Milano.—Halban, A. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. Ein Beitrag zur deutschen Rechtsgeschichte. 2 Thl. (Untersuchungen zur deutschen Staats-u. Rechtsgeschichte, hrsg. v. O. Gierke. 64 Heft.). Breslau. 10.—Hein, E. Die Römer im Kampfe um den Besitz. Königsberg. 60.—Holtze, F. Geschichte des Kammergerichts in Brandenburg-Preussen. 3 Thl.: Das Kammergericht im 18 Jahrh. (Beitrage zur Geschichte der Bevölkerung in Deutschland seit dem Anfange des XIX Jahrh. Hrsg. v. F. Neumann. VI Bd.). Tübingen. 8.—Isler, O. Das Thurgauische Fertigungsrecht in historisch-dogmatischer Darstellung. Diss. Bern.—Lameire, I. Théorie et pratique de la conquête dans l'ancien droit. Introduction. Paris.—Lévy, R. G., C. Picot et E. Cailleux. Des tendances nouvelles de la législation fiscale en Europe depuis cinqante ans. Paris.—Magdeburger Schöffensprüche. Herausgeg. u. bearb. v. V. Friese u. E. Liesegang. 1 Bd. Berlin. M. 24.—May, G. Prof. Eléments de droit romain. 7-e édition. Paris. fr. 10.—Messa, G. Dell' ʹfamia secondo il diritto romano. Milano. L. 1.—Pivano, S. De evictionibus in jure romano: monographia latina lingua redacta. Torino.—Poizat, M. Les Réformes de Stein et de Hardenberg et la Féodalité en Prusse au commencement du XIX siècle. Paris.—Stölzel, A. Entwicklung der gelehrten Rechtsprechung untersucht auf Grund der Akten des Brandenburger Schöppenstuhls. Band. 1. Der Brandenburger Schöppenstuhl. Berlin. M. 12.—Sybel, H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I, vornehmlich nach d. preuss. Staatsakten. (Neue billige Ausgabe). München. M. 24.50.—Urkundenbuch, hohenlohisches. Im Auftrag des Gesamthauses des Fürsten zu Hohenlohe hrsg. von. K. Willer. 2 Bd. Stuttgart. 15.—Urkunden u. Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm v. Brandenburg. 17 Bd. Berlin. 24.—Veröffentlichungen d. histor. Kommission f. Westfalen. Rechtsquellen.—Westfälische Stadtrechte. Abt. I: Die Stadtrechte. d. Grafschaft Mark. Hft. I: Lippstadt bearb. von A. Overmann. Münster i. W. M. 6.—Wenger, L. Rechtshistorische Papyrusstudien. Graz. 4.50.

Barboux. La Justice en France pendant la Révolution (R. pol. et parl. № 91, 10 Janv.).—Brandileone, F. Studi preliminari sullo svolgimento storico dei rapporti patrimoniali fra coniugi in Italia (Arch. giur. 68 Vol. 2 fasc.).—Broche, L. Documents relatifs aux rapports de l'évêque et de la commune de Laon au moyen âge (N. R. hist. № 6).—Gans, Ch. The Parliament of Paris in the Sixteenth Century. II. (Jurid. Rev. Vol. XIII, № 4).—Meynial, E. Des renonciations au moyen âge et dans notre ancien droit (N. R. hist. № 6).—

Sayous, A. La liquidation des marchés à terme sur marchandises en Hollande entre 1675 et 1725 (N. R. hist. № 6).—Thibault, F. L'impôt direct dans les royaumes des Ostrogoths, des Wisigoths et des Burgundes (N. R. hist. № 6).—Touchard, G. Un publiciste italien au XVIII-e siècle. Filangieri et la science de législation (N. R. hist. № 6).

III.

Гражданское и торговое право и судопроизводство.

Анненковъ, К. Система русскаго гражд. права. Т. VI. Спб. Ц. 3 р. 50 к.—Бѣлинскій, В. Сдѣлки по продажѣ въ разсрочку и законодательная ихъ нормировка. Спб. 1901. Ц. 30 к.—Дювернуа, Н. Чтенія по гражданскому праву. Т. I. Введеніе. 4-е изд. Спб. ц. 1 р. 60 к.—Орловъ, А. Замѣтки о вотчинномъ правѣ въ Россіи. Спб. ц. 20 к.—Өемелиди, А. Русскій нотаріатъ. Исторія нотаріата и дѣйствующее нотаріальное положеніе 14 апр. 1866 г. Спб. ц. 1 р.

Анормальность мусульманскаго духовнаго суда въ дѣлахъ о наслѣдствѣ (Юр. Газ. № 79).—Булацель, П. Морскіе спасатели и судопроизводство по дѣламъ о крушеніяхъ (Юр. Газ. № 82).—Въ случаѣ неразысканія имущества, на которое рѣшеніемъ суда обращено взысканіе, нужно ли предъявлять искъ снова? (В. Пр. № 10, юр. об).—Г. Вводъ во владѣніе по проекту новой редакціи устава гражд. суд. (Юр. Газ. № 85 и 88).—Давидовъ, П. Къ вопросу объ узаконеніи (Суд. Газ. № 1)—Ж. М. Подсудны ли волостнымъ судамъ иски о безчестіи (ст. 667 т. X ч. 1)? (Юр. Газ. № 5). Запольскій, Л. О вознагражденіи за охраненіе наслѣдственныхъ имуществъ (Суд. Газ. № 49).—Затворницкій, Я. Право городовъ на рѣки (Право, 4).—Какія юридическія послѣдствія для договора страхованія имѣетъ ломка для перестройки застрахованнаго дома? (В. Пр. № 9, юр. об.).—Каминка, А. Реформа въ области акціонернаго права (Право, 3 и 4).—Крестьянскіе пріемыши (Юр. Газ. № 2).—Можетъ ли истецъ, которому присуждено вознагражденіе за увѣчье въ видѣ періодическихъ платежей, требовать обезпеченія этихъ платежей на имуществѣ отвѣтчика порядкомъ, установленнымъ для обезпеченія исковъ? (В. Пр. № 10, юр. об.).—Можетъ ли быть пріобрѣтена по давности часть казеннаго зданія, находящаяся въ безплатномъ, съ разрѣшенія правительства, пользованіи города? (В. Пр. № 10, юр. об.).—Обновленіе гражданскаго процесса по проекту новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства. Судопроизводство охранительное: Утвержденіе въ правахъ наслѣдства.—Коллизія правъ на наслѣдство.—Порядокъ удостовѣренія.—Подсудность (В. Пр. № 10, юр. об.).—П. В. Б. 253 ст. уст. торг. (Суд. Газ. № 51).—Петрулани, М. Юридическое мѣстожительство по дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ (Право, 52).—Пиленко, А. Купля-продажа привилегій на изобрѣтенія (Право, 47, 48).—Подлежатъ ли дѣйствію земской давности имѣнія, подобныя, по сво-

имъ свойствамъ, имѣніямъ заповѣднымъ? (В. Пр. № 9, юр. об.).—По поводу законопроекта о внѣбрачныхъ дѣтяхъ (Суд. Газ. № 49).—Положеніе незаконнорожденныхъ въ крестьянскихъ обществахъ (Юр. Газ. № 82).—Прерываетъ ли теченіе давности для иска къ пароходовладѣльцу на осн. 683 ст. 1 ч. X т. Свод. Зак. предъявленіе его въ уголовномъ судѣ при производствѣ дѣла по обв. капитана парохода? (В. Пр. № 9, юр. об.).—Примѣнимость къ гибели казеннаго груза, перевозимаго по договору съ казною на пароходѣ ст. 683 т. X ч. 1 и ст. 216 пол. о каз. подр. (В. Пр. № 9, юр. об.).—С. Т. Къ вопросу о порядкѣ производства брачныхъ дѣлъ въ Армяно-Григоріанской церкви (В. Пр. № 9).—С. Г. Порядокъ расторженія раскольничьихъ браковъ (В. Пр. № 9).—С—ъ К. М. Замѣтка о судопроизводствѣ гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей гор. Варшавы (Юр. Газ. № 5).—Условія признанія учрежденія юридическимъ лицомъ (В. Пр. № 10, юр. об.).—Шалландъ, Л. Юридическое положеніе иностран. акціонерн. обществъ въ Россіи (Право, 1, 4).—Шифрисъ, Л. Подсудны ли волостному суду иски о правѣ участія частнаго между лицами не крестьянскаго сословія? (Юр. Газ. № 5).

Abbott, A. A brief on the modes of proving the facts most frequently in issue or collaterally in question on the trial of civil or criminal cases. 2d and enl. ed. New-York. shp. 4.50. — Affolter, F. Das intertemporale Privatrecht. Das Recht der zeitlich verschiedenen bürgerl. Rechtsordngn. I Bd. 1 Tl. Geschichte des intertemporalen Privatrechts. 4 Lfg. Leipzig. 6.—Alden, C. Handbook of the code of civile procedure, prepared for the use of students. New-York. 1.50. — Andrews, J. De Witt. Principles of pleading in civil actions under the common-law system and as modified and applied under modern codes and practice acts; introduced by a summary view of the proceedings in legal actions by H. Stephen. 2d ed. Chicago. shp. 5.—Assmann, A. Die unbestellten Zusendungen. Ein Beitrag zur Erläuterung d. neuen bürg. u. Handelsrechts. Berlin, 1901. M. 3.—Bachmann, G. Die Sonderrechte des Aktionärs. Mit besond. Berücksicht. des deutschen u. schweizer. Rechts. Zürich. 3.60.—Bäuerliches Güter-u. Erbrecht u. Bürgerliches Gesetzbuch von einem praktischen Juristen. Hannover. 1.50.—Becher, H. Die gesamten Materialien zu den das bürgerliche Gesetzbuch u. seine Nebengesetze betreffenden bayerischen Gesetzen u. Verordnungen, nebst den einschläg. Ministerialklassen. 19 Lfg. München. 80.—Berger. Die Stellung der wilden Kaninchen im Civil-u. Strafrecht. Neudamm. 3.—Berthélemot, E. De la prohibition des pactes sur succession future (thèse). Paris, 1901.—Bianchi, F. Corso del codice civile italiano. Seconda edizione riveduta. Torino, 1901.—Boluf, H. Résumé sur le Code civil. T. 2. 4 éd., mise au courant de la législation, conforme au programme officiel, avec tableaux synoptiques servant de mémento pour l'examen. Paris. fr. 6.—Boyer, R. La synthèse des lois françaises. 1-re partie. Code civil annoté. 1-er fasc. Paris. fr. 7.—Buhl, H. Das Recht d. beweglichen Sachen n. d. BGB. Berlin. 3.—Bureau, P. Prof. Du contrat du travail. Le rôle de syndicats professionnels. Paris. fr. 6.—Burdick, F. Selected cases on the law of sales of personal property. 2d ed., rev. and enl. Boston. 4.50.—Carpentier, P. Législation commerciale de l'Allemagne. Code de commerce mis en vigueur le 1-er janvier 1900. Paris. 10 fr.—Cavalleri, D. Legislazione sulle acque. Acque pubbliche. Acque private. Milano. L. 2.50.—

Code civil suisse. Exposé des motifs de l'avant-projet du département fédéral de justice et police. T. 1. Introduction. Droit des personnes et de la famille. Berlin. 2.—Codice di commercio del regno d'Italia preceduto dalla relazione a S. M. del Ministro guardasigilli G. Zanardelli, aggiunte le disposizioni transitorie e regolamento esecutivo. Torino.—Daubenspeck, H. Votum u. Urteil. 8 verm. u. verb. Aufl. Berlin. 5.40.—Darboven, N. Die actio doli im römischen u. gemeinen Recht u. ihr Verhältnis zu den Vorschriften des bürgerlichen Gesetzbuchs f. das Deutsche Reich. Diss. Hamburg. 1.60.—Demante, G. Principes de l'enregistrement en forme de commentaire de la loi du 22 frimaire an VII. 4-ième édition. Paris. fr. 15.—Demuth, E. Die wechselseitigen Verfügungen v. Todeswegen n. alamannisch-zürcherischem Recht. Breslau. 4.80.—Destruels, E. Traité pratique de législation anglaise sur les sociétés anonymes „Limited" suivi d'une Notice concernant la Bourse de Londres. Paris. 7 fr.—Duckworth, L. An epitome of the law affecting marine insurance. London. 3.50.—Dullo, G. Haverei. Erläuterungen d. seerechtl. Vorschriften über Haverei u. deren Regulierung. 2 umgearb. Aufl. Königsberg. 1.—Eaton, J. Handbook of equity jurisprudence. St. Paul. 3.25.—Enquête sur l'état des familles et l'application des lois de succesion, faite sous les auspices de la société d'économie sociale. 3 série. 3-e fascicule. Paris. fr. 1.—Enneccerus, L. u. H. Lehmann. Das bürgerliche Recht. II Bd. 3 Lfg. 2 Aufl. Marburg. 5.60.—Festgabe der Göttinger Juristen-Fakultät f. Ferdinand Regelsberger zum 70 Geburtstage, am 10. IX. 1901. Leipzig. 10.—Fischer-Colbrie, E. Die Anfechtung v. Hypotheken durch Nachhypothekare n. österr. Rechte. Wien. 2.40.—Fischer, O. u. Schaefer, L. Die Gesetzgebung, betr. d. Zwangsvollstreckung i. d. unbewegl. Vermögen i. Reiche u. i. Preussen. 2 Lief. Berlin. 4.50.—Folco, V. Il procedimento civile secondo la nuova legge. Legge 31 marzo 1901. Torino. L. 2.—Franke, W. Das Recht des Kaufmanns. Einführung in das neue deutsche Handelsrecht auf Grund des Handelsgesetzbuchs u. der übr. neuen handelsrechtl. Gesetze. Leipzig. 2.75.—Fritze, H. Die Aufrechnung der Scheidungsgründe beim Ehebruch. Diss. Quedlinburg. 1.20.—Garnier, R. De l'interposition de personnes dans les libéralités. Paris. 6 fr.—Geny, F. Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif. Paris. 10 fr.—Glasson, E. Précis théorique et pratique de procédure civile. Avec le concours, au point de vue pratique, de Colmet Daâge 2 t. Paris. fr. 20.—Goldmann, E. u. Lilienthal, L. Das Bürgerliche Gesetzbuch systematisch dargestellt. 1 Bd. 2. Abt.: Die allgem. Lehren d. Rechts d. Schuldverhältn. 2 Aufl. Berlin. 3.40.—Goltz, F. Das fiduziarische Rechtsgeschäft m. besond. Berücksicht. des Wechsel-u. Koncurs-Rechtes. Marburg. 1.80.—Götte, H. Der preuss. Testamentsrichter. Ein Handbuch f. Richter, Notare u. s. w. Nach d. Rechte d. BGB. der Nebenges. d. Reiches u. Preussens u. den preuss. Ausführungsbest. u. Verfügungen dargest. Berlin. 2.60.—Hammerschlag, P. Ueber d. Rückforderbarkeit d. Deckung b. Differenzgeschäften. Wien. 1.50.—Harriman, E. The law of contracts. 2d ed., rev. and enl. Boston.—Heller, M. u. Trenkwalder, F. Die österr. Exekutionsordnung i. prakt. Anwendung. Dargest. an Beispielen von Protokollen u. Beschlüssen. Wien. 19.50.—Hennequin, N. Du cadastre. Projet de réfection juridique, avec revision périodique et perpétuelle, donnant titres absolus et indiscutables de propriété. Paris. fr. 7.50.—Herz, C. Beitrag zur Lehre v. der Schuldübernahme. Diss. Göthen. 2.—Hirschfeld, G. Der Reichscivil-

prozess (Das Reichsrecht in Einzeldarstellungen. Eine Sammlg. kurzgefasster Lehrbücher zur Vorbereitg. f. die erste jurist. Prüfg. 1). Berlin. 5.50.—H i r s c h, R. u. N a g e l, L. Die Gewährleistung beim Viehhandel nach d. BGB. Erläut. 2 T., Tierärztl. T. von Nagel. Stuttgart. 6.20.—H o e n i g e r, F. Die Grenzstreitigkeiten nach deutschem bürgerlichen Rechte, auf histor. Grundlage unter besond. Berücksicht. des preuss. Rechtes dargestellt. Berlin. 3.—H o l t z e. Fünfzig Jahre preussischer Justiz. Festschrift. Berlin. 4.—H o o g h e, A. Du contrat de louage. Bail à loyer. Commentaire par article du code civil. Paris. 6 fr.—H u c, T h. Commentaire théorique et pratique du code civil. T. XIV. Paris.—J ä g e r, E. Die Konkursordnung auf d. Grundlage d. deuen Reichsrechts erläut. 8 Hft. Berlin. 5.50.—J o s e f, E. Rechtsfälle zum Zwangsversteigerungsgesetz, Grundbuchordnung, zum Liegenschaftsrecht, zum Reichsgesetz üb. die freiwillige Gerichtsbarkeit unter Berücksicht. anderer Reichsgesetze privatrechtl. Inhalts. Berlin. 1.50.—K a u f m a n n, E. Die wesentlichen Unterschiede des alten u. des neuen Handelsgesetzbuches. Mit einem Anhang. 2. Aufl. Berlin. 3.—K e e l, R. Das Hypothekarrecht im Gebiete des heutigen Kantons St. Gallen, in historisch-dogmatischer Darstellung. Bern.—K e l l e y, H. Treatise on the law relating to the powers and duties of justices of the peace, constables, etc., in the state of Missouri. 4th ed., rev. and enl. St. Louis. 6.80.—K l o s s, R. Das Beurkundungswesen im Königr. Sachsen m. Ausschluss des Notariats (Leipziger juristische Handbibliothek. Hrsg. v. M. Hallbauer u. W. Schelcher. Bd. 46b.). Leipzig. 3.50.—K n i p p e r, C. Der Berliner Effektenhandel unter d. Einflusse d. Reichs-Börsenges. v. 22 Juni 1896 (Staats-u. sozialwiss. Forsch. hg. von G. Schmoller. Bd. 30, Heft 1). Leipzig. 2.40.—K o h l e r, J. Handbuch d. deutschen Patentrechts i. rechtsvergleichender Darstellung. 5 Lief. Mannheim. 8.—K r ü c k m a n n, P. Institutionen des bürgerlichen Gesetzbuches. 3 Aufl. Göttingen. 12.—L a B i g n e d e V i l l e n e u v e e t E. J a c. Eléments de droit civil 2 édition. T. 1-er. Paris. 12 fr. 50.—L a R o s a, S. Il procedimento sommario secondo la legge 31 marzo 1901 e il r. decreto 31 agosto 1901. Catania.—L e b o u c h e r, G. Du mandat „ad litem" de l'avoué. Caen.—L e h m a n n, K. u. R i n g, V. Das Handelsgesetzbuch f. d. Deutsche Reich. 1 Bd. 3 T. Berlin. M. 4.—L e s s o n a, C. Teoria delle prove. Vol. V: accesso giudiziale; intervento istruttorio; presunzioni. Firenze. L. 9.—L e v i s, O. Die Entmündigung Geisteskranker. Nach dem bürgerlichen Gesetzbuche u. der Zivil-Prozess-Ordng. Leipzig. 8.40.—L y o n s, A. Lyons' commercial law: a text-book for schools and colleges and a book of reference. Chicago. 1.10.—M a g n u s, E. Die Ausgleichungspflicht nach dem bürgerlichen Gesetzbuch. Breslau. 2.50.—M a v a r r e, V. De la responsabilité des chemins de fer en cas de transports successifs. Paris.—M c A d a m, D. The rights, duties, remedies and incident belonging to and growing out of the relation of landlord and tenant, in 2 v.; 3d ed. New-York. 16.75.—M e i l i, F. Die Kodification des schweizerischen Privat-und Strafrechts. Zürich. 3.—M e i s n e r, C. Das in Bayern geltende Nachbarrecht m. Berücksicht. des Wasserrechts. München. 6.—M j e l k e, F. Universalfideikommiss u. Nacherbschaft. Leipzig. 1.40.—M i e c k, P. Das civilprozessaale Konzentrationsprinzip, das Prinzip, in welchem das Bestreben der Gesetzgebung wurzelt, Prozessverschleppungen zu verhüten. Berlin. 5.—M i t t e l s t a e d t, J. u. H i l l i g, C. Das Verlagsrecht. Reichsges. über das Verlagsrecht v. 19 Juni 1901 m. Erläuterungen u. einem Anhange enth. d. Reichsges. betr. d. Urheberrecht an Werken d. Litte-

rat. u. d. Tonkunst v. 19 Juni 1901. Leipzig. 4.—M o r t a r a, L. Manuale della procedura civile. 3-a edizione, due volumi. Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1901.—M ü c k, H. Die einstweiligen Verfügungen n. d. österr. Exekutionsordnung v. 27 Mai 1896 unter bes. Berücksicht d. Rechtsprechung d. k. k. Obersten-Gerichtshofes systematisch dargestellt. 2 Aufl. Wien. 1.50.—N a u e, F. Die angebliche Dinglichkeit der Miete nach dem deutschen bürgerlichen Gesetzbuch. Berlin.—O s t e r r i e t h, A. Die Patent.-, Muster-u. Markenschutzgesetze d. Erdballs. N. F. d. Patentgesetzgebung. Bd. 4. Berlin. 5.—P a c i f i c i-M a z z o n i, E. Codice civile italiano commentato con la legge romana, le sentenze dei dottori e la giurisprudenza: trattato della vendita. Vol. I, 3 ediz. riveduta per cura dell'avv. F. Anan. Firenze. L. 9. P a l o, d e, M. Teoria del titolo esecutivo. Vol. 1. Napoli.—P a n n e n b e r g, G. Die Rechtswirkungen der Enteignung im Falle der Einigung der Betheiligten. Berlin. 1.—P e e g e, B. Die deutschen Eisenbahn-Gesetze sowie d. Einrichtungen der Eisenbahnen Deutschlands u. d. Vereins Deutscher Eisenbahn-Verwaltungen. 3 Aufl. Dresden. 2.—P l a n c k, G. Bürgerliches Gesetzbuch u. Einführungsgesetz erläut. Lief. 19, 3 Buch: Sachenrecht; Lief. 20, Bd. 6: Einführungsges. 1 u. 2 Aufl. Berlin. Guttentag. 5.60.—P l a s s, F. Geschichte der Assecuranz u. d. Hanseat. Seeversicherungs-Börsen Hamburg, Bremen, Lübeck, mitbearbeitet von F. Ehlers. Hamburg. M. 20.—P i p i a, U. Teoria del mandato civile e commerciale. Milano. L. 7.—P ö r s c h e l, O. Der Gerichtsschreiber b. d. sächsischen Amtsgerichten. 3 Aufl. 1 Lief. Leipzig. 1.50.—P u g l i e s e, G. Trattato della prescrizione acquisitiva nel diritto civile italiano. Torino. 1901. L. 10.—R a m d o h r, H. Grundriss f. das Studium des deutschen Privatrechts, nach der Legalordnung des bürgerlichen Gesetzbuchs f. das Deutsche Reich systematisch dargestellt. Posen. 6.—R a w l i n s, W. a n d M a c n a g h t e n, M. Law and practice in relating to companies. London. M. 35.—R a w l i n s, W. Law and Practice in Relation to Companies. London. sh. 35.—R e i n h a r d, P. Das Zwangsversteigerungsgesetz m. d. zugehör. Einführungsgesetzen erläut. 9—11 Lief. Rossberg. 6.—R e z z a r a, J. Il concordato nella storia, nella dottrina, nella giurisprudenza. Studio di diritto commerciale. Torino, 1901.—R i e m a n n, E. Das schleisische Auenrecht. Breslau. 1.—R i n t e l e n, A. Berufungsgrund u. Berufungsantrag nach dem neuen österreichischen Civilprocessrecht. Wien. 2.80.—R o m e i c k. Zur Technik des bürgerlichen Gesetzbuchs. II Hft: Die abgeleitete Schuld. 1 Abschn.: Die abgeleitete Mietschuld. Stuttgart. 2.—R ü c k e r, H. Die wichtigsten Bestimmungen d. Warenzeichenrechte aller Länder nebst d. Wortlaut d. Markengesetze v. Deutschland, England, Japan, Oesterr.-Ungarn u. d. Schweiz. 3.60.—R ü m e l i n, M. Der Vorentwurf z. einem Schweizerischen Civilgesetzbuch. Besprochen. Leipzig. 3.60.—S a c c h i, A. Trattato teorico-pratico delle servitù prediali. Torino. 1901.—S a i n t-L é o n, E. Le compagnonnage; son histoire, ses règlements; ses rites. Paris. fr. 4.—S a r t o r i u s, C. Kommentar z. Personenstandsgesetz i. d. von 1 Jan. 1900. an gelt. Fassung sowie z. d. auf d. Eheschliessung bezügl. Bestimm. d. BGB. unter Berücksichtigung d. Ausf.-Best. sämtl. Bundesstaaten. München. 9.—S c h a l l e r, C. Die Befugnis des Testamentsvollstreckers zur Führung v. Prozessen um die Wirksamkeit des Testaments. Nach gemeinem Recht u. bürgerl. Gesetzbuche. Sorau.—80.—S c h n e i d e r, A. Das zürcherische Erbrecht. Auf Grundlage des Bluntschli'schen Kommentars allgemeinfasslich erläutert. 2 Aufl. Zürich. 2.—S c h r ö t e r, C. Die öffentlich rechtlichen Folgen der fruchtlosen Pfändung u. des Konkurses

in der Schweiz. Bern.—80.—S e n h o u s e, R. Workmen's Compensation Cases. Being Reports of Cases Decided under the Workmen's Compensation Act, 1897. Vol. 3. London. sh. 6.—S i l b e r s c h m i d t. Die civilrechtliche Bedeutung der Vorentscheidung nach § 11 des Einführungsgesetzes zum Gerichtsverfassungsgesetze (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—S i m o n s o n, P. The Law Relating to the Reconstruction and Amalgamation of Joint Stock Companies. London. sh. 10.6.—S p a h n, P. Verwandtschaft u. Vormundschaft n. d. BGB f. d. D. R. 2 Lief. Berlin. 3.—S t a u d i n g e r, J. Kommentar z. BGB f. d. D. R. nebst Einführungsges. 18 Lief. München. M. 3.—S t e e n g r a f e, Q. Die civilrechtlichen Folgen des formwidrigen Wechsels. Bremen.—80.—S t u b e n r a u c h, M. Commentar zum österreichischen allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuche. Hrsg. v. M. Schuster v. Bonnott u. K. Schreiber. 8 Aufl. 1 Hft. Wien. 1.20.—S t r u c k m a n n, J. u. R. K o c h. Die Civilprozessordnung f. das Deutsche Reich, nebst den auf den Civilprocess bezügl. Bestimmgn. des Gerichtsverfassungsgesetzes u. den Einführungsgesetzen. In der Fassg. vom 20. V. 1898. Kommentar. 8 Aufl. 2 Bde. Berlin. 30.—T. G i a n n i n i. Sommario di procedura giudiziaria civ. e comm. sammarinese. Firenze. 1901.—T. G i a n n i n i. Azioni ed eccezioni cambiarie. 2 ed. Torino.—T h i e l e, A. Formular-Buch i. Handelsregistersachen f. Anmeldungen z. Eintragung v. Firmen u. Prokuren i. d. Handelsregister, sowie Aenderungen u. Löschungen i. demselben. Hannover. 2.—T i l s c h, E. Der Einfluss der Civilprocessgesetze auf das materielles Recht und die in vorwiegend materielrechtlichen Gesetzen enthaltenen processualen Bestimmungen. 2 Aufl. Wien. 1901.—T r é m e a u, J. Commentaire théorique et pratique de la loi du 25 février 1901 portant modification du régime fiscal des successions, donations, mutations de nue propriété et d'usufruit. Paris. 3 fr. 50.—V i v a n t e, C. Istituzioni di diritto commerciale. 4 Edizione nuovamente coretta. Milano. L. 3.50.—V i v a n t e, C. Trattato teorico pratico di diritto commerciale. Vol. IV, parte I (I contratti, la cambiale e l'assegno bancario). Torino.—V i d a r i, E. Corso di diritto commerciale. 5 edizione diligentemente riveduta. Vol. II. con appendice. Libro I: Delle persone (continuaz.). Parte III: Delle società commerciali (continuaz.). Parte IV: Delle associazioni commerciali. Libro II: Delle case (continua). Milano. L. 12.—W a t s o n, A. A treatise on the law of damages for personal injuries. Charlottesville. Shp. 6.—W i e l a n d, C. Der Wechsel u. seine civilrechtlichen Grundlagen. Basel. 8.—W i e s t, W. Das Reichsges. betr. d. Erwerb-u. Wirtschafts-Genossenschaften i. d. vom 1 Jan. 1900 ab gelt. Fassung. Stuttgart. 2.—W r i g h t, E. The Law of Principal and Agent. 2nd. ed. Lond. sh. 18.—Z i m m e r m a n n, W. Die Rechtswirkungen der Veräusserung u. der Belastung des vermieteten Grundstücks auf das Mietverhältnis nach deutschem Rechte. München. 2.80.

A d l e r, E. Die Meliorationsdarlehenshypothek (Jur. Viertelj.-Schr. 33 (17) Bd. 3 u. 4 Hft.).—B e n d i x. Der Kreditauftrag nach dem Bürgerlichen Gesetzbuche. (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—B r ü d e r s, P. Geschichte und Grundlagen der sogenannten Kriegsversicherung. (Z. f. Versich.-Wiss. II Bd., 2 Hft.).—B u c h k a, v. Die neuen Gesetzentwürfe über die Sicherung der Bauforderungen. (D. J.-Z. 24).—C o o k e, F. Is a contract in restraint of trade sustainable as an independent contract? (Am. L.-Rev. Vol. XXXV, № 6).—C u n o. Das neue Gewerbegerichtsgesetz. (D. J.-Z. 24).—E h r e n b e r g, R. Studien zur Entwickelungsgeschichte der Versicherung. IV. Entstehung der Lebensversiche-

rung. (Z. f. Versich.-Wiss. Bd. II, Hft. 2).—Elbertzhagen, H. Wirkliche und vermeintliche Lücken im Privatversicherungsgesetz. (Z. f. Versich.-Wiss. Bd. II, Hft. 2).—Entwurf eines Ungarischen Allgemeinen Bürg. GBs. Erste Fassung. Ausgearbeitet von den redigirenden Mitgliedern der im kön. ung. Justizministerium eingesetzen ständigen Commission (Z. f. Ung. öff.-u. priv.-R. IX—XII Hft.).—Ferrara, L. Contrafazione fotografica e risarcimento di danni. Napoli. (Estratto dalla Giurispr. Ital.. V. 53, sez. 2).—Fleischauer. Eine Lücke unserer Gesetzgebung. (Kleinbahngesetz, 1892) (D. J.-Z. 2).—Frankl, O. Prof. Zur Feststellung der Entlohnung des Masseverwalters (Jur. Viertelj.-Schr. 33 (17) Bd. 3 u. 4 Hft.).—Guillain. Le Projet de Loi sur la Marine Marchande (R. pol. et parl. № 91, 10 Janv.).—Guttmann, M. Urtheilszustellung und Vollstreckungsbeginn (Z. f. D. Civ.-Proz. 29 Bd. 3 u. 4 Hft.).—Knake, P. Der Eintritt eines neuen Gesellschafters in die Gesellschaft nach dem Bürgerlichen Gesetzbuche. (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—Krasnopolski, H. Prof. Dominik Ullmann. † Nachruf gehalten in der Aula der deutschen Universität in Prag am 24 Juni 1901 (Jur. Viertelj.-Schr. 33 (17) Bd. 3 u. 4 Hft.).—Leonhard, K. Der Einfluss des Oesterreichischen bürgerlichen Gesetzbuches auf die neue deutsche Erbfolgeordnung. Vortrag. (Z. f. priv.-u. öff. R. 29 Bd. 1 Hft.).—Menyhárt, K. Zur Lehre vom Schadenersatz (Z. f. ung. öff.-u. priv. R. IX—XII Hft.).—Michel, L. La responsabilité civile des patrons envers les ouvriers en cas d'accidents et la loi du 9 avril 1898 (R. crit. d. lég. № 12).—Mittelstaedt. Das neue deutsche Verlagsrecht. (D. J.-Z. 2).—Nussbaum, A. Richterliche Zwangsgewalt in der freiwilligen Gerichtsbarkeit (Z. f. D. Civ.-Proz. 29 Bd. 3 u. 4 Hft.).—Oertmann, P. Erbbaurecht und hypothekarische Belastung. (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—Oertmann, P. Ueber Goldschmidt's Besitzlehre. (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—Recke. Das Ermessen im Bürgerlichen Gesetzbuche. (Arch. f. Bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—Rundstein, S. Die Regel «locus regit actum» im internationalen Privatrechte des Bürgerlichen Gesetzbuchs. (Arch. f. bürg. R. Bd. 20, Hft. 2).—Saleilles, R. Les personnes iuridiques dans le code civil allemand (R. d. dr. publ. T. 16, № 5).—Stölzel, Dr. Prof. Ueber die Fassung von Beweis-u Eidesauflagen. (Z. f. D. Civ.-Proz. 29 Bd. 3 u. 4 Hft.).—Thomsen. Die Vernehmung des Angeklagten vor der Beweisaufnahme. (D. J.-Z. 24).—Thuller, M. Communication sur le registre du commerce en Allemagne et en Suisse (Bull. d. lég. comp. № 1).—Trouillot, G. et F. Chapsal. Du contrat d'association. Commentaire de la loi du 1-er juillet 1901 et des règlements d'administration publique du 16 août suivant. (L. Nouv. №№ 20—23 et № 1/1902).—Tuttle, Ch. Ratification and the rights of third parties (Am. L.-Rev. Vol. XXXV, № 6).—Urban, O. Die Compensations-Einrede im österreichischem Civilprocess (Jur. Viertelj.-Schr. 34 (18) Bd. 1 Hft.).—Wach, A. Die Beweislast nach dem Bürg. GB. (Z. f. D. Civ.-Proz. 29 Bd. 3 u. 4 Hft.).

IV.

Уголовное право и судопроизводство. Уголовная антропологія. Судебная медицина.

Долопчевъ, В. Участіе полиціи въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Спб. Ц. 1 р.—Николаевъ, И. Повторительный курсъ угол. судопр. Спб. ц. 2 р.

А. В. Новое опредѣленіе понятія преступленія (Юр. Газ. № 82).—Акимовъ, В. Судьба патроната въ Россіи (Юр. Газ. 82 и 83).—Акимовъ, В. Посягательства по страсти (Юр. Газ. № 89—91).—Анненковъ, К. Новыя квалификаціи преступныхъ дѣяній (Суд. Газ. № 45).—Блукстъ, А. Нѣсколько замѣчаній на проектъ „Общей тюремной инструкціи" (Юр. Газ. № 4).—Бобрищевъ-Пушкинъ, А. Судъ и раскольники-сектанты (оконч.) (В. Пр., 10).—Борщъ, Н. Равноправность сторонъ на судебномъ слѣдствіи (630 ст. уст. угол. суд.) (Суд. Газ. 50).—Волжинъ, В. Необходимость измѣненія 500-й статьи уст. угол. суд. (ст. 496 по проекту коммиссіи 7 апрѣля 1894 г.) (Юр. Газ. № 3).—Волжинъ, В. Объ организаціи защиты въ выѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда (Суд. Газ. № 2).—Г. Предѣлы оцѣнки судомъ заключеній свѣдущихъ лицъ (В. Пр. № 9).—Должностныя преступленія и порядокъ преслѣдованія за ихъ совершеніе (Юр. Газ. № 5).—Зыковъ, А. Юридическая конструкція поединка (В. Пр. № 9).—Къ вопросу о значеніи согласія больнаго на оперативную врачебную помощь (Суд. Газ. № 51 и 52).—Кулишеръ, М. 35-лѣтіе дѣятельности А. Ф. Кони (В. Пр., 10).—Къ вопросу о подсудности преступленій печати суду присяжныхъ (В. Пр., №10, юр. об.).—Ливинъ, Ф. Записки Сахалинскаго чиновника (Тюр. В. № 9 и 10).—Мог, М. Манія побѣговъ (Юр. Газ. № 5),—Наказуема ли выдѣлка папиросъ изъ обандероленнаго табаку по заказу постороннихъ лицъ и предназначенныхъ для личнаго употребленія послѣднихъ? (В. Пр. № 10, юр. об.).—Нѣсколько словъ о границахъ подсудности военному и общему суду (Юр. Газ. № 84 и 85).—Оболонскій, Н. Проф. Судебно-медицинская экспертиза по дѣлу объ убійствѣ секретаря Полтавской консисторіи Комарова (В. общ. гиг. и суд. мед., 12).—Обольщеніе торжественнымъ обѣщаніемъ жениться (В. Пр. № 9, юр. об.).—Отвѣтственность за кровосмѣшеніе лицъ иновѣрнаго христіанскаго исповѣданія по послѣдней части 1594 ст. улож. (В. Пр. № 9, юр. об.).—Отвѣтственность за продажу въ раіонѣ казенной винной монополіи вина, тайно водвореннаго изъ мѣстности, находящейся внѣ означеннаго раіона (В. Пр. № 9, юр. об.)—По вопросу о наказуемости выгонки спирта изъ политуры (В. Пр. № 9, юр. об.)—Право лѣсовладѣльца возбуждать дѣла о порубкахъ въ его лѣсѣ деревьевъ, проданныхъ на срубъ третьему лицу (В. Пр., № 10, юр. об.)—Производятся-ли общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства или въ порядкѣ частнаго обвиненія дѣла о нанесеніи беременной женѣ увѣчья, раны и т. п., если послѣдствіемъ сего будутъ преждевременные роды и смерть

младенца (В. Пр. № 9, юр. об.).—Скобельцына, А. Осмотръ и выемка почтовой и телеграфной корреспонденціи по проекту новой редакціи уст. угол. судопр. (В. Пр., 10).—Судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ (Юр. Газ. № 4).—Судъ присяжныхъ въ судебной палатѣ (Суд. Газ. № 48).—Таганцевъ, Н. Предметъ науки уголовнаго права. (Право, 51, 52).—Таганцевъ, Н. Правополагающіе источники и ихъ взаимное отношеніе въ уголовномъ правѣ (Право, 4 и 5).—Уклоненіе отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя (Юр. Газ. № 2).—Шавельскій, Р. Французская хроника. (Законъ 8 іюля 1895 г. о невинно осужденныхъ (В. Пр. № 10, юр. об.)—Шатровъ, Г. Движеніе преступности въ Германіи съ 1892 г. по 1898 г. (Право, 49 52).—Чижъ, В. Вліяніе національности на преступность (В. Пр. № 9).—Чижъ, В. Пятый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Амстердамѣ 9—14 сентября 1901 г. (Вопр. фил. и псих. кн. 59).

Albanel, L. Le crime dans la famille. Paris.—Allfeld, Ph., Prof. Der bedingte Straferlass. Erlangen, 1901. M. 1.—Antonini, G. Studi di psicopatologia forense. Raccolta di perizie psichiatriche orali e scritte in cause penali e civili. Torino.—Benedict, W. Die selbstständigen Erhebungen des Vertheidigers u. die Strafprozessreform. (Veröffentlichungen des Berliner Anvalt-Vereins. 14 Hft.) Berlin. 80.—Berger. Die Stellung d. wilden Kaninchen i. Civil-u. Strafrecht. Neudamm. M, 3.—Biscaro, G. Un caso di uccisione per difesa del pudore muliebre nel medio-evo. Milano, 1901.—Boullay, C. Haute-Cour de justice. Audience du 28 décembre 1898. Plaidoirie pour A. Buffet. Paris.—Braun. Die Tuberkulose iu der Strafanstalt Görlitz (Bl. f. Gefäng. 35 Bd. 5 u. 6 Hft.)—Camassa, P. Dottrina dell'estinzione dell'azione penale. Ostuni.—Carfora, F. I delitti contro il commercio. Roma-Torino, 1901.—Carretto, G. Del furto di elettricità. Roma.—Chiarappa, S. Delle contravvenzioni in ispecie; libro III, codice penale: commento teorico-pratico col sussidio dei lavori parlamentari della dottrina e della giurisprudenza dal 1890 al 1900. Vol. I. Vasto. L. 6.—Conti, U. Se sia applicabile l'amnistia ai reati commessi nel giorno della sua concessione. Napoli. (Estratto dalla Giurispr. Ital., LIII).—Coulon, H. Article 10 du Code d'instr. criminelle. Son abrogation. Enquête. Paris.—Draheim, O. Untreue u. Unterschlagung. (Strafr. Abh. hg. v. E. Beling. Hft. 39). Breslau. 2.—Fliegenschmidt, C. Der Beruf des Aufsehers in den Strafanstalten u. Gefängnissen. Leipzig. 1.80.—Fraenkel, W. Die Delikte der Nötigung, Bedrohung u. Erpressung in ihrem Verhältnis zu einander. Berlin. 1.50.—Fraser, H. Principler and Practice of the Law of Libel and Slander. Third ed. London, 1901. 12 s. 6 d.—Freudenthal, B. Die nothwendige Theilnahme am Verbrechen. (Strafr. Abhandl., hrsg. v. E. Beling. 37 Hft.) Breslau. 4.80.—Friedenreich, H. Die Lehre v. den Kosten im Strafprocess. (Strafr.-Abhandl., hrsg. v. E. Beling. 35 Hft.) Breslau. 3.—Havelock, E. The Criminal. Third edition revised and enlarged. London, 1901.—Heilborn, P. Der Agent provocateur. Eine strafrechtl. Studie. Berlin. 3.—Heimberger. Das landesherrliche Abolitionsrecht. Leipzig, 1901.—Hériard, M. De la distinction du faux en écritures et de l'escroquerie. Angoulême, 1901.—Hofmann, E., v. Lehrbuch d. gerichtl. Medizin. 9 Aufl. b. v. A. Kolisko. 1 Hälfte. Wien. 11.—Hughes, C. Hughes'criminal law; the law of crimes prosecutions defenses and procedure, as determined by

decisions of the courts of last resort in the U. S. and Eng. Indianapolis.—Kalau v. Hofe. Der Vorsitz im Schwurgericht. Berlin, 1901. M. 2.80.—Kitzinger, F. Ort und Zeit der Handlung im Strafrecht. Zugleich e. Betrachtg. der Erscheinungsformen des Deliktes. München. 7.—Kleemann, F. Genesis u. Thatbestand d. Militär-Delikte. Wien. 4.—Kohler, M. Das Verbrechen des unlauteren Wettbewerbs. Gekrönte Preisschrift. (Strafr.-Abhandl., hrsg. v. E. Beling. 32 Hft.) Breslau. 6.—Krohne, C. u. R. Uber. Die Strafanstalten u. Gefängnisse in Preussen. 1 Thl.: Anstalten in der Verwaltg. des Ministeriums des Innern. Im amtl. Auftrage hrsg. Berlin. 36.—Laschi, R. Le Crime financier dans la sociologie criminelle (l'Histoire et le Droit); Précédé d'une introduction expressèment revue pour l'édition française de l'ouvrage, par E. Morselli. Paris.—Lebreton, A. De la provocatiou aux crimes et délits dans ses rapports avec les lois sur la presse. Rennes, 1901.—Libonati, A. Di alcuni principî di riforma legislativa della procedura penale italiana. Napoli, 1901.—Liszt, F. Strafrechtsfälle zum akademischen Gebrauch. 7 Aufl. Jena. 2.60.—Liszt, F. Lehrbuch d. Deutschen Strafrechts. 11 unveränderte Aufl. Berlin. 12.—Lombroso, C. L'anthropologie criminelle et ses récents progrès. Paris, 1901.—Lorenz, E. Das Gesetz v. 16 Jänner 1896 betr. d. Verkehr m. Lebensmitteln u. einigen Gebrauchsgegenständen, m. Erläutergn. 2 Aufl. Wien.—Lutz, F. Der Begriff der Oeffentlichkeit im Reichsstrafgesetzbuch u. in den Strafrechtlichen Nebengesetzen des deutschen Reichs. (Strafr.-Abhandl., hrsg. v. E. Beling. 36 Hft.) Breslau. 1.40.—Martin, E. V Congrès international d'Anthropologie criminelle, tenu à Amsterdam du 9 au 14 Septembre 1901.—Masucci, L. Il codice penale italiano studiato con la guida della storia del diritto, della dottrina, della legislazione comparata, delle fonti e della giurisprudenza. Napoli. 1901.—Moll, A. Aerztliche Ethik. Die Pflichten des Arztes i. allen Beziehungen seiner Thätigkeit. Stuttgart. 16.—Morselli, E. Prof. Il Giuri e le sue assoluzioni in Italia (Estratto dalla Rivista di Medicina Legale e di Giurisprudenza medica, № 7, Anno IV). Siena.—Nagels, L. et G. Meyers. Les lois du jury. 1 vol. Bruxelles, 1901.—Neitenstein, F. Reform on Prison of New South Wales, for the year 1900. Sydney, 1901.—Oppenhoff, F. Das Strafgesetzbuch f. d. D. R. erläut. 14 verb. Ausg. herausgeg. v. H. Delius. Berlin. 18.—Ordine, L. Il contratto di lavoro dei minorenni e le colpe dei genitori. Roma, 1901.—Panizzi, F. Il furto d'erba nei cimetieri. Reggio Emilia, 1901.—Parere della Facoltà di giurisprudenza della R. Università degli studî di Siena a S. E. il Ministro di grazia e giustizia sulle riforme proposte al codice di procedura penale. Siena.—Perrone-Capano, R. L'anarchia dal punto di vista antropologico e sociale. Napoli, 1901.—Pierri, A. La ricettazione secondo il cod. pen. italiano. Napoli, 1901.—Praviel, A. Le patronage des libérés. Toulouse, 1901.—Rauchstein, Ueber die Frage der Schadenersatzpflicht des Verbrechers gegen den Verletzten und der Mittel, durch welche die Entschädigung verwirklicht werden kann. (Bl. f. Gefäng. 35 Bd. 5 u. 6 Heft.).—Riedinger, P. Die Staatsverleumduug (§ 131 R. Str. GB.) (Strafr. Abh. hg. v. E. Beling. Heft. 38) Breslau. 1.40.—Rolland (Le baron de). Principauté de Monaco. Projet de code de procédure pénale élaboré d'après les ordres de S. A. I. le Prince de Monaco. Tome Second. 4 fr.—Rosenfeld, E. Die Geschichte des Berliner Vereins zur Besserung der Strafgefangenen 1827—1900. Ein Beitrag zur Geschichte des preuss. Gefängniswesens u.

des Fürsorgewesens f. entlassene Gefangene. Berlin. 2.50.—R o s e n f e l d, E. Der Reichs-Strafprozess (Guttentag's Sammlung von Lehrbüchern des deutschen Reichsrechtes). II. Berlin. 5.50.—S a m m e l-G u t a c h t e n üb. die Ritual- u. Blutmordfrage v. gebildeten deutschen Männern aller Stände. Cüstrin.—50.—S a n d o n n i n i, G. Dei reati politici in materia d'estradizione. Modena, 1901.—S a n n a-S a l a r i s, G. Una centuria dei delinquenti Sardi. Torino, 1901.—S t o p p a t o, A. L'immunità amministrativa parlamentare nei delitti contro l'onore (Estratto dalla Temi Veneta). Venezia, 1901.—T a m b r o n i, R. Un caso di doppio suicidio trasformatosi in omicidio mancato suicidio. Ferrara.—W i t t i g, M. Reform des Strafrechts u. der Strafrechtspflege. Hamburg. 2 M.—Z i m a t o r e, A. L'avvenire della pena di morte (Estratto dalla Domenica giudiziaria, VI, № 41). Napoli, 1901.—Z u c c a r e l l i, A. Prof. Istituzioni di Antropologia criminale illustrate. Parte I: Caratteri di conformazione dei delinquenti. Napoli, 1901.

A l i m e n a, B. Ancora sul fondamento della colpa penale. (Riv. pen. Vol. LV. fasc. 1.)—A s t o r, J. Le budget des services pénitentiaires (R. pénit. № 9, sept.-déc.).—A u d i f f e r e n t. Quelques considerations sur l'infanticide. (Arch. d'anthr. crim. 97).—B a r, L. Prof. Zur Frage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit des Arztes (G.-S. 60 Bd. 2 u. 3 Hft.).—B r o u a r d e l, P. Prof. Maladies et accidents pouvant simuler l'empoisonnement (Ann. d'hyg. publ. № 1).—B r ü c k m a n n, A. Der Untersuchungsführer. Eine militärstrafprocessualische Studie (G.-S. 60 Bd. 2 u. 3 Hft.).—B ü l o w, v. Schweizerisches und deutsches Strafrecht. (D. J.-Z. 1).—Cusmano, G. Il lavoro del condannato e la colonizzazione interna (Riv. d. disc. carcer. № 12, 1).—D a l l a P o r t a, G. L'opinione sul bandito Musolino (Riv. d. disc. carc. № 12).—D e B l a s i o. Forma geometrica della faccia fra i delinquenti napoletani. (Lombr. Arch. 23 Vol. 1 Fasc.).—D e S a n c t i s, G. L'istruzione e la delinquenza (Riv. d. disc. carcer. № 1).—F e r r i, E. La symbiose du crime. (Arch. d'anthr. crim. № 96).—F r e n k e l, H. Sur le sérodiagnostic du sang humain (Arch. d'anthr. crim. № 96).—G a r n i e r, P. La criminalité juvénile; étiologie du meurtre (Arch. d'anthr. crim. № 96).—G a u t i e r, A. La Réunion de la Société suisse pour la Réforme pénitentiaire et des Sociétés suisses de Patronage (Zürich, Octobre 1901.) Schweiz. Z. f. StrafR. 14 Jhrg. 5 u. 6 Hft.)—G e r l a n d, H. Die systematische Stellung des Privatklageverfahrens im Strafprocess. Eine kritische Studie (G. S. 60 Bd. 2 u. 3 Hft.)—G r o s s. Zur Beweisfrage (Arch. f. Krim.-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.)—H e n d e r s o n, J. Malicious Motive as a Ground of Action (Jurid. Rev. Vol. XIII, № 4).—J a j a, D. Il caso del professore D'Antona davanti al Senato (Riv. pen. Vol. LV, fasc. 1).—J o l l y, P. Les garanties de la liberté individuelle et la proposition de loi de M. Ramel (R. pénit. № 9, sept.-déc.).—J o l l y, P. Observation critique sur l'article 331 du code pénal (R. pénit. № 1).—K l e e, K. Selbstverletzung und Verletzung eines Einwilligenden (Arch. f. Str.-R. 5 Hft.).—K o h l e r, J. Die Fälsche in Dantes Hölle (Arch. f. Str.-R. 5 Hft.).—L e n e l. Zur Deliktshaftung der juristischen Personen (D. J.-Z. 1).—L i s z t, v. Strafrecht und Psychologie. (D. J.-Z. 1).—L o m b r o s o, C. Dopo la cattura del bandito Musolino (Riv. d. disc. carc. № 12).—L o m b r o s o, C. Giuseppe Musolino. (Lomb. Archiv. 23 Vol., 1 Fasc.—L o n g h i, S. L'incendio per lucro e la tutela penale (Riv. pen. Vol. LV, fasc. 1).—L u c c h i n i, L. Giustizia per tutti. A proposito di un nuovo codice di procedura

penale (Riv. pen. 54 Vol. 5 fasc.)—L u m b r o s o, G. Nota per la storia della delinquenza in Sardegna (Lomb. Arch. 23 Vol., 1 Fasc.).—M a n t e u f f e l, v. Wettburreaux und Totalisator in Deutschland (Arch. f. Krim. Anthr. 8 Bd. 1 Hft).—M a n z i n i, V. A proposto del brigante Musolino. Le taglie. (Riv. pen. 54 vol. 5 fasc.).—M a r i a n i. Criminali australiani (Lombr. Arch. 22 Vol. 6 fasc.)—M a x w e l l, M. De quelques cas de responsabilité medicale (Ann. d'hyg. publ. № 1).—M i t t e r m a i e r, W. Die Gefährdung der Sicherheit des allgemeinen Verkehrs. Art. 167 des Vorentwurfs zu einem schweizerischen Strafgesetzbuch, 1896 (Schweiz. Z. f. StrafR. 14 Jhrg. 5 u. 6 Hft.).—M o n t e c h i a r i, A. Bonificazione agraria dell'Agro romano con la mano d'opera dei condannati (Riv. d. disc. carc. № 12).—N ä c k e. Anarchismus und Selbstmord. (Arch. f. Krim.-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.).—N ä c k e. Bericht über den Verlauf des 5 internationalen criminalanthropologischen Congresses in Amsterdam vom 9—14 Septbr. 1901. nebst wenigen darauf bezüglichen allgemeinen und speciellen Randglossen (Arch. f. Krim-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.)—O e t k e r, F. Fragestellung bei Wechsel der Strafgesetze zwischen Begehung und Aburtheilung und bei ausländischem Delikt im Falle des § 4 N. 3 Str. GB. (Arch. f. Str.-R. 5 Hft.).—P a s s e z, E. La loi de pardon et la réprimande. Rapport. (R. pénit. № 1).—P o l l a k. Betrug in Sinnesverwirrung. (Arch. f. Krim.-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.).—P u g l i a. Criminalità collettiva (Lombr. Arch. 22 Vol. 6 fasc.).—R a u c h s t e i n. Der Vollzug der Freiheitsstrafen in den Vereinigten Staaten (Bl. f. Gefängk. 35 Bd. 5 u 6 Hft.).—R i v i è r e, L. L'oeuvre pénitentiaire de la mission intérieure en Allemagne. (R. pénit. № 1).—S c h a f f r o t h, J. Welches ist in den verschiedenen Ländern der Einfluss des Alkoholismus auf das Verbrecherthum und mit welchen Mitteln kann in Betreff der Gefangenen demselben entgegengewirkt werden? (Bl. f. Gefängk. 35 Bd. 5 u. 6 Hft.).—S c h r e n c k-N o t z i n g, v. Die Frage nach der verminderten Zurechnungsfähigkeit, ihre Entwickelung und ihr gegenwärtiger Standpunkt und eigene Beobachtungen. (Arch. f. Krim.-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.).—S c h ü t z e. Der Lebensgang eines Fälschers von Legitimationspapieren und behördlichen Stempeln. (Arch. f. Krim.-Anthr. 8 Bd. 1 Hft.).—S t e n g l e i n, M. Der Untersuchungsführer. Eine Entgegnung. (G.-S. 60 Bd. 2 u. 3 Hft.).—S t o o s s, C. Verbrechen und Strafe kriminalpolitisch untersucht. (Schweiz. Z. f. Str. R. 14 Jhrg. 5 u. 6 Hft.).—T a r d e, G. La criminalité et les phenomènes économiques (Arch. d'anthr. crim. № 96).

V.

Государственное право.

Д е д ю л и н ъ, С. Недостатки порядка отчужденія земель на государственныя и общественныя надобности, съ хозяйственной и правоосновной точекъ зрѣнія. Спб. 1901. Ц. 65 к.—Л ю б а в с к і й, М. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Спб. 1901. Ц. 4 р.— М а т в ѣ е в ъ, А. Же-

лѣзное дѣло въ Россіи въ 1900 г. Спб. 1901. Ц. 5 р.—Мейенъ, В. Натуральная и денежная дорожныя повинности. Спб. 1901.—Рейнке, Н. Очеркъ законодательства Царства Польскаго (1807—1881 г.). Спб. Ц. 1 р. 50 к.

А. Б. Судъ надъ Тифлисскимъ самоуправленіемъ (Право, 1).—А—въ, Вл. Поземельные крестьянскіе вопросы на Кавказѣ (Юр. Газ. № 79).—Вентингъ, Г. Промышленныя картели и законодательная ихъ регламентація (Р. Эк. Об., дек.).—Г. Ал. Къ вопросу о владѣніи крестьянъ надѣльною землею (Суд. Газ. № 48).—Грибовскій, В. Телефонное дѣло въ Россіи (Нар. Хоз., 9).—Д. Н. Къ реформѣ адвокатуры (Суд. Газ. № 46).—Ельтъ, А. Страхованіе рабочихъ въ Финляндіи (Р. Эк. Об., дек.).—Журавлевъ, А. Право городовъ взимать плату за пользованіе бечевникомъ (Право, 47).—Зайденманъ, Л. Аптечная привилегія (Право, 3).—Казанскій, Н. Изъ практики продовольственнаго дѣла въ 1898—99 году (Нар. Хоз., кн. 9).—Корфъ, С., бар. Очеркъ историческаго развитія губернаторской должности въ Россіи (В. Пр. № 9).—Кузьминъ-Караваевъ, В. Проектъ „земскаго управленія“ въ 13 „неземскихъ“ губерніяхъ (Право, 49—52).—Къ исторіи городскихъ выборовъ (Суд. Газ. № 45 и 46).—Лазаревскій, Н. Отвѣтственность казны за должностныхъ лицъ (Право, 2).—Лисенковъ, Г. Министерство народнаго здравія (В. Пр. № 9).—Максимовъ, Е. Приказы общественнаго призрѣнія въ ихъ прошломъ и настоящемъ (Труд. Пом. № 10).—Мижуевъ, П. Очерки благотворительности въ Америкѣ (Труд. Пом. № 9 и 10).—Мижуевъ, П. Замѣтки о техническомъ образованіи въ Германіи и Австріи (Р. Эк. Об. № 11).—Никоновъ, С. проф. Университетскія реформы въ Россіи (В. Пр. № 9).—Органы городскаго самоуправленія и администраціи (Суд. Газ. № 47).—Патронатъ. Очеркъ дѣятельности общества попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ за 10 лѣтъ (Тюр. В. № 10).—Пріютъ арестантскихъ дѣтей въ г. Красноярскѣ (Тюр. В. № 10).—Пѣтуховъ, Е. Дерптскій университетъ въ первый періодъ его существованія (1803—1820) (Ж. М. Н. Пр., 12 и 1).—Сибирскій мировой судья-слѣдователь (Юр. Газ. № 82).—Синяпкинъ, М. Право станичныхъ атамановъ въ области Войска Донскаго избирать мировыхъ судей (Суд. Газ. № 52).—Смирновъ, Е. Изъ новѣйшей исторіи фабричнаго законодательства во Франціи (Нар. Хоз., кн. 10).—Спасовичъ, В. Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 неземскихъ губерній (Право, 1).—Страховскій, И. Современное положеніе и значеніе крестьянскихъ волостей (В. Пр. № 9).—Страховскій, И. Остатки крѣпостнаго права (Право, 5).—Цѣховые старшины и ихъ компетенція (Юр. Газ. № 89).—Чага, А. Къ вопросу о положеніи пришлаго населенія казачьихъ областей, въ имущественно-правовомъ отношеніи (Юр. Газ. № 92).—Шрейдеръ, Г. Къ пересмотру Городоваго Положенія (Нар. Хоз., кн. 9 и 10).—Шрейдеръ, Гр. О городской реформѣ (Право, 50).—Штембергъ, Г. Коммерческое образованіе въ Швейцаріи (Р. Эк. Об. № 11).—Юридическая защита дѣтей (Юр. Газ. № 90 и 91).—Pleader. Къ вопросу объ участіи квартирохозяевъ въ городскомъ управленіи (Юр. Газ. № 78).

Alglave, P. Les assurances contre l'incendie par l'Etat, les provinces ou les villes en Allemagne. Paris. 20 fr.—Balletti, L. La municipalizzazione

dei servizî pubblici in Italia: studio economico-sociale. Varese. L. 1.—Begnadigungsrecht, das Altes u. Neues aus Leben u. Reichstag. Vom Verf. der Schrift „Die Aufgaben des Verteidigers". Berlin. 50.—Bellom, M. Les Lois d'assurance ouvrière à l'étranger. T. 2: Assurance contre les accidents (quatrième partie); Supplément. Paris. fr. 12.—Binding, K. Deutsche Staatsgrundgesetze in diplomatisch genauem Abdrucke. Zu amtl. u. zu akadem. Gebrauche. 1 Heft. Leipzig. 2.60.—Biklé, H. The constitutional power of congress over the territory of the United States. Philadelphia. 2.—Bonnassieux, P. et E. Lelong. Conseil de commerce et bureau du commerce (1770—1791). Paris.—Borsi, U. L'esecutorietà degli atti amministrativi. Torino. 1901.—Bourgeois, E. L'enseignement secondaire selon le voeu de la France. Paris. 3 fr.—Clemens, G. Manual of the law of roads and highways in the state of Kansas. 7 th ed. Topeka. 25 c.—Codice della pubblica istruzione, ordinato a cura di G. Saredo. Vol. III (vol. 2, parte 2) e IV. Torino. 4.50.—Damaschke, A. Aufgaben der Gemeindepolitik. 4 Aufl. Jena. 1.50.—Die Rechtsprechung d. Kgl. Preuss. Oberverwaltungsgerichts i. systemat. Darstellung. Hrsg. von B. v. Kamptz, P. Freytag u. s. w. 1 Ergänz-Bd. von B. v. Kamptz. Berlin. M. 10.—Doemming, A. Die Rechtsstellung des Kirchenpatrons im Geltungsgebiete des allgemeinen Landrechts. Berlin. 80.—Eger, G. Das internationale Uebereinkommen üb. den Eisenbahn-Frachtverkehr, in der Fassung des Zusatz-Uebereinkommens vom 16. VI. 1898 u. in Verbindg. m. dem neuen Betriebs-Reglement des Vereins deutscher Eisenbahn-Verwaltungen gültig vom 10. X. 1901. 2 Aufl. Berlin. 6.—Eger, G. Das Gesetz üb. die Enteignung v. Grundeigenthum vom 11. VI. 1874. Erläuter m. Benutzg. der Akten des königl. preuss. Ministeriums der öffentl. Arbeiten. 1 Bd. 2 Aufl. Breslau. 14.—Ehrlich, S. Arbeiterpensionen m. Staatshilfe. Wien. 6.—Eissert, J. Handbuch f. den Steueramtsdienst. 2 Aufl. 26 Lfg. Wien. 2.—Elliott, A. The Workmen's Compensation Acts. Being an annotated study of the Workmen's Compensation Act, 1897, and the Workmen's Compensation Act, 1900. 2nd ed. London. 7.6.—Entwürfe e. Reichsgesetzes, betr. die Sicherung der Bauforderungen nebst Begründung. Amtliche Ausg. Berlin. 1.50.—Faye, E. Manuel de droit électoral d'après la jurisprudence de la cour de cassation. Paris. 6 fr.—Fischel, A. Das österreichische Sprachenrecht. Eine Quellensammlg., eingeleitet u. hrsg. Brünn. 4.50.—Friedjung, H. Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland, 1859 bis 1866. 1 Bd. 5 Aufl. Stuttgart. 10.—Friedmann, O. Vorschläge zur Umgestaltung des österreichischen Pressrechtes sowie des Rechtsschutzes in Beleidigungssachen. Erstattet in Form e. Gesetzentwurfes m. Begründg. Leipzig. 5.40.—Freuler, H. Die Liquidation der schweiz. Nordbahn u. die Stellung der Aktionäre u. Obligationäre bei derselben. Schaffhausen. 4.—Fuller, S. Carity and the Poor Law. Sonnenschein. Sh. 1.—Germershausen, A. Das Wegerecht u. d. Wegeverwaltung in Preussen. 2 Bd. 2 Aufl. Berlin. 14.—Gumplowicz, L. Das österr. Staatsrecht (Verfassungs-u. Verwaltungsrecht). 2 verm. Aufl. Wien. 10.80.—Guttstadt, A. Die Verbreitung der venerischen Krankheiten in Preussen sowie die Massnahmen zur Bekämpfung dieser Krankheiten (Zeitschrift königl. preuss. stat. Bureaus. Hrsg. v. E. Blenck. XX Ergänzungsheft). Berlin. 2.—Haas, J. Kommentar z. Gewerbegerichtsgesetz i. d. Fass. v. 29 Sept. 1901 nebst 3 Beilagen. 2 verm. u. verb. Aufl. Göttingen. 6.—Halot, A. Traité de la situation légale des étrangers en

Belgique. Paris. 4 fr.—Handbuch d. Unfallversicherung. Die Reichs-Unfallversicherungsges., dargest. von Mitgliedern d. Reichs-Versicherungsamts. Neue Ausg. Leipzig. M. 10.—Heinemann, E. Das Problem der deutschen Börsenreform in rechtlicher u. wirthschaftlicher Beziehung, unter besond. Berücksicht. der Judikatur des Reichsgerichts u. des Oberverwaltungsgerichts. Berlin. 2.40.—Herrmann v. Herrnritt, R. Die Staaatsform als Gegenstand d. Verfassungsgesetzgeb. u. Verfassungsänderung. Tübingen. 1.60.—Herzfeld, J. Die Meklenburg. Verfassung. 1 T. Bis zum landesgrundgesetzl. Erbvergleich. Stuttgart. M. 1.—Higgins, A. The Elements of Agricultural Law. 2nd ed. London. 3.6.—Hoffmann, F. Die Organisation d. Handwerks u. d. Regelung d. Lehrlingswesens auf Grund des Reichsges. v. 26 Juli 1897. Erläutert. 3 Aufl. 4.—Holtze, Dr. Fünfzig Jahre Preussischer Justiz. Berlin. M. 4.—Hue de Grais, Graf. Das Deutsche Reich. Reichsverfassung-Reichsangehörigkeit-Reichstag-Reichsbehörden u. Reichsbeamte-Reichsfinanzen-Elsass-Lothringen (Handbuch des Gesetzgebung in Preussen u. dem Deutschen Reiche). Berlin. 6.—Jourdan, M. De l'intervention des pouvoirs publics en matière d'assistance par le travail. Paris, 1901. fr. 4.—Kindermann, C. Zwang u. Freiheit, ein Generalfaktor i. Völkerleben. Jena. 7.50.—Koehne, C. Die Arbeitsordnungen i. deutschen Gewerberecht. Berlin. 5.50.—Kreibig, J. Staatliche Institutionen f. Lebens-u. Rentenversicherung. Wien. 70.—Laband, P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. 4 Aufl. in 4 Bdn. 1—3 Bd. Freiburg i/B.—La Ruelle, J. de. Législation des chemins de fer. Régime des embranchements particuliers. Paris. fr. 3.—La Chapelle, S., de. Le suffrage universel, ses deux cadres et ses trois modes de scrutin. Guingamp, 1901.—Landolt, C. Die Wohnungs-Enquete in der Stadt St. Gallen vom 29. III bis 30. IV. 1897. Im Auftrage der städt. Behörden bearb. St. Gallen. 4.—Leggi sulla stampa vigenti nel regno d'Italia in base al regio editto 26 marzo 1848, con illustrazioni estratte dalla guida teorico-pratica per gli esami di applicato nell'amministrazione di pubblica sicurezza, compilato dal F. Bufalini. 3 ed. Milano. 80 c.—Loening, E. Grundzüge d. Verfassung d. Deutschen Reichs. 6 Vorträge. Leipzig. 1.25.—Lukas, J. Die rechtl. Stellung d. Parlamentes i. d. Gesetzgebung Oesterreichs und der konstitutionellen Monarchien des deutschen Reiches. M. 5. — Mallarmé, A. Les conseils locaux algériens et la représentation des indigènes. Paris. 3 fr. 50.—Mallarmé, A. L'organisation gouvernementale de l'Algérie. Etude sur son évolution historique, son état actuel et les projets de réforme. Paris. 3 fr. 50.—Mittre, V. Etude comparative de l'ancien et du nouveau texte de l'ordonnance royale du 15 novembre 1846 modifiée par décret du 1-er mars 1901 portant règlement d'administration publique sur la police et l'exploitation des chemins de fer. Paris. 4 fr. — May, T. A Treatise on the Law Privileges of Parliament. London. sh. 45. — Mazzatta, T. Il povero di fronte al Comune. Note e considerazioni sulla beneficenza pubblica. Roma. — Meili, F. Der gesetzgeberische Kampf gegen Schädigungen im Bauhandwerk, in der illoyalen Konkurrenz und im Kreditwesen. Drei Gesetzgebungsfragen beleuchtet. Zürich. 2. — Meyer, L. Grundzüge d. deutschen Militärverwaltung. Zugleich als 2 Aufl. d. gleichnamigen Werkes von R. de l'Homme de Courbière. Berlin. 8.—Meyer, G. Das parlamentarische Wahlrecht. Nach des Verf. Todé hrsg. v. G. Jellineck. Berlin. 16.—Mirelli, F. La giurisdizione e la competenza nel-

l'urto di navi. Napoli, 1901.—Mittelstein, M. Deutsches Binnenschiffahrtsrecht. I Bd. Reichsrechtliche Bestimmgn. 2 Aufl. 2 Lfg. (Leipziger juristische Handbibliothek. Hrsg. v. M. Hallbauer u. W. Schelcher. Bd. 57). Leipzig. 3.—Mohl- R. Lebenserinnerungen 1799—1875. 2 Bde. Stuttgart. 10.—Montet, E. Etude sur le socialisme municipal anglais. Paris, 1901. 3 fr. 50 c. — Müller, v. Die Entwickelung des Ultramontanismus u. seine Stellung zu Deutschland. Kiel. 1.—Mully v. Oppenried, R. Alters-u. Invaliditäts-Sparcasse als Uebergang zur allgemeinen Volksversorgung. Wien. 80. — Meyer, A. Die deutsche Post i. Weltpostverein u. i. Wechselverkehr. Berlin. M. 5.—Parliamentary Debates (The) (Authorised Ed.) 4 th Series. 2 nd. Session of the 27 th. Parliament of the U. K. of Great Britain and Ireland. I. Edward VII. Vol. C. Containing the General Index for the Session of 1901. London. sh. 16.1½.—Pennsylvania. The law of boroughs: a treatise upon the incorporation and government of boroughs, the powers and duties thereof, and the borough officials; by F. Savidge. Philadelphia. 4.—Philippowich, E. Allgemeine Volkswirthschaftslehre. 4 Aufl. (Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart in Monographien. Begründet von H. v. Marquardsen, hrsg. v. M. v. Seydel u. R. Piloty. Einleitungsband, hrsg. v. M. v. Seydel. 3 Abth.). Tübingen. 9.60.—Possanner, B. Das Tabakverschleisswesen i. Oesterreich. Wien. 4.40.— Possaner, B. v. Systemat. Darstellung des österr. Staatskassen-Verrechnungswesens. Wien. 4.80. — Rasp, K. Kommentar z. Unfallversicherungsges. f. Land-und Forstwirtschaft v. 30 Iuni 1900 nebst seinen Nebengesetzen. 2 Aufl. mit besond. Berücksichtig. d. Verhältn. i. Bayern vollständig neubearb. von K. Meinel. München. 7.—Raum, G. History of Illinois republicanism, embracing a history of the present time. Chicago. 5.—Rauchberg, H. Steuererklärung u. Steuerauflage auf d. Gebiete d. direkten Personalsteuern; Oesterreich. Wien. 1.80. — Reichstags-Session, die, 1899—1900. 10 Legislaturperiode. I Session, 2—4 Hft. Berlin. — Réveillère. Autarchie politique. Paris, 1901.—Rodocanachi, E. Les institutions communales de Rome sous la papauté. Paris. 6 fr. — Röll, V. Oesterreichische Steuergesetze. 1 Abt. Grund, Gebäudesteuer, allgem. Steuervorschriften. 5 Aufl. Wien. 8.—Romano, S. Principi di diritto amministrativo italiano. Milano. L. 6. — Roubaud, E. L'organisation du travail. Les employés du commerce et de l'industrie. Marseille. — Rouquet, J. Traité de l'inspection du travail. Paris, 1901. fr. 6. — Sabatini, C. L'avvenire degli Stati nazionali e la dottrina dell'evoluzione politica. Catanzaro, 1901. — Safford, F. and G. Weeler. The Practice of the Privy Council in Judicial Matters. London, 1901. — Santi, R. Principi di diritto amministrativo italiano. Milano, 1901. L. 6.—Saredo, G. La legge sulla amministrazione comunale e provinciale (4 maggio 1898, commentata. 2 ediz. interamente riordinata e posta in relazione con le nuove leggi, la dottrina e la giurisprudenza. Vol. I. Torino. L. 12.—Sartori-Montecroce, T. Beiträge z. österr. Reichs- u. Rechtsgeschichte. 2. Geschichte des landschaftl. Steuerwesens i. Tirol. Innsbruck. 6.40.—Schäffle, A. Ein Votum gegen d. neuesten Zolltarifentwurf. Tübingen. 3.50. — Schwarz, O. u. Strutz, G. Der Staatshaushalt u. d. Finanzen Preussens. Bd. 1: Die Ueberschussverwaltungen. Von. G. Strutz. Lief. 3: Die Eisenbahn-Verwaltung. Berlin. M. 20.—Smilari, A. Assicurazione degli operai nelle imprese di costruzioni edilizie. Roma, 1901.—Sonnemann, L. 12 Jahre im Reichstage. Reichstags-

reden 1871—1876 u. 1878—1884. Festgabe zu seinem 70 Geburtstage. Frankfurt am M. 6.—S o u k o p, R. Compendium der Staatsrechnungswissenschaft in Fragen u. Antworten. Ein Leitfaden üb. diesen Lehrgegenstand zur Vorbereitg. f. die Staatsprüfg. Wien. 4.20. — S t a n e f f, S. Das Gewerbewesen u. die Gewerbebepolitik in Bulgarien. Leipzig. 2.50. — S y b e l, H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Vornehm lich nach den preuss. Staatsacten. 7 Bde. München. 3.50.—T a n c k, W. Das Invalidenversicherungsgesetz vom 13. VII. 1893. Hauptsächlich, was es dem Mittelstande, dem Handwerker u. Landmann gewährt. Meldorf.—40.—T o r n i e r, G. Die gewerblichen Lehrverträge u. der Rechtszustand auf dem Gebiete des Schutzgesetzes f. Lehrlinge. Berlin. 60.—T u z z o l i n o, V. La teorica della responsabilità in rapporto allo stato e alle amministrazioni pubbliche, ai pubblici funzionari e agli amministratori. Palermo.—W a i l l a n t, T. Die Sonntagsruhe i. Elsass-Lothringen bearb. Metz. 2.50. — W e h m e r, R. Die neuen Medizinal-Gesetze Preussens. Berlin. 10. — W e l c k, M. Die Prüfungsordnung f. Aerzte vom 28. V. 1901. Im amtl. Auftrage u. auf Grund. amtl. Materialien hrsg. (Leipziger juristische Handbibliothek. Hrsg. v. M. Hallbauer u. W. Schelcher. Bd. 220). Leipzig. 1.50.—Y o u n g, A. The government class book: a manual of instruciion in the principles of constitutional government and law. New-York ed. 1.05.—Z a c h e r. Leitfaden zur Arbeiter-Versicherung des Deutschen Reichs. Nach dem neuesten Stande der Gesetzgebg. 1901. Berlin. 25.—Z a n t e n, J. Die Arbeiterschutzgesetzgebung in den europäischen Ländern. Jena. 7.

B e l l o m, M. Les Retraites ouvrières en France. Le Referendum de 1901 (R. pol. et parl. № 91, 10 Janv.).—B o u v i e r, E. Etudes et documents sur le Droit public américain (R. crit. d. lég. № 1).—D a r l u, La réforme de l'enseignement secondaire (R. pol. et parl. № 91, 10 Janv.).—E n g e l h a r d t, E. Les réformes en Macédoine: Etude historique et politique (R. d. dr. publ. T. 16, № 5).—G i r a u l t, A. Documents concernant la situation juridique des colonies néerlandaises des Indes et de la Guyane (Bull. d. lég. comp. № 10—11—12).—H o f f m a n n. Die Versetzung eines Richters an eine nichtrichterliche Stelle. (D. J. Z. 1). — H ü b l e r. Die Eheirrung im Grossherzoglich hessischen Hause und das landesherrliche Scheidungsrecht. (D. J. Z. 2).—L a b a n d. Eine staatsrechtliche Erörterung zum Entwurf des neuen Zolltarifgesetzes. (D. J. Z. 1).—L a m o u c h e, L. Etude sur la justice militaire en Serbie. (Bull. d. lég. comp. № 10—11—12).—L e m a y e r, K. Der Begriff des Rechtsschutzes im öffentlichen Rechte (Verwaltungsgerichtsbarkeit) (Z. f. priv. u. öff. R. 29 Bd. 1 Hft.). — L é o n M a r i e, M. De l'avenir du recours pour excès de pouvoir en matière administrative (R. d. dr. publ. T. 16, № 5).—P e t e r s, V. Die Volksversicherung und ihre Fortbildung. (Z. f. Versich. - Wiss. II Bd., 2 Hft.). — P i n n e r. Zur Reform des Börsengesetzes. (D. J. Z. 2). — S c h l u m b e r g e r, d e, P. M-me. La Traite des Blanches (R. philanthr. № 57, 10 Janv).—S é c r é t a n, H. L'assurance-accidents et le chômage abusif (Ann. d'hyg. publ. № 6, déc.).—S i m o n s o n. Das Fürsorgeerziehungs-Gesetz. (Bl. f. Gefängk. 35 Bd. 5 u. 6 Hft.). — S p i e g e l, L. Prof. Das Budgetrecht der Obstructionsära (Z. f. priv. u. öff. R. 29 Bd. 1 Hft.).—T h o m p s o n, J. Power of the general government to protect its officers and to control anarchy (Am. L.-Rev. Vol. XXXV, № 6).—X. M. Du ministère public (R. d. dr. publ. T. 16, № 5).

VI.

Международное право.

Комаровскій, Л. Проф. Гаагская мирная конференція 1899 года. М. ц. 1 р.—Пиленко, А. Право изобрѣтателя. Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ международномъ правѣ. Историко-догматическое изслѣдованіе. Спб. Т. I. ц. 3 р.—Долговъ, А. Свобода открытаго моря по морскому международному праву. (В. Пр. № 10).

Basdevant, L. La Révolution française et le droit de la guerre continentale. Paris.—Bartin, E. Prof. Études de droit international privé. Paris. 7 fr.—Bonfils, H. Manuel de droit international public. 3-e éd. par P. Fauchille. Paris, 1901. fr. 12.—Bray, F., de. Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen u. Denkwürdigkeiten. (1765—1832). Leipzig. 5.—Cordier, H. Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales (1860—1900). T. 2: l'Empereur Kouang-Siu. Paris. 10 fr.—Duboe, E. Le droit de visite et la guerre de course. Notions pratiques de droit maritime international et de législation commerciale. Nancy. fr. 5.—Gillot, L. La révision de la convention de Genève au point de vue histor. et dogmatique. Paris. fr. 8.—Kleen, R. Lois et usages de la neutralité d'après le droit international conventionnel et coutumier des États civilisés. 2 vols. Paris. 25 fr.—Lameire, J. Théorie et pratique de la conquête dans l'ancien droit (Etude de droit international ancien). Paris.—Liszt, F. Das Völkerrecht, systematisch dargestellt. 2 Aufl. Berlin. 9.—Malet, Sir, E. Diplomatenleben. Bunte Bilder aus meiner Thätigkeit in 4 Weltteilen. Deutsch v. H. Conrad. Frankfurt a/M.—Michon, L. Les traités internationaux devant les chambres. Paris. fr. 8.—Pelletier, M. et Vidal-Naquet, E. La convention d'union pour la protection de la propriété industrielle du 20 mars 1883 et les conférences de révision postérieures. Paris. fr. 12.—Recueil nouveau, général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international. Continuation du grand recueil de G. F. de Martens, par F. Stoerk. 2 série. Tomes XXVI, 2 livr, etc. Leipzig. 15.—Schepens, O. Manuel diplomatique et consulaire. Bruxelles. 1 vol. fr. 5.—Vetzel, L. De la contrebande par analogie, en droit maritime international. Paris.

Adler, H. The interpretation of treaties (L. Mag. T. 26).—Aliotti, A. De la règle: le criminel tient le civil en état, en droit international, particulièrement dans les Echelles du Levant (J. d. dr. int. priv. № XI—XII).—Asser, T. Arbitrage International entre les Etats-Unis d'Amérique, partie demanderesse, et la Russie, partie défenderesse. Sentence. (R. d. dr. int. № 6).—Baldwin, S. The part taken by Courts of justice in the development of international law (Am. L.-R. T. 35).—Barclay, Th. De la responsabilité des Etats neutres relativement aux actes de leurs citoyens (R. d. dr. int. № 6).—Craies. Notes sur l'extradition en Angleterre pendant les années 1899 et 1900 (J. d. dr. int. priv. № XI—XII).—Dios Trias, de, J. De la théorie du renvoi devant les tribunaux espagnols (J. d. dr. int. priv. № XI—XII).—Dumas. De l'adultère commis en France par des époux étrangers (J. d. dr. int.

priv. № XI—XII).—Lainé, A. La Conférence de la Haye relative au droit international privé (3-ième Session: 29 mai—18 juin 1900.—Tutelle des mineurs) (J. d. dr. int. priv. № XI—XII).—Nys, E. L'Etat et la notion de l'Etat (R. d. dr. int. № 6).—Rey, F. Le réseau télégraphique sous-marin en temps de guerre (R. gén. d. dr. Int. Publ. № 6).—Salem, R. De l'influence du mariage sur la nationalité de la femme en Turquie (J. d. dr. int. priv. № XI—XII).—Seresia, A. La convention de la Haye du 14 novembre 1896 relative à la procédure civile (R. d. dr. int. № 6).—Takahashi, S. Hostilités entre la France et la Chine en 1884—1885, et étude des lois de neutralité au Japon pendant ces hostilités (R. d. dr. int. № 6).

VII.

Статистика.

Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ. за 15 лѣтъ (съ конца 70 годовъ по 1893 г.). Томъ I. Историко-статист. описаніе 100 поселковъ. Томъ II. 1895—1897. Спб. ц. за 2 т. 1 р.—Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1898 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи Уставовъ Императора Александра II. Изд. М-ва Юстиціи. Въ 3 частяхъ. Спб. 1901.—Статистика Россійской Имперіи. LIII. Урожай 1901 года. Спб., 1901.

Тезяковъ, Н. Къ статистикѣ поврежденій сельско-хозяйственными машинами (В. общ. гиг. и суд. мед., 11).—Фовилль, де, А. Статистика передъ судомъ общественнаго мнѣнія (Нар. Хоз., кн. 10).

Buomberger, F. Die schweizerische Ehegesetzgebung im Lichte der Statistik. Mit 10 graph. Darstellgn. Freiburg.—50.—Körösy, J. Die finanziellen Ergebnisse der Aktiengesellschaften während des letzten Vierteljahrhunderts (1874—1898) 1 Hft. (Publikationen des statistischen Bureaux der Haupt- und Residenzstadt Budapest.) Berlin. 1.50.—Körösy, J. Die Sterblichkeit der Haupt-u. Residenzstadt Budapest in den J. 1891—1895 u. deren Ursachen. Berlin. 4.—Landré, C. Mathematisch-technische Kapital zur Lebensversicherung. 2 Aufl. Jena. 10.—Müller, O. Die Bevölkerungsbewegung im Kanton St. Gallen, unter besonderer Berücksichtigung der bürgerrechts-und konfessionellen Verhältnisse von 1837—1900. Bern.—Schweizerische Statistik. 113 Lfg. 1 u. 2 Bd. Bern. 5.—Statistik des Deutschen Reichs. Hrsg. vom kaiserl. statist. Amt. Neue Folge. 138 Bd. Berlin. 5.—Statistique judiciaire de la Belgique. Bruxelles, 1901. fr. 7.

Cauderlier, G. La loi qui règle les naissances (J. d. Soc. d. Stat. № 1).—Contento, A. Il metodo nella statistica delle mercedi (Arch. giur. 67 vol. 2 fasc.).—Craigie, P. The International Statistical Institute at Buda Pesth. Report on the Proceedings of the Eighth Congress of the International Statistical Institute at Buda Pesth (J. of R. Stat. Soc. 64 Vol. part 4).—Foville, de, A. La statistique et l'opinion (J. of R. Stat. Soc. 64 Vol. part 4).—Ney-

marck, A. L'Institut International de statistique à Buda-Pesth (J. d. Soc. d. Stat. № 11).—Population, La, des Etats Unis de 1790 à 1900, d'après les documents officiels (J. d. Soc. d. Stat. № 12).

VIII.

Изданія законовъ, сборники рѣшеній судебныхъ мѣстъ и административныхъ распоряженій, отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности различныхъ обществъ и учрежденій, справочныя книги.

Бертинскій, О. Уставъ строительный. Съ разъясн. по рѣш. Сената и цирк. М-ва Внутр. Дѣлъ. Спб. ц. 1 р. 50 к.—Бородкинъ, М. Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи. Спб. ц. 2 р.—Дополненіе къ уставу о гербовомъ сборѣ сост. подъ редакціею Л. Базунова. Спб. ц. 50 к.—Зосимовскій, З. Сборникъ законовъ и разъясненій къ нимъ по гражданской строительной части и той дорожной, которая находится въ вѣдѣніи М-ва Внутр. Дѣлъ. IV томъ. 1901. ц. 3 р. 50 к.—Михневичъ, А. и Товстолѣсъ, Н. Сборникъ узаконеній и разъясненій по нотаріальной части. Спб. ц. 3 р. 50 к.

Achilles, A. u. O. Strecker. Die Grundbuchordnung nebst den preussischen Ausführungsbestimmungen m. Kommentar u. systematischer Uebersicht üb. das materielle Grundbuchrecht. 2 Thl. Die preuss. Ausführungsbestimmgn. Berlin. 4.—Adler, L. u. J. Friedlaender. Sammlung v. Entscheidungen zum Handels-Gesetzbuche. XI Bd, № 1901—2148. Wien. 8.80.—Alexander-Katz, P. Gesetz üb. die privaten Versicherungsunternehmungen. Vom 12. V. 1901. Erläutert von A.-K. Berlin. 6.—American and English railroad cases: a coll. of all cases affecting railroads of every kind, decided by the courts of last resort in the U. S., Eng. and Canada; ed. by T. Michie. V. 21. New ser. 5.—American digest: a complet digest of all reported Am. cases from the earliest times to 1896. V. 28, Insolvency—insurance. St. Paul. 6.—Annalen d. kgl. sächs. Ober-Landes-Gerichts zu Dresden. Hrsg. v. Lossnitzer u. Kurtz. General-Register zu Bd. 1—20 unter Mitwirkung v. Wulfert hrsg. v. Rossbach. 1—4 Heft. Leipzig. 2.40.—Armbruster, P. Das badische Ausführungsgesetz zur Grundbuchordnung m. Erläuterungen aus den Regierungsmotiven und Landtagsverhandlungen. 3 Lfg. Tübingen. 1.—Aufsess, Fr. Das Reichsgesetz üb. die Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit m. Anmerkungen (Taschen-Gesetzsammlung f. Justiz. u. Verwaltung, № 18). Leipzig. 3.60.—Bach, E. Baupolizeiordnung f. die Stadt Düsseldorf vom 25. IV. 1806, nebst sonst. bau-u. feuerpolizeil. Vorschriften, Bestimmgn. üb. Gewerbe-, Strassen-u. Wegepolizei etc. 3 Aufl. Düsseldorf. 2.—Bau-Unfallversicherungsgesetz, vom 30. VI. 1900. Mit dem Gesetz, betr. die Abänderg. der Unfallversicherungsgesetze, vom 30. VI. 1900. Dülmen.—50.—Bauordnung f. die Stadt Altona vom 15. XI. 1892 in der 1901 abgeänderten Fassung. Altona.—70.—Bergrecht, das in Anhalt geltende, nebst den erforderlichen Bergpolizei-Verordnungen u. der Verordnung, betr. die Genehmigung u. Unter-

suchung der Dampfkessel. Dessau. 3.—B e r n e w i t z, A. Die Reichs-Gewerbeordnung in ihrer dermaligen Fassung, nebst den damit in Verbindung stehenden Reichs-u. sächsischen Landesgesetzen. 7 Aufl. 2Bd. 9.—B e s t i m m u n g e n zur Erwerbung der juristischen Doctorwürde an allen deutschen Universitäten. Nach amtl. Quellen zusammengestellt. 3 Aufl. Berlin.—B e t z i n g e n, B. Handbuch der Liegenschaftsvollstreckung f. das Grossherzogth. Baden. 2 Lfgn. Tübingen. 8.—B i r k e n b i h l. Das Reichsgesetz üb. d. Angelegenh. d. freiw. Gerichtsbarkeit v. 17 Mai 1898 (Fassung v. 20 Mai 1898). Textausg. m. Anmerk. Berlin. M. 1.60.—B l o c k, M. Dictionnaire de l'administration française. Avec la collaboration de membres du Conseil d'Etat, de la Cour des Comptes, de directeurs et de chefs de service des différents ministères, etc. 3 Supplément de la 4 éd. Paris.—B o l z e, A. Die Praxis des Reichsgerichts in Civilsachen. 24 u. 25 Bd. Generalregister. Bearb. v. M. Lilia. Leipzig. 6.—B u l l e t i n officiel administratif de la Guinée française. 12 vol. Années 1889—1896. 1897—1900. Mesnil.—B u s c h, L. Die preussische Ausführungsgesetze zum bürgerlichen Gesetzbuche u. den anderen Reichs-Justizgesetzen, nebst den zugehör. Verordngn., Ministerialerlassen u. Geschäftsordngn. 2 Ausg. Berlin. 3.—C a l i f o r n i a Notary's manual; cont. the sections of the Cal. codes relating to notaries public: Comp. by a member of the San Franscisco bar. San. Francisco. 1.—C a r p e n t i e r, A. Codes et Lois pour la France, l'Algerie et les colonies. Supplément de 1901. Paris.—C a s t i l l o n, J. Manuel-formulaire de l'enregistrement des domaines et du timbre. 4 éd. Paris. 8 fr.—C o h e n d y, E. Code de commerce et Lois commerciales usuelles, avec des notions de législation comparée. 3 éd. Paris.—C u r t i, E. Sämtliche Entscheidungen des schweizerischen Bundesgerichts in abgekürzter Fassung u. nach Materien geordnet. II Bd. Zivilrechtliche Entscheidgn. 2—4 Lfg. Zürich.—D e y b e c k, K. Das Reichsgesetz üb. die privaten Versicherungsunternehmungen vom 12. V. 1901. Mit Erläuterungen. Leipzig. 2.80—D i c t i o n n a i r e du commerce, de l'industrie et de la banque, publié sous la direction de Y. Guyot et A. Raffalovich. 18 livraison. T. 2: E.-F.-Z. Paris. fr. 5.—D i g e s t o I t a l i a n o. Enciclopedia metodica e alfabetica di legislazione, dottrina e giurisprudenza. Disp. da 465 a 468. Torino.—E l l e, G. Das Invalidenversicherungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. VII. 1899. m. den sämmtlichen im Gebiet der thüringischen Staaten anzuwendenden Ausführungsverordnungen. Eisenach. 2.80.—E n t s c h e i d u n g e n der Gerichte u. Verwaltungsbehörden aus d. Gebiete des Verwaltungs-u. Polizeistrafrechts (einschliessl. d. gesammten Arbeiter-Versicherungsrechts). Hrsg. v. Henle u. Reger. 21 Bd. München. 10.—F e r n o w, A. Ergänzungssteuergesetz. Vom 14. VIII. 1893. Text-Ausg. m. Anmerkgn. u. Sachregister. 3 Aufl (Guttentag's Sammlung preussischer Gesetze. Text-Ausgaben m. Anmerkgn. № 13). Berlin.—F i s c h e r, O. u. W. H e n l e. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. VIII. 1896, nebst dem Einführungsgesetze vom. 18. VIII. 1896. Handausg. m. erläut. Anmerkgn. 5 Aufl. München. 7.—F l e t c h e r. The London Building Act, 1894, and the Amendment Act, 1898. A Text-Book on the Law relating to Building in the Metropolis. 3rd ed. London. 6.6.—F r a n k e n b u r g e r, H. Handelsgesetzbuch f. das Deutsche Reich (m. Ausnahme des Seerechts) nebst dem Einführungsgesetze. Handausg. m. Erläutergn. 2 Aufl. 1 Lfg. München. 1.—F r i t s c h, B. u. L. G r a f H a r t i g. Judicate des Reichsgerichtes, des Verwaltungsgerichtshofes u. des obersten Gerichtshofes in Sachen

des Cultus, des Unterrichtes u. der Stiftungen. 1 Thl.: Cultus. Wien. 6.20.—G a m e laws of the United States and Canada: a compilation of the gunning laws in force in the various states and territories of the U. S. and the provinces of Canada, including 1901 legislation. 6th ed. Bridgeport. 15 c.—G a r e i s, K. Deutsche Reichsgesetze in Einzelabdrucken. IV Bd. (Gewerbeordnung f. das Deutsche Reich. 3 Aufl., nebst allen Verordngn. bis 1. V. 1901. Giessen.—G a r e i s, K. Deutsche Reichsgesetze in Einzelabdrucken. XVII Bd. (Die Unfallversicherungsgesetze (m. Ausnahme des Seeunfallversicherungsgesetzes) vom 30. VI. 1900 (bezw. 5. VII. 1900). Giessen. 1.60.— G a u p p, L. Die Civilprozessordnung f. das Deutsche Reich. Erläutert. 5 Aufl., bearb. v. F. Stein. 1 Bd. Tübingen. 17.55.—G e n e r a l digest; American and English, annot.; refers to all reports official and unofficial. V. 11. New ser. Rochester. New York. 6.—G e s e t z b u c h, bürgerliches, f. das Deutsche Reich nebst dem Einführungsgesetz vom 18. VIII. 1896. Textausg. m. Sachregister. 4 Aufl. (Liliput-Ausgabe. 1 Bd.). Berlin. 1.—G ö t t e, H. Der preussische Testamentsrichter. Ein Handbuch f. Richter, Notare, Referendare u. Gerichtsschreiber. Berlin. 2.60.—H a h n, W. Die Unfallversicherungsgesetze des Deutschen Reiches nebst den Verordnungen, Ausführungsbestimmungen u. Materialien. 1 Bd. Leipzig. 5.60.—H a n d w ö r t e r b u c h der Schweizerischen Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Hrg. v. N. Reichesberg. Band 1, Liefg. 1: Ablösung-Aerztewesen. Bern-Berlin.—H i l l, F. The care of estates; practical questions and plain answers concerning the every-day duties, rights and liabilitees of executors, administrators, trustees and guardians. New York. 1.25.—H i p p e l, V. Gesetz betr. die Dienststellung des Kreisarztes u. die Bildung v. Gesundheitskommissionen vom 16. IX. 1899. Textausg. m. Einleitg., Anmerkgn. u. Sachregister (Taschen-Gesetzsammlung f. Justiz u. Verwaltung. № 17). Leipzig. 2.80.—H u f f c u t, E. The Law of agency, including the law of principal and agent, and the law of master and servant. 2 nd. ed., rev. and enl. Boston. 3.—H u m m e l, H. u. F. S p e c h t. Das Stempelsteuergesetz vom 31. VII. 1895, nebst Ausführungsbestimmungen, dem Erbschaftsteuer-Wechselstempel-u. Reichsstempelgesetz. Kommentar f. den prakt. Gebrauch. 3 Lfg. Berlin. 7.—J o a c h i m, A. Die Gebührenordnung f. Rechtsanwälte, vom 7. VII. 1879, in der Fassung vom 20. V. 1898, nebst den landesgesetzlichen Gebühren-Vorschriften der Bundesstaaten. Auf der Grundlage des Kommentars v. H. Walter erläutert. 4 Aufl. 1 Abth. Berlin. 3.—K a y s e r, P. Gewerbeordnung f. das Deutsche Reich, erläutert. 3 Aufl. hrsg. v. K. Steiniger. Berlin. 5.50.—K o s t e n g e s e t z e, die preussischen. Preussisches Gerichtskostengesetz, Gebührenordng. f. Notare, Gesetz, enth. die landesgesetzl. Vorschriften üb. die Gebühren der Rechtsanwälte u. Gerichtsvollzieher. In der Fassg. der Bekanntmachg. vom 6. X. 1899. Textausg. m. Anmerkgn. Berlin. 1.60.—K o t z e, O. Die Polizei-Gesetze u. Verordnungen d. Regier.-Bez. Frankfurt a. O. 2 Bde. (1 Bd: Allgem. Reichs-u. Landesgesetze; 2 Bd.: Provinzielle u. Bezirks-Verordn.). Berlin. 18.—K r e c h, J. Die Reichsgesetze üb. den Unterstützungswohnsitz, in der Fassung der Novelle vom 12. III. 1894, Freizügigkeit, den Erwerb u. Verlust der Bundes-u. Staatsangehörigkeit, nebst den auf ersteres Gesetz bezügl. landesgesetzl. Bestimmgn. sämmtl. Bundesstaaten. Textausg. m. Anmerkgn. u. Sachregister. 5 Aufl. (Sammlung deutscher Reichsgesetze. Text-Ausgaben m. Anmerkgn. № 8). Berlin. 2.70.—K r o o n, S. Deutsches bürgerliches u. Gewerberecht m. ausführl. Erläuterungen. № 1-4 u.

6-50. Berlin.—L a m y, L. Manuel pratique des transports par chemins de fer. 3-ième édition. Paris. 2 fr. 75.—L e g g e e regolamento sulla emigrazione approvati con regi decreti 31 gennaio e 10 luglio 1901, con annesse le disposizioni del regio decreto 31 gennaio stesso anno circa il rilascio dei passaporti per l'estero. Brescia.—L e g i s l a z i o n e (La nuova) sulla emigrazione e sul rilascio dei passaporti per l'estero: raccolta completa delle leggi, regolamenti ed istruzioni sulla materia, corredata delle altre disposizioni in esse richiamate. Como. L. 1.50.—Le S e n n e, N. Droits et devoirs de la femme devant la loi française. 2-e édition. Paris. 5 fr.—L o e m a n n, H. Das Notariats-u. Katasterwesen des Kantons Zürich. Eine Sammlg. der bezügl. Gesetze, Verordngn., etc, mit Entscheidgn. der Gerichts-u. Verwaltungsbehörden u. Erläutergn. Zürich. 4.50.—L o r e n z, E. Das Gesetz vom 16. I. 1896, R. G. Bl. № 89 ex 1897, betr. den Verkehr m. Lebensmitteln u. einigen Gebrauchsgegenständen, m. Erläutergn. aus den Motiven u. Materialien. Wien. 3.40.—M a c k, W. a n d P. H o w a r d. Cyclopedia of law and procedure. V. 2 (Affidavits to appeals and error). New York. 6.—M a g n u s, C. Die Geschäftsordnung f. die Gerichtsschreiberei der Amtsgerichte vom 26. XI. 1899 m. Erläuterungen. Berlin. 2.70.—M a n u a l e dell'emigrazione; storia, statistica, relazioni, discussioni, testo delle leggi, regolamenti e giurisprudenza a cura del A. Rabbeno. Firenze. L. 3.50.—M e i k e l, G. Bayer. Ausführungsgesetze z. B.G.B., z. C.P.O. u. z. G.V.G. mit Wiedergabe d. citierten Paragraphen, Anmerk., Vollzugsvorschr. u. einem Gesamtregister. 2 Aufl. München. 6.50.—M e n z i n g e r, L. u. J. P r e n n e r. Gewerbegerichtsgesetz in der Fassung vom 29. IX. 1901. Textausg. m. Anmerkgn. München. 2.—M e y n i e u x, E. Guide-Formulaire de la gendarmerie dans l'exercice de ses fonctions de police judiciaire, civile et militaire. Paris. fr. 6.—M i t t e l s t a e d t, J. u. C. Hillig. Das Verlagsrecht. Reichsgesetz üb. das Verlagsrecht vom 19. VI. 1901 m. Erläutergn. Leipzig. 4.—M ü l l e r-Meiningen, E. u. J. P r a g e r. Das Reichsgesetz üb. die privaten Versicherungs-Unternehmungen vom 12. V. 1901. Mit Anmerkgn. Fürth. 3.60.—N ö l l, F. Das Kommunalabgabengesetz v. 14 Juli 1893 nebst Ausführungsanweisung v. 10 Mai 1894, erläutert. 4 Aufl. Berlin. 10.—O d i l o n - B a r r o t et G. B o n n e f o y. Commentaire de la loi du 18 juillet 1901 garantissant leur travail et leur emploi aux réservistes et aux territoriaux appelés à faire leur periode d'instruction militaire. 2 éd. Paris. fr. 2.—O l s h a u s e n, J. Die Strafgesetzgebung des Deutschen Reichs. Textausg. m. Anmerkgn. u. Sachregister zum prakt. Gebrauch. 2 Bd. Strafprozessordnung f. das Deutsche Reich. Berlin. 1.80.—P a n n i e r, K. Die Reichsgesetze üb. das Verlags-u. Urheberrecht vom 19. VI. 1901 nebst dem Literaturübereinkommen zwischen dem Reiche u. Oesterreich-Ungarn. Textausg. m. kurzen Anmerkgn. u. Sachregister. Leipzig. 20.—P a n n i e r, K. Strafprozessordnung f. das Deutsche Reich nebst dem Gesetze, betr. die Entschädigung der im Wiederaufnahmeverfahren freigesprochenen Personen. Textausg. m. kurzen Anmerkgn. u. Sachregister. 7 Aufl. Leipzig. 80.—P a n n i e r, K. Gewerbeordnung f. das Deutsche Reich (Fassung der Bekanntmachung vom 26. VII. 1900), nebst dem Gesetze üb. die Beschlagnahme des Arbeitslohnes, dem Einführungsgesetz f. Elsass-Lothringen u. den wichtigsten Ausführungsbestimmungen. Textausg. m. kurzen Anmerkgn. u. Sachregister. 13 Aufl. Leipzig. 80.—P i e p e r, J. Das Reichsbeamtengesetz vom 31. III. 1873 u. seine Ergänzungen, erläutert. 2 Aufl. (Sammlung deutscher Reichsgesetze. Text-Ausgaben m. Anmerkgn. № 10). Berlin. 4.50.—P o-

m e r o y, C. Codes and statutes of California, as amended and in force at the close of the 34th session of the legislature, 1901. Penal code. San Francisco. 7.50.— P u b l i c General Acts (The) Passed in the 64th Year of the Reign of Her Majesty Queen Victoria and in the 1st Year of His Majesty King Edward VII. Being the Ist. and 2nd Sessions of the 27th Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. London. sh. 3.—R a s p, K. Kommentar zum Unfallversicherungsgesetz f. Land-u. Forstwirtschaft vom 30. VI. 1900 nebst seinen Nebengesetzen. Vollständig neu bearb. v. K. Meinel. München. 7.—R e c u e i l général des lois et des arrêts et Journal du Palais. Repertoire général alphabétique du droit français, publié par A. Carpentier et G. Frèrejouan du Saint. T. 28: Ministère public—Numéraire. Paris.—R e c u e i l général de la législation et des traités concernant la propriété industriele. Publié par le bureau international de l'union pour la protection de la propriété industrielle avec le concours de jurisconsultes de divers pays. Tome IV et dernier. Berne. 12.— R i v i è r e, H. Codes français et lois usuelles. Publication continuée par A. Weiss et Poncet. 30-ième édition. Paris. 28 fr.—S a m m l u n g von civilrechtlichen Entscheidungen des k. k. obersten Gerichtshofes. Hrsg. v. D. Pfaff, J. v. Schey u. V. Krupsky 34 Bd. Wien. 12.40.—S a m m l u n g der f. die Stadt Flensburg erlassenen Polizeiverordnungen. Hrsgn. v. der Polizeiverwaltg. Flensburg. 2.—S a n f t e n b e r g. Die deutsche Krankenversicherung. enth. das Krankenversicherungsgesetz, vom 15. VI. 1883 in der Fassg. der Novelle vom 10 IV 1892 u. der Novelle vom 30 VI 1900, nebst Ergänzungsgesetzen. 2 Aufl. Leipzig.—80.—S c h u t z g e b i e t s g e s e t z, das nebst seinen Ergänzungsgesetzen, sowie der kaiserl. Verordng., betr. die Rechtsverhältnisse in den deutschen Schutzgebieten, u. den Ausführungsbestimmgn. üb. die Ausübg. der Gerichtsbarkeit. Berlin. E. Mittler. 1.75.—S e r v i c i, G. Procedura del fallimento ossia norme pratiche indispensabili ai commercanti ed ai curatori conrichiamo agli articoli dei codici: civile, di procedura civile e penale. Roma. L. 2.—S e u f f e r t's, L. Kommentar zur Civilprozessordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 20. V. 1898, nebst dem Einführungsgesetze dazu. 8 Aufl. 2 Lfg. München. 7.30.—S p e c t a t o r, C o., N. Fire insurance laws, taxes and fees; containing a digest of the statutory requirements in the United States and Canada relating to fire insurance companies and agents, rev. to September 1, 1901. New York. 5.—S t a u b, H. Kommentar zur allgemeinen deutschen Wechselordnung. 4 Aufl. Berlin. 7.50.—S t e n g l e i n, M., H. A p p e l i u s u. G. K l e i n f e l l e r. Die strafrechtlichen Nebengesetze des Deutschen Reiches, erläutert. 3 Aufl. 1 Lfg. Berlin. 4.20.—S t e i n, H. Manuel de bibliographie générale. 1 vol. Paris. 18 fr.—S t r a f g e s e t z b u c h, allgemeines bürgerliches, f. das Königreich Dänemark vom 10. II. 1876, sowie Gesetz, betr. die Behandlg. einiger im allgemeinen bürgerl. Strafgesetzbuch behandelter Verbrechen u. Gesetz. üb. Gewalt gegen schuldlose Personen vom II. V. 1897. Übers v. Rechtsprakt. (Hrsg. von der Red. der Z. f. d. gesamte Strafrechtswissenschaft.) XVI. Berlin. 1.60.—S e u f f e r t. Das Reichsgesetz betr. die Gewerbegerichte vom 29. VII. 1890 in der Fassung vom 29. IX. 1901. Text-Ausg. m. Sachregister. Gr.-Lichterfelde.—50.—T e s t o unico delle leggi sulle tasse di bollo e su quelle in surrogazione aele tasse di bollo e registro, commentato e annotato du C. Michelozzi 2 edizione riveduta. Roma.—U n f a l l f ü r s o r g e g e s e t z f. Beamte u. Personen des Soldatenstandes. Vom 18. VI. 1901. Berlin.—20.—V i g n e s, E. Manuel

pratique et juridique du commerçant et de l'industriel. Paris. fr. 3.50.—Vorschriften, die landesrechtlichen, üb. die Grundbuchführung im Grossherzogt. Baden. Amtliche Ausg. vom Juni 1901. Karlsruhe. 9.—White, J. The penal code of the state Texas adopted at the regular session of the 24th legislature; with addenda, including the 25th, 26th and 27th legislatures, 1901. 2d ed. Austin. 6.—Winter, P. Bürgerliches Gesetzbuch nebst Einführungsgesetz. Für Preussen zusammengestellt unter Einfügg. der sämmtl. preuss. Ausführungsbestimmgn. 2 Ausg. Berlin. 3.—Woedtke, E. Unfallversicherungsgesetz. Kommentar. 5 Aufl. In der Fassg. des Gesetzes, vom 30. VI. 1900 als Gewerbe-Unfallversicherungsgesetz neu bearb. v. F. Caspar. Berlin. 15.—Wohlers, W. Das Reichsgesetz üb. den Unterstützungswohnsitz. erläutert nach den Entscheidungen des Bundesamtes f. das Heimathwesen. 9 Aufl. Bearb. v. J. Krech. Berin. 4.60.—Zimmermann, E. Das Wechselstempelsteuergesetz vom 10. VI. 1869 nebst den Ausführungsbestimmungen des Bundesraths vom 8. III. 1901. Mit Erläutergn. Karlsruhe. 2.20.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Древнее достояніе нашего отечества—Западная Русь, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ событій, находилась подъ иноземнымъ игомъ въ теченіе трехвѣковаго періода времени. Только въ славное царствованіе Императрицы Екатерины II помощь Россіи этой родной окраинѣ могла вполнѣ осуществиться и привела, наконецъ, къ давно желанному возсоединенію Западной Руси съ Русью Московскою.

Съ этого момента, подъ скипетромъ Русскихъ Царей, Западная Русь уже спокойно и твердо ступила на путь свободнаго культурнаго развитія и объединенія съ остальною Россіею.

Въ память этого знаменательнаго дѣянія Великой Монархини, Его Императорскому Величеству благоугодно было 9 февраля 1899 года Высочайше соизволить на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ, какъ центрѣ края, памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, *„какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутаго отъ нея Бѣлорусскаго края“*.

Такое Монаршее соизволеніе открыло всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это общерусское дѣло, въ которомъ дорогъ не одинъ рубль, а дорога и каждая копѣйка, присланная со всѣхъ концовъ нашего обширнаго Отечества, какъ дань священной памяти Великой Радѣтельницы Русской земли.

Стоимость памятника опредѣляется въ 165—170 тысячъ руб., изъ коихъ недостаетъ еще тысячъ пятьдесятъ. Поэтому Комитетъ настоящимъ объявленіемъ доводитъ объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія и проситъ, особенно Редакціи періодическихъ изданій, принять живое участіе въ дѣлѣ сбора пожертвованій на сооружаемый въ г. Вильнѣ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Пожертвованія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни были, могутъ быть сдаваемы въ любое Казначейство, или, по желанію жертвователей, высылаемы непосредственно въ Комитетъ по постройкѣ памятника, въ г. Вильну.

Предсѣдатель Высочайше учрежденнаго Комитета, Виленскій Губернаторъ, Почетный Опекунъ, **В. фонъ Валь.**

Дѣлопроизводитель Комитета **А. Виноградовъ.**

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ)

въ 1902 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1902 г.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,—при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—**по 5 рублей въ годъ.**

За **перемѣну адреса** уплачивается 1 рубль.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Отдѣленія конторы: въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПБургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр., уголъ Садовой, № 50—16. 2) И. П. Анисимова, Гостиный дворъ, № 14; 3) „**Новое Время**" А. С. Суворина, Невскій, 40; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20; 5) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе. Невскій пр., 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр., 46; 7) Книжный магазинъ „Юридическая Помощь", Кабинетская, 20.

Въ Москвѣ: 1) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская; 2) И. К. Голубева, Покровка, домъ церкви Іоанна Предтечи.

Въ Кіевѣ: 1) П. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33; 2) А. И. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „Петербургскомъ Книжномъ складѣ", Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) Н. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Распопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Іогансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ, № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Полтавѣ: Перельцвейга, Александровская.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинс

Къ сему № прилагаются каталоги: 1) Книжнаго магазина „Юридичес ратуры" Чичинадзе и 2) Книгоиздательства и книжнаго склада „Юридическая Помощь".